Белгородский государственный национальный
исследовательский университет

КЛАССИЧЕСКАЯ
И ВИЗАНТИЙСКАЯ
ТРАДИЦИЯ
2017

Белгород 2017

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное автономное образовательное
учреждение высшего образования
«Белгородский государственный национальный
исследовательский университет»

КЛАССИЧЕСКАЯ И ВИЗАНТИЙСКАЯ ТРАДИЦИЯ. 2017

Сборник материалов XI научной конференции

Белгород 2017

УДК 94(37/38):94(495)
ББК 63.3(0)32+63.3(0)4-91
К 47

Ответственный редактор:
Н.Н. Болгов, д.и.н.

К 47 **Классическая и византийская традиция. 2017:** сборник материалов XI научной конференции / отв. ред. Н.Н. Болгов. – Белгород: ИД «Белгород» НИУ «БелГУ», 2017. − 493 с.

ISBN 978-5-9571-2444-3

В настоящее издание вошли материалы XI научной конференции, проведенной кафедрой всеобщей истории Белгородского государственного национального исследовательского университета 1 октября 2017 г. Среди авторов сборника – начинающие ученые, аспиранты и студенты, работающие в русле научного направления «Классическая и византийская традиция». Книга может быть полезной всем, кто изучает проблемы античной и византийской истории и культуры.

В сборник также вошли материалы научно-практического семинара «История в зеркале художественной литературы», новые переводы источников и материалов, хроника научных событий и другие материалы.

УДК 94(37/38):94(495)
ББК 63.3(0)32+63.3(0)4-91

ISBN 978-5-9571-2444-3

XI НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «КЛАССИЧЕСКАЯ И ВИЗАНТИЙСКАЯ ТРАДИЦИЯ»

7 октября 2017 г. на историко-филологическом факультете НИУ «БелГУ» прошла XI научная конференция для студентов, аспирантов и молодых учёных «Классическая и византийская традиция – 2017», собравшая как начинающих, так и более опытных исследователей из Белгорода, Москвы, Тулы, Ростова-на Дону и Воронежа.

На пленарном заседании было рассказано об итогах работы в направлении классических исследований за прошедший год. Были намечены планы научного направления и кафедры на будущее.

В 2017 году в рамках научного направления продолжилась системная научно-исследовательская работа. Было защищено три кандидатские диссертации (Олеся Головина, Антонина Кобзева, Юлия Чуева), проведена Вторая историко-археологическая школа в Армении, Первая всероссийская школа молодых ученых по византологии, прошел весьма удачный сезон античных археологических экспедиций (Китейская экспедиция, ВКАЭ).

Данным научным направлением продолжает заниматься новое поколение студентов и аспирантов. В аспирантуру поступили Наталья Третьякова, Мария Руднева и Федор Суслов.

Новыми магистрантами стали Светлана Бабаян, Светлана Плужник, Наталья Кривко, Оксана Бузанакова и др. Студенты 1 и 2 курсов начали активную научно-исследовательскую работу.

В 2017 г. были организованы и проведены традиционные ежегодные научные и научно-практические конференции «Художественная литература по истории», «Белгородский диалог» (ряд секций), «Археологический сезон - 2017», «Мой мир – моя история», «Славные даты года», «Путешествие в античность и Средневековье».

Студенты, аспиранты, преподаватели приняли участие в ряде всероссийских и международных научных конференций, подготовили ряд публикаций.

На заседаниях секций были представлены доклады по различной тематике. Они охватывали период истории античной и раннесредневековой цивилизации от строительства дворцов на Крите до начала зарождения феодальных государств на территории Западной Европы. Участники представили результаты своих изысканий, а слушатели смогли получить ответы на интересующие их вопросы.

2017 год – это год юбилея основателей нашего научного направления – Евгения Александровича и Натальи Владимировны Молевых (ныне живущих и работающих в Нижнем Новгороде). Наша работа в этом году – еще один скромный цветок в праздничный венец юбилярам.

Н.Н. Болгов, М.Ю. Лопатина

СТАТЬИ

ПЕРИОД НОВЫХ ДВОРЦОВ КРИТА: ПРИЧИНА ОТСУТСТВИЯ ДВОРЦОВЫХ УКРЕПЛЕНИЙ

В.Ю. Скирченко

В статье рассматривается история развития Новых дворцов минойской цивилизации. Уделяется внимание основным гипотезам проблемы отсутствия на острове дворцовых укреплений в рассматриваемое время.

Ключевые слова: Крит, Минос, дворцы.

THE PERIOD OF NEW CRETE PALACES: THE CAUSE OF ABSENCE PALACE STRENGTHS

V.Yu. Skirchenko

The article considers the history of development of the New Palaces of the Minoan civilization. Attention is paid to the main hypotheses of the problem of absence of palace fortifications in Crete at the considered time.

Key words: Crete, Minos, palaces.

В результате сильного землетрясения, следы которого заметны почти во всех частях острова, около 1700 г. до н. э. погибли старые дворцы Кносса, Феста и Маллии. Восстановить дворцы сразу было не под силу, т.к. разрушение оказалось достаточно серьезным; дворцовые руины были засыпаны, и над ними, на порядок выше, были воздвигнуты Новые дворцы. В новых дворцах в основных чертах был сохранен план и использованы некоторые не разрушенные фундаменты Старых дворцов; это свидетельствует о том, что в развитии критской культуры не было резких изменений или длительных перерывов. Поэтому представляется неубедительным мнение некоторых исследователей, считающих, что между гибелью Старых дворцов и началом строительства Новых прошло около столетия. Ничто не подтверждает столь длительного перерыва. Высокая культура периода Новых дворцов, гибель которых относится примерно к 1500 г. до н.э. не могла бы достичь такого совершенства и создать столько замечательных произведений искусства за одно столетие. Какой-то период после разрушения дворцы оставались в развалинах, но, несомненно, уже в XVII в. до н.э. началось строительство Новых дворцов, являющихся наивысшим достиже-

нием критской архитектуры и наилучшим выражением ее особенностей.[1]

Новые дворцы, как и Старые, пережили несколько строительных периодов. Особенно значительные перестройки были произведены где-то около 1600 г. до н.э., после очередного разрушительного землетрясения. Однако вряд ли следует рассматривать дворцы XVII в. до н.э. как самостоятельные, обособленные от последующих. Из четырех больших дворцов Крита — Кносса, Феста, Маллии и Като-Закро — первый исследован наиболее полно; довольно удачная, хотя и не во всем бесспорная его реконструкция, предпринятая Артуром Эвансом, воссоздает отдельные помещения дворца. Благодаря этому он производит значительно более внушительное впечатление, чем дворцы Феста и Маллии, от которых сохранились лишь нижние части стен. В этот новый период своего существования Кнооский дворец заметно превосходит по размерам и богатству другие дворцы Крита.[2] Очевидно, теперь происходит окончательное подчинение всего острова власти кносских правителей, воспользовавшихся ослаблением других центров после катастрофы. Этот процесс, сохранившийся в памяти потомков, нашел отражение в позднейшем мифе о том, что на Крите правили три брата, сыновья бога Зевса — Минос, Сарпедон и Радамант, из которых первый, изгнав братьев, захватил их владения и подчинил себе весь остров. Объединение Крита под властью Кносса, подготовленное всем предшествующим периодом его истории, произошло, очевидно, мирным путем и оказало благотворное влияние на развитие ремесла и торговли на острове, на рост его могущества. Именно в этот период Крит становится подлинным хозяином Эгейского моря, основывает поселения на Кикладских островах, на о. Родос и в Милете, на малоазийском побережье. Он находится в тесных отношениях со своими восточными и западными соседями.[3] Правители Кносса обмениваются дружественными дарами с египетскими фараонами; продукция критских мастерских достигает берегов Сирии и Финикии. Но особенно ценились драгоценные изделия искусных ремесленников Крита в соседней Греции, где в этот период начинают развиваться города ахейцев — греческих племен, государства которых через два столетия станут грозным соперником Крита. Пока же, в XVII—XVI вв. до н.э., Крит, объединившийся под властью Кносса, являлся неоспоримым властителем Эгей-

[1] *Зинченко С. А.* Искусство древней Греции. Крит. М., 2002. С. 210.
[2] *Дэбни М.К.* Формирование государства на доисторическом Крите // Вестник древней истории. 1994. № 3. С. 47.
[3] *Соколов Г.И.* Эгейское искусство. М., 1972. С. 100.

ского бассейна, центром могучей морской державы. Созданный в Кноссе Новый дворец был достойным воплощением его мощи.[1]

Особый интерес вызывает дискуссионный вопрос о причинах отсутствия укреплений во дворцах Крита. Проанализировав историографию по данному вопросу, было выдвинуто несколько гипотез.

Когда Артур Эванс приступил в 1900 г. к раскопкам Кносского дворца, он сразу обратил внимание на то, что минойской культуре совершенно чужды мрачные и торжественные мотивы дурных предзнаменований, которыми обычно пронизано искусство всех ранних цивилизаций. К тому же, в отличие от микенских поселений на материке, минойские города, как правило, были лишены защитных укреплений. И вообще минойцы казались более уравновешенным и миролюбивым народом, чем их соседи.[2]

Следует отметить особую роль критских дворцов, тесно связанную с торговлей: дворцы Крита никогда не имели укреплений, почти не встречаются также изображения воинов или каких-либо военных сцен. Эту особенность можно объяснить только тем, что уже в раннее время дворцы Крита располагали мощным флотом, который предотвращал вражеские нападения и охранял торговые суда. Это были низкобортные многовесельные суда известны по изображениям на кикладской керамике, а также по печатям и моделям кораблей из серебра и глины, найденным в погребениях Крита и Киклад. К концу периода старых дворцов судна оснащаются парусами, а неподвижный руль сменяется подвижным.[3]

Отсутствие укреплений позволяет заключить, что представители господствующего слоя не боролись друг с другом за господство одного дворца над другим. Следовательно, надо полагать, что разрушение старых дворцов около 1700 г. было скорее результатом землетрясения, после чего дворцы были восстановлены с еще большим великолепием.[4] Крит вновь вступил в пору расцвета, еще более пышного, чем прежде, - наступил период позднеминойский. Этот новый взлет критской культуры длился до 1400 г. до н.э., когда остров был завоеван ахейцами. О том, что обитатели Крита в позднеминойский период чувствовали себя в безопасности, свидетельствует, прежде всего, почти полное отсутствие укреплений у «Новых дворцов». Это объясняется безусловным преобладанием Крита на море. Воспоминанием о та-

---

[1] *Пендлбери Дж.* Археология Крита. М., 1950. С. 385.
[2] *Evans A.* The Palace of Minos. London: Macmillan and Co., Ltd, 1928. P. 139.
[3] *Кузищин В.И.* История Древней Греции. М., 2003. С. 214.
[4] *Лосев А.Ф.* Мифология греков и римлян. М., 1996. С. 87.

ком преобладании является греческая традиция о «талассократии», морском владычестве царя Миноса.[1]

Таким образом, можно сделать вывод, что первые постройки в Кноссе возникли, как мы уже знаем, около 2000 г. до н.э. Весь дворцовый комплекс сложился окончательно около 1600 г. до н.э. когда он занимал наибольшую территорию. Но и после этого продолжались различные достройки и перестройки. В период расцвета критяне чувствовали себя в полной безопасности от нападения с моря, и поэтому уже не строили крепостных стен вокруг города и дворца.

МЕАНДР САМОССКИЙ (HDT., III.120-127): К ДОСТОВЕРНОСТИ СЮЖЕТА ГЕРОДОТА

Н.В. Беличенко (Ростов-на-Дону)

В статье рассматривается легенда о смерти Поликрата Самосского, поднимается проблема достоверности сюжета Геродота. Определяется роль в событиях Меандра Самосского и влияние на остров сатрапа Сард Орета.

Ключевые слова: Самос, тиран, Меандр, остров, сатрап.

MAEANDRIUS OF SAMOS (HDT., III.120-127): TO THE RELIABILITY OF HERODOTUS' PLOT

N.V. Belichenko (Rostov-on-Don)

The paper considers a legend of the death of Polycrates of Samos and raises a problem of the reliability of story by Herodotus. There are determined a role of Meander Samos in this events and an influence of satrap Oroetus of Sardis on the island.

Key words: Samos, tyrant, Maeandrius, island, satrap.

Несмотря на огромное количество трудов ученых, изучавших различные аспекты и события истории Греции, даже и сейчас можно найти и сюжеты, и исторические персонажи, преданные забвению. Одним из них является Меандр, тиран острова Самос, оставшийся в тени своего более известного и, несомненно, более яркого предшественника Поликрата.

Забвение Меандра можно объяснить не только его не особо богатым на события правлением, но и скудостью источников. Единственным источником, в котором упоминается его правление, до

---

[1] *Бокиш Г.* Дворцы Крита // Вестник древней истории. 1974. № 8. С. 18.

сих пор остается «История» Геродота. Однако Геродот, являясь «отцом истории», в то же время, им не был, так как не анализировал критически полученную в своих путешествиях информацию, а лишь передавал на своих страницах различные легенды. Одной из этих легенд и было повествование о Меандре.

В истории, описанной Геродотом, Меандр первоначально предстает перед нами как один из приближённых к тирану Поликрату, отправленный им послом к сатрапу Сард Орету (Hdt., III.123). По легенде этот сатрап запросил политического убежища на Самосе, и в качестве оплаты обещал отдать половину своей «несметной» казны[1]. Именно для ее проверки и оценки и был отправлен Меандр, который был «коварно» обманут, приняв нагруженные в сундуки камни, сверху засыпанные золотом, за действительно огромные сокровища. Прибывший в Сарды через некоторое время Поликрат был обманом схвачен и посажен на кол (Hdt., III.125), а Меандр вернулся на Самос, где и стал править. Легенда о смерти Поликрата, переданная нам Геродотом, перекочевала в труды современных авторов, таких, как Г. Берве[2] или М.Ю. Лаптева, которые восприняли её без всякой критики. Но есть и ученые, критически относящиеся к этой легенде. Известные англоязычные историки Джозеф Ройсман и Генри Шипли, подвергли тщательному анализу этот исторический сюжет и его главное действующее лицо.

Геродот, передавая эту легенду, если не прямо, то намекает на то, что Меандр был всего лишь «глупым», заурядным правителем, и все события, начиная от смерти Поликрата и заканчивая вторжением спартанцев на Самос – это всего лишь проявление его неспособности к правлению. Совершенно другую позицию заняли ранее упомянутые Д. Ройсман и Г. Шипли, утверждающие, что Меандр играл не последнюю роль во всех произошедших событиях. Используя различные косвенные источники, они изучили различные аспекты геродотовской истории.

Изучая их труды, можно создать достаточно четкую картину происходящего как на Самосе, так и в самой Персии, оказывавшей огромное влияние на островные события. Первое появление Меандра приходится на момент смерти Поликрата, убитого соседним сатрапом Оретом. В это же время в Персии после окончания правления царя Камбиза начинается период смуты. Сатрап Сард был, по мнению Ройсмана, «амбициозным» человеком и строил далеко идущее планы

---

[1] *Лаптева М.Ю.* У истоков древнегреческой цивилизации. Иония в XI-VI вв. до н.э. СПб.: ИЦ «Гуманитарная Академия» 2009. С. 354.

[2] *Берве Г.* Тираны Греции. Ростов-на-Дону: Феникс, 1997. С. 137.

либо по выходу из-под верховной власти «царя царей», либо по переходу на полувассальное положение. Это отчасти подтверждается его завоевательным походом на соседнюю сатрапию Митробата и убийством посланника Дария (Hdt., III.126).

В литературе, относящейся к истории Персии, можно найти утверждение и часто используемый «факт», что тиран Поликрат был союзником царя Камбиза и в подтверждение тому, обычно, приводится известный эпизод отправки 50 триер в помощь во время его египетского похода (Hdt., III.44). Не разрушая полностью эту концепцию, Д. Ройсман и Г. Шипли все же ставят под сомнение продолжение союза после вторжения на Самос спартанцев, которому не была оказана поддержка со стороны персов. В свою очередь, они настаивают на том, что в сложившихся условиях, после разорения острова, у Поликрата, который своими морскими набегами контролировал все Эгейское море, был лишь один выход: искать помощи у мятежного сатрапа.[1]

Орету, идущему на конфликт с центральной властью, было необходимо обезопасить свой тыл союзом с Поликратом. Таким образом, «огромные сокровища» предназначались именно как экономическая помощь или дар новому союзнику. Как аргумент, Ройсман приводит состав свиты Поликрата, прибывшей с ним в Сарды, включавшей в себя знатных аристократов и множество рабов. Такое посольство больше походило на дипломатический визит, чем на спасательную миссию. Такая версия, впрочем, подвергается критике из-за последующего позднее убийства Поликрата.

Однако Д. Ройсман находит достаточно логичный ответ. Дело в том, что незадолго до поездки в Сарды к Поликрату прибыли бежавшие из Персии богатые лидийцы, которых он «подло» убил и ограбил. Такой поступок не мог не изменить взглядов на союзничество. Орет решает изменить стратегию. Вместо создания с Самосом альянса сатрап, осознавая шаткость и неустойчивость текущей власти Поликрата (после вторжения спартанцев), решает поставить остров не только в финансовую, но и в политическую зависимость, заменив Поликрата на человека из его близкого окружения, которым и стал Меандр. Подтверждение этой версии Ройсман находит в одном эпизоде легенды: «Его отговаривали жрецы и друзья, его дочери приснился сон с дурным для отца предзнаменованием, но царь не внял предупреждениям. В последний момент, когда он поднимался на корабль, дочь снова заклинала его не

---

[1] *Shipley G.* History of Samos 800-188 B.C. Oxford. 1987. P. 104.

ехать в Сарды» (Hdt., III.124). Странное поведение друзей и дочери, которые трудно объяснить лишь сном, он объясняет существованием на острове двух противоборствующих партий: про-Камбизовской и про-Оретовской[1].

Такой анализ геродотовского сюжета меняет представление о роли самого Меандра. Получается, что Меандр не был «обманутым и глупым» посланником, а был одним из заговорщиков, стремившихся свергнуть Поликрата. Дальнейшее правление Меандра на острове подтверждает эту теорию. В 520 г при поддержке войск персидского военачальника Отана брат Поликрата Силосон, находившийся после изгнания с острова при дворе Камбиза, захватывает власть. Таким образом, центральная власть в лице Силосона окончательно устанавливает контроль над островом.

ОСОБЕННОСТИ ПРОГРЕССИРУЮЩИХ ТРЕНИРОВОК В АНТИЧНОЙ ГРЕЦИИ

Р.Д. Каменев

В статье на основе анализа письменных источников рассматриваются особенности прогрессирующих тренировок в античной Греции. Автор попытался исследовать данный вопрос на примере древнегреческого спортсмена Милона Кротонского, который усовершенствовал комплекс общепринятых в Греции упражнений для развития силы.

Ключевые слова: Древняя Греция, физическое воспитание, олимпийские чемпионы.

FEATURES OF THE PROGRESSING TRAININGS IN ANTIQUE GREECE

R.D. Kamenev

The article is based on the analysis of written sources features of the progressing trainings in antique Greece. The author tried to investigate this question on the example of the Ancient Greek athlete Milon of Kroton, who improved a complex of the standard exercises in Greece for development of force.

Keywords: Ancient Greece, physical training, Olympic champions.

На протяжении тысячелетий физические возможности человека играли огромную роль в его жизни. В особенности это относится к

---

[1] *Roisman J.* Maiandros of Samos // Historia: Zeitschrift für Alten Geschichte Vol.34. No.3. 1985. P. 257.

спортсменам, тренировочный процесс которых с течением времени сильно изменялся и модернизировался. Чтобы понять суть современных тренировок, стоит изучить их элементы в прошлом.

История мирового спорта имеет богатейшую историю и представляет огромный интерес для исследователей. В развитии физической культуры Древняя Греция сыграла большую роль и дала базу для развития многих видов спорта. Физическое воспитание в Древней Греции развивалось как составная часть античной культуры. Ещё в условиях родового строя греки уделяли ему, а также различным соревнованиям, огромное внимание. Сила, ловкость, выносливость, храбрость ценились очень высоко, так как это в значительной мере повышало профессионализм воинов[1].

Исходя из своих религиозных представлений, греки считали, что и богам нравится физическая сила, вследствие чего посвящали им спортивные соревнования атлетов и использовали некоторые виды в культовых действиях. Благодаря развитой культуре греков, до нас дошли имена великих спортсменов античности и некоторые элементы их тренировок, представляющие интерес для современных спортсменов.

Ярким примером такого спортсмена может служить Милон Кротонский, живший в VI в. до н.э. Помимо тех упражнений, которые считались общепринятыми для развития силы, Милон включил в свой тренировочный процесс изобретённое им правило – ежедневно обносить вокруг городской стены подрастающего телёнка, покуда он не превратится во взрослого быка (Iamblich. Vit. Pyth. XXVII. 25).Этим способом, Милон Кротонский поднялся до статуса легендарного силача, сравнимого с мифологическими героями. В общей сложности ему удалось завоевать 31 громкую победу в Олимпии, Немее, Дельфах и на Истме, чего не удавалось самым прославленным олимпийцам древности.

Павсаний, оставивший после себя великолепное описание Олимпийского праздника, единственного дошедшего до нас сочинения, так объемно и ярко передающего олимпийские события, утверждает: Милон был шестикратным победителем Олимпиад. «Статую Милона, сына Диотима из Кротона, изваял Дамей, тоже родом кротонец. У Милона было в Олимпии шесть побед в борьбе, из них одна в состязании мальчиков» (Paus. Desct. Hel. VI. 14, 5).

Современник Милона, известнейший поэт Симонид Кеосский, живший за счет прославления атлетов и оставивший после себя много-

[1] *Крестовников А.Н.* Очерки по физиологии физических упражнений. М., 1951. С. 267-272.

численные эпиграммы, утверждает: «Милона славного эта прекрасная статуя, в Писе семь одержал он побед и поражений не знал»[1].

Также комплексный тренировочный процесс включает в себя особый режим и рацион питания для атлета. Не так давно канадский профессор Александр Янг, занимающийся проблемами «олимпизма» древнего мира, сообщил на заседании Олимпийской академии, что дневной рацион Милона Кротонского состоял из 9 кг мяса, такого же количества хлеба и около 10 литров вина! Об этом же упоминает и Симонид Кеосский[2]. Его основные гастрономические подвиги изложены в «Пирующих софистах» Афинея (Ath. Deipnos. III. 44). Прожорливость Милона можно было бы расценить как чисто анекдотическую черту. Но думать так — значит упустить из виду важнейший аспект этого персонажа, связанный с его социальным положением и с той ролью, которую он играл в истории своего города: мы имеем в виду гераклический характер Милона[3]. Милон Кротонский, как рассказывает Феодор из Гиераполя в книге «О состязаниях» (FHG. IV.513), съедал двадцать мин мяса и столько же хлеба, а вина выпивал три кувшина. В Олимпии он взвалил на плечи четырехгодовалого быка, пронес его через весь стадион, а потом разделал его тушу и съел в одиночку за один день.

Элементы данного тренировочного подхода имеют место и в современном спортивном мире. Упражнения с переноской живого быка можно отнести к одной из составных частей «прогрессирующих тренировок», суть которых заключается в следующем: по мере адаптации мышц к физическим нагрузкам, эти нагрузки должны расти, т.е., должны увеличиваться рабочие веса. Если периодически не увеличивать рабочие веса, то сам тренинг теряет смысл, так как мышцам часто нужны предельные нагрузки не только для увеличения силы, но и для роста мускулатуры[4]. Однако, это не означает, что наращивание большого веса является стремительным процессом, наоборот, вес должен постепенно прогрессировать. Когда вы увеличиваете вес и/или интенсивность, ваши мускулы становятся больше и сильнее, чтобы справиться с нагрузкой. Когда они приспосабливаются к новому уровню требований, вы увеличиваете вес и/или интенсивность своих тренировок, так что ваши мышцы продолжают становиться больше и сильнее.

---

[1] *Чистякова Н.А.* Греческая эпиграмма. М., 1993. С. 52-53.

[2] Там же. С. 52-53.

[3] Священные благовония и пифагорейская кухня / Пер. О. Литвиновой, Е. Широниной. М., 2003. С. 125-127.

[4] Энциклопедический словарь по физической культуре и спорту. Том 2 / Гл. ред. Г.И. Кукушкин. М., 1962. 388 с.

Иными словами, вы прогрессивно увеличиваете требования, предъявляемые к своим мышцам. В спортивной литературе также имеется другое обозначение данного подхода - «конфьюжн», или шокирование мышц. По мере тренировок, организм атлета адаптируется к однообразной тренировочной программе и, чтобы поддерживать рост мышц дальше, организм необходимо постоянно удивлять, шокировать, то есть тренировочные программы следует постоянно менять, когда они уже почти не вызывают никаких прогрессий.

Авторы вышеупомянутых античных источников жили после описываемых событий. В процессе их интерпретации это обстоятельство, естественно, стоит учитывать.

ГРЕЧЕСКОЕ БОЖЕСТВО СМЕРТИ В КОНТЕКСТЕ ОБЩЕЕВРОПЕЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ

А.А. Солдатов

В статье поднимается проблема преемственности образа Танатоса от античной духовной традиции средневековым мировоззрением, рассматриваются основные черты античного образа Танатоса и его функции.

Ключевые слова: Танатос, бог смерти, Античность, Средневековье.

THE GREEK GODSHIP OF DEATH IN A CONTEXT OF EUROPEAN CULTURE

A.A. Soldatow

The article touches upon a problem of succession of the image of Thanatos in the medieval worldview from the ancient spiritual tradition and considers the basic features of the ancient image of Thanatos and his functions.

Key words: Thanatos, the god of death, Antiquity, the Middle Ages.

Танатос (Θάνατος) – это греческий бог смерти; по одной из версий является сыном Земли и Тартара, поскольку, по верованию древних, человек посредством смерти входил в неразрывный и тесный союз с землей и с подземным миром[1], а Гесиод и другие авторы считали, что он является сыном Никты - богини ночи (Arist. 232) и братом Гипноса – Сна (Paus. III, XVIII, 1-3; Verg. Aen. 278; Hesiod. Theog. 212). Как и у прочих древнегреческих богов, у Танатоса имелись свои антропоморфные воплощения.

[1] *Петискус А.Г.* Олимп. Мифология греков и римлян. СПб., 1913. С. 122.

К антропоморфным формам относят: представления Танатоса в виде черного младенца, об этом свидетельствует Павсаний (Paus. V. 1); помимо младенца, смерть представляли в виде сильного мужа с густой бородой, черными крыльями за спиной, одет он в черный балахон - своим грозным видом он напоминает воплощение северного ветра – Борея[1], такая персонификация выражает страх перед смертью. С развитием концепции Элизиума – некой части загробного мира, где обитают блаженные души, и это место является неким раем - смерть уже не воспринимается как нечто ужасное, меняется образ смерти в глазах людей: из сурового, сильного и устрашающего мужчины Смерть становится прекрасным молодым юношей, в воплощение которого греки вкладывали смысл вечного покоя. Он закинул руки за голову, прислонился к дереву, само его положение выражает покой. Это очень интересная персонификация, вместо смерти как воплощения чего-то ужасного, приходит смерть как избавление. Наибольший интерес для исследователя представляет воплощение смерти в виде юноши в черных одеждах, с мечом в одной руке и потухшим факелом в другой.

У Танатоса есть не только антропоморфные воплощения, но и более архаичные, являющиеся отголосками более древних представлений. К ним относят природные воплощения, а именно представление бога смерти в виде черного или порфирного облака, которое окутывает воинов[2], но стоит сделать оговорку, что здесь он представлен не как мифологический персонаж, а скорее как атмосферное явление[3].

Как и прочие боги Танатос обладал определенной, конкретной функцией, а именно - умерщвление человека. В одном из Орфических гимнов, специально посвященном Танатосу, эта функция раскрывается так:

«Услышь меня, О Танатос, чья империя безгранична,
охватывая все смертные племена.
От тебя зависит наше время, твое отсутствие
продлевает жизнь, а присутствие обрывает ее.
Твой вечный сон разрывает прочные скрепы,
благодаря которым держится притягивающая тело душа:
Сон, неизбежный для всех, независимо от возраста и пола,
ибо ничто не ускользает от твоей разрушительной ярости;
Даже молодые, энергичные и сильные, безвременно
умерщвленные тобою, милости получить не могут <…>.

---

[1] Там же. С. 121.
[2] *Vermeule E.* Aspects of Death in Early Greek. California, 1981. P. 39.
[3] Там же. P 41.

Твоя страшная ярость противостоит любым изощренным
просьбам, и никакие клятвы не отменят цель твоей души...
<…>. (Orph. Hymn. LXXXVI).

По поверьям древних именно сам Танатос приносил смерть, а делал он это при помощи уже упомянутого нами меча, которым срезал прядь волос с головы своей жертвы, помимо этого Танатос пил кровь своей жертвы, свидетельство этого мы видим в поэме Еврипида «Алкеста», где Геркулес в своем монологе дает обещание, во что бы то ни стало не дать Танатосу отпить крови Алкесты [Eur. Alk. XV. 851]. Кроме этого, можно предположить, что бог смерти отчасти вобрал в себя элементы более ранних, погребальных обрядов. Так, например, на одной из эпитафий сказано, что подруги погибшей девушки срезают прядь ее волос «железом»[1].

Образ Танатоса в древней Греции неоднократно менялся. Сначала он представлял собой лишь черное облако – эта персонификация является в некоторой степени архаичной, берущей свое начало в более древние времена; после Танатос принял уже антропоморфное выражение в виде грозного мужчины с бородой, от которого веет только смертью и могильной сыростью. Гесиод замечает, что даже боги не любят Смерть: «Сон со Смертью - ужасные боги <…> И богам она всем ненавистна…», поскольку «Из железа душа и в груди беспощадной - Истинно медное сердце. Кого из людей она схватит, Тех не отпустит назад…» (Hes. Theog. 755-765).

С развитием концепции Элизиума смерть изменилась в облике, из грозного устрашающего мужчины Танатос стал хрупким юношей. В знаменитом храме Артемиды в Ионии, на барабане одной из колонн был найден рельеф, на котором в полный рост изображен юноша с крыльями за спиной и мечом на поясе, все эти символы не оставляют нам сомнений, что это греческий бог смерти.

Безусловно, отношение к смерти меняется тогда, когда люди поверили, что после неминуемой гибели они попадут не в темное и мрачное подземелье Аида, а в светлое и красочное место, где их будут ждать давно покинувшие родственники, друзья, знакомые.

Понимание смерти в раннем средневековье заметно отличалось от этого же понимания в Высоком Средневековье. В раннем Средневековье у людей не было как такового страха смерти. Ф. Арьес объясняет это тем, что в их мировоззрении не было концепции «страшного суда», вместо этого было представление о смерти как сне, который будет длиться «до конца времен», до второго пришествия

---

[1] *Чистякова Н.Л.* Греческая эпиграмма. СПб., 1993. С. 89.

Христа, после чего все, кроме наиболее тяжких грешников, пробудятся и войдут в царствие небесное[1]. Стоит сделать оговорку, что эти эсхатологические представления имеют под собой не богословскую, а ментальную основу.

Куда более интересно выглядит представление о смерти в Высоком Средневековье (с XI по XIV вв.): в связи с развитием концепции «страшного суда» смерть стала восприниматься не как сон, а как нечто неотвратимое, что в религиозном сознании людей рисовало страшные образы, которые нашли свое выражение в живописи, фресках, гравюрах и т.д. «Откровение св. Иоанна» сыграло очень важную роль в развитии представления о «Страшном суде» и смерти в целом. В самом же Откровении после снятия Агнцем четырех печатей из семи появляются всадники апокалипсиса: Война, Мор, Голод и Смерть.

Одним из первых образов всадников является их изображение в «Апокалипсисе Сен-Севера» Беата Леибанского, датируемая VIII в. В данной работе смерть представлена юношей, отличительной чертой которого от других всадников является белый конь. Долгое время образ всадника смерти не меняется, например, в XI веке, в так называемом «Бамбергском Апокалипсисе», смерть также изображена в облике юноши с белым конем. В процессе эволюции данный образ изменялся, и впоследствии отличительной чертой смерти от других всадников был не только бледный конь, но и всадник, который стал изображаться в виде скелета. Важной деталью в таком образе смерти является меч. Можно предположить, что это воплощение всадника вобрало в себя элементы Танатоса.

В это время сложились основные аллегорические сюжеты смерти, которые преследовали человека вплоть до XIX в. К подобным можно отнести так называемый сюжет «Трое мертвых и трое живых», который приобрел художественное воплощение в XIII в. Его семантика довольно проста – трое живых и трое мертвых – это одни и те же люди, а крест посреди изображения символизирует разделение между миром живых и миром мертвых. Немалое количество изображений посвящено так называемой Макабре (фр. dance macabre) – пляске Смерти; это средневековый иконографический сюжет, представляющий собой зарисовку танца скелетов с новопреставленными, сопровождаемую стихотворным комментарием[2]. Если говорить о смысловом содержании, то главная мысль довольно проста – смерть настигнет каждого, независимо от пола, возраста, статуса и положения, соб-

---

[1] *Арьес Ф.* Человек перед лицом смерти. М., 1992. С. 111.

[2] *Реутин М.Ю.* Пляска смерти // Словарь средневековой культуры. М., 2003. С. 360.

ственно, как это отображено в «Орфических гимнах». Ярким примером является «Пляска смерти» из г. Клузоне, что в Ломбардии. На ней мы видим, что скелет как аллегория смерти сопровождает каждого, что крестьянина слева - держит за руку, что дворянина справа - держит под руку.

Но наиболее распространенным образом смерти в Средние века все же можно считать жнеца. Жнецом являлся скелет в черном балахоне, в руках он держал либо меч, либо косу, либо трезубец, реже лук со стрелами. Также смерть могла держать или просто носить с собой на поясе песочные часы, которые отмеряли земное время человека[1]. Для этого жнеца Танатос отчасти представляет собой прообраз, который был воспринят христианством и адаптирован под свои нужды. Именно поэтому смерть, как и Танатос, ходит в черных одеждах, за спиной у нее крылья, так же, как и у бога смерти, и он производит действие по умерщвлению определенным предметом (лук, меч, коса, трезубец), все это говорит о преемственности образа смерти из античной духовной традиции.

ОСОБЕННОСТИ ОБРЯДА ИНИЦИАЦИИ ЮНОШЕЙ В ДРЕВНЕЙ ГРЕЦИИ VI-IV ВВ. ДО Н.Э.

О.С. Тюнина

Статья посвящена обрядам инициации юношей в Древней Греции. Автор обращает особое внимание на особенности обряда инициации спартанского общества, описывая каждый этап. Также автор сравнивает обряд инициации спартанцев с аборигенами Центральной Австралии.

Ключевые слова: Древняя Греция, античность, обряд инициации, Спарта, воспитание, аборигены Центральной Австралии.

FEATURES OF THE RITE OF INITIATION OF YOUNG MEN IN ANCIENT GREECE AT THE VI-IV CENTURIES BC

O.S. Tjunina

The article is devoted to the initiation of young men in ancient Greece. The author pays special attention to the special features of the Spartan initiation, describing each its stage. Also, the author compares the initiation ceremony of Spartans with the aborigines of Central Australia.

---

[1] *Клянина Е.Р.* Символы и образы смерти в средневековом искусстве // Гуманитарные ведомости ТГПУ им. Л.Н. Толстого. Тула. 2014. № 3. С. 142.

Keywords: Ancient Greece, antiquity, the rite of initiation, Sparta, education, the aborigines of Central Australia.

Несомненно, спартанские мужчины поражают своей силой и воинственностью. Многие источники указывают на их дисциплинированность и подготовленность. В данной статье хотелось бы выделить особенности обряда инициации юношей в спартанском обществе как сложной системы.

Прежде, чем переходить к рассмотрению особенностей обряда инициации юношей в Спарте, следует разобраться и в самом понятии слова «инициация». Так, инициация – это обряд, совершающийся в родовом обществе при переходе (переводе) кого-либо в иную возрастную, социальную или иную подобную группу[1]. При этом данные обряды осуществлялись задолго до появления античной цивилизации.

Еще в первобытном обществе проводились обряды инициации, связанные с достижением половой зрелости, вступлением в тайные союзы или братства. При этом обряды взросления являлись обязательными для всех участников племени. Как правило, мужские обряды инициации носили, в отличие от женских, групповой характер. Обряды проходили в три этапа: отделение, промежуточный период и восстановление. Первый этап заключался в изоляции подростков. Далее на рубеже между первым и вторым этапом происходила ритуальная смерть, завершавшаяся воскрешением или новым рождением, которое происходило на грани второго и третьего этапа. Смерть в данном случае обозначала конец детства, после чего юноши при возрождении признавались полноправными членами общества[2].

Любое племя имело свои характерные черты обряда инициации. Например, у аборигенов Центральной Австралии до сих пор сохранились древние обычаи, связанные с инициацией. Так, с рождения до юношеского возраста к мальчикам было принято относиться с лаской и заботой, но, когда наступала юность, их изгоняли из поселения, после чего подростки обязывались жить за пределами постоянного места жительства общины, для этого создавались специальные лагеря. При этом им было запрещено как-либо контактировать с женщинами, а при общении со стариками было позволено говорить лишь шёпотом, и лишь тогда, когда к ним обращались.

Так им приходилось жить до определенного дня, когда происходило самое важное событие для молодых австралийцев на пути к

---

[1] *Кузнецов С.А.* Большой толковый словарь русского языка. СПб., 1998.

[2] *Элиаде, Мирча*. Тайные общества. Обряды инициации и посвящения. М.: СПб.: Университетская книга, 1999.

зрелости – обрезание. Но это был лишь один этап обряда инициации. После него юноши надевали на голову отличительную повязку и отправлялись с опытными стариками в длительное путешествие. Заключительным этапом в обряде инициации являлось осуществление надреза полового органа у юных австралийцев вдоль мочеиспускательного канала. Это, в свою очередь, символизировало полноправность юношей[1].

Описанный выше обряд инициации носил крайне жестокий характер, но, тем самым, австралийские аборигены отсеивали слабых духом юношей, при этом, оставляя лишь самых сильных и стойких.

Так, и в спартанском обществе присутствовали свои особенности обряда инициации юношей. Еще будучи младенцем, каждый из спартанцев подвергался обязательному осмотру, который, в свою очередь, совершался старейшинами. И только крепкие и ладно сложенные младенцы могли пройти данный этап. А тех, кто, по мнению старейшин, не являлся таковым, предавали смерти.

Затем маленьких спартанцев, успешно прошедших осмотр, воспитывали в жестких условиях. Но именно благодаря этому, как указывает Плутарх, уже к семи годам они становились неприхотливыми, дисциплинированными, не боящимися темноты и одиночества (Plut., Lykurg. 16). После того, как мальчики достигали семилетнего возраста, они распределялись по отрядам. И с этого момента спартанцы обязывались жить бок о бок с товарищами в так называемых военных лагерях. Надзор над мальчиками, в свою очередь, осуществляли старики.

Необходимо обратить внимание на то, что с каждым годом условия проживания становились всё хуже, а правила - всё строже. Мальчиков коротко стригли, приучали целый год носить один лишь гиматий, ходить босиком, а спать на подстилках из тростника. При этом их питание было совершенно скудным, так как по правилам им было запрещено наедаться сверх меры.

Уже в подростковом возрасте у мальчиков появлялся надзиратель - педоном, который должен был пристально следить за ними и жестоко наказывать нерадивых. Помимо этого, во главе каждого отряда стоял ирен (возмужавший спартанец лет двадцати). Он, в свою очередь, командовал детьми в драках, распоряжался об обеде и также следил за их поведением[2].

Подростковому периоду в Спарте уделяли особое внимание, так как именно в этот период юношам была свойственная тяга к удоволь-

---

[1] *Матюшин Г.Н.* У колыбели истории. М.: Просвещение, 1972.

[2] *Зайков А.В.* Общество древней Спарты: основные категории социальной структуры. Екатеринбург: УрФУ, 2013. С. 56-59.

ствиям и некая расслабленность (Xen. L. Polit. III. 1-2). Поэтому каждый спартанский подросток был обременен большим количеством различных занятий, среди которых было изучение военного искусства, занятия по физической подготовке, охота и т.д.[1].

Хотелось бы отметить, что обучение военному искусству не исключало обучение спартанцев грамоте, музыке и пению. То есть, жители Спарты не были безграмотны. Разумеется, грамоте их обучали лишь в той мере, в какой это было необходимо. Но при этом детей учили говорить так, чтобы «в их словах едкая острота смешивалась с изяществом, чтобы краткие речи вызывали пространные размышления». Не меньше они уделяли внимания и пению. Спартанские песни были способны возбуждать мужество, вдохновлять мужей на подвиги (Plut. Lykurg. 21).

Пропитание юным спартанцам приходилось искать себе самим, из-за чего спартанцам приходилось воровать. Воровство являлось одним из способов обучения спартанцев ловкости и хитрости (Xen. L. Polit. II. 6-9), так как для того, чтобы суметь что-либо своровать для общего стола, было необходимо продумать идеальный план, по которому мальчикам нужно было пробраться на чужой огород и незаметно для всех вынести оттуда продукты.

Можно заметить, что процесс инициации в Спарте носил довольно длительный характер. Но одним из важнейших событий всего обряда инициации являлось последнее испытание спартанских юношей. Оно проходило у алтаря богини Артемиды, близ которого совершалась жесточайшее избиение юношей. По словам Павсания, данное явление несло в себе пережиток человеческих жертвоприношений (Paus. III. 16).

Но на этом воспитание не завершалось, оно осуществлялось и в зрелые годы. Взрослые спартанцы, обучая молодых, всё так же учились у стариков, при этом, хотелось бы отметить, что любой спартанец с уважением относился к пожилым людям[2]. При этом полноправным членом общества можно было стать лишь, достигнув тридцатилетнего возраста.

Сравнив обряд инициации спартанского общества и аборигенов Центральной Австралии, можно выделить некоторые схожие черты. Так, и у спартанцев, и у австралийского племени присутствовал обычай исключения мальчиков из семьи, после чего им приходилось жить

---

[1] *Марру А.И.* История воспитания в античности (Греция). М.: Просвещение, 1998. С. 43-45.

[2] *Гаспаров М.Л.* Занимательная Греция. М.: Высшая школа, 1996.

в специальных лагерях; также чертой сходства является и жестокий характер обряда инициации.

Однако спартанцы имели главную отличительную черту. Несмотря на жестокость обряда инициации у аборигенов, всё же до семи лет мальчики были окружены любовью и заботой. Спартанцы, в свою очередь, жили в строгом порядке всю жизнь. Возможно, именно благодаря этому, спартанцы являлись самым сильным народом своего времени.

ОРГАНИЗАЦИЯ НЕМЕЙСКИХ И ИСТМИЙСКИХ АГОНОВ В ДРЕВНЕГРЕЧЕСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Е.А. Жуковская

В статье на основе анализа письменных источников исследуется организация Немейских и Истмийских агонов. Автор сопоставляет политические аспекты проведения игр, а также характеризует контингент участников.

Ключевые слова: Немея, Истм, агоны, Древняя Греция.

THE ORGANIZATION OF THE NEMEAN AND ISTHMIAN AGONS IN ANCIENT GREEK SOCIETY

E.A. Zhuckovskaya

The article investigates the organization of the Nemean and Isthmian agons on the basis of an analysis of written sources. The author compares the political aspects of the games, as well as characterizes the contingent of participants.

Key words: Nemea, Isthm, Agon, Ancient Greece.

В XXI веке наблюдается общецивилизационный сдвиг, смещение мотивов и ценностей индивидов в общемировом масштабе. Настоящей ситуации способствовала конкуренция, которая в античности проявлялась во внеэкономических сферах в форме агональности. Без анализа агонального фактора невозможно создание целостного представления о сущности культуры в целом, и об особенностях ее формирования, развития и функционирования на современном этапе.

Для исследования мы выбрали Немейские и Истмийские агоны, так как, по-нашему мнению, они наименее исследованы в отечественной историографии.

В греческих играх мужчины выступали как представители городов-государств, и любая слава, которую они выигрывали, принадлежала не только им и их семье, но и их полису. Государства также получа-

ли милость богов, благодаря проведению таких игр. Также подобная награда была обещана тем, кто спонсировал эти игры или был спонсором команд, участвующих в гонках на колесницах.

Покровительство святилищу Посейдона и организацию Истмийских игр осуществлял Коринф. После уничтожения города в 146 г. до н.э. опека над проводившимися в разрушенном санктуарии играми была препоручена Сикиону, но в 44 г. до н.э., одновременно с решением Цезаря отстроить Коринф и вернуть былое значение играм, организация всевозможных торжеств на Истме опять была передана Коринфу[1].

Святилище Посейдона, где проходили Истмийские игры, располагалось вдоль линии важнейшего перекрестка Древней Греции. Истм был расположен на восточной стороне Коринфского перешейка, соединяющей Пелопоннес с остальной частью Балканского полуострова. Следовательно, движение по суше с севера на юг обязательно проходило через Истм. Контролируемое Коринфом, лидером в греческой морской торговле и заморской колонизации в VII в. до н.э., святилище Посейдона было естественным продолжением коринфских интересов и было бы важным местом, даже если бы там не проводились Истмийские игры[2].

Немейские игры впервые проходили в 573 г. до н.э. Ими руководили Клеоны, затем на очень короткий период эта функция перешла к Аргосу.

Расположенная в небольшой долине в предгорьях Аркадийских гор на высоте 333 м над уровнем моря, Немейская долина находится немного в стороне от главного торгового маршрута в восточном и центральном Пелопоннесе. Раскопки показали, что эта долина была болотистая, и поэтому непригодная для проживания до создания дренажной системы.

На основе данных, полученных после раскопок, С.Г. Миллер делает вывод, что Аргос создал в Немее центр атлетического фестиваля практически с нуля в первой половине VI в. до н.э. Несмотря на то, что в долине в XII-XIII вв. были обнаружены признаки активности, нет доказательств того, что Немея имела какую-либо традицию проведения игр. Скорее, Немейские игры были созданы Аргосом на основе существовавшей ранее модели Олимпийских игр в противовес Истмийским.

---

[1] *Бернгард М.Л.* Коринф и Арголида. Варшава, 1986. С. 8.

[2] *Kyle, Donald G., Christesen, Paul*. A Companion to Sport and Spectacle in Greek and Roman Antiquity. Blackwell, 2014. C. 310.

Таким образом, Немейские игры вошли в цикл панэллинских в 573 г. до н.э. и проводились под наблюдением небольшого соседнего города Клеоны, который функционировал как придаток более крупного и важного Аргоса[1].

На рубеже V и IV вв. до н.э. борьба Аргоса, упорно сражавшегося со Спартой за влияние на Пелопоннесе, достигла и Немейской долины. С этого времени организация Немейских игр была перенесена в Аргос и ушла под его полную власть. И скорее всего, именно аргосцы добились того, чтобы местные игры были признаны всеми эллинами.

В 338 г. до н.э., с установлением в Греции господства Македонии, произошло возвращение игр в Немейскую долину. По мнению исследователей, это связано с решением Коринфского конгресса, намеревавшегося подчеркнуть общегреческий характер вновь образованной политической структуры, проводить заседания органов управления Греческим союзом именно во время Панэллинских игр. Правда в 270 г. до н.э. проведение игр снова перемещается в Аргос, и это уже было окончательное перемещение, так как в конце III в. до н.э. Немея подверглась сознательному разрушению со стороны Аргоса, который таким образом устранил конкурента в борьбе за право на проведение этих игр.

Косвенным подтверждением соперничества этих двух празднеств могут служить сведения, полученные от Плутарха: «Нам говорят, что корона победы в Истмии была изменена с соснового на дикий сельдерей из-за ревнивой конкуренции Истмии с Гераклом, что должно быть ссылкой на Немею и Немейские игры» (Плутарх, Моралии 675D-676F, A 235) [2].

Как и на других общеэллинских играх, во время Немейских и Истмийских игр объявлялся «священный месяц» и перемирие[3]. Для приглашения на игры по всем полисам Древней Греции отправлялись посланники (теоретики) группами по шесть человек, прибытие в город теоретика всегда было праздником[4].

К участию как в Истмийских, так и в Немейских играх до V в до н.э. допускались только свободнорожденные граждане эллинского

---

[1] *Miller, Stephen G*. Nemea: A Guide to the Site and Museum. Los Angeles, 1989. С. 18.

[2] Там же. С. 21-22.

[3] *Шарнина А.Б.* Эллинское единство и общегреческие празднества // Мнемнон: исследования и публикации античного мира. № 11, 2011. С. 251.

[4] *Miller, Stephen G*. Nemea: A Guide to the Site and Museum. Los Angeles, 1989. С. 28.

происхождения, не запятнавшие себя пролитой ими кровью, кражей в храме, нарушением клятвы или иным бесчестием. Ни рабы, ни варвары-иноземцы не имели права представлять свой город на играх. Помимо мужей-атлетов к состязаниям допускались эфебы. Согласно традиции, женщинам не разрешалось выступать в состязаниях, за исключением возниц квадриг в Олимпии. Особенностью Истмийских игр было то, что к участию в них не допускались элейцы, а связано это было с тем, что Высший Совет элейских судей в соответствии с законами, изложенными на «Диске Ифита», отклонил личную заявку Периандра на участие в 48-х Олимпийских играх. Властитель Коринфа, для которого в ту пору не существовало запретов, раздосадованный «нелепым», по его мнению, отказом, распорядился организовать у себя собственные Игры. Они состоялись уже через два года. Но теперь Периандр запретил не только участие в них жителей Элиды и представителей её официальных властей, но даже их нахождение на трибунах стадиона в качестве зрителей. Это условие сохранялось на Истмийских играх и при Псамметихе, и при последующих правителях Коринфа (Paus. 6.3.9, 6.16.2)[1].

К началу Немейских игр прибывали тысячи посетителей. Долина была заполнена палатками, ларьками для разносчиков, непрерывным гулом животных и человеческих голосов, дымом от тысячи костров и жертвоприношениями, совершаемыми почти непрерывно у алтаря Зевса[2]. Фестиваль в Истмии также привлекал большое количество людей, предлагал возможности для политических заявлений и предприимчивых софистов и торговцев[3].

Таким образом, мы видим, что возникновение Немейских и Истмийских игр под покровительством Арголиды и Коринфа не было обусловлено чисто религиозными причинами. Крупные торговые города-покровители игр Аргос и Коринф, благодаря проведению агонов, получали большую экономическую прибыль за счёт огромных толп людей, прибывавших посмотреть и поучаствовать в играх. При этом важно подчеркнуть и сакральную сторону вопроса: город, организовывавший игры, по мнению греков, также получал милость богов, как и город, воспитавший атлета-победителя. В позднейшее время существовала даже практика подкупа атлетов, чтобы они выступали за отдельные полисы с целью получить такую славу.

---

[1] *Базунов Б.А.* Кумиры стадионов Эллады. М., 2004. С. 245.
[2] *Miller, Stephen G.* Nemea: A Guide to the Site and Museum. Los Angeles, 1989. С. 36.
[3] *Kyle, Donald G., Christesen, Paul.* Указ. соч. С. 390.

Также важна политическая составляющая проведения агонов, полисы стремились проводить общеэллинские игры для повышения своего престижа и значимости в греческом мире. Переход покровительства над играми к тому или иному центру свидетельствует о росте или падении политического статуса, и если Истмийскими агонами на протяжении всей истории проведения безраздельно владел Коринф, то Немейские игры иллюстрируют смещение баланса политических сил от Клеон к Аргосу и обратно.

На время игр по всей Элладе объявлялось священное перемирие, но соблюдалось оно не так строго, как во время других панэллинских празднеств. Общим также является контингент участников – изначально только свободные греки мужчины могли участвовать в соревнованиях, однако к участию в Истмийских играх не допускались элейцы.

ОБРАЗ ЭВМЕНА ИЗ КАРДИИ У ПЛУТАРХА И КОРНЕЛИЯ НЕПОТА

В.Б. Михайлов (Ростов-на-Дону)

В данной статье проводится сравнительный анализ биографии Эвмена из Кардии в сочинениях двух античных историков. Рассматриваются различные аспекты жизни Эвмена, описание различных исторических событий, связанных с этим персонажем. Показываются различия и сходства историков по разным вопросам.

Ключевые слова: Александр, Эвмен, диадох, македонцы, грек.

THE IMAGE OF THE EUMENES FROM THE CARDIA IN PLUTARCH AND CORNELIUS NEPOT

V.B. Mikhailov (Rostov-on-Don)

This article makes a comparative analysis of biographies of Eumenes from Cardia in the works by two ancient historians. There are considered various aspects of Eumenes' life, descriptions of the different historical events, connected with this character. There are shown the differences and similarities of historians on different issues.

Key words: Alexander, Eumenes, diadochus, Macedonians, Greek.

О завоеваниях Александра Великого, впрочем, как и о самой личности македонского царя, известно довольно много. В частности известно, что Александра сопровождали его верные военачальники – диадохи. О некоторых из них, так же, как и об Александре, нам хоро-

шо известно. Что касается других диадохов, таких как Эвмен из Кардии, то можно сказать, что его личность в отечественной историографии практически не изучена. События, связанные с этим военачальником, представляют интерес, ведь Эвмен из Кардии был одним из немногих диадохов, если не сказать единственным, за исключением Пердикки, кто выступал за сохранение единой Македонской державы. В связи с этим целью данной статьи является пролить свет на личность Эвмена, в частности, сравнить две его биографии, написанные разными авторами в разное время.

Наиболее подробно об Эвмене нам известно из двух работ античных авторов – Плутарха и Корнелия Непота.

Римский историк Корнелий Непот, родившийся между 110 г. до н.э. и 99 г. до н.э. - автор работы «О знаменитых людях», где среди таких деятелей как Мильтиад, Фемистокл, Ганнибал, Агесилай, находит свое место и биография Эвмена из Кардии. Корнелий Непот был родом из северной Италии, был знаком с такими людьми как Марк Туллий Цицерон, Гай Валерий Катулл, Тит Помпоний Аттик.

Плутарх из Херонеи (ок. 46-127 гг.) – родился приблизительно спустя 70 лет после смерти Корнелия Непота. Плутарх происходил из состоятельной семьи, жившей в городе Херонея. Именно там, в 338 г. до н.э., Филипп II Македонский и его сын Александр одолели объединенное войско греческих полисов. Уже в свое время Плутарх был авторитетным историком, так, например, по приказу римского императора Траяна наместник Ахейской провинции не имел права проводить какие либо мероприятия без согласования с Плутархом[1]. «Сравнительные жизнеописания» Плутарха, являются наиболее известным его трудом. В своей работе древнегреческий историк сравнивает Эвмена с римским военачальником Серторием, которому также пришлось бороться за власть, хотя и не по своей воле.

И Плутарх, и Корнелий Непот описывали одного и того же человека, сохраняя в описании как сходства, так и некоторые различия. Сразу стоит отметить, что объем информации, данной в трудах историков, также разнится. Преимущественно, древние историки описывают диадоха с положительной стороны и во многом сходятся. К примеру, американский историк Эдвард М. Энсон, предположил, что Плутарх и Непот пользовались одним и тем же утерянным источником – трудом Иеронима из Кардии, нацеленным на восхваление Эвмена[2].

---

[1] *Соболевский С.И., Горнунг Б.В., Гринберг С.Г.* История греческой литературы. Т. III. М., 1960. С. 173-174.

[2] *Anson E.M.* Eumenes of Cardia // A Greek among Macedonians. Leiden and Boston, 2004. P. 2.

О происхождении Эвмена (362-316 гг. до н.э.) Корнелий Непот пишет, что он среди греков был знатным человеком. Однако в окружении македонцев греческое происхождение Кардианца доставляло ему определенного рода проблемы и неудобства в карьере. Плутарх, ссылаясь на историка Дурида, пишет о несколько ином происхождении героя: «Кардиец Эвмен был, по словам историка Дурида, сыном бедного извозчика в Херсонесе».

О том, как будущий диадох оказался на службе у Филиппа Македонского, историки сообщают примерно одинаково: благодаря своим способностям Эвмену удалось отличиться среди остальных, что и отметил македонский царь.

В отношениях уже Александра Македонского и Эвмена античные историки указывают на значительное доверие к нему со стороны первого. Из произведения Корнелия Непота мы узнаем, что «всегда он присутствовал на советах обоих царей и участвовал во всех их делах». [1]

Плутарх также пишет о доверительных отношениях царя и Эвмена, но также и упоминает несколько моментов, когда Александр и Эвмен вступали в конфликтные ситуации.[2]

После смерти Александра (323 год до н.э.) начался раздел империи. Диадохи распределяли земли между собой, так, например, Эвмену достались еще не завоеванные Каппадокия и Пафлагония. В этом положении бывшие полководцы Александра начали объединяться друг с другом против остальных. Здесь у историков имеются некоторые расхождения. Корнелий Непот явно подчеркивает талант и способности кардианца, отмечая, что некоторые диадохи желали заполучить себе в союзники Эвмена из Кардии: «Усматривая в этом человеке (Эвмене) величайшую честность и усердие, Пердикка изо всех сил постарался добиться его поддержки, ибо не сомневался что, перетянув Эвмена на свою сторону, получит от него большую пользу…».[3] Согласно Плутарху, Эвмен получил поддержку регента после того, как донес ему информацию о намерениях другого диадоха - Леонната: «Он бежал к Пердикке, открыл ему намерения Леонната и тотчас же стал играть

[1] Корнелий Непот. О знаменитых иноземных полководцах. Из книги о римских историках / Пер., ст. и комм. Н.Н. Трухиной. М.: МГУ, 1992. С. 73.

[2] Плутарх. Сравнительные жизнеописания. Полное издание в одном томе. М.: АЛЬФА-КНИГА, 2014. С. 677.

[3] Корнелий Непот. О знаменитых иноземных полководцах. Из книги о римских историках. М., 1992. С. 73-74.

при нем большую роль и принимать участие в его совещаниях».[1] Бой между Эвменом с одной стороны, и Кратером и Неоптолемом с другой, в котором первый одержал решительную победу, описывается у обоих историков примерно одинаково. Возможно, историки пользовались одним и тем же источником.

После поражения в битве при Оркиниях (321 год до н.э.)[2] Эвмен принимает решение укрыться в крепости Норы в Каппадокии. О времени его пребывания в Норах также известно из трудов обоих авторов. Плутарх упоминает о встрече Антигона и Эвмена во время осады крепости. Во время встречи Эвмен «…заботился не о своей личной безопасности и не о примирении – он требовал утверждения за ним сатрапий и выдачи всего назначенного. Окружающие были удивлены его гордостью и смелостью».[3]

Возросшая популярность Эвмена вызывала ревность и зависть со стороны других полководцев войска. В частности, Эвмену пришлось отказаться от денег, которые предлагал ему Полисперхонт. Помимо этого, Плутарх и Корнелий Непот описывают ловкий ход Эвмена по урегулированию отношений между ним и полководцами. «От имени Александра он поставил посреди лагеря палатку, …и поскольку сходились и совещались не в палатке Эвмена, а в царском шатре, было не слишком заметно, что все дела вершатся по его воле».[4]

Плутарх из Херонеи и Корнелий Непот описывают еще одно событие, которое сделало Эвмена более авторитетным в армии. Во время зимовки войска Эвмена расположились на большом расстоянии друг от друга. Этим решил воспользоваться Антигон. Из двух путей он выбрал короткий, но опасный, чтобы напасть внезапно. Эвмен же узнав об этом, перехитрил Антигона, создав иллюзию войска на стоянке, расположившееся впереди него. Раздраженный этим обманом Антигон решил дать бой. Эта была битва на Габиене (316 год до н.э.). Район Габиены располагался севернее городов Пасаргады и Персеполь – это сердце бывшей державы Ахеменидов. Важную роль в сражении на стороне Эвмена сыграли аргираспиды – македонские пехотинцы-ветераны. Возраст каждого из этих солдат был не менее 60 лет. Плутарх дает подробное описание этому сражению: «В ярости они (аргираспиды) кинулись на них, привели всю пехоту в полное расстрой-

---

[1] Плутарх. Сравнительные жизнеописания. Полное издание в одном томе. М., 2014. С. 678.

[2] См. там же. С. 682.

[3] См. там же. С. 684.

[4] Корнелий Непот. О знаменитых иноземных полководцах. Из книги о римских историках. М., 1992. С. 76.

ство…». На этом фланге Антигон был разбит наголову, но его конница одерживала верх: один из полководцев сражался пассивно. Тем не менее, сражение Эвмену удалось выиграть.

Но, несмотря на победу, Эвмен был предан и сдан Антигону. Корнелий Непот утверждает, что ревность и зависть полководцев Эвмена были настолько сильны, что даже победа в сражении не спасла диадоха. Также Корнелий Непот упоминает и предательство аргираспидов. Плутарх же в качестве основной причины измены указывает на захваченный Антигоном обоз с родственниками и накопленными богатствами аргираспидов. Вот как историк передает слова диадоха: «Не стыдно ли вам, что вы – победители – признаете себя побежденными из-за того только, что у вас отняли обоз? …и меня тащат в плен; меня губят мои союзники!»[1] Историк А.М. Девайн также утверждает, что имел место этнический фактор: воины, несмотря на победу, предпочли македонского командира, нежели греческого секретаря Александра.[2]

Таким образом, Эвмен попал в плен к Антигону. Необходимо было решить вопрос о судьбе кардианца. По словам Корнелия Непота, Антигон не решался самолично принять решение, поэтому вывел его на совет. Все проголосовали за казнь Эвмена. Однако и после этого Антигон не решился на убийство своего врага. Непосредственно смерть Эвмена из Кардии настигла после нескольких дней без еды и воды. Тут мнения двух историков расходятся. Корнелий Непот считает, что Эвмена задушили тюремщики без согласия Антигона. Плутарх же пишет, что «неожиданно был отдан приказ относительно выступления, и подосланные убийцы умертвили несчастного»[3].

Вот так Эвмен описывается в произведениях Плутарха и Корнелия Непота. Исходя из повествования римского историка, можно понять, что автор считает данного полководца примером доблести и отваги, блестящим стратегом и хитрым политиком. Корнелий Непот называет Эвмена единственным защитником Македонской империи. В начале своего рассказа Корнелий пишет: «Если бы участь этого человека соответствовала его доблести, он мог добиться большей славы и большей почестей, но не большего величия, ибо мера великого человека – добродетель, а не успех».

Более подробная история жизни кардианца изложена у Плутар-

---

[1] Плутарх. Сравнительные жизнеописания. Полное издание в одном томе. М., 2014. С. 689.

[2] *Devine A.* Diodorus Account of the Battle of Gabiene // Ancient World. 1985. № 12. P. 96.

[3] Плутарх. Сравнительные жизнеописания. Полное издание в одном томе. М., 2014. С. 690.

ха. В своем сопоставлении с римским полководцем Серторием, древнегреческий историк также пишет о том, что Эвмен был умелым полководцем и храбрым воином. Но в Сравнительных Жизнеописаниях отмечается также следующий факт. Эвмен вел войну за первенство, по своей воле. Как известно из произведения Плутарха, «Эвмен любил войну и был сварлив… Один (Эвмен) мог жить спокойно и, пользуясь уважением, не принимая участия в политике, но прожил среди войн…»[1]

Стоит отметить, что историк из Херонеи, несомненно, признавал его талантливым человеком. В свою очередь, Плутарх также описывает Эвмена и как человека воинственного, сражающегося за власть, что никак не могло судить о его добродетели. Рассмотрев вывод Плутарха, можно понять и выражение, написанное Корнелием Непотом в начале своего произведения, о том, что: « мера великого человека – добродетель, а не успех». Примечательна также фраза у Плутарха из заключения, где он сравнивает Сертория и Эвмена: «Мы можем назвать воинственным того, кто ставит власть выше своей безопасности; но человек, действительно любящий войну, войной приобретает себе безопасность».

В таком виде в трудах двух авторов биографического жанра предстает перед нами образ Эвмена из Кардии, человека, прошедший путь от писца до полководца, сражавшегося за сохранение наследия Александра Македонского. Несмотря на то, что Эвмен проиграл в войне и был убит, о его авторитете и значимости в тот период можно утверждать без сомнения. После смерти кардианца диадохи, именовавшие себя наместниками, приняли царские титулы и окончательно отказались от своего обещания сохранить державу Александра для его детей. У Корнелия Непота Эвмен из Кардии, как полководец, стоит в одном ряду с Ганнибалом. Плутарх поставил Эвмена в противовес Серторию, как человека, хоть и сражавшегося намеренно за власть, но также как человека с добрым сердцем, преданного своими же друзьями и подчиненными.

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА ФРАКИЙСКОГО ЦАРЯ КОТИСА I

К.А. Анисимов (Тула)

The article discusses the foreign policy of odrysian king Cotys I, a talented politician and diplomat, who was the first from the Balkan ‘barbarian’ rulers tried to

---

[1] Там же. С. 691.

put under his control the policies of Greece, being the immediate precursor of Philip II the Macedonian.

Ключевые слова: Фракия, фракийцы, одрисы, Котис I.

FOREIGN POLICY OF THE THRACIAN KING COTYS I

K.A. Anisimov (Tula)

The article discusses the foreign policy of odrysian king Cotys I, a talented politician and diplomat, who was the first Balkan 'barbarian' rulers tried to gain control of the policies of Greece, being the immediate precursor Philip II of Macedon.

Key words: Thrace, Thracians, odrysai, Cotys I.

История знает много несправедливо забытых политических деятелей. Одно из первых мест в этом списке, на наш взгляд, должен занимать Котис I, последний из великих царей Одрисского царства во Фракии. Среди правителей и политиков античной истории в период до возвышения Македонии едва ли найдется кто-то сравнимый с ним по масштабу. Пожалуй, что из всех правителей Одрисского государства, этот царь оставил о себе самую значительную информацию в греческих источниках. Во многом, это связано с тем, что он пошел на крупный военный конфликт с Афинами, едва восстановившими свое морское могущество, но переживавшими очередной кризис[1]. И конфликт этот складывался не в пользу афинян. Озлобление интеллектуальной элиты афинского демоса выливалось, как и в случае с Филиппом II Македонским[2], в создание того образа, который рисуют нам наши источники: купающегося в роскоши и злоупотребляющего алкоголем агрессивного варвара, нарушающего клятвы, оскорбляющего богов и людей (Athen. XII p. 531E; Plut. Bas. 172(b), 14). Однако, сквозь этот поток ненависти в источниках проступает образ талантливого государя и дипломата.

В трудах античных авторов фракийцы неизменно выступают в образе воинственных варваров, знаменитых своими воинскими талантами и неудержимой храбростью. Греческие мифы называют Фракию страной Ареса, бога войны. В мифах Фракией правят свирепые цари, потомки Ареса (Диомед, Терей). Неизбежно это откладывало отпечаток на восприятие фракийцев в глазах эллинов, а позднее римлян[3]. На фоне таких представлений кажется удивительным, что реальные цари одрисов предпочитали действовать дипломатическими методами и

[1] *Хаммонд Н.* История Древней Греции. М., 2008. С. 353.
[2] *Уортингтон Й*. Филипп Македонский. М.-СПб., 2014. С. 16.
[3] *Попов Д.* Древна Тракия. История и культура. София, 2009. С. 99-101.

рассматривали войну лишь как последнее средство. Насколько мы можем судить по имеющимся источникам, Котис был выдающимся представителем одрисской дипломатии.

На исторической арене этот правитель появляется в связи с борьбой за власть в Одрисском царстве, развернувшейся около 384-382 гг. до н.э. между правящим царем Гебрисельмом и Севтом II, мятежным правителем обширной области на юго-востоке Фракии, изгнанном Гебрисельмом около 386 г. до н.э[1]. Происхождение Котиса является предметом дискуссии, но он был либо сыном Севта II[2], либо братом Гебрисельма[3]. В конфликте активное участие приняли афиняне, отправившие в помощь Севту стратега Ификрата. В ходе конфликта скончались оба соперника, и власть унаследовал около 382 г. до н.э. Котис, которого поддержал Ификрат. С помощью Ификрата Котис наладил отношения с Афинами. Заключение их союза с царем одрисов в 382 г. до н.э. отлично вписывается в контекст политики афинян, направленной на восстановление их влияния на фракийском побережье в 383-381 гг. до н.э.[4] Заключение союза сопровождалось дарованием Котису афинского гражданства и золотого венка (Dem. XIII. 118). Он отреагировал на высокие почести своеобразно, объявив о том, что дарует афинянам в ответ права своего племени, продемонстрировав, тем самым, качества, присущие современным дипломатам[5].

С самого начала Котис развернул бурную деятельность, целью которой было укрепить международное положение Одрисского царства. В частности, началось сближение Котиса с царем Македонии Аминтой III. Приблизительно в 382 -379 г. до н.э. Ификрат во главе армии наемников помогает Аминте вернуть занятые олинфянами территории. Аминта усыновил Ификрата. Очевидно, этот акт закреплял дружественные отношения Македонии с одрисами[6]. Его контакты с независимыми северофракийскими племенами хорошо документиру-

---

[1] *Попов Д.* Указ. соч. С. 99-101.

[2] *Златковская Т.Д.* Возникновение государства у фракийцев VII-V вв. до н.э. М., 1971. С. 231.

[3] *Делев П.* Филип II и залезът на „Голямото" Одриско царство в Тракия // Шуменски университет "Епископ Константин Преславски". Трудове на катедрите по история и богословие 1, 1997. С. 7-40.

[4] *Поражанов К.С.* Одриското царство, полисите по неговите крайбрежия и Атина от края на VI век до 341 г. пр. Хр. Благоевград, 2011. С. 218.

[5] *Попов Д.* Указ. соч. С. 101.

[6] *Разумов Н.В.* Афинские стратеги первой половины IV в. до н.э. на иностранной службе // Известия Алтайского государственного университета. 2014. Т. 1. Вып. 4 (84). С. 174.

ются надписями на драгоценных чашах-фиалах из с. Рогозен и Враца (трибаллы), Александрово (кробизы) и Аджигъол у Тулчи (геты). Фракийский обычай дарения чаш при заключении союза засвидетельствован еще Гомером в «Илиаде» (XXIV, 234-235)[1].

Есть основания считать, что Котис успешно воевал против скифов, что нашло отражение в трагедии «Рес» (стихи 424-431), ошибочно приписываемой Еврипиду[2]. Можно предположить, что Котису удалось установить относительный контроль над Нижним Подунавьем, утраченный его предшественниками, опираясь на союз с гетами, кробизами и трибаллами. Котис умело использовал северных фракийцев в своей политике по отношению к греческим полисам. В 376/375 г. до н.э. царь предпринял попытку подчинить с помощью трибаллов Абдеры (Diod. XV, 36). План не удался, и в итоге Абдеры вошли в состав возрожденного Афинского морского союза. От разгрома абдеритов спас афинский стратег Хабрий. Впрочем, закрадывается подозрение, что столь вовремя появившийся под стенами Абдер афинский флот также мог действовать совместно с Котисом.

Важнейшим свидетельством политики Котиса по отношению к эллинским полисам и эмпориям служит надпись из Пистироса, греческого эмпория, местоположение которого является предметом дискуссии. Договор датируется временем после смерти Котиса в 359 г. до н.э., но в тексте содержатся ссылки на прежний договор, заключенный при этом царе[3]. В тексте содержится указание на то, что изложенные правила являются общими также для аполлонийцев, маронейцев и фасосоцев. Условия договора защищают юридические права эллинов, защищают их жизнь, имущество и создают максимально комфортные условия для греко-фракийской торговли. Далеко не ко всем полисам фракийского побережья Котис проводил столь миролюбивую политику. Псевдо-Аристотель сохранил следующее свидетельство, характеризующее Котиса, как весьма ловкого и изворотливого политика: «(27) Фракиец Котис [175] пытался взять взаймы у перинфян денег для [того, чтобы набрать] [176] воинов, [25] а перинфяне не дали ему. Тогда он попросил, чтобы они дали, по крайней мере, людей из своих граждан для несения гарнизонной службы в некоторых местностях, [177] чтобы он смог использовать несущих там в настоящее время гарнизонную службу воинов. Они быстро исполнили это, надеясь стать хо-

[1] *Поражанов К.С.* Указ. соч. С. 223.

[2] *Андрух С.И.* Нижнедунайская Скифия в VI – начале I в. до н.э. (этнополитический аспект). Запорожье, 1995. С. 15-16.

[3] *Крыкин С.М.* Греческий эмпорий среди фракийских земель? // Вестник Московского городского педагогического университета. №3 (15). 2014. С. 75.

зяевами этих мест. [30] А Котис, посадив посланных под стражу, предложил перинфянам получить их обратно, послав те деньги, которые он пытался взять у них взаймы (II. 1351А)».

Политическая и экономическая стабилизация внутри царства привела к резкой активизации внешней политики одрисов. В 365 г. до н.э. Котис осадил с суши Сест на Херсонесе Фракийском, захваченный мятежным сатрапом Фригии Ариобарзаном. Свои действия одрисский царь координировал с персами: в Азии действовал сатрап Лидии Автофрадат, с моря поддержку Котису оказывал флот карийского сатрапа Мавсола. Они должны были отвести свои войска с появлением спартанского царя Агесилая, поддерживавшего мятежников (Plut. Ages. II, 26-27). Также он должен был позиционировать свои действия на Херсонесе как проафинские, так как полуостров принадлежал ранее афинянам, чтобы получить поддержку херсонесских полисов и обезопасить себя со стороны Афин[1].

Скорее всего, именно во время этой операции у Котиса окончательно сформировался план по овладению Херсонесом, чтобы, тем самым, взять под свой контроль проливы и всю черноморскую торговлю. Уже в 365 г. до н.э. Котису принадлежала Кардия, полис, находившийся на перешейке, соединявшем полуостров с материком и не входивший в Афинский морской союз[2]. Херсонесская война началась летом 363 г. до н.э. Для афинян вторжение Котиса стало полной неожиданностью. Уже к концу 361 г. до н.э. в его руках оказался весь Херсонес. Одрисы контролировали Проливы и черноморскую торговлю, диктуя условия афинянам. Несмотря на страшную угрозу, которую Котис представлял для афинского господства, ему удалось расстроить союз между Афинами и восставшим против одрисского царя аристократом Мильтокитом (Dem. XXIII. 104; Dem. L, 4-6). По всей видимости, Котис обещал какие-то уступки. Как только Мильтокит был обезврежен, Котис продолжил наступление на Херсонесе. Чтобы лишить афинян превосходства на море, Котис привлек на свою сторону Абидос. Дипломатию царь подкреплял талантом лучших греческих полководцев, которых ему удалось привлечь к себе на службу – Ификрата и Харидема. Одержав безусловную победу, Котис как господин Херсонеса, обратился к афинянам, гарантируя безопасность понтийской торговли и обещая заботиться о делах афинских союзников – Маронеи и Фасоса (Dem. XXIII. 115).

---

[1] *Поражанов К.С.* Указ. соч. С. 225.
[2] *Цветкова Ю.* История на Тракийския Херсонес (от Троянската война до времето на римското завоевание). Вел. Търново, 2008. С. 299.

Определенно, это был пик могущества одрисского царя. Он диктовал условия всей Элладе, зависящей от поставок черноморского хлеба. Несколько неожиданно Котис выступает как могущественный правитель, имевший в распоряжении флот, который мог контролировать Проливы, и обладавший влиянием не только на Маронею, но и на далекий Фасос. Этот важнейший экономический центр северной Эгеиды прежде не находился в сфере влияния одрисов. Единственный намек на имевшее место противостояние афинян и Котиса в этом регионе мы находим в биографии знаменитого соперника Ификрата - афинского стратега Тимофея (Nep., XIII, 1). В ходе Херсонесской войны Тимофей не принимал участия в сражениях, командуя армией, осаждающей Амфиполь. Следовательно, Котис относительно успешно вел войну на два фронта.

Кроме того, Котис не упускал из внимания ситуацию в Македонии, где шла борьба за власть между представителями царского рода. Котис оказывал поддержку Павсанию. Одно известие Феопомпа позволяет предположить, что в 360/359 г. до н.э. он принимал в своей резиденции Онокарсиде еще мало кому известного македонского династа Филиппа II, сына Аминты III (Athen. XIV, 629; Diod., XV, 71, XV, 77; Diod., XVI, 2). Переговоры завершились, как представляется, успешно для молодого македонского царя.

Если следовать рассказу Феопомпа, который сохранил Афиней (Athen. XII p. 531E), примерно тогда же Котис устроил некое действие, которое греки воспринимали как брак с богиней Афиной. По всей видимости, проводился некий специфический фракийский обряд священного брака царя и верховной богини, неверно понятый греками. Это священнодействие должно было стать апофеозом царя, но, по мнению Феопомпа, именно оскорбление, нанесенное богине, послужило причиной его падения.

На вершине своего могущества Котис был убит двумя братьями из Эноса – Пифоном и Гераклидом, мстившими за своего отца (Arist. Pol. V, 12). Цареубийцы объявили, что убийство было совершенно по внушению Аполлона, но убежище они искали в Афинах. Там приняли их как героев, даровали гражданство и наградили золотыми венками (Dem. XXIII, 119). После убийства царя мятежи знати, поддерживаемой Афинами, привел к тому, что Одрисское царство распалось на три независимых и враждующих государства, а Афины вернули Херсонес (Dem. XXIII, 171-179). Вскоре, впрочем, молодой и амбициозный Филипп II превратил Македонию в великую державу и закончил то, что начал Котис.

Котис I был во многом знаковой фигурой своей эпохи. Он вывел Одрисское царство из кризиса. В его правление достиг своего пика политический курс, которым руководствовались на протяжении почти полутора веков цари одрисов[1]. Перед своей гибелью Котис был в шаге от того, чтобы диктовать свою волю Афинам и возглавляемым ими полисам Эллады. Он во многом предвосхитил рождение эллинистических монархий.

ЭЛЛИНИСТИЧЕСКИЕ ГОРОДА ДЕКАПОЛИСА В ПИСЬМЕННОЙ ТРАДИЦИИ

Н.В. Жукова

В статье дается историко-географическое описание Декаполиса, обозначаются общие черты городов, входящих в указанный союз. Такое представление о Декаполисе строится на основе анализа различных письменных источников.

Ключевые слова: Палестина, Заиорданье, Декаполис, Плиний Старший, Полибий, Евсевий Кесарийский.

ELLINISTIC CITIES OF DECAPOLIS IN WRITTEN TRADITION

N.V. Zhukova

The article gives a historical and geographical description of the Decapolis, denotes the common features of the cities which make up this union. Such a conception of Decapolis is based on an analysis of various written sources.

Key words: Palestine, Transjordan, Decapolis, Pliny the Elder, Polybius, Eusebius of Caesarea.

Декаполис – это название группы городов, принятое в эллинистическо-римское время, расположенных в Сирии к востоку от реки Иордан, в местности, названной Заиорданье (или Трансиордания). Указанный союз городов имел название – Десятиградие. Весь Декаполис не являлся единой административной областью, а представлял собой независимые территориальные единицы, находившиеся отдельно друг от друга.

Декаполис играл значительную роль в развитии Палестины эллинистическо-римского времени, включая раннехристианский период. Города Десятиградия являлись эллинистическо-римскими полисами,

---

[1] *Поражанов К.С.* Указ. соч. С. 235.

объединенными общим языком, культурой и политической целью, которые отличались от коренной семитской культуры региона, которые сегодня находится в основном в пределах границ Иордании, но отчасти и в Сирии, и Израиле.

Греческие колонии на территории Палестины начали образовываться, начиная с 332 г. до н.э. – времени завоевания данной земли Александром Македонским. Покорение восточных окраин заиорданской Палестины отличалось внесением сюда развитой культуры. Силой, пробудившей деятельную культуру, явилась македонская власть Александра вместе с диадохами.

Активное градостроительство на территории заиорданской Палестины принадлежит Александру Македонскому и Селевкидам. Наиболее популярна в современной литературе точка зрения, согласно которой большинство греческих городов на Востоке основано не Александром, а Селевкидами[1].

Декаполис упоминается рядом внебиблейских источников. В I в. Плиний Старший[2] перечислил города Декаполиса: Филадельфия, Рафана, Скифополь, Гадара, Гиппос, Дион, Пелла, Гераса и Канафа, а также лежащий значительно севернее Дамаск. Согласно Плинию, отмечается также, что точного списка городов Декаполиса нет.

У Клавдия Птолемея Декаполис включается в Келесирию с упоминанием большинства городов, названных Плинием, и дополнением из числа городов Южной Сирии, лежавших рядом с Дамаском, в т.ч., и Капитолиады (всего 18).

Христианский автор Евсевий Кесарийский[3] описывал Декаполис как расположенный в пределах Переи, упоминая Гиппос, Пеллу и Гадару (видимо, вследствие их заметной роли в истории христианства).

Наиболее известными городами Декаполиса являются следующие.

Канафа – город, расположенный восточнее Иордана, в 100 километрах южнее Дамаска. Сохранившиеся до нашего времени руины города относятся к римскому периоду, как и надписи, содержащие имена различных муниципальных должностных лиц.

---

[1] *Кошеленко Г. А.* Греческий полис на эллинистическом Востоке. М., 1979. С. 97.

[2] *C. Plini Secundi*. Naturalis historiae, 1906. P. 581.

[3] *Евсевий Памфил*. Церковная история. III, 5, 3.

Гадара - находится юго-восточнее Тивериадского озера. В эллинистический период Гадара была известна как сильная крепость, согласно Полибию[1] - наиболее укрепленный город в Сирии.

Пелла, нынешняя Фахиль, была известна нимфеем - святилищем воды, давшим городу официальное имя Пелла Нимфейская. Город расположен восточнее р. Иордан, северо-восточнее Мертвого моря. Известные события происходили в Пелле в 68 г., когда сюда ушли из Иерусалима первые христиане, теснимые восставшими иудеями и не желавшие примкнуть к их национальной борьбе. В те времена Пелла должна была быть значительным в известном смысле международным пунктом, где римские ветераны и греческие торговцы жили рядом с сирийцами[2].

Мало сведений осталось о городе Рафана, однажды упомянутом Плинием в качестве одного из городов Десятиградья. Рафана в древности именовалась Ашторет. Иногда допускают, что Рафана - это будущая Капитолиада[3].

Гераса, современный Джераш, является городом, чьи знаменитые руины занимают первое место среди греческих древностей региона. Иосиф Флавий помещает Герасу на восточной границе Переи, Евсевий Кесарийский - рядом с Амманом, определяя ее местоположение рядом с горой Галаад в Перее. Гераса находится в 30 км к северу от столицы Иордании – Аммана. Здесь сохранились остатки былого великолепия античности, о котором можно судить по многочисленным колоннадам, поэтому иорданцы называют Джераш городом «тысячи колонн»[4]. Надписи римского периода содержат имена муниципальных должностных лиц, которые показывают развитие города во время империи. Великолепные руины Герасы также говорят о процветающей жизни города в римскую эпоху.

Самым южным городом Десятиградья была Филадельфия (древний Раббат-Аммон, Амман наших дней), ставшая, по сообщениям Иеронима[5], греческим городом в дни Птолемея II Филадельфа, о чем

---

[1] *Полибий.* Всеобщая история. V, 73, 215.

[2] *Кондаков Н.П.* Археологическое путешествие по Сирии и Палестине. СПб., 1904. С. 111.

[3] *Jones A.H.M.* Cities of the Eastern Roman Provinces. Oxford, 1998. P. 259.

[4] *Густерин П.В.* Джераш – Помпеи Востока. [Электронный ресурс]. – URL: http://arabinform.com/publ/pompei_vostoka/113-1-0-1158 (дата обращения: 30.09.17).

[5] *Иероним Стридонский.* Творения блаженного Иеронима Стридонского. Киев, 1880-1903. Ч. 13, кн. 23.

свидетельствует и ее имя. Филадельфия вместе с Герасой являлась одной из самых мощных крепостей в Аравии.

Вместе с образованием римских провинций, Помпей провозгласил самостоятельными и свободными сторонниками Рима греческие города южной Сирии и Заиорданья. Прибрежные города и область Заиорданья была «освобождена» Помпеем, т.е. они были отторгнуты от Иудеи, а некоторые территории получили при этом автономию в своих внутренних делах, уплачивая налоги и неся обычные повинности перед Римом. Образовавшийся союз городов – Декаполис был объявлен независимым объединением городов. Но весь Декаполис не являлся единой административной областью, хотя в целом города являлись составной частью одной из восточных римских провинций.

Таким образом, в письменных источниках существует информация о городах Декаполиса; внимание приковано к таким темам, как расположение территориальных единиц, стратегическая значимость городов, а также их облик, особенности самоуправления. Данные сведения в дальнейшем могут помочь исследователям выяснить политическую, экономическую обстановку в регионе в определенное время и, возможно, воссоздать облик городов.

ТИРИТАКСКИЙ ВАЛ: ВОСТОЧНЫЙ РУБЕЖ ОБОРОНЫ БОСПОРА (ИСТОРИЯ ИССЛЕДОВАНИЙ И НОВЕЙШИЕ РАБОТЫ 2017 г.)

А.А. Супренков (Москва)

Данная работа является продолжением серии статей автора об археологических работах на валах Восточного Крыма. Раскопки 2017 г. проводились на Тиритакском валу, расположенном на востоке Керченского полуострова.

Ключевые слова: Керченский полуостров, Тиритакский вал, охранные археологические работы.

THE TIRITAKA’S RAMPART: EASTERN ABROAD OF BOSPORIAN DEFENSE (HISTORY OF RESEARCHES AND UPGRADES OF 2017)

A.A. Suprenkov (Moscow)

This work is a continuation of the author's series of articles on archaeological works on the ramparts of the Eastern Crimea. Excavations in 2017 were conducted on the Tiritaka’srampart, located in the east of the Kerch Peninsula.

Key words: Kerch Peninsula, the Tiritaka’sRampart, guard archaeological works.

Тиритакский вал является одним из нескольких древних земляных оборонительных сооружений, известных на территории Восточного Крыма. Он простирается от Азовского моря на севере до берегов Керченского пролива на юге, отгораживая, таким образом, восточную часть Керченского полуострова от остального Крыма. Это сооружение было известно ещё с древности и многократно описывалось. Ранее А.А. Масленниковым[1] была проведена исчерпывающая работа, посвящённая в целом валам Восточного Крыма, и нам остаётся здесь упомянуть об основных исследователях, обращавших внимание и писавших о Тиритакском вале, а также добавить сведения о новейших работах.

Широко известно, что самые ранние упоминания о каких-то валах и рвах на территории полуострова относятся ещё к античной письменной традиции. (Herod., IV, 3, 12, 28). В средневековых же источниках, вроде как присутствует отдельное упоминание о Тиритакском вале, хотя, возможно, неточное.[2] Первые же детальные упоминания и описания о нём относятся к Новому времени. Их авторами в XVIII в. были П.С. Паллас,[3] Ф.К. Бирберштейн,[4] П. Сумароков,[5] М. Е-Д. Кларк.[6] Все они описывали преимущественно северные участки вала в районе Золотого кургана (Алтын-Оба). Ими же были подмечены и некоторые особенности его сооружения, например, наличие каменной «стены».

Более основательные попытки его изучения и описания были предприняты в 1-й пол. XIX в., когда это сооружение привлекало внимание как специалистов-исследователей, так и просто знаменитых путешественников.[7] Среди них П. Дюбрюкс,[1] И. Стемпковский,[2] Ф. Дю-

---

[1] *Масленников А.А.* Древние земляные погранично-оборонительные сооружения Восточного Крыма. Тула: Гриф и К, 2003. С. 131-189.

[2] Эвлия Челеби. Книга путешествий. Симферополь: Таврия, 1996. С. 146.

[3] *Паллас П.С.* Поездка во внутренность Крыма вдоль Керченского полуострова на остров Тамань // Записки Одесского Общества Истории и Древностей (ЗООИД). Т. XIII. Одесса, 1883. С. 57.

[4] См.: *Тункина И.В.* Русская наука о классических древностях юга России (XVIII – сер. XIX в.). СПб.: Наука, 2002. С. 565-566.

[5] *Сумароков П.* Путешествие по всему Крыму и Бессарабии в 1799 году. Симферополь: Бизнес-Информ, 2012. С. 90.

[6] *Clark M. E-D.* Voyages en Russie, en Tartarie et en Turkie. v. II. Ch. XVIII. Paris, 1812.

[7] Среди них А.С. Пушкин коротко упомянул о наличии данного сооружения после посещения им Золотого кургана в 1820 г.: *Пушкин А.С.* Полное собрание сочинений. Т. Х. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1951. С. 18.

буа де Монпере,[3] А.Б. Ашик[4] и др. Отметим, что все исследователи отмечали погранично-оборонительный характер вала. Примерно в это же время были предприняты и первые попытки его общей датировки.

Новый этап изучения интересующего нас погранично-оборонительного сооружения Восточного Крыма наступил уже во 2-й четверти XX в. В результате комплексного исследования Тиритакского вала сотрудниками Керченского музея Ю.Ю. Марти и К.Э. Гриневичем в 1924-1925 гг. было выявлено, что это сложный комплекс сопутствующих построек (укреплений, башен, проездов-проходов и т.п.). Согласно топографии того времени, он начинался на севере у деревни Биюк-Тархан недалеко от побережья Азовского моря и тянулся, прогибаясь к востоку, до северо-восточной оконечности современного с. Войково. Из описаний Гриневича, особый интерес для нас представляет один из его участков, где, по словам автора, у Золотого кургана вал становится малозаметным и продолжается в западном направлении по гребню хребта, не доходя Куль-Обы. Далее его линия поворачивает под прямым углом к югу в направлении к дер. Джарджава, затем продолжается до Второго Змеиного кургана, где следы его теряются. Снова вал проступает на юго-восточной стороне того же хребта. К.Э. Гриневич датировал время создания Тиритакского вала периодом, предшествующим 405 г. до н.э.

На «Карте археологической деятельности Керченского музея древностей», составленной неким П. Голландским около 1926 г., то есть, почти в то же время, к которому относятся и разведки К.Э. Гриневича, и приложенной к юбилейному изданию Керченского музея, нанесена трасса Тиритакского вала, которая начиналась от берега пролива, к югу от Старого Карантина. Далее она доводилась до хребта, на котором расположен Золотой Курган, но несколько западнее его. По-

---

[1] *Дюбрюкс П.* Описание развалин и следов древних городов и укреплений, некогда существовавших на европейском берегу Боспора Киммерийского, от входа в пролив близ Еникальского маяка до горы Опук включительно, при Черном море // ЗООИД. Т. IV. С. 34-50.

[2] См.: *Масленников А.А.* Древние земляные погранично-оборонительные сооружения Восточного Крыма… С. 135-136.

[3] *Дюбуа де Монпере Ф.* Путешествие по Кавказу, к черкесам и абхазам, в Грузию, Армению и Крым. Симферополь, 2009. С. 43-44.

[4] *Ашик А.Б.* Боспорское царство с его палеографическими и надгробными памятниками, расписными вазами, планами, картами и видами. Ч. I. Одесса: Типография Т. Неймана и К, 1848. С. 24-25.

том от самого кургана вал тянулся к северу, до гряды холмов близ с. Катерлес.[1]

Летом 1936 г. Керченским археологическим музеем были проведены разведки под руководством Ю.Ю. Марти, на основании результатов которых исследователь отнес вал к эллинистическому времени.[2]

Во 2-й пол. XX в. наступил качественно новый этап в изучении Тиритакского вала. При этом В.Ф. Гайдукевич уделил ему немного внимания, отметив только, что возникновение данного сооружения могло произойти в период правления Археанактидов.[3] В.Д. Блавадский писал, что рассматриваемый вал протянулся от Азовского моря до бухты Камыш-Бурун.[4] Н.И. Сокольский в 1947-1950 гг. исследовал фрагмент вала опять же в районе Золотого кургана.[5]

В 1958 г. сотрудники Керченского музея С.А. Семёнов и В.Э. Кунин несколько раз посещали Тиритакский вал и его окрестности. В основном область их интереса касалась древних поселений в районе пос. Войково (Катерлез).[6]

В 1961 г. Тиритакский вал был обследован В.В. Веселовым. Ученым в относительной или непосредственной близости от насыпи вала было зафиксировано 37 археологических объектов (поселения, скопления керамики, отдельные находки). Особенно отмечалась их высокая концентрация в окрестностях посёлка (деревни) им. Войкова.[7] Позднее В.В. Веселов в «Сообщениях о результатах археологического обследования района «Тиритакского вала» (1959-1964)» подробно изложил свои наблюдения относительно маршрута трассы участков вала

---

[1] *Марти Ю.Ю.* Сто лет Керченского музея: исторический очерк. Керчь, 1926. Прил.1.

[2] *Марти Ю.Ю.* Путеводитель по Керченскому историко-археологическому музею им. А.С. Пушкина. Симферополь, 1937. С. 9.

[3] *Гайдукевич В.Ф.* Боспорское царство. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1949. С. 44, 184-189; *он же*. Боспорские города. Л.: Наука, 1981. С. 11.

[4] *Блаватский В.Д.* Очерки военного дела в античных государствах Северного Причерноморья. М.: Изд-во АН СССР, 1954. С. 100-103.

[5] *Сокольский Н.И.* Валы в системе обороны Европейского Боспора // Советская археология (СА). Вып. XXVII. 1957. С. 92.

[6] *Семенов С.А., Кунин В.Э.* Разведки на Керченском полуострове // Археология и история Боспора. Симферополь, 1962. С. 259-260.

[7] *Веселов В.В.* Сводная ведомость результатов археологических разведок на Керченском и Таманском полуостровах в 1949-1964 гг. // Древности Боспора. Supplementum II. М., 2005. С. 27-31.

и его датировки.[1] В начале 80-х гг. XX в. ряд исследований были проведены на северном участке О.Д. Чевелёвым и А.А. Масленниковым. Примерно в это же время и В.П. Толстиков исследовал стратиграфический разрез вала.[2]

Абсолютно новым этапом исследований всех Боспорских валов стали комплексные работы, осуществленные Восточно-Крымской археологической экспедиции ИА РАН под руководством А.А. Масленникова. В течение 1997-2001 гг. они проводились, в частности, по всей трассе Тиритакского вала. На основе археологических исследований, анализа материалов аэрофотосъемок, изучения картографического материала XVIII-XIX вв., было установлено, что под общим определением «Тиритакский вал» следует понимать три отдельных археологических памятника: северный (№3), центральный (№2) и южный (№1).[3]

Исследования памятника после выхода в свет монографии А.А. Масленникова не прекратились, среди них стоит отметить ряд охранных археологических работ под руководством начальника Керченской охранно-археологической экспедиции (КОАЭ) А.Л. Ермолина. В период 2000-2008 гг. разведками КОАЭ, а также позднее при обработке археологического материала в 2009-2011 гг., было выявлено еще 13 древних рвов и валов, либо похожих на них современных сооружений разной протяженности, от 0,2 км до 16,5 км. В ходе разведок были уточнены и трассы ранее известных оборонительных линий. В результате А.Л. Ермолиным было теоретически обосновано и прослежено на местности две оборонительных линии от Азовского до Черного морей - обозначенные автором как Золотая линия обороны и Восточный вал.[4] В Восточную линию обороны А.Л. Ермолин, наряду с Кыз-аульским валом, валом Зинько, валом Ермолина, включает и Тиритакский вал.[5]

В 2005 г. этим же автором были проведены исследования вала с восточной стороны Второго Змеиного кургана. Затем в 2008 г. им бы-

---

[1] *Веселов В.В.* Сообщения о результатах археологического обследования района «Тиритакского вала» (1959-1964) / Архив ИА РАН. Р.II. № 1938. Керчь.

[2] *Толстиков В.П.* К проблеме образования Боспорского государства // ВДИ. 1984. № 3. С. 32.

[3] *Масленников А.А.* Указ. соч. С. 231-232.

[4] *Ермолин А.Л.* Вновь выявленные древние земляные оборонительные сооружения Восточного Крыма (по материалам археологических разведок) // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. 2012. № 1 (120). Вып. 21. С. 25-33, рис. 2, 8.

[5] *Ермолин А.Л.* Территория и население Европейского Боспора в позднеантичный период (середина III – конец VI веков) (по материалам городищ, поселений, некрополей) / Диссертация на соискание ученой степени канд. ист. наук. Белгород, 2012. С. 45-46.

ли проведены археологические разведки всей линии вала[1] (по А.А. Масленикову это «третий» Тиритакский вал[2]). В результате этих работ было изложено, что он берет начало в районе бывшей дер. Тархан на берегу Азовского моря. Далее его трасса проходит через долину и подходит к северной окраине дер. Войково. От дер. Войково до участка вала, расположенного в 600 м юго-западнее Большого Змеиного кургана, трасса вала совпадает с участком Восточной линии обороны. В 2008 г. западнее дер. Войково был сделан стратиграфический разрез этого участка, видимого ранее только на аэрофотосъемке. Он показал, что вал имеет два этапа строительства.

Наконец, в 2017 г. отряд Крымской новостроечной экспедиции под руководством автора проводил и продолжает в настоящее время охранные раскопки на участке вала, ранее подробно описанном В.В. Веселовым: «Третий участок, длиной 2,5 км, начинается непосредственно к юго-западу от Второго Змеиного кургана. При этом ров незначительной глубины не упирается в него, а как бы обходит его западную «подошву» и затем, сохранившийся на отдельных участках, принимает направление на северо-восток к дер. Восход (бывш. Джарджава)». В районе упомянутого кургана, на площади до 1,2 га, В.В. Веселовым было обнаружено значительное количество амфорных обломков. Следы незначительного по мощности культурного слоя и даже каких-то кладок были отмечены им непосредственно к западу от него. Всё это связывалось краеведом либо с остатками некоей грандиозной тризны, либо с располагавшимся тут поселением, либо с тем и другим.[3] Исходя из всего этого, В.В. Веселов делал вывод, что вал и ров были сооружены позднее Второго Змеиного кургана, а постройки на нём могли выполнять роль «бастиона». Далее автор отмечал, что к северу общий рельеф местности весьма сложен, и остатки вала сохранялись только в трёх-четырёх местах. Кое-где (в балках и оврагах) насыпь делалась в основном из бутового камня. Камни были зафиксированы и на относительно ровных и возвышенных участках, причём, некоторые, наиболее крупные, были обработаны, а один даже, видимо, являлся частью какой-то архитектурной детали. Не исключено, что хотя бы частично весь этот камень брался из развалин небольшого раннесредневекового поселения, находившегося по соседству (к запа-

---

[1] *Ермолин А.Л.* Охранные раскопки на территории г. Керчи при прокладке трассы газопровода ГРС (Второй Змеиный курган) – ТЭЦ (Тиритака) // ДБ. № 8. М., 2005. С. 171-173.

[2] *Масленников А.А.* Указ. соч. С. 170-175. Рис. 115-117.

[3] *Веселов В.В.* Сообщения о результатах археологического обследования района «Тиритакского вала» (1959-1964)… С. 5-6.

ду) с трассой вала.[1] На холме, где располагалась дер. Восход, следов рассматриваемых укреплений не было выявлено, но, возможно, здесь на скальных выходах строилась некая стена.

Ров и вал хорошо прослеживались от Второго змеиного кургана до лесопосадки, расположенной южнее дачного массива и к юго-западу от МКСК (Межколхозный стекольный комбинат). Вал следует в северном направлении и теряется в районе грязевого вулкана Джарджава.

Именно на участке вала, описанном в последнем абзаце, нами были в этом году заложены два масштабных раскопа, общей площадью более 7 000 кв.м. (Рис. 1). Предварительные результаты исследований (работы не закончены в момент подачи статьи) показали следующее.

На данном участке на дневной поверхности вал был практически незаметен. Его высота в раскопе (от материка) не превышала 1,5 м. Ширина варьировалась от 8 м до 10 м. Ров располагался, ожидаемо, с западной стороны от вала. Его ширина достигала от 4 м до 8 м, а глубина от 0,5 м до 1 м.

В основании земляной насыпи вала на некоторых участках раскопа прослеживалось скопление необработанных известковых средних и крупных камней, служивших, вероятно, каменной крепидой, предназначавшейся для того, чтобы земляная насыпь вала не сползала в ров. На других же участках раскопов похожие камни залегали на дне рва, вероятно, «съехавшие» туда вместе с земляной насыпью.

На основании анализа стратиграфических разрезов вала и рва, сделанных на разных участках раскопов, мы можем предположить существование двух основных хронологических этапов их постройки.

Первый предполагаемый строительный период был отражён дном центральной части рва, которая была заполнена тёмно-серым суглинком. В разрезе дно «первого» рва имело чашеобразную форму с наклонными стенками. Его максимальная глубина достигала 1,5 м от материка.

Следующий небольшой строительный этап был представлен небольшим углублением, вытянутым к востоку от первого углубления параллельно ему на всей протяженности участка. Оно было заполнено темно-серым суглинком, выброс из которого частично перекрывал заполнение первого углубления. Можно предположить, что это следы реконструкции, хронологически близкой созданию «первого рва».

[1] Там же. С. 7.

Второй период был представлен глубокой траншеей, которая прорезала первые два углубления, достигая максимальной глубины к востоку от них. Заполнение этой траншеи было представлено тёмно-серым суглинком с мелкими известняковыми камнями. Её размеры были примерно одинаковыми на всей протяжённости рва: ширина придонной части этого «второго» рва достигала 1,5 м, а глубина до 1,8 м от уровня зачистки материка.

Что касается хронологии этих двух периодов, то пока говорим о ней с большой осторожностью, из-за того, что работы не завершены, а коллекция археологического материала находится в обработке. Укажем только на то, что при выборке заполнения рва и разборе каменной крепиды нам встречался археологический материал, представленный обломками амфор таких центров производства как Менда, Фасос, Хиос, Херсонес, Синопа, Гераклея, традиционно датируемых IV-III вв. до н.э., что говорит о том, что, по крайней мере, на обследуемом участке вал и ров сооружались не позднее эллинистической эпохи.

Завершение полевых работ и обработка коллекции, безусловно, позволят нам уточнить датировку этого одного из крупнейших оборонительных сооружений Восточного Крыма.

Рис. 1. Общий вид с юга на раскоп 2.

АНАЛИЗ КОЛЛЕКЦИИ АМФОРНЫХ КЛЕЙМ УЧАСТКА «ВОСТОЧНЫЙ» ГОРОДИЩА СЮЮРТАШ ПО ИТОГАМ ИССЛЕДОВАНИЙ 2010-2017 ГГ.

Н.С. Лукьянова,
А.А. Супренков (Москва)

Исследование посвящено количественному анализу комплекса амфорных клейм участка «Восточный» городища Сююрташ, обнаруженных за период исследований с 2010 по 2017 гг..

Ключевые слова: амфора, клеймо, Синопа, Родос, Боспор, Сююрташ.

THE ANALYSIS OF AMPHORA STAMPS COLLECTION OF «EASTERN» EXCAVATION OF SOURTASH ON THE RESULTS OF STUDIES 2010-2017

N.S. Lukyanova,
A.A. Suprenkov (Moscow)

The study focuses on the quantitative analysis of amphora stamps section of «Eastern» excavation of Sourtash found during the period from 2010 to 2017 research.

Key words: amphora stamp, Sinope, Rhodes, Bosporus, Sourtash.

Городище Золотое Восточное (Сююрташ) – крупное эллинистическое поселение Боспора III-II вв. до н.э. Оно расположено в Крымском Приазовье в районе локализации т.н. «царской» хоры. Поселение неоднократно исследовалось[1]. Новый этап изучения городища начался в 2010 г., когда работы на памятнике были возобновлены в рамках исследований ВКАЭ ИА РАН (рук. А.А. Масленников) отдельным отрядом под руководством А. Супренкова. На раскопе «Восточный» за 8 лет исследования было изучено около 2 000 кв. м. В ходе этих работ были выявлены культурные напластования и строительные остатки, нескольких строительных периодов[2].

---

[1] *Кругликова И.Т.* Поселение Золотое Восточное // Краткие сообщения Института истории и материальной культуры АН СССР (КСИИМК). Вып. 70. М.-Л. Изд-во АН СССР. 1957. С. 137; *она же.* Сельское хозяйство Боспора. М.: Наука, 1975. С. 99; *Масленников А.А.* Эллинская хора на краю ойкумены. М.: Индрик, 1998. С. 90-100.

[2] *Супренков А.А.* Особенности формирования сакрального пространства на укреплённых сельских поселениях Восточного Крыма эпохи позднего эллинизма (на примере городища Золотое Восточное) // Боспорский феномен. Греки и варвары на Евразийском перекрёстке. СПб., 2013. С. 243-248; *он же.* К хронологии восточной части эллинистического городища Сююрташ в Крым-

Особое место в исследованиях предшественников и на современном этапе изучения городища занимает клейменный амфорный материал. Во-первых, данный источник важен для выяснения хронологии слоев поселения и строительных остатков. Во-вторых, обозначенный материал позволяет сделать ряд дополнительных наблюдений о жизнедеятельности населения поселения, например, торговых отношений. Отметим, что амфорных клейм на сегодняшний день на городище обнаружено в достаточном количестве для предварительного анализа.

Всего за восемь лет раскопок количество обнаруженных клейм составило 285, а определенных и датируемых экземпляров - 228 наименований. Определение амфорного клейменого материала осуществлял Николай Федорович Федосеев, признанный специалист в данной области знания. Выражаем ему искреннюю признательность за сотрудничество и содействие в работе с материалом. Но необходимо отметить, что по оценке самого Н.Ф. Федосеева, данные определения клейм носят «рабочий» характер, и, возможно, будут уточнены в дальнейшем. Возможно, при привлечении других специалистов мы могли бы получить несколько иные данные[1], но в настоящее время у нас нет оснований не доверять определению клейм Н.Ф. Федосеева.

Определено и датировано около 80 % обнаруженных клейм. Среди них 184 клейма (81 %) были нанесены на ручки синопских амфор, и всего 43 клейма (19 %) принадлежат родосским амфорам. Кроме того, были найдены одно херсонесское клеймо, которое датируется кон. III - нач. II в. до н.э., и по одному книдской, гераклейской и колхидской амфор, хронологию которых установить не удалось.

ском Приазовье // XV Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Актуальные проблемы хронологии. Керчь, 2014. С. 386-392; *он же.* Назначение и хронология построек северо-восточной части эллинистического городища Сююрташ в Крымском Приазовье (по результатам работ ВКАЭ в 2010-2013 гг.) // Древности Боспора. Вып. 18. М., 2014. С. 9-30; *он же.* Хронология и эволюция сельских поселений Боспора эпохи эллинизма – римского времени в контексте исторического развития региона (по материалам новейших исследований) // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2016. №1. С. 73-81.

[1] Николай Федорович, например, предложил отказаться от практики деления астиномов на группы в пользу создания «единой хронологической системы» синопского клеймения, такой подход критикуется рядом специалистов. См. например: *Кац В.И.* Греческие керамические клейма эпохи классики и эллинизма (опыт комплексного изучения) // Боспорские исследования. Вып. XVIII. Симферополь-Керчь, 2007. С. 250-253.

Датировка всего керамического клейменого материала укладывается в период с кон. IV в. до н.э. по нач. I в. до н.э. Так, концом IV в. до н.э. (317-308 гг. до н.э.) датируется только одно синопское клеймо. Началом I в. до н.э., с некоторой осторожностью, можно датировать, по мнению Н.Ф. Федосеева, три родосских клейма; ученый не исключает возможность их датирования 86 г. до н.э.

Если попытаться рассмотреть материал в хронологическом срезе, то можно отметить некоторые его особенности (см. гистограмму). Во-первых, мы можем отметить тот факт, что первая и последняя четверти III в. до н.э., а также весь II в. до н.э. не представлены большим количеством обнаруженных и определенных клейм. Первой четвертью III в. до н.э., например, датируется 9 экземпляров клейм, последней четвертью этого же столетия – 15 наименований. При этом, обнаруженные клейма, относящиеся ко II в. до н.э. равномерно распределились по его четвертям. Так первой четвертью II в. до н.э. датируется пять клейм, второй четвертью – 4 клейма, третьей четвертью - 5 клейм и последней четвертью - 5 клейм. Эти данные ни в какое сравнение не идут с показателями второй-третьей четверти III в. до н.э. Ко второй четверти столетия относится 110 клейм, а к третьей четверти III в. до н.э. - 58. В процентном соотношении данная сумма составляет около 74% от всего обнаруженного и датированного клейменого материала.

Все это свидетельствует о том, восточная часть городища Сююрташ начинает осваиваться в конце IV - нач. III в. до н.э., окончательное обустройство и пик развития данной части поселения приходится на вторую-третью четверть / середину III в. до н.э., после чего происходит некоторая стагнация развития, возможно, регресс хозяйственного функционирования, выразившийся в сокращении импорта на городище и изменении его содержания. При этом мы должны быть очень осторожны в выводах о смене прямых торговых партнеров только лишь на основе клейменого амфорного материала. Дело в том, что трудно не согласиться со специалистами, утверждающими, что логистика попадания товаров на Боспор была не проста[1]. Данные, содержащиеся в речи Демосфена «Против Лакрита» (Dem. XXXV. 10-13, 35), демонстрируют четкие представления о механизме морской торговли через посредников, т.е., отсутствие прямого контакта центр-производитель – центр–потребитель.

Итак, на рубеже III-II вв. до н.э. происходит замещение синопского импорта родосским. Трудно судить о причинах подобного явле-

---

[1] См. например: *Завойкин А.А.* Некоторые проблемы изучения торговли в амфорной таре // Боспорские чтения. Вып. XVIII. Керчь, 2017. С. 134-135.

ния, но искать их нужно, на наш взгляд, как во внутреннем развитии Боспорского государства, так и во внешнеполитической борьбе эллинистических держав и Рима за контроль торговых путей, в том числе, и в Черном море[1].

В этой связи стоит упомянуть один исторический эпизод: в 220 г. до н.э. на Синопу напал Митридат III. Городу удалось отстоять свою независимость, но это стоило ему огромных средств и напряжения всех сил. Граждане Синопы обратились с призывом о помощи к ряду греческих городов. Полибий сообщает о посольстве с этой целью к родосцам (Polib. IV. 56), которые откликнулись на него присылкой, помимо разнообразной военной помощи, десяти тысяч амфор вина. Последствия борьбы Синопы против Митридата III не могли не сказаться на экономике Синопы. В этом случае, уже неважно, осуществляется торговля через посредников или напрямую. Синопа не могла поставлять на рынок товары в прежних объемах.

Обнаруженный и обработанный массив клейм на городище Сююрташ не подтверждает утвердившиеся в научном сообществе представления о т.н. «возрождении» Боспора в период с середины III в. до н.э. по середину II в. до н.э.[2]

Как раз с середины III в. до н.э. мы наблюдаем снижение импорта на поселении.

Не подтверждается материалом и резкая дестабилизация ситуации на Боспоре, когда государство находилась в одном шаге от катастрофы[3].

Резкого изменения импорта данного времени мы не наблюдаем.

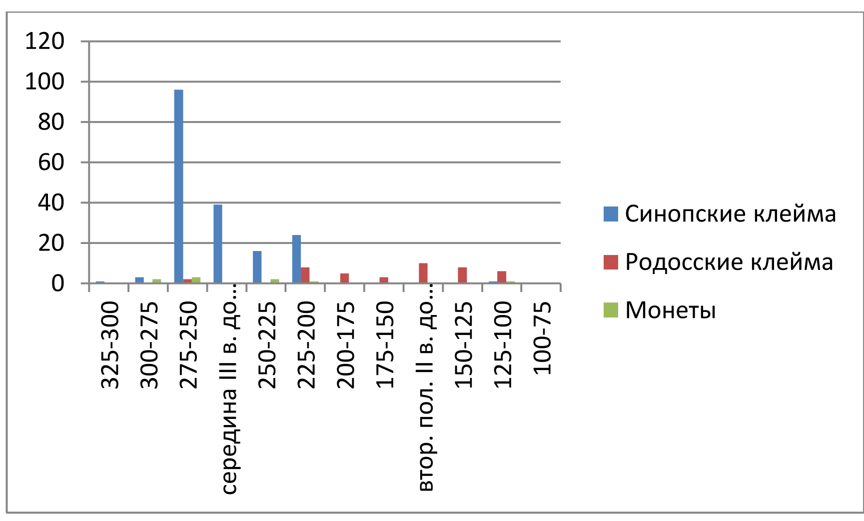
Рис. 1. Золотое Восточное. Датирующий хронологический материал раскопа «Восточный» 2010-2017 гг.

---

[1] *Журавлев Ю.Е.* Борьба за торговый путь в Черное море на рубеже III-II вв. до н.э. // Торговля и мореплавание в бассейне Черного моря в древности и средние века. Ростов на Дону, 1988. С. 39-43.

[2] *Виноградов Ю.А.* Боспор Киммерийский: основные этапы истории в доримскую эпоху // Греки и варвары на Боспоре Киммерийском VII-I вв. до н.э. СПб., 2009. С. 78-79.

[3] *Яйленко В.П.* Династическая история Боспора от Митридата Евпатора до Котиса I // Эпиграфические памятники и языки древней Анатолии, Кипра и античного Северного Причерноморья. М., 1990. С. 129.

слева – количество; справа – гг. до н.э.

КУЛЬТ ГОЛОВЫ И ЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЯ НА БОСПОРЕ В АНТИЧНОЕ ВРЕМЯ

А.Г. Васин (Тула)

Статья посвящена культу головы и человеческим жертвоприношениям на Боспоре в античное время. По мнению автора, обряд отрубания головы и феномен человеческих жертвоприношений на Боспоре во многом был обусловлен защитно-охранной функцией и был неразрывно связан с культом плодородия. Однако более всего он был связан с проблемой необходимости обеспечения сакральной защиты своих домов на фоне нарастающего кризиса традиционных религиозных представлений в первых веках нашей эры.

Ключевые слова: Боспор, человеческие жертвоприношения, культ плодородия, культ головы.

THE CULT OF HEADS AND HUMAN SACRIFICE IN THE BOSPORUS IN ANCIENT TIMES

A.G. Vasin (Tula)

The article is devoted to the worship of heads and human sacrifice in the Bosporus in ancient times. According to the author, the rite of cutting off the head and the phenomenon of human sacrifice in the Bosporus was largely due to protective-protected function and was inextricably linked to the cult of fertility. However, the more likely he was associated with the problem to attain the sacred protection of

their homes against the growing crisis of traditional religious beliefs in the first centuries of our era.

Key words: Bosporus, human sacrifices, the cult of fertility, the cult of the head.

Реконструкция религиозных взглядов древних народов всегда представляла собой большие трудности, особенно когда это касалось культур, в изучении которых остается до сих пор много неясного. Особенно это касается сложных государственных образований, где проживало много различных народов. Территория античного Боспора относится к этой категории. Незначительное количество источников, сложность интерпретирования исторического материала, создают проблемы при реконструкциях религиозных взглядов, которых придерживалось местное население. Культ головы и человеческие жертвоприношения на Боспоре, являются именно таким, сложным для интерпретации феноменом, единой точки зрения, по которому до сих пор нет.

Целью нашего исследования является изучение всех аспектов, связанных с культом головы и жертвоприношений на Боспоре в античное время. Так, среди материалов, выявленных во время исследования античных поселений Боспорского царства, нередко встречаются необычные артефакты. Например, на поселении Бакланья скала было обнаружено ритуальное захоронение мальчика лет 10-12 с отчлененной головой. Этот обряд связан, скорее всего, с почитанием божеств хтонического круга[1]. В крепости Илурат найден алтарь, внутри которого были остатки курицы или петуха. На алтаре человеческий череп с перерубленными шейными позвонками[2]. В.Ф. Гайдукевич усматривал в этом ритуале, который он датировал II-III вв., культ женского божества, олицетворяющего силы природы[3]. Скорее всего, защитная функция отрубленной головы была связана с распространением у многих народов культом предков. Напомним, что спартанский царь Клеомен хранил голову своего друга Архонида в сосуде с медом и совещался с ней, когда нужно было. Орфей не почитал Диониса, за что был растерзан служительницами этого бога – менадами; уцелела его голова, ко-

---

[1] *Винокуров Н.И.* Феномен человеческих жертвоприношений в античное и средневековое время (по материалам ритуальных захоронений Крымского Приазовья) // Боспорский феномен: погребальные памятники и святилища. СПб., 2002. Ч. I. С. 190.

[2] *Ярцев С.В., Зубарев В.Г., Бутовский А.Ю.* Греко-варварский Крым в период Поздней античности (III-IV вв. н.э.: от морских походов до битвы при Адрианополе). Тула, 2015. С. 356.

[3] *Гайдукевич В.Ф.* Илурат. Итоги археологических исследований 1948-1953 гг. // МИА. 1959. №85. С. 41, 47.

торая поплыла по реке Гебр на остров Лесбос к Аполлону, где стала пророчествовать[1].

Не менее интересное и одновременно загадочное ритуальное захоронение было сделано на Артезиане, где найдена совместная кремация людей и животных. Это не может быть простым захоронением, хотя и было совершено почти в центре городища под подпорной стеной самой большой террасы[2].

На Белинском городище найдено захоронение младенца в сосудах. Обычно это было связано с культом плодородия[3] и с магической защитой поселений на основе посреднической функции умершего младенца[4]. Вообще кости предков встречаются и в жилых домах. Возможно, что и череп человека служил связью с потусторонним миром. На Белинском городище (на западной границе Боспорского царства) рядом с жилыми домами обнаружены ритуальные погребения IV в., которые заваливались камнями специально. Связано это было с боязнью мертвецов, не ушедших полностью в потусторонний мир[5]. В центральной части городища под порогом жилого дома было выявлено погребение, состоящее из отдельных фрагментов человеческих тел, что, возможно, отражает защитно-охранную функцию данного обряда[6]. Но повреждение тела умершего уменьшало защитно-охранительные функции захоронения. Для этого надо было соблюдать некоторые правила: расчлененное захоронение должно было имитировать целое тело в тех частях, которые могли причинить вред прожи-

---

[1] *Петрухин В.Я.* Загробный мир. Мифы о загробном мире: мифы народов. М., 2010. С. 113.

[2] *Винокуров Н.И.* Феномен человеческих жертвоприношений в античное и средневековое время (по материалам ритуальных захоронений Крымского Приазовья) // Боспорский феномен: погребальные памятники и святилища. СПб., 2002. Ч. I. С. 189-194. С. 190. С. 190.

[3] *Лапин В. В.* Греческая колонизация Северного Причерноморья. Киев, 1966. С. 221-222; *Бураков А. В.* Козырское городище рубежа и первых столетий н.э. Киев, 1976. С. 142; *Секерская Н.М.* Погребения первых веков нашей эры из Никония // Археологические исследования Северо-Западного Причерноморья. Киев, 1978. С. 172; *Высотская Т.Н.* Некоторые аспекты духовной культуры населения Усть-Альминского городища // Античная и средневековая идеология. Свердловск, 1984. С. 138-139.

[4] *Ярцев С.В., Зубарев В.Г., Бутовский А.Ю.* Ук. соч. С. 363.

[5] *Никитина Г.Ф.* Черняховская культура Поднестровья (по результатам анализа археологических источников). М., 2008. С. 147-148.

[6] *Зубарев В.Г., Ярцев С.В.* Ритуальные захоронения в сакральной практике жителей городища Белинское // Боспорские исследования. Симферополь; Керчь, 2012. Вып. XXVI. С. 285.

вавшим в доме, и одновременно отвечало за сакрально–защитные функции данного обряда. В состав расчлененных захоронений вместе с черепом входили кости конечностей (бедренные кости) и нижняя челюсть, от разных людей. Это ограничивало способность мертвеца совершать какие-либо действия. Для большей безопасности, количество костей доводилось до минимума[1]. На поселении у с. Михайловка рядом с черепом лежали птичьи кости и фрагменты античной керамики, в Патрее три черепа найдены под печью, а в Гермонассе в северо-западном углу помещения лежал череп лицом к стене[2]. Традиция захоронения человеческих черепов, как считают А.А. Масленников и И.А. Емец, берет начало в среде жителей лесостепных поселений[3].

Распространенный обычай отделения головы от тела связан с воззрениями на голову как вместилище души, или некой магической силы[4]. Известен тот факт, что отрубленная голова играла важную роль в таврском жертвоприношении Деве[5], которая считалась, вероятно, самой кровожадной из греческих богов, убивая и людей и животных, посылая жестокую смерть[6]. В жертву Деве тавры приносили только потерпевших кораблекрушение и захваченных в море. Военнопленным тавры отсекали головы, несли в дом, а затем, посадив на кол, ставили над дымоходом, придавая ей значение «сторожей дома»[7].

Культ отсечения головы нашел и отражение и в памятниках изобразительного искусства. Так, на кургане Курджипс был найден золотой колпачок неясного происхождения IV в. на котором изображены воины с отрубленными головами[8]. На Елизаветском городище

---

[1] Там же. С. 286.

[2] *Петерс Б.Г.* Отчет о раскопках Михайловского городища в 1965 г. / Архив ИА АИ СССР. Р-1. №3194. С. 11; *Соколовский И.И*. Отчет о работе Таманской экспедиции ИА АН СССР в 1965 г. // Архив ИА АИ СССР. Р-1. №3134. С. 57, 58; *Зеест И.Б.* Отчет о раскопках античного отряда Таманской экспедиции за 1955г. // Архив ИА АИ СССР. Р-1. №3194. С. 15; *Емец И.А., Масленников А.А*. Новые данные о религиозных представлениях сельского населения античного Боспора // РА. 1992. №4. С. 35-36.

[3] Там же. С. 36.

[4] *Шауб И.Ю*. Миф, культ, ритуал в Северном Причерноморье (VII- IV вв. до н.э.). СПб., 2007. С. 140.

[5] *Грач А.Д.* К вопросу о позднем этапе «тавро-скифских» культовых представлений // СЭ. 1952. №4. С. 174.

[6] *Шауб И.Ю.* Ук. соч. С. 263.

[7] *Грач А.Д.* Ук. соч. С. 103.

[8] *Галанина Л.К.* Курджипский курган: Памятник культуры прикубанских племен IV в. до н. э. Л., 1980. С. 93; *Булава Л.А.* К атрибуции золотого колпачка из Курджипского кургана // СА. 1987. №1. С. 254-257.

найдены кружальные вотивные блюдца с таким же сюжетом[1]. Также на Боспоре существовал интересный обычай, который описан у Геродота, где с правой руки снималась кожа для обтяжки колчанов. Правую руку приносили в жертву богу войны («Однорукому»)[2], а из кожи руки делали накидки и плащи[3].

Таким образом, на основании тщательного анализа источников и интерпретации находок, мы приходим к выводу, что обряд отрубания головы и феномен человеческих жертвоприношений на Боспоре во многом был обусловлен защитно-охраняемой функцией и был неразрывно связан с культом плодородия. Возможно, что этот обряд практиковался не только из-за пограничного характера многих боспорских поселений. Более всего он был связан с проблемой необходимости обеспечения сакральной защиты своих домов на фоне нарастающего кризиса традиционных религиозных представлений в первых веках нашей эры.

К ВОПРОСУ О ПЕРВОМ ПОЯВЛЕНИИ АЛАН В СЕВЕРНОМ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ

А.В. Соколов (Тула)

В статье рассматривается сложный вопрос появления алан в Северном Причерноморье. По мнению автора, первое появление алан в Северном Причерноморье, по данным письменных источников, произошло между 45 и 73 гг. I в. н.э. Однако нельзя с полной уверенностью утверждать о том, что разные авторы подразумевали под термином «аланы»: шла ли речь об одной и той же группе кочевников, или под этим именем фигурировали разные варварские группы. Спорный характер археологических источников данной проблемы пока не позволяет сделать окончательные выводы о точной принадлежности ряда памятников аланской культуре, из-за чего продолжают возникать противоречия в научном сообществе.

Ключевые слова: Северное Причерноморье, аланы, аланская археологическая культура, боспоро-римская война 45–49 гг. I в. н.э.

THE PROBLEM OF STUDYING THE APPEARANCE OF THE ALANS IN THE NORTHERN BLACK SEAREGION

A.V. Sokolov (Tula)

[1] *Brasinsky I.B., Marcenko K.K.* Elisavetovskoje. Skythische Stadt im Don-Delta. Munchen, 1984. S. 65.
[2] *Шауб И.Ю.* Ук. соч. С. 144.
[3] *Дюмезиль Ж.* Осетинский эпос и мифология. М. 1976. С. 36.

The article deals with the complex issue of the appearance of Alans in the Northern Black Sea Region. According to the author, the first appearance of Alans in the Northern Black Sea Region, according to written sources was between 45 and 73 years of the 1st century AD. However, it is impossible to state with full certainty what different authors meant under the term "Alans": whether it was a question of the same group of nomads or different barbarian groups figured under this name. The controversial nature of the archaeological sources of this problem does not yet allow us to draw definitive conclusions about the exact affiliation of a number of monuments to Alan culture, because of that controversies in the scientific community continue to arise.

Key words: Northern Black Sea Region, Alans, Alanian archeological culture, Bosporo-Roman war of 45-49. I C. AD.

Появление на исторической арене алан и, тем более, появление их в Северном Причерноморье, продолжает оставаться трудно решаемой научной проблемой. В исторической науке существует множество гипотез и теорий на данную тему[1]. Считается, что слово alan восходит к социониму ārya и является производным от него[2].

Вопрос о дате появления алан в районе северо-восточного Причерноморья является проблемным в современной науке, это обусловлено рядом причин, одна из которых - состояние источников.

Аланы упоминаются в текстах авторов I в. Луция Аннея Сенеки в трагедии «Фиест», Марка Аннея Лукана в трагедии «Фарсалия» и Валерия Флакка в поэме «Аргонавтика»[3]. Однако, здесь необходимо учитывать, что термин «аланы», не используется Страбоном, Помпонием Мелой, и из этого следует, что аланов либо не было в это время в Северном Причерноморье, и они не принимали участия в событиях

---

[1] *Берлизов Н.Е.* Ритмы Сарматии. Савромато-сарматские племена Южной России в VII в. до н.э. – V в. н.э. Краснодар, 2011. Ч. I; *Туаллагов А.А.* Сарматы и аланы в IV в. до н.э. – I в. н.э. Владикавказ, 2001; *Туаллагов А.А.* Ранние аланы. Владикавказ, 2014; *Яценко С.А.* Выступление // Кочевники евразийских степей и античный мир (Материалы дискуссии II-го археологического семинара). Новочеркасск, 1993. С. 15; *Грантовский Э.А.* Ранняя история иранских племен Передней Азии. М., 1970; *Кузнецов В.А.* Очерки истории алан. Владикавказ, 1992; *Мацулевич Л.А.* Аланская проблема и этногенез Средней Азии // СЭ. 1947. № VI-VII. С. 128-140.

[2] *Туаллагов А.А.* Ранние аланы … С. 305.

[3] *Балахванцев А.С.* Сарматы I-IV вв. н.э. по данным античных авторов // Статистическая обработка погребальных памятников Азиатской Сарматии. Вып. IV. Позднесарматская культура. М., 2009. С. 9.

боспоро-римской войны 45–49 гг.[1], либо на них проецировали другой этноним. Возможно, аланы появились в районе как раз после данных событий.

Д.А. Щеглов на основе фрагментарных записей Посидония, скончавшегося в 50-е годы I в. до н.э., доказывал, что появление алан в Северном Причерноморье произошло значительно раньше[2]. Однако с этой точкой зрения невозможно согласится, так как первые археологические памятники аланской культуры датируются I в. н.э.[3] По-видимому, Посидоний использовал термин «аланы» в качестве показателя высокого социального статуса либо конкретных лиц, либо группы людей. Использование данного термина для обозначения элиты в ряде языков применяется и по сей день[4]. Таким образом, мы можем говорить о 45-49 гг. как о нижней хронологической границе проникновения алан в этот район, ведь авторы могли воспринимать их как часть сармат, этнически ещё не выявив эту группу.

Более надёжным источником является работа Плиния Старшего «Естественная история». В ней он пишет: «…в целом к северу от Истра все племена скифские, однако места, прилегающие к побережью [Черного моря], заняли разные народы; в одних находятся геты, которых римляне называют даками [к северу ост Дуная]; в других – сарматы, по-гречески савроматы (в их числе гамаксобии или аорсы) [междуречье Днестра и Днепра], в третьих – выродившиеся и происшедшие от рабов скифы или троглодиты [позднескифское население Нижнего Днепра], и затем – аланы и роксоланы [т.е., за Днепром]….» (Plin. NH., IV, 25, 80). Данный источник является спорным, так как наравне с существующими племенами он сообщает об уже исчезнувших народах, однако он позволяет утверждать о появлении алан в Северном Причерноморье во второй половине I в. н.э. Данный трактат был написан в 79 г., следовательно, к этому моменту аланы уже точно закрепились в регионе.

Важной для решения нашей проблемы представляется и работа Иосифа Флавия «Иудейские древности», в которой рассказывается о

---

[1] *Ярцев С.В.* Северное Причерноморье в римский период и проблема готской экспансии. Тула, 2014. С. 115.

[2] *Щеглов Д.А.* Датировка появления алан в Северном Причерноморье // Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья (V тыс. до н.э. V век н.э.). Тирасполь, 2002. С. 350-352.

[3] *Малашев В.Ю.* Аланская культура Северного Кавказа: проблема ранней государственности у населения региона во II–IV вв. н.э. // Краткие сообщения Института археологии. М., 2014. С. 76.

[4] *Туаллагов А.А.* Ранние аланы … С. 305-311.

вторжении алан на территорию Закавказья и Ирана в 72 г. Правда, данный текст приходится воспринимать с крайней осторожностью ввиду неточностей, но он позволяет сделать вывод о верхней границе появления алан в Северном Причерноморье[1]. Таким образом, можно говорить, что в 72-73 гг. аланы либо уже были в районе Северного Причерноморья, либо только проникли в регион.

Мы можем говорить о следующих трудностях в решении вопроса первого появления алан в Северном Причерноморье. Во-первых, это проблема письменных источников, где само слово «аланы», как было сказано выше, имеет, скорее всего, социологическое происхождение. Следовательно, высокий социальный статус определённых варварских групп мог проецироваться на весь конгломерат, возглавляемый «аланами», таким образом, под данным термином Посидоний, Валерий Флакк и Иосиф Флавий могли подразумевать совершенно различные кочевые племена, не связанные культурной и языковой линией. По этой причине мы не можем точно утверждать о том, кого конкретно тот или иной автор понимал под термином «аланы» в своем сочинении.

Во-вторых, анализ археологических источников относительно первого появления алан в Северном Причерноморье сильно затрудняется интерпретацией археологических памятников. Одним из примеров такого неоднозначного подхода является так называемое «Золотое кладбище», которое историки разных научных школ либо соотносят с частью аланской культуры[2], либо нет[3].

В-третьих, как было сказано в начале, существуют множество противоречащих теорий и гипотез, решающих проблему этно-социальной основы варварского аланского общества. Например, К.Ф.

---

[1] *Балахванцев А.С.* Ук. соч. С. 10.

[2] *Смирнов К.Ф.* Основные пути развития меото-сарматской культуры Среднего Прикубанья // КСИИМК. Вып. 46. 1952. С. 3-19; *Виноградов В.Б.* Об интерпретации сарматских погребальных памятников Предкавказья III в. до н.э. — I в. н.э. // Советская археология. № 1. 1968. С. 48-56; *Нечаева Л.Г.* Об этнической принадлежности подбойных и катакомбных погребений сарматского времени в Нижнем Поволжье и на Северном Кавказе // Исследования по археологии СССР. М., 1983. С. 151-159; *Савельев О.К.* О возможных причинах появления аланов в северо-западном Причерноморье в середине I в. н.э. // Кондаковские чтения - I. Проблемы культурной преемственности / отв. ред. Н.Н. Болгов. Белгород, 2005. С. 54-59.

[3] *Балахванцев А.С.* Ук. соч. С. 9-14; *Builder Ф.* Сарматы в I в. до н.э. – II в. н.э. по данным античных авторов // Статистическая обработка погребальных памятников Азиатской Сарматии. Вып. III. Средненесарматская культура. М., 2002. С. 8-12.

Смирнов указывал на, то, что аланы возникли в среде аорсов и перенесли своё имя на всю группу[1]. В то же время, А.С. Балахванцев предполагает, что если в 49 г. на Нижнем Дону жили аорсы, то появление аланов должно было произойти несколько позже, приблизительно в 50-х годах I в.[2] Это косвенно свидетельствует, о том, что в его концепции «аланы» не является новым наименованием аорсов.

Таким образом, мы можем сделать следующие выводы. Первое появление алан в Северном Причерноморье, по данным письменных источников, произошло между 45 и 73 гг. I в. Однако мы не можем с полной уверенностью утверждать о том, что разные авторы подразумевали под термином «аланы». Шла ли речь об одной и той же группе кочевников, или под этим именем фигурировали разные варварские группы. Спорный характер археологических источников данной проблемы пока не позволяет сделать окончательные выводы о точной принадлежности ряда памятников аланской культуре, из-за чего продолжают возникать противоречия в научном сообществе.

ВОЗНИКНОВЕНИЕ ЦАРСТВА ФАРЗОЯ В СЕВЕРНОМ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ В ИСТОРИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ

И.А. Путина (Тула)

В исследовании рассматривается исторический контекст возникновения царства Фарзоя в Северном Причерноморье. По мнению автора, главная роль в возникновении варварского царства на северной периферии античного мира, принадлежит Римской империи. Факт разрешения Рима на чекан монет варварских царей должен означать, что Фарзой, на каком-то этапе, согласился на проведение проримской политики в регионе.

Ключевые слова: Римская империя, царство Фарзоя, сарматы, Ольвия, Тира.

THE RISE OF THE KINGDOM OF FARZOY IN THE NORTHERN PRICHERNOMORIE IN THE HISTORICAL CONTEXT

I.A. Putina (Tula)

The article examines the historical context of the emergence of the Farzoy’s kingdom in the Northern Black Sea region. According to the author, the main role in the emergence of the barbarian kingdom on the northern periphery of the ancient

---

[1] *Смирнов К. Ф.* Сарматы и утверждение их политического господства в Скифии. М., 1984. С. 66, 115.
[2] *Балахванцев А.С.* Ук. соч. С. 12.

world belongs to the Roman Empire. The fact of Rome's permission to stamp the coins for barbarian kings must mean, that Farzoy at some stage agreed to conduct a pro-Roman policy in the region.

Key words: Roman Empire, the kingdom of Farzoy, Sarmatians, Olbia, Tyra.

Фарзой – варварский царь, правивший в Великой Скифии в середине I в. н.э. Он управлял на территориях Северного Причерноморья, между Прутом и Днепром. Под его властью находилось значительное объединение сарматов, в зависимость попал и античный город Ольвия. Именно в этом центре чеканились монеты Фарзоя[1], на которых был изображен родовой фамильный знак - сарматская тамга, сам царь, надпись на древнегреческом языке и орел. Слово тамга имеет тюркские корни, это личная печать, маркирующая не только монеты, но и собственность царя.

Обстановка в Северном Причерноморье в середине I в. н.э. характеризуется серьезными политическими и военными катаклизмами, в связи с появлением здесь нового сарматского объединения и ориентацией его на экспансию против живущих здесь народов[2]. В 62 г. правитель римской Мёзии Плавтий Сильван сталкивался с Фарзоем в ходе экспедиции по усмирению сарматов в начавшихся волнениях. Сведения на надгробной плите правителя Плавтия Сильвана гласят об его успехах в этом деле. Он вернул варварскому народу бастарнам заложников, а неизвестных ранее или враждебных римскому народу царей он привел к берегу, который он защищал, чтобы они почтили римские значки (CIL, XIV, 3608). Ольвия была вынуждена признать зависимость от появившихся здесь новых варваров с востока, начав чеканить монеты с изображением царей Фарзоя и позднее Инисмея. Портрет правителя на золотых монетах располагался на лицевой стороне, в то время как на обороте был орел. Позднее территория Ольвии стала одной из римских провинций Нижней Мёзии, там же чеканились монеты с портретами римских предводителей.

По внешним параметрам монеты Фарзоя весили 7 граммов, а в диаметре были 2 см, эти характеристики определялись по древнеримским золотым монетам I в. н.э., название которых произошло от латинского слова aureus. На монете лик царя с усами и бородой смотрит

[1] *Щукин М.Б.* Царство Фарзоя. Эпизод из истории Северного Причерноморья // СГЭ. Л., 1982. Вып. 47. С. 35.

[2] *Скрипкин А.С.* Проблемы расселения и этнической истории сарматов Нижнего Поволжья и Дона // Древняя и средневековая история Нижнего Поволжья и Дона. Саратов, 1986. С. 94.

направо, на голове изображено что-то напоминающее шлем или шапку, перед шеей изображен с наклоном вправо крылатый кадуцей, ручка которого схематично изображена, как тесное скопление шариков, в левой части монеты отчеканен ряд крупных точек. Вверху и внизу просматриваются надписи. На отчеканенных монетах встречались имена не только правителей эпохи Фарзоя, но и магистратов. Имена последних изображены только несколькими первыми буквами в виде монограммы. Чеканка монет варварских царей была прекращена к 82 г.[1]

Любопытно, но несколько монет варварских царей было обнаружено непосредственно на территории античных государств, в частности, в Тире. Несмотря на то, что Тира попала в сильную зависимость от Римской империи в середине I в.[2], между Нижним Дунаем и Днестром продолжали происходить военные столкновения между империей и сарматскими объединениями. Однако в связи с военными действиями и торговыми отношениями открывались новые возможности занесения в город монет Фарзоя. Торговые союзы входили в поле интересов не только у Рима, но и варварских царей. В тексте ольвийского декрета, датируемого I в. н.э., сказано, что некий правитель во время сильной засухи нашел способ добыть хлеб. За собственные деньги он снарядил посольство к наместникам Мёзии, поездка увенчалась успехом. Немного позднее он снарядил новое посольство к «величайшим царям Аорсии», которое, как и первое, принесло свои плоды[3].

На внешний вид монет царя Фарзоя оказали влияние сарматская, римская и скифская культуры. Как мы уже говорили выше, на статерах царя орел лапами удерживает тамгу, личный знак предводителя. Разбираясь в значении изображенного, можно предположить, что это символизировало связь Рима и Фарзоя, их союз и мир между ними[4]. По мнению С.Ю. Сапрыкина, последний был римским наместником, действовавшим в интересах Римской империи.

Отношения римлян с соседями-варварами не совсем походили на традиционные воинственные отношения. Взаимоотношения хоть и были неравными, но в их основе лежало сотрудничество. Проримская

---

[1] *Карышковский П.О.* О монетах царя Фарзоя // Археологические памятники Северо-Западного Причерноморья. Киев, 1982. С. 73.

[2] *Карышковский П.О., Клейман И.Б.* Древний город Тира. Историко-археологический очерк. К., 1985. С. 88-93.

[3] *Шилов В.П.* Аорсы (Историко-археологический очерк) // История и культура сарматов. Саратов, 1983. С. 44.

[4] *Симоненко А.В., Лобай Б.И.* Сарматы Северо-Западного Причерноморья в I в. н.э. К., 1991. С. 71-75.

политика в Северном Причерноморье была направлена на вхождение греческих городов во главе с местными царями в состав империи через так называемые симмахии. Под опекой Рима эти вассальные государства должны были стать римскими провинциями[1].

Сложной проблемой является хронология чеканки варварских монет Фарзоя и Инисмея[2]. Опираясь на исследования П.О. Карышковского, можно ее представить следующим образом: 48 год принято считать началом правления Фарзоя; в 54-55 годах были выпущены первые золотые монеты; с 58 по 68 г. прекращена чеканка монет. Причиной стал сирако-аорский конфликт на Боспоре. При этом впервые была проведена параллель между прекращением литья монет и действиями Тиберия Сильвана, наместника Мезии. На 21 год наместничества царя – 68 г. - литье ольвийской меди и золотых монет возобновлено; 70-ми годами датируются последние отчеканенные монеты Фарзоя; 80-ми годами датируются монеты сарматского царя Инисмея.

Итак, выпуск первых золотых монет царя Фарзоя П.О. Карышковский датирует концом 50-х началом 60-х гг. н.э., а самые последние относит к 82 г.[3] Однако метрологические данные показали, что монеты Фарзоя не идентичны друг другу. Если первые монеты по весовым категориям соответствовали системе эллинского мира, то более поздние тяжелые и легкие ауресы соответствовали монетной системе, используемой в Риме. Переход на римскую монетную систему и чеканку тяжелых монет начался до 64 г., позднее этой даты стали чеканить монеты с пониженными нормами римской системы.

Следуя данной хронологии, можно предположить, что незадолго до первой эмиссии городской меди группы Зевса в 54-55 гг. власть над Ольвией оказалась в руках Фарзоя, а именно в 52-55 гг. В 55-56 гг. чеканятся первые золотые статеры первоначальной аттической системы, на это же время приходится 2-я и 3-я эмиссии городской меди группы Зевса. Действия Фарзоя по выпуску золота в различных вариациях - с датами и без них, по мнению Ю.Г. Виноградова, объясняются

---

[1] *Сапрыкин С.Ю.* Город и царская власть в Понтийском государстве Митридатов // Античный мир – Византия. Харьков, 1997. С. 54-55.

[2] *Карышковский П.О.* Новая монета... С. 121; см. также *Яценко С.А.* Об этносе - противнике Плавтия Сильвана в Северо-Западном Причерноморье около 62 г. н.э. // Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и средние века. Ростов-на-Дону, 2001. С.115-117.

[3] *Карышковский П.О.* Новая монета... С. 121; см. также *Яценко С.А.* Об этносе - противнике Плавтия Сильвана в Северо-Западном Причерноморье около 62 г. н.э. // Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и средние века. Ростов-на-Дону, 2001. С. 115-117.

так: он, как любой варварский царь, выпускающий на монетных дворах денежные знаки в античных поселениях, целенаправленно преследовал политико-пропагандистские цели[1]. Такие акции были демонстрацией; данное определение раскрывает характер чеканки монет и акций по пропаганде власти Фарзоя.

В 60-61 гг. царь сарматов начал чеканить тяжелые ауресы с царским титулом и своим портретом. Золотые монеты, соответствующие римской весовой категории, да еще с такими регалиями, были замечены Римом. И уже в 62 г. римские власти среагировали, направив войска в Мёзию для расправы с сарматами. Корнелий Тацит писал о незамедлительно предпринятых Римом действиях; согласно его сведениям, сарматы, в отличие от хорошо приспособленных и организованных римлян, разбрелись по округе в поисках добычи[2]. Набрав множество вьюков и обременив лошадей, они снизили скорость лошадей, а скользкие дороги сделали сарматов практически беззащитными. Конным отрядам сарматов вряд ли кто-то мог дать отпор, но спешившись они становились крайне трусливыми. В традиции варваров было не принято защищаться щитом, римляне резали и убивали их своими длинными копьями, легкими мечами и метательными дротиками, против которых сарматы были беззащитны. Те, кто уцелел, скрылись в болотах, где, по всей видимости, умерли от ран или от суровых зимних условий.

Весть быстро дошла до Рима, победители были награждены, так, к примеру, правитель Мёзии М. Апоний получил триумфальную статую, а легаты легионов – консульские украшения. Таким образом, перерыв в чеканке статеров царя Фарзоя характеризуется совпадением с военными действиями Плавтия Сильвана в 62 и 68-69 гг. В 79-80-х гг. к власти пришел Инимсей, и эти же годы принято считать последними годами правления Фарзоя, а, следовательно, и чеканки золотых монет.

По нашему мнению, главная роль в возникновении рассматриваемого варварского царства на северной периферии античного мира принадлежит Римской империи. Факт разрешения Рима на чеканку монет варварских царей должен был означать, что Фарзой, на каком-то этапе, согласился на проведение проримской политики в регионе.

---

[1] *Виноградов Ю.Г.* Очерк военно-политической истории сарматов в I в н.э. // ВДИ. 1994. №2. С. 151-170.

[2] P. Cornelius Tacitus. Libri qui supersunt / Ed. E. Kostermann. Leipzig, 1963-1968. T. I-IV; Taciti. Opera / Ed. J. Delz. Stuttgart, 1983. Русский перевод: Тацит, Сочинения: В 2 т. / Перевод: Т.I: А.С. Бобович, Я.М. Боровский, М.Е. Сергеенко; Т. II: Г.С. Кнабе. М., 1969.

БОГИ МАНЫ В СЕВЕРНОМ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ В КОНТЕКСТЕ РИМСКОЙ КАТЕГОРИИ «PIETAS»

Е.В. Шушунова (Тула)

Исследование посвящено культу богов Манов в Северном Причерноморья в контексте римской категории «pietas». По мнению автора, культ богов Манов в Северном Причерноморье, распространенный среди римских военнослужащих, вполне мог способствовать усилению трансформации местных подобных религиозных представлений, связанных с загробным миром, обожествлением или апофеозом умерших и верой в бессмертие души. Скрупулезно соблюдавшийся римскими военнослужащими данный культ оказывал непосредственное влияние на религиозную жизнь, в первую очередь, варварских воинских контингентов, прикрывавших подходы к античным государствам и тесно взаимодействующих с римским командованием. Изменения происходили в сторону усиления хтонизма в верованиях и возможного установления более четкой регламентации отношений потомков с духами-предками. Скорее всего, именно это и привело к необходимости совершения части ритуальных человеческих захоронений уже не на некрополе, а непосредственно на территории поселений в позднеантичное время. Ведь только в этом случае божественную помощь и защиту предки могли оказывать не только в краткосрочный момент возвращения их на землю, но и в любое другое время, так как были погребены рядом с жилыми домами своих потомков.

Ключевые слова: Боги Маны, римская набожность и праведность, Северное Причерноморье, культ духов-предков, сакральная защита поселений.

THE GODS MANES IN THE NORTHERN BLACK SEA REGION IN THE CONTEXT OF THE ROMAN CATEGORY "PIETAS"

E.V. Shushunova (Tula)

The study focuses on the cult of the Manes gods in northern Black Sea region in the context of the Roman category "pietas". In the author's view, the cult of the Manes Gods in northern Black Sea region, distributed among Roman soldiers, could well have contributed to the transformation of the local religious beliefs associated with the afterlife, deification or apotheosis of the dead and faith in the immortality of the soul. Scrupulously observed by the Roman servicemen, this cult had a direct impact on religious life, first of all, barbarian military contingents, covering the approaches to the ancient states and closely interacting with the Roman command. Changes occurred in the direction of strengthening the chthony in beliefs and possible establishment of a more precise regulating the relations of descendants with the ancestral spirits. It is likely that it has led to the need to commit part of the ritual human burials no longer in the necropolis but directly in the settlements at Late Antique period. It was only in this case that divine help and protection of the ancestors

could be provided not only in the short time of their return to Earth, but also at any other time, as they were buried near their descendants' homes.

Keywords: Manes Gods, Roman piousness and righteousness, Northern Black Sea region, the cult of ancestral spirits, sacred protection of settlements.

Важное место в римском обществе с незапамятных времен отводилось религии. В своем первоначальном развитии римская религия сводилась к анимизму, то есть, вере в одушевление природы. На взаимопроникновении природы и богов в самосознании римлян основывалась и Вселенная. Космос в их представлении был разделен на несколько сфер: божественная сфера (небесная) (divinae), земные сферы (sacra), человеческие сферы (profana), а также сферы подземелья: для духов-защитников и подземных богов[1]. Исходя из этого, логичным становится тот факт, что все события в жизни человека были стимулированы божественным началом.

Одним из основных факторов, характеризующих религиозность римлян, была «pietas»[2]. В древнем Риме данный термин интерпретировался по-разному. Основная его форма – «pietas erga deos» (набожность, праведность, греческий эквивалент: εὐσέβεια)[3]. Проявляется «pietas», прежде всего, в поклонении богам и безоговорочном соблюдении ритуалов и религиозных правил, которые в ранний период истории Рима регулировали также формы существования в обществе[4]. Римляне гордились своей «pietas», полагали, что в своей набожности они превосходят все другие народы (Polib., VI, 56, 6-8).

Существовало несколько наиболее распространенных форм «pietas»: «pietas erga patriam» (послушание и поклонение государству);

---

[1] *Штаерман Е.М.* Человек и космос в мире Рима // ВДИ. 1992. № 3. С. 179-211; *Sacrum et Profanum.* Вып. V: Память в веках: от семейной реликвии к национальной святыне / ред.- сост. Н.А Алексеенко, Х. Хоффманн. Севастополь: СПД Арефьев, 2012. С. 61-67.

[2] *Ulrich T.* Pietas (pius) als politischer Begriff im römischen Staate bis zum Tode des Kaisers Commodus. Breslau, 1930; *Waagenvoort H.* Pietas // Pietas. Selected Studies in Roman Religion. Leiden, 1980. P. 1-20; *Champeaux J.* Pietas: piété personelle et piété collective a Rome // Bulletin Budè 3. 1989. P. 263-279; *Sacrum et Profanum.* Вып. V: Память в веках: от семейной реликвии к национальной святыне. С. 61-67.

[3] *Hellegouarc'h J.* Le vocabulaire latin des relations et des partis politiques sous la République. Paris. 1963. P. 276 et seq.; *Sacrum et Profanum.* Вып. V: Память в веках: от семейной реликвии к национальной святыне. С. 61-67.

[4] *Fugier H.* Recherches sur l'expression du sacré dans la langue latine. Paris. 1963. P. 331 et seq.; *Sacrum et Profanum* Вып. V: Память в веках: от семейной реликвии к национальной святыне. С. 61-67.

«pietas», регулирующая отношения между отдельными членами семьи, которая предполагала послушание, соблюдение предписаний, уважение и почитание всех членов семьи; «pietas erga parentes» (отношение детей к родителям); «pietas erga liberos» (отношение родителей к детям); «pietas erga maiores» (почитание умерших предков).

«Pietas erga maiores» считается самой древней формой «pietas» и связывается с высокой набожностью римлян и их мировоззрением согласно которому умершие как «diparentes» заботились о роде (Polibius, VI, 53)[1]. По словам Цицерона, «предки хотели, чтобы люди, расставшиеся с этой жизнью, были причислены к богам» (Cicero. De leg., II, 55)[2]. Сенатор упоминает также о том, что души умерших приравниваются к di Manes (Cicero. De leg., II, 55)[3].

Маны – это добрые божества, духи умерших и загробного мира[4]. Упоминание о Манах есть уже в Законах XII таблиц, которые согласно римской исторической традиции были записаны в начале V в. до н.э. Согласно верованиям римлян, Маны были связаны с небом. Они как бы заполняли пространство между Землей и Луной (Serv. Aen. III, 63) или даже пребывали в сфере Солнца (Mart. Capella. De nuptis Phil., II, 152-164; August. De Civit. Dei, IX, 11; CIL, VI, 161223). В Северном Причерноморье почитание Манов отчетливо фиксируется по текстам эпитафий и не вызывает сомнений. Как правило, их находят в местах службы и погребений римских военнослужащих[5]. При изучении этих памятников было замечено, что изображения на них, так или иначе, связаны с героизацией умерших, которые представлялись в виде героя или божества. Более того, не исключено, как считала Э.И. Соломоник, что шестилучевые и трехлучевые розетки на этих надгробиях могли носить не только декоративный характер, но и являться отражением учения о бессмертии души[6]. В пользу такой интерпрета-

---

[1] *Cumont F.* After Life in Roman Paganism. New Haven, 1922. P. 44-69.

[2] *Roloff H.* Maioresbei Cicero. Göttingem, 1938. P. 274-322; *Штаерман М.* Социальные основы религии древнего Рима. М, 1987. С. 50.

[3] *Toynbee J.M.* Death and Burial in the Roman World. Baltimore. 1996. P. 32 et seq.

[4] *Штаерман Е.М.* Социальные основы религии древнего Рима. М., 1987. С. 54; *Русяева А.С.* Религия и культы античной Ольвии. Киев. 1992. С. 158; *Зубарь В.М.* Боги и герои античного Херсонеса. К.: Стилос, 2005. С. 81.

[5] *Русяева А.С., Зубарь В.М.* Религиозное мировоззрение // Херсонес Таврический в середине I в. до н.э. — VI в. н.э.: Очерки истории и культуры. Харьков, 2004. С. 423-429; *Козуб Ю.И.* Надгробия некрополя Ольвии римского периода // Боспорский феномен. Погребальные памятники и святилища. СПб., 2002. Т. II. С. 37-41.

[6] *Соломоник Э.И.* Новые эпиграфические памятники Херсонеса. Киев, 1973. С. 216-217.

ции свидетельствуют факты широкого распространения в Римской империи II-III вв. верований, однозначно указывающих на звезды, куда возвращались бессмертные души умерших, то есть, именно туда, где и обитали боги Маны.[1] По этой причине нередко изображение умершего, посвященное данным божествам, размещалось в центре импровизированной двери, представленной в виде профилированной рамки украшенной фронтоном с круглой розеткой в центре[2]. Ведь подобные орнаментальные изображения (возможно, даже уголки в нижней части надписи надгробия, в сочетании с изображением луны или звезд), скорее всего, символизировали врата неба[3]. Все это указывает на то, что в армейской среде в первых веках н.э. доминировали сложные верования, связанные с бессмертием души, которая после смерти покидала тело, отправляясь к звездам – обители богов Манов[4].

Любопытно, но такие представления хорошо соответствуют общей тенденции трансформации религиозных представлений в античном мире в первых веках н.э. В отличие от представлений греков гомеровского периода, когда душа не мыслилась в отрыве от могилы, в эллинистическое время и особенно в римский период все большее развитие получают верования о бессмертии души и о теле, как о временном ее вместилище. По этой причине, в первых веках на античных некрополях неуклонно снижается процент погребений, совершенных по обряду кремации, ведь бессмертие души было совершенно несовместимо с уничтожением тела. Например, в том же Херсонесе погребения, совершенные по обряду кремации, в I-III вв. составляли уже всего 7 %[5]. При этом в данный период многие люди начинают терять веру в старых богов, которые уже не могли защитить их, и стараются найти себе других божественных патронов[6].

По нашему мнению, в развитии такого религиозного синкретизма не последнюю роль начинает играть и специфический культ богов Манов, появившийся в Северном Причерноморье вместе с римскими военнослужащими. Любопытно, но здесь в данное время, с целью божественной защиты, наблюдался активный поиск посредников

---

[1] *Русяева А.С., Зубарь В.М.* Ук. соч. С. 424.

[2] *Соломоник Э.И.* Латинские надписи Херсонеса Таврического. М., 1983. С. 67-68. № 42.

[3] Там же. С. 66-67. № 41.

[4] *Русяева А.С., Зубарь В.М.* Ук. соч. С. 426.

[5] *Зубарь В.М.* Боги и герои античного Херсонеса. Киев, 2005. С. 134-135.

[6] *Ярцев С.В., Зубарев В.Г., Бутовский А.Ю.* Греко-варварский Крым в период поздней античности (III-IV вв. н.э.: от морских походов до битвы при Адрианополе). Тула, 2015. С. 351.

между богами и людьми, на роль которых стали претендовать умершие сородичи и даже младенцы[1]. При этом, не вызывает сомнений, что контакт людей и богов должен был происходить непосредственно в месте погребения родственника, именно поэтому могилы специально стали размещать в наиболее уязвимых для обороны местах или же на возвышенностях, откуда боги загробного мира и умершие предки в минуту опасности, увидев тяжелое положение поселения или города, могли оказать необходимую помощь[2]. Например, в Херсонесе в первых веках н.э. по этой причине захоронения стали совершать даже на территории перибола, из-за чего пространство вдоль оборонительных стен Херсонеса оказалось занятым могилами и склепами[3]. Очевидно, что подобные погребения по обряду трупоположения могли выполнять защитную функцию, по причине того, что являлись важнейшими посредниками между богами и людьми[4]. В этой ситуации боги Маны, даже если посвятительные надписи им посвящали лишь римские военнослужащие, не могли не оказывать влияние на общую трансформацию религиозных верований на всей территории северной периферии античного мира, учитывая неизбежный в таком случае духовный синкретизм. Может быть поэтому культ богов Манов пересекается с распространенным в первых веках н.э. в Северном Причерноморье традиционным культом предков.

Чтобы разобраться в этом вопросе, обратим внимание на особенности данной обрядовой практики у римлян. Из письменных источников известно, что существовало несколько основных форм почитания духов-манов: паренталии (в феврале) и лемурии (в мае). Эти праздники были посвящены частному культу почитания умерших родителей и предков. Родственники приходили к гробницам и приносили венки, цветы и немного пищи с вином[5]. Во время паренталий городские чиновники не надевали свои знаки отличия, храмы закрывали, огни на алтарях гасились, браки не заключались (Ovid. Fasti, II, 533, 557-567). В эти дни усопшие возвращались на землю и совершали тра-

---

[1] Там же. С. 362-363.

[2] Там же. С. 372.

[3] *Сорочан С.Б., Зубарь В.М., Марченко Л.В.* Херсонес – Херсон – Корсунь. Киев, 2003. С. 38-43.

[4] *Ярцев С.В., Зубарев В.Г., Бутовский А.Ю.* Ук. соч. С. 372-373.

[5] *Schullard H.H.* Festivals and Ceremonies of the Roman Republic. London, 1981. P. 74-75; *Benoist S.* La Fê à Rome au premier siècle de l'Empire. Recherches sur l'universfestif sous les règnesd'Augusteet des Julio-Claudiens. Bruxelles, 1999. P. 137 et seq.; *Sacrum et Profanum* Вып. V: Память в веках: от семейной реликвии к национальной святыне. С. 61-67.

пезу на могилах (Ovid. Fasti, II, 565-576). При этом, по словам Овидия, потомки старались умиротворить души предков благочестием – «pietas» (Ovid. Fasti, II, 533). Считается, что в старом римском календаре февраль был последним месяцем года – неопределенным, переломным периодом межсезонья. В такое время возрождается Хаос, нормы отменяются, мертвые возвращаются на землю, и именно в феврале приходили луперкалии, коллективные результаты очищения, предваряющие всеобщее возрождение, Новый Год – ритуальное сотворение мира[1].

В дни второго праздника, посвященного духам предков – майским лемуриям, в течение трех дней (9, 11 и 13 мая) мертвые, лемуры возрождались к жизни и приходили в жилища своих потомков[2]. Лемуры (Lemures, Larvae) – это злые духи умерших, особо опасными были духи умерших ненатуральной смертью и в молодом возрасте[3]. Они бродят по земле и насылают на людей безумие. Чтобы избежать их неудовольствия и помешать им забрать с собой кого-нибудь из живых домочадцев, глава семейства набивал рот черными бобами и, выплевывая их, девять раз произносил заклинание: «Этими бобами откупаюсь за себя и всех своих домашних». Затем он отпугивал мертвых громким стуком в бронзовый сосуд и опять повторял девять раз: «Маны моих отцов, вон из моего дома!» (Ovid. Fasti,V, 429-444)[4].

Нетрудно заметить, что эти верования древних римлян сильно напоминают подобные представления других народов, особенно широко распространившиеся в первые века н.э. Правда, в римском варианте довольно отчетливо выражен фактор строгой регламентации подобных представлений. Любопытно, но в данное время у варваров также стали предприниматься попытки поставить под контроль подобную деятельность. Так, существует мнение, что, например, у готов Северного Причерноморья бесконтрольная практика призвания мертвых предков из загробного мира была жестко пресечена и в последующем строго регламентирована, что явилось причиной загадочного исчезновения каменных кругов (за редким исключением) из ареала

---

[1] *Элиаде М.* История веры и религиозных идей: От Гаутамы Будды до триумфа христианства / Пер. с фр. Н.Б. Абалаковой, С.Г. Балашовой, Н.Н. Кулаковой, А.А. Старостиной. М.: Академический проект, 2012. С. 134-135.

[2] Там же. С. 135.

[3] *Thaniel G.* Lemures and Larvae // AJPh 94. 1973. P. 182-187; *Sacrum et Profanum* Вып. V: Память в веках: от семейной реликвии к национальной святыне. С. 61-67.

[4] *Элиаде М.* История веры и религиозных идей: От Гаутамы Будды до триумфа христианства. М.: Академический проект. 2012. С. 134-135.

черняховской культуры[1]. Не исключено, что подобными действиями была ограничена и религиозная практика населения античных государств северопричерноморского региона. В частности, на Белинском городище, расположенном на западных рубежах Боспора, захоронения умерших родственников в IV в. стали совершаться не на некрополе, а рядом с жилыми домами. При этом данные ритуальные погребения были перекрыты довольно плотным каменным курганом, что однозначно свидетельствует о страхе живых перед мертвыми[2], видимо, усиливавшемся в те дни, когда мертвые возвращались на землю. Все это свидетельствует о сильной трансформации в первых веках н.э. в Северном Причерноморье культа духов-предков. Очевидно, что последние обеспечивали свое покровительство и защиту живущих рядом потомков, но только в обмен на какую-то особую форму религиозного обряда, что вполне соответствует древней римской «pietas».

В этой связи, по нашему мнению, необходимо обратить внимание на практику римлян по упорядочиванию данного культа pater familias, когда мертвые могли возвращаться к своим потомкам только в определенные дни в году. Этот опыт вполне мог быть заимствован и в Северном Причерноморье людьми, тесно связанными с военной службой в римских вспомогательных частях или в воинских подразделениях античных государств. В Крымском Приазовье в позднеантичное время были расселены варвары, явно состоявшие на службе боспорского царя и охранявшие западные рубежи государства (Procop. Bell. Got., VIII, 4-5, 18-20). При этом еще на самых ранних этапах переселений подобных контингентов на территорию Боспорского царства, когда варвары еще являлись язычниками[3], вполне могло произойти заимствование ими наиболее архаических обрядов из представлений римских военнослужащих. Отчасти этому способствовало то обстоятельство, что изначально основа данного варварского контингента, подошедшего в середине III в. к границам Боспора из районов Нижнего Дуная, в значительной степени состояла не только из беглых рабов с колонами и римских провинциалов, но и из бывших римских солдат[4]. Вот почему странное человеческое жертвоприношение, выявленное на Белинском городище, вполне может отражать наиболее архаичные стороны данного римского обряда. При этом мужской труп с перекрещенными (связанными?) ногами и отрубленной головой, похоже, был

---

[1] *Ярцев С.В., Зубарев В.Г., Бутовский А.Ю.* Ук. соч. С. 309.
[2] Там же. С. 375.
[3] Там же. С. 193- 194, 266-267.
[4] Там же. С. 75.

специально сброшен в яму у ног, ритуально погребенных под каменным курганом на Белинском городище[1].

С одной стороны, в экстраординарных ситуациях человеческие жертвоприношения духам предков, римлянам были не чужды. Весьма показательным, в этой связи, является принесение себя в жертву духам Манам консула Деция в ходе битвы римлян с самнитами (Tit. Liv., VIII, 9-10)[2]. Однако, с другой стороны, указанное жертвоприношение явно соотносится с основной группой ритуальных ингумационных захоронений на городище. То есть, оно напрямую было связано с поклонением духам предков. Объяснить это, по нашему мнению, может только введение строгой регламентации на подобную религиозную практику, по типу поклонения римским богам Манам. Дело в том, что установление строгих правил отношений с духами предков на городище, в значительной степени, подрывало его сакральную защиту. В этом случае предки могли посещать сородичей только в определенные дни в году, а остальное время населенный пункт оставался без их помощи. Именно стремление обеспечить постоянную божественную поддержку, через посредничество духов предков, в условиях установления жестких правил подобной религиозной практики, вынуждало размещать погребения ближе к жилым домам, уже непосредственно на городище. Только так тела погребенных могли создавать необходимую контактную зону с потусторонним миром непосредственно на территории поселения, и таким образом, практически постоянно находиться на страже сородичей, не покидая могил. При этом человеческое жертвоприношение должно было максимально способствовать установлению такой связи с потусторонними силами и духами предков. Его явно следует рассматривать в рамках необходимости безоговорочного соблюдения правил древнего ритуала, наподобие римской праведности («pietas»).

Подводя итог нашего исследования, отметим, что культ богов Манов в Северном Причерноморье, распространенный среди римских военнослужащих, вполне мог способствовать усилению трансформации местных подобных религиозных представлений, связанных с загробным миром, обожествлением или апофеозом умерших и верой в бессмертие души. Скрупулезно соблюдавшийся римскими военнослужащими данный культ оказывал непосредственное влияние на религиозную жизнь, в первую очередь, варварских воинских контингентов, прикрывавших подходы к античным городам и тесно взаимодейству-

---

[1] Там же. С. 375-376.
[2] *Элиаде М.* Ук. соч. С. 135.

ющих с римским командованием. Изменения происходили в сторону усиления хтонизма в верованиях и возможного установления более четкой регламентации отношений потомков с духами-предками. Скорее всего, именно это и привело к необходимости совершения части ритуальных человеческих захоронений уже не на некрополе, а непосредственно на территории поселений в позднеантичное время. Ведь только в этом случае божественную помощь и защиту предки могли оказывать не только в краткосрочный момент возвращения их на землю, но и в любое другое время, так как были погребены рядом с жилыми домами своих потомков.

ЭТНИЧЕСКИЙ СОСТАВ БОСПОРСКОЙ АРМИИ В ЭПОХУ ПОЗДНЕЙ АНТИЧНОСТИ

И.А. Астахов (Тула)

В статье рассматривается проблема этнического состава боспорской армии в период поздней античности с середины III по начало V вв. Этнической состав боспорской армии в этот период был очень разношерстным по причине постоянного движения варварских кочевых народов через территорию Боспорского царства. Состав менялся в зависимости от того, какие народы доминировали в регионе.

Ключевые слова: Боспорское царство, армия, варвары, поздняя античность, этнический состав.

ETHNIC COMPOSITION OF THE BOSPORIAN ARMY IN THE LATE ANTIQUITY

I.A. Astakhov (Tula)

The article deals with the ethnic composition of the Bosporan army in the late antiquity from the middle of the III century AD to the beginning of the V century. AD The ethnic composition of the Bosporan army during this period was very diverse because of the constant movement of barbarian nomadic peoples through the territory of the Bosporan Kingdom. The composition varied depending on what kind of people dominated in the region.

Keywords: The Bosporan Kingdom, army, barbarians, late antiquity, ethnic composition.

Практически не освещенным в отечественной историографии остается вопрос этнического состава армии Боспорского царства в середине III – конце V вв., то есть период масштабного проникновения варваров-номадов на территорию Боспора Киммерийского, что по-

влекло за собой тотальную варваризацию боспорского общества и глубокий политический, экономический и военный кризис. Учитывая то, что в кризисные периоды истории особую роль в разрешении тех или иных проблем играет армия, а варварские группировки, проникающие на Боспор с конца III в., были сплошь военизированы, изменения, произошедшие в этническом составе боспорского войска, играют весомую роль для понимания происходящих в этот период процессов.

Несомненно, костяком боспорской государственности на протяжении всего её существования являлись носители греческого языка и греческих имен. Важнейшим подтверждением данного тезиса является то, что весь документооборот и все эпиграфические надписи Боспорского царства осуществлялись на греческом языке[1]. Что касается имен, то имена греческого происхождения превалируют среди остальной части имен, отмеченных на различных памятниках эпиграфики[2]. Однако, сложно судить насколько жители Боспора были действительно греками. Точнее будет называть их либо греко-варварами, либо боспорянами или боспорцами[3], как они сами себя называли. В любом случае этот народ выделился из общегреческой народности в отельную этническую группу, приобретшую самостоятельные, присущие только ей элементы. Основные виды такой самостоятельности выделились в погребальном обряде, имевшем как чисто эллинские черты, такие как - монеты на глазах покойника, присутствие в погребение светильников либо курильниц[4], так и различные варварские элементы, к которым можно отнести, например, обычай класть к покойнику в могильную яму миску с едой (чаще мясом, реже злаками), распространенный у меотов Прикубанья в IV–II вв. до н.э.[5], использование в качестве погребений подбойных могил, а также захоронения в скрюченном положении, присущие сарматам I – II вв. н.э.[6]

---

[1] *Масленников А.А.* Население Боспорского царства в первых веках н.э. М., 1990. С. 70.

[2] *Яйленко В.П.* Тысячелетний боспорский рейх. Истории и эпиграфика Боспора в IV в. до н.э. – V в. н.э. М., 2010. С. 580.

[3] *Масленников А.А.* Население Боспорского царства в первых веках н.э. М., 1990. С. 70.

[4] *Богданова П.А.* Погребальный обряд сельского населения позднескифского государства в Крыму // Археологические исследования на юге Восточной Европы. М., 1982. С. 31-38.

[5] *Масленников А.А.* Население Боспорского царства в первых веках н.э. М., 1990. С. 74.

[6] *Зубарь В.М.* Этнический состав населения Херсонеса Таврического первых веков нашей эры // Материалы к этнической истории Крыма. Киев, 1987. С. 82.

Однако, учитывая то, что греко-варварский этнос составлял костяк боспорской государственности, нельзя утверждать, что он составлял основу боспорской армии. Варваризация римской армии и появление института федератов, несомненно, оказали сильное влияние на состав боспорского войска. Общей тенденцией позднеантичного времени как для Римской империи, так и для Боспора стало увеличение количества варваров на пограничье, двигающихся на запад вследствие начавшегося Великого переселения народов[1] (Cass. Dio. LXXII.11). Подобно Римской империи, которая была вынуждена принять и пропустить на свою территорию различные варварские контингенты, Боспорское царство также принимало и расселяло на своей земле варваров и кочевников, вторгавшихся в пределы государства. Это могло быть связано с рядом факторов: во-первых, давление варваров на регион Северного Причерноморья было настолько сильным, а Боспор была настолько слабым, что проще было интегрировать пришлое население в свой состав, чем воевать с ним; во-вторых, банальная нехватка людских ресурсов. Однако точно ответить на вопрос, кто были эти варвары, пришедшие на территорию Боспора Киммерийского и ставшие частью боспорской армии, довольно сложно. Наиболее четко этническую принадлежность той или иной группы можно проследить благодаря различиям в погребальном комплексе и конструкции самих могильников тех или иных народов[2].

Вполне обоснованно считается, что варварский контингент всегда составлял значительную часть от общего числа боспорского войска (Luc. Tox. 54; Diod. XX, 22-24) [3]. Особенности расположения Боспорского царства ставили вопрос обороны таким образом, что для защиты страны от населявших соседние степи варваров было необходимо значительное число воинов, расселенных как вдоль границы, так и внутри государства. Такими воинами справедливо считать выходцев из этих же варваров-кочевников. Люди, чьим ремеслом была война, и чья жизнь была чередой постоянных военных походов, за определенную плату либо предоставление иных форм вознаграждения готовы были нести службу в рядах боспорской армии. Еще при Митридате VI Евпа-

---

[1] *Глушанин Е.П.* Провинциализация и варваризация в истории римской императорской армии // Власть, политика, идеология в истории Европы: сборник научных статей, посвященный 30-летию кафедры ВИМО АлтГУ. Барнаул, 2005. С. 41.

[2] *Масленников А.А.* Население Боспорского царства в первых веках н.э. М., 1990. С. 16.

[3] *Mielczarek M.* The Army of the Bosporan kingdom. Lodz, 1999. P. 82-83.

торе основу его гвардии составляли воины-варвары.[1] К таким кочевникам, вероятно, служившим в боспорском войске, можно отнести: метов, скифов, яксаматов, иксивитов, сираков, аорсов, языгов, роксоланов и т.д.[2]

Главными соседями и вероятными первыми «федератами» Боспорского царства на рубеже II–III вв. являлись аланские племена, которые, как и сарматы, входили в ираноязычную группу индоевропейцев. В период правления Савромата II (174–211 гг.) аланы начинают проникать на территорию Боспорского царства и занимают серьезное положение. Об этом нам явно свидетельствует, например, надгробие Ирака, датируемое 208 г., занимавшего пост главного аланского переводчика в Гермонассе (КБН № 1053). Многие жители, в том числе, и правители, носили сармато-аланскую одежду и имели иранские имена. На рубеже II-III вв. количество иранских имен составило около 20 %[3]. Некоторые найденные на Боспоре лепные сосуды подобны аланским, обнаруженным в низовьях Дона и Прикубанья[4]. Аланская община играла видную роль в Танаисе[5]. Анализ антропологических материалов показал, что они во II-III вв. не смешивались с жившими в городе другими этническими группами[6].

Стоит отметить, что аланы, являясь кочевым и военным этносом, несомненно, могли занимать важные военные посты и в принципе были основой боспорской армии того времени. Об огромном влиянии

---

[1] *Сапрыкин С.* Понтийское царство: Государство греков и варваров в Причерноморье. М., 1996. С. 198.

[2] *Циглер М.В.* Боспорское царство и варварская периферия в I-IV н.э.: военный аспект взаимоотношений // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. Экономика. Информатика. № 7. 2015. С. 48-52.

[3] *Шелов Д.Б.* Некоторые вопросы этнической истории Приазовья II-III вв. н.э. по данным ономастики // ВДИ. 1974. №1. С. 90-93.

[4] *Абрамова М.Л.* Нижне-Джулатский могильник. Нальчик, 1972. Рис. 13, 42; *Абрамова М.Л., Магомедов М.Г.* О происхождении культуры Андрей-Аульского городища // Северный Кавказ в древности и в средние века. М., 1980. Рис. 1,3; 7,11; *Абрамова М.Л.* Центральный Кавказ в сарматскую эпоху // Археология СССР. Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1989. С. 271; *Айбабин А.И.* Комплексы с большими двухпластинчатыми фибулами из Лучистого // МАИЭТ. Симферополь, 1994/1995. Вып. IV. С. 96, 97.

[5] *Даньшин Д.И.* Танаиты и танаисцы во II-III вв.н.э. // КСIIА. 1990. Вып. 197. С. 52-53.

[6] *Герасимова М.М.* К вопросу об этническом составе населения древнего Танаиса // СО. 1971. №4. С. 140.

алан на военные институты Боспорского царства могут говорить хотя бы имена боспорских царей рубежа III–IV вв. - Фофорса (285-308 гг.) и Радамсада (309-322 гг.). Эти имена имеют явное иранское происхождение, и, как считается, эти цари происходили из знатных сарматских либо аланских родов, не имея отношения к ранее правящей династии Боспорского царства[1]. Теснейшая связь военных институтов и института царей является неоспоримой, и поэтому, если аланы сумели утвердиться на Боспоре как цари, то, естественно, аланы играли важнейшую роль и в военном деле.

Вероятнее всего, особенно активное мирное проникновение алан и сармат в пределы Боспорского царства в начале III в. можно связать с появлением готских (германских) племен в районе Меодиты, Танаиса и на северных рубежах Крымского полуострова. Иордан сообщает, что различные германские племена вначале селятся в районе берегов Меотийского озера, однако, он не указывает никаких дат, а также конкретных мест их расселения. Археологические источники отмечают, что временем появления новых для этого региона погребений, схожих по целому ряду факторов с погребальными комплексами германских племен Скандинавии римского времени, можно принять начало – середину III в.[2]

Обстоятельства появления готов в Северном Причерноморье и Боспорском царстве, а также их последствия хорошо известны. Временем появления готов на Боспоре датируются пожары и разрушения на многих городищах Боспорского царства и Северного Причерноморья. Примерно в 270 г. готами была разгромлена Ольвия[3]. Ранее готское племенное объединение боранов и эрулов совместно с аланами и сарматами атаковало Горгиппию в 234 г.[4], а Танаис - между 244 и 247 гг.[5] Утвердив свою власть на Боспоре и в соседних регионах, готы не разрушили государственность Боспорского царства, а стали использовать Керченский полуостров как базу для набегов на берега Черного и Эгейского морей[6]. В период с 255 по 275 гг. варварам, в состав которых входили бораны, эрулы, аланы, сарматы, готы, карпы, уругонды, гепиды, тайфалы, певки, грутунги (SHA. Claud., 6.2; Iord. 107-108;

---

[1] *Зограф А.Н.* Античные монеты. М., 1951. С. 211.

[2] *Айбабин А.И.* Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь, 1999. С. 36.

[3] *Крыкин С.М.* Deus Sanctus Porobones // ВДИ. 1992. № 3. С. 143.

[4] *Кругликова И.Т.* Боспор в позднеантичное время: очерки экономической истории. М., 1966. С. 6.

[5] *Шелов Д.Б.* Танаис и Нижний Дон в первые века н.э. М., 1972. С. 302-304.

[6] *Болгов Н.Н.* Закат античного Боспора. Белгород, 1996. С. 24.

Dexipp.21; Zos. 1.31), однако, костяк составляли готские племена, было совершено больше десяти морских походов, отличавшихся размерами армий, дальностью и разрушительными последствиями (Zos. I. 32-37).

Важно отметить, что в течение 20 лет Боспорскому царству приходилось не по своей воле быть союзником этого варварского объединения, по причине того, что именно на боспорских кораблях, которые обслуживали боспорские моряки, варвары совершали свои военные походы (Zos. I. 64, 2). В пользу того, что Боспор с большой неохотой предоставлял свои ресурсы варварам, говорит то, что после поражения варваров в Малой Азии в 276 г.[1] и их бегства обратно к Керченскому полуострову, боспорский царь Тейран встретил готов на побережье и окончательно разбил их (КБН 36).

Вероятно, что не все готы погибли в этом и предыдущих сражениях. Какая-то часть боранов, эрулов, аланов, сарматов и других варваров, входивших в состав этого варварского объединения, осталась в живых. Боспорское царство, сильно ослабленное в ходе внутренней и внешней смуты, не имело достаточные людские ресурсы для защиты своих границ. Вполне вероятно, что в сложившейся ситуации и Боспорское царство, и варвары пошли на контакт, который вылился в расселение готов по обескровленным регионам Керченского полуострова на правах, подобных «федератам» в Римской армии. Одним из наиболее вероятных мест, в которых расселили готов, можно считать северный участок Узунларского вала. Причиной этому может служить важность данного района в стратегическом плане, как наиболее удобного для прохода кочевых орд участка боспорской границы[2].

Против этой теории может говорить отсутствие основного археологического идентификатора готской культуры – лощеной, орнаментированной керамики черняховского типа на поселениях в районе северной части Узунларского вала[3]. К примеру, на территории Белинского городища, которое считается оборонительной крепостью, при-

---

[1] *Буданова В.П.* Готы в эпоху Великого переселения народов. СПб., 1999. С. 101.

[2] *Ермолин А.Л.* Гунны-утигуры и готы-теракситы в сочинение Прокопия Кесарийского (локализация места противостояния гуннов и готов, а также путь их движения через Керченский полуостров в 3-й четверти V в. н.э.) // БФ. СПб., 2005. С. 350.

[3] *Зубарев В.Г., Масленников А.А., Крайнева А.А.* Лепная керамика с городища у села Белинское как источник по этно-исторической характеристике местного населения // Боспорские чтения. Керчь, 2004. Вып. V. С. 160-161.

крывающей северную часть Узунларского вала[1], керамика, имеющая схожие черты с керамикой черняховского типа, встречается крайне редко[2]. С одной стороны, это может говорить о том, что этнический состав городища практически не менялся, или изменения в нем были незначительны. Но, с другой стороны, варварская этническая группа, расселенная в районе Белинского городища, вероятнее всего, имела чисто мужской и военизированный характер и была далека от бытовых вопросов и занятий хозяйством, что могло привести к потере своих наиболее ярких черт материально-культурных различий[3].

Первая половина IV в. характеризуется продолжающимся обширным проникновением аланского этноса на территорию Боспора[4]. На это может указывать появление аланского погребального инвентаря в могильниках на Госпитальной улице в Керчи или из некрополя Фанагории[5].

В 60-е – 70-е гг. IV в. начинается продвижение гуннов через Причерноморские степи на запад[6]. Аланы сразу попадают в сферу влияния гуннов и входят в состав их племенного союза (Amm. Marc. XXII, 8, 38.). Вероятно, в это же время Боспор переходит в сферу влияния гунно-аланского племенного союза. Представляется, что этот переход был мирным, так как Боспор уже находился под сильнейшим влиянием аланских племен, и не было необходимости в военном вторжении. Как предполагает А.К. Амброз, вторжение гуннов и их протекторат не привели к кризису в общем ходе развития[7], а также не особо отразились на собственно внутренних делах Боспора[8]. Можно предположить, что с конца IV в. в состав Боспорского царства могли включаться гун-

---

[1] *Зубарев В.Г.* Историческая география Северного Причерноморья по данным античной письменной традиции. М., 2005. С. 282.

[2] *Крайнева А.А.* Традиции и инновации в лепной керамике Европейского Боспора в эпоху кризиса III в. н.э. (по материалам сельских поселений) // Боспорские чтения. Керчь, 2005. Вып. VI. С. 144-145.

[3] *Зубарев В.Г., Ярцев С.В.* К вопросу о расселении приазовских германцев в Крыму // Проблемы истории, филологии, культуры. 2007. № 17. С. 329-338.

[4] *Кругликова И.Т.* Боспор в позднеантичное время: очерки экономической истории. М., 1966. С. 54.

[5] *Минаева Т.М.* Археологические памятники на р. Галич в верховьях Кубани // МИА № 23. М., 1951. С. 296.

[6] *Бернштам А.Н.* Очерк истории гуннов. Л., 1951. С. 143.

[7] *Амброз А.К.* Боспор. Хронология раннесредневековых древностей // Боспорский сборник. № 1. М., 1992. С. 15-16.

[8] *Блаватский В.Д.* Пантикапей: очерки истории столицы Боспора. М., 1964. С. 226.

нские формировании[1]. Вполне вероятно, что отдельные гуннские отряды могли проникать на Боспор и служить в его войсках. Однако, достоверно известно, что гуннские захоронения на территории Боспора появляются лишь во второй половине V в., в то время, когда само государство попадает под влияние гуннского племени утигуров[2].

Стоит отметить, что с конца IV в. крымские степи являются пространством для кочевания различных гуннских и аланских племен, что создает сложнейшую внешнеполитическую ситуацию для Боспорского царства, хотя оно и находилось под влиянием и протекторатом гунно-аланского союза. Агрессивно настроенные кочевники, несомненно, вторгались в пределы Боспорского государства, совершая набеги на населенные пункты или просто занимались выпасом скота на территории Боспора. Можно предположить, что в большей степени между населением городов и кочевниками существовали агрессивные и воинственные отношения, однако, не стоит недооценивать элемент сотрудничества между двумя соседями. Исходя из этого, боспоряне вполне могли играть на противоречиях разных кочевых орд и использовать номадов как воинов-федератов в целях самозащиты[3].

Помимо кочевых племен на территории Боспора в V в. отчетливо прослеживается присутствие готских этнических элементов. Это подтверждает Прокопий, который отмечает, что у устья Меотиды в Крыму проживало племя готов-тетракситов, «соблюдающих христианский закон» (Bello Goth. VIII, 4). Данные археологии действительно подтверждают существование на территории Боспорского царства большой готской диаспоры. Причем их ареал расселения приходится как на крупные города, в число которых входит Танаис[4] и Пантикапей[5], так и на сельскую хору, особенно Крымское Приазовье. Более того, наибольшее количество готских, аланских и гуннских отдельных погребений и могильников первой половины V в. локализуется именно

---

[1] *Ярцев С.В.* Боспор и Херсонес накануне гуннского нашествия // Проблемы истории, филологии, культуры. 2014. №1 (43). С. 102 – 114.

[2] *Ермолин А.Л.* Локализация места противостояния гуннов и готов на Керченском полуострове // ДБ. 2006. Вып. 9. С. 91.

[3] *Gajdukevic V.F.* Das Bosporanische Reich. B. Amsterdam, 1971. S. 410.

[4] *Арсеньева Т.Н.* Краснолаковая керамика из Танаиса конца IV – начала V вв. н.э. // КСИА № 168. М., 1981. С. 151; *Шелов Д.Б.* Танаис и Нижний Дон в первых веках н.э. М., 1972. С. 329.

[5] *Амброз А.К.* Боспор. Хронология раннесредневековых древностей // Боспорский сборник. № 1. М., 1992. С. 86-87; *Пиоро И.С.* Крымская Готия. Очерки этнической истории Крыма. Киев, 1990. С. 56.

в районе Казантипской бухты[1]. Это может быть охарактеризовано тем, что этот регион, являясь наиболее удобным пространством для прохода кочевых орд из крымских степей, имеет особое стратегическое значение. Расселение федератов в этом районе являлось единственной возможностью для Боспорского царства создать эффективный оборонительный заслон. Можно предположить, что эти могильники принадлежали именно воинам-федератам и их семьям, состоявшим на службе Боспорского царства.

Важной для понимания этнического состава Боспорского царства в V в. является надпись из Гермонассы, обнаруженная в 1868 г. (КБН № 1099). Она представляет собой обломок колонны из белого мрамора, на которой выбит текст и крест посредине текста. По мнению В.П. Яйленко, данная надпись является христианской эпитафией, в которой перечисляются члены общины либо фиаса[2]. Примечательно то, что практически все имена членов имеют не греческое происхождение, а скорее иранское и гуннское. К ним можно отнести такие имена, как Оримаг, Салдих, Малдаг, Мидах, Севраг и др. Эти имена соответствуют строю известных ныне гуннских имен[3]. Эта надпись сообщает нам о том, что гунны не только не уничтожили боспорскую государственность, но и целиком включились в жизнь городского общества, приняли христианскую веру, адаптировались к греческому языку[4]. Это также выступает в пользу того, что гунны, в период их владычества на территории Боспорского царства, могли иметь тесные связи с боспорянами не только в общественной или экономической сферах, но и в военной.

После распада гуннской державы ряд народов, входивших в состав империи Аттилы, решили вернуться обратно в степи Северного Причерноморья. Среди них были и утигуры – одна из первых групп протоболгар[5]. Как описывает Прокопий, утигуры «со своим вождем решили вернуться домой, с тем, чтобы в дальнейшем владеть этой

---

[1] *Масленников А.А.* Сельская территория европейского Боспора в античную эпоху (система расселения и этнический состав населения). Автореф. дис. ...докт. ист. наук. М., 1993. С. 41.

[2] *Яйленко В.П.* Тысячелетний боспорский рейх. История и эпиграфика Боспора VI в. до н.э. – V в. н.э. М., 2010. С. 428.

[3] *Яйленко В.П.* Гуннский именник V в. н.э. с Тамани и его чувашские соответствия // Ономастика Поволжья. Вып. 6. Ч. 1. М., 1991. С. 126.

[4] *Яйленко В.П.* О «Корпусе византийских надписей в СССР» // ВВ. Т. 48. М., 1987. С. 166.

[5] *Федоров Я.А.. Федоров Г.С.* Ранние тюрки на Северном Кавказе. М., 1978. С. 51-53.

страной одним» (Procop. Bello Goth. VIII, 5). В Крымских степях они оттеснили альциагиров, а в пределах самого Боспора встретились с готами и оттеснили их в Крымские горы[1]. Прокопий сообщает, что между утигурами и готами был заключен мир (Procop. Bello Goth. VIII, 5). По-видимому, по условиям этого «договора» утигуры расселились в Прикубанье, однако Крымские степи стали основным местом сезонного выпаса скота для утигуров[2]. В связи с этим, очевидным является факт частых набегов утигуров на боспорские города. С уверенностью можно отметить лишь один случай разгрома боспорской крепости в середине V в. – на Ильичевском городище[3]. Однако представляется, что большая часть набегов не была столь разрушительной и жестокой. В связи с этим, можно предположить, что боспорская знать, играя на внутриплеменных противоречиях, могла нанимать одних утигуров, для защиты от других, что косвенно может говорить в пользу существования боспорской армии в конце V в.

Таким образом, можно заключить, что за период с середины III по конец V вв. изменения, произошедшие в этническом составе Боспорского царства, были очень пестрыми и изменили само государство в целом, в том числе, и армию. Несомненно, государствообразующим этносом в Боспорском царстве является греческий. Середина III в. и несколько предшествовавших десятилетий были ознаменованы большим наплывом на территорию Боспора, особенно в азиатскую часть, представителей сармато-аланского этноса, которые быстро занимают главенствующие позиции, как в среде знати, так и в армии.

В период готской экспансии Боспорское царство наводняется огромным количеством представителей совершенно разных племен. Они берут власть на Боспоре в свои руки и используют ресурсы государства в своих целях, однако в 276 г. варвары терпят поражение. Вероятно, не все готы погибли в этом и предыдущих сражениях. Какая-то часть варваров, входивших в состав этого племенного объединения, осталась в живых. Вполне вероятно, что в сложившейся ситуации и Боспорское царство, и варвары пошли на мир, который вылился в расселении готов по обескровленным регионам Керченского полуострова на правах, подобных «федератам» в Римской армии.

Период между готской экспансией середины III в. и второй половиной IV в. выразился в продолжающемся проникновении аланов на

---

[1] *Васильев А.А.* Готы в Крыму. Ч. 1: ИРАИМК. Т. 1. М., 1921. С. 308.
[2] *Баранов И.А*. Таврика в эпоху раннего средневековья. Киев, 1990. С. 15.
[3] *Николаева Э.Я.* Раскопки Ильичевского городища // Проблемы античной истории и культуры (Эйрене XIV). Т. 2. Ер., 1979. С.376-377.

территорию Боспорского царства и обширном внедрении их в государственные институты.

Во второй половине IV в. начинается продвижение гуннских племен в Северное Причерноморье. Можно предположить, что с конца IV в. в состав Боспорского царства могли включаться гуннские формирования. Однако, достоверно известно, что гуннские захоронения на территории Боспора появляются лишь во второй половине V в.

Наибольше количество готских, аланских и гуннских отдельных погребений и могильников первой половины V в. локализуются в районе Казантипской бухты. Это может быть охарактеризовано тем, что этот регион, являясь наиболее удобным пространством для прохода кочевых орд из крымских степей, имеет особое стратегическое значение. Расселение федератов в этом районе являлось единственной возможностью для Боспорского царства создать эффективный оборонительный заслон. Распад гуннской державы ознаменовался проникновением в Северной Причерноморье протоболгар – утигуров. Выбрав Крымские степи как основное место сезонного выпаса скота, утигуры несомненно вступали в тесные связи с боспорянами, в том числе, и в военной сфере.

К ВОПРОСУ О ПОЧИТАНИИ СВЯТОГО ФОКИ СИНОПСКОГО В СЕВЕРНОМ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ

Д.Ю. Синьковский (Тула)

Статья посвящена проблеме почитания святого Фоки в Северном Причерноморье. Основным предметом исследования является обрядовая составляющая этих верований, связанная с елеем. По мнению автора, в Северном Причерноморье в первых веках н.э. наблюдалась некоторая специфика отправления культа св. Фоки в различных центрах. В Херсонесе елей под покровительством св. Фоки, в первую очередь, употреблялся с целью благодати для больных и немощных. На Боспоре, наоборот, доминировал обряд возлияния на усопших или даже омовения человеческих останков. Автор обращает внимание на то, что, несмотря на резкое повсеместное усиление хтонического начала в верованиях в указанное время, на территории Боспорского царства, из-за давно проживавших здесь различных варварских групп, религиозные изменения стали приобретать особую магическую форму, с кровавыми жертвоприношениями и ритуальными захоронениями. По этой причине, более пристальное внимание к погребальному обряду у новообращенных христиан на Боспоре, во многом, стало специфическим, исторически предопределенным явлением.

Ключевые слова: Северное Причерноморье, Боспорское царство, Херсонес, культ св. Фоки, погребальный обряд, елей.

TO THE QUESTION OF THE VENERATION OF ST. PHOCAS OF SINOPE IN THE NORTHERN BLACK SEA REGION

D.Y. Sinkovskiy (Tula)

The article is devoted to the veneration of St. Phocas in the Northern black sea region. The main subject of investigation is the ritualistic component of these beliefs related to unction. According to author, in the Northern black sea region there was a some specific of worship of St. Phocas in various centers at the first centuries A.D. For example, in the Chersonese the unction under the patronage of St. Phocas, in the first place, was used with the purpose of grace for the sick and infirm. In the Bosporus, on the contrary, there was dominated the ritual of libations on the deceaseds or even washing of human remains. The author draws attention to the fact that, despite a widespread increase of the chthonic origin in beliefs at the specified time in the territory of the Bosporan Kingdom, religious changes began to acquire a special magical form, with bloody sacrifices and ritual burials due to the various barbarian groups have been living here a long time. For this reason, closer attention to the funeral rite of newly converted Christians on the Bosporus, in many ways, has become a specific, historically predetermined phenomenon.

Key words: The Northern black sea region, the Bosporan Kingdom, Chersonesos, the cult of St. Phocas, the funeral ceremony, unction.

В 1896 г. в ходе археологических раскопках Херсонеса, в юго-восточной части городища был обнаружен глиняный кружок неправильной формы, размером до 10 см в диаметре. С одной стороны по краю кружка располагался крестик и однострочная греческая надпись византийской эпохи из 37 рельефных букв. Внутри этого импровизированного круга был изображен стоящий в лодке святой Фока с распростертыми к верху руками, голова которого окружена нимбом, у пояса висит рыба, над носом лодки изображена острога, а на корме видны руль и два весла[1]. Надпись гласит: «Евлогия святого Фоки богадельни Херсона»[2]. В.В. Латышев предполагал, что этот кружок мог предназначаться для тиснения на особых хлебах, которые продавали богомольцам, а на вырученные деньги содержали богадельни. Однако Н.В. Малицкий справедливо указал, что это изображение не обратное,

[1] *Косцюшко-Валюжинич К.К.* Археологическая хроника // Археологические известия и заметки. М.,1897. Т.5. С.168.

[2] *Латышев В.В.* Этюды по византийской эпиграфике // Византийский временник. СПб., 1899. С. 354.

каким оно должно быть на печати, а прямое, и с полным основанием счел его пробкой или крышкой сосуда[1].

В историографии известны три святых по имени Фока. Первый мученик – «мифический корабельщик», назначенный в епископы Синопы за святость и умученный в горящей бане лично римским императором Траяном в 117 г. Второй мученик – Фока Садовник «Вертоградрь», умученный в Синопе около 320 г. за христианскую проповедь. И третий мифологический или исторический синопский юноша, любивший море и совершавший чудеса[2]. В 403-404 гг. останки синопского епископа были перенесены в Константинополь, для поклонения паломников, в нашем случае, это первый известный нам Фока-епископ. Второй, известный нам как Фока – Садовник «Вертоградарь», получил почитание мощей в Синопе. Третий же Фока - мифологический юноша, любивший море и совершавший чудеса, предположительно изображен на крышке из Херсонеса[3]. Любопытно, но здесь же в портовом районе Херсонеса найдена форма оттиска кружка св. Фоки, которая абсолютно совпадает с изображением и надписью упомянутой крышки[4].

Считается, что все эти находки однозначно свидетельствуют о существовании птохиона в Херсонесе, находившегося под покровительством св. Фоки[5]. Религиозные обряды, практиковавшиеся в таком нищеприимном доме, где лечили заболевших, немощных и содержали калек, находившихся под покровительством св. Фоки, обычно связываются с изготовлением особых хлебов, продававшихся богомольцам как знак благословения святого и с раздачей специальных ампул с освященным елеем[6]. Считается, что елей применялся для священного помазания при болезни, а также в заупокойном культе. В последнем случае возлияние освященного елея на усопших засвидетельствовано еще святителем Иоаном Златоустом, который, отмечая данный факт,

---

[1] *Малицкий Н.В.* Глиняный кружок из Херсонеса с изображением св. Фоки // Материалы по русскому искусству. I. Л., 1928. С. 8–9.
[2] *Латышев В.В.* Ук. соч. С. 354.
[3] *Яйленко В.П.* Христианские и парахристианские надписи Боспора IV – VI вв. // Древности Боспора. М., 2010. Т.14. С.645.
[4] *Колесникова Л.Г.* Храм в портовом районе Херсонеса: раскопки 1963-1965 гг. // Византийский временник. 1978. Т. 39. С. 170. Рис. 13.
[5] *Сорочан С.Б.* Византия IV-IX вв.: этюды рынка. Структура механизмов обмена. Харьков, 1998. С. 244-245; *Болгов Н.Н., Болгова А.М.* К истории христианской благотворительности в ранневизантийское время: нищеприимный дом св. Фоки в Херсонесе // Иресиона. Античный мир и его наследие. Вып. 2. Белгород, 2002. С. 31.
[6] Там же. С. 32.

на его основании дает утешение близким умершего[1]. Однако, был ли этот обряд широко распространен в Херсонесе, сказать трудно.

Агиографический текст «Похвала святому мученику Фоке» епископа Астерия Амасийского (2 пол. IV в.), к которому часто обращаются многие исследователи, отчасти подтверждает данные выводы о распространении культа св. Фоки в Северном Причерноморье уже в IV в. Так, автор сообщает, что «…даже дикие скифы, как те, что обитают по ту сторону Евксинского Понта, по соседству с Меотийским озером и рекою Танаисом, так и те, что живут на Боспоре и вдоль побережья до реки Фасида, все приносят дары вертоградарю»[2]. Возможно, в тексте Астерия произошло смешение трех культов одноименного св. Фоки. Дублирование святых, как и смешение легенд, как известно, нередко возникает в связи с распространением культа одного из них[3].

Из сообщения Астерия выходит также, что именно территория Боспора доминировала в Северном Причерноморье, как основной центр почитания св. Фоки. Однако уточнить обрядовую специфику из данного текста, без археологических источников, чрезвычайно трудно. Так, найденный в могиле на некрополе Пантикапея одноручный расписной кувшин типа арибаллического лекифа с вертикально написанными кистью под ручкой буквами ΕΦΩ, по мнению В.П. Яйленко, следует понимать как сокращение «от Фоки»[4]. В свое время В.Д. Блаватский эту надпись ΕΦΩ с расписного кувшина интерпретировал в качестве: «чтоб я поручил, предстал»[5]. Под этим обычно понимали желание покойного передать душу Христу[6]. Также В.Д. Блаватский заметил, что такие лекифы не единичны, ему были известны еще 4 таких сосуда, которые он датировал IV–V вв.[7] Правда, соответствие, приведенное В.Д. Блаватским из великой ектеньи, по мнению В.П. Яйленко, слишком отдаленное, чтоб считать предположение убедительной параллелью[8]. По мнению же В.Ю. Юрочкина и Е.Я. Туровско-

---

[1] *Венедикт, иеромонах (Алентов).* К истории православного богослужения. Киев, 2004. С. 510.

[2] *Латышев В.В.* Ук. соч. С.348.

[3] *Ошарина О.В.* О символическом замысле глиняной евлогии с изображением св. Фоки из собрания Эрмитажа // Античная древность и средние века. Екатеринбург, 2003. Вып.34. С. 61.

[4] *Яйленко В.П.* Ук. соч. С. 643.

[5] *Блаватский В.Д.* Античная археология и история. М., 1985. С. 28.

[6] *Диатроптов П.Д., Емец И.А.* Корпус христианских надписей Боспора // Эпиграфический вестник. М., 1995. Вып. 2. С. 23.

[7] *Яйленко В.П.* Ук. соч. С. 642.

[8] Там же. С. 642.

го, на 7-ми известных им лекифах, найденных в Северном Причерноморье с ликом бородатого мужчины преклонного возраста (или иногда лицом молодого человека) и датируемых VI-VII вв., изображен именно св. Фока[1]. Возражения на этот счет О.А. Иваниной и Н.Ф. Федосеева заключаются в том, что, по их мнению, греческая надпись на одном из этих сосудов имеет в виду «фокидскую (жидкость) для украшения тела». Однако такую интерпретацию трудно связать с изображением святого с нимбом[2]. Более того, на одном из подобных экземпляров из частного собрания довольно отчетливо читается имя именно св. Фоки[3]. Тщательный же анализ надписи керченского сосуда позволил В.П. Яйленко прийти к выводу, что надпись должна читаться как «елей от св. Фоки»[4]. Ученый в своей новой работе, посвященной христианству в Северном Причерноморье, обратил внимание, что дипинти красной краской на большой амфоре синопского производства из Мелек-Чесменского кургана также правильнее интерпретировать в качестве надписи имени св. Фоки. Более того, по мнению ученого, так как диаметр херсонесской пробки идеально подходит для большой амфоры из Пантикапея, то последняя являлась тарой для елея, доставленного от мощей св. Фоки из Синопы[5].

Несмотря на величину указанных сосудов, мы разделяем мнение В.П. Яйленко и Н.В. Малицкого и считаем, что глиняный кружок из Херсонеса является крышкой для амфор, предназначенных для елея от мощей св. Фоки из Синопы. Это более соответствует всему комплексу приведенных источников. Синопско-Амисенская церковь действительно могла поставлять в Северное Причерноморье елей крупными партиями, в связи с широким распространением здесь культа св. Фоки[6]. При этом обращает на себя внимание тот факт, что все боспорские лекифы происходят из могил, то есть, напрямую связаны с погребальным культом[7]. Известно, что елей использовался в ранней церкви с

---

[1] *Юрочкин В.Ю., Туровский Е.Я.* Лекифы с ликами святых из Северного Причерноморья (к вопросу идентификации образов) // Проблемы истории и археологии Украины. Харьков, 2001. С. 111-112.

[2] *Иванина О.А., Федосеев Н.Ф.* К вопросу об атрибуции лекифов с изображением святых // Музейные чтения VII. Керчь, 2012. С. 30-31.

[3] *Болгов Н.Н.* Предметы христианского прикладного искусства позднеантичного Боспора (к проблеме культурного континуитета) // Боспорский феномен. СПб., 2004. Ч. 1. С. 322.

[4] *Яйленко В.П.* Ук. соч. С. 645.

[5] Там же. С. 645.

[6] Там же. Прим. 106.

[7] *Юрочкин В.Ю., Туровский Е.Я.* Ук. соч. С. 111-112.

разными целями: для помазания болящих, в пищу, с целью освящения возвращающихся к вере, и самое главное, для возлияния на усопших[1]. По мнению В.Ю. Юрочкина и Е.Я. Туровского, человеческие останки вообще омывали так называемой родостамной водой – смесью вина и воды, иногда с добавлением мира[2]. Учитывая, что в Херсонесе елей, в первую очередь, употреблялся с целью благодати для больных и немощных[3], такое внимание к погребальному культу на Боспоре, возможно не случайно. По нашему мнению, это было связано с более сильной трансформацией религиозных представлений на Боспоре в первые века н.э., чем в Херсонесе.

Несмотря на то, что в данное время, резкое усиление хтонического начала в верованиях наблюдалось повсеместно, на территории Боспора, из-за давно проживавших здесь различных варварских групп, религиозные изменения стали приобретать особую магическую форму, с кровавыми жертвоприношениями и ритуальными захоронениями[4]. По этой причине более пристальное внимание к погребальному обряду у новообращенных христиан на Боспоре во многом стало специфическим.

ДЕТИ В ДРЕВНЕМ РИМЕ: ИГРЫ И ИГРУШКИ

М.С. Моргунова

В статье рассматривается один из аспектов детства в Древнем Риме – детские игры и игрушки. Автор описывает основные игрушки девочек и мальчиков (мячи, обручи, кегли, куклы), а также материалы, из которых изготавливались детские игрушки. В статье также представлен обзор самых распространённых в Древнем Риме детских игр и забав.

Ключевые слова: Древний Рим, дети, игры, игрушки.

CHILDREN IN ANCIENT ROME: GAMES AND TOYS

M.S. Morgunova

---

[1] *Реморов И.* Употребление освещенного елея в древней Церкви // Таинства церкви. Материалы подготовительных семинаров международной богословской конференции Русской Православной Церкви. «Православное учение о церковных Таинствах». М., 2007. С. 151-152.

[2] *Юрочкин В.Ю., Туровский Е.Я.* Ук. соч. С. 111-112.

[3] *Болгов Н.Н.,Болгова А.М.* Ук. соч. С. 31-34.

[4] *Ярцев С.В., Зубарев В.Г., Бутовский А.Ю.* Греко-варварский Крым в период поздней античности (III-IV вв. н.э.: от морских походов до битвы при Адрианополе). Тула, 2015. С. 339-384.

The article considers one of the aspects of childhood in Ancient Rome - children's games and toys. The author describes the main toys of girls and boys (balls, hoops, bowls, dolls), materials, from which children's toys were made. In the article are presented the most common children's games and funs in Ancient Rome.
Key words: Ancient Rome, children, games, toys.

Мир ребенка не существует без игр и развлечений, т.к. маленький человек начинает познавать мир и усваивать, «примерять» социальные роли взрослых в процессе игры. Роль игрушек в жизни ребенка любой эпохи трудно переоценить, без них невозможно было бы полноценное развитие детей. На протяжении многих эпох игрушки являются незаменимым атрибутом, без которого невозможно представить детство, и Древний Рим - не исключение. Кроме того, сведения о детских развлечениях и игрушках являются необходимым звеном в общей картине повседневной жизни древнеримской цивилизации.

Цель нашей работы - проанализировать труды зарубежных исследователей с целью поиска информации о различных играх и игрушках ребёнка в Древнем Риме (III в. до н.э. – V в. н.э.).

Обращаясь к исследованиям зарубежных историков, отметим работы таких авторов, как Поль Гиро, Лидия Винничук, Жером Каркопино, Даниэль Гуревич и Мари-Терез Рапсат Шарлье, Альберто Анджела, Майкл Бурган, Сюзанн Дикенс и Бери Роусон, в первую очередь, хотя, безусловно, авторов, внимание которых привлекал данный аспект детства, значительно больше.

Игрушки окружали римлянина с первых дней жизни. По случаю рождения ребёнка и после процедуры принятия его в семью устраивались торжества, на которых было принято преподносить малышу первые подарки - игрушки или амулеты, которые полагалось вешать на шею новорожденному, чтобы уберечь его от злых духов[1].

Интересную информацию о детских игрушках для младенцев приводят в своей книге «Повседневная жизнь женщины в Древнем Риме» Даниэль Гуревич и Мари-Терез Рапсат Шарлье. Авторы сообщают, что игрушки для новорожденных, как мальчиков, так и девочек, были шумными, изготовленными из металла или глины. Игрушки были похожи на трещотки (sistrum) и погремушки (crepitaculum)[2]. Существовало множество видов погремушек - дорогих, сложных, простых.

---

[1] *Сергеенко М.Е.* Жизнь Древнего Рима. СПб, 2000. С.150.
[2] *Гуревич Д., Рапсат Шарлье М.-Т.* Повседневная жизнь женщины в Древнем Риме. М., 2006. С.151.

Они не только забавляли ребёнка, но и, по представлению древних римлян, отгоняли злых духов.

В работах отечественных и зарубежных исследователей можно встретить перечисление основных детских игрушек в Древнем Риме. Основным источником для изучения данного вопроса служат находки в детских погребениях.

Сюзанн Диксон пишет о том, что в Древнем Риме широкое распространение получили такие игрушки как мячи, кегли и обручи[1].

Что касается мячей, то они, по всей видимости, имели много названий, которые сегодня достаточно сложно понять. Существовали такие виды мяча как trigon - мяч для игры втроем; pila - мяч для игры руками; paganica – «деревенский мяч»; follis или folliculum - большой мяч, надутый воздухом или набитый легкими перьями (от него происходит французское слово fol, означающее «шут»)[2].

Среди игрушек маленьких римлян есть и волчки, приводимые во вращение веревочкой. Такие волчки имели своё название – кубарь. Эта популярная в Древнем Риме игрушка упоминается Вергилием в «Энеиде»:

Так от ударов бича кубарь бежит и кружится,
Если дети его на дворе запускают просторном;
Букс, гонимый ремнем, по дуге широкой несется,
И, позабыв за игрой обо всем, глядит и дивится
Дружно проворству его толпа простодушных мальчишек,
Пуще стараясь взбодрить кубарь ударами (VII. 378).

Основной игрушкой девочек была, конечно же, кукла. В книге «Один день в Древнем Риме. Повседневная жизнь, тайны и курьёзы» Альберто Анджела указывает на то, что уже в римскую эпоху существуют самые настоящие «куклы-барби» (pupae)[3]. Подобные игрушки были найдены археологами во многих местах, особенно в захоронениях девочек и девушек-подростков. Лучшая из находок игрушек этого типа датируется пятидесятыми годами II в. н.э. – это кукла Крепереи Цэифены. Игрушка выполнена из слоновой кости, имеет подвижные конечности. Куклу можно было одевать; кроме того, на ней надето два золотых кольца и, судя по дырочкам в ушах, надевались сережки; к ней прилагалась шкатулка с гребешками и зеркальцами.

---

[1] *Dixon S*. Childhood, class and kin in the Roman world. London, 2001. P. 127.
[2] *Гуревич Д., Рапсат Шарлье М.-Т.* Повседневная жизнь женщины в Древнем Риме. М., 2006. С.152.
[3] *Анджела А.* Один день в Древнем Риме. Повседневная жизнь, тайны и курьезы. М., 2010. С. 34.

Куклы изготовлялись из ряда материалов, включая дерево, терракоту, слоновую кость. Высота кукол составляла в среднем 15-16 см. У каждой куклы головка увенчана модной прической, вырезанной искусной рукой, по которой можно сразу определить период, когда была сделана эта кукла, и когда жила её владелица.

С куклами в период античности связан один из обычаев, о котором сообщают многие исследователи. Так, Бери Роусон пишет о том, что в канун свадьбы невеста приносила в жертву богине Венере свои детские игрушки и носившиеся ею до той поры одежды, символизируя тем самым переход к взрослой жизни замужней женщины. На самом деле, из источников только в «Сатирах» Персия, римского поэта I в. н.э., есть упоминание о том, что именно Венере юные невесты отдавали свои детские игрушки (Pers. 2.70)[1].

Распространённой среди детей была такая забава, как запрягать мелких животных (мышей или кур) в игрушечные повозки или строить домики. Наиболее популярными животными, с которыми позволялось играть маленькому римлянину, были собаки, кролики, ласточки, реже кошки. Иногда животных заменяли игрушечные изображения из глины, а чаще фаянса, более приятного на ощупь. Часто встречаются надгробные стелы, на которых покойный ребенок играет со своим любимцем. Но проследить, с какими животными играли дети в Древнем Риме, можно не только в изобразительных источниках, Плиний в письме Аттию Клементу перечисляет, что у сына Регула были пони, собаки, соловьи, попугаи и черные дрозды (IV, 2).

В Древнем Риме не только игрушки, но и игры отличались большим разнообразием. Игра служила средством раннего развития ребёнка – физического и интеллектуального. Так, Квинтилиан считал, что обучение через игру должно культивироваться с раннего возраста. В труде «О воспитании оратора» он утверждает, что учение до семилетнего возраста должно быть для ребёнка забавою, пусть ребенок играет (lusus hie sit) (I, 20).

О таких играх, направленных на всестороннее развитие детей, пишет Майкл Бурган в своем труде «Империя Древнего Рима[2]». В помещении дети играли в настольные игры, вне дома – в прятки, лапту и другие подвижные игры. Большинство детей, однако, не располагало долгим временем для игр. В бедных семьях дети помогали на ферме

---

[1] *Литовченко Е.В.* К вопросу о свадебной церемонии в письмах Сидония: некоторые аспекты ритуала // Научные ведомости БелГУ. Серия: История, политология. №22 (243). Вып. 40. Белгород, 2016. С. 60.

[2] *Burgan M.* Great Empires of the past: The Empire of Ancient Rome. New York, 2005. P. 111.

или выполняли другие домашние обязанности, начиная с раннего детства.

Излюбленная игра в мяч была сродни греческой «басилинде». Тот, кто выигрывал, получал почетный титул «царя», о чем напоминает в своем послании Гораций Меценату: «…За игрою твердят мальчуганы: «Будешь царем, коли правильно бьешь»» (I, 1, 59–60).

Существовали игры, направленные на развитие меткости: ребята должны по очереди издалека кидать орехи, стараясь разбить сложенные из орехов же пирамидки. Играли дети и в костяшки: кости должны были иметь элемент азартных игр, которые были популярными во взрослом римском обществе.

Такого рода игры римских детей описывает в своей работе Поль Гиро. Например, дети играли в чет или нечет, подбрасывали вверх динарии с головой Януса на одной стороне и кораблем на другой, кричали, стараясь угадать: «голова» или «корабль», причем выигрывал тот, кто угадал верно; проигравший подставлял бедро, а выигравший бил по нему. Существовали также злые, подчас жестокие игры: уже в Древнем Риме любили прикреплять или приклеивать монету на дороге, с радостью наблюдая, как прохожий, согнувшись, безуспешно пытается ее поднять.

Сцены играющих детей часты, как на фресках, так и на саркофагах, в римском искусстве с I по III вв. Чаще всего на изображениях присутствуют мальчики, представленные в одиночку или группами. Они держат костяшки, боксируют и борются, бросают шарики и орехи, крутят обручи и катаются на телегах.

Древнеримские мальчики также предпочитали играть «в войну», о чем говорят найденные в огромном количестве деревянные мечи, щиты и лошадки.

Таким образом, детские годы римских мальчиков и девочек проходили в играх и развлечениях. Сведения по данному вопросе, касающемуся жизни ребёнка в Древнем Риме, можно почерпнуть из работ зарубежных исследователей, а основными источниками о древнеримских играх и игрушках служат археологические находки, изображения на фресках, сосудах, саркофагах, а также упоминания в текстах некоторых античных авторов.

Дети играли в кости, орехи, прятки, лапту, подбрасывали монетку и следили, какой стороной она упадет. Излюбленным развлечением были всевозможные игры с мячом. Часто дети играли с животными или их фигурками. Основной игрушкой девочек, как и в наше время, была кукла.

ЗВАНЫЙ ОБЕД КАК ФОРМА ЧАСТНОГО ГОСТЕПРИИМСТВА В ДРЕВНЕМ РИМЕ

С.С. Нефедова

В статье рассматриваются составляющие элементы званого обеда в Древнем Риме: место проведение, количество и состав гостей, меню, развлечения и др. Отмечается, что за обеденным столом гости играли на музыкальных инструментах, участвовали в сократической беседе, играли в азартные игры.

Ключевые слова: Древний Рим, гостеприимство, гость, обед, еда.

A DINNER PARTY AS A FORM OF PRIVATE HOSPITALITY IN THE ANCIENT ROME

S.S. Nefedova

The article considers the constituent elements of the dinner party in the Ancient Rome: the venue, the number and composition of guests, the menu, entertainments, etc. It is noted that guests at the dinner table played the musical instruments, participated in a socratic talk, gambled.

Keywords: Ancient Rome, hospitality, guest, dinner, food.

В настоящее время сохраняют актуальность вопросы о формах приема гостя, как государством, так и частными лицами. Одним из основных условий гостеприимства является взаимное уважение, понимание и ответственность гостеприимца и гостя. Гостеприимство – это своего рода показатель культуры человека. Изучение обычая гостеприимства в Древнем Риме позволит составить более глубокое представление об историческом и культурном развитии римского общество периода принципата.

Одной из форм частного гостеприимства в Древнем Риме был званый обед. Как правило, гостей приглашали именно к обеду. В.А. Русавская анализирует информацию о существовании обычая приглашать друзей и их семьи в гости на загородные виллы, которая содержится в письмах Цицерона. Он писал своему другу Аттику, который возвращался в Рим: «В день своего приезда обязательно будь у меня вместе со своими родными»[1].

[1] *Русавская В.А.* Гостеприимство в Древнем Риме на примере эпистолярного наследия Цицерона и Плиния Младшего // Вестник. Раздел I. Теория и история культуры. Харьков, 2013. Выпуск 41. С.5.

Источники позволяют детализировать момент встречи: в знак приветствия гость и хозяин пожимали друг другу правые руки:

Вот повстречались они (Терей и Пирей), и тесть ему правой рукою
Правую жмет; при знаках благих вступают в беседу
(Ov. Met. VI. 447-449).

Пожимал правую руку мужчина и женщине:

Но лишь в беседу вступил и за правую взял ее руку (Ясон Медею)
Гость и о помощи стал просить ее голосом тихим
(Ov. Met. VII. 89-90).

Отметим, что в Древнем Риме женщины имели право ходить в гости и встречать гостей в своем доме. Они могли обедать за одним столом с мужем и его друзьями, только мужчины возлежали, а женщины–гостьи только сидели (Col. XII, praef. 8). Информацию о присутствии женщин за званым обедом мы находим и у Овидия: в послании Парис пишет Елене: «Часто целуетесь (с мужем) открыто, гостей не стесняясь» (Ov. Paris. 215).

Однако о своих намерениях гости должны были обязательно известить. В.А. Русавская приводит несколько примеров. Об этом просит Цицерон своего друга Аттика: «извещают меня наисправнейшим образом о всех своих делах и намерениях приезда» (Cic. Att., I, 6). Цицерон, собираясь приехать со своими друзьями в Тускульскую усадьбу, заранее предупреждает об этом жену Теренцио и просит, чтобы она приготовила все должным образом к приему гостей: «В Тускульскую усадьбу думаю приехать либо в ноны, либо на следующий день. Пусть там все приготовят. Со мной, возможно, будет несколько человек, и мы, полагаю, задержимся там на более долгий срок. Если в бане нет ванны, пусть устроят. Пусть приготовят и прочее, необходимое для питания и здоровья» (Cic. Ad Fam., XIV, 20). В письме Цицерону Папирию Пету Марк Туллий пишет: «Жди гостя, не только наименее прожорливого, но и врага дорогих обедов» (Cic. Ad fam., IX, 23).

В знатных домах Древнего Рима о пришедших гостях хозяина оповещал раб-nomenclator. Местом римского обеда служила небольшая комната - «триклиний», которая зачастую выходила во двор. В центре стоял стол, на котором размещали блюда. С трех сторон стол окружали массивные каменные ложи для гостей, поверхность которых имела наклонное повышение к столу, что обусловило название - «триклиний»[1]. Иногда обеды проходили за несколькими столами: за первым столом обедали военные чины и греческая ученая свита, за вто-

[1] *Русавская В.А.* Гостеприимство в Древнем Риме на примере эпистолярного наследия Цицерона и Плиния Младшего. С.5.

рым - высшие гражданские чиновники с избранными гостями. Так Цезарь давал обеды на двух столах: за одним возлежали гости в воинских плащах или в греческом платье, за другим - гости в тогах вместе с самыми знатными из местных жителей (Suet. De vita Caes. I.48).

Количество гостей за праздничными обедами было неограниченным. Так Клавдий устраивал пиры богатые и частые, в самых просторных палатах, так что нередко за столами возлежало по 600 человек (Suet. De vita Caes. V. 32). На званых, парадных обедах гости рассаживались строго «по чинам»; в богатых домах раб–nomenclator указывал каждому его место; в дружеском кругу гости садились в свободном порядке. В I в. н.э. в столовой начинает появляться полукруглая софа, получившая название «сигмы» по сходству с греческой буквой того же имени. Тут почетными местами считались крайние (cornua - «рога»): правое и потом левое[1]. Обратим внимание, что перед употреблением пищи рабы приносили воду для мытья рук и полотенца:

Слуги воду для рук и корзины с дарами Цереры
Подали; следом несут полотенца со стриженой шерстью
(Verg. En. I. 700).

Пригласив на обед, хозяин демонстрирует гостям свое доброжелательное отношение, уважение, предлагает вино из драгоценного кубка. Но при этом меню сотрапезников было разным. Рыбу подавали каждому гостю, но она была неодинаковой, хозяин распределял угощение по социальному статусу гостей[2]. Подтверждение информации о различии в еде сотрапезников мы встречаем в переписке Плиния Младшего: «Немногим гостям в изобилии подавались прекрасные кушания; остальным плохие и в малом количестве. Вино в маленьких бутылочках разлили по трем сортам: одно было для высоких гостей, другое для друзей попроще (друзья у него расположены по ступенькам), третье для отпущенников» (Plin. ep. II. 6).

Меню римских званых обедов предусматривало большое количество разнообразных блюд. Там, где терялось чувство меры и приличия, где хозяину важно было продемонстрировать свое богатство, а приглашенному - даром наесться за троих, бесконечная смена блюд превращала обед в своеобразный гастрономический марафон, заканчивалось перееданием: уже не едят и не пьют иначе, как только напоказ (Seneca. Ad Paulinum de brevitate vitae, 5). Цицерон отмечает: «Обед обычно состоял из закуски (antecena, proraulsis, gustatio - яйца, масло, соленая рыба, колбаса; напитки - медовая сыта, raulsum), собственно

---

[1] *Сергиенко М.Е.* Жизнь Древнего Рима. СПб., 2000. С. 126.

[2] *Русавская В.А.* Гостеприимство в Древнем Риме на примере эпистолярного наследия Цицерона и Плиния Младшего. С. 6.

обеда (разнообразные блюда) и десерта (mensae secundae) - печенье, сыр и фрукты» (Cic. Ad Fam., IX, 16**)** [1].

Отметим, что в незнатных, бедных домах в случае приезда почетного гостя хозяева также старались поставить на стол наилучшие яства: терн, сушеные ягоды, сливы, виноград, редьку, индивий-салат, мед, яйца, молоко, творог, горячие блюда, вина. У Овидия описан прием гостеприимных богов бедными стариками:

Ровную доску его они свежею мятой натерли.
Ставят плоды, двух разных цветов, непорочной Минервы,
Осенью сорванный терн, заготовленный в винном отстое,
Редьку, индивий-салат, молоко, загустевшее в творог,
Яйца, легко на нежарком огне испеченные, ставят.
В утвари глиняной все.
Вскоре приносят еще, хоть не больно-то старые, вина;
Тут и орехи, и пальм сушеные ягоды, смоквы,
Сливы, - немало плодов благовонных в разлатых корзинах,
И золотой виноград, на багряных оборванный лозах.
Свежий сотовый мед посередке.
Гусь был в хозяйстве один, поместья их малого сторож, -
Гостеприимным богам принести его в жертву решили
(Ov. Met. VIII. 664-686).

Обед охватывал вторую половину дня и вечер, то есть, продолжался с трех до шести или восьми часов, иногда дотемна. Переходить от обеда к ночному сну, видимо, было нормой[2]. Обеденные празднества могли продолжаться до десяти дней:

Гостю желанному рад, торжественный праздник устроил,
Десять дней и ночей веселились они беспрестанно
(Ov. Met. XI. 95-96).

За обеденным столом гости играли на музыкальных инструментах: на пиршествах подносилась каждому из гостей лира (Quintilianus. Institutio oratoria. I. 19). Sena предусматривал для окружения Цицерона только один вид развлечения - так называемую «сократическую беседу», то есть, разговор на философские, литературные или даже повседневные темы, но обязательно живой и остроумный, в котором собеседники соревновались в изобретательности. На таких обедах царила атмосфера искренней дружбы, дружественной солидарности, духовной радости, а сам скромный дружеский обед переставал быть фактом га-

---

[1] Цит. по: *Кнабе Г. С.* Древний Рим - история и повседневность. Очерки. М., 1986. С. 19.

[2] Там же.

строномии[1]. В исторических источниках указаны и другие виды застольных развлечений. Например, Октавиан Август за обеденным столом играл с гостями «по-стариковски»: бросали кости, и у кого выпадет «собака» или шестерка, тот ставил на кон по денарию за кость, а у кого выпадет «Венера», тот забирал деньги». В письме своей дочери он пишет: «Посылаю тебе 250 денариев, как и всем остальным гостям, на случай, если кому за обедом захочется сыграть в кости или в чет и нечет» (Suet. De vita Caes.II.71. 2-4).

Таким образом, одной из составляющих общественной и повседневной деятельности римских граждан был званый обед, совместная трапеза, как форма гостеприимства. На нем присутствовали как мужчины, так и женщины. На обед хозяева приглашали гостей, или о своих намерениях гости должны были предупредить сами. При встрече они в знак приветствия пожимали друг другу правые руки. Местом римской sena служил триклиний. Иногда обеды проходили за несколькими столами. Количество гостей за праздничными обедами было неограниченным. Перед употреблением пищи рабы приносили воду для мытья рук и полотенца. Меню римских званых обедов предусматривало большое количество блюд, но учитывало социальный статус сотрапезников. За обеденным столом гости играли на музыкальных инструментах, участвовали в сократической беседе, играли в азартные игры.

ОТОБРАЖЕНИЕ ТВОРЧЕСТВА КОМЕДИОГРАФОВ МЕНАНДРА, ПЛАВТА И ТЕРЕНЦИЯ В ИСКУССТВЕ

Ю.Н. Шматко

В статье рассматривается специфика изобразительных источников, сюжетами которых стали либо произведения античных авторов-комедиографов Менандра, Плавта и Теренция, либо изображения данных авторов.

Ключевые слова: античные комедиографы, изобразительное искусство, театр.

DISPLAYING THE CREATIVITY OF ANCIENT COMEDIOGRAPHS MENANDER, PLAUTUS AND TERENTIUS IN THE ART

Yu.N. Shmatko

---

[1] *Русавская В.А.* Гостеприимство в Древнем Риме на примере эпистолярного наследия Цицерона и Плиния Младшего. С. 7.

The article deals with the specificity of the pictorial sources, the stories of which were either works of ancient authors-comediographers Menander, Plautus and Terentius, or images of these authors.

Key words: ancient comediographers, visual art, theater.

В историческом исследовании специфическим источником являются предметы изобразительного творчества, ведь изобразительно-художественные источники имеют преимущественно эстетическое предназначение, так как ориентированы на эмоциональное восприятие. Однако предметы живописи, скульптуры, графики дают исследователям не только информацию о реалиях быта прошлых веков, но и помогают узнать ранее неизвестные исторические факты.

Историки и филологи детально изучили историю зарождения театра, подробно описали биографии известных античных комедиографов Менандра, Плавта и Теренция, а также проанализировали содержание их комедии. Однако имеются ли изобразительные источники, которые помогут нам дополнить представление о творчестве авторов классической эпохи? Это и будет проблемой нашего исследования.

Среди исторических работ особый интерес для нас представляет работа Оскара Фердинандовича Вальдгауера «Этюды по истории античного портрета»[1]. Труд посвящён систематизации античных памятников, хранящихся в музеях СССР.

Выдающихся деятелей литературы Древней Греции и Рима современники в знак благодарности пытались запечатлеть в скульптуре. «Известно, что вскоре же после смерти Менандра ему была поставлена статуя в афинском театре Диониса. При раскопках в 1862 г. нашли ее мраморное подножие с надписью: «Менандр. Сделали Кефисодот и Тимарх» – известные в то время скульпторы, сыновья знаменитого Праксителя»[2]. Скорее всего, Кефисодот и Тимарх были лично знакомы с Менандром. Как утверждает В.Н. Ярхо, «дошедшие до нас более поздние бюсты Менандра числом свыше полусотни восходят, по мнению историков искусства, к афинской статуе, мы можем составить себе вполне достоверное представление о его облике»[3]. Так, в Государственном Эрмитаже хранится портрет Менандра, выполненный

[1] *Вальдгауер О.Ф.* Этюды по истории античного театра. Л., 1938. 296 с.
[2] *Ярхо В.Н.* Менандр – поэт, рожденный заново. М., 1982. 261 с. [Электронный ресурс].URL: http://lib.ru/POEEAST/MENANDR/menandr0_3.txt
[3] Там же.

итальянским скульптором в конце XIX в. В музей портрет был передан в 1925 г. из Шуваловского дома[1].

В Художественном музее Принстонского университета хранится рельеф сидящего поэта Менандра с масками новой комедии I в. до н.э. – нач. I в. н.э. Маски показывают троих канонических персонажей новой комедии: молодёжь, фальшивая девушка, старик. Ещё одно изображение Менандра мы можем наблюдать на римской фреске из Casa del Menandro в Помпеях. Хотя, по одной из версий, считается, что на самом деле на фреске дан образ не Менандра, а скорее, владельца дома или другого человека, читающего произведения Менандра[2].

Скульптурные портреты римских комедиографов Плавта и Теренция до наших дней не дошли. Однако мы можем увидеть предполагаемый портрет Теренция, который отображен в Codex Vaticanus Latinus (или Terentius Vaticanus). Это рукопись латинских комедий Публия Теренция Афра IX в., хранящаяся в Ватиканской библиотеке. Согласно историко-художественному анализу, рукопись была скопирована с оригинала III в., который, вероятнее всего, и содержал портрет[3]. Подобная версия сформировалась в 1960-е годы, когда группа историков совместно с искусствоведами сравнивали изображения женских масок из Terentius Vaticanus с тремя женскими масками, датируемыми периодом между 242 и 267 гг. Прическа на портрете Теренция близка к той, которую предпочитали императоры между 238 и 249 гг., что и позволило предположить, что оригинал, явившийся прообразом рукописи IX в., появился в III в.

В Средние века интерес к сюжетам комедий Теренция не угасал. Ещё в древности комедии Теренция попали в школы и стали достоянием учёных-грамматиков, которые писали к ним разного рода толкования. До нас дошло большое количество рукописей Теренция. Все они, за исключением главного источника Бембинского кодекса, восходят к рецензии грамматика III в. н.э. Каллиопия. Некоторые из парижской, миланской, ватиканской рукописей снабжены интересными рисунками.

В середине XII в. была иллюстрирована латинская рукопись из аббатства св. Олбанса. В данной рукописи, которая сейчас хранится в Бодлеанской библиотеке, была отображена сцена из комедии «Братья».

---

[1] Портрет Менандра. Копия. Санкт-Петербург. Эрмитаж. [Электронный ресурс].URL: http://www.theatrum.de/2068.html

[2] *Allison P.M.* Pompeian households: an analysis of the material culture. Los Angeles, 2004. P.M. Allison's On-line Companion to Pompeian Households [Электронный ресурс]. URL: http://www.stoa.org/projects/ph/house?id=9

[3] *Morey Ch.R.* The Vatican Terence // Classical Philology. 1931. 26 (4). P. 374.

В другой средневековой рукописи IX в., созданной, вероятно, в Лотарингии, имеются иллюстрации из комедии Теренция «Андрия».

В новое время датский художник Николай Абильдгор (1743-1809) создаёт серию картин на античный мотив. Абильдгор считается основателем датской школы живописи. Из его многочисленных историко-аллегорических картин в замке Христианборге во время пожара 1794 г. были спасены только немногие. Однако достаточно много его картин осталось в Копенгагене. Так, в своё время внимание художника привлёк сюжет комедии Теренция «Андрия». Полотна «Повитуха покидает девушку из Андроса» и «Симон и его бывший раб Созий» сейчас хранятся в Копенгагене в Датской национальной галерее.

Изобразительных источников, характеризующих творчество Тита Макция Плавта, практически нет. Внимание историков может привлечь только французская картина Барроиса Висконти, где изображён римский драматург Плавт. Гравюра является адаптацией из греческих оригиналов «Псевдол» и «Менанхмы».

Таким образом**,** до наших дней сохранилось достаточное количество комедий греческого комедиографа Менандра и его римских преемников Теренция и Плавта.

Такая высокая степень сохранности оказалась возможна благодаря тому, что стиль изложения драматургов, выбранные ими сюжеты, затрагивают вечные ценности, характерные не только для античной цивилизации, но и для эпохи Средневековья, и нашего времени. Однако изобразительных источников, которые иллюстрировали бы суть творчества комедиографов, достаточно мало.

Причинами этому могут быть, во-первых, плохая сохранность скульптур и изображений. Так, портретов Менандра сохранилось не более 50 копий. Во-вторых, античные актеры исполняли свои роли в масках.

Большое количество подобных театральных масок хранится в музеях мира. Быть может, кто-то из актёров исполнял в такой маске роль в комедии Менандра, Теренция или Плавта. В-третьих, стандартные бытовые сюжеты комедий не были интересны художникам эпохи Возрождения и Просвещения сами по себе, хотя многих деятелей литературы Нового времени привлекала возможность использования античного сюжета для отображения реалий XVII-XVIII вв.

Однако все сохранившиеся иллюстрации, скульптуры, гравюры современные исследователи могут использовать как изобразительные источники для исторического исследования.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЖЕНСКИХ ПРАЗДНЕСТВ В ДРЕВНЕМ РИМЕ ВО II В. ДО Н.Э. - III В. Н.Э.

Е.А. Лукашевич

В данной статье рассматриваются три богини, котором в Древнем Риме поклонялись исключительно женщины, а также празднества, проводимые в их честь. Это Юнона Люцина, Матер Матута и Добрая Богиня (Dea Bona). Попытаемся дать характеристику каждому из празднеств и выделить общие черты.

Ключевые слова: празднества, Юнона Люцина. Матер Матута, Dea Bona.

GENERAL CHARACTERISTIC OF FEMALE CELEBRATIONS IN ANCIENT ROME FROM 2 CENT. BC. TO 3 CENT. A.D.

E.A. Lukashevich

In this article we consider the three goddesses, who were worshiped exclusively by women in Ancient Rome, as well as festivals, held in their honor. They are Juno Lucina, Mater Matuta and the Good Goddess (Dea Bona). We try to give a description of each of their festivities and to highlight a common features.

Key words: festivals, Juno Lucina. Mater Matuta, Dea Bona.

В обширном пантеоне римских божеств мы встречаем трех богинь, которым поклонялись исключительно женщины. Это Юнона Люцина, Матер Матута и Добрая Богиня. Поклонения некоторым божествам только определенных социальных групп - не редкость для древних обществ; это свидетельство глубокой архаичности этих культов.

Считается доказанным, что первые два культа - чисто италийского происхождения. Раскопки в Сатрике и в Риме доказывают существование храмов Матер Матуты в этих городах уже в VI в. до н.э. Храм Юноны Люцины, согласно Плинию Старшему[1], был построен в 379 г. до н.э. Получается что в период, когда началось иноземное влияние на италийскую религию, этим богиням уже поклонялись. Свидетельств, прямо подтверждающих или опровергающих италийское происхождение Доброй Богини, нет. Скорее всего, это связано с исключительно тайным характером ее культа. Например, право знать истинное имя этой богини имели лишь женщины[2]. О поклонении Доброй Богине в Риме можно говорить только с последней трети II в. до н.э. Однако,

---

[1] NH, XVI, 235.
[2] Cic., De harusp. resp., 37.

благодаря эпиграфическим памятникам, известно, что ее почитали, по крайней мере, до III-IV вв. н.э. Что касается Матер Матуты и Юноны Люцины, сложно установить время, когда им перестали поклоняться, так как в начале империи их культы еще существовали.

Территория распространения культа Юноны Люцины - Лациум и Кампания. Вполне возможно, что она была хорошо известна и за пределами этих областей, однако этому нет доказательств. Матер Матута была почитаема в Лации, Умбрии, Кампании. Особенно был известен ее храм в Сатрике, раскопки которого проводились в 1896 и в 1970-х гг. Культ Доброй Богини был распространен также в Лации, в области сабинов, Цизальпинской Галлии, Нарбоннской Галлии. Но в Риме эта богиня пользовалась чрезвычайной популярностью (половина всех дошедших до нас надписей - оттуда).

Празднества в честь Юноны Люцины, богини, к которой обращались во время родов, назывались Матроналии. Это одни из самых известных празднеств в Древнем Риме. Они справлялись ежегодно в одно и то же время (sacra stativa) - мартовские Календы. Характерно, что до 153 г. до н.э. эта дата совпадала с празднованием Нового года. В Матроналиях как священнодействиях могли принимать участие лишь матроны, т.е. почтенные, замужние женщины, состоявшие в любом из трех законных видов брака. К сожалению, ничего не известно о самих священнодействиях, которые в Риме могли проводиться в храме Юноны Люцины на Эсквилинском холме или в священной роще, посвященной этой богине, находившейся, по сообщениям древних авторов, там же. Однако ясно, чем сопровождался этот праздник - женщинам делали подарки. Женщины нарядно одевались в этот день, праздник сопровождался цветами.

У Матралий, празднеств в честь Матер Матуты, тоже была четко установленная дата - 11 июня. В литературе существует мнение о том, что Матер Матута - богиня утренней зари, однако некоторые ученые склоняются к тому, что она богиня плодородия. Об этом говорят жертвоприношения, которые совершались во время Матралий - для нее пекли специальный хлеб (testuacium), в ее храме в Сатрике были обнаружены терракотовые статуэтки женщин, посвященные этой богине. Справлялись празднества не просто матронами, а женщинами, вышедшими замуж лишь один раз. Поэтому, как представляется, Матралии носили несколько элитарный характер. Известно[1], что рабыням в ее храм доступ был запрещен, но одну рабыню вводили специально и хлестали по щекам. Кроме этого, был еще один довольно странный

[1] Plut., Quaest. Rom., 16.

обычай - молиться в этом храме за детей сестер[1]. Видимо, эти ритуалы, восходящие к глубокой древности, являются наследием каких-то архаических систем родства.

Празднества Доброй Богини справлялись в какой-либо день декабря, специально устанавливаемый магистратами (sacra conceptiva). Известны некоторые подробности культа, хотя во время празднеств, которые справлялись только в доме магистрата, облеченного властью (imperium), не должно было быть ни одного мужчины, включая хозяина дома. Даже мужские изображения выносились.

Святилища и дом перед праздником Доброй Богини украшались цветами, сами мистерии сопровождались играми и музыкой (по крайней мере, игрой на флейте). Еще древние[2] отмечали орфический характер этих таинств; возможно, там употреблялось вино (которое вообще-то было запретно для женщин). Тайный характер этих мистерий, присутствие при обряде весталки, возможно, указывает на их связь с обрядами женской инициации.[3]

Последние остатки древних женских культов после возобладания мужских божеств, перед тем, как пришло новое время, и религия изменилась в сторону монотеизма, прослеживаются в этрусской и римской культурах.

Наиболее известными сходными культами поклонения Великой Матери являются культ Деа Бона (Dea Bona, Благая Богиня), культ Юноны Люцины и культ Матер Матуты. Они рассматриваются тут именно из-за их схожести (хотя в Риме того времени существовали и другие культы женских божеств).

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ИЗОБРАЖЕНИЯ КАБАНА / ВЕПРЯ НА ЭМБЛЕМЕ I ИТАЛИЙСКОГО ЛЕГИОНА

С.Н. Чеботарев

В статье рассматривается происхождение изображения кабана/вепря на эмблеме I Италийского легиона. Рассматривается общая информация о легионе, предположения о причинах выбора именно этого символа для эмблемы. Также рассматриваются две версии происхождения этого изображения: кельтская и греческая.

Ключевые слова: Древний Рим, легион, символика, мифология, кельты.

---

[1] Ovid., Fast., VI, 481, 482, 551.
[2] Plut., Caes., 9.
[3] Iuven., VI, 314-319

THE ORIGIN OF THE IMAGE OF THE BOAR THE EMBLEM OF I ITALIAN LEGIO

S.N. Chebotarev

The article discusses the origin of the image of the boar/aper - the emblem of the Legion I Italic. There is considered a general information about the Legion, assumptions about the reasons for the choice of this symbol for the emblem. Also there are seen 2 versions of the origin of this image: Celtic and Greek.

Key words: Ancient Rome, legion, symbolism, mythology, the Celts.

I Италийский легион был сформирован 20 сентября 66 г. императором Нероном (D. Cas. R. Hist. LV. 24. 2). Об особом статусе легиона свидетельствует тот факт, что бойцы, набираемые в него, не должны были быть ниже 6 римских футов (примерно 180 см), что было существенно выше среднего роста римлян. Изначально легион был подготовлен для вторжения в Парфию, но из-за Иудейского восстания легион на восток так и не перебросили[1]. Основным местом его дислокации стал Лугдун. В «год четырёх императоров» легион был включен в состав войск Вителлия (Tacit. Hist. I. 59, 64, 79). Этот легион принимал деятельное участие в военных действиях и даже отличился в сражении при Кремоне (Tacit. Hist. II. 100; III. 18). Перейдём теперь к анализу изображения на эмблеме легиона.

О том, что было изображено на эмблеме I Италийского легиона, мы знаем, в основном, благодаря нумизматическим материалам. В частности, эмблема легиона изображалась на реверсе некоторых антонинианов Галлиена[2]. Почему же эмблемой легиона был выбран именно кабан / вепрь?

Кабан или вепрь – символ, наиболее распространённый в кругу кельтских культур. Древние кельты считали, что кабан отвращает зло. Этот символ фигурирует на навершиях кельтских шлемов и на орнаменте щитов. Археологические материалы, представленные в работе Я. Филипа, позволяют делать выводы о большой религиозной значимости кабана[3].

Значительная часть провинций Римской империи находилась в кругу влияния кельтской культуры. Кроме того, Цизальпинская Галлия в Северной Италии, которую Рим сделал своей провинцией в 220 г. до н.э., была заселена кельтскими племенами (Tit. Liv. Ab urbe cond. I. V).

---

[1] *Дандо-Коллинз С.* Легионы Рима. Полная история всех легионов Римской империи. М.: ЗАО Изд-во Центрполиграф, 2015. С. 100.

[2] См. прил.

[3] *Филип Я.* Кельтская цивилизация и её наследие. Прага, 1961. С. 156-157.

Даже после того как Рим официально включил Цизальпинскую Галлию в Италию в 42 г. н.э., там сохранились некоторые кельтские обычаи, среди которых и символика с вепрем. В этом не было бы ничего необычного, ведь римские легионы очень часто использовали символику, которая была распространена в местности, из которой легион набирался (например, испанские легионы почти всегда выбирали своей эмблемой быка, а легионы, сформированные на территории Фессалии, использовали в качестве эмблемы кентавра), но I Италийский легион набирался в самой Италии, и куда логичнее было бы видеть его эмблемой традиционную римскую символику.

Тот факт, что символом легиона, набранного на коренной территории империи, стал почитаемый кельтами кабан, говорит нам о том, что обычаи и традиции жителей Цизальпинской Галлии интегрировались в римскую культуру, и даже спустя 286 лет они не только не исчезли, но и получили своеобразное признание на государственном уровне. Как же так вышло? Одной из причин этого может быть тот факт, что анималистический образ кабана связан с очень древним и фундаментальным символизмом[1], который вполне вписывался в римское миропонимание. Второй причиной может быть важное место культа кабана в кельтской культуре и обилие символики, связанной с кабаном на различных памятниках этой культуры, что предопределило «живучесть» этого символа среди населения Цизальпинской Галлии.

Однако, вепрь как символ связан не только с кельтской культурой. Он также довольно часто встречается в греческой мифологии как атрибут Деметры и Аталанты, в качестве символа борьбы и разрушения. Яркий пример - Эриманфский вепрь, сраженный Гераклом[2]. Также кабан был символом суровой зимы (Калидонский вепрь, убивший Адониса) (Apollod. III 14, 4; Ovid. Met. X). Кроме того, в Гомеровском эпосе встречается описание боевого знака – «головы вепря» на шлеме воина:

«Вождь Мерион предложил Одиссею и лук, и колчан свой,
Отдал и меч; на главу же надел Лаэртида героя
Шлем из кожи; внутри перепутанный часто ремнями,
Крепко натянут он был, а снаружи по шлему торчали
Белые вепря клыки, и сюда и туда воздымаясь»

(Hom. Il. X. 260).

Если учитывать большое культурное влияние Греции на Рим, ввиду взаимопроникновения культур и притока в Рим греков, которые

---

[1] *Широкова Н.С.* Культура кельтов и нордическая традиция античности. СПб.: Евразия. 2000. С. 224-225.

[2] *Грейвс Р.* Мифы Древней Греции. М.: Прогресс, 1992. С. 356-357.

хоть и были рабами, но использовались, в основном, не для тяжких физических работ, а в качестве учителей, нянек, личных художников и писцов, можно предположить, что римлянами была заимствована и символика, в составе которой находился кабан.

Исходя из всего вышеперечисленного, мы можем сделать вывод о том, что происхождение изображения вепря/кабана на эмблеме I Италийского легиона связано с двумя культурами, оказавшими большое влияние на Рим: кельтской и греческой. Определить, какая из этих культур сильнее повлияла на оформление эмблемы, не представляется возможным. Об этом нам говорит и то, что на антонинианах Галлиена изображение вепря представляет собой нечто среднее между кельтским и греческим стилем.

RIC 320 [j] Gallienus, AE antoninianus. Milan mint. Joint reign. AD 258. GALLIENVS AVG, radiate, cuirassed bust right / LEGI ITAL VI P VI F, boar right. RIC V-1, Milan 320f (J); Goebl 0986n; Sear 10254.

«ИМПЕРСКАЯ ИДЕЯ» В МЕНТАЛИТЕТЕ ДРЕВНЕРИМСКОГО ОБЩЕСТВА ЭПОХИ ПРИНЦИПАТА

Н.А. Гудков

В статье рассматривается процесс появления «Имперской идеи» на базе древнеримских политических ценностей. Проанализировано соответствия «Имперской идеи» традиционному политическому менталитету Древнего Рима.

Ключевые слова: «Имперская» идея», менталитет, древнеримское общество, Октавиан Август.

«IMPERIAL IDEA» IN THE MENTALITY OF THE ANCIENT ROMAN SOCIETY OF THE PRINCIPATE

N.A. Gudkov

The article examines the process of appearance of the «Imperial idea» on the basis of the ancient Roman political values. There is analyzed a compliance of the «Imperial idea» to the traditional political mentality of ancient Roman society.

Keywords: «Imperial idea», mentality, ancient Roman society, Octavian Augustus.

«Имперская идея» Древнего Рима – идеологический курс древнеримского общества эпохи Империи, представляющий собой совокупность политических идеологем, направленных на укрепление и поддержание власти императоров. «Имперская идея», как форма общественного сознания, основывается на эмоциональных и культурных особенностях, системе ценностей, определяющих мировоззрение и мироощущение народа, т.е., на менталитете общества. Ментальность оказывает решающее влияние на формирование политического мировоззрения, которое, в свою очередь, находит отражение в политической культуре общества – «совокупности политических мнений, позиций, ценностей и оценок субъектов конкретного социального и политического организма»[1]. В то же время, идеология находится в рамках политической культуры общества.

Целью идеологии является навязывание определенного вектора общественно-политического развития в интересах конкретных социальных групп, стремление повлиять на политическую культуру общества, изменить ценностные ориентиры и мировоззренческие идеалы в планируемом направлении. Движущей силой, вызывающей перемены, является внешнее воздействие на общественное сознание: социальные и политические потрясения, религиозная и идеологическая политика. Таким образом, прослеживается неразрывная взаимосвязь идеологии и политического менталитета общества, основанная на изменении политической культуры. В связи с вышесказанным, для полноценного анализа «Имперской идеи» необходимо рассмотреть особенности политической культуры римского общества.

Политическая культура Древнего Рима прошла долгий эволюционный путь, сопряженный с тем или иным периодом римской истории – царским, республиканским и имперским. Хронологические рамки данного исследования ограничиваются периодом Принципата – I в. до н.э. – II в. н.э. Однако для полноценного анализа древнеримской политической культуры необходимо рассмотреть и республиканский период. В частности, без этого нельзя понять, почему самобытная политическая культура римского общества не позволила правителям Ри-

---

[1] *Алмонд Г.* Гражданская культура, Политические установки и демократии пяти наций // Антология мировой политической мысли. М., 1997. С. 46.

ма установить режим единовластия сразу после гражданских войн конца I в. до н.э. Понадобилось три столетия фактически неограниченной власти императоров, прежде чем проводимая идеологическая политика изменила политическую культуру общества от «гражданина» к «подданному», олицетворением чего явился доминат. Такой продолжительный срок объясняется силой республиканских традиций, инерцией «демократической» политической культуры древнеримского общества, основанной на «полисной» морали.

Особенностью античного политического устройства была неразделенность государственного аппарата управления и общества[1]. Не было особого класса управленцев, государственные функции администрирования исполняли сами граждане на выборной основе. Это порождало представление об общественной жизни как общем деле – Res publica. Такая система управления полисом сложилась исторически и вполне себя оправдывала, пока «полисы» не стали разрастаться до размеров мировых держав[2].

Отсутствие класса чиновников, коллективное управление полисом закрепляло в общественном сознании идею слитности, сплоченности гражданского коллектива. Коллегиальное управление обществом также несло идею неприятия единоличной власти. По легенде, Публий Корнелий Сципион ответил союзникам-испанцам, которые назвали его царем, что «…для римлян нет ничего более отвратительного и позорного, нежели царское звание - для них достойно уважения лишь звание гражданин»[3]. Данная форма общественного устройства предполагала активное участие в политической жизни граждан Рима. По мнению историка Г.С. Кнабе, публичность была характерной чертой римской жизни: «Такое пребывание в толпе ощущалось как ценность острой, коллективной положительной эмоции»[4].

Но коллективизм римского общества проявлялся не только в политике. В связи с этим, немецкий археолог Л. Фридлендер говорил, что в Древнем Риме «трудно было жить для себя»[5]. Что он имел в виду? В Риме существовал безусловный приоритет общественных интересов над частными. Труд на благо полиса являлся краеугольным кам-

---

[1] *Коптев А.В.* Античное гражданское общество // Проблемы эволюции общественного строя и международных отношений в истории западноевропейской цивилизации. Вологда, 1997. С. 11-30.

[2] *Кошеленко Г.А*. Полис и город. М., 1983. С. 25.

[3] *Синицин А.Б.* Культуры мира. М., 2005. С. 287.

[4] *Кнабе Г.С.* Древний Рим. История и повседневность. М., 1986. С. 119.

[5] *Фридлендер Л.* Картины из бытовой истории Рима в эпоху от Августа до Антонинов. СПб., 1914. С. 19.

нем римской аксиологии. Теодор Моммзен оставил точное описание этого явления: «Он (римский дух – *Н.Г.*) не требовал и не уважал ничего, кроме полезной деятельности, и заставлял каждого гражданина наполнять каждое мгновение короткой жизни неусыпным трудом; для него государство было все, а расширение этого государства – единственным не запретным высоким стремлением… »[1].

Такой альтруизм и самоотверженное служение на благо полиса были следствием воинственности латинян – суровых пахарей и воинов, покоривших соседние народы и ставших хозяевами Средиземноморья. По мнению античных историков, основой завоеваний послужил особый римский характер. Плутарх, например, выделял суровость, твердость духа и эмоциональную сдержанность как отличительные черты римлян[2]. Вергилий указывал на римское благочестие – *pietas*, приводя в пример почитание Энеем богов (Aen., I, 220; I, 378-380; II, 397). Цицерон считал самыми главными в характере римского гражданина доблесть – *virtus*, скромность (*modestia* – благоразумие, скромность, умеренность (или *temperantia* как сдержанность, умеренность)) и самопожертвование (*abnegation*) (Cic. Pro Mur., 10, 22; De rep., I, 33).

Кроме того, менталитет древних римлян отличался традиционализмом и консерватизмом. В основе патриархальной системы ценностей римского общества лежали «нравы предков» - *mores maiorum*. Именно *mores maiorum* определяли поведение римлян и в религии, и в быту, и в общественной жизни, и в политике. Римский консерватизм был обусловлен мировосприятием членов аграрной общины – *civitas*. В их сознании были заложены цикличность и постоянство, связанные с сельскохозяйственным циклом. Опыт, передававшийся из поколения в поколение, был залогом выживания общины. Отход от этого опыта угрожал гибелью общины. Именно этим во многом объясняется консерватизм аграрных традиционных обществ, в т.ч., и древнеримского.

Таким образом, в условиях полисного этапа развития сформировался специфический древнеримский менталитет, добродетели которого, в конечном счете, сводились к принесению пользы своему отечеству и «ежемгновенной готовности к смерти во имя res publica»[3]. Возникшая на основе данной системы ценностей политическая культура может быть названа «демократической», в ее философии власти отсутствовали сакральные оттенки, глава государства не мыслился как

---

[1] *Моммзен Т.* История Рима. СПб., 1994. С. 52.

[2] Плутарх. Сравнительные жизнеописания / Пер. с древнегреч. Сост. С. Аверинцев, вступ. статья А. Лосева, коммент. А. Столярова. М., 1998. С. 376.

[3] *Велишский Ф.Ф.* Быт греков и римлян / Пер. членов киевского отделения общества классической филологии и педагогики. Прага, 1878. С. 205.

бог или сын бога, возвышающийся над гражданами. Наоборот, любой достойный гражданин, «проделавший не менее десяти боевых кампаний на коне или двадцати в пешем строю» (*Polyb*., VI, 19, 4), мог претендовать на магистратские должности.

Однако, со временем, менталитет республиканского общества претерпел изменения. Это было связано с развитием рабовладения и товарно-денежных отношений, углубляющейся социальной дифференциацией, миграцией, впитыванием традиций завоеванных народов и многими другими факторами. Но главной причиной было территориальное расширение Римской республики. Став крупнейшей державой, Римская республика переросла рамки архаичной общины, начался «кризис полиса». Этот процесс очень болезненно переживался современниками. Э. Сизек писал о том, что римляне на протяжении веков привыкли жить под защитой стен своего города, ощущали солидарность и сопричастность к «общему делу». Теперь эти стены рушились, античная civitas гибла, и люди словно оказывались перед бескрайним миром[1]. В этот период меняется и аксиология. В римском коллективе все явственнее проявляется рост индивидуализма, постепенное отмирание полисного патриотизма, утрачиваются традиционные «старые отцовские доблести» - *pietas, virtus, fides* (вера). На смену римским ценностям пришли пороки - *avaritia* (алчность), *vanitas* (тщеславие) и *impudicitia* (разврат). Наступает также и религиозный кризис, о чем свидетельствует распространение в это время в Италии восточных культов.

Процесс ломки традиционных устоев происходил в условиях ожесточенных гражданских войн I в. до н.э. Таким образом, происходило наслаивание процесса «кризиса полиса» и политического кризиса римского государства в целом. Данный фактор вызывал духовное брожение и неопределенность общества, распространение разнообразных «социальных утопий» и эсхатологических представлений[2]. Моральные изменения римского общества воспринимались античными авторами как «упадок нравов», а идеал общественного устройства искался в прошлом римского народа, когда еще были сильны mores maiorum. Этот идеал возникал на контрасте с действительностью I в. до н.э., когда Рим раздирали «невзгоды, распри, гражданские войны» (Georg., I, 506-511; Ecl., I, 70-73), и «бессмертные с жалостью смотрели на свой возлюбленный народ из своих чертогов (Aen., X, 758-759).

---

[1] *Сизек Э.* Нерон. Ростов-на-Дону, 1998. С. 216.
[2] *Чернышов Ю.Г.* Социально-утопические идеи и миф о «золотом веке» в древнем Риме: В 2 ч. Новосибирск, 1994. С. 96.

Осмысливая бедственное положение Римского государства, античные авторы искали пути выхода из сложившегося положения. Например, Вергилий был убежден, что возвращение к старым нравам и былому благочестию могло бы вновь вернуть римлянам расположение богов и восстановить порядок в государстве (Aen., III, 265-266). А поэты Тибулл и Проперций считали необходимым установление мира любыми методами (Tibull., I, 10, 33-50), когда все станет на свои места, и римляне смогут насладиться благами побед, одержанных ими или их предками (Prop., II, 15, 44-49).

Как уже было отмечено, римская республиканская политическая культура не приветствовала единоличной власти. Однако в период гражданских войн мы можем наблюдать трансформацию политического сознания римлян по данному вопросу. На волне всеобщего кризиса и эсхатологических ожиданий, в общественном сознании оживлялись древние мифы о «Золотом веке» (Aen. VI. 792-793, VIII. 324-325), и «Сатурновом царстве», которые ассоциировались с мирной благополучной жизнью[1]. Но кому по силам установить столь долгожданный мир? Исследователь исторической психологии Владимир Александрович Шкуратов писал, что в момент кризиса для обществ характерно подсознательное ожидание некого «хозяина», способного остановить смуту[2]. В знаменитой 4-й эклоге Вергилия мы находим подтверждение данной мысли. Поэт пишет о рождении младенца, который сможет вернуть «Сатурново царство» (Verg. Ecl. IV, 4-17). По мнению Вергилия, он должен был вернуть римлянам старые обычаи (Ibid. I, 43-46) и добродетель (Ibid. IV, 27). Цицерон также представлял правителя, наделенного набором традиционных римских нравственных и гражданских достоинств (Cic. De rep. II, 40). Таким образом, потенциальному правителю, который остановит гражданские распри и установит мир, так же необходимо было считаться с общественным мнением и имеющимися представлениями о качествах кандидата, достойного возглавить римскую державу. Ведь подлинной ценностью могло быть лишь то, что получило санкцию общественного мнения (Cic. De Or. II (85), 347).

Уходившая своими истоками в гражданскую общину, вековая связь традиций, верований и ценностей древнеримского общества, несмотря на системный кризис I в. до н.э., была все еще очень крепка и так плотно охватывала общественную жизнь, что первые императоры не только не пытались ее порвать, но и стремились «врастить» в нее

---

[1] *Чернышов Ю.Г.* Указ. соч. С. 96.

[2] *Шкуратов В.А.* Историческая психология. М., 2000. С. 164.

создаваемый режим»[1]. Способ воздействия изначально был выбран верно - воздействие на население через традиционные римские ценности и культ «старины». При этом учитывалась гибкость религиозного сознания римлян.

Идеологическая политика Октавиана, получившая название «восстановление республики», оперировала актуальными мифами, римскими добродетелями и ценностями, с целью представить установившийся политический строй – принципат, как «единственно возможный и справедливый строй предков, возвращенных Риму на новом, более высоком витке его развития»[2]. «Политический имидж» принцепса также должен был соответствовать образу идеального правителя – он должен соблюдать mores maiorum и служить отечеству. Именно поэтому первые принцепсы ассоциировали себя, в первую очередь, с гражданским обществом, называя себя гражданином, или первым среди равных, но не более того. Используя мифы и популярные социальные утопии, идеологи принципата стремились в сознании современников связать воедино миф «о золотом веке», римский миф, миф «о Сатурновом царстве» и другие идеи наступления «эпохи благоденствия». На это была, например, направлена деятельность придворного поэта Горация. Рим, управляемый мудрым Августом, стал еще сильнее и страшнее для варваров (Od. IV, 14, 3-4), который покорил «британцев и персов грозных» (Ibid. III, 5, 1-4), «страх внушил Красному морю» (Ibid. I, 35, 29-32). Учитывая все эти огромные заслуги Августа перед любимым всеми римлянами Отечеством, поэт допускает возможность сравнения принцепса с древними героями, такими как Геракл, Кастор и Поллукс (Ibid. III, 14, 1-2; Ep., II, 1, 5-16). Гораций же, благодаря заслугам Августа и его божественному происхождению, называет принцепса именно тем спасителем и защитником государства, которого так давно ждали римляне (Od., IV, 5, 1-9). Сам принцепс заявлял себя «прежде всего спасителем общества от бурь междоусобных войн, восстановителем национальных традиций и первым гражданином»[3].

Политические заявления подтверждались конкретными действиями. Первым шагом в этом направлении была «чистка» сената. В 29 г. до н.э. Август предложил сенаторам, не удовлетворявшим высоким требованиям, в том числе, моральным стандартам, добровольно покинуть курию. С позиции восстановления древних нравов, Август

---

[1] *Межерицкий Я.Ю.* «Республиканская монархия»: метаморфозы идеологии и политики императора Августа. М., 1994. С. 88.

[2] *Чернышов Ю.Г.* Была ли у римлян утопия? // Вестник древней истории. 1992. № 1. С. 64.

[3] *Виппер Р.Ю.* Очерки истории Римской империи. М., 1908. С. 385.

регулирует законодательство в отношении семьи и брака. Официозная литература утверждала, что в результате семейной политики Августа римское общество вернулось к обычаям и нравам предков. В политической автобиографии Август говорил: «Я возвратил многие примеры предков, в наш век уже вышедшие из употребления» [RGDA, 8]. Гораций писал, что Августу удалось обуздать нрав и обычаи общества, обратившегося к порокам и роскоши [Hor. Carm. IV, 5, 22]. То же утверждал и Флор [Flor. II, 34]. Также неотъемлемой частью программы «восстановленной республики» было восстановление прежних и основание новых храмов. В «Деяниях» Август сообщает о восстановлении в свое шестое консульство (28 г. до н.э.) 82 храмов (RG. 20.4). Тит Ливий называл Августа «основателем и восстановителем всех храмов»(Liv. IV. 20).

Между тем, в восстанавливаемые традиции и добродетели постепенно включались новые элементы, связанные с личностью первого императора, а именно, постепенно возникает традиция восхваления и возвеличивания Августа, при котором, по словам Овидия, «изобилие всему дает обновленный Рим» (Ars amandi, III, 113-128). По мнению некоторых исследователей, культ императора, исполненного добродетелями, должен был стать новой силой, «цементирующей уже не общину, а империю»[1]. В рамках данного культа превратилось в традицию принесение присяги императору в первый день года.

Таким же образом дело обстояло и с празднованием дня рождения Августа. Инициатива, по сообщению Светония, исходила от всадников, и празднование продолжалось два дня подряд (Suet. Aug. 57). Император, таким образом, должен был стать олицетворением Рима, его символом. По мере эволюции принципата, изображения императора становятся все более условными, стилизованными под изображение бога[2]. Они воспринимаются современниками не просто как личный портрет, но играют роль объекта государственного религиозного культа и почитания[3].

Насколько соответствовала проводимая идеологическая политика менталитету древнеримского общества? По мнению Ильи Шолеймовича Шифмана, «Август установил тот режим, который отвечал как назревшим общественно-политическим потребностям, так и

[1] *Колосовская Ю.К.* Римский провинциальный город, его идеология и культура // Культура древнего Рима. М., 1985. Т. 2. С. 190.
[2] Там же.
[3] *Машкин Н.А.* История древнего Рима. М., 1956. С. 725.

традиционным, социально-психологическим характеристикам римского общества»[1].

Свидетельства этого мы находим у современников эпохи принципата. Тацит считал причиной быстрого утверждения единовластия то, что многие «предпочитали безопасное настоящее исполненному опасностей прошлому» (Tac. Ann. I. 2.1). Плиний Младший, выступая в сенате, говорил, что «мы легко поддаемся, в какую бы сторону нас ни вел принцепс, и даже - я бы сказал - мы во всем следуем за ним» (Plin. Paneg. 45).

Анализируя изменения, которые происходили в образе жизни, в настроениях и мировоззрении того поколения римлян, чья жизнь пришлась на эпоху окончания гражданских войн и установления «августова мира», исследователь делает вывод о том, что «поколение с такими взглядами на жизнь, разумеется, не могло потребовать у Августа отчета за присвоение верховной власти»[2].

Таким образом, можно согласиться с мнением И.Ш. Шифмана о том, что «Август был не только порождением своей эпохи, но и ее воплощением; он был человеком, оказавшимся вовремя на своем месте»[3].

Таким образом, Октавиан Август, завоевав единоличную власть, сумел легитимизировать ее в общественном сознании римлян. Выстроенная его окружением идеологическая политика опиралась исключительно на общественные представления и ожидания, а сам император сделал все, чтобы соответствовать образу идеального правителя, наделенного традиционными римскими добродетелями.

Используя различные рычаги воздействия на общественное сознание, императоры династии Юлиев-Клавдиев заложили основы трансформации римского менталитета и изменения политической культуры Рима от «демократической» к «монархической», от «гражданина» к «подданному».

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ О БЫТЕ ВЫСШЕГО РИМСКОГО СОСЛОВИЯ В САТИРАХ ЮВЕНАЛА

В.Э. Симонова

---

[1] *Шифман И.Ш.* Цезарь Август. Л., 1990. С. 115.

[2] *Гримм Э.* Исследование по истории развития римской императорской власти. СПб., 1900. С. 347.

[3] *Шифман И.Ш.* Указ. соч. С. 6.

В статье анализируется быт богатого римского населения в сатирах римского поэта Децима Юния Ювенала. Автор приходит к выводу о том, что в сочетании с другими источниками соответствующего периода, на основании сочинений Ювенала можно составить целостную картину бытия зажиточных граждан римского общества I в. н.э.

Ключевые слова: Древний Рим, Децим Юний Ювенал, быт римлян.

THE IDEA OF THE UPPER ROMAN CLASSES EVERYDAY LIFE IN JUVENAL'S SATIRES

V.E. Simonova

The article reviews the life of wealthy Roman people in the satires of the Roman poet Decimus Junius Juvenal. The author comes to a conclusion that full picture of life of wealthy Romans in the first century AD can be composed on the basis of Juvenal' works and other sources of this period.

После I века н.э. Рим, как мировой центр административной и политической жизни, как законодатель нового образа жизни и нового стиля, как исток социальных различий, стал уникальным городом. Изучение его повседневной жизни возможно, благодаря множеству сохранившихся письменных источников, в качестве которых можно рассматривать и сатиры Ювенала. Знаменитый римский сатирик так отзывался о Вечном городе:

Здесь же нарядов блеск превосходит силы, здесь тратят
Больше, чем нужно, притом иногда из чужого кармана.
Это здесь общий порок: у всех нас кичливая бедность.
Много тут что говорить?
На все-то в Риме цена есть... [Iuv. III. 180].

Только богатое население Рима могло себе позволить жить в городских домах или виллах. Сатирик писал о том, что жилище богатых римлян занимало весьма значительные территории:

Ну, так не важно, на длинном ли поле гоняет коней он,
Или раскидисты тени тех рощ, куда его носят,
Сколько домов он купил
И соседних с базаром участков [Iuv. IV. 5].

В сатирах Ювенала мы не можем найти подробного описания домов знатных людей; о них можно узнать из других источников данного периода (Petr. Sat., XXXVII; Tac. Ann. III, 54).Тем не менее, Ювенал упоминает отдельные элементы и предметы интерьера.

Например, в своей первой сатире Ювенал сообщает о том, что у богатых людей был сундук, который они ставили на кон, когда играли в азартные игры [Juv. I. 90]. Подобный сейф являлся непременным

атрибутом зажиточного семейства. Обычно он был крепко приделан к стене или полу, к нему также был приставлен особый раб, который следил за перемещениями людей по залу, в котором был расположен данный предмет роскоши[1].

Другим показателем высокого статуса римлян являлась одежда. И, хотя тип одежды был одинаковым среди разных слоев римского общества, материал и декорирование отличались разительно, говоря о достатке владельца[2].

Основным уличным нарядом была прославленная римская тога, которую носили мужчины, и женская палла или накидка. Эти виды одежды представляли из себя большие белые одеяла, которые оборачивались вокруг тела. Ювенал отзывается о белых накидках как о знаке достоинства и благородства того, кто их носит [Juv. I. 170]. Что касается женщин, то они носили паллу, которая образовывала изящные драпировки. Часто, при выходе на улицу, они прикрывали ею и голову[3].

Из сатир Ювенала мы видим, что женщины в то время уже были знакомы с ювелирными украшениями, т.к. нередко его строки на это указывают. К, примеру, в первой сатире мы встречаем такие слова:

Что мне бояться и смело свое не отстаивать место:
Пусть я рожден у Евфрата, в ушах моих женские дырки.

В других книгах Ювенала мы находим информацию об «изумрудных бусах» [Juv. VI. 450].

Изучая сатиры Ювенала, мы можем также составить представление о рационе питания знатных римлян. Так, он упоминал о блюдах из павлина, зайца, кабана, гуся. Говорится в сатирах и о том, что богатые люди нередко трапезничали трюфелями [Juv. V. 110]. День знатных господ описан у Ювенала следующим образом:

Распределяется день примерно в таком вот порядке:
Утром подачка, там форум, потом Аполлон-юрисконсульт,
Статуи, знавших триумф, и меж ними нахальная надпись
То из Египта неведомых лиц, то арабского князя,
Перед которым не грех помочиться, а может, и больше.
Вот уж из сеней уходят, устав, пожилые клиенты:
Как ни живуча у них надежда — авось пообедать,
Но расстаются с мечтой, покупают дрова и капусту;
Их же патрон будет жрать между тем все, что лучшего шлет нам
Лес или море, и сам возлежать на просторных подушках

---

[1] *Анджела А.* Один день в древнем Риме. М., 2010. С. 31.
[2] *Велишский Ф.Ф.* Быт греков и римлян. М., 1878. С. 219.
[3] *Анджела А.* Указ. соч. С. 45.

[Juv. I. 127].

Что же касается досуга знатных женщин, то здесь нужно принять во внимание личную неприязнь Ювенала к женщинам при анализе его сатир. Из шестой сатиры мы узнаем, что жены знатных господ только и делали, что перебирали свои наряды, красились и болтали с подругами целыми днями [Juv. VI. 474]. День знатной женщины не обходился и без бани и услуг массажиста [Juv. VI. 419].

Помимо этих частных дел, знатные люди должны были выполнять правила и условности поведения в общественной жизни Рима, согласно своему статусу. Об этом мы также можем узнать из сатир Ювенала. Так, сатирик писал о том, что ежедневно с самого утра к домам состоятельных людей приходили целые толпы народа. Клиенты собирались и шумели во дворе господина; порой клиентов собиралось такое количество, что они заполняли всю улицу и мешали другим передвигаться по ней[1]. Об обычаях, связанных с отношениями клиентелы, нам сообщают не только Ювенал, но и Марциал, Плиний Мл. и др. (Juv. I. 120-130; III. 249; Mart. X. 70, 75; Plin. Caec. Epist. II. 14, X. 118).

К утреннему часу также приурочивались различные случаи торжеств, например, свадьба или же облачение в мужскую тогу, а также вступление магистратов в должность. Что касается консулов, то здесь достоверно известно, что такая церемония проводилась утром, вероятно, в ранние часы в должности вступали сановники, преторы и другие. А вот похороны откладывались до самых поздних часов, о чем мы также узнаем у Ювенала [Juv., I, 146]. В связи с этим, люди, которые имели обширные знакомства, теряли много времени.

Также некоторые адвокаты или учителя красноречия организовывали свои лекции, и римлянин должен был на них присутствовать. Ювенал писал о том, что такие чтения затягивались порой на целые недели, они были несчастьем римской жизни, которое сатирик сравнивал с пожаром или крушением домов [Juv., XII, 134].

В сатирах Ювенала мы нередко находим информацию и о том, что богатое население давало так называемые подачки беднякам [Juv., I, 96]. Ювенал говорит, что народ научился прекрасно льстить людям, которые могли им что-то дать [Juv., III, 86-91].

Состоятельные римляне проводили свое свободное время не только на прогулках, они часто устраивали различные собрания. Кроме пиров, другие собрания званых гостей Ювенал не упоминает, пиры же занимали свободные от занятий часы, могли начинаться днем и продолжаться до поздней ночи [Juv., 11, 4]. О том, как тщательно шла

---

[1] *Кнабе Г.С.* Категория престижности в жизни древнего Рима. М., 1988. С. 136.

подготовка к застолью, можно посмотреть в одиннадцатой сатире Ювенала, там богач приказывает, чтобы даже столы, за которыми будут сидеть гости, были только из слоновой кости [Juv., XI, 123][1].

Обычаи требовали, чтобы гостю во время проведения пира предоставляли богатый выбор увеселений, которые могли носить самый разнообразный характер. Ювенал пишет о том, что перед гостями нередко выступали скоморохи [Juv., VIII, 190], певцы [Juv., XI, 180], флейтисты [Juv., XV, 49], фокусники [Petr. Sat., LIII]. Во время пира танцевали пантомимы, разыгрывались сцены из трагедий и комедий [Juv., V, 158]. Во время распущенных пиршеств шуты и фокусники сквернословили [Plin. Sec. N.H., IX, 17.], мимы разыгрывали такие сцены, которые было неприлично видеть даже рабам господ.

Одним из развлечений состоятельного римлянина являлись гонки на колесницах, о которых Ювенал в своих сатирах практически не упоминает. В гонках участвовало четыре команды, названных по цвету одежды возниц, которые стояли на хрупких двухколесных колесницах, обмотанные вожжами вокруг тела, впереди находились две или четыре лошади. Ювенал пишет о том, что знатным людям в «цирке крикливом» отводилось спокойное место [Juv., IX, 144-145].

В сатирах Ювенала нам встречается информация о проведении в Риме гладиаторских боев [Juv., VI, 260]. Хотя, сатирик упоминает о том, что они проводились, но не рассказывает о том, кто участвовал, и ход проведения, но у других авторов есть более подробные сведения об этом (Suet. Cal. 30. 3; Val. Max. I. 7. 8; Tac. Agric. 36 et al.).

Другим общественным мероприятием для римлян были публичные чтения. Ювенал в первой сатире пишет о том, что поэтов в Риме, которые устраивают приемы, достаточно много [Juv., I, 14]. В седьмой сатире мы видим, что на чтения порой могли приходить и целые толпы [Juv., VII, 240].

С конца I века чтения стали приходить в упадок, и присутствие на них клиента или друга переставало быть их обязанностью, такие чтения стали своего рода тяжелой повинностью, поэтому каждый старался отлынивать от такой повинности.

Сам император пытался вмешаться в вопрос о пользе чтецов и чтений, но даже он оказался бессилен в том, чтобы заставить людей посещать такие мероприятия. Ювенал писал о том, что никакая пустыня не может быть более несносной, чем Римская империя в сезон чтений.[2]

[1] *Роулинг М.* Европа в средние века. Быт. Религия. М., 2005. С. 146.
[2] *Гиро П.* Частная и общественная жизнь римлян. СПб., 1995. С. 240.

Богатыми людьми было придумано различное множество способов, с помощью которых они могли избавить себя от обязанности посещения чтений. Так, например, некоторые богачи вместо себя посылали своих вольноотпущенников. Отправленные состоятельным человеком люди, могли прийти поздно и уйти рано, некстати аплодировать, а те, кто и оставался до конца, вряд ли что-то понимали и вели себя достаточно шумно [Juv.,III, 104]. Подобное отношение к публичным чтениям демонстрирует и современник Ювенала Плиний Младший, акцентируя внимание на том, что для людей это была, скорее, скучная, но необходимая обязанность (Plin. Caec. Epist. I, 13-14).

Таким образом, изучая сатиры Ювенала и сочинения других его современников, можно сделать вывод о социальной структуре Древнего Рима I в. н.э.: в зависимости о того, какое положение занимал человек в данном обществе, определялась его деятельность и образ жизни. Так, богатые люди Рима жили в больших имениях и имели много рабов, которые выполняли всю работу по хозяйству.

День господ начинался рано, после утреннего завтрака состоятельный римлянин мог позволить себе заниматься любыми делами. В основном, он раздавал распоряжения рабам относительно ведения хозяйства, а затем мог отправиться в гости к друзьям или же на охоту. Внешний вид римлян говорил об их статусе в обществе. Мужчины носили тоги, а женщины паллы, которые дополнялись различными украшениями.

Что же касается общественной жизни богатого римского населения, то большую часть времени знатные люди проводили на пирах, которые изобиловали различными блюдами.

Также они увлекались поэзией и предпочитали прогулки по паркам.

К другим развлечениям состоятельных людей относились посещения гонок на колесницах и гладиаторских боев.

Будучи сатириком, Ювенал стремился к тому, чтобы обличить пороки общества, в котором жил, поэтому он, безусловно, представлял многие черты повседневной жизни в преувеличенной форме, используя прием гиперболизации. Он высмеивал образ жизни римских богачей за их пустую трату времени и денег.

Однако, его сочинения могут служить необходимым источником по повседневной жизни Рима, поскольку его сведения подтверждаются другими авторами, современниками поэта, и в комплексе могут дать исследователям реальную картину бытия римского общества того времени.

ЖЕНЩИНЫ В МЕХАНИЗМЕ РИМСКОЙ ИНТРИГИ ВО II В. Н.Э.

Е.В. Анохина

В статье анализируется участие представительниц женского пола в политических интригах римского общества II века н.э. На основе сопоставления информации из нескольких исторических источников автор анализирует различные роли женщин, их мотивы, характеризует механизм интриг.

Ключевые слова: женщины, римская интрига, политика.

WOMEN IN THE MECHANISM OF THE ROMAN INTRIGUE AT THE 2 CENT. A.D.

E.V. Anokhina

The paper analyzes the participation of women in political intrigues of the Roman society at the II century A.D. The author analyzes the various roles of women, their motives, characterizes the mechanism of intrigue, based on the comparison of information from several historical sources.

Keywords: women, roman intrigue, politics.

В современном мире демократические тенденции привели к целому ряду существенных изменений в различных сферах, сознании и поведении людей: социальные, экономические и политические преобразования обусловили появление женщин в профессиональной и образовательной областях, изменение их статуса в семье, и, наконец, возрастание и укрепление роли в общественной и политической деятельности[1], в связи с чем возникает новое отношение к власти, ее понимание, представления о ней. Как известно, в течение долгого времени власть сводилась к системе мужских преимуществ, однако сегодня выделение гендерного аспекта в политике подталкивает к переосмыслению роли женщин, и сделать это возможно в случае обращения к прошлому, а именно к истории Древнего Рима, где впервые была сделана попытка создать новые модели гендерных отношений[2].

---

[1] *Латина С.В.* Гендерные исследования в науках о культуре [Электронный ресурс] / Электрон. библиотека диссертаций. – URL: http://www.dissercat.com/content/gendernye-issledovaniya-v-naukakh-o-kulture (д.о. – 05.10.16).

[2] *Грошев И.В.* Гендерные представления о власти // Социс. №12. 2000. С. 33.

Источниками для исследования послужили работы: «История императорской власти после Марка» Геродиана, «Римская история» Диона Кассия, биографии «Авторов жизнеописаний Августов». В первую очередь, необходимо определиться со значением слова «интрига». А.Б. Егоров утверждает, что термин является производным от французского intrigue, в свою очередь, связанного с латинским глаголом intricare («ставить в трудное положение»). Интрига включает в себя всевозможные происки, козни и скрытые действия, направленные на достижение определенных целей[1]. Д.В. Ольшанский считает, что интрига также является плодом политико-психологической игры политических сил или отдельных политических деятелей, в некоторой степени контролирующих течение событий, однако иногда интрига может стать следствием случайного стечения обстоятельств - в этом случае ее последствиями имеют шанс воспользоваться самые неожиданные силы и фигуры[2]. Таким образом, интриги могут быть направлены против отдельных персон или целых группировок, возникнуть внезапно или в соответствии с детальным планом, иметь самые разнообразные цели – от устранения соперника до захвата власти.

К первой категории интриг, в которых замешаны женщины, можно отнести искусственное нагнетание событий, последствия которых не только приведут противника в проигрышное положение[3], но и создадут прямую угрозу его жизни. Пример таковой мы можем наблюдать у Диона, когда он описывает интригу против одного из фаворитов Коммода – Клеандра, ставшую возможной благодаря критическим событиям, сложившимся в результате нехватки хлеба и усугубившимся действиями заведующего хлебным снабжением Папирия Дионисия.

Однако непосредственным обвинителем Клеандра и своего рода подстрекателем выступила группа лиц, якобы представителей от народа, и не последнюю роль в этом сыграла неизвестная автору представительница женского пола: «В цирк вбежала толпа детей под предводительством какой-то девушки высокого роста и грозного вида, которую позднее, под впечатлением того, что произошло далее, стали считать божеством. Дети хором стали выкрикивать ужасные проклятия, а народ, подхватив их слова, тоже поднял крик... В конце концов, люди

---

[1] *Егоров А.Б.* Интрига в политической жизни Рима эпохи Республики (открытая и тайная политика в римской истории) // Политическая интрига и судебный процесс в античном мире / Под ред. Э.Д. Фролова. СПб., 2015. С. 187.
[2] Политическая интрига // Глоссарий по политической психологии / Под ред. Д.В. Ольшанского. М., 2003. С. 450.
[3] *Егоров А.Б.* Указ. соч. С. 188.

стали спрыгивать со зрительских мест и бросились к Коммоду <…>, выкрикивая в адрес императора самые добрые пожелания, а Клеандра осыпая проклятиями» (Cass. Dio, LXXIII, 13, 2-5). Еще более показательны действия Марции, которая лично доложила императору о происшедшем, очевидно, назвав при этом имя виновного: «Когда они приблизились к Коммоду, которому до этого еще никто не объяснил, что происходит, к императору обратилась <…> Марция <…> и рассказала ему суть дела» (Cass. Dio, LXXIII, 13, 5). Дион не уточняет, что именно «рассказала» Марция императору и была ли она в сговоре с Папирием Дионисием, однако именно после подобных объяснений Коммод отдал приказ об убийстве Клеандра и даже его ребенка, «который был вскормлен буквально на руках императора» (Cass. Dio, LXXIII, 13, 6).

Обвиняет женщину в указанных событиях и Геродиан, однако условия несколько меняются. Автор прямо указывает на Клеандра как на виновника волнений в городе. Геродиан утверждает, что Клеандр скупал огромное количество хлеба, искусственно создавая ситуацию дефицита, чтобы затем с помощью щедрых раздач привлечь народ на свою сторону (Herod., I, 12, 3). Тем не менее, сообщила обо все происходящем Коммоду, как и у Диона, именно женщина, в данном случае, одна из сестер императора – Фадилла, которая «всем своим видом изобразив горе, сказала: «<…> Клеандр вооружил против тебя народ и воинов…» (Herod., I, 13, 1 - 3). Итог оказывается примерно тот же: «[Коммод] посылает за Клеандром, ничего не знавшим о том, что было доложено... Когда он пришел, Коммод приказывает схватить его и, отрубив ему голову и насадив ее на длинное копье, посылает народу…» (Herod., I, 13, 4). Если после анализа информации, предоставленной Дионом, остаются сомнения по поводу мотивов Марции, сообщившей о «злодеянии», то, опираясь на текст Геродиана, невозможно заподозрить женщину, в данном случае, Фадиллу, в каком–либо в тайном сговоре, так как руководствовалась она, по всей видимости, благими намерениями.

Некоторые интриги тесно связаны с тайными убийствами и даже переворотами[1], а зачастую являются их следствием. Роль женщин в подобных интригах объясняется силой их влияния на мужчин. Так, жена и дочь Дидия Юлиана, как свидетельствует Геродиан, активно внушали ему идею занять должность императора, после убийства Пер-

[1] *Егоров А.Б.* Указ. соч. С. 188.

тинакса выставленную легионерами на аукцион[1]. «И вот жена, дочь и толпа сотрапезников уговаривают его <…> схватить лежащую под ногами власть и, если бы кто-нибудь оспаривал ее, превзойти всех щедростью, так как он владеет несметными деньгами» (Herod., II, 6, 7). Дион Кассий также приводит информацию о методах, посредством которых Юлиан предпринимал попытки занять императорский трон, однако в его тексте отсутствуют сведения об участии в этом деле женщин. «Дидий Юлиан, <…> услышав о смерти Пертинакса, поспешил в лагерь и, вставши у ворот, стал призывать воинов передать ему власть над римлянами» (Cass. Dio, LXXIV, 11, 2). Элий Спартиан вовсе отрицает наличие интриги. Согласно его данным, сами преторианцы уговорили Юлиана занять вакантный престол (SHA, Jul., IX, 4-7).

Таким образом, роли женщин в данных проявлениях тайной политики видоизменяются в зависимости от характеристик самой интриги и могут быть классифицированы следующим образом: во–первых, в интригах, связанных с созданием ложной ситуации, ставящей противника в заведомо проигрышное положение, женщины исполняют роль осведомителя властей или «обличителя» человека, против которого спланирована интрига, перед народом; во–вторых, если интрига является своего рода продолжением политического заговора, то женщина вполне могла способствовать мужчинам из ближайшего окружения занять освободившуюся должность, действуя «мягкой силой», то есть, уговорами и убеждениями.

Среди причин участия женщин в политических интригах можно выделить стремление обеспечить себе более устойчивое положение во властной среде, возможно, личную неприязнь к объекту интриги. Зачастую причины не поддаются установлению, а женщины оказываются невольными участницами интриг, предпринимая попытки сгладить нарастающие противоречия.

ПРОБЛЕМЫ РИМСКОЙ ЭКОНОМИКИ В ПЕРИОД ПРАВЛЕНИЯ ИМПЕРАТОРА АДРИАНА

Г.Д. Габарашвили (Ростов-на-Дону)

В статье рассматриваются проблемы римской экономики в эпоху императора Адриана. Отмечается, что признаки грядущего кризиса III века, с эко-

[1] *Куликова Ю.В.* Причины и способы убийства императоров в Древнем Риме (I – III вв. н.э.) // Актуальные вопросы борьбы с преступлениями. № 2, 2015. С. 84.

номической стороны, прослеживаются во II веке, именно во время правления пяти «хороших» императоров, а в частности – Адриана. Так же показано видение политики императора, со стороны Элия Спартиана.

Ключевые слова: Адриан, экономика, Рим, кризис.

PROBLEMS OF THE ROMAN ECONOMY IN THE PERIOD OF GOVERNMENT OF THE EMPEROR HADRIAN

G.D. Gabarashvili (Rostov-on-Don)

In this article there are considered problems of the Roman economy during an era of the emperor Hadrian. It is noted that the signs of the future economic crisis of the 3rd century are traced in the 2nd century, during government of five «good» emperors, and in particular – Hadrian. There is also shown a vision of policy of the emperor from side of Aelius Spartianus.

Keywords: Hadrian, economy, Rome, crisis.

Проблемам римской экономики посвящено множество монографий и научных статей. Обсуждения этого вопроса не утихают и в последнее время. Это объясняется наличием многих дискуссионных вопросов и накоплением огромного материала.

По мнению исследователей этого вопроса, Адриан обладал более глубокими знаниями об экономических потребностях империи, чем любой другой римский император, и что он укрепил устои, снизив налогообложение, улучшив администрирование и приняв меры в отношении императорских имений, горнодобывающей промышленности и сельского хозяйства.[1]

Рассматривая политику римского императора Адриана, правившего в 117-138 гг., что считается периодом расцвета римского государства, одним из проблемных вопросов рассматриваемой эпохи является состояние экономики империи. Конечно, отсюда возникает вопрос, если это так называемый «расцвет» в истории Рима, то о каких проблемах в экономике может идти речь? Но именно в это время зарождаются предпосылки будущего кризиса.

М.И. Ростовцев указывал, что в эпоху Траяна, а затем и Адриана был заложен упадок Римской империи. Нужно отметить, что это кажущееся на первый взгляд спорным заявление, достойно рассмотрения. По Ростовцеву, первопричиной упадка являлось взаимоотноше-

[1] *Pringsheim F.* The Legal Policy and Reforms of Hadrian // The Journal of Roman Studies. 1934, 24. P. 143.

ния между Римом и Италией, с одной стороны, и провинциями — с другой.[1]

Италия частично или полностью, в разные периоды римского государства, зависела от своих провинций. Материальные поступления из колоний в метрополию обогащали Рим, ликвидировали дефицит товаров. В конечном итоге это сказалось, в негативном контексте, на самой Италии. Если ранее она являлась центром производства, ядром экономической силы Римского государства, то ко II веку это место занимают провинции, что серьезно скажется на метрополии в будущем.

Политика, которая проводилась еще со времен Августа, когда во всех провинциях империи началось активное строительство городов, привела к их экономическому расцвету. Безусловно, строительство городов продолжалось и во время императора Адриана. Воздвигаются такие города как Адрианополь и Антинополь, проводится реконструкция Пальмиры, восстановление Никеи, Никомедии и многие другие проекты, которые, несомненно, приумножали экономическую роль и силу провинций.[2]

Первое время это положительно отражалось на самом Риме, но в I-II вв. выявляются и нагнетаются признаки соперничества между провинциями и Италией в сфере как сельского хозяйства, так и промышленности.[3]

М.И. Ростовцев утверждал, что именно соперничество метрополии и ее колоний в дальнейшем привело к кризису италийского хозяйства. Как подчеркивает Ростовцев, по иронии судьбы начало упадка относится к периоду Траяна и Адриана, который в то же время называют золотым веком империи. Кроме этого происходит рост внутренних и межпровинциальных торговых связей, что является признаком усиливающейся тенденции к децентрализации торговли. Италия утратила свою господствующую роль в коммерческой жизни.[4]

У Дж. Луцатто было иное мнение - что взаимоотношения между Римом и провинциями можно считать одной из причин, но не первопричиной дальнейшего упадка Рима. По его мнению, мы не можем

[1] *Ростовцев М.И.* Общество и хозяйство в Римской империи. В 2-х т. СПб.: Наука, 2000. С. 119.

[2] *Дыдынский Ф.* Император Адриан. М., 1896. С. 70.

[3] *Луцатто Дж.* Экономическая история Италии: Античность, средние века. М.: Иностранная литература, 1954. С 112.

[4] *Ростовцев М.И.* Общество и хозяйство в Римской империи. В 2-х т. СПб.: Наука, 2000.

прийти к такому заключению, поскольку нам недостает основного звена — сведений об объеме экспорта и импорта.[1]

Стоит отметить, что соперничество провинций, по крайней мере, являлось одной из множества причин прогрессирующего перемещения жизненных сил империи из метрополии в провинции. К таким «неэкономическим» причинам, как считал Дж. Луцатто, относятся следующие обстоятельства: на императорский престол выдвигаются ставленники провинций, создается новый слой сенаторской аристократии, изменяется состав войска.

Перечисляя причины, связанные непосредственно с экономическими проблемами Рима, можно назвать усиление налогового гнета, концентрация богатств, экономические затруднения, вызванные характером рабовладельческого хозяйства, убыль населения из Италии.

Для того, чтобы увидеть какой урон нанес империи налоговый гнет, можно посмотреть на следующие цифры, которые приводил Дж. Луцатто. В последние годы Республики все обычные доходы составляли сумму, несколько превышавшую 85 миллионов денариев, а в первый период империи одни лишь расходы на войско в мирное время повысились до 100 миллионов денариев. Можно представить, каким положение могло стать со времен Траяна, когда экономика империи должна была выдерживать политику проведения дорогостоящих военных кампаний, а также во времена Адриана, когда ко всему прочему добавилось еще и строительство затратных оборонительных сооружений. Государство должно было как-то компенсировать огромные расходы. И все это тяжелым бременем легло на налогоплательщиков, которым приходилось платить всевозможные экстраординарные налоги: производили реквизиции, ставили на постой людей, обязывали поставлять фураж для лошадей, требовали очень тягостных принудительных работ и повинностей.[2]

Распространенным мнением среди исследователей также является влияние фактора рабства как причины разложения римской экономики.

В эпоху Адриана прекратились, по крайней мере, масштабные походы по завоеванию новых земель, которые вели его предшественники, в том числе, и Траян. Еще со времен ознаменования «римского мира», приток военнопленных заметно уменьшился, рабство перестало иметь положительное влияние на экономику и привело к следующим последствиям: физический труд стали считать занятием презренным,

---

[1] *Луцатто Дж.* Экономическая история Италии: Античность, средние века. М.: Иностранная литература, 1954. С. 112.

[2] Там же. С. 114.

что сократило деятельность свободных в сельском хозяйстве. Их труд не мог конкурировать с рабским. Также возникала проблема с тем, что свободные земледельцы не хотели или не могли привыкнуть к работе бок о бок с рабами, на равном положении с ними, а часто и в подчинении у них.[1] Также явным становится демографический вопрос. В Италии в этот период происходит быстрое и резкое уменьшение рождаемости. К правлению Адриана рабство практически полностью уничтожило мелкую собственность в Италии и привело к массовому исходу сельского населения с земли[2]. Хотя количество потерпевших невозможно определить даже приблизительно, представляется несомненным, что миграция достигла весьма значительных размеров.

Стоит также отметить возникновение волнений в случае задержек поставок зерна и хлеба из провинций, то есть, Италия не могла сама себя содержать, а такая ситуация могла быть, когда Рим не только не мог контролировать дефицит, а наоборот увеличивал свою связь с провинциями. При таком устройстве государственной экономики любое потрясение в регионах вызывало волнения в метрополии.

Более того, как полагал Луцатто, бедствие, которое ранее, включая эпоху Траяна и Адриана, поражало лишь высшие классы, рабов и население немногих областей, с начала II века распространяется на все большую территорию и приобретает все более серьезный характер.

Также по поводу проблем римской экономики в период правления Адриана хотелось бы рассмотреть и провести анализ некоторых спорных, но важных данных из труда Элия Спартиана (SHA). Адриан, как и многие императоры, искал любую возможность, которая позволила бы ему повысить свой авторитет среди населения, что, несомненно, тяжелым образом оказалось на всей римской экономике. «[…] он простил частным должникам императорского казначейства, как в Риме, так и в Италии неисчислимые суммы, которые за ними числились, а в провинциях также огромные суммы остававшихся недоимок, и для большей уверенности велел сжечь на форуме божественного Траяна долговые расписки».

Стоит осторожно отметить, что именно прощение стольких долгов, на фоне огромных затрат, является одной из причин проблем римской экономики, по мнению Дж. Луцатто. В самом же Риме проблемы были связаны не с «прощением долгов» провинциям и народу, а с усугублением налогового гнета.

---

[1] *Луцатто. Дж.* Экономическая история Италии: Античность, средние века. М.: Иностранная литература, 1954. С. 115.

[2] Там же. С. 116.

Кроме того, «мальчикам и девочкам, которым еще Траян назначил содержание, он сделал щедрые надбавки. […] Состояние сенаторов, которые разорились не по своей вине, он пополнял до размеров, полагающихся сенаторам. […] Не только друзьям, но и некоторым людям из широких кругов он дарил много денег для исполнения почетных должностей. […] Он устроил гладиаторские бои, продолжавшиеся непрерывно в течение шести дней, и в день своего рождения выпустил тысячу диких зверей» (SHA. Hadr.). Также в SHA описана и экономическая политика Адриана в отношении провинций: «Отправившись после этого в Галлию, он облегчил положение всех общин, даровав им разные льготы. […] Многим городам он дал латинское право, многих он освободил от налогов». В частности, «от жителей Месопотамии он не требовал дани, которую наложил на них ранее Траян». Возможно, и не стоит доверять Элию Спартиану как источнику, но рассмотреть данную работу через призму экономики важно, даже если и факты в жизнеописании неточны, нужно сравнивать их с иной имеющейся информацией, а также с суждениями, высказанными в историографии, например, с мнением Дж. Луцатто, который почти по всем вопросам оспаривает приводимые Спартианом факты. Следует подчеркнуть, что для целостного анализа биографии Адриана в SHA необходима подробная и объективная научная работа, но, к сожалению, на сегодняшний день таковой, по крайней мере, в русскоязычной научной литературе - нет.

Подводя итоги, хотелось бы отметить следующее: как видно из материала, вопрос о проблемах римской экономики II века является крайне спорным. Упадок римского хозяйства и дальнейший кризис Рима был заложен до периода Адриана, но именно в его время наступает поворотный пункт в развитии экономики, после чего изменить ситуацию Рим уже не смог. Слово «расцвет» для Рима смело можно ставить в кавычки, потому что именно здесь кроется совсем скорый «упадок». Изучение многих этих вопросов позволит нам представить более объективную картину об экономическом состоянии Римской империи эпоху Адриана.

МОРСКОЙ РАЗБОЙ И ПИРАТСТВО ПО ДАННЫМ ЦИЦЕРОНА, СТРАБОНА, ПЛУТАРХА И АППИАНА

В.В. Бредихин

В статье рассматриваются характеристики и оценки пиратства в разнохарактерных источниках – трудах Цицерона, Страбона, Плутарха и Аппиана. Сопоставляются выделенные ими причины и истоки возникновения этого яв-

ления, деятельность пиратов как на море, так и на суше, а также отношение к ним античных историков.

Ключевые слова: пиратство, морской разбой, античные моря, Аппиан, Плутарх, Страбон, Цицерон.

SEA ROBBERY AND PIRACY ACCORDING TO CICERO, STRABO, PLUTARCH AND APPIAN

V.V. Bredikhin

The article is devoted to considering characteristics and assessments of piracy and sea robbery in ancient historians' works: Cicero, Strabo, Plutarch, Appian. There are compared causes and origins of the emergence of this phenomenon, noted by writers, the activity of pirates both on the sea and on land, as well as the attitude of ancient historians to them.

Key words: piracy, sea robbery, ancient seas, Appian, Plutarch, Strabo, Cicero.

На протяжении многих тысячелетий процесс становления и развития морского судоходства и международной морской торговли переплетался с историей морского пиратства. С эпохи античности и до сегодняшнего дня пиратство остается одной из наиболее острых и актуальных проблем международного морского права[1].

А.Н. Лавлинская определяет пиратство как вооруженное ограбление, связанное с использованием кораблей[2]. Это определение охватывает и объединяет три важных элемента: насилие, захват и морские путешествия. Эта комбинация и отличает его от других форм насилия, особенно от бандитизма, который является вооруженным ограблением на суше.

Представляется перспективным сопоставить оценки пиратства в разнохарактерных источниках, что позволит выявить взгляды части общества на причины появления и распространения этого явления на античных морях.

Пиратство и морской разбой - актуальная тема в работе Страбона. Автор ищет причины появления пиратского явления и, повествуя об иллирийцах, указывает на присущие этому этносу характеристики: «Все иллирийское побережье оказывается исключительно богатым гаванями, как на самом материке, так и на близлежащих островах. Несмотря на такие свойства иллирийского побережья, прежде оно нахо-

---

[1] *Лавлинская А.Н.* Международно-правовые проблемы борьбы с морским пиратством: автореф. дис. канд. юрид. наук. М., 2011. С. 4.
[2] Там же.

дилось в пренебрежении, быть может, оттого, что не знали его достоинств, но скорее в силу дикости обитателей и их склонности к пиратству…» (Strabo. VII, V, 10).

Другой причиной распространения пиратства он называет согласованность пиратов в какой-либо деятельности, что приводит не только к эффективной защите от противников (в данном случае римлян), но и к успешным дальним походам (V, II, 2).

В качестве примера, отражающего эту согласованность, можно привести описанный Страбоном «новый способ нападения на мореходов»: «Как говорят, все побережье около Корика являлось притоном пиратов, так называемых корикейцев, которые придумали новый способ нападения на мореходов: рассеявшись по гаваням, пираты подходили к высадившимся там купцам и подслушивали разговоры о том, с каким товаром и куда те плывут; затем, собравшись вместе, они нападали и грабили вышедших в море купцов…» (Strabo. XIV, I, 32).

Отметим также причины появления пиратства, выделенные в тексте Страбона антиковедом Ф.Ч. де Соуза: «Одним из объяснений, которое Страбон предлагает для практики пиратства, является бедность. Также автор пишет о том, что пиратство может быть и результатом коррупции, и плохого влияния. В качестве примера Страбон предлагает рассмотреть отношения между греками и скифами. Отрицательное влияние греков на скифов – результат торговых контактов, которые, по мнению географа, и являются причиной такого явления как морской разбой»[1].

Истоки пиратства пытается выявить Плутарх, который пишет: «Могущество пиратов зародилось сперва в Киликии…» (Plut. Pomp., 24).

Суровую Киликию называет местом возникновения пиратства и Аппиан, отмечая, что оттуда данное явление распространилось на все восточные племена (App. XII, 92). Автор так же, как и Страбон одной из причин пиратства считает бедственное положение народа: «…Люди, лишенные вследствие войны средств к жизни, оторвавшиеся от родины и впавшие в жестокую нужду, стали искать себе пропитания не на суше, а на море, вначале на легких разбойничьих судах и полуторках, а затем стали плавать уже на биремах и триерах, причем у них были разбойничьи военачальники, как в настоящей войне…» (XII, 92).

Выразительные средства, используемые авторами, позволяют выявить отношение к пиратству. Плутарх использует следующие эпи-

[1] *de Souza P.C.* Piracy in the Graeco-Roman World. Cambridge, 2009. P. 27.

теты: «Самоуверенными и дерзкими они стали только со времени Митридатовой войны, так как служили матросами у царя…» (Plut. Pomp., 24). Аналогично характеризует их Аппиан: «…Помпей, только что очистив море от шаек пиратов, дерзость которых дошла тогда всюду до крайней степени…» (App. XIII, I, 1). Очевидно, что дерзость возмущает авторов. Кроме того, Аппиан использует в дополнение эпитет «злонравие» как качество, присущее части пиратов: «…Тех же пиратов, которые, казалось, главным образом, не из-за злонравия, но вследствие вызванного войной недостатка средств жизни пошли на такое занятие, он поселил в Малле, Адане и Эпифании, а также и по другим городкам этой Суровой Киликии, которые остались без населения или с редким населением…» (App. XII, 96).

Интересно свидетельство Плутарха о том, что деятельность пиратов не ограничивалась разбоем на море: пираты, по словам автора, могли или являлись участниками заговоров, спланированных одними членами верхушки древнеримского общества против других: «…В самый разгар угощения, когда градом сыпались шутки насчет Клеопатры и Антония, к Помпею подошел пират Мен и шепнул ему на ухо: «Хочешь, я обрублю якорные канаты и сделаю тебя владыкою не Сицилии и Сардинии, но Римской державы?» Услыхав эти слова, Помпей после недолгого раздумья отвечал: «Что бы тебе исполнить это, не предупредивши меня, Мен! А теперь приходится довольствоваться тем, что есть, — нарушать клятву не в моем обычае» …» (Plut. Ant., 32).

Такое вовлечение пиратов в политические интриги отражено и в текстах Цицерона: «…Вся следующая ночь ушла на разгрузку корабля. Самого архипирата, подлежавшего казни, никто не видел. Все и по сей день думают (что можно ожидать от Верреса, вы сами должны догадаться), что он за освобождение этого архипирата тайно получил от пиратов деньги…» (Cicero. In Verrem actio secunda I—V, XXV, 64). Очевидно, что пиратство могло тайно поддерживаться в обществе, являясь источником незаконного обогащения и в иных личных целях.

Заметим, что сам Цицерон, как и другие авторы, категоричен в осуждении пиратов. В упомянутой речи пиратство представляется формой жестокого, насильственного разграбления: пираты не заслуживают никакого уважения, они безнравственны и неверны, заслуживают вражду всей человеческой расы. Долг представителей римского народа - уничтожить пиратов в любое время и в любом месте[1]: «И как вели себя пираты, разъезжая по гавани! Они бросали на берег найден-

[1] *Ormerod H.A.* Piracy in the Ancient World. Liverpool, 1924. P. 228-229.

ные ими на наших кораблях корни диких пальм, чтобы все могли воочию убедиться в бесчестности Верреса и в несчастье, постигшем Сицилию. Во время твоей претуры сицилийские солдаты питались корнями пальм, а пираты — сицилийским хлебом! О, жалкое и прискорбное зрелище! Слава Рима, имя римского народа, множество честнейших людей были отданы на посмешище миопáрону пиратов! В гавани Сиракуз пират справлял триумф по случаю победы над флотом римского народа, и беспомощному и бессовестному претору летели в глаза брызги от весел морских разбойников…» (XXXVIII, 99). Отметим, что столь эмоциональная оценка, выраженная через множество восклицательных предложений, диктуется не только собственно отношением автора, она определяется как ораторскими приемами, так и стремлением Цицерона показать ненависть к противнику – Гаю Верресу.

В течение нескольких лет после обвинения Цицероном Верреса в его пропиратских деяниях проблема пиратства, по-видимому, стала еще более острой для римских властей. Несмотря на ряд кампаний римских магистратов в Восточном Средиземноморье, увеличилось количество и ареал распространения киликийских пиратов[1].

Таким образом, к причинам возникновения и распространения пиратского явления на античных морях Страбон и Аппиан относят нестабильные и неблагоприятные географические и экономические условия, бедственное положение народа, однако Страбон выделяет еще и склонность иллирийцев к этому виду деятельности, а также приводит примеры организованности и согласованности действий пиратов как фактора успешности их походов. При этом оба автора указывают и на источник возникновения пиратства – суровую Киликию.

Античные авторы преследовали при описании пиратства разные цели и приёмы для её достижения. Аппиан и Плутарх стремились проанализировать это явление, а также дать ему оценку, оперируя выразительными средствами, в частности эпитетами («дерзость», «злонравие», «самоуверенность»). Главными целями Цицерона в обвинении Гая Верреса были убеждение и воздействие на мнение и оценку народа – это отражается в эмоциональной окраске Цицероном своей речи. Пираты здесь – негативный образ и средство, очерняющее авторитет и положение Верреса в обществе.

Стереотип о том, что пираты – это разбойники на море, не соответствует данным Цицерона и Плутарха, которые отмечают участие пиратов в политических интригах.

---

[1] Ibid.

РАСПРОСТРАНЕНИЕ ХРИСТИАНСТВА В ГАЗЕ: ОТ АПОСТОЛА ФИЛИМОНА ДО ЕПИСКОПА ПОРФИРИЯ (I-IV ВВ.)

Я.В. Манохин

Христианство распространялось в Газе с I века н.э. В период гонений на христиан в Римской империи пострадало много христиан Газы. В период с середины I века н.э. до епископства Порфирия христианскую общину в Газе возглавляли епископы.

Ключевые слова: христианство, Газа, христианская община Газы, газские епископы.

THE SPREAD OF CHRISTIANITY IN GAZA: FROM THE APOSTLE PHILEMON TO THE BISHOP PORPHYRIUS (1-4CENT. A.D.)

Ya. V. Manokhin

The Christianity spread in the Gaza from the first century A.D. In the periods of persecutions of Christians throughout the all Roman Empire a lot of Christians of Gaza were suffered. In the period from the middle of the I c. A.D. to the bishopric of Porphyrius in IV c. A.D. the Christian community in Gaza was led by the bishops.

Key words: Christianity, Gaza, the Christian community of Gaza, bishops of Gaza.

После событий Воскресения Христова и Сошествия Святого Духа на Его учеников в середине I в., апостольская проповедь начала распространятся по всей территории Римской империи и за ее пределы. Таким образом было положено начало существования Христианской Церкви. Новое религиозное учение распространялось и приживалось не везде одинаково. В одних городах люди принимали проповедь и новую веру, в других с неприязнью относились к новому учению и к самим проповедникам. Христианство, как берущая свое начало из ветхозаветной религии иудеев, чья провинция была самой мятежной в империи, так же негативно воспринималась и римскими правителями, для которых она являлась не более чем разновидностью иудейства. Первые три века христиане подвергались жестоким гонениям, в основной причиной которых был их отказ почитать императора, как бога и поклоняться богам античной языческой мифологии. Поскольку божественный статус императора был утвержден законодательно, то христиане считались еще и политическими преступниками. По этому обвинению в Римской империи людей убивали тысячами. В таких

условиях находилась Христианская Церковь первые три века своего существования. В историографии, как отечественной, так и зарубежной, имеется очень мало сведений о христианах данного периода. Но все же они есть, не смотря на то, что многие исследователи обходят упоминания о них стороной.

Город Газа в античный период не остался исключением. Большинство населения Газы в первые века н.э. было языческим и активно противостояло распространению христианства. Данное сопротивление сохранялось вплоть до V в. В период самого жестокого гонения на христиан во времена правления императора Диоклетиана, смертные казни и ссылки непсредственно коснулись газских христиан. Среди них известны мученики Силуан, осужденный сначала на каторжные работы в шахты, и впоследствии обезглавленный (Euseb., H.E. 8, 13), упомянутые Евсевием мученик Тимофей, который был сожжен заживо, а также мученицы Агафия и Фекла, брошенные на съедение диким зверям, и ряд других (Euseb. Mart. Pal. 3, 8).

Как это было уже обычным для Римской империи явлением христианство начинало распространятся с тех мест, где была пролита христианская кровь. Об этом говорил и известный христианский апологет на рубеже II и III вв. Тертуллиан (165-225 гг.): «кровь мучеников – семя христианства» (Ter. App. 50, 13). Так и главное таинство Церкви Евхаристия в первых веках совершалась на могилах и мощах христианских подвижников, преимущественно мучеников, так и впоследствии и до сегодняшнего дня по церковному уставу Литургия совершается на Антиминсе, в котором зашита частица мощей какого-либо святого. На месте захоронения мученика Тимофея в Газе была построена часовня, а затем небольшая церковь, где впоследствии хранились его останки и мощи и других подвижников (Euseb. Mart. Pal. 3, 8).

Принято считать, что первым епископом христианской общины в Газе был некий Филимон, которому было адресовано одно из посланий, написанных апостолом Павлом[1]. Так утверждает ряд исследователей - Старк[2], К. Глюкер [3], К. Зайц[4], Я.М. Чехановец[5], К.А. Панченко

---

[1] *Stark.* Gaza und die Philistaische Kiiste. Jena, 1852. P. 613.

[2] *Glucker C.A.M.* The City of Gaza in the Roman and Byzantine Periods. Oxford: BAR International Series,. 1987. P. 93.

[3] *Stark.* Gaza und die Philistaische Kiiste. Jena, 1852. P. 613.

[4] *Seitz K.* Die Schule von Gaza. Heideiberg: Carl Winer's Universitatsbuchhandlung, 1892. S. 14.

[5] *Чехановец Я.М.* «Marnas victus est a Christo» к вопросу о христиансизации древней Газы // Мнемон. 5. СПб.: СПбГУ, 2006. С. 431.

и Л.А. Беляев[1]. Однако в «Житиях святых»[2] свт. Димитрия Ростовского (1651-1709 гг.) и «Апостольских постановлениях», приписываемым свт. Клименту Александрийскому (150-215 гг.) Апостол от 70-ти Филимон указывается как епископ фригийского города Колоссы после епископа Епафраса (I в.) (Ап. Пост. VII, 46), также апостола от 70-ти. Само послание не проливает свет на священническое служение Филимона, поскольку составлено в первые годы его общения с ап. Павлом. Из 1-й главы данного послания мы знаем только что у Филимона была благочестивая супруга Апфия и их раб или сын Архип (Филим. 1:2; Кол. 4:17). Согласно Житиям Святых свт. Димитрия Ростовского, все трое были убиты во время проведения одного из языческих праздников по приказу Эфесского градоначальника Артоклиса в период правления римского императора Нерона[3]. Поэтому данный вопрос остается открытым, так как нет больше источников, подтверждающих или опровергающих одну из данных версий.

Не сохранились источники, которые упоминали бы о епископах Газы в I-III вв. Следующий епископ Газы, о ком говорится в источниках, жил уже на рубеже III-IV вв. Святой священномученик Силиван (был епископом города ок. 307-310 гг.), который вначале был воином, а уволившись со службы, принял христианство, стал пресвитером (священником), а затем был рукоположен в сан епископа и назначен возглавлять христианскую общину в Газе. В период диоклетиановских гонений он был осужден в городе Кесария Палестинская на каторжные работы в город Фена на медных рудниках. Во время каторжных работ продолжал проповедовать и поддерживать других осужденных. За это он вызвал ненависть со стороны языческих надзирателей и был казнен через усекновение мечом, и вместе с ним еще 40 единоверцев (Euseb., Hist. Ecc. 8, 13).

Согласно «Синайскому списку отцов Никейского Собора», на нем присутвовал и епископ Газы[4] Асклепий (325-346 гг.), имя которого есть в этом списке под номером 179. Асклепий – следующий епископ после Силивана, о котором упоминают источники. Созомен пишет, что, вернувшись с собора на родину, он подвергся преследованию со стороны ариан, с которыми он боролся и был ими низложен и изгнан. После этого он бежал в Рим, где проживал и другой изгнанник – адрианопольский епископ Луций. Узнав, в чем причина их изгнания, рим-

[1] *Панченко К.А., Беляев Л.А.* Газа. http://w.histrf.ru/articles/article/show/gaza
[2] *Димитрий Ростовский*. Свт. Жития святых. Февраль. М.: Эксмо. 2016. С. 63.
[3] Там же. С. 64.
[4] *Бенешевич В.Н.* Синайский список отцов Никейского первого вселенского собора // Известия Императорской академии наук. Сер. 6. 1908. Т. 2. С. 298

ский епископ принял их как единоверных и заботился о них, согласно своему статусу (III 8). Из повествования Созомена видно, что Асклепий, как и другие епископы, в том числе и Луций Адрианопольский, разделяли взгляды Александрийского епископа Афанасия Великого (295-373 гг.), который придерживался никейского вероисповедания. После 330 г. арианство стало поддерживаться государственной властью после вызова из ссылки Евсевия Кесарийского (арианина по взглядам), который был другом императора Константина I (перед смертью Константин принял от него Крещение), а затем и самого Ария (256-336 гг.). Восточные арианские епископы созвали собор в Тире (335 г.), где осудили Афанасия. Однако, поддерживаемый Константином, официального низложения он избежал, но поскольку император уже был слаб, и Афанасий ему казался нескончаемой проблемой на пути установления мира в Церкви, он ссылает его в Трир.

Получив относительную свободу, арианские епископы изгоняют епископов, поддерживающих никейское вероисповедание, среди них и газского епископа Асклепия, обвинив его в «ниспровержении жертвенника». На Сардикийком соборе (343 или 344 г.) арианские епископы, по свидетелству Созомена (III, 11), подтвердили законность низложения ряда епископов, в том числе, и газского Асклепия. Западные епископы также созвали собор, на котором осудили действия Сардикийского собора и официально признали незаконность изгнания данных епископов. После долгих споров Созомен пишет, что императорской грамотой изгнанным епископам было дозволено вернутся на свои кафедры, среди них также и Асклепию Газскому. Вернулся последний или нет, не известно. Кроме этих сведений в источниках больше нет упоминания о данном епископе Газы. Современный исследователь Я. Чехановец пишет, что присутствующий на Первом Вселенском Соборе епископ Газы представлял не городских христиан, а «христиан, живущих в сельской местности»[1]. Единственная ссылка в этом абзаце, состоящего из одного предложения, просто подтверждает факт присутствия газского епископа, при этом даже не называется его имя. Автор ссылается не на источник, а на исследователя – К. Глюкер, которая, в свою очередь, делает ссылку на книгу Старка «История города Газы», а произведение последнего, по словам этого же автора в начале статьи в историографии характеризуется следующими словами: «безнадежно устарело»[2]. Этот момент - принципиальный, так как может быть одним из аргументов в борьбе за самостоятельность портового города

---

[1] *Чехановец Я.М.* Указ. соч. С. 432.

[2] Там же. С. 421.

Майюмы от самой Газы. Кроме того Марк Дьякон говорит об основании епископом одного из храмов в Газе на западе города (V. Porph. 20). Но источники четко указывают, что на соборе присутствовал именно епископ самой Газы, и он был единственным на все окрестности Газы.

В то время, пока Асклепий находился в изгнании, вместо него был поставлен епископом в Газе Квинтиан (326-343 гг.) О нем также упоминает Созомен, но всего дважды: называет его имя как газского епископа после изгнания Асклепия (III 8) и обращает внимание на то, что собор западных епископов в противовес Сардикийскому собору не называет Квинтиана законным епископом (III 12). О его дальнейшей судьбе тоже ничего не известно.

О трех возглавлявших христианскую общину в Газе епископах перед Порфирием также фактически нет биографических данных: Сенека (348), Ириней (363-393), Эней (394/395)[1]. Последних двух упоминает Марк Дьякон, как предшественников св. Порфирия (V. Porph. 11). Следует отметить, что последний епископ Эней не является известным ритором христианской школы в Газе, который жил позже – 2 пол. V – VI вв.

Как мы видим, процесс христианизации в Газе в ранневизантийский период развивался не на пустом месте. Принято считать, что самой успешной христианской проповедью была проповедь епископа св. Порфирия и св. прп. Илариона Великого. Однако, они трудились на поприще христианского просвещения в Газе не первыми. Их заслуги, безусловно, очевидны, но все же в тени оставались их предшественники, которым удалось, пусть немного, но все же обратить в христианство людей и наладить общинную жизнь.

К ВОПРОСУ О ВЗАИМООТНОШЕНИЯХ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ С ДЕРЖАВОЙ САСАНИДОВ ПРИ АРДАШИРЕ I

М.А. Кулюкина (Тула)

Статья посвящена сложной теме военного столкновения Римской империи с державой Сасанидов при Ардашире I. Особое внимание уделяется странной направленности римлян на переговорный процесс в этом конфликте. По мнению автора, это может свидетельствовать в пользу существования общей внешнеполитической стратегии по отношению к восточным буферным территориям, аналогичной стратегии, которая применялась и в других погра-

[1] *Панченко К.А., Беляев Л.А.* Газа. http://w.histrf.ru/articles/article/show/gaza

ничных регионах империи, в частности, в Северном Причерноморье. Возможно, на восточных границах империи, как и на северных рубежах, император и его ближайшее окружение, стремились перестроить римский натиск с чисто военных завоеваний на другие более эффективные формы экспансий (экономические и культурные), что, как раз и было возможно при условии проведения мирных переговоров.

Ключевые слова: Римская империя, держава Сасанидов, император Александр Север, Ардашир I, римская экспансия, римская стратегия.

TO THE QUESTION ABOUT THE RELATIONSHIPS BETWEEN THE ROMAN EMPIRE WITH THE POWER OF THE SASSANIDS AT THE TIME OF ARDASHIR I

M. A. Kulukina (Tula)

The article is devoted to complicated topic of the military clash of the Roman Empire with the Sassanid power under Ardashir I. Special attention is paid to the strange orientation of Romans to the negotiation process in this conflict. According to the author, this may indicate the existence of a common foreign political strategy towards Eastern buffer territories, the same with strategy that was using in other border regions of Empire, particularly in the Northern black sea region. Perhaps, on the Eastern borders of the Empire and on the Northern borders the Emperor and his entourage sought to rebuild the Roman onslaught from a purely military conquest into other more effective forms of expansion (economic and cultural), which was possible, if the peace negotiations were held.

Key words: Roman Empire, the Power of Sassanids, Emperor Alexander Sever, Ardashir I, Roman expansion, Roman strategy.

Внешнеполитическая нацеленность Римской империи при Августе на покорение всего известного римлянам мира, не вызывает сомнений. На это указывает, как собственно текст «Res gestae»[1], так и изображения монетных выпусков данного времени. Викторию вместе с земным шаром, или римского орла, держащего земной шар, вряд ли можно будет интерпретировать как-то иначе, чем в качестве аллегорических картин мирового господства[2]. Видимо в этом контексте необходимо рассматривать и торжественнее открытие Августом необычного алтаря, посвященного новому божеству – Римскому миру[3]. Специ-

---

[1] *Парфенов В.Н.* Император Цезарь Август: Армия. Война. Политика. СПб., 2001. С. 98, 108.

[2] *Машкин Н.А.* Принципат Августа. Происхождение и социальная сущность. М.; Л., 1949. С. 514-515.

[3] *Дандо-Коллинз С.* Легионы Рима. М., 2013. С. 247-249; *Махлаюк А.В.* Римские войны. Под знаком Марса. М., 2014. С. 348.

альная карта мира, размещенная в этом алтаре с Римом в центре, создавала перед римлянами иллюзию полного господства над ним[1].

Однако уже при Августе стало очевидным, что достаточных материальных ресурсов и необходимого военного потенциала для покорения всего мира у Римской империи не было. По этой причине римляне были вынуждены менять свою внешнеполитическую стратегию. Так, на примере Северного Причерноморья мы видим, что римляне к III в. специально восстановили контакты с варварами, занимающими территорию, на которую в исторической перспективе мог претендовать Рим. Тем самым, а также усилением римского военного присутствия в регионе, римлянам удалось создать буферную зону, которая эффективно прикрывала подступы к границам империи со стороны степного северопричерноморского коридора. Одной из главных составляющих этой стратегии было то, что союзная варварская знать была организована в равноправную с эллинами общину, что обеспечивало экономическое и культурное на них влияние[2].

Мы не знаем, применялась ли данная стратегия на других пограничных участках Римской империи. Однако не исключено, что именно такая политическая линия определяла политику Рима на восточных рубежах государства. Особенно остро данная проблема встала перед римлянами, когда на территории бывшей державы Ахеменидов усилился один из правителей Персиды – Папак из рода Сасана. Его младший сын Ардашир в начале III в. начал стремительно расширять свои владения. Во многом его успеху способствовала разразившаяся в 208 г. междоусобная война за парфянский трон между Артабаном и Вологезом VI. Из-за этого парфянская элита мало интересовалась делами в восставших провинциях. Более того, парфянская знать была к этому времени ослаблена и неудачной войной с Римом при Септимии Севере. Все это, несомненно, способствовало тому, что Ардашир вначале одолел посланного против него парфянским царем правителя Хузестана, а позднее, в битве на мидийской равнине при Ормуздакегане 28 апреля 224 г., разбил и основного своего противника – парфянского царя Артабана V. Именно с этого момента и ведется отчет правления династии Сасанидов. В 226/227 г. Ардашир был увенчан короной в Ктесифоне и принял титул «царя царей» - шахиншаха. Однако, по мере устранения своих внутренних врагов, Ардашир продолжал неуклонно расширять свои владения, и в скором времени высказал претензии практически на все ахеменидское территориальное насле-

---

[1] *Ярцев С.В.* Северное Причерноморье в римский период и проблема готской экспансии. Тула, 2014. С. 89-90; *Неродо Ж.-П.* Август. М., 2003. С. 305-307.
[2] *Ярцев С.В.* Ук. соч. С. 188-189.

дие. Таким образом, его столкновение с Римом было неизбежно, что и произошло в годы правления Александра Севера (222-235 гг.)[1].

Заметим, что в источниках имеется сильное расхождение в оценке этого первого столкновения римлян с Ардаширом. Писатели Августов, несмотря на все особенности этого источника, без тени сомнений пишут о том, что Александр «отправившись в Персию, с большим военным снаряжением … победил могущественного царя Артаксеркса». При этом, «обратив в бегство столь могучего царя, который пошел на войну с 700 слонов, 1800 серпоносных колесниц и многими тысячами всадников, он немедленно вернулся в Антиохию и обогатил свое войско добычей, взятой у персов, позволив трибунам, военным начальникам и самим воинам сохранить у себя то, что они захватили в селениях … После этого он прибыл в Рим и, отпраздновав блестящий триумф, прежде всего, произнес в сенате следующую речь … «Отцы сенаторы, мы победили персов … мы разбили 120 тысяч их всадников – конников-панцирников, тех, кого они называют клибанариями, - мы убили во время войны десять тысяч; их оружием мы вооружили своих. Много персов мы взяли в плен и продали …». Возгласы сената: «Александр Август, да хранят тебя боги! Величайший персидский, да хранят тебя боги! Подлинно – Парфянский, подлинно – Персидский!”» (SHA, Ael. Lamp., Alex., LV, 1-3; LVI, 1-10).

Тем не менее, другие источники не так однозначно трактуют описываемые события. Известно, что император, начиная еще с детского возраста, продолжал находиться под влиянием своей властной матери Маммеи. И, судя по всему, в разгар военных действий с Ардаширом, он также находился вместе с матерью, да еще и в глубоком тылу. Именно в это время, использовав благоприятный момент, когда основные силы противоборствующих сторон завязли в сражениях, Ардашир быстро устремился на юго-восток и напал на беспечную и не подозревающую о смертельной опасности римскую армию. Он «истребил армию римлян, которые были слишком малочисленны, чтобы противостоять превосходящему противнику, и только беспрестанно прикрывали большими щитами незащищенные части своих тел. Пораженные стрелами, они довольствовались уже тем, что защищали свои тела, а не сражались. Наконец, все они, собравшись в одно место и устроив из выставленных вперед щитов подобие стены, отбивались в положении осажденных и, со всех сторон забрасываемые стрелами и получая ранения, отражали неприятеля со всей возможной храбростью

[1] *Мочалов М., Полежаев Д.* Держава Сасанидов. 224-652 годы. М., 2016. С. 10-19.

до тех пор, пока все не были перебиты … Александр подвел их, так как и армию не привел, и не совершил вторжения то ли из страха, чтобы не рисковать своей душой и телом за Римское государство, то ли удерживаемый женской боязливостью матери и ее излишним чадолюбием» (Herod. VI, 5, 9-10). Другими словами триумф праздновался в Риме, «хотя и вышло так, что варвары в целом казались победителями» (Herod. VI, 6, 5), ведь одна из трех римских армий была уничтожена, другая лишена боеспособности из-за болезней. Таким образом, несмотря на то, что Ардашир также понес тяжелые потери, поводов к славе римского императора явно не было.

По нашему мнению, пытаясь разобраться в столь разных подходах авторов к оценке первого военного столкновения Сасанидов с Римом, необходимо учитывать один важный фактор. Дело в том, что когда в 230 г. Ардашир впервые вторгся во владения Римской империи (в Сирию и Каппадокию), римляне почему-то не стали вести с ним сразу военные действия, а ограничились вначале лишь мирными переговорами[1]. Только когда Ардашир потребовал у римлян вернуть все территории, принадлежавшие ранее Ахеменидам, молодой император «с неудовольствием и вопреки собственному желанию, решил, тем не менее, выступить в поход» (Herod. VI, 3, 1). Во-первых, из этого сообщения Геродиана трудно сделать вывод, что римляне использовали переговоры с целью затягивания времени, необходимого для сбора войска[2]. А во-вторых, заметим, что мирные переговоры римляне проводили в то время, когда Ардашир « … непрерывно угонял и уносил все принадлежащее римлянам; совершая набеги на Месопотамию и проходя по ней со всей своей конницей, он уводил людей и скот и осаждал расположенные на берегах рек лагеря, которые прикрывали Римскую державу. По природе своей хвастливый, воспламеняясь своими неожиданными успехами, он ожидал, что легко покорит себе все. Было, правда, нечто немаловажное, воодушевлявшее его в стремлении увеличить свою державу. Ведь он первым из персов решился напасть на Парфянское царство и восстановить персидское» (Herod. VI, 2, 5-6).

Мы считаем, что такая странная направленность римлян на переговорный процесс, невзирая на все сопутствовавшие обстоятельства, может свидетельствовать в пользу существования общей внешнеполитической стратегии по отношению к восточным буферным территори-

[1] *Луконин В.Г.* Иран в эпоху первых Сасанидов. Л., 1961. С. 9-24; *Он же.* Сасанидская держава в III-V вв. // История Древнего мира. М., 1989. Т. III. С. 255-256.

[2] *Дашков С.Б.* Цари царей – Сасаниды. Иран III-VII вв. в легендах, исторических хрониках и современных исследованиях. М., 2008. С. 59.

ям. По-видимому, она была аналогична стратегии, которая применялась и в других пограничных регионах империи, в частности, в Северном Причерноморье. Однако если в последнем случае римляне смогли добиться положительного результата, то на востоке они явно не учли специфику и особенности начавшихся здесь политических процессов. Трудно, в этой связи не согласиться с Ю.Б. Циркиным, который справедливо заметил, что упоенные недавними успехами в войнах с парфянами римляне так и не поняли, что в Иране не просто произошла смена династий, а было создано новое государство с новыми амбициями, опирающимися на новые и более значительные силы[1]. Вот почему, непродуманное применение одной и той же стратегической схемы в разных условиях, угрожало серьезными катастрофическими последствиями для Римской империи в данном регионе.

Косвенно подтверждают наш вывод последующие события, произошедшие на Рейне и Дунае, где германцы, использовав обстоятельства начавшейся тяжелой и кровопролитной войны на востоке, смогли прорвать римскую границу, подвергнув угрозе даже Италию (Herod. VI, 7, 2-4). Видимо, часть окружения императора, понимая всю опасность сложившейся ситуации, настаивала на военном походе против варваров. Поэтому, не случайно отвечающий за подготовку новобранцев к этой войне Максимин, впоследствии, когда сам стал императором, в походе против германцев использовал мост, построенный еще по приказу Александра (Herod. VII, 1, 6). При этом существует мнение, что военные действия против германцев начались уже при Александре[2]. Тем не менее, отметим, что и в этом случае император Александр предпочел войне мирные переговоры, стремясь купить мир у варварских вождей за большие деньги (Herod. VI, 7, 9). И дело здесь не в мятеже легионов (SHA, Ael. Lamp., Alex., LIX, 5-6), который в действительности возник, уже после отказа Александра от похода[3].

Пытаясь найти причину падения авторитета императора и его направленности на мирные переговоры с варварами, Ю.Б. Циркин совершенно справедливо говорит о комплексной причине кризиса, приведшего, в конечном итоге к убийству молодого императора. Это включало ослабление связей Александра с армией, деятельность его матери, которая разрушала авторитет императора эффективнее любых неудачных военных действий (SHA, Ael. Lamp., Alex., LIX, 8), и даже ослабление защиты европейских границ в связи с войной с Ардаши-

---

[1] *Циркин Ю.Б.* «Военная анархия» в Римской империи. СПб., 2015. С. 42.

[2] *Demougeot E.* La formation de l'Europe et les invasions barbares. Aubier, 1969. T.I. P. 250-251.

[3] *Циркин Ю.Б.* Ук. соч. С. 44.

ром. Ведь многие из мятежных воинов – участников войны с Ардаширом - являлись выходцами из балканских провинций, которые более всего подверглись жестоким нападениям и грабежам германцев в их отсутствие (Herod. VI, 7, 2-3)[1].

Тем не менее, нацеленность императора на мирные переговоры с окружающими империю варварами, может свидетельствовать и о его приверженности определенной стратегии, которая вполне отчетливо проявила себя в Северном Причерноморье. Возможно, на восточных границах империи, как и на северных рубежах, император и его ближайшее окружение, стремились перестроить римский натиск с чисто военных завоеваний на другие, более эффективные формы экспансий (экономические и культурные), что как раз и было возможно при условии проведения мирных переговоров. Ведь именно экономическая и культурная экспансии подготавливали, в конечном итоге, мирное вхождение варварской территории в Римское государство[2]. Однако, в случае с Ардаширом из рода Сасанидов, римляне не сразу поняли, что они столкнулись не просто с одним из представителей одряхлевшей Парфии, а с первым из правителей Сасанидской державы – последним мощным иранским государством доисламского периода.

ЮЛИАН ОТСТУПНИК В АФИНАХ

А.С. Кушнир

В статье рассматривается развитие религиозной мысли Юлиана Отступника в юношеский период, а именно, во время его пребывания в Афинах.

Ключевые слова: Древний Рим, Юлиан Отступник, язычество.

JULIAN THE APOSTATE IN ATHENS

A.S. Kushnir

The article deals with development of religious thought of Julian the Apostate during his youthful period, especially during his staying in Athens.

Keywords: Ancient Rome, Julian the Apostate, paganism.

Личность Юлиана Отступника является одной из самых таинственных и спорных фигур в истории Древнего Рима, даже несмотря на недостаточно длительную продолжительность своего правления.

---

[1] Там же. С. 46.

[2] *Ярцев С.В.* Ук. соч. С. 250-251.

Являясь последним императором, исповедовавшим язычество, он пытался вернуть языческому культу положение официальной государственной религии.

Преданность язычеству и антипатия к христианству стремительно развивались в Юлиане в процессе его взросления. В возрасте 20 лет, в 354 г., Юлиан совершил путешествие с целью обозрения руин Трои, что в большой степени восхитило, но, в то же время, и расстроило будущего императора: он своими глазами увидел те места, о которых читал ранее, и был поражен запустением. По большому счету, никто не ухаживал за алтарями богов, храмы были неубраны, многие статуи вовсе были разбиты[1]. Однако вскоре Юлиан был вызван в Милан императором Констанцием II, подозревавшим его в сговоре с Галлом, которого обвиняли в посягательстве на императорский трон.

После казни в декабре 354 г. Констанцием II Галла в Поле (Amm. Marc., XIV, 7, 9; Philostorg. HE, III, 28) Юлиан был вызван ко двору. Он был обвинен в участии в интригах Галла, а также в том, что, путешествуя по Малой Азии, он чересчур увлекся наукой (Amm., XV, 1, 7). По приказу Констанция Юлиан был поселен в местечке Комум, недалеко от Медиолана (Amm. Marc., XIV, 2).

Живя в постоянном страхе за свою жизнь, Юлиан уповал лишь на милость богов и на благосклонность императрицы Евсевии, разрешившей ему обращаться к ней с различными просьбами, если он будет в чем-нибудь нуждаться (Julian. Ad Athenienses, 6).

Имевшая существенное влияние на императора Констанция Евсевия убедила в скором времени его послать Юлиана учиться в Афины[2]. Аммиан описывал ее так: «красивая, юная, умная и весьма образованная, при необходимости смелая и любящая производить впечатление на окружающих, она умела, когда ей было нужно, управлять умом Констанция, а это ей было нужно часто, судя по рассказам тех, кто был в курсе придворных интриг» (Amm., XVIII, 3, 2, XXI, 6, 4).

Григорий Богослов пишет, что одной из официальной причиной нахождения Юлиана в Афинах являлось посещение святилищ и памятников эллинской культуры. Но в действительности главной целью Юлиана было продолжение общения с языческими жрецами (Greg. Naz. Or. V, 125).

Несмотря на то, что и в Греции Юлиан подвергался слежке, и пробыв там непродолжительный срок (6 месяцев), Юлиан, бесспорно, был счастлив находиться на эллинской земле и своими глазами уви-

---

[1] *Болотов В.В.* Лекции по истории древней церкви. М., 1997. С. 194.

[2] *Frantz A.* Pagan Philosophers in Christian Athens // Proceedings of the American Philosophical Society. 1975. Vol. 119, No. 1. P. 29-38.

деть все великие достижения греков. Его интерес к греческой культуре доходил до того, что на латыни он писал удовлетворительно, а на греческом, по мнению Аммиана Марцеллина, являлся одним из лучших писателей того времени (Amm. Marc., XVI, 4).

Юлиану настолько импонировала греческая история, что ни одно ее важное событие не выскальзывало из его памяти. Стоит отметить, что ведущую роль здесь в привитии ему любви к греческой культуре сыграли и его учителя. Так, например, Мардоний, познакомивший Юлиана с величайшими образцами греческой литературы и философии, и Либаний, являясь греком по происхождению, укрепивший в своем ученике и друге сознание превосходства эллинского народа: «Помни, что ты грек, и правишь греками» (Lib. Legat. ad Jul.). При сравнении язычества и христианства Юлиан настоятельно отмечал, что язычество получило расцвет в великой Греции, а христианство родилось из темной и необразованной Палестины, а значит, эллинская религия была, несомненно, выше.

АНТИОХИЯ В ГОДЫ ПРАВЛЕНИЯ ЮЛИАНА ОТСТУПНИКА

Ю.В. Бузанаков

В статье рассказывается о жизни Антиохии в годы правления Юлиана Отступника. Поднимаются вопросы - какое место должен был занять город в империи Юлиана, как император был принят горожанами, каковы итоги правления Юлиана в Антиохии.

Ключевые слова: Антиохия, Византия, Сирия.

ANTIOCH IN THE YEARS OF THE RULING OF JULIAN THE APOSTATE

Yu.V. Buzanakov

The article describes the life of Antioch during the reign of Julian the Apostate. There are raised the questions: what place should the city occupy in the empire of Julian, how the emperor was received by the citizens, what results of the reign of Julian in Antioch.

Key words: Antioch, Byzantium, Syria.

После смерти Констанция 3 ноября 361 г., Юлиан приходит к власти, и совершает триумфальный въезд в Константинополь 11 декабря. Проводя зиму в столице, император начинает чистку в рядах советников и близких соратников Констанция. Кроме этого, Юлиан принимает ряд мер по реорганизации правительства, первой из кото-

рых было существенное сокращение числа служащих и должностных лиц, в частности, секретной службы[1].

Реформы Юлиана в этот период были посвящены, главным образом, установлению свободы вероисповедания и восстановлению имущественных прав язычников. Окончательные планы Юлиана предусматривали не просто возрождение эллинизма и ликвидацию христианства как недостойного культа, а возрождение эллинизма как «религии хорошего гражданина».

Приезд Юлиана в Антиохию был обусловлен несколькими мотивами. Одной из главных причин следует считать подготовку Юлиана к кампании против персов. Несмотря на то, что Шапур II выступал с инициативой заключения мира, Юлиан был полон решимости совершить решающий поход в Персию и восстановить тем самым престиж Римской империи. Антиохия в данном случае была лучшим вариантом императорской штаб-квартиры для подготовки и проведения кампании против Персии.

Кроме того, Антиохия была древним центром эллинизма, в городе находились знаменитые храмы, а местные олимпийские игры привлекали зрителей и участников со всего римского мира. Также в это время в городе работал друг Юлиана, известный ритор Либаний. Все эти факторы имели большое значение для политики Юлиана. Несмотря на неустойчивый нрав населения Антиохии, которое, в конечном итоге, обмануло его надежды на возрождение эллинизма, в городе Юлиана привлекало наличие крупных религиозных центров эллинизма, которых не было в Константинополе[2].

Еще одной причиной, хотя и менее важной, было желание Юлиана заручиться поддержкой еврейского населения, в обмен на воссоздание храма в Иерусалиме. В это время в Антиохии жила крупная еврейская община. Возможно, Юлиан, при переезде в Антиохию, мог рассчитывать на поддержку Гамалиила, сына еврейского патриарха Гилеля II[3].

Перед прибытием Юлиана в Антиохию в городе сложилась сложная экономическая обстановка – войны Констанция с Магненцием, а также подготовка к персидской войне вызывали инфляцию в городе. Присутствие в Антиохии большого количества солдат и чиновников, собравшихся в связи с персидской кампанией, также способствовали повышению цен на продовольствие в городе. Кроме этого,

---

[1] *Liebeschuetz W.* The syriarch on the forth century // Historia. Wiesbaden, 1951. S. 129.

[2] См.: *Bouchier E.S.* A Short History of Antioch. Oxford, 2015. P. 154.

[3] Ibid. P. 156-158.

Антиохия еще не совсем оправилась после голода и восстания во время правления Галла.

Когда Юлиан достиг Антиохии 18 июля 362 г., он обнаружил, что ситуация только ухудшилась. Засуха зимы 361/2 г. вызвала потерю урожая пшеницы, который обычно заготавливался в мае и июне. Несмотря на голод, до прибытия Юлиана в Антиохии не предпринимались меры по борьбе с дефицитом хлеба и высокими ценами. Таким образом, когда император прибыл в город, народ сразу же приветствовал его в ипподроме с криком «Все в изобилии, все дорогое!»[1].

В качестве первого шага на следующий день Юлиан созывает городскую верхушку, розничных торговцев и ремесленников, которых он пытался убедить снизить цены. Представители городской верхушки пообещали, что исправят ситуацию сами, император же приступил к решению других проблем.

Одной из главных задач Юлиана, как известно, было возрождение эллинизма и восстановление полных обрядов языческих праздников и жертвоприношений. Опорой императора в этой деятельности выступили его дядя, назначенный правителем Антиохии.

Дядя императора был христианином и занимал важные посты в гражданской администрации. Тем не менее, он перешел в эллинизм и проявил большое усердие для восстановления язычества. Когда он отправился в Антиохию, чтобы занять новую должность, на него были возложены обязанности по военным приготовлениям, а также по контролю содержания и соблюдения языческих обрядов. В течение всего пребывания императора в Антиохии его дядя выступает как главное должностное лицо, ответственное за эти вопросы. Император также опирался на своего старого друга Либания, который был одним из самых выдающихся учителей и авторитетных граждан в Антиохии, и его влияние, как в городе и за его пределами, было огромно[2].

Сам Юлиан, прибыв в город, сразу же начал посещать языческие храмы и святыни, а также выполнять соответствующие обряды. Еще до прибытия императора в Антиохию, он отдал распоряжение о реконструкции знаменитого храма Аполлона в Дафне, пострадавшего в годы правления Константина и Констанция. Юлиан был, однако, сильно разочарован, когда посетил восстановленный храм. Вскоре после прибытия Юлиан отправился в храм в Дафне, ожидая найти богатую процессию, организованную городскими властями. Вместо этого,

---

[1] См.: *West L.C.* Commercial Syria under the Roman Empire. New-York, 1924. P. 175-176.

[2] См.: *Petit P.* Les senateurs de Constantinople dans l’oeuvre de Libanius. Paris, 1957. P. 297-320.

он не нашел никого, кроме главного жреца и гуся, которого тот привез из своего собственного дома в качестве жертвы. Это доказательство общественного равнодушия к старым культам стало серьезным ударом для императора[1].

На самом деле Юлиан не был положительно встречен народом Антиохии. Для горожан, одной из его самых отталкивающих особенностей было то, что он ненавидел гонки на колесницах, которые были одним из любимых видов развлечений антиохийцев. Император никогда не посещал гонки, если они не были связаны с религиозными праздниками.

Говоря о преодолении кризиса в городе, следует сказать, что Юлиан, видимо, продолжал надеяться на то, что проблема может быть решена муниципальными властями без вмешательства с его стороны. Однако, время шло, но ситуация до сих пор не улучшалась. К осени тяготы народа увеличились, и в это время происходит самое неблагоприятное событие - сожжение храма Аполлона в Дафне. В произошедшем были обвинены христиане города. Хотя сам Юлиан позже заявил, что не был уверен в причине пожара, однако преследование христиан было начато. Восьмиугольная Великая церковь была закрыта, и литургические сосуды, подаренные Кнстантином и Констанцием, были конфискованы.

В это же время, нехватка зерна и инфляция стали критическими. Городская верхушка так и не предприняла каких-либо мер для исправления сложившейся ситуации[2]. Юлиан издает указ об установлении максимальных цен, а также начинает импортировать зерно из других провинций. Еще одной мерой стало сокращение налогов на одну пятую часть, вероятно, установленный максимум все еще превышал докризисные цены. Другим шагом было распределение трех тысяч клеров муниципальной земли, участки выделялась для оказания помощи мелким землевладельцам[3].

Однако, все усилия Юлиана не увенчались успехом. Импортированная пшеница, продаваемая по фиксированной цене, скупалась крупными торговцами и землевладельцами, которые либо удерживали зерно для поддержания высоких цен, либо перепродавали его в провинциях, где отсутствовали экономические ограничения. Некоторые из городских торговцев, обвинив городскую верхушку в установлении высоких цен, просто бросали свое дело, не имея возможности полу-

---

[1] См.: *Downey G.* History of Antioch, Oxford, 1962. P. 324.
[2] См.: *Downey G.* The size of the population of Antioch. Chicago, 1958. P. 75.
[3] См.: *West L.C.* Commercial Syria under the Roman Empire. New York, 1924. P. 179.

чить прибыль. Главной надеждой большинства торговцев был провал экономической программы Юлиана и восстановление свободной торговли. Несмотря на все неудачи, Юлиан избегал применения насильственных мер, опасаясь повторения восстания 354 г.

В это же время продолжалась подготовка к войне с Персией. К концу 362 г. Шапур, занятый решением конфликтов на восточной границе империи, отправил письмо с просьбой о мирных переговорах, чтобы урегулировать накопившиеся разногласия, но эта попытка была отвергнута. Юлиан был уверен в успехе своего похода и планировал поставить на трон Персии младшего брата Шапура, бежавшего в Византию и пришедшего в Антиохию вместе с императорским войском. В походе армия императора была поддержана войском царя Армении Аршака II[1].

На заключительных этапах подготовки к предстоящей кампании в армии императора нарастало недовольство, отчасти из-за мер, принятых в отношении христиан, отчасти (и, возможно, главным образом), потому что сама кампания была непопулярна, и планы императора, по мнению войск, были слишком оптимистичны. Юлиан знал о подобных настроениях, однако был непреклонен.

Ответом императора на растущее против него количество критики стало знаменитое произведение Misopogon. Это был необычный документ, в котором император, путем анализа критических замечаний и шуток, которые циркулировали в отношении него, высмеял народ Антиохии. При этом, Юлиан не только дал выход своему гневу и разочарованию людьми города, но, в то же время, излагал свои идеи и программы. Сочинение Юлиана является довольно ценным источником по истории Антиохии, однако до сих пор неизвестно, насколько это произведение было популярным[2].

В целом, Антиохия и ее жители разочаровали императора. Перед отъездом он назначил наместником провинции Сирия Александра Гелиополиса, человека, известного своей жестокостью. Юлиан считал, что Александр не был достоин этой должности, однако он отлично подходил для управления непокорным и скупым народом Антиохии.

Когда Юлиан покинул город 5 марта, он объявил, что летом, когда кампания будет завершена, он не вернется в Антиохию. Свою зимнюю штаб-квартиру он сделает в Тарсе в Киликии. После этого для жителей города начался сложный период. Продовольственный кризис

---

[1] См.: *Пигулевская Н.В*. Города Ирана в раннем средневековье. М.-Л., 1956. С. 239.

[2] См.: *Курбатов Л.Г.* Ранневизантийский город: Антиохия в IV в. Л., 1962. С. 72.

продолжался, новый консул, будучи ревностным язычником, выполнял свои обязанности со всей строгостью. Администрация города была совершенно сменена, кроме этого значительно увеличились налоги для горожан.

Известно, что Юлиан не вернулся из похода. Он был убит в Персии в июне, и с ним приходит к концу династия Константина. Весть о его смерти в целом была с радостью встречена народом Антиохии[1].

Таким образом, мы видим, что правление Юлиана для Антиохии было очень многообещающим. В проводимой императором политике реставрации язычества город мог занять положение нового Константинополя. Однако, этим планам не суждено было сбыться, восстановление старой языческой традиции было уже практически невозможно. Большинство антиохийцев уже к началу правления Юлиана было христианами. Оставшиеся проявления эллинизма в виде гонок на колесницах и олимпийских игр уже не имели под собой глубокой религиозной основы. Значительно осложнил ситуацию и экономический кризис, распространившийся в городе и империи. Жители Антиохии, в основной своей массе не были готовы к столь амбициозным внешне- и внутриполитическим проектам. Неудивительно, что трагичный финал правления Юлиана был воспринят столь положительно.

ЛИБАНИЙ И ЮЛИАН: ХАРАКТЕР ВЗАИМООТНОШЕНИЙ

С.В. Бабаян

В статье рассматриваются такие личности, как император Юлиан и ритор Либаний, особое внимание уделено изучению отношений между ними. Также рассматривается жизнь и творчество Либания, в частности, его письма и речи, посвященные Антиохии и Юлиану. Кроме этого описана общая политическая и культурная обстановка в империи в IV в.

Ключевые слова: Либаний, Юлиан, Антиохия, христианство, язычество.

LIBANIUS AND JULIAN: THE CHARACTER OF RELATIONSHIPS

S.V. Babayan

In article such persons as the emperor Julian, a rhetorician Libanius are considered, special attention is paid to studying of the relations between them. Also life

[1] См.: *Downey G*. The size of the population of Antioch. Chicago, 1958. P. 75.

and creativity of Libanius, in particular his letters and speeches devoted to Antioch and Julian is considered. Besides the general political and cultural situation in the empire in the 4th century AD is described.

Keywords: Libanius, Julian, Antioch, Christianity, paganism.

Либаний – эта одна из ключевых фигур позднеантичной культуры, руководитель школы риторики в Антиохии. Он родился в «столице Востока», одном из крупнейших городов империи, торговом, культурном и административном центре Сирии – Антиохии. Его семья принадлежала к верхушке муниципальной аристократии города.

Жизнь и деятельность Либания выпадает на ряд важнейших политических и социальных событий IV века. Многие ученые и исследователи указывают на противоречивость творчества данного идеолога и мыслителя. Особенного внимания заслуживает изучение его взаимоотношений с известным императором Юлианом – последним языческим императором Рима. Анализ этих отношений необходим для комплексного и объективного понимания исторической и культурной составляющей позднеантичного общества.

Произведения Либания достаточно многочисленны и содержат в себе емкую и важную информацию. До нашего времени дошли около 500 рукописей с его сочинениями.

От Либания сохранились три рода сочинений. Во-первых, это его речи (74), посвященные событиям, современным для автора, во–вторых, это учебные риторические декламации (прогимнасмы) – импровизации на конкретную тему, придуманные автором ситуации (около 100). Еще одним важным видом сочинений Либания являются письма, которых сохранилось более 1500. Они охватывают два его важнейших периода в жизни: 355–363гг. и 388-393 гг. Данные труды являются главным источником и нуждаются в подробном изучении.

Благодаря трудам Либания можно составить представление о событиях, происходивших в жизни людей описываемой эпохи. В связи с явным талантом Либания, в течение многих последующих веков он считался образцом красноречия, его работы повсеместно изучались.

За год до рождения Либания, в 313 г., христианство было официально разрешено для вероисповедания императором Константином, а через два года после смерти Либания, в 395 г., Римская империя была разделена на Западную и Восточную. Следовательно, Либаний (314–393 гг.) был очевидцем истории всего данного столетия, а также зарождения Византии.

Риторикой Либаний увлекся в 15 лет, а уже в 336 г. отправился в Афины, чтобы посвятить себя ораторскому искусству. Однако, ввиду внутренней борьбы с местными риторами, он стал «странствующим

софистом» и отправился преподавать в Константинополь[1]. Здесь он пробыл три года, и позже (с 343 г.) принял предложение Никомедии преподавать как официальный ритор этого города.

В это же время будущий император Юлиан, находившийся в Никомедии, увлекся речами Либания, однако открыто посещать его лекции не мог. Известного ритора и Юлиана объединяли религиозные и идеологические взгляды. Сам Либаний не раз восхищался деятельностью и правлением Юлиана, посвящал ему свои речи, а также обращался к нему в письмах. Однако их взаимоотношения обострялись внутренней политической и социальной политикой в империи. С 313 г. христианство довольно прочно и надолго входит в быт и культуру местного населения, отчасти отрицавшего языческие традиции и взгляды.

Христианство было чуждо и непонятно Либанию, но он никогда не вступал в серьезную философскую полемику с христианами и не высказывался в пользу каких–либо гонений на них. Он являлся учителем трех крупнейших деятелей христианства - Василия, Григория и Иоанна Златоуста, он продолжал переписку с ними, когда они уже стали епископами, охотно вспоминал о тех мирных годах в Афинах, когда эти непримиримые борцы за христианство были его слушателями и изучали языческое красноречие. О резких мероприятиях Юлиана против христиан Либаний не высказывается, хотя возрождение язычества его горячо радует[2].

Либаний очень любил свой город и всегда мечтал вернуться обратно в Антиохию, и в 354 г. ему предоставляется такая возможность – разрешение императора остаться там.

Безусловно, важным периодом в жизни империи стало правление Флавия Клавдия Юлиана (361–363 гг.) – «последнего язычника на троне».

Юлиан в связи с подготовкой к персидскому походу длительное время находился в Антиохии. К этому времени относится отдельная группа речей Либания, посвященная императору. Именно в них отразились противоречивые отношения ритора и Юлиана (XII–XVII, XXV, XXXIII).

Во-первых, Юлиан пришел к власти, опираясь на армию, во-вторых, ему принадлежит ряд реформ, направленных на изменения отношений в городе. В Антиохии он принял решение о возвращении курии около 200 бывших ее членов. Кроме этого он начал восстанав-

---

[1] *Курбатов Г.Л.* Ранневизантийские портреты. К истории общественно-политической мысли. Л., 1991. С. 55.

[2] Там же. С. 70.

ливать языческие храмы. Это не могло не отразиться на его взаимоотношениях с городом. Антиохийцы не столько были ярыми приверженцами христианства, сколько были равнодушны к язычеству, кроме этого их не устраивали огромные расходы, связанные с проведением языческих праздников.

Для Либания же язычество явилось традиционной полисной ценностью. «На благосклонности богов зиждется благополучие городов»[1], - писал он. Либаний с восторгом принял реформы императора. Для него это был шанс «все вернуть». Ведь в годы правления Юлиана гонения на язычников стали более умеренными. Но, в то же время, ритор видел нарастающее недовольство политикой Юлиана. Так, Либаний оказался в эпицентре конфликта между городом и императором. С одной стороны, был его друг Юлиан, с другой – должность ритора города, поэтому он не мог не отреагировать на недовольство горожан. Речи Либания в это время отражают его общие взгляды на политику императорской власти и его отношение к существующим конфликтам. Сам Либаний не только не был жесток, но очень осуждал всякое проявление жестокости, вступался за обиженных и не раз проявлял мужество. Низкопоклонство тоже было ему несвойственно, он спорил даже с Юлианом. Подтверждением является фраза: «Человека я любил, но императору не льстил» (XVIII)[2].

Однако ситуацию меняет неожиданная смерть императора во время персидского похода. Конечно, Либанию не простили и часто напоминали о дружественной связи с Юлианом. Но на этом не заканчиваются речи Либания, посвященные императору. Так, известна его «Надгробная речь Юлиану»[3], в которой он говорил о доблести императора и о важности его последнего похода. Также он указал на то, что все его речи будут «слабыми» по сравнению с личностью Юлиана.

В трех речах Либаний говорит о необходимости раскрыть обстоятельства гибели Юлиана и строго покарать ее виновников. Призывы ритора к мести за Юлиана не только не имели успеха, но даже навлекли на него гнев.[4]

---

[1] *Шестаков С.П.* Введение // Речи Либания. Т. I. Казань, 1914. С. I-XC.

[2] *Шестаков С.П.* Приложение I. Юлиан в письмах Либания // Речи Либания. Т. I. Казань, 1914. С. 445-468.

[3] *Либаний.* Надгробная речь Юлиану // Речи Либания. Т. I. Казань, 1914. С. 308-394.

[4] Ораторы Греции. М., 1985. С. 354.

Самого же Юлиана он особенно хвалил за то, что тот умел выслушивать порицания и «был настолько доблестным, что стремился победить, но, побежденный, не испытывал ненависти к победителю».[1]

Таким образом, мы видим, что взаимоотношения между Юлианом и Либанием были противоречивыми. Ритор уважал и ценил Юлиана как человека, уважал его выбор, выделял такие качества как доблесть, честь, умение слушать, стремление к победе. Однако Либаний не скупился и на критику, мог вступать в спор со своим оппонентом, что ярко прослеживается в его письмах. Их отношения были отчасти равными, построенными не на «властеотношениях», свойственных многим правителям и подчиненным, а на единых взглядах и устремлениях.

ОРИБАСИЙ – ПЕРВЫЙ УЧЕНЫЙ ВРАЧ РАННЕЙ ВИЗАНТИИ

А.М. Болгова, Н.Н. Болгов

В очерке рассматриваются основные аспекты, связанные с биографией и деятельностью крупнейшего ранневизантийского медика и внешкольного преподавателя Орибасия. Актуализируется современная зарубежная историография по данной теме, так как ни одной научной работы об Орибасии в отечественной исторической накуке нет.

Ключевые слова: Орибасий, врач, Ранняя Византия, Поздняя античность, император Юлиан, христианство.

ORIBASIUS – THE FIRST SCIENTIST DOCTOR OF EARLY BYZANTIUM

A.M. Bolgova, N.N. Bolgov

The essay examines the main aspects related to the biography and activities of the largest early Byzantine physician and extracurricular teacher Oribasius. The modern foreign historiography on this topic is being updated, since there is no scientific work on Oribasy in the national historical science.

Key words: Oribasius, doctor, Early Byzantium, Late Antiquity, Emperor Julian, Christianity.

Орибасий (ок. 325-403 гг.)[1], был уроженцем Пергама в Малой Азии. Он родился в состоятельной семье и, по всей видимости, полу-

---

[1] *Соболевский С.И., Грабарь-Пассек М.Е., Петровский Ф.А.* История греческой литературы. Т. 3. М., 1960. С. 301.

чил первоначальное образование в городе своего рождения. В пользу этого предположения говорит культурная традиция Пергама и особенно его известность как центра медицины. Всё это должно было существенно повлиять на его будущую профессию. Ученый человек в тогдашнем Пергаме и его окрестностях был богат.

Семья Орибасия (хотя нет подробностей о положении его родителей), как можно предположить, имела достаточно денег, чтобы дать сыну образование. Стоит также отметить, что она была нехристианской.

Место, в котором Орибасий вступил в мир, город Пергам, славный в эллинистическое время многовековыми научными, культурными и религиозными традициями, процветал также и под римским правлением, став одним из крупнейших и наиболее экономически жизнеспособных мегаполисов Средиземноморья, где проживало около 250 000 чел.

Одной из самых важных причин, которые привели к рождению и долгосрочному сохранению репутации Пергама, было функционирование храмового комплекса, посвященного богу медицины Асклепию, к которому стекалась непрерывная масса паломников, считавших, что святилище исцелит их[2].

Культ Асклепия, существовавший в Фессалии с XI-X в. до н.э., значительно распространился в течение последующих столетий, получив особую популярность в эллинистический период в Малой Азии, а затем в Риме.

Высокое положение Асклепия среди других божеств грекоримского пантеона определялось, прежде всего, всеобщей убежденностью в том, что в силу его благотворительной природы в его освященных храмах он совершает сам или посредством своих жрецов, называемых асклепиадами, излечение от различных болезней, болезней и травм[3].

Мало что можно сказать о том, как исследовал тайны медицины Орибасий в Пергаме, и сколько времени он провел в своем родном городе. Вероятно, прошло несколько лет, прежде чем он посчитал, что

---

[1] Oribasius // Prosopography of the Later Roman Empire. Vol. 1. Cambridge, 1971. P. 633-634.

[2] *Toledo-Pereira L.H.* Pergamum: Renowned medical center of Antiquity. Origin of medical centers of today // Journal of Investigative Surgery. 2002. Vol. XV. No 6. P. 297ff.

[3] *Perea Yebenes, Sabino*. Un iama del santuario-hospital de Asclepio en Pergamo (Noticia De Rufo De Efeso, en Oribasio, Collectiones Medicae, XLV, 30.10-14) // MHNH. 6. 2006. P. 199-216.

получил достаточно знаний, и что он готов покинуть Малую Азию и начать учебу в главном центре древней медицины (и вообще учености) - Александрии. Закончив первый этап обучения на родине, многие молодые люди покидали свои провинции и уезжали в Александрию, которая в то время оставалась самым важным центром медицинской науки.

Прибыв в город, Орибасий начал учебу в школе Зенона Кипрского, ятрософиста, обучавшего студентов как медицинским знаниям, так и философии. Орибасий проявил большие способности в медицине, высказывая также и передовые философские соображения, оставив позади других подопечных Зенона. Видимо, годы, проведенные под бдительным оком александрийского ученого, в конечном итоге, сформировали молодого Орибасия, сохранившего, вероятно, вложенное в него в его семье глубокое знание и большое доверие к медицинским текстам его великого земляка Галена Пергамского, чьи взгляды, изложенные в многочисленных работах, доминировали в медицине на протяжении многих веков.

Среди предшественников Орибасия в Александрии были известные хирурги: Леонид (нач. III в.), Антилл (IV в.)[1] и др.

Помимо деятельности Зенона Кипрского, мало что известно о функционировании медицинской школы в Александрии как образовательной институции[2].

Магн, один из пяти ятрософистов (врачей), упомянутых Евнапием, руководил этой школой[3], видимо, после Зенона. Ученик Зенона Кипрского, он жил в конце IV - начале V в., реформировал эту хорошо известную школу и имел подготовку в качестве врача и софиста.

После нескольких лет учебы в Александрии Орибасий вернулся на западное побережье Малой Азии и начал свою практику. Невозможно определить даты этого периода его жизни, как и в более раннего периода. Однако, по всей видимости, около 351 г., все еще будучи врачом на начальной ступени своей карьеры, он встретил будущего императора Юлиана (Отступника).

Эта встреча могла произойти в Пергаме или в Эфесе, когда молодой Юлиан, который впервые был очарован культурой и эллинистической религией, учился у неоплатоника Эдесия. Орибасию, который был язычником, предоставилась возможность увидеть члена импера-

---

[1] *Nutton V.* Antyllus // Brill's New Pauly. Encyclopaedia of the Ancient World, vol. I. Leiden–Boston 2002. Col. 810–811.

[2] *Rekucka-Bugajska K.* Ośrodki szkolnictwa wyższego w IV w. n.e. // Filomata. 1986. 374. S. 201.

[3] Eunapius *VS* 19–22.2.4, 497–499.

торского дома и дискутировать его с ним. Между ними возникла взаимная приязнь. Вероятно, в этот период отношения дружбы в ученой среде были обычным явлением, и их общая любовь к греческой традиции и языческим убеждениям создала прочный союз.

Хотя пребывание Юлиана в Пергаме длилось недолго, он вскоре начал путешествовать по другим греческим городам на Эгейском море, и считалось, что Орибасий поддерживал с ним контакты в этот период.

Спустя несколько лет, осенью 355 г., Юлиан был назначен Цезарем императором Констанцием II и отправлен в далекую Галлию, чтобы сражаться с вторжением германских варваров. Он привез с собой лишь нескольких доверенных людей, включая своего друга Орибасия и собрание книг. Мы знаем, что Орибасий отвечал за библиотеку Юлиана и, по-видимому, заботился о здоровье Цезаря.

Политическое влияние доктора трудно определить, но Орибасий, как утверждается, сыграл не вполне определенную, но важную роль в последующем захвате власти Юлианом.

Мы ничего не можем сказать об обстоятельствах и причинах того, почему врач отказался от своей постоянной практики и, возможно, лишь внешне, согласился с перспективами бессрочного пребывания в непривлекательном дальнем месте, находившемся под угрозой последующих разрушительных варварских нападений на галльские провинции.

Пергамец не был одной из ключевых фигур переворота февраля 360 г.[1], когда узы послушания вышестоящим властям перестали смущать Юлиана, но положение Орибасия среди его сторонников значительно усилилось.

Орибасий сыграл важную роль в последующих планах Юлиана как правителя. Император поручил ему составить сборник медицинских сведений, содержащийся в многочисленных трактатах Галена, а позже, удовлетворенный результатом, но желая расширить эту работу, он попросил своего азиатского друга произвести выдержки из медицинских книг различных авторов прошлых веков.

Медицина была одним из величайших достижений языческого эллинизма и стала важной частью попытки Юлиана возродить древние культы и практики. В результате впечатляющая 70-томная энциклопедия, в которой суммируется гиппократова медицина и собственный

---

[1] *Трохачев С.Ю.* «Заговор» цезаря Юлиана // Античная древность и средние века. Барнаул: День, 1992. Вып. 26: Византия и средневековый Крым. С. 11-23.

опыт автора, была завершена после нескольких лет работы в начале 60-х гг. IV в.

Основные работы Орибасия были написаны по просьбе Юлиана. Главное произведение Орибасия - «Медицинский сборник» (Collectiones medicae) представлял собой компиляцию из работ античных медиков в 70 (72)[1] книгах. Сохранились 27 - книги I-XV, отрывки из книги XVI, книги XX-XXV и XLIII-L, а также отдельные фрагменты, которые нельзя с уверенностью отнести к определённым книгам[2].

Составленный, как уже говорилось ранее, обзор учения Галена, в котором Орибасий много и дословно его цитировал, до наших дней не дошел (сохранился лишь синопсис в «Библиотеке» Фотия с посвящением Юлиану).

Впоследствии Орибасий написал для своего сына Евстафия сокращение этого сборника в девяти книгах - краткий справочник, который содержал простые рецепты и мог служить своего рода «скорой помощью» для людей без медицинского образования.

Орибасий также составил сочинение «Euporista» («Общедоступные лекарства»)[3].

Орибасий, вероятно, сопровождал Юлиана в его бескровном походе на его соперника, Констанция II, во время которого последний умер, а Юлиан стал августом.

Когда Юлиан взял власть над империей, Орибасий находился рядом с ним. Некоторые источники утверждают, что он даже был оставлен в Константинополе, во дворце. Впоследствии Орибасий покинул столицу и перебрался с молодым императором в Антиохию, а затем последовал за правителем далее на Восток.

В агиографии есть указание на то, что в 362 г. от имени императора Юлиана Отступника Орибасий посетил Дельфийский оракул, находившийся теперь в довольно заброшенном состоянии, предложив услуги императора храму и, в свою очередь, получил одно из последних пророчеств Дельфийской Пифии:

Εἴπατε τῷ βασιλεῖ, χαμαὶ πέσε δαίδαλος αὐλά,
οὐκέτι Φοῖβος ἔχει καλύβην, οὐ μάντιδα δάφνην,
οὐ παγὰν λαλέουσαν, ἀπέσβετο καὶ λάλον ὕδωρ.

---

[1] Число 70 дает сам Орибасий, 72 – Суда; см. Suidae Lexicon, 'Oreibasios, O 543, 3-4 / ed. A. Adler, III. Lipsiae, 1938. P. 555.

[2] Oribasius: Collectionum Medicarum Reliquiae, I. Libri I—VIII; II; IX—XVI. By J. Raeder (Corpus Medicorum Graecorum VI.1.1-2). Leipzig - Berlin, Teubner, 1928-1929.

[3] Oribasii synopsis ad Eustathium filium et libri ad Eunapium / ed. I. Raeder. Leipzig 1964.

Скажи императору - великолепный зал пал на землю.
У Феба больше нет его дома и пророческого лавра,
Некому прекрасно изрекать. Говорящая вода также стихла
(Passio S. Artemii 96.1284.45-47; Cedrenus 1. 532. 8-10).

В марте 363 г. Орибасий, как квестор, личный врач и библиотекарь императора, принял участие в его походе в Персию. После трех месяцев марша в Месопотамию и серии стычек римляне вышли из персидской столицы Ктесифон и вернулись к своим границам. Во время отступления римлян персы постоянно истощали их силы в серии мелких столкновений. В одном из них, 26 июня, Юлиан, у которого не было доспехов, был ранен брошенным копьем. Рана была серьезной, и императора следовало немедленно показать врачу. Орибасий лечил пациента всеми обычными методами борьбы с брюшными ранами. Он пытался очистить рану, залечить поврежденные внутренние органы, предотвратить кровотечение через открытую стенку брюшины и использовать лекарства. Несмотря на все предпринятые меры, Юлиан через некоторое время скончался.

Нельзя сказать, что в решающий момент своей медицинской карьеры Орибасий потерпел неудачу. Мы не знаем, была ли смерть императора вызвана его небрежностью (мог ли он, несмотря на свои усилия, плохо лечить, или не справился с повреждениями органов), или раны Юлиана были настолько серьезными, что лечение было бы безрезультатным. Тем не менее, ни одно упоминание о последних моментах жизни императора не обвиняет Орибасия и не указывает на какую-либо ошибку в его действиях.

В изменившихся обстоятельствах Орибасий был лишен имущества и приговорен к изгнанию новым императором. Есть гипотеза о том, что изгнание Орибасия могло быть связано с поддержкой врачом неудачливого кандидата на императорский пурпур Прокопия, чья короткая узурпация 365-366 гг. не увенчалась успехом. Возможное участие Орибасия в вышеупомянутых событиях остается в сфере догадок[1].

На протяжении многих лет врач жил у варваров за пределами империи. Есть предположение, что это были готы, но прямого указания в источниках нет. Вопреки намерениям его оппонентов, он сумел преуспеть в новой среде. Благодаря своим навыкам, он вскоре получил уважение среди варваров и соседних римлян, которые обеспечили ему безопасную жизнь. Он предлагал свои услуги высокопоставленным

[1] *Baldwin B.* Beyond the House Call: Doctors in Early Byzantine History and Politics // Dumbarton Oaks Papers. 1984. Vol. XXXVIII.

варварам, и даже мог следить за здоровьем местных правителей и их непосредственного окружения, но не сказано, что он не помогал в борьбе с болезнями и простым людям. Б. Болдуин даже предполагает, что Орибасий мог одно время находиться при дворе персидского царя и, тем самым, сыграть роль для позднейшей византийской дипломатии, но это мнение остается предположением.

Прошедшее время, по-видимому, ослабило врагов Орибасия в империи и стерло плохое впечатление от его немедицинской деятельности во время правления Юлиана. Следующий правитель - трудно судить, был ли это Валент или Феодосий I, - решил отозвать обвинение врача, вернуть его из изгнания и возвратить его имущество.

Орибасий, покинув земли варваров, поселился в Константинополе, где продолжал лечить людей. Можно предположить, что, благодаря его мастерству в медицинском искусстве, он заслужил уважение жителей. Превратности принудительного пребывания за пределами государства не стали препятствием, которое помешало бы ему сохранить репутацию уважаемого и популярного врача. Это предположение проистекает из информации о браке Орибасия. Если бы он не добился высокого профессионального статуса в столице, у него не было бы шансов на такой хороший брак, как предположил Евнапий. Мы знаем, что он удачно женился на женщине из уважаемой и богатой семьи, имел четверо детей, которые выжили, и дожил до глубокой старости, будучи практикующим врачом в столице[1]. Этот период жизни Орибасия остается в значительной степени неизвестным для нас.

Интересно отметить, что ряд мест в работах Орибасия касается пищевых и диетических продуктов[2]: это пять первых книг Medicae Collectiones (I-V), книга IV Синопсиса ad Eustathium filium и части книги I ad Eunapium. Вышеупомянутые книги включают обзор важнейших продуктов, такие как крупы, продукты из зерновых культур (хлеб[3], крупы, блины)[4], овощи, фрукты, мясо, рыба[5] и морепродукты,

---

[1] *Jagusiak K., Kokoszko M.* Pisma Orybazjusza jako źródło informacji o pożywieniu ludzi w późnym Cesarstwie Rzymskim // Vox Patrum. 33. 2013. P. 339–357.

[2] Oribasius. Dieting for an Emperor: A Translation of Books 1 and 4 of Oribasius / Medical Compilations. Brill Academic Publishers. Leiden – New York – Cologne 1997.

[3] *Kokoszko, Maciej; Jagusiak, Krzysztof; Dybała, Jolanta*. Bread as Food and Medicament in Oribasius' Writings // Studia Ceranea. 6. 2016. P. 355–376.

[4] *Jagusiak K., Kokoszko M., Rzeźnicka Z.* Cakes and breads in Oribasius' Collectiones medicae // SPP. 25. 1. 2015. P. 131.

[5] *Kokoszko M.* Ryby i ich znaczenie w życiu codziennym ludzi późnego antyku i Bizancjum (IV–VII w.). Łódź, 2005. P. 14–15.

молочные продукты, алкогольные напитки, а также перечисление определенных диет и группы пищи, разделенные по их свойствам или влиянию на организм человека.

Существует мнение о том, что основные диетические части Collectiones medicae, Synopsis ad Eustatium filium и Libri ad Eunapium основаны на трудах Галена (которые Орибасий, однако, переработал в целях их упрощения), но есть много фрагментов, взятых и из других сочинений, например, Диоскорида, Афинея из Атталии, Диокла из Кариста, Руфа из Эфеса.

В этот же «столичный» период жизни Орибасия им были написаны воспоминания, и их главной темой стали исторические события, в которых он сам участвовал. Барри Болдуин, специалист по биографиям позднеантичных ученых, утверждает, что они, вероятно, были доведены до 355 г., и описывали, среди прочего, Персидскую экспедицию Юлиана. Они были посвящены Евнапию. К большому сожалению, этот труд не сохранился.

Евнапий (Vitae sophistarum XXI, 2, 5, 2 - 6, 3) рисует немного идиллическую и лишенную деталей картину осени жизни Орибасия. Но нет причин обвинять его во лжи. В отсутствие других источников мы полагаемся на сведения Евнапия[1].

Относительно сына Орибасия, Б. Болдуин[2] утверждает, что Евстафий стал известным врачом, сделавшим прекрасную карьеру, а также христианином, известным из переписки св. Василия (Ep. 151, 189), и усматривает признаки хитрости Орибасия в этом факте, так как тот, будучи активным религиозным язычником, воспитал сына в христианской вере. Однако, первое письмо датируется 374 годом, а второе - 374-375 гг., когда Евстафий был, безусловно, еще ребенком и не мог служить главным врачом ([archiatrus sacri palatii] – к такому чину обращается в переписке Василий). Поэтому предположение Болдуина нужно отвергнуть.

Мы не можем точно назвать время смерти Орибасия. Он покинул этот мир, вероятно, в первые годы V в. Определенные хронологические указания на последние годы жизни Орибасия дает дата «Жизнеописаний» Евнапия, которые были составлены после 396 г. Доктор из Пергама указан в них как живой человек, который пользуется хорошим здоровьем. Возможно, он закрыл глаза в Константинополе, окруженный родственниками и близкими, признанный и исполнивший долг своей жизни, в возрасте не менее семидесяти лет. Однако мы

---

[1] *Jagusiak K., Kokoszko M.* Życie i kariera Orybazjusza w świetle relacji źródłowych // PNH. 10. 1. 2011. P. 5–21.

[2] *Baldwin B*. The career of Oribasius // Acta Classica. 18. 1975. P. 86.

должны признать, что все предположения об обстоятельствах его ухода не обеспечены источниками.

С другой стороны, следует признать, что конкретные достижения Орибасия в области медицины остаются для нас загадкой, поскольку нет достоверных описаний применявшихся им методов лечения и их последствий для здоровья пациентов.

У нас также нет свидетельств о том, что Орибасий сделал какое-то огромное медицинское открытие, новаторское наблюдение за человеческим организмом или создал свою собственную оригинальную теорию, связанную с функционированием человеческого тела, в меру усилий его выдающихся предшественников.

Исходя из имеющихся данных, можно прийти к выводу, что Орибасий был лишь хорошим практиком, который эффективно использовал знания и технику, уже известные медицине его времени[1].

Ценное место в истории медицины обеспечило Орибасию его письменное наследие, которое оставалось важным для изучения на протяжении многих веков после смерти самого автора.

Его работы активно читанлись, переводились и использовались в качестве основы для последующих медицинских энциклопедий византийцами, арабами и западноевропейцами.

Они внесли значительный вклад в признание Галена высшим авторитетом в медицинском сознании Средиземноморья, и, что не менее важно, сохранили бесценные фрагменты текстов тех авторов, чьи оригинальные труды исчезли после смерти Орибасия и были бы нам иначе совершенно неизвестны[2].

Возможно, есть определенная ирония судьбы в том, что именно письменное наследие, которое, как можно подумать, занимало в жизни Пергамца менее важное место, чем активная медицинская практика, сделало Орибасия самым важным врачом IV столетия и первым ученым врачом Ранней Византии.

Труды Орибасия уже в V в. стали известны на латыни, а позже были переведены на арабский язык[3].

---

[1] *Nutton V.* Ancient medicine. London–New York 2007. P. 295–296.

[2] *Browning, Robert; Nutton, Vivian*. Oribasius // The Oxford Classical Dictionary. Oxford University Press, 2003; *de Lucia R.* Oreibasios v. Pergamon // Antike Medizin. Ein Lexikon / ed. K.-H. Leven. München, 2005. Col. 660–661; *de Lucia R.* Oribasio di Pergamo // Medici byzantini. Oribasio di Pergamon. Aezio d'Amida. Alessandro di Tralle. Paolo d'Egina. Leone Medico. Torino, 2006. P. 21–29.

[3] *Schröder H.O.* Oreibasios // RE Supplementband VII. Stuttgart, 1940. S. 797-812. Оригинальные тексты всех сохранившихся сочинений Орибасия можно найти

СОХРАНЕНИЕ ЭЛЕМЕНТОВ ТЕТРАРХИИ НА РУБЕЖЕ IV-V ВВ.

Д.Е. Богданов

В статье акцентируется внимание на том, что система управления Римской империей, предполагающая разделение власти между 4-мя правителями, установленная императором Диоклетианом в конце III в. для выхода из затяжного политического кризиса, не исчезла с укреплением власти императора Константина. Отдельные её элементы продолжают существовать более века спустя – в годы правления сыновей императора Феодосия Великого.

Ключевые слова: тетрархия, император Феодосий, Диоклетиан, Римская империя, префектуры претора, Запад и Восток.

THE ELEMENTS OF TETRARCHY AT THE TURN OF THE FOURTH AND FIFTH CENTURY A.D.

D.E. Bogdanov

The paper focuses attention on the fact that the system of government where power is divided among four persons which was instituted by the Roman Emperor Diocletian at the end of the third century to overcome the protracted political crisis, did not disappear with the strengthening of Emperor Constantine. Some of its elements continue to exist more than a century later - during the reign of Theodosius the Great and his sons.

Keywords: tetrarchy, Theodosius the Great, Diocletian, the Roman empire, Praetorian prefectures, the West and the East.

В III-IV вв. Римская империя претерпевает значительную политическую трансформацию. Оформление режима домината и разделение государства на части под управлением цезарей и августов[1] требовало усиления контроля над провинциями и укрепления центральной власти, что, в свою очередь, провоцировало изменение роли институтов римского государства, поддерживавших его могущество и процветание на протяжении предшествующих столетий: бюрократический аппарат, право, армия. Особенно дискуссионной эта

в электронном издании Corpus Medicorum Graecorum по адресу: http://cmg.bbaw.de/epubl/online/editionen.html.

[1] *Corcoran S.* The Empire of the Tetrarchs: Imperial Pronouncements and Government AD 284–324, Oxford, 2000.

проблема является при рассмотрении вопросов преемственности (континуитета) в позднеантичную эпоху[1].

Несмотря на неограниченность власти монарха, неизбежным становится противостояние языческого и христианского, варварского и римского, западного и восточного, Рима и провинций, продолжавшееся несколько столетий, которое, в конечном счёте, приведёт к появлению позднеантичной субцивилизации[2].

Конфликт старого и нового определяет уникальность периода Поздней античности (с IV до начала VII вв.), признанного теперь классическим переходным обществом, знаменующим конец античной и начало средневековой истории[3].

Победа Константина над Лицинием в 324 г. привела к объединению частей империи под властью единственного августа и, в то же время, предопределила развитие конфликта между частями Римской империи. Это в 364 г. проявилось в решении императора Валентиниана I принять на себя исключительное управление западной частью Империи и наделить сопоставимыми полномочиями на Востоке своего брата Валента.

Следующим правителем, объединившим под своей властью обе части империи, становится Феодосий Великий, одержавший на закате своего правления победу над Евгением и Аргобастом, однако к внутреннему единству это не привело: в последние годы жизни императора выделяются независимые Западный и Восточный дворы (Zos. IV, 57).

Восточные армии, которые Феодосий повел против Евгения, наряду с войсками Запада, остались под командованием Стилихона, наделив его той огромной военной силой, которой был лишён его противник – Руфин, бывший консулом в 392 г. и оставленный как управитель дел на Востоке. Вернувшись в Рим, Феодосий провозгласил своего сына Гонория императором, передав ему власть над Италией, Испанией, Галлией и Африкой, и объявил Стилихона magister praesentalis (Zos. IV, 59.3), устроив его брак со своей племянницей Сереной.

---

[1] *Болгов Н.Н.* Поздняя античность: история и культура. Белгород, 2009.

[2] Там же. С. 6.

[3] См.: *Ващева И.Ю.* Концепция поздней античности в современной исторической науке // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2009. № 6(1). С. 220-231.

В 395 г. Аркадий становится императором на Востоке, Гонорий – на Западе, хотя правили они лишь номинально: реальная власть находилась в руках их επιτροποι[1] (Zos. V, 1.1).

Этот эпизод до сих пор остаётся неразрешённым: сообщается также, что Феодосий назначил Стилихона «опекуном» обоих сыновей императора (Olymp. 2). Зосим же допускает такое развитие событий с оговоркой: «он [Стилихон] утверждал, что оба императора были поручены ему Феодосием на его смертном одре, и что он должен взять на себя всю заботу о них обоих» (Zos. V.4.3 = Eunap. 63), хотя позднее характеризует Стилихона иначе (Zos. V.35.5-6, может объясняться сменой его источника).

После смерти Феодосия полномочия императора оказались разделены между сыновьями императора, каждый из которых в последующие 10 лет находился под влиянием приближённых (Гонорий – Стилихона, а Аркадий – последовательно: Руфина, Евтропия, Аврелиана, Евдокии), но при этом Гонорий пытался проводить самостоятельную религиозную политику.

Учитывая тот факт, что армии, отправившиеся под командованием Феодосия из Константинополя, обратно не вернулись, а также конфликт между политиками Восточного и Западного дворов, следствием которого стали, например, свержение Руфина, поход Алариха в Грецию и мятеж Гайны, империя оказалась разделена на две части, во главе каждой из которых единовременно находились два правителя.

Для изучения административного, гражданского и военного аппаратов большое значение из сочинений того периода имеет сборник Notitia dignitatum, составленный на рубеже IV-V вв. и содержащий перечисление должностей, существовавших в Римской империи[2].

Структура Notitia dignitatum также подтверждает деление империи на две части, поскольку список должностей для западной части империи дорабатывался и дополнялся вплоть до окончания правления императора Гонория, в то время как информация по должностям командующих армий Востока не менялась практически с момента написания[3]. Подобная ситуация была возможна исключительно при условии автономного развития частей империи, закреплённого, в том числе, благодаря военной и административной реформе Диоклетиана.

---

[1] «Опекунов».

[2] Polemius Silvius. Notitia dignitatum / ed. by O. Seeck. Berolini: apud Weidmannos, 1876.

[3] *Bury J.B.* The Notitia Dignitatum // Journal of Roman Studies. № 10. 1920. P. 131-154.

Таким образом, в 395 г. Римская империя оказалась разделенной на две части: правили два императора, признававшие друг друга, но испытывавшие влияние своих сановников, оформляются два независимых двора и армии, что подтверждается как нарративными, так и нормативными источниками.

Восточная Римская империя будет существовать ещё более 1000 лет и станет краеугольным камнем всей восточно-христианской цивилизации, тогда как Западная Римская империя всего за считанные десятилетия пройдёт путь от величия к коллапсу.

ФЕОДОР ПРИСЦИАН – ЛАТИНСКИЙ ВРАЧ В КОНСТАНТИНОПОЛЕ НАЧ. V В.

А.М. Болгова, Ю.А. Терлецкая

В работе впервые в отечественной науке дается биографический очерк Феодора Присциана – латинского врача африканского происхождения из Константинополя, личного врача императоров Аркадия и Феодосия Младшего. В научном плане его сочинение почти не представляет интереса и не издавалось в новое время даже на Западе. Однако, в ранневизантийской медицинской традиции это имя важно.

Ключевые слова: Феодор Присциан, Константинополь, врач.

THEODORUS PRISCIANUS - LATIN DOCTOR IN CONSTANTINOPLE AT EARLY 5 CENT. A.D.

A.M. Bolgova, Yu.A. Terlezkaya

In this work for the first time in native science there is given a biographical sketch of Theodorus Priscianus - a Latin doctor of African descent from Constantinople, a personal physician of the emperors Arcadius and Theodosius the Younger. His work has almost no interest in scientific terms and it was not published in modern times, even in the West. However, this name is important in the early byzantine medical tradition.

Key words: Theodorus Priscianus, Constantinople, physician.

Феодор[1] Присциан - значительный позднеримский медик, личный лекарь императоров Аркадия и Феодосия II, представитель постепенно приходящей в упадок позднеантичной медицины, все более

[1] В латинской огласовке лучше использовать форму «Теодор», но врач работал на Востоке, поэтому допускаем форму «Феодор».

склонявшейся к магии[1]. Предположительные годы жизни: 350-420 гг., устанавливаются по времени от ученичества будущего врача при Валентиниане (не позднее 375 г.) до службы придворным медиком Феодосия II (не ранее 408 г.).

Сведений о личной жизни Феодора у нас имеется крайне мало, как и у всех его коллег по врачебному цеху позднеантичного времени. Присциан родился в Африке. Учился у известного в свое время врача Виндициана Афра, тоже африканца, во времена Валентиниана (364-375 гг.).

В дальнейшем жил в Константинополе. Вероятно, перебрался сюда во время императора Феодосия I. Впоследствии Присциан становится архиатром (личным врачом) императора Аркадия (395-408), а затем Феодосия Младшего (408-450).

Феодор Присциан принадлежал к эмпирической школе в медицине, хотя в его творчестве заметно влияние методической и догматической школ. Он занимался практической медициной и проповедовал лечение легкодоступными природными средствами, получаемыми из растений, их семян и плодов. Именно о таких средствах писал Присциан в сочинении под заглавием «Домашние лекарственные (болеутоляющие) средства» (Euporista) в 3 книгах, Сначала он написал его по-гречески, а впоследствии составил сокращенный латинский вариант, и только этот вариант сохранился. Сборник посвящен сыну врача – Евсевию. Второе название этого сочинения - «Физика»; от него уцелели только предисловие и по одной главе из разделов о головной боли и эпилепсии.

Присциан известен, прежде всего, основным своим трудом «Медицинские вопросы» (Rerum Medicarum Libri) в 4 книгах, которое было выпущено в 408 г. В первой книге предоставляются определения внешних заболеваний, вторая книга посвящена внутренним болезням, третья — женским заболеваниям, четвертая — физиологии. В предисловии Присциан выступает против споров врачей у постели больного, против их зависимости от иностранных средств лечения. Он отдает предпочтение именно родным, римским средствам и методам лечения.

Присциан в своем творчестве был компилятором. В числе своих источников он называет Гиппократа, Виндициана и др. Стиль его ясен

---

[1] *Fraisse A.* Médecine rationnelle et irrationnelle dans le livre I des Euporista de Théodore Priscien // *Palmieri N. (ed.).* Rationnel et irrationnel dans la médecine ancienne et médiévale: aspects historiques, scientifiques et culturels. Saint-Étienne, 2003. P. 183-192. См. также мнение У.А. Гринхилла: «Несколько лекарств, которые Присциан упоминает, являются абсурдными и суеверными, стиль и язык работы плохие, и в целом это малоинтересно и лишено ценности».

и лаконичен, с некоторыми риторическими фигурами, часто встречаются греческие специальные термины. У врачей в эпоху Поздней античности он пользовался большим уважением[1].

Впервые основное произведение Феодора Присциана было опубликовано в 1531 г. в Страсбурге[2], а затем в Базеле. Из них последний текст более исправный, но не настолько полный, как и вся четвертая книга, а также несколько глав первой и второй книг. Текст Присциана также появился в «Экспериментарии лекарственных средств», 1544 г., и в Aldine Collection Medici Antiqui Latini, 1547, folio, Венеция. Дж. М. Бернхольд опубликовал более новое издание в 1791 г. в Ансбахе, но напечатал только первый том, в котором была первая книга и часть второй.

Рукописи и первые издания данных сочинений указывают автора просто как Феодора.

Rerum Medicarum Libri Quatuor иногда также приписывают некоему, более нигде не известному Октавию Горациану. Однако, традиционная их принадлежность Феодору Присциану ныне не оспаривается.

Присциан также обычно считается автором короткой латинской работы под названием Diaeta sive de Rebus Salutaribus Liber.

Феодор Присциан принадлежит к ряду латинских авторов из Африки, которые переехали в Константинополь и продолжали там писать по-латински (Присциан Грамматик Цезарейский, Кресконий Корипп). Также Феодора Присциана можно поставить по роду деятельности в один ряд с более известными придворными врачами византийских императоров и императриц: Аркадий и Феодосий Младший (Феодор Присциан), Юстиниан (Александр Траллький), Феодора (Аэций Амидский). Научных исследований наследия Феодора Присциана в исторической науке совершенно нет.

ОСОБЕННОСТИ РАННЕВИЗАНТИЙСКОГО ПАЛОМНИЧЕСТВА В СВЯТУЮ ЗЕМЛЮ (ПО ПАЛОМНИКУ ИЗ ПЬЯЧЕНЦЫ)

Е.О. Родина

---

[1] Античные писатели. СПб., 1999. С. 299.

[2] Theodorus Priscianus. Rerum Medicarum Libri Quatuor, ed. Argent. 1531; Theodori Prisciani Archiatri ad Timotheum fratrem – Phaenomenon Euporiston Liber I Logicus Liber II Gynaecea ad Saluinam Liber III. 1531. 150 p.

В данной статье рассматриваются отдельные детали первых паломничеств к Святой Земле. Основное внимание уделяется описанию одной из главных святынь христианства – Гроба Господня и деталям почитания его паломниками. Кроме этого, в статье затронуты некоторые особенности пути паломников. Основным источником для данной статьи стал итинерарий анонимного Паломника из Пьяченцы.

Ключевые слова: Паломничество, Ранняя Византия, Святая Земля, итиненарий, Гроб Господень.

THE FEATURES OF EARLY BYZANTINE PILGRIMAGE TO THE HOLY LAND (ON THE PALOMNIC OF THE PIACENZA)

E.O. Rodina

This article is about different details of the first pilgrimages in the Holy Land in early byzantine times. One of the point of the article is a description of the Coffin of the Lord and aspects of its veneration. The article also discusses other aspects of the pilgrimage, for example, some peculiarities of pilgrim's way. Main information took from the Itinerary of anonymous pilgrim from Piacenza.

Key words: pilgrimage, Early Byzantium, the Holy Land, itinerary, the Coffin of the Lord.

Путешествия на Восток имели особое значение для людей, живших в ранневизантийский период. Ведь Ближний Восток – регион, где происходили библейские события. Путешествие к святыням Ближнего Востока позволяло увидеть своими глазами, прикоснуться, ощутить на себе то, что христиане слышали на богослужении или о чём читали в Библии.

Путешественники составляли путеводители – итинерарии, которым скорее подойдёт характеристика дневников. Фактически, всю основную информацию о первых паломничествах мы узнаём именно из них. Кроме маршрута, паломники описывали различные детали самой дороги. Многие факты позволяют сделать вывод о том, что к IV веку паломничество уже стало широко распространённой практикой[1]. Из итинерария паломницы Эгерии понятно, что она путешествовала не одна, так как постоянно упоминает «благочестивых» людей – монахов и пресвитеров, в чьём обществе она и совершила своё путешествие[2]. В

---

[1] *Лидов А.М.* Образ Небесного Иерусалима в восточнохристианской иконографии // Иерусалим в русской культуре / Сост. А.Л. Баталов, А.М. Лидов. М., 1994. С. 17.

[2] *Ненарокова М.Р.* Чудеса Востока глазами средневековых европейских путешественников, Культурологический журнал, 2014, №3 [Электронный ресурс], Режим доступа: http://www.intelros.ru/readroom/kulturologicheskiy-zhurnal/ku3-

её дневнике также упоминаются «проводники», которые рассказывали о святынях, объяснили, как и где надо совершать молитву. Анонимный паломник из Пьяченцы в своём путеводителе рассказывает о существовавшей тогда сети хосписов, построенных специально для больных, направляющихся к святыням за исцелением. Кроме того, такая сеть делала путешествия доступными даже для малообеспеченных людей.

Путешествия такого рода длились очень долго: Эгерия путешествовала по библейским местам около 4 лет. Путешествия были долгими из-за своей природы: как пишет паломник из Пьяченцы, даже по хорошо развитой римской дороге пройти более 20 миль в день пешком или даже на осле было бы большой удачей. Кроме того, в пути приходилось делать большое количество остановок. Он также рассказывает о многочисленных опасностях, затруднявших их путь. Он пишет про ночные нападения диких животных (в частности, львов) и разбойников (сарацинов на Синае), жаждущих богатой добычи. По словам паломника, страшнее этих нападений была ненависть местного населения. Вот так паломник описывает встречу с иудеями и самаритянами к северу от Синая: «*Было несколько самаритянских городов и деревень на нашем пути через равнины, и где бы мы ни проходили по улицам, они сжигали наши следы смолой, будь то христиане или евреи, у них был одинаковый ужас. ... Когда ты приезжаешь, они проклинают тебя. Ты не должен в них плевать. Если вы так делаете, то начинаете бедствия, и после этого, прежде чем войти в город или деревню, они должны очистить себя водой».*[1]

Наиболее важной информацией в паломнических отчётах является описание святых, а также обычаев и обрядов, связанных с ними. Паломник из Пьяченцы даёт очень содержательное описание Гроба Господня. Он был найден по инициативе Константина Великого. Он был обнаружен в земляном заполнении под римским храмом на севере города. Гробница представляла собой в буквальном смысле пещеру в живой скале, поэтому рабочие сначала «вырезали» её из ландшафта, а позже достойно украсили её «редкими колоннами». Здесь паломник сделал одну из первых остановок и, видимо, роскошные украшения этой святыни оставили неизгладимые впечатления. Паломник оставил следующее описание: *«После того, как мы пали и поцеловали землю, мы вошли в Святой Город и почтили Гроб Господень. Гробница высечена в живой скале, в самой скале… … В том месте, где было поло-*

2014/25385-chudesa-vostoka-glazami-srednevekovyh-evropeyskih-puteshestvennikov.html (дата обращения: 13.11.2017).

[1] *Wilkinson J.* Jerusalem Pilgrims before the Crusaders. Warminster, 1977. P. 75.

жено Тело Господне, около головы помещена бронзовая лампа. Камень, который закрывал Гробницу, находится перед дверью Гробницы и состоит из породы такого же цвета, он высечен камень из Голгофы. Этот камень украшен золотом и драгоценными камнями, но камень, на который было возложено Тело Господне, похож на жернова. Огромное количество украшений свисает с железных прутиков: браслеты, ожерелья, кольца, диадемы, плетёные пояса, ремни, императорская корона из золота с драгоценными камнями. Гробница покрыта серебряным конусом с золотыми балками».[1]

Подробное описание Гроба Господня и храма Воскресения встречается у епископа Аркульфа, которое датируется концом VII века: *«весьма обширная церковь, вся каменная, на удивление круглая»*[2]*; «В срединном пространстве …[церкви]… находится круглое здание, из целого камня высеченный шатер, в котором могут молиться стоя трижды три человека…Вход этого шатра обращен на восток, и весь вход снаружи отделан лучшим мрамором. Снаружи его высокая верхушка, украшенная золотом, несет немалый золотой крест»*[3]

Любой паломник хотел бы увезти с собой частичку благодати с собой. С распространением паломничества появляется такой артефакт - евлогии (от греч. «благословение») – памятная церковная реликвия, которая представляет собой свинцовую ампулу с частичками мощей или флакон из стекла или глины со святой водой, маслом, или землёй, освящённой соприкосновением со святой реликвией. Часто на такие литургические «сувениры» наносились изображения святых, которым был посвящён храм, или надписи «Елей древа жизни святых мест Христовых», «Благословение господа от святых мест Христовых», «Благословение Господа на вас» и пр. Паломник из Пьяченцы описывает процесс получения такого «благословения»: *«... В том месте, где было положено тело Господа, около головы была помещена бронзовая лампа. Она горит день и ночь, и мы взяли благословение из неё, а затем вернули её обратно. Землю, которую принесли и положили сверху могилы те, кто уходят, забирают с собой как благословение».*[4]

Таким образом, итинерарии позволяют увидеть первые паломничества в мелких деталях и с разных сторон. На основании имеющихся источников можно утверждать, что паломничества к концу VI века стали постоянной практикой, а схожие описания святых мест и

---

[1] Ibid. P. 175.
[2] *Лидов А.М.* (ред.-сост.). Реликвии в Византии и Древней Руси: Письменные источники. М.: Прогресс-традиция, 2006. С. 258.
[3] Там же. С. 259.
[4] *Wilkinson J.* Jerusalem Pilgrims before the Crusaders. Warminster, 1977. P. 176.

совершавшихся литургий или других обрядов помогают сформировать образ Святой Земли в ранневизантийский период.

ТРАКТАТ «ДИОН» И КУЛЬТУРНЫЙ ИДЕАЛ СИНЕЗИЯ

А.А. Гречухина

В статье рассматривается приверженность Синезия эллинизму как культурному идеалу. Его трактакт «О жизни по Диону» предназначен для руководства на пути к мудрости посредством правильного подхода к греческой литературе и философии. Также рассматриваются личное отношение Синезия к различным религиозно-философским группам и монашеству.

Ключевые слова: Синезий, трактат, эллинизм, культура, религия, варваризация.

THE TREATISE «DION» AND THE CULTURAL IDEAL OF SYNESIUS

A.A.Grechukhina

The article considers the adherence of Synesius to Hellenism as a cultural ideal. His treatise «Dion» is intended to guide the way to wisdom through a correct approach to Greek literature and philosophy. Also it considers the personal relationships of Synesius with various religious and philosophical groups and monasticism.

Key words: Sineusius, treatise, Hellenism, culture, religion, barbarization.

Неоплатонические язычники поздней Римской империи использовали термин «эллинизм» для представления идеала, в котором неразрывно связаны культурные, философские и религиозные аспекты существования. Благочестивые эллины были настроены не терять связь с наследием несравненного прошлого, которое наряду с философией помогало обеспечить ключ к пониманию места человека в мире, космосе.

Таким образом, эллинизм не мог быть просто синонимом греческого литературного образования, доступным как для христиан, так и для язычников, и часто использовался для украшения риторических экспонатов номинальных язычников, у которых не было серьезных религиозных обязательств.[1]

Эллинизм обеспечивал единственный безопасный путь к истинному знанию и правильной интерпретации действительности. Не слу-

---

[1] *Bregman J.* Synesios of Cyrene: philosopher-bishop. Berkeley – Los Angeles – London, 1982.

чайно грекоязычные христианские писатели часто использовали слово «эллинизм» для обозначения язычества.[1] Многие языческие неоплатоники создали сильную связь, связывающую эллинскую культуру и религию.

Идеи Синезия во многом схожи с идеями языческих авторов. Его религиозные взгляды заставили его найти способ привести эллинизм в гармонию с христианством. Его уникальность заключается в том, что даже как христианский епископ, он смог отчасти сохранить свою эллинистическую религиозность и ее богословский фон, а также свою эллинскую культурную основу. В то же время, он избегал конкретного нападения на языческие культы.

Приверженность Синезия эллинизму как культурному идеалу наиболее ярко проявляется в его трактате «О жизни по Диону»[2]. В этом произведении Синезий дает наиболее последовательную и подробную апологию классического знания. Трактат был написан в 404-406 гг., то есть примерно тогда же, когда латинские антиязыческие поэмы получили особое распространение на Западе и когда они пользовались популярностью в христианской публицистике - в начале V в.

Это прозаическая работа, написанная в форме богодухновенного обращения к сыну (еще нерожденному), который предназначен для руководства его на пути к мудрости посредством правильного подхода к греческой литературе и философии.

По факту этот трактат является апологией образа жизни самого Синезия. Работа начинается с описания великих софистических, риторических способностей и с последующего отрицания софистики в пользу философии оратора и философа Диона Хрисостома (II век). Но Дион, согласно модели Синезия, не оставил ораторское искусство, когда начал заниматься философией, более того, он привлек обучение и письмо в качестве помощи для истинной мудрости, а не просто для демонстрации своего мастерства.

Автор утверждает, что активная жизнь хорошего эллина, пекущегося об образовании и частной публичной добродетели, может быть совмещена с повседневной жизнью. Философскому мистику не нужно и не должно отказываться от культурных удовольствий.

Сам Синезий был также поэтом, ритором, философом и мистиком. Это путь истинного эллина - человека, для которого культура яв-

---

[1] *Lacombrade C.* Synesios de Cyrene: hellene et chretien. Paris, 1951.

[2] *Синезий Киренский*. О жизни по Диону // Синезий Киренский. Трактаты и гимны / Пер. с др.-греч., статья, комм. Т. Г. Сидаша. Том I. СПб.: Свое издательство, 2012. С. 139–177.

ляется определяющей силой в серьезных и несерьезных направлениях деятельности. Так он описывает свой собственный идеал жизни.

Таким образом, избегая духовного фанатизма и духовных эксцессов любых типов, Синезий представляет нам картину эллинизма, которая включает литературное образование как необходимость для философа.

«...Наилучшее состоит в том, чтобы иметь от природы ум, годный для любого дела, т.е. ум в действительности – ум риторический и ум поэтический – пусть бы он и не достигал во всех них последних вершин. В наш мир уже приходили такие люди, наделенные такими способностями, проникнутые величием, наделенные внутренним знанием: люди, не нуждавшиеся в обучении, становившиеся сами образцами для подражания в своих искусствах. Но, конечно же, большинству людей не выпала эта благая судьба, некоторые же весьма далеки от этого – это умы в возможности. Эти вот умы в возможности – одни больше, другие меньше, одни ближе, другие дальше находящиеся от цели – ведомы умами в действительности к их цели, поскольку сами умы в действительности суть достигнутые цели своих действий [к этому они ведут и умы в возможности]. Вся работа наша с книгами направлена к единственной цели – пробудить возможное в нас к действительности. …Вместе с тем уму следует привыкнуть не зависеть ни от кого кроме себя» [О жизни по Диону, 17. 1-3][1].

«Будучи человеком и переменным, мы не можем всегда размышлять. Для этого нужно также искать более человеческие формы литературы, потому что, когда наши души сойдутся от созерцания, они могут быть освежены буквами без дальнейшего спуска в материю. Наша природа стремится к обращению, поскольку удовольствие - это то, что душа объединяет тело; поэтому литература может успокоить эту потребность без дальнейшего падения. Только Бог свободен от страстей. Мужчины могут обменивать зло на добродетель, контролируя страсти; бегство от избытка является характерным достижением мудреца» [О жизни по Диону. 112. 8][2].

Это подводит нас к одному из центральных пунктов трактата - сопоставлению Синезия его собственных сбалансированных духовных идеалов с более фанатичными языческими и христианскими мнениями его современников.

В письме к Гипатии [Еп. 154], можно найти критику двух фанатичных групп, вызывавших неприятие у Синезия: это «белые мантии»,

---

[1] Там же. С. 139–177.
[2] Там же.

то есть, часть философов, вероятно философов-язычников, и «черные мантии», то есть, христианские монахи. При этом следует заметить, что второй группе уделяется больше внимания и достается больше критики. Первая группа, которые носят белые мантии философии, специально не идентифицируются автором. Кажется, что наилучшими кандидатами на тех, кого Синезий имел в виду, являются поздние киники, которые были хорошо известны во всех центрах греко-римской империи, начиная со II столетия. Они обещали короткий путь к мудрости, презирая и не понимая знания, дисциплину и усилия, необходимые для жизни философа. По мнению автора, они были вульгарными шарлатанами и популяризаторами, которые плохо относились и презирали ученых.

Что касается критики монашества, то Синезий делал это без обычной горечи, которая была традиционна для языческих эллинистов. По его мнению, монахи были движимы благородными духовными идеалами и старались жить праведной жизнью, но показывали языческую односторонность в их практике добродетели и понимания мудрости. В описаниях ошибок монахов Синезий часто прибегает к противопоставлению «эллинства» и «варварства». Но варварство и эллинство для него - две идеальные установки, которым может следовать человек, независимо от национальности, и лишь отчасти будучи обусловлен воспитанием.

Подводя итог, можно сказать, что трактат «О жизни по Диону» – это своего рода обращение к обществу, которое подвергается опасности скатиться в невежество из-за варваризации империи и наиболее экстремальных тенденций новой волны христианского спиритуализма. Однако, как и у предшествующих ему языческих эллинистов, культурный идеал Синезия был также философско-религиозным. Сказать, что для Синезия и других подобных ему неоплатоников эллинизм обозначал только мудрость или греческую культуру, было бы неправильно. Эллинизм, так, как он его понимал, был мировой необходимостью и базой для развития любой религии, включая христианство. Снова и снова он указывал, что спиритуальные практики греков выше варварских: его критика монашества была не более чем частью обращения к христианству. Он считал эллинизм самым прочным основанием для построения и сохранения отношений между человеком и божественным. Чем больше эллинизировалась бы Церковь, тем лучше она стала бы. Только Церковь с приверженностью эллинизму могла сохранить то, что было лучше всего в старом образе жизни. Конечно, если бы этот процесс не начался, он, вероятно, остался бы язычником. В конце концов, Дион Хризостом, о котором он пишет, нашел бы много, что

было бы приемлемым, даже восхитительным, в новой церкви, которая была удалена от него рядом веков.

Усилия Синезия были направлены, в первую очередь, на улучшение духовной составляющей жизни современного ему общества, и поэтому он критиковал те аспекты христианства, которые, как было сказано выше, считал опасными заблуждениями.

ТЕРРИТОРИАЛЬНО-АДМИНИСТРАТИВНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ В ИСТОРИИ ИЕРУСАЛИМСКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА ЕЁ ИЕРАРХИЧЕСКУЮ ЗНАЧИМОСТЬ

В.П. Кушниров

В статье предлагается рассмотреть развитие епархий Иерусалимской Церкви в I-V веках, так как процесс становления областей владения данного патриархата имел спорную составляющую в вопросе его территориального разграничения.

Ключевые слова: история, Византийская Империя, Палестина, Иерусалимская Православная Церковь, Иерусалимские епархии I-V вв.

TERRITORIAL-ADMINISTRATIVE CHANGES IN THE HISTORY OF THE JERUSALEM ORTHODOX CHURCH AND THEIR INFLUENCE ON ITS HIERARCHICAL SIGNIFICANCE

V.P. Kushnirov

The article proposed to consider the development of the dioceses of the Jerusalem Church at the 1st-5th centuries A.D., since the process of the formation of the areas of possession of this patriarchy had a debatable component in the issue of its territorial division.

Keywords: history, Byzantine Empire, Palestine, the Jerusalem Orthodox Church, the Jerusalem Dioceses I-V cent. A.D.

Как известно в христианском мире Иерусалимская Церковь считается местом его зарождения и устроения. Первым епископом иерусалимским был апостол Иаков, брат Господень[1], который стал мучеником за веру на этой кафедре. То есть, мы видим, что уже в I в., в апостольское время, в Иерусалиме находился иерарх, который де-юре

---

[1] Евсевий Кесарийский. Церковная история, II 23.11-18. Ввод. ст., коммент., библиогр. список и указатели И.В. Кривушина. СПб.: Издательство Олега Абышко, 2013. С. 47.

был главой Иерусалимской христианской общины[1]. С уверенностью можно сказать, что данная Кафедра должна была иметь довольно высокую иерархическую позицию в христианском мире того времени, из-за событий, которые произошли на её территории. Но историко-политические события, а также события, происходившие внутри самой Церкви, не способствовали её развитию и возвышению, а скорее наоборот.

Краткий путь становления данной церковной территориально-административной единицы выглядел примерно так: на первом Вселенском Соборе за Иерусалимским епископом признаются права областного митрополита; Четвёртый Вселенский Собор удостоил Иерусалимского епископа саном патриарха, а Иерусалимской Церкви дал титул Патриархии и почётное пятое место среди других патриархатов. После разделения Церквей Иерусалимский Патриархат занял четвертое место в диптихе Поместных Православных Церквей.

Целью нашего исследования является изучение и анализ зависимости территориального формирования конкретной епископской кафедры от её иерархической значимости.

Исходя из поставленных целей исследования, мы выделим ряд задач: во-первых, выявить специфику формирования и развития епархиальных территорий рассматриваемого региона в обозначенный период времени. Во-вторых, проанализировать закономерные этапы развития иерархической значимости Иерусалимской Кафедры.

В своей работе мы использовали работы выдающихся исследователей, которые занималась исследованием истории христианской церкви, в частности, Иерусалимской Православной церкви, а также Византийской империи. Это такие авторы как Ф.И. Успенский[2], В.М. Лурье[3], А.В. Карташёв[4], А.Л. Дворкин [5], В.С. Блохин[6], В.В. Болотов[7], А.Л. Дворкин[8], А.П. Лебедев[1], Архиеп. П. Л`Юилье[2], А.Н. Муравьев[3],

---

[1] *Лебедев А.П.* Духовенство древней Вселенской Церкви от времен апостольских до X века. СПб.: Издательство Олега Абышко, 2003. С. 62.

[2] *Успенский Ф.И.* История Византийской империи. VI–IX вв. М., 1996.

[3] *Лурье В.М.* История Византийской философии. Формативный период. СПб., 2006.

[4] *Карташев А.В.* Вселенские соборы. М., 1994.

[5] *Дворкин А.* Очерки по истории Вселенской Православной Церкви. Курс лекций. Нижний Новгород, 2003.

[6] *Блохин В.С.* История поместных Православных Церквей. Екатеринбург, 2004.

[7] *Болотов В.В.* Лекции по истории древней церкви. Том 4. СПб.: Аксион эстин, 2006.

[8] *Дворкин А.Л.* Очерки по истории Вселенской Православной Церкви. Нижний Новгород, 2005.

В. Мыщцын[4], И.С. Свенцицкая[5], И.И. Соколов [6] , прот. В.А. Цыпин[7].

Главным источником по изучению истории развития Иерусалимской Церкви является Новый Завет, в частности, некоторые его книги: Деяния Святых апостолов[8], апостольские послания[9]. Также большое значение имеют произведения различных раннехристианских авторов: «Церковная история» Евсевия Кесарийского[10], сочинения Тертуллиана[11], Климента епископа Римского[12], а также акты вселенских и поместных соборов I-V вв.[13]

В век апостолов Иерусалимская Церковь, по сути, была митрополией для всех Церквей в Иудее, Самарии и Галилее[14]. В 70-е годы н.э., после разрушения Иерусалима, вся местная община христиан перебралась из-за гонений в греческий город Пеллу[15]. В этот момент Иерусалимская Церковь теряет ту значимость, которой она пользовалась до этого момента. Впоследствии, по прошествии некоторого вре-

---

[1] *Лебедев А.П.* Духовенство древней Вселенской Церкви от времен апостольских до X века. СПб.: Изд. Олега Абышко, 2003.

[2] *Архиепископ Петр (Л`Юилье)*. Правила Первых четырех Вселенских Соборов / Авториз. пер. с франц.; под ред. прот. Владислава Цыпина. М.: Изд. Сретенского монастыря, 2005.

[3] *Муравьев А.Н.* История св. града Иерусалима от времен апостольских и до наших. СПб., 1844. Ч. 1.

[4] *Мыщцын В.* Устройство Христианской Церкви в первые два века. Сергиев Посад, 1909.

[5] *Свенцицкая И.С.* Раннее христианство: страницы истории. М.: Издательство политической литературы, 1988.

[6] *Соколов И.И.* Избрание архиереев в Византии IX-XV вв.: Ист.-прав. очерк // ВВ. 1917. Т. 22 (1915/1916). Вып. 3/4. С. 193-252.

[7] *Цыпин В., протоиерей.* Курс Церковного права. Клин: Христианская жизнь, 2002.

[8] *Деяния Святых апостолов*. Новый Завет [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://manuscript-bible.ru/index.htm, (дата обращения: 23 мая 2017).

[9] *Послание к Титу*. Новый Завет [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://manuscript-bible.ru/index.htm, (дата обращения: 24 мая 2017).

[10] Euseb. Hist. eccl. V 22, 25.

[11] Tertull. De praescript. haer. 32; Idem. Adv. Marcion. 4. 5.

[12] Clem. Rom. Ep. I.

[13] Акты соборов изд. Mansi, тт. VII—IX.

[14] *Мыщцын В.* Устройство Христианской Церкви в первые два века. Сергиев Посад, 1909. С. 108.

[15] *Муравьев А.Н.* История св. града Иерусалима от времен апостольских и до наших. СПб., 1844. Ч. 1. С. 199-216.

мени, император Адриан основал небольшой город на руинах Иерусалима с названием Элия (Aaelia Capitolina)[1].

В подтверждение можно найти эту информацию у Евсевия, согласно которому Иерусалимская церковь была разогнана дважды, в 70 и 135 гг. — разница заключалась в том, что, начиная с 70 и заканчивая 130 г., Иерусалимские епископы носят явно еврейские имена, в то время как после 135 г. епископы Элии Капитолины, по всей видимости, являются греками.

В этом городе была образована новая христианская община, члены которой были обращены из местного языческого населения, со своим епископом. Хотя этот епископ и имел свою резиденцию на месте старого Иерусалима, но в плане иерархического значения не занимал того положения, которое имели его предшественники. Данная территория находилась в подчинении у Кесарийского епископа, так как после разрушения Иерусалима этот город стал центром Палестины, а тот, в свою очередь, находился в подчинении у патриарха Антиохии. Иерусалимские епископы во II-III вв., наряду с епископами Кесарии Палестинской, председательствуют на соборах[2].

Во время Первого Вселенского Собора, состоявшегося в Никее в 325 г. были установлены правила иерархических отношений между упомянутыми в нем первенствующими Церквами. Иерусалимский иерарх был присоединён к ним, как епископ города, в котором произошли Евангельские события, и который освящен жизнью, смертью и воскресением Иисуса Христа – Основателя Церкви.

В правилах этого собора говорится о утвердившемся обычае и древнем почитании воздавать всегда особым образом уважение епископу Святого Города[3]. Вследствие этого, проявив желание закрепить и сохранить это уважение для будущих времён, собор предписывает законом епископу Иерусалима пользоваться принадлежащей ему честью среди прочих епископов данной областной Церкви, т.к. за ним признаётся первенство чести среди всех остальных иерархов данной территории.

После Второго Вселенского Собора, в послании Константинопольского собора 382 г. Иерусалимская Церковь начинает называться «матерью всех церквей». Но из-за того, что Элия (тот же Иерусалим) не занимала господствующего положения в политическом отношении,

---

[1] Там же.

[2] *Евсевий,* V, 23.

[3] *Постановления Первого Вселенского Собора. 7 правило.* Книга Правил святых Апостолов, Святых Соборов, Вселенских и Поместных, и Святых Отцов. М., Синодальная типография, 1893. С. 75.

а находилась в зависимости от города Кесария, то Собор не предоставил Иерусалимскому епископу титула митрополита и его прав, но по-прежнему сохранил их за епископом Кесарии. Такие отношения между двумя епископами продолжались относительно недолго.

На Третьем Вселенском Соборе 431 г. Иерусалимским епископом Ювеналием была совершена попытка выхода из-под протекции кесарийского митрополита и антиохийского патриарха. В его планы входило подчинение на правах патриарха всей Палестины, Финикии и Аравии[1]. Но, его старания были напрасны и его попытки возвышения кафедры не увенчались успехом. Но, в надежде исполнения своих планов он обращается за помощью к императору Феодосию Младшему, который действительно своим личным указом даёт Иерусалимскому епископу Ювеналию права независимого управления территорией Аравии, Финикии и Палестины.

Благодаря этому указу, Ювеналию удаётся взять под свой контроль часть территории, принадлежавшей Антиохийской патриархии. Из-за этих событий между двумя иерархами завязывается долгий и упорный спор за главенство над этими территориями[2].

Только на Четвёртом Вселенском Соборе права иерусалимского епископа были уравнены с правами всех остальных патриархов Поместных Церквей, причем он занял одно из почётных мест. По достижению соглашения между двумя епископами, естественно, недобровольном, территории Аравии и Финикии перешли обратно в ведение Антиохийской Церкви.

Начиная с V века, иерусалимский патриарх обладал исключительным правом выбора митрополитов Верхней Палестины с митрополией в Кесарии, Средней Палестины с митрополией в Скифополе и Нижней Палестины с митрополией в г. Петра. Также в его компетенции находилось право постановления епископов в трёх палестинских провинциях[3].

Итак, можем сделать вывод, что территориально-административные изменение в жизни Иерусалимской Церкви напрямую влияли на её иерархическую значимость.

---

[1] *Блохин В.С.* История поместных Православных Церквей. Екатеринбург: Рос. гос. проф.-пед. ун-т, 2004. С. 244.

[2] *Лебедев А.П.* Духовенство древней Вселенской Церкви от времен апостольских до X века. СПб.: Издательство Олега Абышко, 2003. С. 179.

[3] *Цыпин В., протоиерей.* Курс Церковного права. Клин: Христианская жизнь, 2002. С. 174.

АФИНСКАЯ ШКОЛА НЕОПЛАТОНИЗМА В V ВЕКЕ

А.Г. Ахтырцева

В статье рассматривается философия неоплатонизма на примере Афинской школы V века. Особое внимание уделяется личности Плутарха Афинского, а также его учеников и последователей. Кроме того, анализируются основные черты обучения в Афинской школе, благодаря которым она стала центром философской мысли своего времени.

Ключевые слова: неоплатонизм, Афинская школа, философия, теургия.

THE ATHENIAN SCHOOL OF NEOPLATONISM IN THE V CENTURY

A.G. Akhtyrtseva

The paper discusses the philosophy of Neoplatonism on the example of the Athenian school at the fifth century A.D. Especial attention is paid to the personality of Plutarch of Athens and his disciples and followers. In addition, it analyses the principal features of education in the Athenian school, thanks to which it became a center of philosophical thought of his time.

Keywords: Neoplatonism, the school of Athens, philosophy, Theurgy.

При изучении периода Поздней античности (IV–VII вв.) одной из самых актуальных проблем является проблема трансформации религии и философии, их взаимное переплетение в различных аспектах. На состояние религиозных взглядов этого времени, которые можно охарактеризовать словом «синкретизм», непосредственное влияние оказывали философские и идеалистические направления, в частности, зародившийся в эпоху Поздней античности неоплатонизм – идеалистическое направление философии, основывавшееся на идеях Платона. В данной статье рассматриваются особенности философии неоплатонизма на примере Афинской школы V в., идеи ее последователей, а также основные черты данной философии, что и является целью исследования.

В процессе подготовки данного исследования нами был определен круг источников и историографических трудов, содержащих информацию по заданной проблематике. Информация об Афинской школе неоплатонизма содержится в трудах ее наиболее ярких последователей: труды Прокла[1] как наиболее яркого последователя Плутар-

---

[1] Из комментариев Прокла к платоновскому диалогу «Тимей» / Пер. А. В. Петрова // *Петров А.В.* Феномен теургии: Взаимодействие языческой философии и религиозной практики в эллинистическо-римский период. СПб.: РХГИ; ИД

ха, сумевшего подвести итог философским изысканиям афинского неоплатонизма, а также труды Ямвлиха[1], главы Сирийской школы неоплатонизма, на учение которого опирались афинские неоплатоники, дают нам представление об основах сирийского, и, как следствие, афинского неоплатонизма. Кроме того, несомненно, важны историографические работы, посвященные изучению особенностей Афинской школы неоплатонизма в V веке. Следует обратить внимание на работу Алана Кэмерона «Ямвлих в Афинах»[2]. В данном исследовании автор рассматривает влияние учения Ямвлиха на Афинскую школу. О Плутархе Афинском, как основателе Афинской школы неоплатонизма, пишут зарубежные исследователи: Д. Таормина («Плутарх Афинский»[3]), Э. Эврар[4]. О взаимодействиях Афинской и Александрийской школ пишут Э. Уоттс[5], и Г. Руффини[6]. Главными фундаментальными отечественными трудами по неоплатонизму являются труды А.Ф. Лосева[7]. Подводя итоги историографического обзора, отметим, что избранная нами теми разбирается как в отечественной, так и в зарубежной историографии, но, по сей день, по данной проблематике остаются вопросы, требующие рассмотрения.

Уже в V веке общественный авторитет афинских учителей остался в прошлом. Начала активно усиливаться местная община хри-

---

СПбГУ, 2003. 345 с.; Прокл. Комментарий к «Пармениду» Платона / Пер., ст. и прим. Л. Ю. Лукомского. СПб.: Міръ. 2006. 896 с.; Прокл. Первоосновы теологии / Пер. и комм. А.Ф. Лосева. Тбилиси: Мецниереба, 1972. 176 с.; Прокл. Платоновская теология. Пер. с древнегреч., сост., статья, примечания, указатели, словарь Л.Ю. Лукомского. СПб.: РХГИ, Летний сад, 2001. 624 с.; Proclus. Commentary on Plato’s Parmenides. Tr. by G. R. Morrow, J. Dillon; intr. and notes by J. Dillon. Princ., 1987. 464 p.

[1] Ямвлих. О египетских мистериях / Пер., вступ. ст. и прим. И. Ю. Мельниковой. М.: Алетейа, 2004. 208 с.; Ямвлих. Ответ учителя Абаммона на письмо Порфирия к Анебону (=О мистериях) / Пер. И. И. Маханькова // Знание за пределами науки. М., 1996. 567 с.

[2] *Cameron, Alan*. Iamblichus at Athens // Athenaeum. 45. 1967.

[3] *Taormina D.* Plutarco di Athene. Rome, 1989.

[4] *Evrard E.* Le maître de Plutarque d’Athenes et les origins du Neoplatonisme Athenien // L’Antiquite Classique. 29. 1960.

[5] *Watts E*. Student Travel to Intellectual Centers: What Was the Attraction? // Travel, Communication, and Geography in Late Antiquity / Ed. L. Ellis, F. Kidner. Aldershot, 2004. P. 11-21.

[6] *Ruffini G.* Late Antique Pagan Networks from Athens to the Thebaid // Ancient Alexandria between Egypt and Greece / Ed. W.V. Harris, G. Ruffini. Leiden, 2004. P. 241-257.

[7] *Лосев А.Ф.* История античной эстетики. Том VII. М.: Искусство, 1988. 673 с.

стиан, которые вели борьбу с нехристианскими и языческими элементами народа Афин. Учителя-философы должны были приспособиться к сформировавшемуся окружению, так как их независимость неуклонно уменьшалась, и вопросы религии уже нельзя было обойти. Также в Афинах произошел положительный сдвиг в области образования, которое было связано, прежде всего, с афинскими философами. Но философские школы все же были своеобразным закрытым миром[1]. Афинская школа V в. становится новым центром современной философской мысли и философского обучения. Это было вызвано включением в преподавание неоплатонизма Ямвлиха, который делал акцент на обучении божественному, а на высших уровнях обучения он представлял собой один из видов языческого религиозного обучения. Опор делался на теургию как на основу, представляющую собой ряд ритуальных действий, которые помогали человеку ощутить присутствие божественного разума[2]. Неоплатонизм Ямвлиха представлял собой новую философскую систему в интерпретации текстов, а также в религиозных требованиях. Но хотя Ямвлиховская система мышления не была поддержана слоями интеллектуального общества, она выросла в одну из важных частей жизни Афин – теургия применялась для предотвращения землетрясения в Афинах, как психотерапия[3].

Одним из самых первых и самых известных афинских неоплатоников считается Плутарх Афинский. Он был приверженцем к практике и учению неоплатонизма Ямвлиха[4]. Плутарх использовал «Парменида» Платона для построения своей философии. Главным положением его философии было классическое учение неоплатонизма о трех основных ступенях иерархии – Едином, Уме и Душе. Но Плутарх добавляет к трем ступеням бытия еще две, которые называет эйдосом и материей[5]. Академия Плутарха была основана в конце IV века[6], эта школа и ее основатель приобрели огромную известность, студенты прибывали в Афины со всего Средиземноморья. Студентов привлекала Афинская школа, потому что, например, в Александрии при чтении философов использовались толкования, недостойные философской мысли, им нужна была философия, которая являлась подлинным пре-

---

[1] *Cameron, Alan*. Iamblichus at Athens // Athenaeum. 45. 1967. P. 143-153.
[2] Ibid. P. 153-155.
[3] Там же. P. 156.
[4] *Taormina D.* Plutarco di Athene. Rome, 1989. P. 107-144.
[5] Ibid. P. 107-108.
[6] *Evrard E.* Le maître de Plutarque d'Athenes et les origins du Neoplatonisme Athenien // L'Antiquite Classique. 29. 1960. P. 109.

емником учения Платона[1]. Школа не была посвящена исключительно религиозным аспектам неоплатонизма, хоть и самые высшие уровни этой системы имели наиболее глубокий религиозный характер. В этой школе выдвигались и нерелигиозные элементы философии. Основные направления философского обучения ориентировались на то, чтобы дать студентам базу философской традиции. Но на высшем уровне школа уже занималась обслуживанием конкретной аудитории язычников, искавших учения, которое бы акцентировало внимание на религиозных аспектах[2]. В условиях того времени, когда влияние христианства стало очень высоким, такой характер обучения в ранней Афинской неоплатонической школе сделал возможным уникальные черты личности Плутарха[3]. Он являлся одной из наиболее важных фигур в афинском обществе, поэтому был уверен, что его общественная деятельность была способна оказать помощь ему самому и его школе[4].

Помимо Плутарха, философами, заложившими основы афинского неоплатонизма можно считать его учеников. Гиерокл Александрийский считал, что первичное начало всего – это бог, а все остальное он называет лишь какой-либо иерархической принадлежностью ему[5]. Философ являлся приверженцем диалектического монизма, отрицал, что материя могла существовать до творца, независимо от него[6]. Он также устанавливает иерархию мира, делит ее на небесных богов, богов, находящихся между землей и небом и низшую сферу – людей[7]. Также очень интересно его учение о неком светоносном теле, которое управляет жизнью души и само, по сути, является ее жизнью. Световое тело создано творцом и вкладывается в человека с рождением[8].

Еще один представитель ранней Афинской школы неоплатонизма - Сириан Александрийский. Учение о Едином Сириан разделяет на непознаваемое абсолютно и непознаваемое относительно. Единое

---

[1] Ibid. P. 22.

[2] *Ruffini G.* Late Antique Pagan Networks from Athens to the Thebaid // Ancient Alexandria between Egypt and Greece / Ed. W.V. Harris, G. Ruffini. Leiden, 2004. P. 241-257.

[3] *Evrard E.* Le maître de Plutarque d'Athenes et les origins du Neoplatonisme Athenien // L'Antiquite Classique. 29. 1960. P. 563.

[4] Ibid. P. 564.

[5] *Шичалин Ю.А.* Гиерокл Александрийский // Античная философия: Энциклопедический словарь. М., 2008. С. 270.

[6] Там же. С. 271.

[7] *Лосев А.Ф.* История античной эстетики. Поздний эллинизм. М.: Искусство, 1980. С. 211.

[8] Там же. С. 212-213.

Сириан считает непознаваемым абсолютно, но вот идею о нём он считает познаваемой. Кроме того, Сириан развивал мысль о творческом уме, который является творцом, находится на вершине мира интеллектуального и является главным из богов. Также именно Сириан первым начинает делить существа на богов, ангелов, демонов и героев, приписывал важное значение мистериям[1].

Крупнейшим и самым ярким представителем Афинской школы неоплатонизма был Прокл. В Афинской школе он был ближайшим сподвижником и учеником Сириана, которому удалось углубить и более детально рассмотреть уже имеющиеся основы неоплатонизма[2]. Что касается проблемы Единого, то Проклом оно называется просто богом, наряду с которым существуют и другие божества. Триадический принцип построения мира Прокл делит на три момента: душа пребывает в себе самой, после этого она выступает из себя и третий этап – это возвращение. В своей триаде категорию Ума Прокл подразделял на три составляющие – мыслимый ум, мыслящий ум и ум, возвращающийся к себе самому. Кроме того, в своей трактовке триады Прокл впервые объясняет сам принцип эманации – появления всего из Единого[3].

Учеником Прокла и следующим главой Афинской школы неоплатонизма стал Дамаский. Его деятельность относилась уже к концу V века. Многие исследователи считают его символом гибели всей философии античности, так как он стал последним главой школы. Дамаский оставался верным последователем Прокла[4].

Таким образом, на основе сделанных нами наблюдений, мы можем сделать вывод о том, что Афинская школа неоплатонизма в V веке отличалась большой степенью образованности и оригинальности умов ее последователей. Она не была посвящена исключительно религиозным аспектам, хоть и самые высшие уровни этой системы имели наиболее глубокий религиозный характер. Эта школа представляла собой центр философской мысли. Такое стало возможно, во-первых, благодаря включению в систему преподавания неоплатонизма Ямвлиха, во-вторых, благодаря тому, что афинский неоплатонизм являлся

---

[1] *Lautner, Peter*. Different Types of Λόγοι and Their Place in Empirical Knowledge and Noetic Understanding in Syrianus. // Ancient Philosophy 29 (2). 2000. P. 373-390.

[2] *Месяц С.В.* Прокл // Античная философия: Энциклопедический словарь. М., 2008. С. 628—643.

[3] *Bastid P.* Proclus et le crepuscule de la pensee grecque. Paris, 1969. P. 137-140.

[4] *Лосев А.Ф.* История античной эстетики. Последние века. Кн. 1. М.: Мысль, 1988. С. 339-367.

прямым преемником учения Платона, и, в третьих, непосредственно из-за самой личности основателя школы – Плутарха Афинского, обладавшего огромным авторитетом в обществе. Каждый представитель Афинской школы являлся преемником предыдущего, основывая свои изыскания на уже проделанной работе, но, тем не менее, все они представляли значимые фигуры в философии неоплатонизма и каждый из них смог привнести в нее что-то новое.

«*SIDONIANA*»: КРАТКО ОБ ОСНОВНЫХ ТЕНДЕНЦИЯХ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ ПИСЬМЕННОГО НАСЛЕДИЯ АПОЛЛИНАРИЯ СИДОНИЯ

Е.В. Литовченко

Статья посвящена краткому обзору отечественной историографии Сидония Аполлинария. Автор рассматривает исследования с середины XIX в. до наших дней, при этом, в фокусе внимания оказываются основные тенденции восприятия образа и наследия Сидония. В статье также анализируются ключевые работы, связанные с изучением творчества галло-римского аристократа и епископа.

Ключевые слова: отечественная историография, Сидоний Аполлинарий, позднеримская Галлия.

«*SIDONIANA*»: ABOUT THE MAIN TRENDS OF SIDONIUS APOLLINARIS' RUSSIAN HISTORIOGRAPHY IN BRIEF

E.V. Litovchenko

The paper deals with the short analysis of Sidonius' historiography in Russia from the middle of the 19th century to nowadays. The author focuses on the main trends in perception of Sidonius' personality and his heritage and represents basic works related to Gallo-Roman nobleman and bishop Sidonius Apollinaris.

Key words: Russian historiography, Sidonius Apollinaris, Late Roman Gaul.

Личность галло-римского аристократа и епископа V века Сидония Аполлинария была и остается притягательной для исследователей всех мастей на протяжении почти двух столетий в силу неоднозначности его натуры, соединившей традиционные черты позднеримского нобиля и христианского пастыря, а также - авторства целого массива писем и стихотворений, погружающих читателя в реальный мир позднеантичной эпохи. Интерес зарубежных историков во многом связан с

территориальной «наследственностью» (Галлия-Франция)[1] и вниманием к изменениям эпохального масштаба, со всей полнотой отразившихся в произведениях данного автора. Последнее обстоятельство не менее значимо и для отечественной науки.

Начало исследованиям литературного творчества Сидония было положено еще во второй половине XIX века. Так, в 1862-1865 годах М.М. Стасюлевич издал трёхтомную хрестоматию «История средних веков, в её источниках и современных писателях»[2]. В первом томе содержатся переводы сочинений Сидония, которые представляют собой иллюстрацию картины жизни позднеантичного общества накануне падения Западной Римской империи.

Еще раньше в 1855 г. С.В. Ешевский защитил диссертацию «Кай Соллий Аполлинарий Сидоний. Эпизод из литературной и политической жизни Галлии V века», однако, опубликована она была позже, в 1870 г.[3] Данная публикация породила острую научную дискуссию между С.В. Ешевским и П.Н. Кудрявцевым[4]. Первый фокусировал внимание на сохранении традиционных элементов классической культуры в сознании и трудах Сидония, констатируя оскудение последней. Подход второго в большей степени медиевальный, с акцентуацией на зарождении новых, чуждых классической античности установок.

Необходимо отметить еще двух авторов, которые в период с начала XX в. до Октябрьской революции 1917 г., так или иначе, проявляли интерес к Сидонию. Это В.В. Латышев[5] и Л.П. Карсавин[6]. И,

---

[1] См., например: *Grégoire J. F., Collombet F. Z. Oeuvres de C. Sollius Apollinaris Sidonius.* Paris, 1836; *Germain A.* Essai littéraire et historique sur Apollinaris Sidonius. Montpellier, 1840; *Amherdt D.* Sidoine Apollinaire, Le quatrième livre de la correspondance: Introduction et commentaire. Bern, 2001 et al.

[2] *Стасюлевич М.М.* История средних веков в ее писателях и исследованиях новейших ученых (Тт. 1-3; СПб., 1862-65). История Средних веков: от падения Западной Римской империи до Карла Великого (476–768 гг.) / Сост. М.М. Стасюлевич. 3-е изд., испр. и доп. М.; СПб., 2001. 592 с. [репр. изд.]

[3] *Ешевский С.В.* К.С. Аполлинарий Сидоний: Эпизод из литературной и политической истории Галлии V в. // *Ешевский С.В.* Собрание сочинений в 3-х т. М., 1870. Т. 3. С. 3-342.

[4] *Кудрявцев П.Н.* О сочинении С.В. Ешевского «Аполлинарий Сидоний» // *Кудрявцев П.Н.* Собр. соч.: В 3-х т. М., 1881. Т. 1. С. 239-302.

[5] *Аполлинарий Сидоний.* Письма. (Отрывки). - 2 стихотворения. Панегирики. (Отрывки) // Scythica et Caucasica... Т. II. Вып. 2, 1906. С. 418-426. Лат. текст и пер. *В.В. Латышева*.

[6] *Карсавин Л.П.* Из истории духовной культуры падающей Римской империи (политические взгляды Сидония). СПб., 1908. 54 с.; *Карсавин Л.П.* Магнаты

если Василия Васильевича Латышева интересовали преимущественно известия древних писателей, греческих и латинских, о Скифии и Кавказе, а не личность самого Сидония, то Лев Платонович Карсавин сосредоточился именно на мировоззрении галло-римского магната V века. Карсавин утверждал, что политические взгляды и деятельность Сидония обусловлены его ориентацией на великое прошлое Римской империи, а приверженность античному наследию отражает лишь стереотипы мышления позднеримского аристократа и нисколько не противоречит его складывающемуся христианскому мировоззрению.

Благодаря господствовавшему в советский период марксистскому подходу к восприятию истории, интерес к отдельной личности, несопоставимой по своим масштабам с фигурами типа Августина Блаженного, практически отсутствовал, а, если и проявлялся, то только с целью пропаганды господствовавших идеологических установок. Так, перевод фрагментов писем и стихотворений Сидония был сделан А.В. Мишулиным[1], дабы акцентировать внимание на социальной борьбе в Риме, в частности, на восстании Спартака.

В целом в XX веке в советской историографии сложилось два подхода в восприятии творчества Сидония: исторический и литературоведческий.

В 70-е-90-е годы прошлого столетия появилась серия работ филологов, посвященных истории древнеримской и средневековой литературы, в которых определенное место отводилось очеркам и переводам стихотворений и писем Сидония.

В очерке о Сидонии И.Н. Голенищев-Кутузов[2] не только анализирует художественную ценность сочинений позднеантичного литератора, но и обращает внимание на особенности его мировосприятия, при этом автор очерка склоняется к тому, что Сидоний являлся «не столько пастырем, сколько общественным деятелем» (С. 40). В труде «От античности к Средневековью (V–VI вв.)»[3] авторы постулируют

конца Римской империи: Быт и религия // К 25-летию ученой и педагогической деятельности И.М. Гревса: Сб. статей его учеников. СПб., 1911. 62 с.

[1] *Аполлинарий Сидоний*. Письма, III, 13. Стихотворения, II. 237; IX. 252. Перевод // *Мишулин А.В.* Спартаковское восстание. Революция рабов в Риме в 1 в. до н.э. М., 1936. С. 257-258.

[2] *Голенищев-Кутузов И.Н.* Средневековая латинская литература Италии. М., 1972. 312 с.

[3] *Аверинцев С.С., Гаспаров М.Л., Самарин Р.М.* От античности к Средневековью (V–VI вв.): [Латинская литература] // История всемирной литературы: В 9 т. М., 1984. Т. 2. С. 446-449.

мысль о том, что общий дух творчества Сидония оставался неизменным на протяжении всей его жизни.

Переводам поэзии и посланий Сидония посвятили значительную часть своей деятельности филологи-классики С. Ошеров и Ф. Петровский[1]. Федор Александрович Петровский подчеркивает стремление Сидония, присущее и другим «последним римлянам», сохранить римскую культуру, а также его патриотические настроения, связанные с мечтой о восстановлении могущества римской державы как гаранта процветания Галлии и его родной Оверни[2].

Историками, занимавшимися переводами и интерпретацией сочинений Сидония, были О.Н. Мамина в 80-е годы прошлого века, а также Н.Н. Трухина, Е.В. Литовченко, Д.В. Буяров, Д.С. Коньков, Э.М. Манукян в первые десятилетия 2000-х гг.

В своей диссертации Ольга Николаевна Мамина[3] ставит своей целью реконструкцию картины мира позднеантичного автора. При этом О.Н. Маминой свойственен однозначный социальный детерминатизм образа Сидония: она относит его к языческим авторам, а его поведение и образ жизни в целом объясняет его происхождением, воспитанием и образованием.

Наталья Николаевна Трухина, представляющая исторический факультет МГУ им. Ломоносова, является автором переводов на русский язык некоторых писем Сидония, опубликованных в хрестоматии по истории Древнего Рима[4].

Современные исследования сочинений Сидония носят, прежде всего, междисциплинарный характер, используя подходы и методы не только исторического знания, но и филологии, культурологии, психологии. Так, Татьяна Борисовна Перфилова, исследуя культурологический аспект высшего образования в Римской империи, останавливает-

---

[1] *Ошеров С., Петровский Ф.* Аполлинарий Сидоний // Поздняя латинская поэзия / Пер. с лат.; Состав. и вступ. статья М. Гаспарова. М., 1982. С. 543-571; *Петровский Ф.А.* Сидоний Аполлинарий // Памятники средневековой латинской литературы IV–IX веков. М., 1970. С. 88–101; *Петровский Ф.* Сидоний Аполлинарий // Памятники средневековой латинской литературы IV–VII веков. М., 1998. С. 292-307.

[2] *Петровский Ф.* Сидоний Аполлинарий // Памятники средневековой латинской литературы IV–VII веков. М., 1998. С. 293.

[3] *Мамина О.Н.* Идеология и социальная психология галло-римского нобилитета V в. н.э.: мировоззрение Сидония Аполлинария / Дисс. канд. ист. наук. Свердловск, 1989. 250 с.

[4] *Трухина Н.Н.* Христианская церковь поздней империи // История Древнего Рима. Тексты и документы: В 2 ч. Ч. 1. Общество. Государство. Религия / Под ред. В.И. Кузищина. М., 2004. С. 392-401.

ся на воспоминаниях Авзония и Аполлинария Сидония о преподавателях высших школ Галлии IV-V вв[1].

Д.С. Коньков, интересующийся личностью Сидония в контексте изучения истории вестготов V-VI вв.[2], анализирует его тексты с психолого-лингвистической точки зрения, а Е.А. Захарова – с филологической[3].

Исследовательский интерес Д.В. Буярова[4] к взглядам и деятельности позднеантичного литератора диктует стремление разобраться в мировоззрении Сидония с позиции философии культуры и религиоведения.

---

[1] *Перфилова Т.Б.* Воспоминания Авзония и Аполлинария Сидония о преподавателях высших школ Галлии IV-V вв. // Ярославский педагогический вестник. 2003. No 2 (35); *Перфилова Т.Б.* Высшее образование в Римской империи: культурологический аспект. Дисс. докт. ист. наук. Ярославль, 2004. 783 с.

[2] *Коньков Д.С.* "At nostra longe condicio dispar": элементы суггестии в письме Сидония Аполлинария // Вестник Новосибирского гос. университета. 2016. Т. 15, вып. 1. С. 28-38; *Коньков Д.С.* Нужна ли идентичность истории: к критике концепции идентичности // Вестник Томского государственного университета = Tomsk State University Journal. 2016. № 409 (август). С. 79-84.

[3] *Захарова Е.А.* Юмор в письмах Сидония Аполлинария // Philologia Classica, 10. 2015. С. 235-244.

[4] *Буяров Д.В.* К вопросу о некоторых сторонах политического развития Галлии во второй половине V в. в сочинениях Сидония Аполлинария // Чтения памяти профессора Е.П. Сычевского. Вып. 8 / Отв. ред. А.И. Донченко. Благовещенск, 2008. С. 28-36; *Буяров Д.В.* Некоторые особенности состояния латинской образованности в Галлии V века // Материалы 58-й научно-практической конференции преподавателей и студентов: В 3-х ч. Благовещенск, 2008. Ч. I. С. 78-82; *Буяров Д.В.* Сидоний Аполлинарий и развитие галльской литературы во второй половине V века // Вестник Поморского университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки» / Отв. ред. В.И. Голдин. Архангельск, 2008. № 14. С. 147-151; *Буяров Д.В.* К вопросу о некоторых ценностях в системе мировоззрения Сидония Аполлинария // Научный журнал КубГАУ [Электронный ресурс]. Краснодар, 2009. № 02 (46). Режим доступа: http://ej.kubagro.ru/2009/02/pdf/08.pdf; *Буяров Д.В.* Светское и христианское начала в мировоззрении Сидония Аполлинария // Религиоведение / Отв. ред. А.П. Забияко, А.Н. Красников. Благовещенск, 2009. № 1. С. 41-48; *Буяров Д.В.* Христианский уровень в мировоззрении Сидония Аполлинария // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2009. No 1 (2). С. 23-26; *Буяров Д.В.* Поэтические произведения Сидония Аполлинария // Чтения памяти проф. Е.П. Сычевского. Вып. 9 / Отв. ред. А.И. Донченко. Благовещенск, 2009. С. 26-39; *Буяров Д.В.* Мировоззрение и сочинения Сидония Аполлинария в контексте позднеантичной культуры. Благовещенск, 2009. 191 с. и др.

Изучение и перевод посланий Сидония Э.М. Манукяном[1] и Е.В. Литовченко[2] (4, 23-42) представляют собой разные грани одного

---

[1] *Манукян Э.М.* Политик в мантии: Сидоний Аполлинарий. К вопросу о роли епископов в «битве за Клермон» (471-475 гг.) // Классическая и византийская традиция. Белгород С. 132-137; *Манукян Э.М.* Переписка Сидония Аполлинария и Лупа Труаского // «Cursor mundi» 6, 2014. С. 17-33; *Манукян Э.М.* Episcopus bonus: эпистолярная репрезентация образа у Сидония Аполлинария // Научные ведомости БелГУ. Серия: История, политология. 34. 2015. С. 58-64; *Манукян Э.М.* Еще раз о переписке Сидония и Лупа (Вступительный комментарий к письмам VI.9 и IX.11) // «Cursor Mundi». 8. 2016. С. 8-21; *Манукян Э.М.* Сидоний Аполлинарий и Луп Труаский. Эпизод из истории взаимоотношений представителей церковной аристократии Галлии V века // Проблемы истории и культуры средневекового общества. Материалы XXXIV всероссийской научной конференции «Курбатовские чтения» (25–28 ноября 2014 г.). СПб., 2016. С. 191-197; *Пикин А.В., Манукян Э.М.* Римско-готские переговоры 474-475 гг. глазами Эннодия и Сидония Аполлинария // История. 4. 2016. С. 74-81 и др.

[2] *Болгов Н.Н., Литовченко Е.В.* Феномен Сидония Аполлинария: личность как отражение переходного характера позднеантичной эпохи // Античный вестник. Проблемы истории древнего мира и раннего средневековья. Вып. 5. Алматы, 2008. С. 15-33; *Литовченко Е.В.* К образу Аполлинария Сидония: человек поздней античности // Научные ведомости БелГУ. Серия: История, политология, экономика. № 3 (34). Белгород, 2007. С. 30-38; *Литовченко Е.В.* Сидоний Аполлинарий. Письма. I, 1 (перевод с лат.) // Классическая и византийская традиция. 2009. Белгород, 2009. С. 225; *Литовченко Е.В.* Сидоний Аполлинарий. Письма (I.1; II.8; IV.12). Перевод / Классическая и византийская традиция. 2011. Белгород, 2011. С. 200–203; *Литовченко Е.В.* Письма Сидония и жизнь позднеантичного общества // Научные ведомости БелГУ. Серия: История, политология, экономика. №7 (126). Белгород, 2012. С. 69-73; *Литовченко Е.В.* Основные подходы к интерпретации письменного наследия Сидония Аполлинария (V в. н.э.) // Историческое произведение как феномен культуры: [материалы VII Международной научной конференции. Сыктывкар, 19 октября 2012 г. / отв. ред. А.Ю. Котылев, А.А. Павлов]. Сыктывкар, 2012. Вып. 7. С. 19-28; *Литовченко Е.В.* Письма Сидония как образцы эпистолярного жанра в позднеримской литературе Письма Гауденцию и Фелицию (пер. с лат. и коммент. Е.В. Литовченко) // «Cursor mundi»: Человек Античности, Средневековья и Возрождения. Иваново, 2014. Вып. 6. С. 6-16; *Литовченко Е.В.* Особенности клиентских отношений в позднеантичный период (по письмам Сидония) // Иресиона. Античный мир и его наследие. Выпуск IV: сборник научных трудов к 50-летию проф. Н.Н. Болгова. Белгород, 2015. С. 158-164; *Литовченко Е.В.* Некоторые персонажи «Константинова века» в послании Сидония (письмо Секундину, 477 г.) // Империя ромеев во времени и пространстве: центр и периферия: тезисы докладов XXI Всероссийской научной сессии византинистов / Под ред. М.В Грацианского, П.В. Кузенкова. М.; Белгород, 2016. С. 123-125; *Литовченко Е.В.* Сидоний Аполлинарий. Послание Симплицию и Аполлинарию (472 г.) / Пер. с лат. Е.В. Литовченко // Иресиона. Выпуск V. К 30-летию

кристалла: Э.М. Манукян рассматривает личность Сидония как представителя высшей церковной аристократии и духовного наставника, Е.В. Литовченко фокусируется на светской стороне жизни позднеантичного автора.

Подытоживая краткий обзор историографических тенденций изучения творчества Сидония, отметим, что, начиная с первого десятилетия 2000-х гг. взгляды на личность латинского автора претерпели эволюцию от однозначного восприятия его как галло-римского аристократа, а его письменного наследия как вместилища пассивно-эклектического сочетания языческих и христианских элементов до трактовки его мировоззрения как «синтезного», в котором не хаотично, а органично сочетались светские и христианские, позднеантичные и раннесредневековые ценности. Динамика идентичности Сидония характеризуется «социокультурной модернизацией», основанием которой можно считать разумный баланс между происходящими в обществе изменениями и сохранением культурных традиций

АВИТ ВЬЕННСКИЙ. ПИСЬМО 34

С.В. Шилина

В работе рассматриваемтся один из эпизодов, отраженных в эпистолярии позднелатинского автора – Авита Вьеннского, связанный с выборами папы в 498 г. Приводится перевод Письма 34.

Ключевые слова: Авит, папа, Симмах, выборы.

AVITUS OF VIENNA. LETTER 34

S.V. Shilina

кафедры всеобщей истории НИУ «БелГУ». Белгород, 2016. С. 66-69; *Литовченко Е.В.* Сидоний Аполлинарий. Послание Турну // Зборник Радова Филозофског факултета Универзитета у Приштини. Collection of papers of the Faculty of Philisophy. Број (Vol.) XLVI (2), 2016. С. 479-492; *Литовченко Е.В.* К вопросу о свадебной церемонии в письмах Сидония: некоторые аспекты ритуала // Научные ведомости БелГУ. История, политология. №22 (243). Вып. 40. Белгород, 2016. С. 56-61; *Литовченко Е.В.* Эпизод из жизни галло-римского общества V в. н.э. (послание Сидония Аполлинария Монцию, 461 г.) // Научные ведомости БелГУ. История, политология. №15 (264). Вып. 43. Белгород, 2017. С. 33-38 и др.

The paper considers one of the episodes reflected in the epistolary of the late Latin author - Avitus of Vienna, connected with the elections of the Pope in 498. There is given a translation of the letter.
Keywords: Avitus, Pope, Symmachus, elections.

В 498 г. проходили папские выборы, в которых между собой соперничали Симмах[1] и Лаврентий[2]. Каждый кандидат имел существенную поддержку в Риме. Выборы, вызванные постоянными проблемами, привели к тому, что поддерживающие каждого лидера фракции, в конечном счете, призвали остготского короля Теодориха для арбитража[3]. Официально выборы были окончены на Синоде 502 г. победой Симмаха и признанием Лаврентия антипапой.

В эти смутные времена Авит Вьеннский[4] не мог ни отправиться в Рим, ни созвать совет в Галлии для поддержки Симмаха. Вместо этого он написал письмо сенаторам Фавсту[5] и Симмаху[6], лидерам партии, поддерживающей Симмаха, для осуждения методов, используемых против Папы в Синоде 502 г. В сочетании с подлинной обеспокоенностью единством церкви Авит переживал за то, что раскол мог усложнить и без того трудные отношения между католиками и арианами: отсюда его намек на *haeresum tempestates (еретические бури)* в конце письма.

Взгляд Авита на предполагаемое отношение сенаторов Фавста и Симмаха к Папе Симмаху весьма интересен. Этот вопрос часто освещается следующим образом: Симмах стал папой при поддержке народной партии, а Лаврентий - сенаторской. В то же время существу-

---

[1] Симмах (? - 19 июля 514) - Папа Римский с 22 ноября 498 г. по 19 июля 514 г.

[2] Лаврентий (*Laurentius*) — папа Римский в 498, антипапа (498/501—506). Был приверженцем византийского императора, поддерживал попытки смягчения формулировки о двойственности природы Христа (451).

[3] Об этом подробнее: *Лозинский С.Г.* История папства. 3-е изд. М.: Политиздат, 1986. 382 с.

[4] Авит Вьеннский (*Alcimius Ecdicius Avitus*; ок. 451 - ок. 525) - святой, епископ Вьеннский (Бургундия).

[5] Аниций Фавст (Anicius Probus Faustus) - политик Западной Римской империи, который служил консулом с 490 г. и преторианским префектом Италии с 509 по 512 гг.

[6] Аврелий Аниций Симмах (*Aurelius Anicius Symmachus*) - политический деятель Западной Римской империи при императоре Гонории. В 415 г. Симмах занимал должность проконсула Африки. В период с 24 декабря 418 г. по январь 420 г. он был префектом города Рима.

ет альтернативная точка зрения, которая изложена в Книге Пап[1] и подтверждается письмом Авита Вьеннского к Фавсту и Симмаху[2], которые принадлежали к двум самым известным и уважаемым римским сенаторским фамилиям. Не совсем понятно, как справедливо отметил Генри Чадвик[3], почему Авит считает Симмаха и Фавста сторонниками Папы Симмаха.

ЕПИСКОП АВИТ К ФАУСТУ И СИММАХУ, СЕНАТОРАМ РИМА (64.1)

Во-первых, желательнее было бы лично посетить Город, почитаемый во всем мире, чтобы принести дань уважения, как Богу, так и народу. Но, поскольку, в свете нынешних обстоятельств, это долго не представится возможным, мы бы хотели, по крайней мере, быть уверенными, что Вы узнаете из официального сообщения совета галльских епископов то, о чем мы должны просить для нашего общего дела. Поскольку наша провинция [Viennensis][4], граничащая с другими государствами, не может иметь единого желания, я смиренно прошу Вас никоим образом не раздражаться этим сообщением на том основании, что оно прежде всего исходит от личности. Я взял это на себя, взвесил как устные, так и письменные наставления моих галльских собратьев, только для того, чтобы предложить Вам то, что мы все хотели бы просить у вас. Все мы были крайне обеспокоены положением Римской церкви, так как чувствовали, что когда глава церкви был оскорблен, наша собственная стабильность также пошатнулась. Мы получили копию епископского указа из Италии, изданного в отношении Папы Симмаха[5]. Несмотря на то, что соглашение крупнейшего и почтенного церковного собора делает этот указ достойным уважения, мы попрежнему понимаем, что если бы святой отец Симмах был сначала обвинен в гражданском суде, то он скорее бы заручился полной сочув-

---

[1] Liber Pontificalis (*Книга пап*) - сборник деяний римских пап, начиная с апостола Петра. Разные версии Liber Pontificalis заканчивают изложение на разных папах. Самая ранняя версия (Catalogus Felicianus) создана в VI или VII в. и содержит информацию о папах до Феликса IV (526—530) включительно. Поздние версии доходят до Пия II (1458-1464).

[2] Текст этого письма был напечатан *Caspar E.* Theoderich der Gross und das Papsttum: Die Quellen zusammengestellt nach den Ausg. der MGH. Berlin, 1931.

[3] *Chadwick, Henry.* Boethius. The Consolations of Music, Logic, Theology, and Philosophy. Oxford: Oxford University Press, 1981. P. 287.

[4] Здесь два противоречивых фактора: Авит представлялся епископом всей провинции Viennensis, хотя реальная политическая география такова, что большая часть поддержки Рима оказывалась Арлю, а не Вьенне.

[5] Собор завершился 23 октября 502 г.

ствия поддержкой своих собратьев-епископов, нежели получил их осуждение. Ибо так же, как Бог призывает нас поклониться перед земными силами и говорит, что мы должны представать перед властителями, какими бы не были их обвинения, тогда нелегко понять, какое логическое обоснование или закон позволяет судить выдающегося человека его подчиненными!? Поскольку хорошо известен завет апостола о том, что обвинение не может быть выдвинуто даже против священника, то какое тогда разрешение существует для вынесения обвинений против лидера всей Церкви?

Почтенный синод, рассматривая вопрос, который он взял на себя, - простите меня за смелость - поступил опрометчиво, проявив большую осторожность и отложив его для божественного разрешения. Он [синод] быстро пришел к выводу, что ни одно из обвинений, вынесенных против Папы Римского, не было четко обосновано ни в его глазах, ни в глазах самого величественного человека, короля Теодориха. Поскольку Вам это известно, и если в ваши времена наступит долгожданное благоденствие, как дар Божий, если достоинство, за которое вы прославлены повсюду, сохранит величие римского имени в разваливающемся мире, я, как христианский епископ, прошу Вас, как римских сенаторов, о том, чтобы статус церкви в ваших глазах был не менее важен, чем статус Республики.

Пусть сила, которую Бог даровал Вам, будет полезна и нам! Пусть вы полюбите лицезреть Петра в своей церкви не меньше, чем вы любите видеть вершину всего мира в своем городе [Риме]. Если вы в вашем мудром совете ясно видите суть вопроса, то происходящее в Риме не было задумано только таким образом: если кто-то из епископов ошибся, то этот вопрос можно исправить, но если авторитет главного епископа Рима подвергнется сомнению, то весь епископат, а не только этот епископ, содрогнется. Вы прекрасно знаете, через какие еретические бури мы вступаем в лоно веры, как будто порывы ветра дуют со всех сторон. Если вы беспокоитесь о такой опасности относительно нас, то вам будет полезно взять на себя долю бремени и позаботиться о своем собственном рулевом.

Какой еще есть выход, если у моряков нет вождя? Нельзя находиться в такой опасности без риска для экипажа. Пусть тот, кто отвечает за овчарню Господа, помнит, как он управляет овцами, доверенными ему. Дело не в том, что стадо внушает страх своему пастуху, а в том, что судит его. Поэтому, если вы этого еще не сделали, верните мир для нашего вождя. Именно по этой причине мы возложили на по-

чтенного священника Симмаха[1] задачу - доставить ваш ответ в виде письма на нашу мольбу о том, что мир восстановлен.

ФИНАНСОВАЯ ОСНОВА МУНИЦИПАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ В ЭПОХУ РАННЕЙ ВИЗАНТИИ

М.В. Мишенина

В статье рассматривается политика ранневизантийских императоров в отношении курий. Помимо этого в статье описываются части структуры муниципального административного устройства, напрямую связанные с финансовой основой существования курий, её эволюция.

Ключевые слова: курия, финансовая система, налогообложение, экономический контроль.

FINANCIAL BASIS OF MUNICIPAL ADMINISTRATION IN THE ERA OF EARLY BYZANTIUM

M.V. Mishenina

The article considers the policy of the early Byzantine emperors in relation to the curiae. In addition, the article describes the parts of the structure of the municipal administrative organization, directly related to the financial basis of the existence of the curia, its evolution.

Key words: curia, financial system, taxation, economic control.

В современной историографии финансовой политики ранневизантийского государства в отношении городов господствует мнение о постепенном росте финансовой зависимости городов от центральной власти. На изменение роли курии в финансовой системе Византийской империи в IV-V вв. оказывали влияние многие обстоятельства. Например, осознание императорским правительством публично-правового положения городов как определённой ячейки общества и государства с определёнными же обязанностями для «publica utilitas» («государственной» пользы)[2].

В финансовой политике императоров IV-V вв. прослеживается отношение императоров в отношении курий. В своё время император Юлиан прославился как благодетель курий, испытавших на себе фис-

---

[1] В письме упоминается три Симмаха: папа Римский; сенатор из рода Анициев; священник Симмах, предположительно связанный с Авитом.

[2] *Серов В.В.* К вопросу о месте курий в ранневизантийском государстве: финансовый аспект // Византийский временник (ВВ). №60. 2001. С. 39.

кальную политику Константина I и Констанция II. Однако внимательный анализ внутренней политики Юлиана даёт возможность отметить, что при всём стремлении Юлиана облегчить существование ряда курий, он видел в них, прежде всего, государственную структуру с конкретными обязанностями. Уверенные шаги в направлении подчинения курий финансовым интересам императорской власти предпринял Феодосий I. Несмотря на ряд льгот в отношении части декурионов, он, в конечном счёте, ограничил возможности оставлять куриальные обязанности и обеспечил условия количественной стабильности курий с их многочисленными административными функциями.

В целом отношение к куриям в конце IV в. ужесточилось, что ознаменовало переход к новому этапу взаимоотношений их и государственной власти. Феодосий I воплощал необходимость превращения курий в элемент административно- финансовой системы. В течение первой половины V в. был запрещён уход из курий на провинциальные и некоторые придворные должности, на церковные посты среднего уровня, при получении сенаторского достоинства. В то же время, привилегированная верхушка курий – principales – начинает опускаться в глазах власти до уровня остальных декурионов, нёсших ответственность за выполнение обязанностей перед государством.

В течение V в. курия оформилась в качестве звена централизованной финансовой системы. Однако, вместе с тем, возросла проблема иного свойства – сохранить курию физически, поскольку имперская фискальная политика вела к экономическому ослаблению городов. Анастасий I пробовал замещать курии иными структурами, стремясь найти им замену в системе налогообложения. В целом политика Анастасия I в отношении курий проводилась в рамках политического и экономического подчинения их государству, и в конце V - начале VI в. городские советы юридически лишались ряда важных позиций в экономической и общественной сферах городской жизни.

На рубеже V-VI вв. правительство Анастасия учло потребность курий в более серьёзном внимании к их экономическому положению со стороны государства. Две разные задачи – укрепить курию и удержать её в качестве удобного средства финансовой политики на местах – получили универсальное разрешение: создание всеобъемлющего, в первую очередь, финансового, контроля над городской общиной со стороны императора. Анастасий стремился к рационализации административно-финансовой системы, в этом смысле необходимо рассматривать введение института виндиков, которое можно считать и продолжением куриальной политики, и мероприятием в сфере налогообложения. Единая историографическая версия о виндиках еще не сло-

жилась, что затрудняет решение вопроса о финансовой политике византийского правительства в VI в. Согласно данным источников, император Анастасий отстранил городские советы от участия в налогообложении и сборе налогов (Ioann. Lyd. De mag. III.49). Известно также, что виндики «обращались с городами как с врагами» (Ioann. Lyd. De mag. III.49), и что «доходы курий расстроились». За своё назначение виндики платили своеобразный суффрагий (Ioann. Lyd. De mag. III.49), и, наконец, их деятельность принесла облегчение «земледельцам» городской округи. Анастасий I счёл необходимым ускорить процесс перехода городских финансов под полный контроль государства – создал многоуровневую систему контроля экономической деятельности городов: государственные чиновники под руководством епископа и городских примасов занимались продовольственным снабжением плебса и военного гарнизона; дефенсор общины, которого избирали практически все граждане-собственники, отвечал перед провинциальными властями за правильное распределение налогов; куриалы участвовали в сборе некоторых налогов наряду со сборщиками, присылаемыми из государственных финансовых ведомств. Неподконтрольными государству оставались лишь собственно городские доходы, а также сбор некоторых фискальных платежей. Но поспешность, с которой Анастасий полностью подчинил государству часть курий, к тому, что виндики, которые благодаря суффрагию видели в своей должности возможность обогатиться, в ряде городов постепенно истощили и городской бюджет, и благосостояние массы куриалов. Таким образом, проблема курий в начале VI в. не была решена, а ко времени правления Юстиниана I даже усугубилась, приобретя хронический характер.

Император Юстиниан уже в первые годы своего правления обратился к проблеме курий. Конституции 528-529 гг. обнаруживают наличие известных в период правления императора Анастасия городских институтов: собственно куриалов, участвующих в общественной жизни общины и в частно-правовом обороте; дефенсоров общин, которые заняты урегулированием юридических отношений среди горожан и между горожанами и негорожанами; «отцов» (patres), которых, судя по всему, можно отнести к группе principales. Вся лестница муниципального административного устройства показана в конституции 529 г., где перечислены, очевидно, в порядке убывания значения: епископы, отцы, дефенсоры общин и «граждане» (civiles). В последующие

годы названные структуры встречаются тоже, что свидетельствует, по меньшей мере, о том, что они не исчезли, как не исчезла и сама курия[1].

Юстиниан решил вопрос о куриальном имуществе в духе своих законодательных реформ, распространив на завещание куриала право доли для сыновей, пожелавших выполнять куриальные повинности. Возможность освободиться от финансовой ответственности декуриона перед государством была возвращена тем членам куриального сословия, которые достигли высот ординарной службы, а также их детям, вместе с имуществом. Юстиниан сделал большой шаг назад, вернувшись к положению в данном вопросе, сложившемуся до Анастасия I. Затем была определена финансовая компетенция курий и установлен контроль за расходованием куриальных средств. Примечательно то, что Юстиниан не ограничивает ни расходов города, ни количества расходных статей; предложенные в конституции меры должны помочь курии свести бюджетный баланс. Непосредственным органом учёта и контроля становилась комиссия в составе епископа и «трех мужей доброй репутации, первых во всяком деле этой общины». Подобные контрольно-счётные функции прежде относились к должности виндика.

Таким образом, Юстиниан отошёл от анастасиевых методов разрешения куриальной проблемы, не изменив, впрочем, общего направления политики в отношении курий. Проводя ту же политику, что и Анастасий в конце V - начале VI вв., Юстиниан как будто стремился понять, где она дала сбой и почему не принесла положительных результатов. Очевидно, что главной причиной, по его мнению, были виндики, а также общая жёсткость курса Анастасия. В 531 г. Юстиниан изменил политическую линию в отношении курий. Он уже не говорит о финансовой самостоятельности, а распределяет экономический потенциал декурионов, исходя целиком из конкретно-временных потребностей государства и целей финансовой политики. Было бы неоправданно объяснять столь разительную перемену только итогами первого этапа куриальной политики Юстиниана I: повлияла и финансовая ситуация в империи в начале 30-х гг. VI в. Но, независимо от причин, Юстиниан завершил либеральные эксперименты с куриями и вернулся в проложенную в течение IV и V вв. колею императорской политики в данной сфере. Курии вновь оказались под усиливавшимся финансовым контролем, фактически утратили возможность самостоятельно решать многие внутригородские экономические вопросы; вновь

---

[1] *Фихман И.Ф.* Египетский город ранневизантийского времени (Некоторые предварительные итоги изучения социально-экономической истории города Оксиринха) // Византийские очерки. 1971. С. 131-135.

большое значение приобрели в городах посторонние им лица. Не случайным поэтому выглядит появление в законодательстве виндика. Он как бы символизирует собой отношение императора к куриям как к сборщикам доходов. Юстиниан вынужден был вспомнить о виндиках в 536 г. (Nov. 38).

По-видимому, в период 531-535 гг. Юстиниан не оставлял попыток найти иные способы разрешить куриальную проблему кроме традиционного нажима на курии со стороны государства. В первой половине 30-х гг. Юстиниан попеременно усиливал в городе то государственных чиновников, то муниципальные структуры[1]. Но поддержка последних в делах, не относящихся к сфере налогообложения, уже продемонстрировала императору свою бесперспективность. Институт виндиков также не годился в его первоначальном виде. Юстиниану оставалось комбинировать детали муниципальных учреждений в поисках наиболее оптимального варианта, в котором бы и курия сохранялась в качестве гаранта сбора необходимой налоговой суммы, и устранялись неоправданные ничем расходы городов и финансовой администрации в провинциях. Курия не реагировала на императорские административные эксперименты, однако и не умирала. Её состояние оставалось таким же, как и в конце V в. По-прежнему декурионы несли ответственность за сбор некоторых фискальных пошлин и ряда государственных налогов (Nov. 96, 8, 19); важнейшие расходы курий контролировались государственными чиновниками. С конца 30-х гг. интерес Юстиниана I к куриям определялся уже только финансовым состоянием империи. Иначе говоря, периодические законодательные реминисценции Юстиниана по поводу куриальной проблематики инициировались обострениями хронического кризиса государственных финансов[2]. Финансовое состояние государства в середине 50-х гг. VI в. можно считать кризисным по аналогии с периодом начала 40-х гг., поэтому не случайно внимание, которое Юстиниан оказал куриям в этот период.

Таким образом, можно сказать, что финансовая политика в отношении курий в Ранней Византии постоянно менялась. В IV-V вв. прослеживается подчинение курий финансовым интересам государства, в течение V в. курия оформилась в качестве звена централизованной финансовой системы. В VI в. были предприняты попытки дать

---

[1] *Laniado A.* Reserches sur les notables municipaux dans l'empire protobyzantin. Paris, 2002. P. 84.

[2] *Сюзюмов М.Я.* Византийский город (середина VII — середина IX вв.) // ВВ. XXVII. 1967. С. 67-70.

курии финансовую самостоятельность, затем курии вновь оказались под финансовым контролем государства.

КУЛЬТУРА ИСАВРОВ В СЕРЕДИНЕ V В.

М.И. Дорохов

В статье рассматриваются процессы эллинизации и латинизации региона Исаврия. Особое внимание уделяется вопросам развития материальной культуры исавров вплоть до V в. Автор указывает на большую зависимость процессов слияния местной и римской, а, впоследствии, византийской культуры, от урбанизации региона, политики императоров в периоды «затишья» между восстаниями исавров, образа жизни исаврийской знати, к середине V в. достигшей расцвета своей силы при дворе Константинополя.

Ключевые слова: Ранняя Византия, Исаврия, исавры, V в., эллинизация, латинизация, интеграция, урбанизация, архитектура, эпиграфика, обычаи.

CULTURE OF ISAURIA IN THE MIDDLE OF V CENTURIES

M.I. Dorokhov

The article deals with the process of Hellenization and Latinization of the region of Isauria. Especial attention is paid to the development of the material culture of the Isaurians up to the 5th century A.D. The author points to the great dependence of the processes of the fusion of local and Roman but subsequently Byzantine culture, on the urbanization of the region, on the policy of the emperors during periods of «calm» between insurrection of isaurs, on the way of life of the nobility, which reached the peak of its strength at the court of Constantinople by the middle of the 5th century.

Key words: Early Byzantium, Isauria, Isaurians, the 5th century A.D., Hellenization, Romanization, integration, urbanization, architecture, epigraphy, customs.

Множество небольших зарубежных исследований уже продемонстрировали уровень влияния греческой и римской культуры на жизнь исавров, поэтому здесь мы представим только основные моменты этих доказательств в отношении материальной культуры и повседневной жизни исавров, чтобы утверждать, что большая их часть приспособилась, а не сопротивлялась греко-римским культурным и политическим учреждениям к середине V в. Мы сконцентрируем свое внимание только на территории внутренних районов Исаврии.

Уже со времен кампаний Сервилия, римляне захватили главенство и управляли обстановкой вокруг определенных горных поселе-

ний[1] в регионе. Во многом на развитие материальной культуры и на интеграцию культуры положительно повлияла политика некоторых императоров, направленная на «мирное сосуществование» и развитие региона в периоды затишья между восстаниями исавров, дабы заручиться поддержкой местного населения[2].

Строительство дорог через внутренние районы, увеличение числа новых городов и другие меры, предпринимаемые римскими властями, привели к тому, что вся область оказалась под римским контролем[3].

Эпиграфические записи из Исаврии за это время встречаются в изобилии, и уже показали уровень, на котором греческая и римская культура отражается в этих памятниках прошлого[4]. Здесь мы представим только основные моменты этого доказательства для того, чтобы утверждать, что большинство исавров адаптировались, а не сопротивлялись греко-римским культурным и политическим институтам уже в конце III века[5]. Рассмотрим только глубинные области расселения, исключив прибрежные города, которые были, очевидно, уже сильно погружены в область эллинской культуры и хорошо интегрированы в систему римского политического аппарата[6].

Наиболее очевидным признаком культурной интеграции Исаврии в конце III века является повышение урбанизации. Внутренние районы уже содержали фиксированные в границах области, когда римляне пришли, «чтобы править общей территорией»[7], но они росли в размере и количестве под римским владычеством. Установлен факт распространения поселений с греческой архитектурой, памятниками и политическими структурами греческого типа. Доказательствами могут

---

[1] *Jones A.H.M.* The Later Roman Empire (284—602): A Social, Economic and Administrative Survey. Vol. 2. Oxford, 1964. P. 184-187.

[2] *Hild F., Hellenkemper H.* Kilikien und Isaurien. Tabula Imperii Byzantini 5, Denkschriften der osterreichischen Akademie [Электронный ресурс]. – Vienna, 1990. – Режим доступа: http://www.worldcat.org/title/kilikien-und-isaurien/oclc/24092023

[3] *Dagron G.* Naissance d'une capitale: Constantinople et ses institutions de 330 a 451. Paris, 1974. P. 512.

[4] Corpus Inscriptionum Latinarum. («Свод латинских надписей»). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://cil.bbaw.de; http://www.manfredclauss.de/gb/index.html

[5] *Liebeschuetz J. H.W.G.* Barbarians and Bishops: Army, Church and State in the Age of Arcadius and Chrysostom. Oxford, 1990. P. 183.

[6] *Hill S.* Matronianus, Comes Isauriae: An Inscription from an Early Byzantine Basilica at Yamkhan, Rough Cilicia // Anatolian Studies 35. 1985. P. 93-97.

[7] Strabo 12.6.2; Plin. HN 5.23.

являться городские советы (poutaxt) в пяти общинах (Amblada, Artanada, Astra, Coropissus, Isaura Nova)[1]. К четырем городам, где, как известно, чеканились монеты, относящиеся ко II веку, присоединились еще два города в III в. В VI веке в списках будут фигурировать уже 23 крупных провинциальных поселения Исаврии, из которых 11 - в глубине территории[2]. Для сравнения - в двух других византийских провинциях Киликии вместе взятых таких городов - только 17. Следовательно, за период римского владычества глубинная Исаврия, учитывая рельеф местности, стала удивительно урбанизированной[3].

Модель общественного устройства в Новой Исавре (Isaura Nova), одном из немногих городов глубинки, похожа на модель, принятую в любом небольшом городе востока Греции[4]: два больших общественных зала, три императорские арки, посвященные Адриану, Марку Аврелию и Северу Александру[5], две каменные церкви, одна в 500 кв. м.[6] Хотя других доказательств найдено не было, для этого города наиболее характерны греческие памятники[7]. Стиль их исполнения, схема театра, которые были выявлены, и качество их строительства, позволяют считать, что Новая Исавра выглядела как типичный эллинистический город[8].

Свидетельства о театрах остались в городе Клавдиополе. Записи XIX века свидетельствуют, что этот город имел в отдельных архитектурных ансамблях «длинные колоннады и портики ... ряды колонн, и

---

[1] *Cribb R.* Nomads in Archaeology [Электронный ресурс]. Cambridge, 1991. Режим доступа: http://librarycatalog.bilkent.edu.tr/client/university/ =Nomads

[2] Corpus Inscriptionum Latinarum («Свод латинских надписей»). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://cil.bbaw.de; http://www.manfredclauss.de/gb/index.html

[3] *Hill G.F.* Catalogue of the Greek Coins of Lycaonia, Isauria and Cilicia. Catalogue of the Greek Coins in the British Museum 21. London (repr. Bologna), 1964. P. 412.

[4] *Hammond M.* The City in the Ancient World. Cambridge, 1972. P. 77.

[5] *Peisker M.* Severus von Antiochen. Ein kritischer Quellenbeitrag zur Geschichte des Monophysitismus. Halle, 1903. P. 201.

[6] *Hobsbawm E.J.* The Early Byzantine Churches of Cilicia and Isauria [Электронный ресурс]. Aldershot: Variorum, 1996. – Режим доступа: http://librarycatalog.bilkent.edu.tr/client/university/Cilicia

[7] *Hild F., Hellenkemper H.* Kilikien und Isaurien. Tabula Imperii Byzantini 5, Denkschriften der osterreichischen Akademie [Электронный ресурс]. Vienna, 1990. – Режим доступа: http://www.worldcat.org/title/kilikien-und-isaurien/oclc/24092023

[8] *Cribb R.* Nomads in Archaeology [Электронный ресурс]. Cambridge, 1991. Режим доступа: http://librarycatalog.bilkent.edu.tr/client/university/ =Nomads

других мраморных изысков греков»[1]. Эпиграфические источники подтверждают наличие храмов Афины, Зевса Олимпийского и Мусейона[2]. В трех других городах глубинки (Astra, Adrassus, Vasada) и поныне можно обнаружить остатки театров, ипподрома и акведука[3].

Исавры также вели себя в соответствии с общественными нормами греческого востока. Здесь есть четыре надписи из внутренних районов, указывающих на строительство общественных работ или памятников частными лицами. Пятая гласит, что один из граждан города Новая Исавра организовал бесплатный обед на 1300 человек[4].

Жители этих городов также вели гражданское дело на греческом языке и составили эти надписи на греческом языке, а некоторые даже на латыни.

Богатейшие исавры, таким образом, действовали как граждане греческих общин, занимаясь благотворительностью и участвуя в исполнении литургий. Другим немаловажным фактом является тенденция к выбиранию греческих и римских имен[5]. В дополнение к местным именам, эти горцы называли себя греческими и римскими именами по принципу аналогии в грубой транскрипции[6]. Постепенно становится заметно слияние родного и греческого пантеонов, «совмещение» божеств в одном новом внешнем образе[7].

Исаврия приняла активное участие в волне колонизации, которая помогла интегрироваться исаврам в другие регионы, и, наоборот,

---

[1] *Houwink Ten Cate P.H.J.* The Links between the Coastal Cities of Western Rough Cilicia and the Interior During the Roman Period. [Электронный ресурс] // De Anatolia Antiqua. 1991. №1. - Режим доступа: http://www.aku.edu.tr/aku/dosyayonetimi/sosyalbilens/dergi/XI1/mehmetkurt.pdf

[2] *Hammond M.* The City in the Ancient World. Cambridge, 1972. P. 82.

[3] *Jones A.H.M.* Cities of the Eastern Roman Provinces. Oxford: Oxford University Press, 1971. P. 330.

[4] *Norman A.F.* Gradations in later municipal society // The Journal of Roman Studies. 1958. Vol. 48. No ½. P. 84.

[5] *Cribb R.* Nomads in Archaeology [Электронный ресурс]. Cambridge: Cambridge University Press, 1991. – Режим доступа: http://librarycatalog.bilkent.edu.tr/client/university/ =Nomads

[6] *Hobsbawm E.J.* The Early Byzantine Churches of Cilicia and Isauria [Электронный ресурс]. – Aldershot: Variorum, 1996. – Режим доступа: http://librarycatalog.bilkent.edu.tr/client/university/Cilicia

[7] *Hill S.* Dag Pazari and its Monuments. A Preliminary Report // Yayla. 2. 1979. P. 8-12.

включила эти области в культурную и экономическую сферу империи в I веке[1].

Мы знаем из фактов чеканки монет и из упоминаний Аммиана Марцеллина о том, что Клавдий сформировал колонию с помощью городов Ниница и Клавдиополь[2].

В VI веке, после того, как в Исаврии был вновь восстановлен мир, её жители, имевшие репутацию опытных строителей, приняли участие во множестве значительных проектов строительства на востоке, включая строительство купола святой Софии[3].

Погребальные надписи и дипломы показывают включение в список жителей городов на равнине, граничащей с Ликаонией. Некоторые надписи указывают, что все мужчины семьи находились на военной службе. Примером этому может служить надпись Старой Исавры, которая говорит об исавре по имени Котон и трех его сыновьях[4].

К V веку, когда элита исавров смешалась с аристократией Константинополя, богатство также стало использоваться ими для повышения статуса посредством культивирования литературного патронажа.[5] Военачальники V века были достаточно богаты, чтобы использовать личных литературных секретарей. Постоянно изучалась родословная и писались хвалебные оды[6].

Действительно, много исаврийских военачальников и их семей V века были искушенными членами литературной и интеллектуальной элиты империи. Красивая форма стиха, опубликованная в сборнике «Seleucia Paulina», вероятно женой Зенона Исавра, указывает, что она и её муж разделяли подобные литературные и интеллектуальные вкусы[7].

Также император Зенон сохранил кружок поэтов, чтобы прославить его успехи. Процветание, предоставленное римским правлением в

---

[1] *Hopwood K.R.* Policing the Hinterland: Rough Cilicia and Isauria. Oxford, 1983. P. 275.

[2] *Jones A.H.M.* The Later Roman Empire (284—602): A Social, Economic and Administrative Survey. Vol. 2. Oxford, 1964. P. 284-602.

[3] *De'block J.R.* The archaeology and history of selinus from its origins to the reign of Diocletian. Ankara: the department of archaeology and history of ar bilkent university, 2000. P. 102.

[4] *Shaw B.D.* Op.sit. P. 176.

[5] *Straub J.* Die Wirkung der Niederlage bei Adrianopel auf die Diskussion uber das Germanenproblem in der spatromischen Literatur // Philologus. 1943. P. 200.

[6] *Cameron A.* Claudian. Poetry and Propaganda at the Court of Honorius. Oxford, 1970. P. 261.

[7] Ibid. P. 351.

регионе в течение первых трех веков н.э., привело к созданию элиты, которая вместо того, чтобы сопротивляться прямому политическому контролю, открыто поглотила греко-римскую культуру.

«Латинизация» и «эллинизация», конечно, являются понятиями, которыми нельзя оперировать необоснованно. Естественно, что аспекты родной культуры исавров выжили на протяжении веков римского владычества. Однако достаточное количество эпиграфических и археологических памятников свидетельствуют о том, что контакт с римской политической системой и греческой культурой привел к значительным социальным и культурным сдвигам, которые были бы вряд ли возможны в напряженной атмосфере сопротивления. Наибольшее влияние на этот процесс оказала повсеместная урбанизация и накопление богатств в руках знатных исавров, занимающих в середине V в. главенствующие посты в госаппарате. Развитие их владений приводило к усложнению культуры в Исаврии в целом.

К ИСТОРИИ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ В РАННЕЙ ВИЗАНТИИ: ОБЩИЕ НАПРАВЛЕНИЯ И ТЕНДЕНЦИИ

А.М. Болгова

В работе дается общий очерк состояния и развития высшего образования в Ранней Византии. Этот термин в новейшей отечественной науке, при всей своей условности, обрел права после диссертации Т.Б. Перфиловой (2004). Автор показывает, что старый античный принцип организации высшей школы вокруг схоларха, а также деятельность внешкольных преподавателей постепенно христианизировались при сохранении классического содержания, а попытки государства от Юлиана до Юстиниана вмешаться в систему высшего образования остались локальными.

Ключевые слова: Ранняя Византия, империя, высшее образование, школа, грамматики, риторы, философы, христианизация, схолархи, преподаватели.

THE HISTORY OF HIGHER EDUCATION IN EARLY BYZANTIUM: GENERAL DIRECTIONS AND TRENDS

A.M. Bolgova

The paper gives a general outline of the state and development of higher education in Early Byzantium. This term in the newest native science, for all its conventionality, gained the right after the thesis of T.B. Perfilova (2004). The author shows that the old antique principle of organizing a higher school around the scholarch, as well as the activities of extracurricular teachers was gradually Christianized

with the preservation of the classical content, and attempts by the state from Julian to Justinian to intervene in the higher education system remained local.

Key words: Early Byzantium, empire, higher education, school, grammars, rhetoricians, philosophers, Christianization, scholarches, teachers.

Современный исследователь А. Маркопулос в своей работе об универсальном характере византийского высшего образования утверждал, что термин «византийское образование» не вполне приемлем, поскольку Византия не проложила новых путей в этой области. Вместо этого, полагаясь на свое эллинистическое и римское наследие, оно продолжалось естественным образом как традиционная образовательная система, сохранившись с немногими и не особо важными изменениями почти до конца Ромейской империи. Образование в целом составляло часть византийской цивилизации, для которой этот термин применяется непрерывно с замечательной последовательностью на всех уровнях[1]. Эту концепцию византийской преемственности следует понимать как гармоничный диалог с прошлым, подвергавшийся, однако, некоторому вмешательству идеологического характера, которое подавляло почти при рождении некоторые возникающие разрывы – это, например, мнения, высказанные в IV в. Василием Великим в известном тексте о том, как юношам извлечь пользу из греческой литературы, и, чуть позже и на более теоретическом уровне, Григорием Назианзиным[2]. Их смысл сводился к тому, что античная классика полезна христианам лишь в малой степени, избирательно, но не системно.

Эти положения отцов-каппадокийцев, однако, могли быть применимы почти исключительно на первых двух этапах высшего образования, то есть, в школе грамматики, которая была ответственна за προπαιδεία (введение в общее высшее образование) своих молодых подопечных, а также отчасти в школе риторики. Безусловно, эти, во многих отношениях, важные школы, давали ἐγκύκλιος παιδεία - проч-

---

[1] *Markopoulos, Athanasios*. In search for «Higher Education» in Byzantium // ЗРВИ. 50. 2013. P. 29–44.

[2] *Markopoulos A.* Βυζαντινή εκπαίδευση και οικουμενικότητα / ed. E. Chrysos // Byzantium as Oecumene. Athens, 2005. P. 183–200, особ. 184–185, 186–187. См. также: *idem.* Education / edd. *Elizabeth Jeffreys et al. //* The Oxford Handbook of Byzantine Studies. Oxford, 2008. P. 785–795, особ. 785, 786. Обе работы содержат обширную библиографию. Что касается соперничества между христианами и язычниками, серьезной проблемы в Ранней Византии, то библиография здесь почти неисчерпаема. См., например: *Cameron, Alan.* The Last Pagans of Rome. Oxford, 2011; *Ratti St.* Polémiques entre païens et chrétiens. Histoire. Paris, 2012.

ную основу познаний в классической литературе, грамматике, риторике и некоторых прочих предметах[1].

Следует отметить, хотя это почти общеизвестно, что в античности и Византии не существовало устойчивых институций высшего образования в том специфическом смысле, в котором этот термин используется сегодня. Школа выросла из потребностей полиса (городской общины) почти исключительно благодаря личности и инициативной частной деятельности схоларха – создателя школы (грамматика, ритора или философа).

«L'État tout puissant» (всеохватывающее государство), как определял его Поль Лемерль, представленное, конечно, самим императором, видело, со своей стороны, уже со времен Римской империи, что образование нужно тем, кто будет укомплектовывать государственную машину. Это ряд в значительной степени «общественных» должностных лиц, которые предоставляли чиновникам знания и имели особые привилегии, такие как освобождение от налогов, по ясным причинам, представляющим общественный интерес[2].

Это достигалось, в большей степени, через привычную диффузию образования, обеспечивавшую беспрепятственную работу, по крайней мере, до VI, или даже до VII в., знаменитых высших школ Поздней античности. В их работе принимали участие - или их посещали - представители средних муниципальных слоев того времени, в соответствии с традиционной точкой зрения, что культурная сторона античности составляла источник вдохновения, рефлексии, критического мышления и научных исследований[3].

---

[1] *Markopoulos*, Βυζαντινή εκπαίδευση. P. 184–185; *idem*. De la structure de l'école byzantine. Le maître, les livres et le processus éducatif / ed. B. Mondrain // Lire et écrire à Byzance. Paris, 2006. P. 85–96, esp. 88–89; *idem*. Education. P. 788–789; *Cavallo G.* Lire à Byzance. Paris, 2006. P. 38–40; Oralità scrittura libro lettura. Appunti su usi e contesti didattici tra antichità e Bisanzio / edd. L. Del Corso-O. Pecere // Libri di scuola e pratiche didattiche dall'Antichità al Rinascimento, 1. Cassino, 2010. P. 11–36, особ. 12–21, passim; *Kaster R.A.* Guardians of Language: The Grammarian and Society in Late Antiquity. Berkeley, 1988; *idem*. Notes on 'Primary' and 'Secondary' Schools in Late Antiquity // TAPA. 113. 1983. P. 323–346.

[2] *Lemerle P.* Le premier humanisme byzantine. Paris, 1971. P. 50 ff.; *Ratti S.* La culture du prince entre historiographie et idéologie / ed. J.-M. Pailler, P. Payen // Que reste-t-il de l'éducation classique? Relire «le Marrou». Histoire de l'éducation dans l'Antiquité. Toulouse, 2004. P. 297–306.

[3] См. библиографию - часто избыточную, так как она включает в себя документы, не имеющие прямого отношения к предмету, в: *DeForest D.* Between Mysteries and Factions: Initiation Rituals, Student Groups, and Violence in the Schools of Late Antique Athens // Journal of Late Antiquity. 4. 2011. P. 315–342,

В высших школах Поздней античности помимо преподавания велись и научные исследования, сосредоточенные на конкретных областях: неоплатоническая философия - в школе Афин и Александрии, риторика – в Антиохии, Афинах, Александрии, Газе, более широкие классические и философские исследования – в Афродисии. Археологические раскопки выявили здание последней, вероятно, датируемой V в., украшенной бюстами Пиндара, Сократа, Пифагора, Аристотеля и даже Алкивиада и Александра Великого[1].

Философия была также в центре внимания школы Апамеи, любимого города Ямвлиха, согласно Либанию[2], в то время как Кесария уже с III в. при Оригене обратилась к христианской и еврейской литературе и мысли, снабженная выдающейся библиотекой, сопоставимой с Александрийской, во многом, благодаря усилиям Памфила, а также с известными скрипториями, указывающими в высокой степени вероятности на создание там Синайского кодекса[3].

И, наконец, Берит (Бейрут) культивировал юридические исследования, с древних времен и на очень высоком уровне. Несмотря на аксиоматическое изречение А.П. Каждана о том, что «система частного образования в области права, типичная для ранней Римской империи, была заменена во время поздней Римской империи системой государственных университетов»[4], эта школа оставалась частной, как

особ. 315, n. 2; *Beaucamp J.* Le philosophe et le joueur. La date de la “fermeture de l’école d’Athènes” // TM. 14. 2002. P. 21–35, esp. 23–24, n. 11.

[1] *Smith R.R.R.* Late Roman Philosopher Portraits from Aphrodisias // JRS. 80. 1990. P. 127–155; *idem*. Late Antique Portraits in Public Context: Honorific Statuary at Aphrodisias // JRS. 89. 1999. P. 155–189; *Welch K.E.* Some Architectural Prototypes for the Auditoria at Kom el-Dikka and Three Late Antique (Fifth Cent. A.D.) Comparanda from Aphrodisias in Caria / edd. T. Derda et al. // Alexandria. Auditoria of Kom el-Dikka and Late Antique Education. Warsaw, 2007. P. 115–133; *Roueché, Charlotte.* Aphrodisias in Late Antiquity. London, 1989. P. 85–97. Недавно опубликованный эпиграфический материал см.: *Athanassiadi P.* La lutte pour l’orthodoxie dans le platonisme tardif de Numénius à Damascius. Paris, 2006. P. 198, n. 20.

[2] Libanii opera / ed. R. Foerster. Leipzig 1903–1927, т. 11, ep. 1389, 3. О городе и важности его школы см.: *Athanassiadi P.* La lutte pour l’orthodoxie. P. 47 ff.

[3] *Grafton A., Williams M.* Christianity and the Transformation of the Book. Origen, Eusebius, and the Library of Caesarea. Cambridge Mass., 2006. P. 178 ff., 215 ff., passim.

[4] ODB 2, 1196.

школы первых двух уровней, хотя иногда они привлекали средства либо от государства, либо из своих городов-хозяев[1].

Теперь у нас есть некоторые знания о внутренней организации и функционировании многих из этих учреждений помимо самых известных из них - Афин и Александрии, о которых всегда было достаточно информации, в последнее время дополненной археологическими находками[2]. Интересный факт: будущие студенты в школе Антиохии, в которой доминировала личность Либания после 354 г.[3], подавали заявку на поступление с обязательными ссылками на великого ритора и его труды[4]. Как почти везде в Ранней Византии[5], в этой школе был один схоларх, хотя Либаний часто привлекал преподавателей грамматики, чтобы вести чтение классических текстов, которым он придавал большое значение; некоторые из окружающих Либания либо работали

---

[1] *Hadot, Ilsetraut.* Arts libéraux et philosophie dans la pensée antique. Contribution à l'histoire de l'éducation et de la culture dans l'Antiquité. Paris, 2005. P. 217–220, 226, 244, 251, 451–453, passim; *Markopoulos A*. Education. P. 786, 790 с библиографией.

[2] О находках в Афинах см.: *Frantz A.* The Athenian Agora: results of excavations conducted by the American School of Classical Studies at Athens XXIV: Late Antiquity A. D. 267–700. Princeton, 1988. P. 88 ff., где среди прочих интересных вещей рассказывается о Доме С, впоследствии связанном с Дамаскием: *Athanassiadi P.* Damascius. The Philosophical History. Athens, 1999. P. 343 ff.; *eadem.* La lutte pour l'orthodoxie. P. 199–200. Существует больше уверенности относительно принадлежности дома в районе Акрополя Проклу: *Kariveri A.* The 'House of Proklos' on the Southern Slope of Acropolis: A Contribution / ed. P. Castrén // Post-Herulian Athens AD 267–529. Helsinki 1994. P. 115–139. Более новая книга: *Kaldellis A.* The Christian Parthenon. Classicism and Pilgrimage in Byzantine Athens. Cambridge, 2009, мало что добавляет к этому анализу. В Александрии, в Ком эль-Дикка, в старом центре города, был раскопан своего рода театрон, который можно более правильно назвать аудиторией; также ряд небольших помещений, на 30 человек, был обнаружен поблизости. Эти здания, которые относительно легко датируются, были построены в VI в., вероятно, в качестве учебных помещений, но использовались и для публичных чтений. См.: Alexandria. Auditoria of Kom el-Dikka and Late Antique Education, (n. 5), passim; *Majcherek G.* The Late Roman Auditoria of Alexandria: An Archeological Overview. P. 11–49; *idem.* The Auditoria of Kom el-Dikka: A Glimpse of Late Antique Education in Alexandria, Proceedings of the Twenty-Fifth International Congress of Papyrology. Ann Arbor, 2010. P. 471–484.

[3] *Cribiore R.* The School of Libanius in Late Antique Antioch. Princeton, 2007. P. 84.

[4] Ibid. P. 111 ff.

[5] *Browning R.* Literacy in the Byzantine World // BMGS. 4. 1978. P. 39–54, особ. p. 46.

в Антиохии, либо это были бывшие его ученики в качестве ассистентов[1]. Высокоорганизованной работе школы способствовала помощь, оказываемая ассоциацией выпускников, чьи частые встречи и тесный контакт с оратором через личную переписку способствовали имиджу учреждения и, в частности, самого Либания[2].

Школа права в Берите была включена Юстинианом (527-565), наряду с Константинопольской, в constitutio Omnem от 533 года[3], т.е., обрела государственное покровительство и контроль, после чего она приняла строгий пятилетний учебный план с различными предметами на каждый год, несмотря на то, что, по справедливости, это не сильно отличалось от предыдущей программы[4]. Юридический текст читался на латыни, истолковывался antecessores (οἱ τῆς οἰκουμένης διδάσκαλοι)[5], а затем переводился на греческий язык студентами. Большинство из них имели трудности в понимании латыни, и учителя вмешивались, чтобы решить эти проблемы.[6] Стоит отметить, что сохранились пояснительные тексты antecessores - хотя единственный полный из них является paraphrasis из Institutiones Theophili - а также студенческие

[1] *Cribiore R.* The School of Libanius. P. 30–37.

[2] Ibid. P. 104 ff. Краткий обзор образовательной деятельности Либания см.: *Cribiore R.* The Value of a Good Education: Libanius and Public Authority / ed. Ph. Rousseau // A Companion to Late Antiquity. Chichester, 2009. P. 233–245.

[3] Остается неизвестным, продолжает ли существовать юридическая школа Константинополя какое-либо время после смерти Юстиниана; см. *Troianos Sp.* Οι πηγές του βυζαντινού δικαίου. Athens, 2011. P. 101, n. 21, 147.

[4] См. *Troianos Sp.* Πηγές. P. 99 ff., особ. 101, n. 22. О правовых исследованиях до Юстиниана см.: *Wieacker Fr.* Πόνοι τῶν διδασκάλων // Leistung und Grenzen der früher oströmischen Rechtswissenschaft, Festgabe für Johannes Sontis. Munich, 1977. P. 53–89; *Медведев И.П.* Правовая культура Византийской империи. СПб., 2001. С. 102-133.

[5] *Collinet P.* Histoire de l'École de droit de Beyrouth. Paris, 1925. P. 124 ff.; *Zepos P.I.* Η νομική παιδεία κατά τον Ζ΄ αιώνα // Byzantium. Tribute to Andreas N. Stratos, 2. Athens, 1986. P. 735–749, особ. 742 n. 12.

[6] *Troianos Sp.* Η ελληνική νομική γλώσσα, Athens-Komotini, 2000. P. 27 ff.; *de Jong H.* Stephanus on the *Condictiones* in D. 121: A Byzantine Classification // Επετ. Κέντρου Ερεύνης Ιστ. Ελληνικού Δικαίου. 44. 2012–2013. P. 193–207. Иная точка зрения: *Cameron, Averil.* Old and New Rome: Roman Studies in Sixth-Century Constantinople / ed. Ph. Rousseau, M. Papoutsakis // Transformations of Late Antiquity. Essays for Peter Brown. Aldershot, 2009. P. 15–36. Также ср.: *Markopoulos A.* Roman Antiquarianism: Aspects of the Roman Past in the Middle Byzantine Period (9th - 11th centuries) // Proceedings of the 21st International Congress of Byzantine Studies. London, 21–26 August, 2006. Plenary Papers, 1. Aldershot, 2006. P. 277–297, особ. 280–281.

записки.[1] Наконец, есть свидетельства о существовании студенческих союзов, которые принимали участие в делах школы.[2]

Если все это наблюдается на периферии, где мобильность преподавателей и студентов и богатство соответствующей информации в полной мере подтверждает мнение П. Лемерля о ранней византийской эпохе как уникальной во многих отношениях[3], то требуется большая осторожность, когда речь идет о рассмотрении присутствия Византийского государства в образовательной практике. Это касается, прежде всего, Константинополя как столицы. Константинополь как новый императорский город не имел истории высших школ, и этот процесс, начавшись с приезда в столицу отдельных преподавателей в IV в. (Фемистий, Либаний и др.), был незавершен на протяжении всего ранневизантийского периода, необходимого для формирования идеологических детерминант города. Государственные интервенции в высшее образование не всегда носили системный целенаправленный характер.

Когда Либаний, после блестящих лет учебы в школе в Афинах, прибыл в Константинополь в 340-е гг. в поисках работы, а также контактов с преподавателями, уже утвердившимися там, он находит «софистов», обучающих на рынке, получивших официальные должности, не оплачиваемые государством, в соответствии со старой практикой[4]. Как он отмечает, один из этих софистов, приехав из Каппадокии, учил со специального трона в экседре[5]. Участие Либания в раздорах между конкурирующими софистами втянуло выдающегося ритора в судебные приключения и стоило ему разрешения на пребывание в Константинополе, заставив его поспешно бежать в Никомедию[6]. Либаний снова возвращается в Константинополь, скорее всего, между 348 и 355 гг., но этот второй приезд только добавляет ему неприятных впечатлений, несмотря на почести, дарованные ему императором Констанцием II (337-361)[7].

---

[1] *Troianos Sp.* Πηγές. P. 104–108.

[2] *Markopoulos A*. Βυζαντινή εκπαίδευση. P. 198–199, n. 65; *Troianos Sp.* Πηγές. P. 100 ff.

[3] *Lemerle P.* Premier humanisme. P. 51.

[4] *Cribiore R.* The School of Libanius. P. 60–61.

[5] Об экседре см.: *L(oerke) W.* ODB 2, 769; *Chatzilazarou D.* Μια άγνωστη αγορά στην Κωνσταντινούπολη του 4ου αιώνα (unpubl. postgraduate thesis). Athens, 2011. P. 90; *Majcherek G.* The Late Roman Auditoria of Alexandria. P. 25, fig. 14.

[6] *Dagron G.* Naissance d’une capitale. Constantinople et ses institutions de 330 à 451. Paris, 1984. P. 220–221; *Cribiore R.* The School of Libanius. P. 61.

[7] *Dagron G*. Naissance d’une capitale. P. 222.

Константинополь превращается в интеллектуальную столицу Империи уже во времена Констанция, после 355 г.[1] Как широко известно, ключевую роль в этом процессе сыграл Фемистий. Этот пафлагонский язычник, как описывает его Ж. Дагрон[2], был принят в сенате после письма с императорской рекомендацией, отправленного в этот высший государственный институт, в котором назначение Фемистия объясняется в деталях[3]. Это решение позволило императору начать новую политику в области высшего образования. В частности, приглашение Фемистия преподавать в Константинополе четко отражает решимость Констанция придать новой столице интеллектуальный престиж, которого ей до сих пор не хватало, несмотря на определенное наличие софистов[4]. Оратор, который начал учить из κοινὸν θέατρον города, отказавшись от своего философского потенциала (Фемистий)[5], вскоре погасил свой долг перед Констанцием. В своей известной речи 357 г. по случаю празднования vincennalia императора[6], Фемистий говорит, что новая роль, отводимая Константинополю - в основном интеллектуальная, а не коммерческая, как следовало бы ожидать из-за его выгодного расположения; миссия города - сохранение классического прошлого *через греческий язык* и распространение его во всем известном тогда мире. В той же речи Фемистий приветствует процесс копирования текстов и создания библиотеки, который шел полным ходом в новой столице, опять же, с одобрения императора[7].

Очевидно, что присутствие Фемистия в Константинополе и его влияние на вопросы высшего образования в новой столице и на интеллектуальную жизнь, всегда находились под защитой императора, и во многом проложили путь для основания Pandidakterion («Университе-

---

[1] *Lemerle P*. Premier humanisme. P. 54 ff.

[2] *Dagron G*. Naissance d'une capitale. P. 380.

[3] *Dagron G*. L'Empire Romain en Orient au IVe siècle et les traditions politiques de l'Hellénisme. Le témoignage de Thémistios // TM. 3. 1968. P. 1–242, esp. 60 ff.

[4] *Lemerle P*. Premier humanism. P. 55 ff.; *Dagron G*. Naissance d'une capital. P. 125–127, passim.

[5] *Dagron G*. Le témoignage de Thémistios. P. 24, 42–43.

[6] Ibid. P. 205 ff.

[7] *Lemerle P*. Premier humanism. P. 56–60. Cf. *Wilson, N.G.* Scholars of Byzantium. London, 1983. P. 50; *Vanderspoel J.* Themistius and the Imperial Court. Ann Arbor, 1995. P. 96–100; *Markopoulos A.* Βυζαντινή εκπαίδευση. P. 192; *Chatzilazarou D.* Μια άγνωστη αγορά. P. 101. Калделлис (*Kaldellis A.* Hellenism in Byzantium. The Transformation of Greek Identity and the Reception of the Classical Tradition. Cambridge, 2007. P. 73) точно указывает, что Фемистий служил в качестве модели политического деятеля и философа в более поздние византийские времена.

та») императором Феодосием II (408-450). Это основание, имевшее место в 425 г.[1] было, вне всякого сомнения, институциональной новизной: впервые Византия как государство обращается к учреждению специальной политики в области высшего образования и новой системы высшего образования, параллельно с традиционной, которая имела долгую историю и активно присутствовала в империи (частное образование, образование с небольшой государственной поддержкой и т.д.). Следует подчеркнуть, что эта новая высшая школа существовала исключительно с целью подготовки должностных лиц для управления государством, что подвигло П. Лемерля говорить о государственной монополии относительно университетов[2].

Важно отметить, что предложение Фемистия о продвижении греческого языка в 357 г., вводится в практику этого нового университета, который имел почти равное количество преподавателей для греческого и латинского языков[3]. Кроме того, в IV в. империя испытывала конкуренцию между греческим и латинским языками, вызванную переходом на латынь греческими ораторами, которые делали карьеру в государственном аппарате.[4] После смерти Феодосия I (395 г.) и разделения империи была создана новая языковая ситуация, которая была связана с соответствующими выборами различных социальных слоев. Таким образом, первоначальная тенденция к единому государству с двумя «официальными» языками, греческим и латинским, приходит в упадок, если судить по Pandidakterion, и прекращается с течением времени, как это широко известно[5]. Греческий язык начинает вытеснять латынь с середины V в. в Восточной империи на муниципальном уровне, а с конца VI в. и при дворе.

Почти уверенно можно утверждать, что Pandidakterion не продолжил своего существования после правления Ираклия (610-641); у

---

[1] Cod. Theod.14.9.3 = Cod. Just.11.19.1.

[2] *Lemerle P*. Premier humanism. P. 64. Мнение *P. Speck* о книге очень полезно в обсуждаемом контексте (см.: BZ. 67. 1974. P. 385–393 = Understanding Byzantium / ed. *S. Takács.* Aldershot, 2003, no. II). См. также: *K(azhdan) A.* University of Constantinople // ODB, 3, 2143.

[3] *Lemerle P*. Premier humanism. P. 63–64; более детально: *Wilson N*. Scholars. P. 49 ff.

[4] См.: *Dagron G.* Aux origines de la civilisation byzantine: Langue de culture et langue d'État // Revue Historique. 241. 1969. P. 23–56 (= La romanité chrétienne en Orient. London, 1984, no. I); *Rochette Br.* Le latin dans le monde grec // Recherches sur la diffusion de la langue et des lettres latines dans les provinces hellénophones de l'empire romain. Brussels, 1997. P. 130 ff.

[5] *Markopoulos A.* Roman Antiquarianism. P. 280–281 с обширной библиографией.

нас нет никаких доказательств того, что он функционировал после VI в.[1] После этого государство не будет предпринимать никаких дальнейших действий в поле «высшего образования» вплоть до учреждения школы Магнавра (855 г.). Причины этого изменения в государственной политике возвращают нас ко временам Юстиниана. Именно в это время, как и ранее, государственная догма (опять же, по существу, оформленная Фемистием), в которой эллинизм и христианство следует рассматривать как два мировоззрения, еще диаметрально противоположных, но способных сосуществовать[2], уступает место догме Юстиниана о едином государстве с единым языком.

Так, в сентябре 529 г. Юстиниан издает хорошо известный указ, которым он запрещает язычникам, еретикам и евреям преподавать; закрытие школы Афин происходит в этом контексте (прекращение финансирования со стороны города) и показывает признаки наступающего упадка[3], несмотря на наличие Дамаския, который преподавал философию там с начала VI в.[4] Как следствие, научное исследование, ключевой элемент образования в более ранние века, уходит из школ. Антецессоры юридических школ заменяются scholastikoi, которые находятся ближе к риторике, чем к теории права[5]; все кодифицируется; преподаватели теряют налоговый иммунитет, которым они пользовались в течение многих столетий; и литературное производство практически попадает под контроль властей и церкви, хотя успехи Юстиниана в этой области не очевидны[6]. Тем не менее, Майкл Маас, видимо, преувеличивая, говорит о возросшей роли Церкви в тот период, осо-

---

[1] *Lemerle P*. Premier humanism. P. 77 ff. См. также: *Wolska–Conus W*. Stéphanos d'Athènes et Stéphanos d'Alexandrie. Essai d'identifi cation et de biographie // REB. 47. 1989. P. 5–89, esp. 16 ff., 82 ff.

[2] См.: *Dagron G*. Le témoignage de Thémistios. P. 163–186, с важным анализом соответствующей речи Фемистия. См. также: *Vanderspoel J*. Themistius and the Imperial Court. P. 138–139.

[3] Cod. Just.1.5.18;1.11.10. См.: *Beaucamp J*. Le philosophe et le joueur, passim, esp. 24–25, n. 22–24. Э. Уоттс, однако, принимает другую точку зрения. См. также: *Wildberg Chr*. Philosophy in the Age of Justinian / ed. *M. Maas* // The Cambridge Companion to the Age of Justinian. Cambridge, 2005. P. 316–340.

[4] *Athanassiadi P*. La lutte pour l'orthodoxie. P. 199; *Watts E*. Justinian, Malalas, and the End of Athenian Philosophical Teaching in A.D. 529 // JRS. 94. 2004. P. 168–182, особ. 169.

[5] *Troianos Sp*. Πηγές. P. 147–148 ff.

[6] *Lemerle P*. Premier humanism. P. 72; *Rapp Cl*. Literary Culture under Justinian // The Cambridge Companion to the Age of Justinian. P. 376–397, особ. 392 ff.; *Athanassiadi P*. Vers la pensée unique. Le monde de l'intolérance dans l'Antiquité tardive. Paris, 2010. P. 114 ff.

бенно в том, что касается образования. Было бы правильнее сказать, что государство использует церковь для того, чтобы предотвратить какие-либо отклонения от своего курса, особенно после восстания Ника (532 г.)[1].

Было бы искажением реальности утверждать, что строго насильственными институциональными решениями Юстиниана в сфере образования Византия разорвала пуповину, связывающую ее с классическим традиционным образованием и знаниями в целом. Такие обобщения, которые делает А.П. Каждан, по крайней мере, частично, когда он говорит о культуре «немой Византии» в прямом контрасте с «красноречивой античностью»[2], являются крайними. С другой стороны, нет никаких сомнений в том, что с VII столетия наши источники почти иссякают, и трудно найти информацию о высшем образовании, или о любом образовании вообще. Тем не менее, уровень образования, ограниченный элитой, в городах, остается и далее на высоком уровне, поскольку учебный процесс не нарушается, как можно сделать вывод на основании многочисленных свидетельств, преимущественно агиографических текстов[3]. В городах были постоянно нужны грамотные свидетели для судебных процедур, касающихся наследования или других подобных случаев[4].

В любом случае, разрозненная информация, имеющаяся в нашем распоряжении, проанализированная П. Лемерлем[5], подтверждает, что после VI в. никакие новые образовательные институты не возникают. Серьезный кризис, который надолго поразил Византию после Ираклия, оказал непосредственное влияние на высшее образование. Огромные территориальные потери того времени лишили империю высших учебных заведений, которые она до сих пор имела, таких как в Александрии, пережившей запреты Юстиниана[6]. Стихийные бедствия

---

[1] *Maas M.* Roman Questions, Byzantine Answers: Contours of the Age of Justinian // The Cambridge Companion to the Age of Justinian. P. 3–27, esp. 20–21.

[2] *Kazhdan A.* Der Mensch in der byzantinischen Literaturgeschichte // JÖB. 28. 1979. P. 1–21, особ. 14 (= Authors and Texts in Byzantium. Aldershot, 1993, no. II).

[3] *Lemerle* P. Premier humanism. P. 98–99; *Ronconi, F.* Quelle grammaire à Byzance? La circulation des textes grammaticaux et son refl et dans les manuscrits / ed. G. De Gregorio et alii // La produzione scritta tecnica e scientifi ca nel Medioevo:libro e documento tra scuole e professioni. Spoleto, 2012. P. 63–110, esp. 72 ff. (чьи мнения в некоторых случаях сомнительны).

[4] Cod. Just. 6. 23. 31.

[5] *Lemerle P*. Premier humanisme. P. 74 ff.

[6] *Watts E.* Justinian, Malalas, and the End of Athenian Philosophical Teaching. P. 178.

и эпидемии ускоряют этот процесс: землетрясение 551 г. разрушает юридическую школу Берита[1], более позднее землетрясение сносит Афродисию[2], и, наконец, эпидемия чумы в 551 г. вполне может оказаться причиной закрытия юридической школы Константинополя[3].

Отсутствие высших учебных заведений с сер. VII в. было восполнено школами общей грамматики (на уровне введения в общее высшее образование). Эта реформа была навязана обстоятельствами, а именно: деурбанизацией, перестройкой государства, позднее - иконоборчеством, что создало совершенно новые исторические условия. Не будет преувеличением сказать, что утвердилась новая старая школа, которая зависела от одного основного преподавателя, хотя ее структура меняется[4]. По существу, она пыталась компенсировать отсутствие иного высшего образования в интеллектуальной жизни империи - и во многом успешно[5].

РОЛЬ РОДИТЕЛЕЙ И РОДСТВЕННИКОВ В ОБУЧЕНИИ ДЕТЕЙ В РАННЕЙ ВИЗАНТИИ

А.М. Болгова

В работе предлагается очерк истории начального домашнего обучения детей в Ранней Византии. Рассматривается роль родителей и родственников в этом процессе.

Ключевые слова: дети, домашнее обучение, родители, родственники, Ранняя Византия.

THE ROLE OF PARENTS AND RELATIVES IN THE TRAINING OF CHILDREN IN THE EARLY BYZANTIUM

A.M. Bolgova

The paper suggests an outline of the history of the initial home schooling of children in Early Byzantium. The role of parents and relatives in this process is considered.

---

[1] *Troianos Sp*. Πηγές. P. 147.
[2] *F(oss) Cl.* Aphrodisias // ODB, 1, 128.
[3] *Troianos Sp*. Πηγές. P. 101.
[4] *Markopoulos A.* De la structure de l'école byzantine. Le maître, les livres et le processus éducatif / ed. B. Mondrain // Lire et écrire à Byzance. Paris, 2006. P. 85–96 (P. 88).
[5] Ibid. P. 86.

Key words: children, home schooling, parents, relatives, Early Byzantium.

Семья занимала важное место в начальном образовании в Ранней Византии.[1] Родители играли значимую роль в школьном обучении своих детей, или нанимали частных преподавателей для домашнего обучения. В некоторых случаях и в особой обстановке родители сами брали на себя роль учителей. Кроме того, другие родственники также часто принимали участие в процессе образования, обеспечивая как детей, так и родителей советом и/или протекцией. Когда родители - или, по крайней мере, один из них - отсутствовали или умирали, дети доверялись покровительству дедов или дядьев, главным образом, родственникам по мужской линии, которые занимали высокие гражданские или церковные посты, которые заботились о них в течение периода их обучения. Определяющая роль родственников в образовании детей бросает свет на природу социальных микроструктур в ранневизантийском обществе.

Н. Калугерас обращает внимание на письмо из Оксиринха, адресованное некоему Птолемею его матерью. В нем мы, в частности, читаем: «Я была опечалена, узнав от дочери нашего учителя Диогена, что он ушел вниз по реке. Я никогда не беспокоилась о нем, потому что знала, что он оказывал бы тебе наилучшую заботу, какую только мог. Я стремилась часто писать ему и спрашивала о твоем здоровье, и узнавала, что ты читаешь. Он сказал, что это была шестая книга [Илиады] и снабдил меня полной информацией о твоем обучении. Так что сейчас, мой сын, я советую и тебе, и твоему педагогу озаботиться поисками подходящего учителя для тебя». Мать Птолемея выражает свое беспокойство, потому что учитель ее сына (καθηγητής) уплыл из Оксиринха в Александрию в поисках лучшей карьеры. Она, вследствие этого, советует ее сыну найти подходящую замену учителю с помощью его педагога (παιδαγωγός) Эроса[2].

Из этого письма следует, что родители обнаруживали свою заинтересованность в образовании своих детей[3]. Образцы переписки

---

[1] См. подробнее: *Kalogeras N.* The role of parents and kin in the education of byzantine children // Hoping for Continuity: Childhood, Education and Death in Antiquity and the Middle Ages / ed. K. Mustakallio, J. Hanska, H.-L. Sainio, V. Vuolanto. Rome: Institutum Romanum Finlandiae, 2005. P. 133-143. Работа охватывает время до XI века.

[2] Письмо сохранилось на папирусе (P. Oxy. VI 930) и датируется II-III вв.: Women's Life in Greece and Rome. London, 1992. P. 190.

[3] См. *Golden M.* Children and Childhood in Classical Athens. Baltimore – London, 1993. P. 62-63.

между родителями и их детьми мужского пола, сохранившиеся на папирусах из Египта, составляют только один тип источников, доказывающий заинтересованность родителей в образовании их отпрысков[1].

Некоторое количество примеров можно найти также и в литературных источниках. Среди наиболее явных из дошедших свидетельств относительно интереса семей в обучении детей - письма, которыми ритор и профессор IV века Либаний обменивался с родителями и своими студентами[2].

Первоначальной целью образования в классической античности было приобретение не литературных знаний, но средств для вхождения граждан в структуру полиса через правильное поведение (eukosmia)[3]. В этом направлении родители сосредотачивались преимущественно на моральных наставлениях, а потом уже на обучении наукам.

Подобным образом и позднеантичная семья часто представляла собой первоначальную школу для детей обоих полов, и отец решал будущее детей в этой сфере.[4] Считалось, что дети могли изучать свои первые науки дома с помощью члена семьи или кого-либо из их окружения.[5] Дети из низшего слоя получали образование в элементарных школах, в то время как родители из элитных семей были лично вовлечены в обучение своих сыновей чтению и письму.[6]

В Поздней античности семья стала заметной единицей общественной и экономической жизни[7]. Отец был теперь скорее опекуном

---

[1] О роли семьи в образовании в греко-римском Египте см.: *Cribiore R.* Writing, Teachers and Students in Graeco-Roman Egypt. Atlanta, 1996. P. 3-26; *eadem.* Gymnastics of the Mind: Greek Education in Hellenistic and Roman Egypt. Princeton, 2001. P. 102-123, 47-50.

[2] Письма Либания рассматривают преимущественно студентов на высшем уровне образования. Р. Крибиоре использует письма Либания и корреспонденцию, которой обменивались родители и студенты в Египте, в попытке проиллюстрировать вовлечение родителей в детское школьное образование.

[3] Plato, Protagoras, 325D.

[4] О patria potestas и ответственности отца внутри семьи см.: *Saller R.* Patria potestas and the stereotype of the Roman family // Continuity and Change. 1. 1986. P. 7-22; *Crook J.* Patria Potestas // CQ n.s. 17. 1967. P. 113-122.

[5] См. *Booth A.* Elementary and Secondary education in the Roman Empire // Florilegium. 1. 1979. P. 1-14.

[6] О роли родителей в образовании детей см.: *Harris W.V.* Ancient Literacy. Cambridge, MA – London, 1989. P. 233-234.

[7] О попытке Константина стабилизировать семейные связи через законодательство см.: *Evans Grubbs J.* Law and Family in Late Antiquity: The Emperor Constantine’s Marriage Legislation. New York, 1995. Что касается общего изуче-

своих детей, нежели абсолютным господином (dominus) семейства. Христианство, как представляется, не изменило иерархию между супругами[1]. В ранневизантийский период отец продолжал принимать наиболее важные решения о будущем своих детей, поэтому и формальное образование ребенка оставалось в его ответственности[2]. Однако, вклад матери, как и других членов семьи, в наставление детей, имел большую важность. Это динамичное взаимодействие между семьей и образованием позволяет понять, как связи среди членов семьи и их связи с родственниками вне семейства влияли на формы образования детей.

Представленное выше письмо к Птолемею от его матери составляет только один из нескольких массивов информации, раскрывающих участие родителей в образовании их детей в Поздней античности и Ранней Византии, особенно, когда последние занимались науками далеко от дома. Когда дети уже учились вдали от дома, или собирались покинуть дом ради образования, родители были не менее озабочены поисками безопасных и надежных мест и родственников, которым они могли бы доверить своих детей, чем нахождением квалифицированных учителей.[3] Обеспечить «дом вдали от дома» для своих детей было одним из наиболее высоких приоритетов родителей.

Когда оба родителя участвовали в управлении домом и воспитании детей, тогда они имели и ведущую роль в образовании детей, отводя родственникам лишь консультативную роль. Вторая модель

ния семейных структур в Поздней античности, см.: *Nathan G.* The Family in Late Antiquity: The Rise of Christianity and the Endurance of Tradition. London, 2000.

[1] О форме potestas в Поздней античности см.: *Arjava A.* Paternal Power in Late Antiquity // JRS. 88. 1998. P. 147-165. Очень интересен взгляд на сходства и различия в идеологии язычников и христиан в Поздней античности, выраженный в: *MacMullen R.* What Difference did Christianity make // Historia. 35. 1986. P. 322-343.

[2] А.П. Каждан в своих работах по византийской социальной истории показывает роль семьи в структуре византийского общества и в формировании византийской идентичности. См. *Kazhdan A., Constable G.* People and Power in Byzantium: An Introduction to Modern Byzantine Studies. Washington, 1982. P. 32-33, 88; *idem.* Small Social Groupings (Microstructures) in Byzantine Society // JÖB. 32/2. 1982. P. 3-11, где он показывает византийскую семью как микроструктуру с большими полномочиями.

[3] Об образовательных поездках в Византии, см. *Kalogeras N.* ‘Ἐξεπέμφθη εἰς τὴν βασιλίδα τῶν πόλεων προφάσει μὲν παιδεύσεως τῆς ἔξω παιδείας: Εκπαιδευτικές διαδρομές στο Βυζάντιο (5ος - 9ος αι.) // Acts of the 1st International Symposium on Greek Schools in the Mediterranean. Chios, 2002. P. 88-100.

имеет дело со случаями, когда один из родителей отсутствует, в то время как какой-то другой просит у родственников с материнской или отцовской стороны совета или помощи.

Необходимо указать на проблему, возникающую из характера наших источников: они включают - преднамеренно или нет - картину образования как стремление высших классов обучить юношей. Вследствие этого возникают определенные ограничения. Одно из них связано с агиографией - наиболее важным источником для истории детского образования в Византии. Византийские святые чаще всего принадлежали к процветающим семьям, и поэтому биографическая информация, которая происходит о них, не репрезентативна для широкого круга византийского населения.

Следуя эллинистической структуре образования, школьное образование детей в Ранней Византии теоретически было разделено на три уровня. В действительности же, византийская система образования состояла из комплексной сети практик, лишенной четких уровней и типов образования. Отсутствие централизованной образовательной системы, особенно на начальном и среднем уровнях, побуждало семьи предпринимать настойчивые действия в некоторых аспектах обучения. Родители занимались поиском квалифицированных домашних учителей, и наиболее образованные родители учили сами.

Первостепенной миссией византийских родителей, как отмечается в трактатах отцов Церкви, было научение «должному житию». Житие Евтихия, будущего патриарха Константинополя (ум. в 582 г.) сообщает, что святой был воспитан его родителями и жил с ними в течение своих ранних лет (πρώτη ἡλικία)[1]. Обучение, которое они предложили ему, было, главным образом, моральным и духовным. Только когда Евтихий покинул дом, он действительно приобрел книжное образование в местной церковной школе в его родном городе Августополе[2].

Отцы Церкви увещевали родителей наставлять своих детей в благочестии и обеспечивали их советом об эффективном использовании древнегреческой литературы[3].

Семейное окружение оказывало главное влияние на детей и составляло их первую «школу». В этой обстановке родители в Поздней

---

[1] Жизнь Евтихия (d. 582) PG 86: 2273-90, особ. 2281.

[2] Жизнь Евтихия, 2284. Григорий Акрагантский также получал только моральную и религиозную подготовку от своих родителей, перед тем как пойти в церковную школу, где он стремился к литературному образованию.

[3] См. Basil of Caesarea. On Greek Literature. London, 1975; John Chrysostom. Sur la vaingloire et l’education des enfants. Paris, 1972.

античности и Византии давали большую часть начального образования их детям в самом раннем возрасте.

Родители не только советовали и направляли своих детей, но также принимали окончательные решения относительно их будущего. Если оба родителя были живы, то они оба оказывались вовлеченными в образование и воспитание своих детей - хотя и в разном отношении. Матери всегда осуществляли воспитание детей; мать играла более активную роль в обучении детей буквам в течение дошкольного возраста. Для более старших возрастов роль матери была ограничена, главным образом, моральными и в некоторых случаях книжными наставлениями для своих дочерей.

Взаимодействие между матерями и их дочерями широко подтверждено в источниках.[1] Общим правилом для дочерей было находиться под прямой властью матерей, в то время как мальчики постепенно дистанцировались от их матерей, и более привязывались к отцам. Отцы, когда они были в состоянии, содействовали образованию своих сыновей лично. Отцы были более вовлечены в этот процесс на более поздних этапах жизни их детей и всегда принимали конечные решения по принципиальным вопросам относительно будущего дочерей и сыновей, таких как устройство брака или их карьерные решения.

Родители, которые понимали ценность обучения - главным образом, родители из высших классов - делали образование одним из самых высоких приоритетов для своих детей, потому что они верили, что хорошее образование могло привести их отпрысков к лучшей карьере. Когда родители имели соответствующие знания, они прямо принимали участие в процессе обучения; однако, наставления, изучаемые дома, были часто ограничены лишь вводными элементами. Ученый отец Григория, будущего знаменитого епископа Акраганта в Южной Италии (ум. в нач. VII в.), был увлечен образованием своего сына и был счастлив от его успехов в школе[2].

Управление обучением было частью динамики взаимосвязи между родителями и детьми. Школьное образование младших показывает сильные узы между родителями и детьми, так же, как и связи между родителями и родственниками. Образование следует тогда рассматривать как семейную стратегию: организованную попытку улуч-

---

[1] См. *Ashbrook Harvey S.* Sacred Bonding: Mothers and Daughters in Early Syriac Hagiography // JECS. 4:1. 1996. P. 27-56.

[2] Григорий получил исчерпывающую подготовку в церковной школе Акраганта. Его образование длилось в течение десяти лет. См. Life of Gregory of Akragas // Leontios Presbyteros von Rom: Das Leben des heiligen Gregorios von Agrigent / A. Berger (ed.) / Berliner Byzantinische Arbeiten. 60. Berlin, 1995.

шить коллективное положение семьи через профессиональную подготовку младших.

История византийского образования показывает, что родители уделяли гораздо больше внимания образованию сыновей, так как обучение было необходимым инструментом и ценным качеством для прибыльной должности выходцев из элитных семей, будь то политическая или религиозная. Девочки, в противоположность этому, не стремились к специализированному образованию, так как для них не было путей к карьере, которая требовала бы особых знаний[1]. Большинство девочек не получало формального образования, к своему и их будущему семейному ущербу, так как это оставляло им недостаток знаний, требуемых для обучения уже их детей.

Обычная роль византийских матерей состояла в воспитании их детей согласно христианской этике[2]. Они обеспечивали своих детей моральной подготовкой и наставлениями, когда они могли делать это. Матерей поощряли получать некоторый род знаний, чтобы передавать его своим детям. Это был серьезный и достаточный довод, чтобы, по крайней мере, девочки из высших классов получали некоторое книжное образование.

Когда дети входили в возраст начала их книжного образования, в 6 или 7 лет, то мальчики продолжали свое образование под руководством частных домашних учителей или посещали церковные школы, в то время как девочки обычно оставались дома с их матерями, которые учили их, главным образом, тому, как они могли стать хорошими женами и хорошими матерями.[3]

За исключением персонального вовлечения в образование детей, выражаемого в абсолютно личном обучении или в поиске хороших домашних учителей, родители часто обращались к близким родственникам, прося совета или помощи, когда их дети нуждались в повышении своего образования[4].

---

[1] *Talbot A.-M.* Women // The Byzantines. Chicago, 1997. P. 119-121. Также: *Beaucamp J.* Le statut de la femme à Byzance (4e - 7e siècles), vols I-II. Paris, 1990. Vol. I. P. 40.

[2] О роли матерей как моральных наставницах детей см.: *Herrin J.* L’enseignement maternel à Byzance’ in Femmes et Pouvoirs des Femmes à Byzance et en Occident (Vie - XIe siècles). Villeneuve d’Ascq, 1999. P. 91-102.

[3] Главное занятие для женщин - забота о доме, рождение и воспитание детей. См.: *Laiou A.* The Role of Women in Byzantine Society // JÖB. 31/1. 1981. P. 236.

[4] Традиция доверия детей заботе родственников восходит ко времени Августа, при котором известно, что он был учителем для своих внуков, обучая их письму, плаванию и другим элементарным умениям: Suetonius, Augustus, 64.5.

Вовлечение родственников в принятие решений относительно образования раскрывает контакт малой моногамной семьи с родственниками и степень, в которой родители стремились открыть двери своего дома родственникам. Случай патриарха Евтихия Константинопольского, который родился в деревне Фейон во Фригии, проливает свет на функции семейного совета в Византии. Евтихий оставался дома со своими родителями до конца своих ранних лет (πρώτη ἡλικία). В возрасте семи лет он покинул свой дом с согласия своих родителей в поисках лучшего образования и посещал школу церкви Августополя[1]. Выбор этой особой церковной школы, конечно, не был сделан случайно. Дедушка Евтихия служил в качестве священника и ризничего этой церкви, и его присутствие повлияло на решение его родителей. Дедушка присматривал за Евтихием в церковной школе, но его роль не ограничивалась этим. Он был вовлечен в принятие решения об образовании и будущем его внука на неофициальном consilium.[2] После того, как мальчик завершил свое элементарное образование в возрасте 12 лет, его родители вместе с его дедушкой решили отправить его в Константинополь продолжать обучение светским предметам.

Важно отметить, что в случае, когда родители или другие родственники были клириками, дети наиболее вероятно получали церковное образование. Житие Кириака (ум. в 556 г.), написанное Кириллом Скифопольским, сообщает, что Кириак, чей отец был пресвитером (πρεσβύτερος) в церкви Коринфа, и чей дядя по материнской линии был епископом в той же церкви, получил усиленное церковное образование[3].

Роль родственников по материнской и отцовской линии в образовании детей становилась более распространенной, когда матери или - в большинстве случаев - отцы отсутствовали или умирали. В этом случае вопрос об образовании становился частью более широкого вопроса опеки младших. Агиографические источники указывают, что вдовые матери доверяли своих детей их кровным родственникам - церковнослужителям или монахам. Кирилл Скифопольский написал,

---

[1] Жизнь Евтихия, 2281.

[2] Эта практика намекает на древнеримскую *consilia* (=семейные советы): См. *Dixon S.* The Roman Family. Baltimore – London, 1992, ch. 5.

[3] Kyrillos von Skythopolis / Ed. Schwartz (ed.). Leipzig, 1939. S. 222-235. «Этот Кириак, просвещенный в душе, был из греческой семьи города Коринфа; что касается его родителей, то его отцом был Иоанн, священник святой кафолической церкви Господа в Коринфе... Он был племянником с материнской стороны Епископа Петра Коринфского, под чьим руководством он стал с детства чтецом в той же святой церкви».

что когда его герой Евфимий (376/7 - 473) был трех лет от роду, его отец исчез, и его мать взяла его в епископскую резиденцию (ἐπισκοπεῖον) Мелитены, где передала его своему брату, схоластику Евдоксию[1]. Евдоксий принял племянника в церковь и рекомендовал мальчика епископу Мелитены, который предложил ему хорошее образование. Присутствие дяди по матери Евфимия в свите епископа Метилены был сильнейшим доводом, чтобы его вдовая мать отправила мальчика в школу этой церкви.

Были, однако, примеры, когда вдовые матери брали заботу о воспитании и образовании их детей на себя в одиночку или, как минимум, без существенной помощи от родственников.

Реже в дошедших источниках встречаются случаи, когда отцы переживали матерей. В отсутствии матери вдовый отец один, или с помощью родственников, принимал на себя руководство воспитанием и наставлением детей. Евфросинья Александрийская (ум. в 420 г.), которая происходила из богатой семьи Александрии, достигла определенного уровня знаний с помощью своего отца. Когда девочке исполнилось 12 лет, ее мать умерла, и отец один продолжил наставлять ее в письме и литературе. Он делал так до того, пока она не достигла 18 лет, когда он решил выдать ее замуж за высокого сановника.[2] Как следует из жития, Евфросинья начала обучение перед кончиной ее матери, вероятно, после своего крещения. Вдовцы обычно рекомендовали воспитание их детей родственницам. Вдовцы из высших классов могли нанять частного домашнего учителя для наставления своих детей.

Очень примечателен пример святой V в. Елизаветы Гераклейской (ум. в 474 г.). Елизавета родилась в богатой и выдающейся семье, и начала обучение, согласно ее биографу, очень рано, когда ей было три года.[3] Ее отец отвечал за ее образование.[4] Однако, когда ей исполнилось 12 лет, ее мать умерла; в этот момент ее отец захотел выдать ее замуж в большей степени, чем продолжить ее образование[5].

---

[1] Kyrillos von Skythopolis. B., 1939. S. 5-85.

[2] Vita Sanctae Euphrosynae // AB. 2. 1883. P. 195-205.

[3] Sainte Élisabeth d' Héraclée, abbesse à Constantinople // AB. 91. 1973. P. 249-264: «Она пришла из крупного города Гераклеи Фракийской. Ее родители были не безвестными или невыдающимися, но благородными, богатыми и полными доблести».

[4] Видимо, ее образование имело устный характер, так как ее биограф упоминает, что она была способна повторять вслух по памяти жития святых после того, как она услышала их всего один раз.

[5] Life of Elisabeth of Herakleia, 256: Life of St. Elisabeth the Wonderworker // Holy Women in Byzantium: Ten Saints' Lives in English Translation. Dumbarton Oaks,

Образование было одной из обязанностей тех, кто опекал младших. Таковой для девочек могла быть крестная мать. Жития иногда не упоминают какого-либо кровного родства между ребенком и его опекуном. Духовное родство византийцы рассматривали как важное как кровное родство[1]. Хотя для детей было очень существенно иметь заботящегося и любящего опекуна для развития их личности, как и для достижения хорошего образования, немало людей верили, что никто не может заместить отсутствующего родителя.

В случае, если оба родителя отсутствовали или умерли, материнские или отцовские родственники брали ответственность за образование ребенка. Однако, предпочтение мужских родственников женским (с одинаковым уровнем кровного родства) для опеки за младшими - доказано и засвидетельствовано папирологическими свидетельствами[2]. Однако, дяди не всегда играли положительную роль. В Житии Саввы Кирилла Скифопольского упомянуто, что после того как родители Саввы умерли, его отцовские и материнские дяди вступили в борьбу друг с другом о том, кто возьмет на себя заботу о мальчике, а впоследствии – и о его имуществе. Это был явный случай того, что собственность стала господствующим фактором опеки за ребенком и, конечно, он был не единственным.

Итак, когда оба родителя были живы, они были вовлечены в образование своих детей (мальчиков и девочек) и обычно исполняли равноценные роли как или наставники сыновей, или учителя дочерей. Когда дети достигали подходящего возраста, чтобы начать свое литературное образование, родители обычно доверяли образование сыновей профессиональным учителям, в то время как дочери наиболее часто оставались дома с матерями, которые принимали на себя ответственность за их моральное и литературное образование. При кончине

1996. P. 117-135: «Ребенок возрастал в телосложении и привлекательности. В возрасте трех лет ее отец уже обучал ее священным письменам. Она показала себя таким знатоком и такой способной в них, что была способна повторять вслух Жития святых, <наизусть> после одиночного прослушивания. Когда ей исполнилось 12 лет, ее мать ушла из земной жизни. Ее отец хотел выдать ее замуж, но девочка совсем не могла выносить слушать об этом, так как она решила скорее сочетаться браком с бессмертным женихом, Христом». Согласно Кодексу Юстиниана, минимальный возраст для брака был 14 лет для мужчин и 12 для женщин.

[1] *Macrides R.* The Byzantine Godfather // BMGS. 11. 1987. P. 139-162.

[2] Все сохранившиеся папирусы на эту тему датируются от IV века. Три таких текста см.: P. Cair. Isid. 77 (320 г.), P. Abinn. 63 (350 г.), P. Sakaon 40 (между 318 и 320 гг.); об их содержании см.: *Beaucamp J.* Le statut de la femme à Byzance (4e - 7e siècles). P., 1990. Vol. II. P. 178, 333.

или отсутствии одного из родителей, тот, который оставался, обращался к родственникам для помощи или совета в области образования. Наиболее вовлеченными в этот процесс были родственники-мужчины, особенно дяди и дедушки, в то время как тетки, бабушки и крестные матери приходили позже.

В случае, что мать-одиночка (вдова или брошенная) решала задачу образования ее ребенка, она, вероятно, брала на себя персональную заботу о дочернем образовании, в то же время, доверяя образование сына учителям или родственникам-мужчинам с материнской стороны[1].

В 390 г. Феодосий I обнародовал первый известный декрет, который предписывал опекунство матерям на условиях, чтобы они не вступали в повторный брак.[2] Если вдовые матери, несмотря на это, решали обратиться к родственнику для поддержки, они предпочитали обращаться сначала к родственникам своей крови, желательно к отцам или братьям, которые были вовлечены в семейные дела.[3]

Отцы, которые пережили матерей, нанимали учителей для образования своих сыновей, хотя они доверяли воспитание (которое включало различные формы наставлений) своих дочерей родственницам, а именно бабушкам или крестным матерям. Только в редких случаях они давали образование своим дочерям в одиночку, формируя агиографическую модель, согласно которой дети-святые обычно присутствуют в парах с родителями противоположного пола.

ШКОЛА ГИПАТИИ В АЛЕКСАНДРИИ

Н.Н. Болгов, А.М. Болгова

В работе дается первый в отечественной историографии очерк истории школы Гипатии в Александрии и роли ее схоларха. Уделено внимание проблемам гибели женщины-ученого.

Ключевые слова: школа, Гипатия, Александрия, схоларх.

---

[1] После ранней подготовки дома образование мальчиков почти всегда доверялось мужчинам.

[2] Digest. 26,1,18; Cod. Just. 5,35,1; 3.17.4. В отличие от классического законодательства, которое не позволяло матери опеку ее детей, юридические инновации поздней Римской империи дали ей право служить опекуном ее детей. Эволюция от классического к ранневизантийскому гражданскому законодательству относительно роли вдовых матерей увеличивала их власть над их детьми.

[3] *Beaucamp J.* Le statut de la femme à Byzance (4e - 7e siècles). P., 1990. Vol. II. P. 334.

SCHOOL OF HYPATIA IN ALEXANDRIA

N.N. Bolgov, A.M. Bolgova

In this work, the first in domestic historiography is given a sketch of the history of the Hypatia school in Alexandria and the role of its scholar. Attention is paid to the problems of the death of a female scientist.

Key words: school, Hypatia, Alexandria, the scholarch.

В истории высшей школы поздней античности нет, наверное, более известного имени, чем имя Гипатии, александрийского ученого и схоларха начала V в. Между тем, в отечественной историографии совершенно отсутствуют научные работы историков, которые были бы посвящены этой личности и ее школе. Единственное исключение – популярный очерк М.М. Казакова[1] в сборнике, подготовленном историками Белорусского госуниверситета. Прочие работы на русском языке являются переводными или популярными.

Ни один из текстов, подтверждающих жизнь Гипатии[2], не упоминает дату ее рождения, хотя большинство ученых датируют это между 355-375 гг. в римской Александрии. Труды до сер. 1990-х гг., как правило, датируют ее рождение в 370 г.[3], а Мария Дзельска относит ее рождение к 355 г.[4] М. Дикин полагает, что она, вероятно, родилась ближе к 350 году, основываясь на его взгляде на возраст Синезия, год его возвышения в епископа и его почтение к Гипатии в его письмах к ней[5].

Имя матери Гипатии неизвестно; предполагается, что она умерла при родах или в младенчестве Гипатии; и неизвестно, были ли у Гипатии братья и сестры. Тем не менее, Н. Ниетупски отмечает, что ее отец «Теон должен был возлагать большие надежды на дочь, потому

---

[1] *Казаков М.М.* Звезда угасающей античности Женщины-легенды. Минск: Беларусь, 1993.С. 252-263.

[2] См. обзор: *Deakin M.A.B.* The Primary Sources for the Life and Work of Hypatia of Alexandria. Clayton, Vic.: Monash U., Dept. of Mathematics, 1995. P. 52.

[3] *Penella R.* When was Hypatia Born? // Historia. 33. 1984. P. 126-128.

[4] *Dzielska M.* Hypatia of Alexandria. Cambridge Mass.: Harvard Univ. Press, 1995. P. 67-68.

[5] *Deakin, Michael A.B.* Hypatia of Alexandria: Mathematician and Martyr. Amherst, N.Y.: Prometheus Books, 2007. P. 52.

Deakin M.A.B. The Primary Sources for the Life and Work of Hypatia of Alexandria. Clayton, Vic.: Monash U., Dept. of Mathematics, 1995. P. 52.

что он дал ей имя «Гипатия», что означает «высшая»[1]. В византийском словаре Суда говорится, что Теон был последним известным учителем и членом знаменитого Мусейона Александрии. Теон преподавал математику и астрономию, и он появляется в исторических источниках примерно в 364 г. Он подготовил, по крайней мере, восемь комментариев к произведениям Евклида и Птолемея и, возможно, написал и опубликовал другие книги[2]. Лишь Иоанн Малала (Chron. XIV, 12) утверждает, что Теон написал также комментарий к тексту по алхимии. Тогда интеллектуальные границы между астрономией и астрологией не были четко обозначены дисциплинарными границами.

Важно отметить, что женщины Поздней античности, связанные или состоящие в браке с математиками или философами, часто становились их учениками. Вполне вероятно, что в Александрии отец, воспитывающий своего ребенка, намеревающегося продолжить его работу, был бы типичным случаем[3].

Мы можем предположить, что, согласно образовательным стандартам и обычаям того времени, Теон воспитывал Гипатию в Пайдейе, которая включала в себя обучение в области искусства, литературы, науки, философии и риторики. Предполагают, что Теон даже разработал строгую систему физических упражнений для Гипатии в дополнение к ее образованию в области публичных выступлений, риторики и математики. Вероятно, Теон вел обучение своей дочери в самом Мусейоне, где она должна была познакомиться с римскими, греческими и еврейскими учеными из Александрии и остальной части Средиземного моря. Словарь Суда дополнительно говорит, что Гипатия обучалась в Афинах, но большинство ученых полагают, что это неправильное толкование текста, которое не поддерживается другими древними документами.

Лексикон Суда также утверждает, что Гипатия: «была более гениальной, чем ее отец, [и] не удовлетворялась его наставлением по математическим предметам». Хотя Теон, безусловно, воспитывал Гипатию в стандартах пайдейи, непонятно, кто обучил ее философии неоплатонизма. Большинство исследователей полагают, что Гипатия

---

[1] *Nietupski, Nancy*. Hypatia of Alexandria: Mathematician, Astronomer, and Philosopher // Alexandria 2: The Journal of the Western Cosmological Traditions / Ed. David Fideler. Grand Rapids, Michigan: Phanes Press, 1993. P. 46.

[2] *Deakin M.A.B.* Hypatia of Alexandria: Mathematician and Martyr. Amherst, NY: Prometheus Books, 2007. P. 501.

[3] См. подробнее: *Minardi C.* Re-membering ancient women: Hypatia of Alexandria and her communities. Atlanta: University of Georgia, 2011.

изучила неоплатонизм у учителя, отличного от своего отца, хотя никто не определил этого другого учителя.

Если Теон был ее учителем, то это означает, что он был неоплатоником. Все неоплатоники верили, что «все дети должны были начать философскую карьеру», независимо от их пола. И действительно, нам известны Асклепигения, дочь Плутарха Афинского[1], Сосипатра[2], Эдесия[3] и др.

Гипатия, видимо, являлась сотрудником ее отца с детства[4]. Но, насколько известно, ничто не документирует возможность того, что Гипатия начала работать с отцом еще в детстве. Теон утверждает, что текст «Альмагеста» Птолемея был «пересмотрен моей дочерью Гипатией философом», что предполагает, что они были сотрудниками, но - когда она выросла и стала образована, а не когда она была ребенком. Учитывая школьный обычай, что лучший ученик становился наследником работы учителя, и что Теон был отцом Гипатии, вполне вероятно, что они сотрудничали.

В то время, как ни одна из работ Гипатии не сохранилась, по лексикону Суда, она написала: комментарий к Диофанту [Арифметика], «Астрономический канон» и комментарий к «Конике Аполлония.

Суда, Сократ Схоластик и Дамаский называют Гипатию последовательницей философии плотиновского неоплатонизма. Неоплатонизм предлагает некоторые возможности понять систему ценностей и образ жизни Гипатии. Плотиновский неоплатонизм включал веру в то, что все люди были божественными и нуждались в достижении сознания своей божественности. Высшая цель человека заключалась в том, чтобы достичь мистического союза с Нусом (частью Бога, считающейся чистым интеллектом), очищая душу от привязанности к чувственной материальности. Мистический союз мог быть достигнут через созерцание, добродетель и аскетизм и, вероятно, был доступен только тем из высших классов, которые получили образование в Пайдейе.

---

[1] *Болгова А.М.* Плутарх Афинский и Афинская школа (ок. 390-432 гг.) // Иресиона. Вып. V. К 30-летию кафедры всеобщей истории НИУ «БелГУ». Белгород, 2016. С. 26-39.

[2] *Болгова А.М.* Женщины-философы в традиции школьного неоплатонизма Ранней Византии: Сосипатра // Кондаковские чтения – V. Белгород, 2016. С. 88-94.

[3] *Болгова А.М., Чуева Ю.Ю.* Эдесия – мать александрийского неоплатонизма // Научные ведомости БелГУ. Серия История. Политология. № 8(257), вып. 42. 2017. С. 29-32.

[4] *Pollard, Justin; Reid, Howard.* The Rise and Fall of Alexandria. N.Y.: Viking Press, 2006. P. 266.

Неоплатоники сосредоточились на развитии интеллектуальных способностей человека. Неоплатоник верил в реинкарнацию и, после Платона, в то, что восстановленная душа будет без пола. Женщины и представители низших социально-экономических слоев считались одинаково способными к интеллектуальной деятельности и аскетизму, которые могли бы привести к мистическому союзу с Богом (Единым). Ранние неоплатоники считали жизнь на земле уступающей жизни, свободной от тела и его окружения в материальном мире. В неоплатонизме моральная добродетель и аскетическая жизнь считаются необходимой задачей для усилий человеческой души освободиться от границ воплощенной жизни, и, следовательно, ни одна добродетельная жизнь невозможна без определенной степени аскетизма. Аскетическая жизнь необходима для того, чтобы достичь мира идей, который неоплатоники отождествляли с Разумом (Nous), и который они также рассматривали как истинный пример добродетели. Плотин вел строго аскетическую жизнь: он оставался вне брака, ел как можно меньше, и ему было «стыдно иметь тело». Для Прокла девственность была первостепенным идеалом и единственным оправданием для его изъятия из процесса продолжения рода.

Лексикон Суда рассказывает историю об инциденте между Гипатией и одним из ее студентов, которая, как утверждает М. Дзельска, является демонстрацией неоплатонического отношения Гипатии к ее телу. Когда «один из ее учеников влюбился в нее и не мог контролировать себя, открыто показав ей знак его увлечения, она собрала ткани, которые были запятнаны во время ее месячных, и показала их ему как знак ее нечистой природы, и сказала: «Вот, что ты любишь, юноша, и это совсем не красиво!» Молодой человек был так пристыжен и изумлен этим уродливым видением, что сменил свои пристрастия и ушел из школы, став после этого лучше. М. Дзельска считает, что эти действия Гипатии были неоплатоническими, поскольку они демонстрируют отвращение Гипатии к человеческому телу и чувственности, чтобы ученик увидел, что красоту нельзя связывать с конкретным объектом (в данном случае, с телом Гипатии)[1]. Гипатия хотела, чтобы ее ученики любили и искали мудрость, которая была полезной для их собственного развития и в качестве основы для самостоятельных действий в мире, и в их взаимодействии с другими, и все это согласуется с плотиновским неоплатонизмом.

---

[1] *Dzielska M.* Hypatia of Alexandria. Cambridge Mass.: Harvard Univ. Press, 1995. P. 51.

Вместе с тем, неоплатонизм Плотина и Прокла был терпимым и не налагал строгий аскетизм на других. Кроме того, ученик Гипатии Синезий был женат до того, как стал христианским епископом, и поэтому не придерживался строгого идеала аскетизма. Если бы аскетизм в практике неоплатонизма у Гипатии был обязательным, вполне вероятно, что брак Синезия означал бы конец их дружбы; но этого не произошло.

Будучи позднеантичным неоплатоником, воспитанным в Пайдейе, Гипатия изучала математику, астрономию, геометрию, физику, этику, политику, диалектику, онтологию, риторику и философию.

Конечно, у Гипатии была репутация прекрасного учителя, и Сократ Схоластик согласен с этим: «многие из [ее учеников] пришли издалека, чтобы получить ее указания». Учитывая расходы на образование, тот факт, что богатые, а иногда и могущественные знатные семьи отправляли своих сыновей в школу Гипатии, говорит о ее известности как учителя. М. Декин утверждает, что, «Гипатия явно затмила Теона, в ее репутации учителя»[1].

По-видимому, Гипатия любила своих учеников, потому что они называли себя «слаженным хором, который радует ее разнообразный сладкий голос», и назвали ее «божественным духом» и «благословенной госпожой»[2]. Топос школы как хора достаточно распространен в истории позднеантичного образования.

Дополнительное предоставление о совершенном профессиональном мастерстве Гипатии - это стихотворение александрийского поэта Паллада, которое увековечивало память об искусстве Гипатии в качестве преподавателя в Греческой антологии: «Почтенная Гипатия, украшение обучения, звезда мудрого учения, когда я вижу тебя и слышу твои речи, я поклоняюсь тебе, глядя на звездный дом Девы; ибо дело твое на небесах» (Pallad. 41 = AP IX, 400)[3].

Самым известным учеником Гипатии был Синезий Киренский, важная фигура в восточном христианстве. Синезий дает имена некоторых иных учеников Гипатии и подтверждает ее репутацию и деятель-

---

[1] *Deakin M.A.B.* Hypatia of Alexandria: Mathematician and Martyr. Amherst, N.Y.: Prometheus Books, 2007. P. 241-242.

[2] *Pollard J.; Reid H.* The Rise and Fall of Alexandria. N.Y.: Viking Press, 2006. P. 270.

[3] Перевод Л.В. Блуменау: Смотрю и внемлю я, склоняясь пред тобой;
И в звездный Девы храм я возношусь тогда:
Ведь, словно небеса, чисты дела твои,
Ипатия, а ты изысканности слов,
Ума и знания блестящая звезда.

ность. Сам Синезий прибыл в Александрию примерно в 393 г. из Пентаполя, чтобы учиться у Гипатии. Синезий не упоминает другого своего учителя. Его учеба у Гипатии нередко связывается с его защитой неоплатонизма и его интеграцией в христианство. Например, его сочинение «Дион» есть прямая работа в рамках неоплатонистской философии[1]. Через семейные связи или через его учебу в Александрии, одним из близких друзей Синезия был епископ Александрийский, Феофил. Как епископ, Феофил обратил Синезия в христианство, поддержал его назначение епископом в Кирене и поставил Синезия на эту должность.[2] Возможно, Синезий был посредником между Феофилом и Гипатией, и это охраняло Гипатию от проблем. Пока Синезий был жив, Феофил не рискнул бы своей важной дружбой с Синезием, выступив против его любимого учителя - Гипатии. Хотя Синезий оставался в Александрии только до 395 г., он и Гипатия переписывались до его смерти в 412 г. Из его писем к Гипатии ясно, что он испытывал к ней большое уважение, называя ее подлинным вождем философов.

Среди прочих учеников Гипатии, известных из источников, были младший брат Синезия Евоптий и их дядя Александр, ближайший друг Синезия Геркулиан и его младший брат Олимпий, а также Гесихий, Афанасий, Феодосий, Исион, Сир, Петр, Феотекн, Гай, Гелиодор, Троллий и Авксентий.

Хотя трудно идентифицировать многих учеников Гипатии ясно, что они были, по всей видимости, сыновьями самых влиятельных и богатых людей в империи.[3] Синезий Киренский стал епископом Киренским, а его брат, Евоптий, сменил Синезия после его смерти. Олимпий был богатый землевладелец из Селевкии в сирийской Пиерии, которая была хорошо связана с Александрией. М. Дзельска предполагает, что то же самое относится к его брату, Геркулиану[4]. Геркулиан (Геркулан), возможно, идентичен префекту Константинополя. Гесихий, возможно, был губернатором Верхней Ливии, а Афанасий, вероятно - известный александрийский софист, автор комментариев и риторических работ. Феодосий - это александрийский «грамматик первого порядка», автор сочинений о глаголах и существительных[5]. Гели-

---

[1] *Deakin M.A.B.* Hypatia of Alexandria: Mathematician and Martyr. Amherst, N.Y.: Prometheus Books, 2007. P. 79.
[2] Ibid. P. 82.
[3] *Pollard J.; Reid H.* The Rise and Fall of Alexandria. N.Y.: Viking Press, 2006. P. 267-268.
[4] *Dzielska M.* Hypatia of Alexandria. Cambridge Mass.: Harvard Univ. Press, 1995. P. 32-33.
[5] Ibid. P. 35-37.

одор, посещавший своего бывшего учителя за советами, стал ритором и адвокатом при дворе египетского префекта августалов. Исион, Сир, Петр, Феотекн, Гай и Авксентий – прочие студенты, но о них ничего не известно.

Гипатия явно считалась ее современниками, прежде всего, философом и, учитывая диапазон тем, которыми занимались ее ученики, это кажется вероятным. Кроме того, занятия учеников, о которых мы действительно что-то знаем, подтверждают широкий диапазон обучения и социальный статус Гипатии и ее учеников.

М. Дзельска заявляет, что среди учеников Гипатии не было девушек, и, действительно, в источниках таких имен нет. Однако это утверждение кажется маловероятным в контексте ценности образования в Александрии, относительно легкого доступа к Мусейону, либеральных законов и обычаев в отношении женщин того времени и неоплатонических практик обучения учащихся мужского и женского пола для «улучшения своей души». Кроме того, существовало множество известных ученых-женщин, связанных с Мусейоном, и которые служили образцами для подражания и, вероятно, учителями для девочек; вероятно, многие женщины-ученые и преподаватели обучались в Александрии. В свете образовательных практик в Мусейоне кажется, что Гипатия могла учить девушек. Кроме того, есть сохранившиеся тексты, которые называют девушек ученицами других преподавателей, особенно неоплатоников. Например, философ Исидор учил Феодору и ее сестер. Известны также образованная молодая рабыня Пейна и женщины в семье Аполлония - губернатора Аполлонополиты Гептакомии[1].

Среди образованных девушек Поздней античности, в частности, было много неоплатоников. Это объясняется тем, что неоплатоники ожидали, что их дети будут философами, независимо от их пола; поэтому женщины, вероятно, часто получали образование. Уже в III веке христианский философ Ориген, ученик Аммония Саккаса (основателя неоплатонизма и учителя Плотина), учивший в Александрии и Кесарии Палестинской, имел много студенток-девушек[2]. Среди учениц Плотина были Аррия и Гермина. У Плотина также была студентка по имени Амфиклея, которая вышла замуж за философа Ямвлиха. Поэтому кажется возможным, что в тот период большее количество женщин получили образование, чем полагают современные ученые.

---

[1] *Rowlandson, Jane, ed.* Women and Society in Greek and Roman Egypt: A Sourcebook. Cambridge: Cambridge University Press, 1998. P. 157.

[2] *Pollard J.; Reid H.* The Rise and Fall of Alexandria. N.Y.: Viking Press, 2006. P. 252.

Неоплатоники также, как правило, были эндогамным сообществом, и поэтому женщины здесь были не только учениками и учителями неоплатоников, но часто выходили замуж за других неоплатоников. Подобное образование обеспечило бы культурные и идеологические связи для супружеских пар. Например, Порфирий женился на Марцелле, чтобы стать ее партнером по философии. Эдесию прочили в жены Проклу в Афинах, но он отверг брак, и девушка вышла за Гермия Александрийского, и их дети тоже стали неоплатониками (Аммоний и его братья). В результате этой брачной практики женщины в сфере «высшей школы» были очень мобильны. Поэтому представляется маловероятным, что Гипатия ограничилась бы обучением лишь студентов-мужчин.

К 380-м гг. Теон, видимо, прекратил преподавать, хотя он, вероятно, все еще был активным ученым, а Гипатия приняла руководство школой. Это наследование роли схоларха было связано с семейным родством и, главное – тем, что Гипатия была лучшим учеником Теона, что автоматически делало ее преемником.

Школа Теона – Гипатии была частной. Среди исследователей идут дискуссии, имела ли эта школа муниципальное финансирование, что было немаловажным обстоятельством (так, Афинская школа неоплатонизма финансировалась городом). Независимо от того, была ли должность Гипатии финансируемой или нет, она была единоличным схолархом школы. Как глава школы, Гипатия, как и афинские схолархи, развивала контакты с влиятельными людьми Александрии и империи и использовала эти отношения для защиты интересов школы. Как только она твердо зарекомендовала себя как преемник Теона, кажется, что ее школа стала обычным местом посещения для императорских чиновников, размещенных в Александрии. Должность схоларха и личные качества сделали Гипатию достаточно заметной, чтобы стать влиятельным человеком в Александрии.

Влияние Гипатии можно проследить в трех смежных областях: ее роль покровительницы в кругу ее аристократических студентов, ее активное участие в общественной жизни города и ее отношения с высшим гражданским авторитетом в Александрии, префектом. Сократ Схоластик объясняет, что «из-за самообладания и легкости манеры, которые она приобрела в результате культивирования ее разума, она нередко появлялась публично в присутствии магистратов. И она не смущалась, приходя на собрание людей. Ибо все мужчины из-за ее необычайного достоинства и добродетели, восхищались ею все больше и больше». Высокопоставленные лица и политики посещали ее и искали ее советов, опираясь на ее влияние или авторитет философа. Позд-

неантичные философы часто выступали в качестве доверенных советников для знати. Одним из чиновников, которого Гипатия хорошо знала, был римский префект в Александрии, Орест. Они часто встречались, и он консультировался с ней по муниципальным и политическим вопросам[1].

Среди прочих собеседников Гипатии называют Симпликия, главнокомандующего на востоке, и государственных служащих Пентадия и Гелиодора как тех, кто посетил Гипатию за советом; безусловно, многие другие, не известные нам по имени, также ее посещали. В одном письме Синезий просит вмешательства Гипатии в дело двух молодых людей, отправляющихся в Александрию, которые, как он знал, нуждались в помощи. Это еще одно свидетельство того, что Гипатия поддерживала корпоративные связи Пайдейи, и что она могла использовать свое влияние в Александрии[2]. Синезий не попросил бы вмешательства Гипатии, если бы она не имела никакого влияния. Гипатия могла консультировать городской совет, прочие муниципальные органы в Александрии. В то время как большая часть жизни Гипатии была посвящена научным дебатам, несомненно, что Гипатия также была частью публичной и интеллектуальной ткани Александрии.

М. Дзельска противоречит утверждению Лексикона Суды о том, что Гипатия была хорошо известна и любима в ее собственном городе. Вместо этого она считает, что «Гипатия не была ни популярна, ни заметна среди александрийского населения в целом, потому что она не направляла свои учения массам и не имела никакого влияния… среди них»[3]. Однако, вопреки этому утверждению, неоплатоники регулярно писали и говорили для образованной и общей аудитории. Плотин приветствовал любого ученика, который хотел войти в его классы, и кажется, что Гипатия действовала аналогичным образом.

Неоплатоник ямвлиховского толка Дамаский осуждает Гипатию за публичное преподавание и обращение «к большим классам, а не к небольшому и эксклюзивному кругу посвященных»[4]. Сократ Схоластик добавляет, что Гипатия читала лекции на улицах Александрии, и вполне возможно, что его поведение не было ни гиперболическим, ни

---

[1] *Dzielska M.* Hypatia of Alexandria. Cambridge Mass.: Harvard Univ. Press, 1995. P. 38.

[2] Ibid. P. 61.

[3] Ibid. P. 90.

[4] См.: *Болгова А.М.* «Жизнь Исидора» Дамаския как история поздней неоплатонической школы // Laurea II. Античный мир и Средние века: Чтения памяти профессора В.И. Кадеева, к 90-летию со дня рождения. Харьков: ООО «НТМТ», 2017. С. 76-80.

нетипичным для неоплатоников, и в этом случае кажется, что жители Александрии еще и по этой причине хорошо знали Гипатию. Присутствие, влияние и репутация Гипатии как выдающегося учителя были хорошо известны помимо Александрии - в таких местах, как Константинополь, Сирия, Кирена.

Хотя не сохранилось источников о подробностях публичных выступлений Гипатии, ясно, что она обучалась риторике, возможно, у ее отца Теона, или у кого-то другого, чтобы выполнить публичные обязанности, которые ее отец оставил ей, и обеспечить успех своей школы.

Наиболее известна Гипатия сегодня обстоятельствами своей смерти, ее убийства во время Великого поста в марте 415 г. Сократ Схоластик сообщает: «Зависть возникла против этой женщины. Ей довелось провести много времени с Орестом (римским префектом), и это вызвало клевету на нее среди Церкви, как если бы она не позволила Оресту вступить в дружбу с епископом. Действительно, ряд мужчин, которые с готовностью пришли к такому же выводу, которых некий Петр (который служил чтецом), следил за этой женщиной, когда она возвращалась откуда-то. Они вытащили ее из экипажа и потащили в церковь Кесариона. Они сорвали с нее одежду, а затем убили ее черепками, обломками керамики. Когда они разорвали ее тело на куски, они отнесли ее в место под названием Синарон и сожгли».

Суда так описывает это убийство: «когда Гипатия вышла из своего дома по привычной ее манере, толпа беспощадных и свирепых людей, которые не боялись ни божественного наказания, ни человеческой мести, напали и свалили ее», предполагая, что толпа была поддержана каким-то человеком или властными лицами.

В «Хронике» Иоанна, коптского епископа Никиу, подробно описывается ее убийство; однако он единственный историк, который использует для этого христианское оправдание: «В те дни в Александрии появился знаменитый философ, язычница по имени Гипатия, она всегда была предана волшебству, астролябиям и музыкальным инструментам, и она обманывала многих людей через свои сатанинские уловки. И губернатор города очень ее почитал; потому что она обманула его своей магией. И он прекратил посещать церковь, как это было в его обычае. Но однажды он ушел из опасной ситуации. И он не только сделал это, но и привлек к себе много верующих, и он сам получил неверующих в своем доме».

Древние тексты, документирующие убийство Гипатии, дают для него несколько мотивов: политическую и религиозную власть, попу-

лярность Гипатии, путаницу между астрономией и астрологией, которые, по мнению толпы, были практикой колдовства и / или ее пола.

Несмотря на обвинение в разжигании слухов против Гипатии, ревности к ее популярности или обвинении ее как человека, разрывающего союз патриарха Кирилла с префектом Орестом, нет доказательств того, что Кирилл был прямо связан с убийством Гипатии. Александрия была наполнена религиозной борьбой среди евреев, христиан и язычников, а случаи насилия в городе увеличивались во время и после прихода Кирилла на должность. Когда Феофил умер в 412 г., вспыхнула борьба за преемство. После трех дней уличных боев между группировками 17 октября 412 г. Кирилл триумфально вступил в должность.

Сократ Схоластик утверждает: «Кирилл вошел во владение епископата с большей силой, чем когда-либо осуществлял Феофил. С того времени епископство Александрийское выходило за пределы его священных функций и принимало на себя управление светскими делами». Если Иоанн Никиусский точен, то, несомненно, убийство Гипатии было частью того, что христиане считали необходимым очищение язычников в Александрии. Возможно также, что Кирилл хотел, чтобы Гипатия отстранилась лично из общественной жизни, или что следовало оттеснить Ореста от влияния на Церковь.

Толпа, которая разорвала Гипатию, была парабаланами (христианами, нанятыми епископом, чтобы помогать нуждающимся в Александрии) или группой монахов из Нитрии, которые проживали в пустыне за пределами Александрии. Хотя Кирилл действительно провел несколько лет среди нитрийцев до своего патриаршества, невозможно установить факт прямой связи Кирилла с возможными убийцами Гипатии.

История города Александрия полна жестокого насилия. Александрия была известна своей традицией казней толпой. Самая ранняя задокументированная казнь такого рода произошла после покушения на Птолемея IV и его жену Арсиною III некоего Агафокла, который был казнен в 200 г. до н.э. В другом эпизоде женщины-преступницы Даная, Агафоклория, их сестры и семья были раздеты и обнаженными протащены по городу, а затем переданы разгневанной толпе, которая их разорвала[1]. Подобная практика использовалась и во время Дециевых гонений на христиан в Александрии (249-250 гг.).

---

[1] *Rowlandson, Jane, ed.* Women and Society in Greek and Roman Egypt: A Sourcebook. Cambridge: Cambridge University Press, 1998. P. 34.

Некий Метра был избит, исколот и забит камнями; некая Китфа была избита, протащена по улицам побита камнями; также произошло избиение и сожжение пожилой женщины по имени Аполлония.[1] В 361 г. арианскому епископу Георгию и двум его спутникам были оторваны конечности, их останки были сожжены, а пепел брошен в море толпой после того, как трон занял Юлиан. Тела Георгия и его сообщников были сожжены, чтобы предотвратить любую возможность более позднего культа мученика; полное разрушение тела было египетским оскорблением, учитывая древние египетские практики мумификации, предназначенные для сохранения тела для загробной жизни. В свете жестокой истории Александрии, возможно, что Гипатия была воспринята как угроза для города, и что стихийно собравшаяся толпа убила ее.

Мученичество Гипатии, вероятно, имело больше общего с ее харизмой, популярностью, влиянием и репутацией благочестия и чистоты, чем с какой-либо антихристианской деятельностью с ее стороны. Город мог действовать против Гипатии за ее непрестанное проявление власти, проповедь доктрин языческой философии на улицах Александрии, что можно интерпретировать как преднамеренно публичный и антихристианский поступок, который подстрекал толпу против Гипатии. Ее привычка читать лекции на публике, несомненно, сделала Гипатию легкой целью.

Мы также должны учитывать гендерный фактор Гипатии как причину ее убийства. Женщины, которые жили без родительской или мужской защиты, всегда были уязвимы для обвинений в ереси, и пол, возможно, был, по крайней мере, мотивом. Если Гипатия была пожилой женщиной в 415 г., вполне вероятно, что ее отец Теон был уже мертв, и, учитывая, что нет сведений о других членах ее семьи, и что Гипатия осталась незамужней, вполне вероятно, что у нее не было защиты мужского родственника. Как грамотной женщине, ей не понадобился бы опекун по законодательству, и вряд ли она почувствовала бы необходимость в этом. Без опекуна или мужчины, чтобы защитить ее, и часто появляясь в одиночестве, Гипатия, возможно, была убита еще и в качестве угрозы для женщин - знать свое место. Христианский аскетизм изменил отношение к женщинам в Александрии, в результате чего Гипатия подвергалась большему риску. Женщины систематически исключались с официальных позиций в ответ на обвинения в распущенности и слишком открытом образе жизни.

[1] Ibid. P. 74.

Мы не можем знать точный мотив убийства Гипатии. Противоречивые и неполные сведения источников препятствуют обвинениям в отношении любого отдельного человека или группы. Хотя невозможно сказать с какой-либо уверенностью, кто несет ответственность за ее убийство, ясно одно: сложная и меняющаяся социальная и политическая ситуация в Александрии, к сожалению, также создала условия для ее убийства.

Согласно «Хронике» Иоанна Никиусского, гибель Гипатии сплотила христиан в Александрии вокруг патриарха Кирилла, потому что он уничтожил последние останки идолопоклонства в городе. Вместе с тем, это убийство вызвало недовольство широких муниципальных кругов. Город послал посольство в Константинополь, в результате которого закон поставил парабаланов под контроль префекта, а не епископа. Однако действие этого закона продолжалось всего два года, после чего была восстановлена власть в отношении парабаланов.

Убийство Гипатии проложило путь к действиям императрицы Пульхерии против язычников и евреев. В том же 415 г. язычники были исключены из службы в армии и в правительственном управлении.

В Александрии убийство Гипатии серьезно повлияло на интеллектуальную культуру. Философ Исидор считал, что страх все еще висел над городом в начале VI в., через сто лет после убийства Гипатии. Однако неоплатоновская школа Аммония в Александрии (не путать со школой Гипатии) заключила компромиссное соглашение с патриархом Петром Монгом в 485 г. о том, что содержание образования останется неоплатоническим, но руководство школой перейдет к христианам. В таком виде Александрийская школа просуществовала вплоть до арабского нашествия на рубеже 630-640-х гг.[1]

ПРОБЛЕМА ИЗУЧЕНИЯ ПАРАБАЛАНОВ В СОВРЕМЕННОЙ ЗАРУБЕЖНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Ф.А. Суслов

В статье рассматривается восприятие парабаланов в современной зарубежной историографии. Отмечаются разные подходы у исследователей в освещении участия парабаланов в убийстве Гипатии Александрийской. Также рассматриваются некоторые проблемы в изучении их социального статуса.

Ключевые слова: парабаланы, Гипатия, Кирилл Александрийский.

---

[1] *Болгова А.М.; Болгов Н.Н.* Стефан Александрийский – последний схоларх // Проблемы истории, филологии, культуры. 2. 2016. М.-Магнитогорск-Новосибирск, 2016. С. 277-284.

THE PROBLEM OF STUDYING OF PARABLANANS IN THE MODERN FOREIGN HISTORIOGRAPHY

F.A. Suslov

The article considers the perception of parabalans in the modern foreign historiography. Different approaches are noted among researchers in the participation of parabalans in the murder of Hypatia of Alexandria. Some problems in the study of their social status are also considered.

Key words: parabalans, Hypatia, Cyril of Alexandria.

Еще в 1892 г., в журнале «Христианские чтения» профессор В.В. Болотов довольно иронично отвечает историку Крюллю, и пишет о современных ему ученых, разрабатывающих тему парабаланов: «Достопочтенный Джозеф Бинам уже в 1708 г. указал все места в литературе, где встречаются парабаланы, и все разъяснения о них, которые предлагаются, и к 1886 г. не открыто новых факторов и не предложено новых мыслей: то для чего же новые слова и – чернила тратить? Но так как потребители свежеотпечатанной бумаги ужасно не любят «устарелых взглядов, не отвечающих современному состоянию науки», и полагают, что можно вновь разработать все – чуть ли даже не пифагорову таблицу умножения»[1]. С тех пор в России детального изучения деятельности парабаланов не предпринималось. Но надо признать, что в зарубежной исторической науке такие исследования продолжились.

Часто воспоминают историки о парабаланах в связи с трагическим 415 годом, омрачённым и запятнанным смертью Гипатии. Так кто же они такие, эти парабаланы? Террористическая организация, братья милосердия или личная гвардия епископа?

Общепризнанно, что парабаланы - христианская община, члены которой в эпоху раннего христианства добровольно ухаживали за больными и хоронили умерших от болезней, в надежде таким образом принять смерть во имя Христа.

Термин «парабаланы» происходит от основного их занятия - прислуживания в больницах. Это, как правило, выходцы из низших слоев населения; также они прислуживали епископам, и иногда использовались в качестве телохранителей и как боевые отряды в жестоких столкновениях с оппонентами.

Хотя парабаланы не являлись монашеским орденом, не давали обет, не считались священнослужителями, они имели соответствую-

---

[1] *Болотов В.В*. "Параволаны" ли? (Орфографический вопрос) // Христианское чтение. 1892. №2. С.18.

щие церковные привилегии и иммунитеты. Справедливо отмечает в своей диссертации Джилиан Хайден о том, что «монахоподобное безбрачие парабаланов не следует путать с культом манихейцев, хотя дисциплины самоотречения и поста были схожими. Парабаланы были официальным органом полуклириков»[1]. Рудольф Янни вносит парабаланов в церковный клир, но для этого, на наш взгляд, нет никаких веских оснований[2].

Что необычно, так это то, что они сами должны были быть бедными, но, очевидно, здоровыми. Их способность вызвать террор будет означать физическую силу, а также здоровье, и поэтому неразумно полагать, что их реальная работа заключалась в том, чтобы убрать больного с городских улиц в места изоляции. Это соображение указывает на больных людей всех видов, включая прокаженных, которых мы уже видели, были перенесены в первые общежития христианской церкви в IV веке. Парабаланы были, скорее всего, бригадой амбулаторников - персоналом скорой помощи или братьями милосердия. Церкви в Александрии Египетской удалось удалить больных и больных с городских улиц путем вербовки здоровых бедных людей, которые были подчинены епископу. Оксфордский профессор Глен Бауэрсок проведя детальное изучение этой социальной группы приходит к неутешительному выводу, что они «были, почти наверняка, убийцы Гипатии»[3].

Это означает, что причина христианской благотворительности и филантропии была эффективно использована для продвижения политической власти патриарха в Александрии. Справедливо отметила Ева Випшицка, что «Здоровые бедные в городе могут обеспечить грозную частную армию, которая угрожает равновесию власти между церковью и государством. Обрывки свидетельских показаний, которые мы смогли исследовать здесь, показывают, что и Феодосий, и Юстиниан были очень настороже к этой опасности»[4].

---

[1] *Heijden G.* Study of the reception of the life and death of the neo-platonist philosopher Hypatia of Alexandria in Amenabar's film Agorá. Durban: University of Kwazulu-Natal, 2016. P. 11.

[2] *Yanney R.* Life and Work of Saint Cyril of Alexandria // Saint Cyril of Alexandria. Pillar of Faith. Society of Coptic Church Studies. Volume 19. Number 1. 1998. P. 58.

[3] *Bowersock G. W.* Parabalani: A Terrorist Charity in Late Antiquity // Anabases. 12. 2010. P. 49.

[4] *Wipsyzka E.* Les confréries dans la vie religieuse de l'Égypte chrétienne // Proceedings of 12th Int. Congress of Papyrology, Amer. Stud. in Pap. vol. 7. Toronto, 1970. P. 518.

Но, ограничив корпус парабаланов бедными и увязывая их с местами потенциальных гражданских беспорядков, Феодосий и Гонорий минимизировали силу этого инструмента епископской власти. Они запрещали союз между богатыми и духовенством, в то же время, поощряя полезную занятость бедных по всему городу. Такой, по крайней мере, является образ парабаланов, который вытекает из законодательства в Феодосийском кодексе. В нем предусматривается размещение здоровых бедных на службе у больных и, по всей вероятности, при удалении прокаженных и других больных или больных людей в христианские общежития.

Современный сербский исследователь парабаланов Борис Ж. Фаджрич в 2015 г. подробно останавливается на участии парабаланов в еврейских погромах. Плохие отношения между евреями и христианами существовали со времен апостолов. Однако проблема в Александрии Египетской была не только теологическом, но и политическом и экономическом уровне. Язычники представляли проблему, которая была решена после уничтожения Серапейона. Однако, евреи все еще оставались там в большом количестве. Столкновения начались официально в 415 г., когда перфектом Египта был Орест. Он находился в дружеских отношениях с богатыми и влиятельными евреями, что затрудняло господство христиан в Александрии.

После смерти Феофила его племянник Кирилл был избран новым патриархом Александрии. При нем парабаланы начали жесткие действия в Александрии. Во время Кирилла начался конфликт христиан с евреями. Все историки согласны с тем, что Кирилл лично принял участие в борьбе с евреями, в котором участвовали парабаланы. Б. Файфрич обвиняет парабаланов не только в еврейских погромах, но и лично в убийстве женщины-философа Гипатии[1]. Несмотря на это смелое заявление, в западной историографии эта точка зрения не получила дальнейшего развития. Но мы можем констатировать, что изучение роли парабаланов все более избавляется от религиозного и идеологического субьективизма.

СВЕДЕНИЯ НЕЦЕРКОВНОГО ХАРАКТЕРА В III-IV КНИГАХ «ЦЕРКОВНОЙ ИСТОРИИ» ЗАХАРИИ МИТИЛЕНСКОГО

В.М. Кириллов

---

[1] *Фајфрић Б.Ж.* Паравалани – хришћански болничари и бунтовници. Religion and Tolerance: Journal of the Center for Empirical Researches of Religion / glavni i odgovorni urednik Zorica Kuburić. 2015, br. 23 (jan./jun.). Novi Sad: CEIR, 2015.

Статья посвящена сведениям светского характера из III-IV книг «Церковной истории» Захарии Митиленского. Рассматриваемые книги охватывают события середины V века, которые были связаны с монофизитскими спорами и Вселенским собором 451 года в Халкедоне. Однако, в это же время происходят и важные общеисторические события. Под натиском варваров рушится Западная Римская империя, с огромной скоростью меняются правящие ей лица. Борьба за власть идёт и на Востоке, где придворные группировки постоянно строят друг другу козни. В «Церковной истории» Захарии светские события отражены с минимальной точностью. Тем не менее, некоторые моменты могут представлять для исследователя довольно большой интерес.

Ключевые слова: Поздняя Римская империя, Ранняя Византия, Захарий Митиленский, «Церковная история», римские императоры, Александрия.

THE SECULAR INFORMATION IN THE III-IV BOOKS OF THE "CHURCH HISTORY" BY ZACHARIAS OF MYTILENE

V.M. Kirillov

The article is devoted to the details of the secular character in the III and IV books of the «Church history» by Zachariah of Mytilene. These books covers the events of the middle of the V century, wich were connected with the Monophysite controversies and the Ecumenical Council of 451 in Chalcedon. However, at the same time there are important events of general history. The Western Roman Empire was crumbling under the onslaught of the barbarians and changing her face with the hight speed. In the East there was a struggle for power, where different groups of Court constantly built machinations to each other. In the «Church history» by Zacharias here are reflected the secular events with minimal accuracy. However, some points can be of considerable interest to researchers.

Key words: The Late Roman Empire, Early Byzantium, Roman emperors, Zacharias of Mytilene, Alexandria, «The Church History».

«Церковная история» Захарии Схоластика, епископа города Митилена на Лесбосе, в нынешнем виде является древнейшим памятником сирийской церковной историографии. Согласно одной из выдвинутых версий, оригинал его был написан по-сирийски[1] (отсюда и более распространённое название – «Сирийская хроника»), однако в тексте источника имеется прямое указание на то, что изначально «Церковная история» была написана на греческом языке[2].

---

[1] *Болотов В.В.* Лекции по истории древней Церкви, первый том. Введение в церковную историю. СПб., 1907. С. 195.

[2] The Syriac Chronicle known as that of Zachariah of Mitylene / translated into English by F.G. Hamilton, E.W. Brooks. London, 1899. P. 38.

Подлинный текст рассматриваемого сочинения не сохранился, и мы имеем только её сирийский перевод, воспроизводящий оригинал с произвольными изменениями. Оригинал хроники был доведён до 491 года[1]. Он является, как можно понять из слов Захарии, логическим продолжением «Церковной истории» Сократа Схоластика. Сирийская переработка, помимо исправлений и сокращений, продолжила оригинальный текст до 569 года.[2] Имя переписчика осталось неизвестным, и в историографии он обозначается как Псевдо-Захария. Поскольку дошедший до нас текст является плодом именно его трудов, в историографии может встречаться такое название источника, как «Хроника» Псевдо-Захарии.

Поскольку документ относится к церковной историографии и содержит, по преимуществу, соответствующие данному жанру сведения, необходимо поставить вопрос, чем он может быть полезен для изучения других сфер общественной жизни. О первой и второй книгах мы уже писали ранее, поэтому сейчас, следуя порядку, обращаем внимание на третью и четвёртую.

Третья книга посвящена событиям Халкедонского Собора и волнениям, охватившим государство после него. Одно из них – восстание в Александрии Египетской, причиной которому послужило осуждение на Соборе архиепископа Диоскора и назначение на его место Протерия. Поводом для бунта, согласно Захарии, послужило жестокое обращение нового иерарха с местным населением *(Zach.* III. 2). Волнения были подавлены императорскими войсками, называемыми в хронике «римлянами».

Восстание произошло и в Иерусалиме (*Zach.* III. 5). Однако, здесь оно приняло несколько иную форму: горожане попросту не пустили в город патриарха Ювеналия, который, уезжая на Собор, пообещал горожанам отстаивать сторону Диоскора. Однако, во время заседания он отказался от своих взглядов и согласился с осуждением Диоскора и его сторонников. В итоге, чтобы вернуться на свою кафедру, Ювеналий был вынужден прибегнуть к помощи правительственных солдат. Эти события ставили под угрозу порядок в государстве, поэтому мы считаем необходимым поместить их и в категорию светской истории.

В этой книге мы можем найти и пример традиционной римской политики по отношению к соседним народам: «Среди них также был Пётр Иберийский, муж, чудесно прославленный по всему миру, цар-

---

[1] *Пигулевская Н.В.* Сирийский источник VI в. о народах Кавказа // Вестник древней истории. 1939. № 1. С. 107.
[2] ***Hamilton F., Brooks E.*** Op. cit. P. 16.

ский сын, который был дан Феодосию [Младшему] как заложник…» (*Zach*. III. 4). Обычай забирать детей у местных правителей и воспитывать их в римском духе существовал уже очень давно. Достаточно вспомнить Арминия, вождя херусков, разбившего в 9 г. легионы Квинтилия Вара, который даже стал римским гражданином (*Vell*. Hist. Rom. II. 118).

Также следует обратить внимание на рассказ Захарии о миссии силенциария Иоанна в Александрии (*Zach*. III. 11). Он был послан туда императором и должен был убедить александрийцев принять Протерия и примириться с ним. Поскольку Иоанн является светским чиновником, а проводимое им дело важно для государства, мы относим и это повествование к нецерковным сведениям сочинения Захарии. Здесь следует заметить, что христианство представляло собой идеологическую теорию поздней Римской империи. И именно политическая сторона обусловила особый интерес императоров к этому учению. Оно являлось не просто философией.

В нём было замечено свойство функции цивилизации, и оно было воспринято как принцип и средство управления человеческим поведением[1]. Как следствие – идея единства римской цивилизации влекла за собой идею единства церкви. Такой образ мыслей исключал существование внутри государства любых еретических течений, которые светская власть, помимо духовной, старалась безжалостно подавить уже на самых ранних стадиях их возникновения.

В конце этой же книги автор помещает известие о смерти императора Майориана и данные об его преемниках. Он пишет: «Когда Антемий процарствовал пять лет, он был убит Рицимером. И Север, процарствовав один год, умер. И Олибрий, который царствовал после Севера вместе с Антемием один год, умер. И Лев Первый, также, умер, процарствовав с Антемием в течение трёх лет, и два года после [него]» (*Zach*. III. 12).

В реальности картина обстояла совершенно иначе. После Майориана императором стал Либий Север (*Chron. Gall. anno DXI*. 633-636), умерший примерно через четыре года. В 467 г. Лев Макелла посадил на римский трон Прокопия Антемия, убитого весной 472 г.[2] по приказу своего зятя Рицимера (*Iord*. Get. 239). После него трон на короткое время занял Аниций Олибрий. Получается, что Лев I правил в одно время с ними всеми, и пережил их ещё примерно на два года.

---

[1] *Бейкер Дж*. Юстиниан. Великий законодатель / Пер с англ. М., 2004. С. 62.

[2] *Грант М*. Римские императоры: Биографический справочник правителей Римской империи 31 г. до н.э. — 476 г. н.э. / Пер. с англ. М. Гитт. М., 1998. С. 363.

Интересен и следующий абзац: «В первый год Льва Антиохия, действительно, была уничтожена землетрясением, которое произошло [там]; и там случился также великий пожар. И на второй год его правления был убит Сулиф(а?), тиран готов. И на третий год его царствования были убиты стратилат Аспар и его сыновья» (*Zach*. III. 12). Здесь описывается положение дел в Восточной империи. Косвенное подтверждение землетрясения 457/8 гг. в Антиохии мы можем найти у Марцеллина Комита. Под 459 годом он сообщает, что некий антиохийский священник по имени Исаак «оплакивал руины Антиохии в элегической поэме» (*Marc. Com.* Chron. 459). Через год был убит некий вождь готов Сулифа, названный тираном. Более подробной информации про это событие пока найти не удалось. Гибель Аспара, одного из лучших полководцев империи на тот момент, первого патрикия, носившего, среди прочих, титул Princeps senatus, автор относит к третьему году правления Льва (460).

Аспар по происхождению был варваром (или готом, или аланом). Он выдвинулся ещё во времена Феодосия Младшего и Маркиана, благодаря высокому положению его отца Ардавура и своим личным успехам в военной борьбе с Аттилой и персами. Дело дошло до того, что после смерти Маркиана Аспар выступил в качестве одного из претендентов на императорский престол. Касаемо первых лет правления Льва Макеллы, папа Лев Великий считает Аспара соправителем императора (*Leo PP. I. Ep. 149)*. Через несколько лет в качестве нового фаворита императора выдвинулся Зенон. Его конфликт с Аспаром, а также претензии последнего на императорскую власть закончились убийством военачальника и его сына, которые были заколоты в императорском дворце.

Другие источники относят это событие к 471 г. (*Marc. Com.* Chron. 471; *Iord*. Get. 239; *Procop. Caes.* De bell. Vand. VI. 27). Иных нецерковных сведений в третьей книге не имеется.

Четвёртая книга посвящена дальнейшим, связанным с монофизитством событиям, происходившим во время правления императора Льва. Во вступлении автор пишет, что она «освещает и относится к событиям, происшедшим после смерти Маркиана, и Мориана, и Антемия, и Севера, и Олибрия, совокупное время правления которых составило двенадцать лет» (*Zach.* IV).

Под именем «Мориан», очевидно, имеется в виду римский император Майориан. Здесь Захария снова приводит неверную хронологическую последовательность и время правления. Маркиан правил на Востоке с 450 г., он умер в 457 г. В этом же году на престол Западной империи взошёл Майориан. Его убили в 461 г. по приказу Рицимера

(*Chron. Caes. Reliq.* 461). Хронологию правления остальных императоров мы уже приводили выше. Таким образом, их совокупное время правления составляет не 12 лет, а 22 года.

Первая глава этой книги рассказывает об очередном восстании в Александрии против халкедонитов. После прихода в город вести о кончине императора Маркиана, который покровительствовал епископу Протерию, поставленному после Халкедонского собора, горожане восстали, воспользовавшись тем, что стратиг Александрии Дионисий вместе с войском в этот момент находился в Верхнем Египте, на довольно далёком расстоянии. Александрийцы привели из пустыни некоего аскета Тимофея, которого позже назовут Элуром, и рукоположили его как епископа города. Вернувшийся Дионисий отдал приказ арестовать Тимофея.

Далее Захария помещает интересную нам фразу: «И Дионисий издал указ, что они должны увести его в место, названное Cabarsarin» (*Zach.* IV. 1). Английские издатели текста «Хроники» считают, что это является сирийской транскрипцией греческого слова Ταφοσίριον (*Euseb. H.E.* VI. 40), и, в таком случае, может означать «Гробница Осириса»[1]. Имеется в виду Тафосирис Магна, город и храмовый комплекс, находящиеся в 45 км от Александрии.

Этот храм был построен на месте мифической гробницы, где покоится растерзанное Тифоном и собранное затем Исидой тело Осириса (*Plut.* De Os. Et Is. XXI). Реальная дата возведения памятника – 282-246 гг. до н.э.

До конца птолемеевской эпохи Тафосирис Магна являлся экспортёром качественного вина, которое в самой Александрии ценилось как марочное и сохранялось для старения, которое ещё сильнее повышало его вкусовые качества[2]. Согласно одной из версий, в подземельях именно этого храма могут находиться спрятанные от римлян тела Марка Антония и Клеопатры[3].

В IV столетии в этом месте находилась монашеская община, при этом сохранялись более древние постройки, среди которых особо

---

[1] *Hamilton F., Brooks E.* Op. cit. P. 65.

[2] *Chauveau C.* Egypt in the age of Cleopatra. History and society under the Ptolemies. London, 2000. P. 62.

[3] *Mati Milstein*. Cleopatra bust among treasures found in Egypt temple // National Geographic news. – May 30, 2008 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://news.nationalgeographic.com/news/2008/05/080530-antony-cleopatra.html (дата обращения 13 апреля 2017).

выделяется мощная башня[1]. Вероятно, именно туда, как в надёжное и, при этом, не сильно удалённое от Александрии место и был посажен Тимофей в 457 г. Таким образом, Захария даёт нам сведения о функционировании этого храма в середине V в.

В следующей главе он рассказывает об убийстве александрийцами Протерия. По его версии, это произошло во время конфликта епископа с римскими солдатами, во время которого он был заколот мечами.

После убийства они «потащили его в Тетрапилон» (*Zach.* IV. 1). Упоминая тетрапилон, Захария даёт сведения относительно общественных построек в Александрии V в.

Тетрапилон – тип сооружения, квадратного в плане, представляющий собой две пересекающиеся под прямым углом арки[2]. Обычно они ставились на перекрёстках дорог и улиц. Такие сооружения являются типичными постройками периода расцвета римской архитектуры и сохранились во многих провинциальных городах Империи.

Александрийские памятники такого типа, к сожалению, до наших дней не дошли, но, благодаря Захарии, мы имеем сведения об наличии как минимум одного подобного строения в городе.

Следует отметить, что в этой же главе автор упоминает и александрийский ипподром, который до наших дней также не сохранился.

Как мы видим, содержащиеся в работе Захарии нецерковные данные неполны и разнообразны. Здесь мы можем увидеть отражение событий политической истории Ранней Византии, природных катаклизмов.

В содержании описанного Захарией мы можем увидеть две проблемы – запутанность датировок и нарушение реальной последовательности событий.

Такая ситуация может быть вызвана либо слабой осведомлённостью автора, либо является результатом ошибок Псевдо-Захарии.

Тем не менее, некоторые сообщаемые данные, например, о состоянии Тафосириса и его функционировании в то время, имеют высокую степень значимости для исследователя.

Что-то же, например, история гота Сулифы, нуждается и в дальнейшем, более глубоком и конкретно на это направленном исследовании.

---

[1] *Bard, Katrin A.; Blake, Steven S.* Encyclopedia of the Archaeology of Ancient Egypt. London - New York, 1999. P. 928.

[2] Тетрапилон / Архитектура. Терминологический словарь / сост. Ф.Р. Хаялина. Оренбург, 2008. С. 121.

АНТИЧНОЕ И ХРИСТИАНСКОЕ В СОЧИНЕНИЯХ ПРОКОПИЯ ГАЗСКОГО

В.О. Бавтрукович

В статье рассматривается творчество одного из крупнейших риторов в позднеантичной Газе, обретающей статус религиозного центра. Акцентируется внимание на античном и христианском наследии в творчестве Прокопия Газского.

Ключевые слова: Газа, палестинская христианская школа, поздняя античность, монашеские общества, Прокопий Газский.

THE ANTIQUE AND CHRISTIAN CONCEPTS IN THE WORKS BY PROCOPIUS OF GAZA

V.O. Bavtrukovich

The article deals with the works by one of the largest rhetoricians in the late antique Gaza, which acquires the status of a religious center. Attention is focused on the ancient and Christian heritage in the works of Prokopius of Gaza.

Keywords: Gaza, The Christian School of Palestine, Late Antiquity, monastic communities, Procopius of Gaza.

В отечественной историографии Прокопий Газский практически не привлек внимания исследователей[1]. Только в монографии В.Е. Вальденберга, подготовленной к печати до войны, но опубликованной лишь в 2008 г., был проанализирован его «Панегирик Анастасию» (информация по прочим сочинениям отсутствует) и лишь в контексте политических идей Ранней Византии[2].

Самыми известными христианскими сочинениями Прокопия являются сочинения на богословскую тематику: комментарии на библейские книги, притчи Соломона и книги пророков.

Прокопий часто опирался на работы отцов Церкви (Кирилл Александрийский, Василий, Григорий Богослов), однако, использовал новые формы – именно он считается создателем жанра катен – особого вида комментариев на полях.

---

[1] Отсутствуют развёрнутые упоминания до 1990-х годов, до сих пор не вышло биографическое vjyjuhfabxtcrjt сочинение.

[2] См.: *Вальденберг В.Е.* История византийской политической литературы. СПб., 2008. С. 150-165.

Прокопий Газский стал одним из наиболее важных деятелей Газской школы риторики V—VI вв., что неизбежно предопределило синтез классического и христианского наследия в его творчестве: христианских и мифологических образов и идей.

В наследии Прокопия выделяется «античная» часть:

- декламации («О весне I», «О весне II», «О розе»)
- панегирики (Императору Анастасию; Стратигу Азиатику);
- экфрасисы («Орологий» и «Федра и Ипполит»);
- этопеи («О пастухе», «О морской торговле», «Об Афродите», «О Фениксе»);
- письма[1] (более 150).

Его переписка также содержит много сведений об отношениях с коллегами-профессорами и дает хорошее представление об академической среде в Газе, Антиохии и Александрии[2]. Прокопий пишет к родным, друзьям, коллегам и ученикам, рассматривая широкий спектр вопросов. В письмах наибольшее проявление получает парадокс, позволяющий сочетать опыт античной пышнословной риторики и высокоморальных идей христианского учения.

Исключительный статус исторического источника имеет «Панегирик императору Анастасию» в 30 главах, написанный в прозе и содержащий, что не удивительно, характерные для античных сочинений элементы[3].

Часть его «античных» идей продолжила свою жизнь в работе его ученика и преемника – Хорикия Газского, а деятельность Прокопия в качестве руководителя Газской школы риторики предопределила развитие этого города как интеллектуального ранневизантийского центра.

По словам Гленвилла Дауни, «...вся атмосфера в Газе была благоприятной, чтобы стимулировать литературное творчество. Александрия и Константинополь смогли привлечь и удержать уважаемых профессоров, но ни один - оживленный морской торговый порт, ни другой

---

[1] Procopius Gazaeus. Opuscula rhetorica et oratoria / omnia primum collegit, edidit, apparatu critico instruxti E. Amato, adiuvante G. Ventrella. Berlin - New York: W. de Gruyter, 2009.

[2] *Болгова А.М.* Хорикий из Газы: античная риторика как форма для византийской школы // Научные ведомости БелГУ. История. Политология. Экономика. Информатика. № 19 (96). Вып. 17. Белгород, 2011. С. 48.

[3] См.: Прокопий Газский. Панегирик императору Анастасию / Пер. Н.Н. Болгова, А.М. Болговой // Классическая и византийская традиция. 2016. Белгород, 2016. С. 143-161.

- имперская столица и деловой центр империи, не мог дать те условия, которые Газа предлагала для студентов и преподавателей…»[1].

«ЭКФРАСИС ОБРАЗОВ» ПРОКОПИЯ ГАЗСКОГО И ИСПОЛЬЗОВАНИЕ МИФОЛОГИЧЕСКИХ ТЕМ В ИСКУССТВЕ РАННЕВИЗАНТИЙСКОЙ ПАЛЕСТИНЫ

М.Ю. Лопатина

В данной работе изучаются проблемы сохранения и использования классического наследия в Византийской Палестине (Газе) на материале «Экфрасиса образов» («Описания картин») Прокопия Газского.

Ключевые слова: Газа, Прокопий Газский, экфрасис.

«EKPHRASIS EIKONOS» BY PROSOPIUS OF GAZA AND USING OF MYTHOLOGICAL THEMES IN THE ART OF EARLY BYZANTIAN PALESTINE

M.Yu. Lopatina

In this paper we study the problems of preserving and using the classical heritage in Byzantine Palestine (Gaza) on the basis of Procopius of Gaza's «Ekphrasis of Images» («The Descriptions of Paintings»).

Key words: Gaza, Procopius of Gaza, ekphrasis.

В данной работе изучаются проблемы сохранения и использования классического наследия в Византийской Палестине (Газе) на материале «Экфрасиса образов» («Описания картин») Прокопия Газского[2]. Это сочинение уже становилось предметом изучения в историографии[3]. Оно состоит из 42 глав и относится к античным риторическим сочинениям Прокопия.

---

[1] *Downey G.* Gaza at Early Sixth Century. Norman, 1963. P. 213-214.

[2] Это сочинение (Proc. Gaz. Op. IX) носит название ΕΚΦΡΑΣΙΣ ΕΙΚΟΝΟΣ. В итальянском издании Э. Амато 2010 г. сохранено оригинальное название «Описание изображений в городе Газа» (Descrizione dell'immagine collocata nella citta di Gaza // Rose di Gaza. Gli scritti retorico-sofistici e le Epistole di Procopio di Gaza. Alessandria: Edizioni dell'Orso, 2010. P. 214-237. Во французском нормативном издании 2014 г. то же: Description du tableau sis en la ville de Gaza // Procope de Gaza. Discours et fragments. Paris, 2014. P. 157-220.

[3] *Talgam R.* The Ekphrasis Eikonos of Procopius of Gaza: The Depiction of Mythological Themes in Palestine and Arabia During the Fifth and Sixth Centuries // Christian Gaza in Late Antiquity. Leiden – Boston, 2004. P. 209-234; *Drbal V.*

Для того, чтобы ответить на вопрос о том, какое влияние оказало язычество и классическое наследие на светское искусство Ранней Византии, произведение Прокопия можно сравнить с археологическими памятниками региона. Однако такое сравнение вызывает множество трудностей. Не только потому, что картины (фрески), описанные Прокопием, не сохранились, но и потому, что наши знания по археологии в Газе очень скудны, и свидетельства Прокопия невозможно проверить в их непосредственной обстановке. Только для того, чтобы датировать одну мозаику в городе, потребовалось провести раскопки древней синагоги[1]. Изображение Царя Давида здесь соотносится с образом Орфея, играющего на лире. Это больше похоже на определенный переход события из мифологической истории в еврейскую, нежели на описание языческого сюжета[2]. Более того, панно с изображением фигур Давида и Орфея - это лишь фрагмент большой композиции, остальная часть которой потеряна.

Другая методологическая проблема, которую необходимо принимать во внимание, пытаясь сделать выводы о живописи на основании описания Прокопия, это проблема самой природы экфрасиса[3]. Хотя Прокопий в своем описании утверждает, что он всего лишь «рисует картину», его описание - это, прежде всего, интерпретация и обработка ученого. Ведь люди воспринимают и описывают картины по-разному[4].

Внимательно ознакомившись с экфрасисом Прокопия Газского, Пауль Фридлендер предложил в свое время достаточно убедительную

L'Ekphrasis Eikonos de Procope de Gaza en tant que reflet de la societe de l'Antiquite tardive // Ekphrasis. Realites et Imaginaires // Byzantinoslavica. 69/3 suppl. 2011. P. 106-122; *Thevenet L.* L'Ekphrasis Eikonos de Procope de Gaza: visite guide d'unetragedie // L'Ecole de Gaza: Espace litteraire et identite culturelle dans l'Antiquite tardive. Leuven – Paris – Bristol: Peeters, 2017. P. 225-266.

[1] *Ovadiah A.* Excavations in the Area of the Ancient Synagogue at Gaza (Preliminary Report) // Israel Exploration Journal. 19. 1969. P. 193-198.

[2] Об этой категории см.: *Weitzmann K.* The Survival of Mythological Representations in Early Christian and Byzantine Art and their Impact on Christian Iconography // Dumbarton Oaks Papers. 14. 1960. P. 43-68.

[3] *Carrier D.* Ekphrasis and Interpretation: Two Modes of Art History Writing // British Journal of Aesthetics. 27. 1987. P. 20-31; *James L., Webb R.* To Understand Ultimate Things and Enter Secret Places: Ekphrasis and Art in Byzantium // Art History. 14. 1991. P. 1-17; *Elsner J.* Art and the Roman Viewer: The Transformation of Art from the Pagan World to Christianity. Cambridge, 1995. P. 21-48.

[4] См.: *Уртминцева М.Г.* Экфрасис: научная проблема и методика ее исследования // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Литературоведение. Межкультурная коммуникация. 2010, № 4 (2). С. 975–977.

реконструкцию описываемых в нем изображений[1]. Но в отношении этой реконструкции необходимо помнить о ее гипотетическом характере; осознавая невозможность реконструкции оригинала, Фридлендер поручал разным художникам изобразить эту реконструкцию.

В начале очерка дана предложенная Фридлендером реконструкция, за ней следует оценка картины и наблюдений, сделанных Прокопием. В детальном описании говорится, что на картине изображены две главных сцены из трагедии Еврипида «Ипполит» («Ипполит» — одна из трагедий Еврипида. Была написана в 428 г. до н.э. Произведение построено на древнем сюжете любви мачехи к пасынку).

Первая сцена происходит во дворце. В центре гипостильного зала изображен Тесей, царь Афинский, лежащий на своей постели. То, что он спит, угадывается по его расслабленной позе и присутствию Гипноса, бога сна, склонившегося над постелью. Двое слуг (мальчик с опахалом и мальчик, ответственный за гончих) извлекают выгоду из сна своего хозяина, пренебрегая своими обязанностями. А третий слуга – мальчик, боящийся гнева хозяина, если тот вдруг проснется и обнаружит непослушание слуг, пытается пробудить опахальщика. Рядом с ложем Тесея сидит его жена, Федра. Она беспокойна, мучима безнадежной и трагической любовью к своему пасынку Ипполиту. Эрос, парящей над ней, держит факел, которым указывает на изображение Ипполита, охотящегося за львом, что символизирует неудержимое чувство Федры. Старая кормилица, знающая, что на уме у своей хозяйки, убеждает ее написать Ипполиту любовное письмо, в то время как другая фигура Эроса держит наготове перо и чернила для Федры. Две служанки наблюдают со стороны: вероятно, одна объясняет другой, чем вызвано недомогание хозяйки, указывая на изображение Ипполита. Третья девушка несет ларец с драгоценностями Федры.

Архитектурный фон составляют стена с нишами, колонны с каннелюрами и золотыми капителями и антаблемент, украшенный четырьмя панно, изображающими сцены из «Илиады». Справа налево изображены: Ипполит, охотящийся на льва, Тесей, убивающий Минотавра, Ариадна, подающая Тесею нить, и Ариадна, смотрящая на Тесея, стоящего среди освобожденных молодых афинян. На карнизе сидят павлин и пара голубей. Вдалеке виднеются высокие деревья.

Вторая сцена локализуется в горах. Ипполит в сопровождении Дафны и слуг выехали верхом на лошадях, в это время появляется посланница Федры, старая кормилица. Ипполит, ужаснувшись содержа-

[1] *Friedländer P.* Spätantiker Gemäldezyklus in Gaza: des Prokopios von Gaza ΕΚΦΡΑΣΙΣ ΕΙΚΟΝΟΣ. Rome, 1938.

нию послания, с отвращением бросает его на землю, и поломанная дощечка выдает все попытки Федры соблазнить пасынка. Дафна тоже кажется шокированной поведением царицы. Кормилица становится жертвой охоты. Она на коленях, истекает кровью пытаясь защититься от жестокого слуги, который бьет ее дубиной, и от своры свирепых псов, напавшей на нее. Лысый сокольничий пытается остановить это вероломное нападение. Вдалеке, на склоне гор предстают сельские жители – пастухи, крестьяне и охотники, которые наблюдают развернувшуюся драму.

Четыре панно в верхней части картины изображают четыре сцены из «Илиады». Две слева – Приам и Антенор с миссией к Агамемнону, царю Аргоса. Две справа – битва Менелая и торжествующего Париса за Елену, и Парис, ведущий Елену в Трою. Над панно в верхней части изображена статичная фигура покровителя, стоящего в гавани, наполненной лодками.

Картины из Газы это, прежде всего, свободная трактовка трагедии Еврипида «Ипполит Стефанофор (Увенчанный)», в которой Федра пытается преодолеть свою всепоглощающую страсть, и скорее Кормилица, чем она сама, начинает общение с Ипполитом. Главное отличие такой трактовки - это изображение спящего Тесея во дворце. В классическом варианте, по меньшей мере, дважды упоминается, что он отбыл с визитом в Трою (ст. 281, 660). Этим объясняется упоминание Прокопием данной особенности. Тесей, который в классической живописи и литературе предстает как образец истинного духа афинян, здесь изображен не как великий царь и прославленный герой, а как уставший старик, которого предала не только молодая жена, но и его слуги. Другое существенное отличие – это жестокое наказание Кормилицы. У Еврипида она возвращается от Ипполита целой и невредимой.

Сравнение газского изображения и римских описаний наводит на мысль о том, что такое наказание, которое понесла Кормилица, было совершенно несвойственно для римской изобразительной традиции в этой сцене. П. Фридлендер и Д. Леви упоминают поврежденную фреску из Помпей с изображением воина, грозящего мечом женщине, которая упала на колени, но доподлинно неизвестно имеет ли это отношение к данному мифу. Если имеет, то необходимо помнить, что этой женщиной вполне может оказаться и Федра, а не Кормилица, так в изложении мифа Сенекой Младшим Федра предстает более похотливой и бесстыжей, чем в «Ипполите».

Необходимо отметить, что, хотя Прокопий не сочувствует Кормилице, он выступает против ее жестокого наказания. Другая отличительная черта – это приписывание Дафне роли подруги Ипполита в

сцене на охоте. Ее появление в данном контексте – полная неожиданность для каждого, кто знаком с мифом. Ни Дафна, ни Ипполит не вступали в брак. Возможно, это художественный прием противопоставления совершенно другого образа женственности образам Федры и Кормилицы. А может, Прокопий просто ошибся, говоря, что это Дафна? Дафна и Ипполит есть два идеала невинности и чистоты Артемиды, возможно, именно этим объясняется ее появление как женского прототипа Ипполита. Однако нужно помнить и о том, что именно Аталанта любила охоту, а не Дафна. Вероятно, что образ Аталанты не совсем подходит в данном случае еще и потому, что она, хотя и отрицала брак, но все же не смогла избежать «подарка Афродиты». Образ лысого сокольничего - также нововведение ранневизантийских художников.

Лейтмотив любовного письма – добавление Овидия (Heroid. 4; 5 г. до н.э.) Однако популярная в римском искусстве версия о передаче письма Кормилицей объясняет появление аналогичной версии в Газе. Фигуру Эроса обнимающего бедра Федры, присутствующую на некоторых саркофагах, заменяет фигура Эроса, предлагающего Федре письменные принадлежности.

Подробная композиция картины, описанная Прокопием, резко контрастирует с небольшими изображениями мифа на мозаичном полу в Восточном Средиземноморье, на которых обычно были изображены два протагониста, Федра и Ипполит, а также Кормилица или Эрос, соединяющий эти фигуры.

Композиция римских саркофагов шире по сравнению с ним, и включает служанок, пытающихся облегчить любовные страдания Федры и окружение Ипполита. Тема всегда поделена на два следующие друг за другом эпизода: любовные страдания Федры и Ипполит, отправляющийся на охоту. Более того, газский художник включает в изображение внутреннюю и внешнюю обстановку, а также некоторые жанровые элементы, такие как полуденный зной, усиливающий атмосферу, которую передает картина. Он также добавил мифологические панно в верхнюю часть картины, проливающие свет на происходящее. Выбор тем панно точно рассчитан: намекая на то, что Тесей предал Ариадну, панно над первой сценой напоминает о прославленном прошлом Тесея. Храбрый и молодой Тесей вверху резко контрастирует с изнуренным стариком внизу.

Сцена Ипполита на львиной охоте не имеет какой-либо параллели и выглядит как нововведение художника и поясняет, в кого влюблена Федра. Идея Троянского мифа, представленного на панно выше второго эпизода, выглядит чем-то неуловимым, но все же они не

кажутся изолированным от общей сцены. Два панно слева изображают троянское посольство к грекам как свободную интерпретацию Il. VII, 345-404. У Гомера Идей - посланник к Агамемнону, а на картине посланники - Антенор и Приам. Нет видимого греческого или римского аналога этого эпизода в «Илиаде», и это кажется еще одним нововведением ранневизантийского мастера из Газы. Прокопий предполагает, что художник выбрал эту сцену, как бы говоря, что троянский царь и его верный друг с седыми волосами и согбенными спинами символизируют неудачу и старость. Мы можем поставить их в параллель к Кормилице – подобно ей, они приносят трагическую новость – в данном случае от юного Париса, который отказался оставить Елену.

На одном панно справа изображен бой между Менелаем и Парисом за Елену, на другом Парис вводит Елену в Трою. Парис был близок к поражению, но в последний момент Афродита спасла своего любимца. Эти изображения соотносятся с вышеописанными. Однако эта связь едва уловима. Парис, принимая условия боя, был вооружен и готов к нему, Кормилица же - всего лишь беззащитная старушка. Хитроумный план Афродиты резко отличается от благородного поведения сокольничего. Художник из Газы создал широкий цикл картин определенной тематики. Панно гармонично вписываются в общую тему главной картины, а жанровые элементы главного эпизода также представляют иконографическую ценность.

Несмотря на отклонения от классических канонов и некоторые нововведения, изображения из Газы в целом сохраняют верность классической живописи. И первый эпизод - прекрасное тому доказательство. Нравственный выбор, с которым столкнулись главные герои картины, побуждает окружающих их персонажей и одновременно свидетелей происходящего, так же, как и зрителей, сделать его. Подчеркивая это, Прокопий лично обращается к Федре. Деление сцен выполнено в классическом духе и представляет собой характер героя, в первом эпизоде, и его реакцию на происходящее, во втором. Вместе с тем, фигура Кормилицы и то, как изображено ее одеяние, больше напоминает скульптуры эллинистического реализма.

Эта картина пропитана духом эллинизма. Несмотря на незначительные отклонения, она показывает актуальность классической традиции в ранневизантийское время. Художник не просто продублировал хорошо известные мифы античности, но также дал морфологические изменения и вкрапления, которые не являются признаками непонимания или невежества. Напротив, он как будто наслаждается своей свободой художника, благодаря которой он внес некоторые изменения, дал возможность истолковать классический текст так, чтобы он тронул

сердца людей его времени. Тем не менее, в основе картины лежит классическая традиция. Точно воплотив сюжет мифа, он создал картину, которая будет интересна и непросвещённым людям. Так, например, фигура Эроса, указывающего на панно с Ипполитом, демонстрирует, в кого влюблена Федра, в то время как ее близкое нахождение у ложа царя объясняет, что она его жена. То, что Кормилица не выполнила поручение, ясно из ее наказания. Вместе с тем, мифологические панно над вторым эпизодом и остальное многообразие художественных деталей будет в равной мере интересно и знатокам.

Пытаясь передать впечатления от картины, Прокопий, прежде всего, дает описание картины в стиле классицизма – архитектура придает картине глубину, цветовое решение драпированных одежд - свечение, лица протагонистов и их жесты, так же, как и язык тела - выразительны; история предстает как непрерывное повествование с появившейся фигурой Кормилицы в двух последующих эпизодах, время и место определяют архитектурный фон в первом и пейзаж во втором эпизодах, соответственно. Описания Прокопия производят впечатление выдуманного, но реалистичного места. Композиция второго эпизода отдаленно напоминает мифологический пейзаж, в который помещены мифологические герои, уменьшенные в размере и располагающиеся на фоне широкой панорамы. Слуга, частично скрывшийся за колонной в первом эпизоде, демонстрирует попытку художника создать в картине архитектурное пространство. Это также хорошо известный прием из римской живописи.

Определенные трудности в анализе картины происходят не только от того, что Прокопий делает акцент на иконографии, но от плохого состояния настенных фресок.

Также необходимо отметить включение фигуры донатора в общее полотно. В ранневизантийских церквях Газского региона на мозаичном полу можно встретить изображение донатора (дарителя) либо как неотъемлемую часть изображения, либо на отдельной панели. Этим и обусловлено его появление на картине в Газе. Из описания Прокопия следует, что этот донатор доминировал в городском совете Газы, был организатором конных скачек в цирке и участником строительства и общественных работ[1]. Список его качеств и добродетелей весьма внушителен. Прокопий пишет не только о приятной внешности, знатном происхождении, высокой оценке властей и активной деятельности на благо своих подданных, но также о том, что «от Бога он

---

[1] О муниципальной администрации Газы см.: *Dan Y.* The City in Eretz-Israel during the Late Roman and Byzantine Periods. Jerusalem, 1984. P. 80-85.

научился благочестию». Иными словами, его деятельность в области светской культуры никоим образом не противоречит тому, чтобы быть верным христианином.

Слог Прокопия не назовёшь сухим или академическим. Он скорее заинтересован душевным состоянием героев трагедии, и интерпретация картины показывает его как человека сочувствующего, сострадательного, хорошо знающего человеческую натуру. Он не просто берет покровительство над героями, но сохраняет противоречивый дух трагедии. Он осуждает Федру, но обращается к ней как к близкому другу, тем самым, освобождая от вины, перекладывая ее на неугомонного Эроса.

Экфрасис всегда связан с фантазией, когда автор использует свое воображение. Прокопий ценит Ипполита за его благопристойность, но, в то же время, понимает, что Ипполит осознает присутствие публики и рассчитывает, что она поддержит его отказ на предложение Федры и, тем самым, утвердит в их глазах его непорочность.

Удивительно то, что Ипполит и на картине, и у Прокопия остается всего лишь протагонистом греческой трагедии; нет попытки переосмыслить его роль в ранневизантийском духе. Больше всех Прокопий симпатизирует сокольничему, который пытается защитить Кормилицу и упрекает слугу за его жестокость. Тем не менее, подход Прокопия к описанию картины отражает ценности его времени. Он осуждает Федру за плотское влечение и за то, что она забыла о чистоте души. Он также указывает на то, что муж Федры, Тесей не лежит с ней на ложе, т.к. благочестивые люди спят вместе только ночью.

Прокопий обращает наше внимание на второстепенные детали и их значение. Это фигуры различных животных, объединенные тематикой картины как неотъемлемая часть изображенной трагедии, живые существа, наделенные своими чувствами. Прокопий проводит параллель между чувствами животных и людей. Описывая пару голубей, сидящих на карнизе, он говорит о том, что голубь влюблен больше, чем голубка. Пес хочет взять силой собаку, мать маленьких щенков – это воплощенная мужская самоуверенность, желание взять все силой. Красующийся павлин подвластен нарциссизму. Во втором эпизоде чувства животных перекликаются с чувствами людей. Лошади и псы разделяют чувства всадников, истязающих Кормилицу. Баран, гонимый лаем собак, ищет убежище в чаще, а на вершине горы борются два козла – молодой отпрыск и вожак стаи, их бой олицетворяет неизменную борьбу между молодостью и старостью. Соотношение чувств животных и людей есть прекрасный образец глубокого гуманизма и человечности Прокопия.

Он также останавливается на таком аспекте картины как плотское влечение, которое при этом никак не умаляет драматизм ситуации – Федра манит прозрачным одеянием, окутывающим ее тело, обнаженная грудь Ипполита привлекает не только Федру, но и одну из ее служанок, а бесстыжая крестьянка выставляет грудь напоказ. В то же время, излишняя нагота может иметь и противоположный эффект, который создают полуголая фигура Тесея и грудь старой Кормилицы.

Прокопий принимает на себя роль профессионального критика, излагая свое мнение о картине. Он считает ее несомненным шедевром и восхищается талантом художника за то, что то не стал изображать Тесея супергероем, а представил его как обычного человека, изнуренного полуденным зноем, и за то, что, смотря на картину, мы забываем, что это всего лишь миф.

Экфрасис Прокопия раскрывает его как блестящего мастера слова. Описание логично, просто, хорошо выдержанно, тем не менее, живо и очень неожиданно. Также по нему можно судить об отношении Прокопия к происходящему на картине. Во вступительном слове он говорит о его полной уверенности в том, что зрители будут способны оценить все тонкости композиции. А дальше он как будто скромничает со зрителем, притворяясь, что плохо знает Гомера, говоря: «насколько я помню, то ….», хотя из описаний панно, очевидно, что он является одним из знатоков «Илиады». Описывая шедевр, Прокопий и сам создал оный. Он пропитан духом новой софистики, напоминает описания Филострата.

Однако Прокопий совсем не дает сведений о размере картины, месте ее нахождения, художнике и времени ее написания. Скорее всего, она будет датироваться временем жизни самого Прокопия – 1 пол. VI в. Ведь, судя по описанию, она была в хорошем состоянии и не являлась предметом античного искусства. Значение фигуры сокольничего также указывает на то, что это V-VI вв.

Изображение из Газы можно сравнить с памятниками археологии, с мозаичными изображениями из этой же области. Мозаика, относящаяся к трагедии Еврипида «Ипполит», была обнаружена в 1913 г. между Эль-Аришем и Рафахом, находится в Исмаилии. Еще одна мозаика была открыта М. Пиччирилло в Иордании в 1983 г.[1] Время происхождения первой мозаики неизвестно, одни относят ее к IV веку, хотя стилистические приемы скорее указывают на V или начало VI вв. К началу VI в. относят и вторую мозаику. На обеих мозаиках изображена встреча Ипполита и старой Кормилицы, посланницы Федры,

---

[1] *Piccirillo M.* The Mosaics of Jordan. Amman, 1993.

причем Ипполит, отправляющийся на охоту, еще не подозревает о предстоящей борьбе. Хотя композиция этих мозаик различается (на первом изображении Федра находится в одиночестве), но обе напоминают изображение на римских саркофагах. Образ сокольничего, появляющегося в центре панно из Мадабы, скорее исключение. Это новшество византийских художников характерно для обеих мозаик и показывает, насколько популярной стала соколиная охота в V-VI вв., ведь именно в это время она стала частью образования знатных особ. Образ сокольничего также появляется на одном из греческих панно из Аргоса VI в.

По сравнению с двумя вышеописанными мозаиками, изображение, описанное Прокопием, имеет полную и сложную композицию. Неясно, отчего происходит это различие, либо это следствие классического образования, полученного художником из Газы, либо разница художественных средств. Изображение, описанное Прокопием, отличается большей оригинальностью по сравнению с небольшими изменениями, которые предприняли художники мозаик.

Федра и Ипполит изображены и на мозаике из Мадабы. На соседних панно изображены мифы об Афродите и Адонисе. В классической литературе эти истории взаимосвязаны, очевидно, этим объясняется желание художников изображать их вместе. Кроме того, миф об Афродите и Адонисе показывает, что даже богиня любви не в силах уберечь любимого от судьбы. Прокопий во вступлении также упоминает, что они тоже оказались жертвами Эроса. Художник из Мадабы предпочел жанровый эпизод так называемых амурных бесед общеизвестной сцене прощания с Адонисом перед охотой. Афродита и Адонис сидят на троне в окружении шести амуров и трех граций, к которым приближается молодая крестьянка, которая несет в корзине фрукты и куропатку с надписью. Ее появление говорит об аллегорическом характере данной сцены. Афродита и Адонис со своим окружением символизируют тайну процветания и радость природы.

Кроме того, красные цветы, разбросанные из выпавшей корзины, напоминают о фестивале роз (Розалии), который упоминается во многих источниках, весеннем (майском) празднике. В VI в. Иоанн Газский[1] написал поэму «День Роз». На темы этого праздника высказался в одной из речей и Хорикий. Возможно, они подразумевали праздник Розалий, но с некоторыми изменениями. Миф об Афродите и Адонисе кажется неотъемлемой частью этого праздника. Фестиваль, посвящен-

---

[1] *Lauritzen, Delphina*. Exegi monumentum: l’Ekphrasis autonome de Jean de Gaza // Ekphrasis. Realites et Imaginaires / Ed. V. Vavnnek, P. Odorico, V. Drbal / Byzantinoslavica. 69/3 suppl. 2011. P. 61-79.

ный Адонису, приходился на весну. Согласно легенде, Афродита исколола ноги шипами и цветы, которые она несла в память о любимом, стали алыми от крови. Фигура Эроса, нежно держащего ее ноги, подразумевает это печальное событие.

Амуры выступают в роли этаких озорников и вносят атмосферу шутки в происходящие и радость возрождения. Один из них перевернул корзину цветов – часто на других мозаиках эту роль выполняет заяц. Второго Афродита нежно подталкивает ножкой – жест больше характерен по отношению к Пану, богу пастушества и плодородия. Третий Амур взбирается на дерево (тут возможен намек на рождение молодого Адониса из дерева), а четвертый пытается убежать. Афродита, почти нагая, держит цветок в левой руке, а богато одетый Адонис схватил копье.

В изложении мифа нет ничего трагичного. Зрителю кажется, что это жанровая сцена, в которой Афродита и Адонис выступают в роли хозяев, дары земли - как милосердный дар времен года. Именно таковы мозаики из Северной Африки, где показан отдых в богатых поместьях. Наиболее яркая из этих мозаик та, на которой изображено поместье Юлиана Карфагенского, а также мозаика из терм Sidi Ghrib (Тунис). На этих мозаиках хозяйка поместья изображена по типу Афродиты. На византийском изображении из Мадабы мы видим обратное – богиня, не считая своей полунагой фигуры, предстает перед нами как замужняя женщина и мать семейства. То, что фигуры на мозаике все подписаны, не должно рассматриваться как нехватка элементарного образования. Такие подписи характерные для античных изображений с древности.

Третье панно украшают цветы и растения, диагонально оплетающие его и сменяющиеся изображением водных птиц. Подобный аканф или орнамент украшает все три панно. В подобном же стиле декорированы и церковные мозаики в данном регионе. Четыре завитка по углам олицетворяют четыре времени года, которые представляет богиня судьбы Тихе. Но их головы увенчаны иначе, нежели голова Тихе периода Поздней античности. Возможно, изображение двух морских чудовищ, расположенных за границей панно, напоминает о трагическом конце Ипполита. Однако, следует помнить, что мозаика остается космологической композицией, характерной для некоторых из церквей, расположенных в этом регионе, в котором орнамент наполнен водными фризами, а популярный мотив столкновения быка и льва был преобразован в морских чудовищ. Ведущая роль отдана фигуре сокольничего на панно, изображающем Федру и Ипполита. Она подчеркивает охоту, соединяющую мифологическую тематику с охот-

ничьей сценой, объединенные в аканфе. Видно старание художника и настоятеля церкви соединить мифологическую историю с тематикой и композицией церковной мозаики не просто механически, но творчески, внося определенные изменения.

Также можно встретить изображения богинь городов, соответственно надписям - Мадаба, Рим и Григория. Все три держат крестообразный жезл, подчеркивающий христианское начало. На богинях Мадабе и Григории надеты короны, а на римской Тихе - фригийский головной убор, похожий на шлем, являющийся одним из ее атрибутов. У богинь Мадабы и Рима есть по рогу изобилия, а у Григории - корзина. Очевидно сходство между олицетворением времен года и Тихе на этой мозаике, которое видно не только из корон, надетых на изображения времен года, но по корзине и рогу изобилия. Можно говорить о слиянии фигур Тихе и четырех времен года. Настоятель и художник, возможно, намеревались объединить их с Харитами, фигуры которых изображены ниже. Фигура Григории остается до конца не разгаданной, больше таинственной, несмотря на попытку идентифицировать ее. Возможно, это фигура местного филантропа, благотворителя мозаики, или воплощение Рима, утратившего к тому времени свое политическое превосходство в ходе политики императора Юстиниана по воссоединению с Западом. Возможно, что этот образ - изображение Нового Рима – Константинополя[1]. О популярности Тихе в ранневизантийский период также говорит ее появление на мозаике на площади Скифополя (Бейт-Шеан).

Образы Афродиты и Адониса, символизирующие тайну процветания и радость природы, напоминают изображения Диониса и Афродиты на мозаике, обнаруженной в частной постройке в Герасе, датируемой VI в. Сохранились изображения лишь частично, но сопутствующие надписи облегчают процесс идентификации. Композиция выполнена в двух частях. Центральная фигура в верхней части - Дионис. Слева от него - Пан, держащий пастуший посох, и там же еще одно изображение с флейтой Пана, лежащей у его ног. Справа от Диониса расположились менада и сатир.

В нижней части, под изображением Диониса находится Афродита; в левом углу изображена фигура, подписанная как земледелица, а в правом углу фигура, подписанная как «любитель цветов». Изображение Афродиты и Диониса как богов природы следует расценивать как усиление олицетворения природных стихий в церковных мозаиках

---

[1] *Avner-Levy R.* A Note on the Iconography of the Personification in the ‘Hippolytus Mosaic’ at Madaba, Jordan // Liber Annuus. 46. 1996. P. 363-374.

(Гея, Таласса). Мифологическое панно обрамляет аканф, наполненный сценами охоты. Земледельческий аспект в изображении Диониса уже появлялся в эллинистическом и римском искусстве. Но теперь изображения Диониса не обрамляют фигуры Времен года, которые содержат космологический смысл. Мозаика из Герасы отличается обычным изображением Диониса, а о земледелии напоминают фигура земледелицы и любителя цветов (обрамляющие Афродиту).

В нижний части второй мозаики Диониса из Мадабы изображены обнаженный Ахилл, играющий на лире, обнаженный Патрокл, схвативший копье, и, предположительно, Брисеида. Левой рукой она поднимает подол своего платья, а правой протягивает цветок Ахиллу. Два крылатых Эроса с венком парят над ее головой. Это изображение совпадает с эпизодом из книги I «Илиады», в которой два вестника Агамемнона забирают Брисеиду у Ахилла.

Сравнение мозаики из Мадабы с римскими изображениями показывает, какие изменения претерпела эта сцена, как она упростилась. Вестники были опущены, и трагическое прощание было преобразовано в обычную жанровую сцену, в которой художник подчеркивает романтичность и сентиментальность, присущие ситуации, опустив ее трагичность. Намерения художника передать психологическое состояние героев ничтожны. Жест Брисеиды и лейтмотив цветка был заимствован из прощания Афродиты и Адониса. Нагота Ахилла и Патрокла необычна и исключительна. С другой стороны фигура Ахилла, играющего на лире и успокаивающего самого себя, уже появляется в изображениях в Поздней античности – миниатюра Амвросиевой «Илиады» (Александрия, 2-я пол. V в.) и бронзовое ведро Дориа (Египет или Палестина, V в.). Ахилл и Брисеида, вместе играющие на лире, появляются на византийском серебряном кувшине, ныне находящемся в Иерусалиме (возможно, палестинского происхождения).

Возможно, эта сцена на мозаике из Мадабы отражает популярность искусства подражания на Ближнем Востоке, которое имело место, несмотря на осуждение христианскими мыслителями. Отсутствие логической связи между мифологическими панно, встроенными в несколько вышеупомянутых византийских мозаичных полов, не следует расценивать как признак некой деградации. Даже ранние римские изображения не претендуют на создание глубоких и многозначительных связей между различными представленными темами.

На другой мозаике из Мадабы изображена схватка Геракла с Немейским львом. Бронзовая статуя Геракла, борющегося с Немейским львом (V в., Рим или Сирия) свидетельствует о том, что в отдельно взятом случае его фигура все еще выполняет функцию защиты соб-

ственности. Культ поклонения Гераклу в VI в. хорошо засвидетельствован в поэзии Диоскора из Афродито. Двенадцать подвигов Геракла, так же, как Пан и Диомед, украшают монументальные часы на рыночной площади в Газе, также описанные Прокопием. Новое полное изображение цикла двенадцати подвигов Геракла дано с чисто декоративной целью.

Еще одна мозаика в этом контексте изображает Одиссея и Сирен, а также, возможно, Сциллу в доме кира Леонтия в Скифополе, датируемом V в. Строение принадлежало богатому еврею, там же располагалась и синагога. Мозаика эта свидетельствует, что еврейское население принимало участие в тенденции к представлению светских тем, привнесенных из языческой мифологии.

По всей вероятности, Одиссей появляется там дважды: в правом верхнем углу и в центре панно. В первом случае он привязан к мачте своего корабля, чтобы его не постигла участь его моряков, очарованных пением Сирен и упавших в их объятья; во втором он борется со Сциллой. Два изображения следующих один за другим эпизодов этой истории в морском пейзаже имеют римское происхождение. И демонические Сирены, и чудовищная Сцилла, прежде всего, - поэтическое воплощение опасности, которая подстерегает моряков. В талмудической литературе Сирена являет собой символ соблазна этого мира.

Соседняя надпись, в которой заказчик здания просит Божьего заступничества, наводит на мысль, что миф должно понимать в аллегорическом смысле. Однако это не значит, что еврейский патрон не сочувствует греческому герою. Возможно, соответствующая надпись заставила художника изобразить Одиссея, привязанного к мачте, на некотором расстоянии от Сирен, а не в непосредственной близости к ним.

Также следует заметить, что история Одиссея и Сирен была заимствована христианской литературой и живописью. Данный эпизод часто интерпретировался отцами церкви в иносказательном смысле – где корабль являл собой символ церкви, мачта - символ креста, Одиссей - символ праведного христианина.

Крупнейший и наиболее богатый комплекс мозаик открыт в «Доме Нила» в Сепфорисе (Циппори), в Нижней Галилее, размерами 50 на 30 м. Полы около 20 комнат в этом здании выложены красочными мозаиками, самая красивая и наиболее хорошо сохранившаяся из которых изображает сцены празднеств в рамках культа Нила. Группа мифологических мозаик в Доме Нила была обнаружена в ходе раскопок 1991-1994 гг., предпринятых Зеевом Вайсом и Эхудом Нетцером. Город Сепфорис довольно часто упоминается в талмудической литера-

туре и известен как город преимущественно с еврейским населением, соседствующим с христианской общиной. Обнаруженные мозаики датируются началом V в. На одной из мозаик изображен Кентавр в роли слуги. На вытянутой руке он несет поднос с обращением к Богу, употребляемым евреями и христианами. Дикое мифологическое существо приручили, одомашнили и обратили в монотеистическую веру. Фигуру Кентавра с подносом можно понимать и в аллегорическом смысле – слуга или шут, переодевающийся в кентавра для увеселения гостей. Наполовину дикое существо, несущее послание монотеистической веры, наводит на мысль об образах кентавра и Пана, плененных музыкой Орфея - изображения, которые можно увидеть в христианской погребальной часовне в Иерусалиме.

Появление этих фигур меняет подход к пониманию в традиционной иконографии довольно распространенного образа Орфея. Возможно, объединение фигур Пана и кентавра с надписью Диониса позволяет им появиться в христианско-орфической сцене. Их добавление к фигуре теперь «христианского Орфея» служит подтверждением того, что жизнь после смерти нужно искать не в мистическом культе Диониса, а в новой вере. Наличие фигуры Орфея в христианской часовне являет собой еще один хороший пример трансформации языческого образа, который поставили на службу новой вере.

Два панно в «Доме Нила» посвящены сценам из мифологической охоты. На одном из них изображена Амазонка, сидящая верхом на коне, с ее спутником, который вместе с собаками охотится на льва и леопарда. Сюжет охотящейся Амазонки стал популярен лишь во времена Поздней античности, вытеснив традиционную Амазономахию. Мозаика в Сепфорисе отличается еще и появлением охотника мужского пола. Это достаточно редкое сочетание наводит на мысль об Ипполите и Дафне, представленных на изображении из Газы.

В обоих случаях вдохновение от увиденной сцены можно было увидеть и в других знаменитых парах охотников – женщины и мужчины, таких как Аталанта и Мелеагр, Дидона и Эней, в искусстве Поздней античности. Большое сходство этих пар порой сильно затрудняет их распознавание.

Второе панно на мозаике в Сепфорисе изображает двух мужчин-охотников, чья нагота подразумевает, что это - еще одно изображение мифа. Присутствие ниже мертвого вепря, возможно, указывает на то, что перед нами изображены Мелеагр и один из охотников, участвовавший в убийстве Калидонского вепря.

На другом мозаичном полу в Сепфорисе изображена группа амазонок, фигуры которых как бы соединены в две горизонтальные

линии. В верхней линии две амазонки или амазонка с ее друг сидят в тени, пока их лошади привязаны к деревьям. На нижней линии изображены амазонки в танцевальных позах. Ритуальный воинственный танец амазонок вокруг статуи Артемиды в Эфесе был превращен в послеобеденное представление. Прыгающие амазонки больше не исполняют свой ритуальный танец войны, а всего лишь развлекают сидящую пару. Как показывают различные литературные источники и обеденные сцены, изображенные на мозаиках, танцы и пантомима были самыми распространенными развлечениями на частных обедах Поздней античности. Танцующие амазонки на изображении в Сепфорисе, возможно, представляют пантомиму мифической хоровой группы.

Мозаика из Дома Нила в Сепфорисе - самая необычная, скорее даже экстравагантная. В верхней части мозаики помещены олицетворение Египта и Нила, рядом с ними изображен водомерный столб. Ниже изображено прибытие в Александрию молодой девушки, скачущей на лошади, возвещающей празднование разлива реки, которое способствует обильному урожаю. Нижняя и правые стороны мозаики украшены сценами дерущихся животных, которые резко противопоставлены идеальному изображению фауны Нила в верхней части.

То, что на мозаике присутствует праздник разлива, показывает, что создатели мозаики, художники и патроны, были хорошо знакомы с ним и его римской и греческой иконографией. Хотя мозаика изображает скорее языческий ритуал, фигуры бога Нила и его супруги олицетворяют плодородие земли и обильный урожай.

Итак, можно проследить способы и методы переосмысления мифологических сцен в ранневизантийском искусстве посредством изучения тем и образов, достойных изображения и использования в приемлемом виде для христианской и, возможно, еврейской культур. Географически в центре внимания находится, прежде всего, Газа – знаменитый центр образования и литературы.

Изображения и мозаики, рассмотренные здесь, относятся к V-VI вв. Они раскрывают целый спектр способов того, как художники этого времени выполняли сцены языческой мифологии, отличающиеся утонченностью, безупречной композицией и классическим духом. Это свидетельствует о высокой интеллектуальной культуре (картина из Газы), поддерживаемой посредством простой репродукции известных мифологических сцен и мозаик, говорящих о переосмыслении или вырождении своего классического содержания.

Огромная роль пантомимы и послеобеденных развлечений, увиденных на некоторых изображениях, говорит о популярности таких

изображений в домах богатых людей. Сцены из греческих трагедий, в особенности Еврипида, почти не подвергаются изменениям. Юмористическим эффектом обладает новая интерпретация некоторых мифологических образов – кентавр в роли слуги с подносом в Сепфорисе и Эрос в Мадабе, прирученные кентавр и амазонки. Мозаика в Герасе и мозаика Ипполита в Мадабе составляют широкий контекст для изображения сил природы в форме классического олицетворения на мозаичных полах церкви и синагоги.

И ряд мозаик повествует о языческом празднике Розалий, в них нет каких-то отсылок к религиозным вопросам. Эти праздники - скорее воплощение фольклорных традиций, что не являлось какой-то проблемой для местных властей. Ни одно из изображений не свидетельствует о существовании некой языческой общности внутри христианского или еврейского сообщества.

Христианские и еврейские элементы, включенные в изображения мозаик: маленький семисвечник в доме кира Леонтия в Скифополе, крестообразный скипетр в руках городской богини в Мадабе или монотеистическая надпись на подносе, которую несет кентавр – все они не свидетельствуют о настоящем соединении иконографических элементов, а скорее остаются некой аллюзией в новом контексте, в котором они предстают.

Общий состав декоративных орнаментов светской и религиозной мозаики дает нам право предположить, что они были выполнены одним и тем же коллективом художников. Разница в стиле среди многочисленных мозаик говорит о том, что темы, заимствованные из классической мифологии, постоянно использовались в течение ранневизантийского периода, по крайней мере, в Палестине (регион Газы).

РАННЕВИЗАНТИЙСКАЯ ПОЭЗИЯ В ТВОРЧЕСТВЕ ИОАННА ГАЗСКОГО

М.Ю. Лопатина

В статье рассматривается творчество единственного известного ранневизантийского поэта из Газы Палестинской - Иоанна Газского. Анализируется один из главных трудов Иоанна – «Описание устройства мира», а также перечисляются анакреонтические стихотворения, играющие роль подготовительных риторических упражнений (прогимнасм). Отмечается попытка адаптировать поэзию египетского поэта Нонна Панопольского в Газе.

Ключевые слова: ранняя Византия, Иоанн, поэт, Описание устройства мира, анакреонтика.

EARLY BYZANTINE POETRY IN JOHN OF GAZA'S CREATIVITY

M. Yu. Lopatina

The article deals with the works of the only known early Byzantine poet, John of Gaza. One of the main his works – «Description du Tableau cosmique» - is analyzed as well as anacreontic poems that can be considered as a training rhetorical exercises. There was an attempt to adapt the poetry of an Egyptian poet - Nonnus of Panopolis, in the Gaza.

Key words: early Byzantium, John of Gaza, poet, Description du Tableau cosmique, anacreontics.

Биографических данных об Иоанне Газском почти не сохранилось. В двух дошедших до нас его сочинений (Description du Tableau cosmique (*Описание устройства мира*) и короткий набор анакреонтических стихотворений) он обозначается как «Иоанн из Газы, грамматик». Это не дает возможности определить, был ли Иоанн уроженцем Газы, или проявлял активность в этом месте как грамматик.

Тот факт, что образцом для Иоанна являлся египетский поэт Нонн из Панополя, относит время его жизни, самое раннее, в период правления Зенона (474-491). Эта оценка подтверждается влиянием в работе сочинений неоплатонического философа Прокла (412-485), особенно гимнов, составленных последним.

Что касается его смерти – не позднее 563 г., так как *Описание* Иоанна явно послужило источником вдохновения для Описания св. Софии Павлом Силенциарием, которое было рецитировано на праздник Крещения Господня в 563 г. Маловероятно, что Иоанн продолжил свое поэтическое творчество после 540-х гг. (предполагаемая дата последних известных речей Хорикия), которые ознаменовали конец процветания Школы Газы[1].

Иоанн - единственный поэт, чьи связи с культурной средой ранневизантийской Газы кажутся весьма вероятными. Если Иоанн был современником Прокопия Газского и грамматика Тимофея, то его деятельность в Газе приходится на царствование Анастасия (491-518) и Юстина I (518-527). Более того, Хорикий в своей речи в честь полководца Сумма подтверждает присутствие в Газе поэта, соперничающего с прозаиками в конкурсах красноречия (Or. 4.2.1-7)[2]. Помимо того факта, что датировка этой речи неясна (между 535/536 и 540 гг.), нет

---

[1] Jean. Sa vie // L'École de Gaza. URL: http://ecoledegaza.fr/gazae-schola/ (дата обращения: 15.10.2017).

[2] См.: Choricii Gazaei opera / ed. R. Foerster, E. Richtsteig. Leipzig, 1972. P. 70.

никаких оснований полагать, что Хорикий подразумевал именно Иоанна Газского. Однако мы видим, что фигура поэта-оратора в Газе была важной и самостоятельной.

Несколько признаков в стихах Иоанна Газского позволяет подтвердить его статус как грамматика. В анакреонтической поэзии есть отсылки на его учеников (Anacr. 4)[1], на место, где происходит обучение (Anacr. 5)[2], и на отношение учеников, которое их учитель выражает сожалением в связи с отсутствием уважения к нему (Anacr. 5.37-44)[3]. В последней части, из представленных топосов, отмечается реальный педагогический опыт.

Описание проливает дополнительный свет на его деятельность как грамматика в контексте газийской энкомиастической риторики.

В своем ямбическом прологе Иоанн указывает, что стихотворение ему было поручено властями, чтобы выступить в конкурсе красноречия, организованном для конкретного случая.

Это служит доказательством того, что учитель письма мог также выйти из класса, чтобы занять свое место в официальном празднике города.

Большая поэма Иоанна, являвшаяся первоначально частью кодекса Палатинской антологии (Университетская библиотека Гейдельберга, Palatinus 23), была передана в Национальную библиотеку Франции (Supplementum Graecum 384), где занимает страницы 643-664. Она состоит из 732 стихов, 29 ямбических стоп, разделенных на два пролога (Tab. 1-25 и 390-395) и 703 дактилических гексаметра, разделенных на две части (Tab. 26-389 и 396-732). В 2015 г. появилось новое критическое издание текста с введением, французским переводом и комментариями[4].

Это экфрасис, или подробное описание произведения искусства, Зимней бани (терм) Газы. Вероятно, композиция украшала апсиду или купол здания. Трудно представить реальный вид этой работы; Иоанн в прологе использует общий термин «изображение» (Tab. 12). Однако выбор терминов, используемых в нескольких отрывках стихотворения, скорее указывает на картину, даже если возможность мозаики не исключена.

---

[1] См.: Cinque poeti bizantini. Anacreontee dal Barberiniano greco 310 / ed. F. Ciccolella. Alessandria, 2000. P. 146.

[2] Ibid. P. 153.

[3] Ibid. P. 154-156.

[4] См.: Jean de Gaza. Description du Tableau cosmique / ed. D. Lauritzen. Paris, 2015. 432 p.

Описание было декламировано в присутствии аудитории, состоящей частично из местных знатоков и, возможно, внешних личностей, имеющих ранг в императорской администрации на региональном уровне, поэтому упомянутые «судьи» (Tab. 21) являются поэтическими цензорами, разбирающимися в аттикизме (Tab. 20).

Эта последняя характеристика важна для понимания теоретического идеала, разработанного авторами Газы. Не имея возможности определить дату, стихотворение, возможно, было декламировано во время фестиваля, связанного с «Днем роз», как это было предложено в отрывке, в котором говорится о приходе весны (Tab. 390-395).

Поэма открывается ямбическим прологом, в которой упоминаются обстоятельства ее создания (Tab.1-25), затем следует гексаметрический пролог, состоящий из двух гимнов, один из которых адресован поэтическим божествам (Tab. 26-43), а другой - космическому богу (Tab. 44-53).

Описание отражает шестьдесят персонификаций космических сил, разделенных на двенадцать групп и находящихся в определенной иерархии относительно друг друга. Первая часть описывает в 360 гексаметрах Крест и Троицу (54-69); группа Солнце (I) включает Небо, солнечный диск, Мудрость и Превосходительство, Атлас, а также переход в гармонию мира (70-161); Время (162-204); группа звезд, включающая вечернюю Звезду, Колесницу и Луну (205-249); Четыре Ветра (250-296); Океан в сопровождении быка и морского чудовища, Бездны и ангела (297-339); наконец, Аврора и двенадцать часов дня (340-385). Короткий промежуточный ямбический пролог затем вписывается в текст прерванной декламации, который произошел в середине дня (386-389).

Промежуточный гексаметрический пролог на тему цветения роз (390-395) позволяет перейти ко второй части поэмы, которая продолжает и завершает в 343 гексаметре описание группы Земля, соединяющее главные фигуры, двух ангелов, два змея, двое детей-плодов и две персонификации почвы (396-453); Океан сопровождается ангелом и различными рыбами и морскими существами; группа Гроза включает тучу, двух детей-дождей, две женские фигуры - Гром и Молнию, и трех ангелов (498-558); Радуга, которой, как и для Времени, посвящен определенный пассаж (559-591); группа Солнце (II) с утренней звездой, птицей-фениксом, двумя полными чашами, рассветом, востоком, ночью и четырьмя сезонами (592-702).

Далее поэма заканчивается заключительной триадой, которая включает в себя Эфир, венчающий мир, победителя Природы, фигурирующего в обличье льва (703-732).

Иоанн также является автором анакреонтических стихотворений – это лирика, воспевающая радость жизни и мирские наслаждения. Сохранились шесть стихотворений и название седьмого в Barberinianus graecus 310 в Ватикане.

Последнее издание – это работа F. Ciccolella (Cinque poeti bizantini. Anacreontee dal Barberiniano greco 310, Alessandria 1999).

Следует также упомянуть неопубликованную работу S. Matter по этому вопросу (Les poèmes anacréontiques byzantins. Histoire d'un genre poétique, Paris 2002).

Эти короткие стихотворения могут быть также определены как прогимнасмы или подготовительные риторические упражнения, некоторые из них получили статус энкомиев, фактически произнесенных в официальных случаях (Anacr. 1-3), в то время как другие были составлены, чтобы служить образцом для учащихся грамматике (Anacr. 4-7):

1) обратный адресат речи[1];

2) речь в честь двух лиц, Захария, дукса Аскалона и Захария Газского, присутствующих при декламации[2];

3) импровизированная свадебная речь для Анатолия, сына Фауста, который занимает высшую должность в Газе[3];

4) импровизации в День Роз после выступлений его учеников[4];

5) речь, произнесенная в День Роз в классе[5];

6) этопея в форме песнопения на тему того, что Афродита говорит в поисках Адониса; Зевс отвечает ей слово в слово[6];

7) этопея, от которой сохранилось только название, о том, что сказал бы Дионис о приходе весны[7].

Иоанн, вероятно, единственный поэт Газы, творчество которого дошло до нас. Возможно, его *Описание* сохранилось, потому что это была единственная попытка приспособить образцы поэзии Нонна в Газе.

Нельзя сказать, что Нонн полностью вдохновил школу поэзии в Газе, так как здесь была первичной проза.

Иоанн является своего рода исключением в этой среде, и философский аспект его стихов также уникален. Иоанн не пытается по-

---

[1] См.: Cinque poeti bizantini. Anacreontee dal Barberiniano greco 310 / ed. F. Ciccolella. Alessandria, 2000. P. 126.
[2] Ibid. P. 134.
[3] Ibid. P. 138.
[4] Ibid. P. 146.
[5] Ibid. P. 152.
[6] Ibid. P. 164.
[7] Ibid. P. 172.

строить неоплатоническую систему и не дает точной христианской интерпретации изображения.

Цель поэта - наилучшим образом выполнить свое обязательство, удостоверившись, что покровители (местные элиты), получатели (должностные лица, получающие похвалу) и зрители (люди и ученые) довольны тем, как он преподносит свой предмет в стиле современной поэзии[1].

Таким образом, Иоанну Газскому удалось адаптировать поздне-античную поэтическую технику Нонна в соответствии с конкретной христианской средой Газы.

Rekonstruktion des Gemäldes im Winterbade zu Gaza.

[1] *Lauritzen, Delphine*. Nonnus in Gaza.The Expansion of Modern Poetry from Egypt to Palestine in the Early Sixth Century CE // Nonnus of Panopolis in Context: Poetry and Cultural Milieu in Late Antiquity with a Section on Nonnus and the Modern World / ed. Konstantinos Spanoudakis. Boston, 2014. P. 421-433.

ОТРАЖЕНИЕ СТИХИЙНЫХ БЕДСТВИЙ И КАТАСТРОФ РАННЕЙ ВИЗАНТИИ В «ХРОНИКЕ» МАРЦЕЛЛИНА КОМИТА

Е.С. Балацюк

В статье анализируется, каким образом были зафиксированы сообщения о стихийных бедствиях и сейсмических катастрофах в позднеантичной латинской «Хронике» Марцеллина Комита из Константинополя. Также, в статье рассматриваются причины включения в хронику тех или иных событий.

Ключевые слова: Марцеллин Комит, хроника, ранняя Византия, сейсмические катастрофы.

THE REFLECTION OF NATURAL DISASTERS AND CATASTROPHES OF THE EARLY BYZANTINE IN THE «CHRONICLE» BY COUNT MARCELLINUS

E.S. Balatsiuk

The article describes how were fixed reports about natural disasters and seismic catastrophes in late antique chronicle by Count Marcellinus. Also in the article there were considered the reasons for inclusion those or other events.

Key words: Count Marcellinus, chronicle, early Byzantium, seismic catastrophes.

Физико-географические условия и особенности территории ранней Византии оказывали воздействие на становление и развитие её общества. Сказывались на жизни людей и сейсмические катастрофы, и иные масштабные природные бедствия, данные о которых обнаруживаются в письменных источниках того времени.

Частые землетрясения в этой области сейчас вполне объяснимы: столица Византии находилась в Северо-Анатолийской зоне разлома, что и вызывало повышенную сейсмическую активность. Но для жителей Ранней Византии землетрясения и иные катаклизмы воспринимались как проявление Божьего наказания за грехи людей или предзнаменования грядущей катастрофы. По этой причине после землетрясений всё население города, возглавляемое императором и знатью, совершало моления среди разрушенных сооружений. Дни землетрясений заносились в святцы для их поминовения крестным ходом и всенародным молением[1].

[1] См.: *Кулаковский Ю.А.* История Византии. Т. 1: 395-518 годы. СПб., 2003. С. 143.

Землетрясения мыслились и как эсхатологическое предвестие изменений мира; эти представления основывались на Апокалипсисе Иоанна: перед концом света должны были последовать землетрясения. Отражение подобных взглядов, доминирующих в сознании людей Ранней Византии, можно увидеть в кондаках Романа Сладкопевца[1].

Природные же причины сейсмических катастроф редко интересовали византийцев. Например, Иоанн Филопон, как и Аристотель, считал, что причиной землетрясений являются подземные ветра, колеблющие почву[2].

Эти особенности восприятия катастроф следует учитывать при обращении к источникам Ранней Византии, авторы которых проявляли интерес к подобным явлениям. Фиксация сведений о природных бедствиях весьма часто встречается и в позднеантичной латинской хронике Марцеллина Комита из Константинополя, которая охватывает период с 379 по 534 годы.

Встречаемые в «Хронике» Марцеллина сообщения чаще всего связаны с сейсмической активностью; их всего насчитывается 16. В хронологической последовательности эти события выглядят следующим образом.

В 394 г. в «некоторых землях Европы» с конца сентября до ноября происходит серия непрерывных землетрясений (Marc. Com. 394.3).

В 396 г. – «все земли сотрясались землетрясением… а небеса горели огнём» (Marc. Com. 396.3).

В 402 году происходит землетрясение в Константинополе (Marc. Com. 402.3).

Под 408 годом упомянуты подземные толчки («земля гремела в течении семи дней») в Риме (Marc. Com. 408.2).

В 417 г. из-за землетрясений были разрушены город Кибира и несколько поселений (Marc. Com. 417.2).

В 419 г. происходит разрушение землетрясением «многих городов и деревень Палестины» (Marc. Com. 419.2).

В 423 году «во многих местах были землетрясения», что вызвало нехватку продовольствия (Marc. Com. 423.3).

Под 447 годом Марцеллин описывает «великое землетрясение» и его последствия: в Константинополе произошло обрушение стен

---

[1] См.: *Василик В.В.* Отражение стихийных бедствий и эпидемий VI века в кондаках святого Романа Сладкопевца // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. Кострома, 2015. №5. С. 8.

[2] См.: *Бородин О.Р., Гукова С.Н.* История географической мысли в Византии. СПб., 2000. С. 28.

вместе с 57 башнями, зданий и статуй на Форуме Тавра; «многие города сравнялись с землёй. Голод и зараженный воздух привели к гибели много тысяч людей и животных» (Marc. Com. 447.1).

В 460 г. землетрясение произошло в городе Кизик (расположенном близ Константинополя), «с тех пор окружавшие его стены не давали защиты городу и его жителям» (Marc. Com. 460).

В 467 г. землетрясение разрушает город Равенну (Marc. Com. 467.3).

В 472 году «в Азии несколько больших и малых городов» были уничтожены в результате землетрясения (Marc. Com. 472.3).

Под 480 годом Марцеллин описывает одно из разрушительных землетрясений в Малой Азии, которое затронуло и Константинополь: «Царственный город … непрерывно содрогался от землетрясения 40 дней подряд …». Были разрушены оба Троадских портика, повреждены или разрушены некоторые храмы; статуя Феодосия Великого, установленная на Форуме Тавра над спиральной колонной, также разрушилась (Marc. Com. 480.1).

В 494 г. упомянуто землетрясение, разрушившее в одно время города Гиераполь, Триполис и Агафик (Marc. Com. 494.2).

В 499 г. «…сильное землетрясение произошло в Понтийской области» (Marc. Com. 499.2).

В 518 г. «в провинции Дардании 24 крепости были разрушены одновременно в ужасном землетрясении. Из них две были одновременно погребены вместе со своими обитателями, четыре потеряли половину зданий и населения от частичных разрушений, одиннадцать потеряли одну треть домов и такое же число людей, семь потеряли четвертую часть домов со всеми их обитателями, погребенными под останками... Большинство гор этой внутренней провинции было расколото землетрясением, камни текли рекой из разломов, деревья выворачивались с корнями. Через пропасть длиной в 30 миль и шириной 12 футов землетрясение проложило могилы для определенного числа граждан… В одной из крепостей области Гавиза, которая называлась Сарнонт, в земле были пробиты каналы, по которым… потекли огненные реки, и долго лился кипящий дождь» (Marc. Com. 518.1).

В 526 году «землетрясение поразило центр города Антиохии в Сирии в обеденное время. …оно принесло двойные жестокие разрушения огромной западной части города из-за восточных ветров, которые…раздули огонь из кухонных очагов в рушащихся домах». Марцеллин также упоминает здесь о гибели епископа города – Евфрасия и разрушении обелиска на ипподроме (Marc. Com. 526).

Это землетрясение практически полностью уничтожило Антиохию. Она была восстановлена императором Юстинианом и обрела новое название - Теополь («город Бога»)[1].

Таким образом, в хронике Марцеллина было отмечено 16 случаев землетрясений; при этом только 4 из них не были связаны с конкретными городами (394 г., 396 г., 423 г., 499 г.); три землетрясения (402 г., 447 г., 480 г.) связаны с бедствиями в Константинополе, и два из них (447 г. и 480 г.) содержат подробный рассказ о произошедшем[2].

Нехарактерное для жанра хроники развёрнутое и детализированное повествование о землетрясении содержится и под 518 годом. Оно может свидетельствовать о личном интересе Марцеллина, так как это событие касается региона Иллирика (в котором он раньше проживал). Возможно, что подробные сведения он получил из канцелярии Дардании, отправив личный запрос; или же из официального отчёта для императорского двора (о чём говорит схожесть этого фрагмента хроники с другими подобными сообщениями)[3].

Также такая подборка данных о произошедших землетрясениях может говорить о том, что хронист записывал лишь наиболее масштабные и катастрофические из них, наиболее значимые, по его мнению[4].

К другим сообщениям, касающихся природных катаклизмов, можно отнести следующие три события.

В 443 г. «выпало так много снега, что шесть месяцев практически ничего не таяло. Многие тысячи людей и животных были ослаблены морозом и погибли» (Marc. Com. 443.1).

В 444 году «некоторые города в Вифинии» были уничтожены в ходе наводнения из-за долгих дождей и разливов рек (Marc. Com. 444.3).

Под 472 годом Марцеллин описывает извержение Везувия: «Ночная тьма закрыла день, и казалось, что вся поверхность Европы покрылась частицами пыли» (Marc. Com. 472.1).

---

[1] См.: *Гийу А.* Византийская цивилизация. М., 2005. С. 105.

[2] См.: *Козлов А.С.* Комит Марцеллин о позднеантичном городе // Античная древность и средние века. Барнаул, 1992. Вып. 26: Византия и средневековый Крым. С. 52.

[3] См.: *Croke B.* Count Marcellinus and his Chronicle. Oxford university press, 2001 P. 52.

[4] См.: *Козлов А.С.* Указ. соч. С. 53.

Во время этих событий в Константинополе прошли всенародные моления на форуме Константина; событие было занесено в святцы под 6 ноября[1].

Возможно, что выделению и отражению именно этих происшествий в «Хронике» способствовала их масштабность, которая не могла не привлечь внимания хрониста Марцеллина.

Подводя итог, можно сказать, что «Хроника» Марцеллина Комита даёт ценные сведения по палеогеографии Ранней Византии; особое внимание в хронике уделено сейсмическим катастрофам. Зачастую автором отмечались бедствия, так или иначе, связанные с городами. На подобный отбор сведений о произошедших катастрофах повлияли личные интересы и взгляды Марцеллина. Они же в некоторой степени определили объём и подробность отдельных сообщений о природных бедствиях.

Учёт же представленной информации способствует формированию представлений о физико-географической ситуации и о её влиянии на становление и развитие общества Ранней Византии.

КРУГ ОБРАЗОВАННОГО ЧИНОВНИКА В РАННЕЙ ВИЗАНТИИ: СОЦИАЛЬНЫЕ СВЯЗИ ИОАННА ЛИДА

М.М. Синица

Тема данной работы посвящена социальным связям Иоанна Лида. Иоанн Лид был ранневизантийским чиновником и писателем, жившим в первой половине VI века и писавшем в антикварном жанре о римских древностях, которые по той или иной причине были интересны ранневизантийскому читателю. Лид имел достаточно широкий круг общения, как видно из его сочинений, будучи крупным чиновником и преподавателем университета в Константинополе.

Ключевые слова: Иоанн Лид, чиновник, социальные связи, Ранняя Византия.

CIRCLE OF THE FORMED OFFICIAL IN EARLY BYZANTIUM: SOCIAL CONNECTIONS OF JOHN THE LYDIAN

M.M. Sinica

[1] См.: Марцеллин Комит. Хроника / Пер., ред. Н.Н. Болгов. Белгород, 2010. С. 166.

The subject of this work is devoted to the social ties of John the Lydian. John the Lydian was an early Byzantine official and writer who lived in the first half of the VI century A.D. and wrote about the Roman antiquities in the antiquarian genre, which were intrested to early Byzantine reader for one reason or another. He had a fairly wide circle of contacts, as can be seen from his writings, being a major official and university's professor in Constantinople.

Key words: John the Lydian, official, social connections, Early Byzantium.

Тема данной работы посвящена социальным связям Иоанна Лида.[1] Иоанн Лид был ранневизантийским чиновником и писателем, жившим в первой половине VI в. и писавшем в антикварном жанре о римских древностях. Из его работ до настоящего времени дошли три: «О месяцах»[2], посвященное традиционному римскому календарю, описанию его истории и структуры, а также основных праздников; «О знамениях»[3], являющемся сборником компиляций древнегреческих и римских авторов о природных явлениях как предзнаменованиях различных событий; и «О магистратах римского государства»[4] - основное произведение, где описываются важнейшие административные институты древнеримского государства на протяжении истории от мифических времен до эпохи Юстиниана с акцентом на устройстве Восточной префектуры претория.

В своих произведениях Иоанн Лид оставил автобиографические сведения о себе, что является достаточно редким для ранневизантийских писателей.

Лид представлял собой определенный тип образованного чиновника, который М. Маас называет бюрократ-эрудит, гуманитарий (man of letters, bureaucratic eruditi)[5]. Это позволяет от первого лица, как бы «изнутри» проследить основную карьеру и социальные связи обра-

---

[1] Ioannes Lydus 75 // PLRE II. P. 612-615.

[2] Ioannes Lydus. On the Months (De Mensibus) / Tr. and ed. by A. Bandy. Edwin Mellen Press, 2013. Также в квадратных скобках даны главы по изданию Р. Вюнша: Ioannis Laurentii Lydi Liber De Mensibus / Ed. R. Wuensh. Bibliotheca scriptorum Graecorum et Romanorum Teubneriana, 1898; о конкордансе изданий трактата «О месяцах» см.: *Синица М.М.* Иоанн Лид: проблемы конкорданса изданий // Иресиона. Выпуск V. К 30-летию кафедры всеобщей истории НИУ «БелГУ». Белгород, 2016. С. 147-176.

[3] Ioannis Lavrentii Lydi Liber De Ostentis et Calendaria Graeca Omnia / Ed. C. Wachsmuth. Bibliotheca scriptorum Graecorum et Romanorum Teubneriana. Lips., 1897.

[4] Ioannes Lydus. On the Powers or The Magistracies of the Roman State / Tr. and ed. by A. Bandy. Lewiston, New York: The Edwin Mellen Press, 2013.

[5] *Maas M.* John Lydus and the Roman Past. London, New York: Routledge, 1992. P. 24, 25.

зованного ранневизантийского чиновника эпохи Анастасия, Юстина и Юстиниана.

Иоанн Лид родился в 490 г., так как он указывает, что прибыл в Константинополь в возрасте 21 года в консульство Секундиана (Флавия Секундина, 511 г.[1]). Его родиной была Филадельфия Лидийская, столица одноименной провинции.

Исследователи предполагают знатное происхождение писателя (Lyd. De mag. III.26). По мнению М. Мааса[2], Иоанн принадлежал к социальной верхушке города, так как получил хорошее образование, включавшее овладение латынью. А.А. Чекалова считает, что он был выходцем из родовитой аристократии[3], У. Тредголд[4], - что он принадлежал к классу куриалов, что подтверждается критикой Иоанна реформы Марина Сирийца, где городские советы заменялись институтом виндексов (Lyd. De mag. III.46, 49).

Его отца звали Лаврентий (Phot. Bibl. 180); христианские имена отца и сына свидетельствуют об интегрированности их в христианские круги родного города. К этим кругам, скорее всего, относится знатный, образованный и богатый филадельфиец Петроний, за свое богатство подвергшийся пыткам со стороны наместника Иоанна Максиллоплюмбакия - за него просил сам епископ города со всем клиром. Упоминает Иоанн Лид и убийство слугами наместника не очень богатого ветерана Прокла, у которого предполагали найти золото, который также может относиться к знакомым семьи Иоанна (Lyd. De mag. III.58).

Помимо этого Иоанн Лид был связан и с языческими кругами города, он с гордостью сообщает в «О месяцах», что великий философ Прокл и его ученики останавливались в Филадельфии, и многообразие языческих фестивалей заставило назвать город «маленькими Афинами» (Lyd. De mens. IV.2 [=IV.58]). Также он помнит, что на новый год (январские календы) в честь бога Януса, которого он также называет Сатурном и Кроном, проводилась торжественная процессия в Филадельфии еще в его детстве (Lyd. De mens. IV.2 [=IV.2]).

Наиболее высокопоставленной лидийской связью Иоанна являлся префект Восточной префектуры претория Зотик, его земляк и покровитель, судя по всему, близкий знакомый семьи, который ввел его в штат своего ведомства и способствовал небывалому карьерному

---

[1] *Bandy A.C.* Introduction / Ioannes Lydus. On the Powers or The Magistracies of the Roman State... P. 2.
[2] *Maas M.* Op. cit. P. 25.
[3] *Чекалова А.А.* Эволюция представлений о знатности в Византии второй половины V - VI в. // Византийский временник. Т.52 (77). 1991. С. 57-69.
[4] *Treadgold W.* Early Byzantian historians. PM, 2010. P. 258.

взлету в начале службы. Зотик поощрял Лида и материально, в частности, за панегирик последнего, префект приказал выдать из казны по солиду за каждую строку. В префектуре претория Востока успешно служил и двоюродный брат Иоанна, племянник его отца Аммиан. При его посредничестве Зотик устроил выгодный брак для автора, принесший ему приданое в 100 литр золота (7200 солидов), вероятно, тоже на лидийке (Lyd. De mag. III.26-28), а если принять во внимание гипотезу Г. Дауни[1], что его жена была дочерью его начальника, то можно выделить целую лидийскую диаспору в Восточной префектуре претория.

Покровительство землякам, родственникам и друзьям в карьере и получении образования было неотъемлемой составляющей продвижения по социальной лестнице в Ранней Византии[2]. Прибытие Иоанна Лида в Константинополь на имперскую службу предполагало наличие у него друзей и покровителей там; кроме Зотика, они должны были находиться и в ведомстве «мемориалес» двора, одном из подразделений под властью магистра оффиций, куда автор собирался поступать первоначально - и он дает хороший отзыв о тогдашнем магистре оффиций Келере (Lyd. De mag. III.17). Однако здесь Иоанн потерпел неудачу (Lyd. De mag. III.26). У. Тредголд считает, что это связано с тем, что Келер был иллирийцем и продвигал своих земляков[3].

Среди константинопольских связей Иоанна важное место занимал философский кружок учеников Прокла, причем, скорее всего, эти связи тянутся из Лидии (см. выше). В частности, в ожидании подходящей вакансии, Лид посещал философскую школу неоплатоника Агапия, последнего и лучшего ученика великого философа. В этом контексте автор упоминает книгу своего более старшего современника Христодора Коптского, посвященную ученикам Прокла (Lyd. De mag. III.26). То, что Иоанну оказалась доступна эта книга, скорее всего, свидетельствует, что они с Христодором были знакомы, вероятнее всего, встретившись именно в этой школе. К этому кругу принадлежал также и кузен Аммиан, которого Иоанн Лид также называет «и любознательным, и философом в жизни» (φιλομαθοῦς τε καὶ φιλοσόφου τὸν βίον) (Lyd. De mag. III.28).

---

[1] *Downey G.* Constantinople in the Age of Justinian. Norman: University of Oklahoma Press, 1981. P. 154.

[2] *Kalogeras N.* The Role of parents and Kin in the Education of Byzantine Children // Hoping for Continuity: Childhood, Education and Death in Antiquity and the Middle Ages / ed. K. Mustakallio, J. Hanska, H.-L. Sainio, V. Vuolanto. Rome: Institutum Romanum Finlandiae, 33. 2005. P. 133-143.

[3] *Treadgold W.* Op. cit. P. 258.

Множество различных социальных связей возникло в ходе развития служебной карьеры Иоанна Лида. При покровительстве Зотика автор быстро поднялся по служебной лестнице и разбогател, за первый год службы он умудрился заработать 1000 солидов, и с первоначальной должности скорописцев в юридическом отделе префектуры его пригласили на должность первого хартулярия среди адьюторов в департаменте «аб актис», занимавшемся финасовыми тяжбами, с окладом 24 солида в год. Этот ранг был очень высоким и достигался только после многих лет службы - его коллегами были уже опытные и пожилые чиновники; в этой должности Иоанн составлял на латыни краткие сводки тяжб (cottidiana) и судебных решений (personalia), а также краткие прояснения апелляционных дел для слушания сенатом (suggestiones), причем так, что это восхищало и привлекало внимание высших должностных лиц; в частности, он упоминает похвалы, расточаемые префектом претория Сергием[1], а также квесторами Проклом[2] и Трибонианом[3] (Lyd. De mag. III.20, 27).

Кроме того, он завязал связи со служащими «Секретума» - имперского храма правосудия, исполняя должность секретаря у тамошних скорописцев, и его репутация была настолько высока, что он уже ожидал назначения на должность «а секретис» двора, торопясь к ней «как на крыльях» (ὥσπερ <εὶ> ἀναπτερωθείς). Впрочем, после женитьбы, Иоанн оставил свое рвение при дворе, целиком сосредоточившись на службе в префектуре и надеясь там достигнуть наибольших успехов (Lyd. De mag. III.27, 28); согласно Дж. Кейми это могло быть связано с законом 524 г., запрещавшем чиновнику занимать несколько должностей[4].

Лид также сообщает, что служил в качестве хартулярия в департаменте комментариенсис – государственных обвинителей преступников, – описывая громкие расследования против могущественного Апиона в префектуре Леонтия[5], приведшее к его ссылке в 510 г., а также осуждение константинопольского патриарха Македония в 511 г.: исследователи полагают[6], что в этом департаменте Иоанн Лид служил в 517 г. в префектуре Сергия (Lyd. De mag. III.17).

---

[1] Sergius 7 // PLRE II. P. 994-995.

[2] Proculus 5 // PLRE II. P. 924-925.

[3] Tribonianus 1 // PLRE IIIB. P. 1335-1339.

[4] *Caimi J.* Burocrazia e diritto nel De magistratibus di Gionvanni Lido. Milan, 1984. P. 57.

[5] Leontius 23 // PLRE II. P. 672-673.

[6] *Caimi J.* Op. cit. P. 56.

Профессия Иоанна Лида всю жизнь была связана с делопроизводством, в частности, в конце своей карьеры он занимал должность матрикулария, т.е., хранителя архивных списков префектуры (Lyd. De mag. III.66, 67; Phot. Bibl. 180).

Благодаря своим занятиям и репутации, Лид в первые годы службы смог завязать связи с высшими сановниками империи и сенаторской аристократией. В качестве своего современника Иоанн Лид упоминает Руфа, внука префекта претория Востока Константина Мазакского[1] при императоре Льве в 471 г. (Lyd. De mag. II.20). Он рассказывает о консуле 512 г. Павле[2], который оказался должником богатого консуляра Зенодота[3], так что сам император вынужден был вмешаться в их тяжбу, выдав 2000 солидов из казны на погашение долга (Lyd. De mag. III.48); о ссоре императора Анастасия с женой по поводу назначения на должность префекта Анфемия[4], консула 515 г., сына западного императора Антемия; об обвинении префектом Сергием скриниария Гермия и апелляции матери последнего к самому императору (Lyd. De mag. III.50).

Детали, которые сообщает Лид, свидетельствуют о его близости к высшим лицам, вероятно, либо он был знаком лично с ними, либо с кем-то из их окружения. Кроме того, Иоанн завязал отношения со столичными богачами, в частности, он упоминает о неком старце Антиохе, которого он знал лично, и который был замучен за золото Иоанном Каппадокийцем (Lyd. De mag. III.57).

Однако после назначения префектом Марина Сирийца[5], выходца из финансового отдела префектуры скриниариев, карьера Иоанна пошла на спад. Марина Сирийца автор подвергает резкой критике, обвиняя в хищениях и разорении провинций налогообложением (Lyd. De mag. III.46, 49). После его ухода у Иоанна был краткий подъем, именно в это время, вероятно, он перешел из департамента «аб актис» в департамент комментариенсиев. Однако затем в 519 г. снова вернулся Марин, после которого долгое время был префектом Демосфен[6], которого автор критикует за отказ префектуры от общественных выдач и обеднение магистрата.

---

[1] Constantinus 8 // PLRE II. P. 312-313.
[2] Fl. Paulus 34 // PLRE II. P. 854-855.
[3] Zenodotus 2 // PLRE II. P. 1198.
[4] Procopius Anthemius 9 // PLRE II. P. 99.
[5] Marinus 7 // PLRE II. P. 726-728.
[6] Fl. Theodorus Petrus Demosthenes 4 // PLRE II. P. 353-354.

Но наибольшей критике Иоанна Лида подвергается Иоанн Каппадокиец[1], бывший префектом претория Востока в 531-532 гг. и 532-541 гг., достигший этого поста из скриниариев. Это главный антагонист трактата «О магистратах», которого автор обвиняет в жадности, жестокости, хищениях, пытках и убийствах, необразованности, разврате и обжорстве, грабежах, произволе и разорениях в провинциях, полном упадке префектуры (Lyd. De mag. II. 17, 21, III. 38, 57-58, 61-62, 64-65, 66-69). По мнению К. Келли, «О магистратах» является тенденциозной работой, литературной местью Лида, направленной конкретно против Каппадокийца за то, что его реформы привели в полный упадок юридический отдел префектуры и лично карьеру автора, и отражает борьбу образованных сотрудников юридического отдела (экцепторы) и сотрудников финансового отдела (скриниарии)[2].

Иоанн Лид относил себя к этой категории образованных чиновников («ученых мужей»). Он любил, чтобы его называли наиученейшим (λογιώτατος) (Lyd. III.30). Именно к 20-30-м гг. VI в. относится его фраза о том, что когда в будущем фортуна стала неблагоприятна к ученым, он возненавидел службу, целиком посвятив себя книгам (καὶ τὸ λοιπὸν τοῖς λογικοῖς... τῆς Τύχης ἀπαρεσκομένης, ἐμίσησα τὴν στρατείαν, ὅλον ἐμαυτὸν τοῖς βιβλίοις ἐκδούς) (Lyd. De mag. III.28). И в момент его наибольших успехов на службе ему покровительствовали образованные начальники. Префекта Сергия Лид называет «мудрейшим мужем» (ἀνὴρ σοφιστὴς), он был назначен на свой пост за свою ученость императором Анастасием, происходя из судебных ораторов (Lyd. De mag. II.21). Квестора Трибониана автор называет «многоученейший» (πολυμαθέστατος) (Lyd. De mag. III.20), он являлся одним из главных действующих лиц законодательной реформы Юстиниана, - в «Дигестах» император называет его мудрейшим из магистров, прославленным искусством красноречия и юридическим знаниями. Также отмечается, что именно книжные собрания библиотеки Трибониана послужили источником для юстиниановой систематизации римского права (Digest. Const. III Tanta 9, 17). Квестор Прокл, которого автор называет «справедливейший» (δικαιότατος) (Lyd. De mag. III.20), прославился своей честностью и принципиальностью, представлен в источниках как проницательный и умный муж (Theoph. A.M. 6013).

Автор отблагодарил всех покровительствующих ему начальников, посвятив им сочинение «О магистратах»: «и о... штате, в котором и мне довелось служить, я... буду рассказывать... вознося благодар-

---

[1] Fl. Ioannes 11 (the ‘Cappadocian’) // PLRE IIIA. P. 627-635.

[2] *Kelly Ch.* John Lydus and the Eastern Praetorian Prefecture // Byzantinische Zeitschrift. Band. 98. Heft. 2. 2005. S. 431-458.

ность, как будто дружественное приношение эфорам магистрата, пристально и, вместе с тем, благопристойно наблюдавшим нас... и награды трудов, и отличный конец, и лучшую долю доставивших...» (Lyd. De mag. I.15).

Хотя Иоанн не оставил службы, однако с этого времени социальные связи Иоанна Лида, обеспечивающие его дальнейшее продвижение, в основном формируются за счет его образования и научных занятий. Научные занятия и образованность были важнейшими из ценностей Иоанна Лида[1].

Последний взлет служебной карьеры Иоанна Лида был связан с префектурой патрикия Фоки в 532 г., который был назначен вместо Иоанна Каппадокийца из-за восстания «Ника». Лид указывает, что Фока любил его больше остальных (ἀγαπᾶν παρὰ τοὺς ἄλλους ἠξίου) (Lyd. De mag. III.73). Он выступал в качестве его доверенного лица, и Фока даже поручал ему контроль над своими средствами, выделяемыми на благотворительность (Lyd. De mag. III.74). Фока принадлежал именно к тому кругу сановников-интеллектуалов, к которым причислял себя и Лид. В частности, автор характеризует его как благородного мужа, превосходящего всех бесчисленными дарованиями величия души (ἀνὴρ εὐπατρίδης, μεγαλειότητι ψυχῆς... δόσεων ἀμετρίας ὑπερβαλλόμενος) (Lyd. De mag. III.72). При нем Лид отмечает краткий подъем юридического отдела Восточной префектуры претория, он пишет: «Порядок же снова воссиял... И переполох совершающихся общественных занятий был приятен, и польза разумно и согласно с законом совершалась служащими, и Храм Правосудия открылся, и риторы речами стали отличаться и книгами, которые производили, и любовь к спорам была возвращена во всем колорите государственного устройства» (Lyd. De mag. III.76).

Кроме того, Лид высоко оценивает благотворительную деятельность Фоки, в том числе, покровительство интеллектуалов. Он описывает случай с африканским грамматиком Спекием, который оказался в бедственном положении. Дабы помочь этому человеку и не оскорбить его гордость, Фока прибег к хитрости: дал ему сумму в 100 солидов за уроки латыни, которые ему якобы были нужны, хотя на самом деле он отлично владел двумя языками (Lyd. De mag. III.73). В этом отношении интересна роль самого автора - его посредничество в этом деле показывает, что в это время у него возникли социальные связи среди константинопольских преподавателей, к числу которых принадлежал и

---

[1] См.: *Синица М.М.* Иоанн Лид и ценности чиновника в Ранней Византии // Мир поздней античности. Документы и материалы. Вып. 4: Иоанн Лид. Белгород, 2014. С. 144-149.

Спекий, которому он оказывал покровительство, сначала сведя его с префектом, а затем передав средства от него. Таким связи могли возникнуть и укрепиться у Лида, благодаря его литературной деятельности, а также восходить к интеллектуальному кругу философской школы Агапия. Отношения Лида со Спекием и Фокой отражают социальную лестницу взаимоотношений среди образованных людей в Ранней Византии, когда обычный грамматик через интеллектуальные связи с более богатым и успешным чиновником мог выйти на уровень высших сановников империи.

Интеллектуалом, которому покровительствовал Фока, мог быть и сам Лид. Именно в этот период Лида заметил император Юстиниан и привлек для произнесения панегирика на латинском (Lyd. De mag. III.28). Считается, что именно Фока мог представить императору талантливого и образованного чиновника своего ведомства[1]. Впечатленный красноречием Иоанна император послал письмо префекта претория и города с постановлением о назначении писателя на должность преподавателя в Аудиториуме – высшей школе Константинополя, - обещая не оставлять его своим вниманием и милостями и в дальнейшем (Lyd. De mag. III.29). Кроме того, он предложил написать ему и всю историю своих войн с персами (Lyd. De mag. III.28), и Иоанн вряд ли мог отказаться, однако о результатах этой работы не известно. Большинство исследователей полагают, что Иоанн написал такой труд, но он, видимо, был слишком слабым, льстивым и тенденциозным, заметно уступая работам его современника Прокопия[2], поэтому он не сохранился. В этой связи интересны замечания историка Агафия Миринейского во введении к своей «Истории», продолжившего «Войны» Прокопия, относительно льстивых и тенденциозных писателей, которые пишут о современности (Agath. Praef.[3]). Он мог иметь в виду как раз этот исторический труд Лида. Однако никаких прямых сведений об этом сочинении больше нигде не содержится, что дает возможность выдвинуть гипотезу, что такая работа никогда не была написана, хотя работа над ней велась, судя по содержанию персидского материала «О магистратах»[4].

---

[1] *Treadgold W.* Op. cit. P. 260.

[2] Ibid. P. 261, 264.

[3] Агафий Миринейский. О царствовании Юстиниана / Пер. М. Левченко. М.: Вика-пресс, Арктос, 1996. С. 5.

[4] См.: *Синица М.М.* Иоанн Лид и его несохранившаяся «История войн с персами» // Классическая и византийская традиция. 2014. Белгород, 2014. С. 221-227.

Время преподавания в константинопольском университете стало новым этапом развития социальных связей писателя. Назначение Лида преподавателем исследователи связывают со временем исполнения Гавриилом[1] должности префекта города, датируя это событие 543 г.[2], на основе того, что работы «О месяцах» и «О знамениях» были посвящены ему (Suid. I 465), так как этот год является маркером его префектуры. Однако эта гипотеза вызывает сомнения, так как тогда получается, что назначение Лида состоялось с более чем десятилетним перерывом от постановления Юстиниана. Гораздо логичнее предположить, что назначение состоялось непосредственно в 532 г. В этом контексте интересен вопрос о дисциплине, которую преподавал Иоанн. Он остается открытым, однако большинство исследователей склоняется к тому, что он был преподавателем латинского языка[3]. В этой связи интересно знакомство Иоанна с вышеупомянутым Спекием. Эти взаимоотношения с латинским грамматиком могли сложиться в то время, когда Лид уже преподавал, то есть, именно в 532 г. В любом случае, посвящение работ Гавриилу, а также теплый отзыв о префекте города в «О магистратах» (Lyd. De mag. III.38) позволяют утверждать установление социальных связей Иоанна с префектом города и покровительство последнего научной и литературной деятельности писателя. Отношения с другими преподавателями могут быть прослежены на примере Спекия, однако также Лид упоминает, что среди преподавателей были часты разногласия, и они были достаточно разобщенными (Lyd. De mag. III.47). Впрочем, официальное постановление отмечало успехи Лида в преподавании и подготовку им многочисленных учеников (Lyd. De mag. III.30).

В бытность свою преподавателем Иоанну удалось также наладить дружеские взаимоотношения с всесильным магистром оффиций и любителем учености Петром Патрикием[4], занимавшем этот пост с 539 до 565 гг. Иоанн фактически написал краткий панегирик в честь Петра в одной из глав «О магистратах». Он называет его мудрым (σοφὸς), проницательным (ὀξὺς), безошибочным (ἀσφαλὴς), тонкообразованым (ἀστεῖος), во всем высокоразумным (πάντα μεγαλόφρων), первым во всех добродетелях (ὁ μεδενί ταῖς αρεταῖς κατὰ μηδὲν δεύτερος), возвышающимся в мудрости через чтение книг (διὰ παντὸς τοῖς βιβλίοις προσανέχων). Писатель прямо указывает, что их общение основыва-

---

[1] Gabrielius 1 // PLRE IIIA. P. 498.
[2] *Maas M.* Op. cit. P. 30.
[3] *Kaster R.* Guardians of Language: The Grammarian and Society in Late Antiquity. Berkeley, Los Angeles, Oxford: University of California Press, 1997. P. 230.
[4] Petrus 6 // PLRE IIIB. P. 994-998.

лось на изучении интеллектуальных материй: Петр любил приглашать различных преподавателей и задавать им сложные вопросы по тем предметам, где они считались специалистами, так что автор, хотя получал неизъяснимое наслаждение от ученых бесед с ним, прибегал к самым сильным молитвам, чтобы магистр не спросил того, чего он не знает (Lyd. De mag. II.26).

Хорошие отношения были у Иоанна и с префектом восточной префектуры претория Гефестом, во время правления которого автор уходил в отставку. В частности, на торжественной церемонии префект собственнолично поцеловал его, и зачитал комплиментарное постановление относительно его достижений. Иоанн упоминает, о происхождении префекта от первого правителя Египта Гефеста, возможно, автор также занимался генеалогией своего начальника (Lyd. De mag. III.30).

После ухода в отставку после 41 года и четырех месяцев службы Иоанн снова вернулся к своим книгам и продолжил интеллектуальную деятельность (Lyd. III.30). Его научная деятельность могла обеспечить ему связи с другими современниками-интеллектуалами, которые тоже состояли на государственной службе. В частности, он мог знать и общаться с Гесихием Милетским, они могли обмениваться и читать сочинения друг друга. В пользу этого говорит совпадение периодизации римской истории в сочинении «О магистратах» (Lyd. De mag. I.2) со «Всеобщей историей» Гесихия (Phot. Bibl. 69), а также тот факт, что статья об Иоанне Лиде в «Суде», которая восходит к «Ономатологам» Гесихия, содержит информацию только о двух более ранних его сочинениях «О месяцах» и «О знамениях», ничего не сообщая о главном (Suid. I 465), что может говорить о том, что эта статья была написана самим Гесихием в то время, когда сочинение «О магистратах» еще не было написано. То есть, писатели общались и обменивались собственными сочинениями. Кроме того, в характеристике внутриполитической ситуации эпохи Юстиниана у Иоанна Лида наблюдается сходство с произведениями Прокопия Кесарийского, общность стилистики, мировоззрения и отношения к действительности у обоих писателей настолько близки, что даже выдвигаются гипотезы о том, что оба писателя были друзьями[1]. Аналогичную близость можно заметить у Иоанна Лида с «Новой историей» его более старшего современника Зосима. Писатель продолжил и развил его традиционалистские идеи[2]. Однако, по мнению Ав. Кэмерон, традиционализм в сочинениях

[1] *Kaldellis A.* Identifying Dissident Circles in Six-Century Byzantium: The Friendship of Prokopios and Ioannes Lydos // Floriregium. 21. 2004. P. 1-17.
[2] *Maas M.* Op. cit. P. 40-44.

ранневизантийских авторов мог быть лишь общим литературным приемом, отражающим классицистический дискурс[1]. Так или иначе, произведения Иоанна Лида показывают его прочную интегрированность в ранневизантийские интеллектуальные круги.

Вопрос об успешности карьеры Иоанна Лида является дискуссионным. С одной стороны, он не скрывает собственного разочарования гражданской службой, сетует на низкие жалованья к ее концу и мизерные пенсии вышедшим в отставку, говоря, что ничего кроме титулов не получил в итоге (Lyd. De mag. III. 25, 30, 67). С другой стороны, Иоанн смог добился благорасположения и покровительства императора и многих высших должностных лиц в империи. По мнению К. Келли[2], Иоанн в конце службы добился высшего поста в юридическом отделе Восточной префектуры претория - корникулярия, поэтому его карьера была успешной. Успешной признает карьеру Лида и К. Рэпп[3]. Однако М. Маас[4] не разделяет эту точку зрения. Он считает, что Лид в конце карьеры получил более низкий ранг примискриния, его титулы были формальными, и он не был удовлетворен результатами своей службы. По мнению У. Тредголда[5], карьера Лида фактически прекратилась в 530-е гг., служба в префектуре после назначения на должность преподавателя была формальной, а в высшей школе он преподавал незначительную и номинальную дисциплину, как бы ни желал обратного. З.В. Удальцова полагала, что отставка Лида с гражданской службы была вынужденной, а императорские милости недолговечными, поэтому он впоследствии стал оппозиционно настроен к правительству[6].

Дата смерти Лида неизвестна и вызывает многочисленные споры. Большинство исследователей полагают, что он умер до конца царствования Юстиниана, хотя немецкие историки выдвинули гипотезу, что он застал царствование императора Юстина II[7], - исходя из его

---

[1] *Cameron Av.* Procopius and the Sixth Century. London - New York: Routledge, 2005. P. 35.

[2] *Kelly Ch.* Op. cit.

[3] *Rapp C.* Literary Culture under Justinian // The Cambrige Companion to the Age of Justinian / Ed. by M. Maas. Cambridge University Press, 2006. P. 376-401.

[4] *Maas M.* Op. cit. P. 31.

[5] *Treadgold W.* Op. cit. P. 261.

[6] *Удальцова З.В.* Из византийской хронографии VII в. // Византийский временник. Т.45 (70). 1984. С. 54-65.

[7] *Zachariae von Lingenthal C.E.* Joannes, des Philadelphiers Laurentius Sohn, genannt Lydus // Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte. 12. 1892, Röm. Abt. P. 79–80; *Ensslin W.* Nochmals zur Abfassungszeit von des Johannes

упоминаний о консульстве в «О магистратах римского народа» (Lyd. De mag. II.8). Но в настоящее время она не поддерживается: З.В. Удальцова полагала, что Лид писал свою последнюю работу до 565 г.[1], с этой точкой зрения соглашается и Н.Н. Болгов[2].

По предположению Э. Штайна, последнее сочинение Лида было закончено не позже 561 г., что, соответственно, считается и верхней границей его жизни[3]; этого же мнения придерживаются М. Маас[4] и кембриджские историки[5]. Согласно А. Бэнди, работа над последним трактатом была прекращена не позже 558 г., возможно, в связи со смертью автора[6]. М. Дюбюиссон и Ж. Шамп полагают, что Лид умер между 556 и 557 гг., на основании упоминания Лидом о второй войне Юстиниана против Хосроя (Lyd. De mag. III.55)[7]. Дж. Кейми считал, что нет никаких аргументов, чтобы говорить о жизни и творчестве Лида после 552 г.[8], что разделяет и Т. Валлинга[9]. У. Тредголд, говоря о поздних умолчаниях Иоанна Лида, предположил, что он мог стать жертвой чумы 558 г.[10]

Таким образом, анализируя социальные связи Иоанна Лида, можно сделать следующие выводы. Социальные связи в Ранней Византии были главнейшим фактором развития карьеры и повышения социального статуса, причем важнейшими формами связей были родственные и региональные (земляческие). Основными предпосылками развития социальных связей являлись происхождение и образование. Высокий социальный статус семьи Лида в родном городе обеспечил ему покровительство высших сановников-земляков в начале служеб-

---

Lydos περί ἀρχῶν // Philologische Wochenschrift. 62. 1942, No. 49/52 (December 5).

[1] *Удальцова З.В.* Указ. соч.

[2] *Болгов Н.Н.* Иоанн Лид и его сочинение «О магистратах римского народа» // Иресиона. Античный мир и его наследие. Вып. 2. Белгород, 2002. С. 118-120.

[3] *Stein E.* Histoire du Bas-Empire. Tome II: De la Disparition de l’Empire d’Occident a la Morte de Justinien (487-565). Paris, Bruxelles, Amsterdam, 1949. P. 839-840.

[4] *Maas M.* Op. cit. P. 8.

[5] Ioannes Lydus 75... Op. cit.

[6] *Bandy A.C.* Introduction... Op. cit. P. 27.

[7] Jean Lydien. Des Magistratures de L’État Romain. In 2 tt. T.I. 1-ére partie. Introduction générale / Texte et., tr. et com. par M. Dubuisson, J. Schamp. Paris: Les Belles Lettres, 2006. P. XLVI-XLIX.

[8] *Caimi J.* Op. cit. P. 123.

[9] *Wallinga T.* The date of Joannes Lydus De magistratibus // RIDA, 39, 1992. P. 359-380.

[10] *Treadgold W.* Op. cit. P. 262.

ной карьеры в столице (префект претория Зотик), что привело к ее резкому взлету. Вероятно, благодаря лидийским связям Иоанн смог интегрироваться в философскую школу Прокла и его последователей, через которую для него открылись широкие возможности взаимодействия с интеллектуальной элитой империи и, как следствие, поле для научной и литературной деятельности. Карьерный взлет Иоанна на гражданской службе обеспечил ему изменение материального положения и смену социального статуса – он стал богатым и сблизился с богатой и влиятельной сенаторской аристократией Константинополя, установив отношения с высшими сановниками империи.

Образование сыграло важную роль в социальном продвижении Иоанна - наибольший карьерный рост Иоанна пришелся на эпоху императора Анастасия, проводившего политику поддержки образованных чиновников. В дальнейшем, после периода стагнации служебной карьеры, приобретенные социальные связи способствовали сохранению и дальнейшему улучшению статуса Иоанна, причем линией взаимодействий выступало образование и литературная деятельность: у него сложились великолепные отношения с богатым и влиятельным аристократом, префектом претория Фокой, посредством которого он, скорее всего, привлек внимание самого императора и получил очень почетное назначение на должность преподавателя в высшей константинопольской школе, обеспечившее расширение связей среди коллег-преподавателей и учеников, вероятно, выходцев из высших слоев. В течение этого периода за счет своей литературной деятельности Иоанн стал другом магистра оффиций Петра Патрикия, приобрел покровительство префекта города Гавриила, установил хорошие отношения с префектом претория Гефестом.

В итоге, можно констатировать, что принадлежность Иоанна Лида к высшему образованному чиновничеству обусловила обилие его социальных связей и постоянное их расширение по двум основным каналам: служебному и образовательному. Образование выступает важнейшим социальным лифтом, который мог связать самого простого преподавателя с высшими сановниками империи. Социальные связи Лида были также представлены образованной и богатой провинциальной верхушкой на его родине, интеллектуалами Константинополя, как преподавателями, так и образованными чиновниками на имперской службе; знатными и богатыми слоями Константинополя, в том числе, сенаторской аристократией, включавшей высших сановников империи, апогеем чего стало благоволение императора. Они отражают высокий социальный статус писателя, обеспечив «подушку безопасности» в ходе неурядиц в служебной карьере автора.

КАЧЕСТВА ДЛЯ УСПЕШНОЙ КАРЬЕРЫ ЧИНОВНИКА В РАННЕЙ ВИЗАНТИИ НА ПРИМЕРЕ ИОАННА ЛИДА (DE MAG. III. 25-30)

М.М. Синица

Данная работа посвящена изучению модели саморепрезентации ранневизантийского писателя Иоанна Лида (490-565?), служившего в структуре Восточной префектуре претория в Константинополе.

Ключевые слова: Иоанн Лид, Ранняя Византия, саморепрезентация, автобиография.

THE QUALITIES FOR THE SUCCESSFUL CAREER OF OFFICIAL IN THE EARLY BYZANTIUM ON THE EXAMPLE OF JOHN THE LYDIAN (DE MAG. III. 25-30)

M.M. Sinica

This work is devoted to the study of the model of self-representation of the early Byzantine writer John the Lydian (490-565?), who served in the structure of the Eastern Praetorian Prefecture in Constantinople.

Key words: John the Lydian, Early Byzantium, self-representation, autobiography.

Данная работа посвящена изучению модели саморепрезентации ранневизантийского писателя Иоанна Лида[1] (490-565?), служившего в структуре Восточной префектуре претория в Константинополе. От него до настоящего времени сохранилось три трактата: «О магистратах» (об истории римской административной системы от времен Энея до эпохи автора), «О месяцах» (о древнеримской календарной системе), «О знамениях» - (о природных явлениях как предзнаменований исторических событий на основе древнеримского материала), - написанных в 540-550-х годах.

Иоанн Лид является одним из немногих ранневизантийских авторов, оставивших о себе автобиографические сведения, а из историков VI века, пожалуй, единственным. Его автобиография показывает, как происходила эволюция и трансформация ценностей в Ранней Византии в среде провинциальной знати, получившей возможность достичь самых высоких рангов государственной службы. Именно она

[1] Ioannes Lydus 75 // PLRE II. P. 612-615.

становится основным социальным лифтом для получения титулов, богатства, уважения и признания – основных критериев знатности в ранневизантийском обществе VI века[1]. Соответственно, вытеснялись прежние полисно-куриальные традиции, когда досуг или работа в местном совете считалась престижнее имперской службы, происходило формирование новых бюрократических ценностей.

Автобиография Иоанна Лида (Lyd. De mag. III.25-30, см. Приложение), которой он завершает свое исследование относительно изначальной структуры префектуры претория (не включая скриниариев, которых он считает инородным корпусом в префектуре и с которыми связывает ее упадок[2]) – это не просто разрозненные биографические данные, но целостный блок текста, попытка себя презентовать, показать успехи, которых он смог достичь за свою жизнь.

Она имеет яркую личностно-эмоциональную окраску, демонстрируя также разочарование малой наградой, полученной от своей бюрократической карьеры[3] (биографические сведения также содержатся как в других главах работы Лида «О магистратах», так и в сочинении «О месяцах», но не носят там цельного и систематизированного характера). Акцентируя внимание на своих успехах, автор, тем самым, показывает и свои основные ценностные ориентиры[4] и направления саморепрезентации.

В историографии вопрос об истинности сведений, даваемых автором о своей карьере, не поднимался из-за сложности какой-либо верификации по причине их уникальности и отсутствия аналогов в каких-либо других источниках. Биографические данные об Иоанне Лиде, содержащиеся в «Мириобиблионе» патриарха Фотия (Phot. Bibl. 180) и византийском словаре «Суда» (Suid. I 465), гораздо менее подробны и имеют вторичное происхождение, судя по всему, из самих же произведений писателя (некоторые фрагменты которых к настоящему времени утрачены).

Основные современные исследователи Лида М. Маас[5] и К. Келли[1] использовали информацию данных глав для реконструкции его

---

[1] *Чекалова А.А.* Эволюция представлений о знатности в Византии второй половины V - VI в. // ВВ. 1991. Т.52 (77). С. 57-69.
[2] О возвышении скриниариев подробно см.: Lyd. De mag. III. 31, 35, 36.
[3] *Kelly C.* Ruling the Later Roman Empire. Cambridge, Massachusetts; London: The Belknap Press of Harvard University Press, 2004. P. 16-17.
[4] О ценностях Иоанна Лида см.: Мир поздней античности. Документы и материалы. Выпуск 4: Иоанн Лид. Белгород, 2014. С. 144-149.
[5] *Kelly C.* Op. cit. P. 11-64.

автобиографии, а в работе французских ученых по трактату «О магистратах» исследование автобиографии носит скорее дескриптивно-пояснительный характер[2].

В структурном плане главы 25-30 третьей книги «О магистратах» относятся к подразделу, посвященному должности корникулярия – самого высшего ранга в штате восточной префектуры претория, который достигается в конце карьеры, зачастую к моменту выхода в отставку. 25 глава призвана показать плачевное положение выходящих в отставку чиновников, а в качестве конкретного примера писатель обращается к своей собственной биографии, поэтому акцент сделан именно на бюрократической карьере автора.

Главы 26-30 непосредственно связаны с жизнеописанием Лида. В 26 главе говорится о прибытии Лида молодым человеком из его родного города Филадельфии Лидийской в Константинополь и начале карьеры в префектуре под руководством его земляка Зотика.

27 глава раскрывает подробности карьерного взлета писателя в системе имперской бюрократии.

28 глава рассказывает о стагнации в служебной карьере, переходе чиновника к литературной деятельности и успехах на этом поприще.

29 глава представляет собой письмо императора префекту претория о назначении Иоанна Лида на должность преподавателя в капитолийской высшей школе Константинополя (константинопольском университете, созданном императором Феодосием II в 425 г.[3]).

30 глава – это описание торжественной отставки автора, содержащее послание Лиду с комплиментарными характеристиками от префекта претория Гефеста. Как письмо императора, так и послание префекта нельзя как-то верифицировать.

Возможно, Лид их использует как документальное подтверждение слов о своей карьере, но включение их в произведение также дает свидетельство о том, как автор хотел быть почтенным и запомненным[4], поэтому их перспективно изучать как средство саморепрезентации.

---

[1] *Maas M.* John Lydus and the Roman Past. London - New York: Routledge, 1992. P. 24-31.

[2] Jean le Lydien. Des Magistratures de l'État Romain. Tome I. 1ère partie. Introduction générale / Texte ét., tr. et comm. par M. Dubuisson, J. Schamp. Paris: Les Belles Lettres, 2006. P. XIII-LII.

[3] *Каждан А.П.* Книга и писатель в Византии. М.: Наука, 1961. С. 61.

[4] *Maas M.* Op. cit. P. 30.

Анализируя содержание вышеуказанного автобиографического блока, можно выделить те качества и достижения, которыми Лид хвалится, и которые имеют для него значимость. Их можно разделить на две большие группы: служебные и научные.

К служебным относятся:

- *трудолюбие*: по прибытии в Константинополь в возрасте всего 21 года, Лид сразу пытается устроиться на должность, а в отсутствие вакансий начинает слушать неоплатонические лекции - «чтобы не терять время»; в дальнейшем на службе, продвигаясь по карьерной лестнице, он начинает совмещать две должности (в скриниуме и в секретуме при дворе), постоянно подчеркивает свое рвение к службе, что приносит ему доход и продвижение по карьерной лестнице; будучи назначенным преподавателем, Лид не бросил служебную карьеру, но продолжал работать в префектуре;

- *умение заработать, предприимчивость*: за год префектуры своего земляка Зотика Лид сумел заработать около 1000 золотых монет; продвинулся на должность первого хартулярия, приносившую 24 золотых в год; имел «изобилие доходов», благодаря совмещению двух должностей; заключил выгодный брак, принесший ему 100 литр золота приданого;

- *бюрократическое мастерство и карьерный рост*: благодаря своему таланту, Лид сразу научился зарабатывать много денег, продвинулся по службе и сразу, без испытательного срока был назначен на должность первого хартулярия в штате аб актис, что было очень необычно для его времени; благодаря знанию латинского успешно занимал несколько должностей - как в скриниуме, так и при дворе;

- *деловая репутация*: благодаря своим качествам, Лид пользовался благосклонностью префекта Зотика, всячески способствовавшего его продвижению по службе и заработку; по окончании службы он отмечает почтение коллег и уважение префекта претория Гефеста, лично приветствовавшего его при отставке и написавшего благодарственное послание к нему.

К научным относятся:

- *образование*: Лид особо выделяет, что слушал лекции лучшего из всех учеников Прокла по признанию современников - философа-неоплатоника Агапия; в послании префекта эпитет «наиученейший» {λογιώτατος} назван самым приятным наименованием для Лида, а также прославляется мастерство его наставнической деятельности, благодаря которой, наряду с его собственной, и подготовка его учеников вызывала удивление;

- *научная деятельность*: Лид говорит, что когда образованные чиновники перестали поощряться в префектуре, он решил посвятить всего себя книгам; отмечает, что за его научную деятельность император поручил ему прочитать панегирик (энкомий) в свою честь в присутствии послов из Италии; приводит выражения из письма императора, где прославляется его ученость и образованность во многих науках, особенно в грамматике и латинском языке, а также говорится, что он выбирает «в книгах упражнять жизнь и всего себя самого наукам посвящать»; в послании префекта указывается, что Лид «украшается научным образом жизни»;

- *литературный талант*: Лид хвалится, что за его благодарственный панегирик Зотик приказал выдать по золотому за каждую строчку из казны; что император, впечатленный его красноречием, поручил написать историю войны с персами, приказал выдать ему из казны вознаграждение и назначил на пост учителя в константинопольскую высшую школу, «поэтическое изящество» Лида отмечается и в императорском письме.

Таким образом, саморепрезентация по автобиографическому блоку Иоанна Лида представлена двумя аспектами: служебным и научным. Ранневизантийский писатель позиционирует себя в качестве бюрократа-эрудита, так же определяют его и исследователи[1].

Иоанн Лид стремится представить себя как трудолюбивого, образованного и талантливого человека, имеющего успех и материальный доход на любом поприще: как на гражданской службе, так и в литературной и учительской деятельности, - везде заслуживающего уважение коллег и признание начальства, пользующегося милостями самого императора.

Независимо от того, насколько правдива информация Лида о себе и своей карьере, она показывает, какие качества и достижения были ценными для выходцев из провинциальной знати в столице Византии в середине VI века.

Автобиографический очерк Иоанна Лида из “De Magistratibus Populi Romani” (III. 25-30)[2]

[1] Ibid. P. 25.

[2] Перевод текста осуществлен по изданию А. Бэнди (Ioannes Lydus. On the Powers or The Magistracies of the Roman State / Tr. and ed. by A. Bandy. Lewiston, New York: The Edwin Mellen Press, 2013). Деление внутри каждой главы дано по изданию Ж. Шампа (Jean le Lydien. Des Magistratures de l’État Romain. Tome II. Livre II et III / Texte ét., tr. et comm. par J. Schamp. Paris: Les Belles Lettres, 2006), базирующемуся на издании Р. Вюнша (*Wünsch R.* Joanni

25. «А что затем, я не смог бы выразить словами отдельно от слез», - согласно «Пелею» Эврипида. Ведь когда уже все, что прежде было в обычае, а также другое было погублено, от злосчастного времени пострадал и я сам, ничего кроме наименования не приобретя по достижении конца служебной лестницы; а свидетелем, что говорю правду, могу, не покраснев, призвать Справедливость - я до сих пор не увидел полученными ни одного обола ни от принцепса[1], ни от так называемых «комплеусимов». Потому что откуда я должен получить? В то время как согласно древнему обычаю штату доставлялось тридцать семь золотых монет по одностороннему обращению со стороны тех, кто каким-либо образом состоял в подчинении величайших в то время судов правосудия, а в будущем добавляется лишь весьма умеренное количество меди, а отнюдь не золота, плачевно как будто в сострадание, и даже не постоянно! В самом деле, каким образом принцепс к установленным издревле от него выдачам корникулярию[2] мог добавить что-либо, когда, действительно, даже его простое название не возникает в памяти, и не остается впредь в суде, где никто ни в каком ранге не служит? Я же раскаиваюсь, позже обдумывая надлежащим образом, для чего столь длительное время ревностно служил в суде, ничего от него кроме вознаграждения не нашедши. И это со мной, вступившим на эту общественную службу, произошло справедливо.

Lydi de magistratibus populi Romani libri tres. Leipzig, 1903). В фигурных скобках даны древнегреческие обозначения бюрократической терминологии (названия должностей, структурных подразделений, отдельных понятий), имеющей латинское происхождение, как они даны в тексте.

[1] Лид принцепсом называет первого из корпуса фрументариев, относящегося к ведомству магистра оффиций, который постоянно находится в префектуре претория, и исследует основания для предоставления дорожных ордеров (Lyd. De mag. II.10, III.40). О нем см.: Jean le Lydien. Des Magistratures de l’État Romain. Tome II. Livre II et III... P. CCLXXXVI-CCLXXXVIII).

[2] Одна из высших должностей в префектуре претория, возглавляющая каталоги, начальник всех служб, титул, существующий в продолжении свыше 1300 лет со времени основания Рима, достижение этого ранга возможно для работающих в тагме Августалиев, в которую собирались наиболее ученые и способные скорописцы (Lyd. De mag. III. 3-4, 6, 9). В Notitia Dignitatum - третий после префекта претория Востока и принцепса (Notitia Dignitatum in partibus Orientis II / Notitia Dignitatum / Miscellany / The Latin Library http://www.thelatinlibrary.com/index.html). Был ответственен за распределение тяжб между всеми службами (о нем подробно см.: Jean le Lydien. Des Magistratures de l’État Romain. Tome II. Livre II et III... P. CCXIV-CCXX).

Следовательно, нет ничего сложного в том, чтобы рассказать историю обо мне от начала до того времени.

26. В возрасте двадцати одного года, в консульство Секундиана[1], из моей Филадельфии, находившейся у подножия Тмола и расположенной в Лидии, я пришел к этому счастливому городу[2] и после многих наблюдений решил поступить к мемориалес двора {τοὺς μεμοριαλίους τῆς αὐλῆς} и надеть пояс[3] для службы с ними. Чтобы не терять времени в промежутке, как я полагал, я решил походить к философу. В то время был философ Агапий[4], - и поэт Христодор в однотомнике «О слушателях великого Прокла» о нем говорит следующее: «Агапий, последний, однако первейший из всех»; у него, при прохождении основ аристотелевского учения, довелось мне послушать нечто и из платонической философии. Но Судьба, больше планируя отклонить меня к этой общественной службе[5], моего земляка Зотика[6], благоволящего ко мне безмерно, продвинула на пост префектуры претория рукою Анастасия - наикротчайшего из всех василевсов; он, будучи способен не только убеждать меня, но и принуждать, причислил меня к скорописцам {τοῖς ταχυγράφοις}[7] магистрата, среди которых удалось отличиться и добрейшему Аммиану[8], приходившемуся племянником моему отцу.

27. Чтобы мне не случилось быть нерадивым, префект показал мне всяческие способы заработка, в результате чего в течение всего времени его магистратуры (а она была небольшой и немного превы-

[1] Идентифицируется с Флавием Секундином, бывшим консулом на Востоке в 511 г. (когда Флавий Феликс был консулом на Западе), соответственно, дата рождения Иоанна Лида определяется как 490 г. (См.: *Bandy A.C.* Introduction / Ioannes Lydus. On the Powers or The Magistracies of the Roman State... P. 2).

[2] Константинополь.

[3] Они подчинялись magister memoriae под властью magister officiorum (См.: *Bandy A.C.* Introduction / Ioannes Lydus. On the Powers or The Magistracies of the Roman State... P. 2).

[4] Афинский философ, который занял ведущее положение в Константинополе после смерти Прокла в 485 г. См: Agapius 3 // PLRE II. P. 32-33.

[5] Восточная префектура претория.

[6] Зотик был префектом претория Востока с 511 по 512 гг. О нем см.: Zoticus // PRLE II. P. 1206-1207.

[7] Стартовая позиция в префектуре претория, о них подробнее см.: Jean le Lydien. Des Magistratures de l'État Romain. Tome II. Livre II et III... P. CCXXII-CCXXV. Лид также указывает в другом месте, что раньше в префектуру зачислялось более 1000 скорописцев ежегодно (Lyd. De mag. III.66).

[8] Упоминается только у Иоанна Лида: Ammianus // PLRE II. P. 70.

шала год) я благоразумно приобрел не меньше тысячи золотых[1]. Естественно, конечно, я был благодарен, ведь как не быть? Я прочитал короткий энкомий к нему, а он, впечатленный, приказал, чтобы я получил за каждый стих золотую монету из хранилища; а те, кого приглашают для помощи так называемые «аб актис»[2], - никогда не случавшееся дело![3] – пригласив, взяли меня на должность первого хартулярия[4], в то время как лишь двое других, будучи уже стариками, раньше были поставлены ими на должность за подарок золотом. И не только это, но и двадцать четыре золотых монеты ежегодно они мне определили. И подобным образом я вместо них делал так называемые «персоналиум» {περσωνάλιον}[5] и «коттидианум» {κοττιδιανόν}[6], о которых я недавно рассказывал, составлял суггестионы {σουγγεστίωνας}[7], о которых <имеется> следующее объяснение. Издревле все, кто некогда помогал первой из властей в текущих скриниумах[8], блистали огромной образованностью, а в римском языке старались совершенствоваться: ведь он был им нужен по необходимости. По крайней мере, когда случалось появиться апелляционной тяжбе, затем отправляемой к сенату для коррекции, лучший среди других помощников так совершенно составлял суггестион, - называемый так вместо «прояснение», - для слушания сенатом, что изумлял и квестора сената, и называемых в древности «антицензорами», а у нас – переписчиками. А так как Господь содей-

---

[1] У. Тредголд считает это царской суммой по тем временам (*Treadgold W.* Early Byzantian historians. PM, 2010. P. 259).

[2] То есть, он стал помощником тех чиновников, которые имели дело с гражданскими судебными делами и несли ответственность за хранение юридических записей (См.: *Morosi R.* L’officium del prefetto del pretorio nel VI secolo // Romanobarbarica. 2. 1977. P. 103–148), французские исследователи указывают, что штат ab actis отвечал за следствие и делопроизводство (Jean le Lydien. Des Magistratures de l’État Romain. Tome II. Livre II et III... P. CCLXVI-CCLXX).

[3] В другой главе трактата Лид сам указывает, что на должность помощника могли взять только по истечении 9 лет (Lyd. De mag. II.18).

[4] Следующая после скорописцев должность, хартулярии, занимались ведением судебных протоколов (подробно о них см.: Jean le Lydien. Des Magistratures de l’État Romain. Tome II. Livre II et III... P. CCXXV-CCXXIX).

[5] Personalium, personalis (лат.) – личный, каталог дел с именами сторон тяжбы (*Jones A.H.M.* The Later Roman Empire 284-602. A Social, Economic and Administrative Survey. Vol. II. Oxford: Basil Blackwell, 1964. P. 587).

[6] Cotidianus (лат.) – ежедневный, по А. Джонсу – ежедневные сводки о делах в суде префекта (*Jones A.H.M.* Op cit. P. 587).

[7] Suggestio (лат.) – добавка, прибавка, доклад с предложением, добавление, указание: юридические сводки, отсылаемые в Сенат на апелляцию.

[8] Scrinium (лат.) – хранилище для бумаг, канцелярия.

ствовал мне и, благодаря приносимому моим рвением заработку, совершаемые мной усилия делались нечувствительными, то я не только выполнял вышеуказанную государственную службу в скриниуме, но, действительно, был секретарем у скорописцев, еще также помощником у других, которые были скорописцами в Храме Правосудия, он называется «Секретум» {Σήκρητον}. И немалыми были как моя репутация, благодаря занятиям, так и изобилие дохода за занятия: отсюда я торопился как <если бы> оснащенный крыльями, к должности, называемой «а секретис двора»[1].

28. А по совету всеотличного и доброго, а также прилежного и являющегося философом в жизни Аммиана, Зотик и супругу мне приобрел, которая принесла сто литр золота приданого, но однако являлась лучшей из жен когда-либо удивлявших своим благоразумием[2]. Я же, надеясь, что гораздо большие вещи придут ко мне с течением времени, сдерживал рвение при дворе, а свою жизнь целиком посвятил

---

[1] Точные обязанности должности в системе дворцовой бюрократии в период Юстиниана не известны; в предшествующий век, однако, a secretis были объединением секретарей в consistorium, среди которых императоры выбирали своих личных секретарей (*Caimi J.* Burocrazia e diritto nel De magistratibus di Gionvanni Lido. Milan: A. Giuffrè, 1984. P. 56-57, note 174).

[2] Исследователи полагают, что его жена была лидийкой (*Bandy A.C.* Introduction / Ioannes Lydus. On the Powers or The Magistracies of the Roman State... P. 3). Она умерла в июне - Лид объясняет кончину жены не какими-либо реальными причинами, а суеверно связывает ее смерть с пренебрежением древними римскими обычаями времени свадьбы, что свидетельствует о неожиданной и внезапной смерти, но, скорее всего, вполне естественной, так как автор не говорит ни о каких бедствиях или божественном наказании, ниспосланном на него (См.: Lyd. De mens. IV.89 (Ioannis Laurentii Lydi Liber De Mensibus / Ed. R. Wuensh. Bibliotheca scriptorum Graecorum et Romanorum Teubneriana. Lips., 1898) = IV.86 (Ioannes Lydus. On the Months (De Mensibus) / Tr. and ed. by A. Bandy. Edwin Mellen Press, 2013)). Возможно, это произошло в 512 г. от болезни или при родах, так как Лид никогда не упоминает детей (*Bandy A.C.* Introduction / Ioannes Lydus. On the Powers or The Magistracies of the Roman State... P. 3). Г. Дауни полагал, что жена Лида была дочерью какого-то его высокого начальника (*Downey G.* Constantinople in the Age of Justinian. University of Oklahoma Press, 1981. P. 154), возможно, за счет этого брака он надеялся резко продвинуть свою карьеру в Префектуре, из-за чего оставил свою службу при дворе. Но Дж. Кейми предполагает, что отказ Лида от службы при дворе был вынужденным: в декабре 524 г. император Юстин запретил за небольшим исключением занятие двух или более государственных должностей кряду, поэтому Лид должен был выбирать между двумя постами и решил остаться в префектуре (*Caimi J.* Op. cit. P. 57). Однако М. Маас оставляет открытым вопрос о таком решении Лида (*Maas. M.* Op. cit. P. 28).

службе. Конечно, когда эти общественные процедуры совершенно прекратились, как мое повествование упоминало, и в будущем Судьба стала неблагоприятна к ученым, а не так, как было раньше, я возненавидел службу и повятил всего себя книгам[1]. А о моем бодрствовании относительно наук узнал василевс[2]: сперва он удостоил меня прочи-

---

[1] С 512 г. с приходом Марина Сирийца на пост префекта карьера Лида резко замедлилась, за что писатель отомстил ему в своем произведении, представив его в качестве типичного негодяя, разрушившего декурию империи, разорившего налогоплательщиков для собственного обогащения, поразившего префектурный суд мелкими делами и доведшего до нищеты своих подчиненных (Lyd. De mag. III.46, 49-51). После ухода Марина мнение Лида о последующих префектах стало лучше, по мнению У. Тредголда, он надеялся на продвижение по службе при них (*Treadgold W.* Op. cit. P. 260). Во время префектуры Сергия он служил в скринии commentariensis, - отвечающих за государственное обвинение и системы наказаний (о них подробно см.: Jean le Lydien. Des Magistratures de l'État Romain. Tome II. Livre II et III... P. CCLIX-CCLXVI), - исследователи датируют это 517 годом (*Caimi J.* Op. cit. P. 56). В 519 г. Марин ненадолго стал префектом снова, и после этого Иоанн не может ничего хорошего сказать о префектах в следующие тринадцать лет. Он критикует Демосфена, который дважды был префектом между 519 и 530 гг., но больше всех Иоанна Каппадокийца, кто стал префектом в 531 г. Лид обвиняет Каппадокийца в жадности, жестокости, развратности, обжорстве, грубости, наглости и незнании латыни. Наиболее отмечаемое из этих обвинений, что он урезал гонорары своим подчиненным, включая Иоанна Лида (*Treadgold W.* Op. cit. P. 260). Он с отвращением и ненавистью описывает образ жизни и привычки Каппадокийца, описывая грабежи, пытки и насилие его и его подчиненных (Lyd. De mag. II. 17, 21, III. 38, 57-58, 61-62, 64-65, 66-69). Описание Иоанном Лидом реформ префекта субъективно и эмоционально. По мнению К. Келли, точка зрения Лида относительно префектов Марина Сирийца и Иоанна Каппадокийца отражает борьбу эксцепторов (скоропицев) – чиновников юридического отдела, и скриниариев – чиновников финансового ведомства, за доминирование в префектуре (*Kelly C.* Op. cit. P. 69).

[2] Литературная деятельность Лида привлекла к нему многих высших сановников: литературные занятия сблизили его с Петром Патрикием (Lyd. De mag. II.26), ставшим магистром оффиций в 539 г. (см.: Petrus 6 // PLRE IIIB. P. 994-998); кроме того, писателю покровительствовал Гавриил, бывший префектом Константинополя в 543 г. (см.: Gabrielius 1 // PLRE IIIA. P. 498) - ему Лид посвятил свои работы «О месяцах» и «О знамениях» (Suid. I 465); возможно, Лида также спонсировал префект претория Фока, на префектуру которого – время, благосклонное к ученым мужам, - пришелся краткий всплеск карьеры чиновника: Лид с гордостью говорит, что Фока любил его больше остальных и поручал ему самые деликатные дела. Писатель подробно описывает нравы и занятия Фоки, восхваляет его добродетели и благодеяния (Lyd. De mag. III.72-76).

тать к нему энкомий, когда случилось присутствовать и отборным мужам из более великого Рима, у которых всегда оставалось рвение относительно наук, даже терпящих такие бедствия. Когда это произошло, он также побудил меня написать историю счастливо завершенной им войны с персами[1], когда напав на Дару - город, который многосильный Анастасий у горла врагов полагал, - они возвратились оттуда с немалым ущербом, не нападая на нее впредь[2].

29. Написав обо мне деловое указание в префектуру, василевс воспользовался такими выражениями: «Мы сознаем многую образованность в науках наиученейшего Иоанна, и как среди грамматиков точность, так и среди поэтов изящество, а также его ученость и в другом. И что он делает своими собственными трудами римский язык более почитаемым, так как, хотя он правильно несет службу в судах Твоего Превосходительства, выбирает вместе с тем и в книгах упражнять жизнь, и всего себя самого наукам посвящать. Поэтому считая, что недостойно для наших времен невознагражденным оставить поднявшегося до столь большой степени совершенства, мы приказываем Твоему Превосходительству выдать ему самому столько-то из государственной казны. Пусть знает вышеназванный мудрейший муж, что мы на этом не остановимся, но и достоинствами, и лучшими священными щедротами почтим его, полагая неприличным столь великому красноречию быть удостоенным такого малого вознаграждения, одобряя его, если бы он и многим другим уделил часть своей существенной подготовки».

Сделав постановление в таких выражениях, в то же время, он направил его префектуре города, и определил мне место, выделяемое для учителей при Капитолийском дворе, - я, состоя на гражданской службе, стал преподавать и возвышенного образа мыслей касался[3].

---

[1] М. Маас считает, что императорское поручение написать эту историю относится к 532 г. (*Maas. M.* Op. cit. P. 28).

[2] Битва под Дарой датируется исследователями 530 г., о ней подробно рассказывает Прокопий (Proc. De bel. pers. I.XIII.12-XIV.55 (по: Прокопий Кесарийский. Война с персами. Война с вандалами. Тайная история. М.: Наука, 1993), о внезапном нападении персов на римлян под Дарой и их поражении рассказывает и Малала (Malal. Chron. XVIII.50 (по: Мир поздней античности. Документы и материалы. Вып. 2: Иоанн Малала. Хронография. Книги XIII-XVIII. Белгород, 2014)). Вечный мир с персами был заключен в 532 г. (Proc. De bel. pers. I.XXII.16-19).

[3] Среди исследователей нет единого мнения о том, какие дисциплины преподавал Лид. М. Маас полагал, что его лекции могли включать метрику, орфографию, лексикографию, а материал, собранный в его книгах – это «лекционные записи», хотя этот сорт информации был бы встроен неуклюже в обычный

30. Однако я подошел к концу службы без какого-либо уменьшения и рангов службы[1], и доходов, когда как будто незаметно пробежало время. И хотя в отношении выгоды, я продвигался как если бы не состоя на службе, но достиг уважения и почтения от правителей, и, конечно, что слаще всего - стал проводить жизнь в покое. Всемудрая Справедливость, утешая меня справедливыми путями, среди служащих, как я сказал, почтение являла, а среди начальствующих - не самую презренную из почестей. И это ясно из вышедшего относительно меня постановления, когда при освобождении от пояса я отправился ко двору[2]. Ведь во-первых, когда я поднимался на кафедру префектуры в соответствии с обычаем, чтобы выразить благодарность более старшему и отложить магистрат, уважавший меня префект (был им добрый Гефест, славный муж, одним своим именем показывающий сущее свое благородство: известно ведь, что был потомком Гефеста - первого из

курс обучения (*Maas M.* Op. cit. P. 30); К. Келли предположил, что Лид преподавал латинский язык и литературу (*Kelly C.* Op. cit. P. 13); З.В. Удальцова считала Лида преподавателем латинской и, возможно, греческой словесности (*Удальцова З.В.* Из византийской хронографии VII в. // ВВ. 1984. Т.45 (70). С. 54-65). С точки зрения Р. Кастера, Иоанн Лид был профессором латинского языка (*Kaster R.* Guardians of Language: The Grammarian and Society in Late Antiquity. Berkeley; Los Angeles; Oxford: University of California Press, 1997. P. 230), что разделяет и А. Калделлис (*Kaldellis A.* Hellenism in Byzantium: The Transformation of Greek Identity and the Reception of the Classical Tradition. Cambridge University Press, 2007. P. 177), в то время как А. Гийу утверждает, что Лид латинского не знал (*Гийу А.* Византийская цивилизация. Екатеринбург: У-Фактория, 2005. С. 339). По мнению У. Тредголда, Лид преподавал малозначительную и номинальную дисциплину, и как бы не желал обратного (*Treadgold W.* Op. cit. P. 261, note 110), хотя Р. Кастер не считает, что его пост был просто синекурой (*Kaster R.* Op. cit. P. 308).

[1] Лид упоминает также в другой главе, что служил в качестве matricularius – хранителя кадровых каталогов, с горечью говоря, что мизерная зарплата на этой службе не могла даже возместить его ежедневных расходов (Lyd. De mag. III.66). А. Бэнди указывает, что матрикулярий был главой кадровых списков преторианской префектуры, и этой должности могли достигнуть Августалии (*Bandy A.C.* Introduction / Ioannes Lydus. On the Powers or The Magistracies of the Roman State... P. 5). Фотий полагал, что Лид служил в преторианской префектуре как δικολόγος, то есть, специалист в области суда и закона, а также матрикулярием (Phot. Bibl. 180).

[2] А. Бэнди выдвинул предположение, что отставка состоялась 1 апреля 552 г., в годовщину восхождения императора Юстиниана на престол (*Bandy A.C.* Introduction / Ioannes Lydus. On the Powers or The Magistracies of the Roman State... P. 17).

царствовавших в Египте, согласно Сицилийцу[1]), поднявшись, счастливо вернул мне приветствие и, обнимая, тут же собственными руками передал мне приказ аннон с выражением благодарности, а после бесчисленных похвал в присутствии всего штата, зачитал постановление, которое имело следующее содержание:

«Наиученейший же Иоанн, - ведь таковому радуется наименованию более, чем приходящим инсигниям от причитающихся ему наград; уже ранее самому прекраснейшему, - имеем в виду, и образование, и науки, - он настолько всего себя посвятил, что не только ему самому удивляемся, но и многим другим, которые, подлинно, от его наставнической деятельности появились. Как кажется, посчитав, что этого мало, если он украшается только научным образом жизни (однако, что именно кто-либо мог считать лучше этого?), он сочетал его с государственными занятиями, служа в наших же судах; он хранил во всем какую-то единую гармонию, повсюду следуя собственным образцам и через них уча делам, что благая природа способна вызывать нечто отличное, к какому образу жизни ни поворачивала бы: он не удаляется от собственных преимуществ, но делает доблесть более величественной, украшая ее научными и государственными делами.

Итак, этим всем прославившись, в наших судах как ранги, так и обязанности окончив, пусть сиятельнейший {λαμπρότατος}[2] Иоанн направит стопы к великому василевсу и насладится оттуда величайшими дарами. Ведь, конечно, наряду с другими превосходствами василевс является и любителем учености, это у нас сделано временем прекрасно, что величие начальствующего как бы несет к чему-то более блистательному и все остальное устройство».

Такую же честь вместо многих денег из суда получив, чтимый моими любезнейшими товарищами на всем пути, я удалился ко двору, прослужив всего сорок один год и четыре месяца, и, получив от государства обычное для окончивших <гражданскую службу> достоинство[3], отправился снова посвящать себя книгам[4].

---

[1] См. Diod. Sic. Hist. bibl. I. 13.4.

[2] Возможно, это калька с латинского, обозначающая высший титул illustrius.

[3] Ранг Лида при отставке мог быть cornicularius (если он становился Augustalis – следуя своей репутации) или более низкой должностью primiscrinius. А. Бэнди придерживается первой точки зрения (*Bandy A.C.* Introduction / Ioannes Lydus. On the Powers or The Magistracies of the Roman State... P. 16-17), М. Маас – второй (*Maas M.* Op. cit. P.31). При отставке он должен был приобрести два новых титула - tribunus et notarius vacans и comes primi ordinis (CJ XII 49.2).

[4] Точная дата смерти Лида не определена. Большинство исследователей полагает, что он умер до конца царствования Юстиниана, хотя немецкие историки

ПРОКОПИЙ КЕСАРИЙСКИЙ В ЗАРУБЕЖНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

К.А. Радченко

Прокопия Кесарийского (ок. 500-560-е гг.) следует считать центральной фигурой ранневизантийской историографии. Он был автором многочисленных объемных сочинений в жанре исторической прозы: его «Истории», или «Войны», включают в себя два тома описаний войн с Сасанидским Ираном (530-532, 540-549), два тома войн с вандалами (533-534), три — с готами (535-550) и завершаются еще одной книгой. Личность позднеантичного автора в разное время привлекала внимание как отечественных, так и зарубежных исследователей. В данной статье рассматриваются значимые труды зарубежных историков, посвященные Прокопию Кесарийскому и его деятельности.

Ключевые слова: Прокопий Кесарийсий, античность, историография, Поздняя античность, VI век, история.

PROCOPIUS OF CAESAREA IN FOREIGN HISTORIOGRAPHY

выдвинули гипотезу, что он застал царствование императора Юстина II (См.: *Zachariae von Lingenthal C.E.* Joannes, des Philadelphiers Laurentius Sohn, genannt Lydus // Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte. 12. 1892, Röm. Abt. P. 79–80; *Ensslin W.* Nochmals zur Abfassungszeit von des Johannes Lydos περί ἀρχῶν // Philologische Wochenschrift. 62. 1942, No. 49/52 (December 5)), - исходя из его упоминаний о консульстве в «О магистратах римского народа» (Lyd. De mag. II.8). Но в настоящее время она не поддерживается: З.В. Удальцова полагала, что Лид писал свою последнюю работу до 565 г. (*Удальцова З.В.* Указ. соч.), с этой точкой зрения соглашается и Н.Н. Болгов (*Болгов Н.Н.* Иоанн Лид и его сочинение «О магистратах римского народа» // Иресиона. Античный мир и его наследие. Вып. 2. Белгород, 2002. С. 118-120); по предположению Э. Штайна, последнее сочинение Лида было закончено не позже 561 г., что, соответственно, считается и верхней границей его жизни (*Stein E.* Histoire du Bas-Empire. Tome II: De la Disparition de l'Empire d'Occident a la Morte de Justinien (487-565). Paris, Bruxelles, Amsterdam, 1949. P. 839-840), этого же мнения придерживаются М. Маас (*Maas M.* Op. cit. P. 8) и кембриджские историки (Ioannes Lydus 75 // PLRE II. P. 612-615). Согласно А. Бэнди, работа над последним трактатом была прекращена не позже 558 г., возможно, в связи со смертью автора (*Bandy A.C.* Introduction / Ioannes Lydus. On the Powers or The Magistracies of the Roman State... P. 27). Дж. Кейми считал, что нет никаких аргументов, чтобы говорить о жизни и творчестве Лида после 552 г. (*Caimi J.* Op. cit. P. 123), что разделяет и Т. Валлинга (*Wallinga T.* The date of Joannes Lydus De magistratibus // RIDA. 39. 1992. P. 359-380). У. Тредголд, говоря о позднем молчании Лида, предположил, что он мог стать жертвой чумы 558 г. (*Treadgold W.* Op. cit. P. 262).

K.A. Radchenko

Procopius of Caesarea (about 500-560-ies.) should be considered the central figure of early Byzantine historiography. He was the author of numerous voluminous works in the genre of historical prose: his «Histories», or «Wars», includes two volumes of descriptions of wars with Sassanid Iran (530-532, 540-549), two volumes of wars with vandals (533-534)), three - with the Goths (535-550) and end with another book. The personality of the ancient author at different times attracted the attention of both native and foreign researchers. This article examines the significant works of foreign historians dedicated to Procopius of Caesarea and his activities.

Key words: Procopius of Caesarea, antiquity, historiography, late antiquity, the 6th century, history.

Эллинизированный сириец Прокопий родился около 500 г. в административном центре Палестины Кесарии, цветущем торговом городе, где помимо других достопримечательностей имелась еще и хорошая риторическая школа. Византийцы считали Прокопия прекрасно образованным человеком, и младший его современник Агафий сказал о нем, что он «перерыл всю историю».

Эта оценка и реальные знания Прокопия дают нам любопытную возможность уяснить себе тот круг исторических сведений, который, по представлениям византийцев VI в., давал его обладателю право считаться прекрасным знатоком истории.

Личность Прокопия Кесарийского достаточно хорошо освещена в зарубежной историографии. Еще во второй половине XIX – первой половине XX в. французский учёный Шарль Диль (1859 – 1944 гг.) в своей работе «Юстиниан и византийская цивилизация в VI в.» рассматривает императора Юстиниана I как выдающегося государственного деятеля Ранней Византии, который считал своей провиденциальной задачей восстановление Римской империи в прежних границах вкупе с распространением на земли ариан-еретиков православного христианства. Образ же его создан Прокопием в «Истории войн».

Что касается достоверности материалов «Тайной истории», то Ш. Диль убеждён, что, составляя свой труд в состоянии оскорблённого чувства патриотизма и возмущения к правлению Юстиниана, Прокопий без критики отнёсся ко многим «сплетням», а ряд негативных сторон правления императора раздул «до крайности»[1]. В то же время, историк убеждён, что при внимательном анализе из текста «Тайной истории» можно извлечь и нужную информацию об эпохе Юстиниана.

[1] *Диль, Шарль*. Юстиниан. СПб.: Типография Альтшулера, 1908. С. 64.

Особенно ярким примером такой двойственности в отношении Диля к данному источнику служит анализ известий труда Прокопия относительно биографии Велизария. Принадлежит Ш. Дилю и определение жанра «Тайной истории» как памфлета.

А. Тойнби ставил Прокопия в один ряд с наиболее яркими учеными античности: «Два первых места по праву занимают Фукидид и Геродот; Полибию эллинисты отводят третье место, а четвертое автор этих строк отдал бы не Ксенофонту, а Прокопию»[1].

Профессор Калифорнийского университета А. Кэмерон подчеркивает важное единство трех работ Прокопия и, начиная с «малых», демонстрирует их тесную связь с войнами. Труды Прокопия, по мнению профессора, состоят из единого целого, и рассматривая их в совокупности, можно правильно оценить их историческую ценность. Результатом монографии «Procopius and the Sixth Century»[2] является новая оценка Прокопия, которая имеет центральное значение для изучения истории VI века.

В 2004 г. выходит исследование А. Калделлиса о Прокопии. Величайшей силой книги «Procopius of Caesarea. Tyranny, History, and Philosophy at the End of Antiquity» является переосмысление Калделлисом классицизма Прокопия, выполненное с серьезностью, которая выражается в таких словах, как «Классические ученые, возможно, лучше готовы понять Прокопия, чем обществоведы или искусствоведы»[3]. Книга Калделлиса получила неоднозначную оценку среди его британских коллег. Более того, ученые нескольких направлений в истории теперь будут вынуждены переоценить то, что до сих пор рассматривалось как одна из лакун поздней древности: политическая философия. Наконец, работа явно задумывалась как выстрел в настоящее время: «социальные, военные историки и историки искусства ныне не смогут воссоздать пайдейю любого древнего автора в силу их уровня профессиональной подготовки». Это призыв к осознанию того, что ключевые исторические работы, такие как «Войны» Прокопия являются актами платонического мимезиса и, действительно, выглядит как замаскированная платоническая философия.

Дж. Грейтрекс в 1996 г. написал статью «Stephanus, the Father of Procopius of Caesarea», где подробно рассматривает личность Проко-

---

[1] *Тойнби А*. Постижение истории. М.: История, 2002. С. 124.
[2] *Cameron A.* Procopius and the Sixth Century. Berkeley: University of California Press, 1985. P. 65.
[3] *Kaldellis A.* Procopius of Caesarea. Tyranny, History, and Philosophy at the End of Antiquity. Philadelphia, 2004. P. 130.

пия, его происхождение[1]. Ценность этой статьи определена тем, что благодаря этим сведениям, можно сделать анализ влияния семьи и ближайшего окружения на становление личности Прокопия.

Критическое издание сочинений Прокопия Кесарийского, подготовленное Дж. Хаури, вышло в тейбнеровской серии в 1905—1913 гг. и встретило высокую оценку критики, и вряд ли в настоящее время можно думать о коренном пересмотре принципов, положенных Хаури в основу его издания[2].

Тем не менее отдельные поправки и дополнения были сделаны рядом исследователей. Этим и руководствовалась Германская Академия наук в Берлине, выпустив в 1962—1964 гг. переиздание тёйбнеровского Прокопия: в основу его был положен текст, подготовленный Хаури, в который были Г. Виртом внесены некоторые изменения; кроме того, каждый том сопровождается addenda et corrigenda, основанными, главным образом, на базе исследований, появившихся после выхода в свет издания Хаури. Для этой цели Виртом был составлен обширный библиографический список работ, посвященных Прокопию. Таким образом, новое издание дает читателю несколько улучшенный текст Прокопиева корпуса[3]. Можно предполагать, что за те 800 лет, которые отделяют первые сохранившиеся рукописи Прокопия от времени его жизни, в его сочинения могло быть внесено много искажений. Вирт предполагает, что эксцерпты представлены в лучшей традиции, их составители в IX—X вв. пользовались более надежными оригиналами, чем писцы XIV столетия, и, следовательно, данные эксцерптов могут быть использованы для восстановления текста. При этом Вирт стремится установить некоторые особенности стиля и орфографии автора «Готской войны», подвергшиеся «упрощению» под пером многочисленных переписчиков; употребление артикля перед этническими названиями, стремление избежать «зияния», ритмическое построение фразы и т.д.

Гленвилл Дауни (1908-1991) — крупный американский ученый в области позднеантичной истории и, в особенности, ранневизантийского Востока, обладал обширными знаниями процессов и событий, протекавших на территории Римской империи и Ближнего Востока. Его плодотворная работа нашла отражение в многочисленных науч-

---

[1] *Greatrex G.* Stephanus, the Father of Procopius of Caesarea // Medieval Prosopography. 17. 1996. P. 125.

[2] *Haury, Jacobus*. Procopii Caesariensis Opera Omnia. Brisbane, 1996. P. 35.

[3] *Wirth G.* Mutmassungen zum Text von Prokops «Gotenkrieg» // Helikon. 1964. P. 153.

ных трудах. Дауни выполнил перевод трактата Прокопия «О постройках»[1] и его исследование.

Как мы видим, вклад зарубежных исследователей в изучение личности и трудов Прокопия Кесарийского достаточно велик. На рубеже XIX-XX веков зарубежная историография достигла наибольших успехов в изучении наследия Прокопия. Интерес к личности Прокопия среди иностранных коллег не угас, продолжается изучение трудов позднеантичного автора. Конечно, образ Прокопия в современной исторической науке корректируется, свидетельством чему является выход ряда новых работ.

О ПОСТРОЙКАХ ЮСТИНИАНА. ЦЕРКОВЬ СВВ. СЕРГИЯ И ВАКХА

Е.С. Минаев

В работе рассматривается один из наиболее значимых памятников ранневизантийского Константинополя – храм свв. Сергия и Вакха.

Ключевые слова: постройки Юстиниана, храм Сергия и Вакха, Константинополь.

ABOUT THE CONSTRUCTIONS OF IUSTINIAN. CHURCH OF THE ST. SERGIUS AND BACCHUS

E.S. Minaev

The work considers one of the most significant monuments of early Byzantine Constantinople - the Church of the Holy Sergius and Bacchus.

Key words: the buildings of Justinian, the temple of Sergius and Bacchus, Constantinople.

Святые Сергий и Вакх занимали одни из самых высоких должностей в войске римского императора Максимиана, при этом проповедуя христианство втайне. Но, имея большое количество завистников, Сергий и Вакх подверглись донесению императору об этой тайне. Максимиан, будучи злейшим гонителем христиан, вызвал к себе святых и приказал им совершить языческий обряд. Но Сергий и Вакх отказались и исповедали лишь свою веру в Иисуса Христа. Император отдал приказ снять со святых все знаки их воинского почета,

[1] *Downey G.* Paganism and Christianity in Procopius // Church History. 18. 1949. P. 89-102.

облачить их в женские одежды, что, в свою очередь, являлось самым большим унижением и позором для мужчины-римлянина, а на их шею надеть железные обручи[1]. Святые были отправлены в Сирию, где правил Антиох, известный наибольшей жестокостью к христианам. Он приказал избивать мучеников бичами. От изуверских побоев святой Вакх вскоре скончался, а святой Сергий был обут в железные сапоги с гвоздями внутри и отправлен в другой город. Пройдя свой тяжелейший путь, святой был обезглавлен.

Юстиниан, будучи еще не императором, участвовал в заговоре против императора Анастасия, за что и был приговорен к смертной казни. Но накануне казни будущему императору явились во сне святые Сергий и Вакх и попросили отсрочить исполнение приговора. После восшествия на престол Юстиниан, в знак благодарности, воздвиг церковь во имя святых великомучеников Сергия и Вакха, считавшуюся одним из самых великолепных сооружений, которые вообще были построены великим царем[2].

Первоначально Юстиниан отдал приказ построить две церкви с общей оградой и общим притвором. Церковь, которая была возведена с южной стороны, посвящалась святым апостолам Петру и Павлу, позднее исчезнувшая[3].

Церковь в честь святых великомучеников Сергия и Вакха расположилась к югу от площади Ипподрома, вблизи берега моря. Она представляет собой восьмиугольное здание, вписанное в неправильный четырехугольник. Из-за такой особенности своей архитектуры внутри церковь имела форму звезды, а к середине ее ротонды, над которой поднят остроконечный купол, примыкают восемь продолговатых ниш в виде листьев георгина. Купол опирается на восемь арок, которые поддерживаются восемью массивными столбами, расположенными по углам. Расстояние между столбами заполнено восемью парами колонн, которые поддерживают верхние галереи. На первом ярусе колонн (кругом церкви) располагались хоры.

Посвящение храма святым великомученикам Сергию и Вакху навело архитектора на мысль поместить вдоль карниза, который простирается вокруг всего здания, гирлянду виноградных листьев[4]. Но эта гирлянда, как полагали некоторые, придавала храму вид языческого храма Вакха-Диониса. Тем не менее, это предположение сразу же ис-

---

[1] *Ионина Н.* Стамбул. История. Легенды. Предания. М., 2007. С. 145.

[2] *Покровский Н.В.* Очерки памятников христианского искусства. СПб., 1999. С.158-159.

[3] Там же. С. 161.

[4] *Ионина Н.* Стамбул. История. Легенды. Предания. М., 2007. С. 147.

чезает после прочтения надписи, которая вырезана на камне, украшая эту гирлянду. Надпись восхваляет святых мучеников, а также императора Юстиниана и Феодору: «Все другие государи почитали мертвых, которые при жизни сделали что-нибудь великое, но Юстиниан предпочел посвятить этот блестящий храм Сергию, служителю Христа»[1].

В правление султана Баязида II турки обратили церковь св. великомучеников Сергия и Вакха в мечеть, назвав ее «Кучук Айя София» («Малая София»), так как план ее имеет много общего с великим храмом святой Софии, который так нравился императору Юстиниану, что он решил повторить его еще раз. Но некоторые исследователи считают, что ее скорее можно сравнить с церковью святого Виталия в Равенне.

БИТВА ПРИ ТАГИНЕ В ЗАПАДНОЙ КАМПАНИИ ЮСТИНИАНА

Е.В. Гущин

В статье рассматривается битва при Тагине в Западной кампании Юстиниана. Уделяется внимание соотношению сил противников, описываются тактические приемы византийской армии, также рассматривается действия византийского полководца Нарзеса.

Ключевые слова: Ранняя Византия, Нарзес, Битва при Тагине.

BATTLE AT TAGIN IN THE WESTERN CAMPAIGN OF JUSTINIAN

E.V. Gushchin

The article deals with the battle of Tagin in the Western campaign of Justinian. Attention is given to the correlation of enemy forces, description of the tactics of the Byzantine army, and also it considers the actions of Byzantine commander Narzes.

Key words: Early Byzantium, Narzes, Battle of Taginae.

На сегодняшний день в трудах отечественных и зарубежных исследователей военной истории Поздней античности прослеживается интерес к отдельным кампаниям и реконструкциям знаковых сражений. За последнее время монографии подобного толка внесли ценный вклад в оценку исторической значимости отдельных битв и послужили основой для более глубокого анализа последствий сражений для цело-

[1] Там же. С. 151.

го ряда хрестоматийных кампаний[1]. По нашему мнению, Реконкисту Юстиниана следует рассматривать именно с позиций совокупности результатов сражений на Востоке и Западе империи. Так, условия Вечного мира[2] 532 г. с Ираном были продиктованы не только сложной внутриполитической обстановкой в обоих государствах и многовекторностью интересов держав, которые простирались значительно дальше, чем отдельные территориальные приобретения в Восточном Средиземноморье, но и итогами битв при Даре и Каллинике[3], не позволившими однозначно выявить доминирующую военную силу в регионе.

Одним из подобных сражений, выявляющих, на первый взгляд, особенности противоборствующих армий, но и предоставляющие обширное поле для анализа как для краткосрочных, так и для долгосрочных итогов Западной кампании Византии, является битва при Тагине в 552 г., близ современного города Губбио в Италии.

Предыстория, приведшая к командованию византийской армией в Италии, Нарсесом достаточно хорошо изучена и не требует отдельных изысканий[4]. Намереваясь переломить ход войны в Италии, которая, грозила затянуться на неопределенное время, византийский полководец летом 551 г. отправился в греческий город Салона, где и сформировал войска для нового наступления. Собранная армия насчи-

---

[1] Из зарубежных исследователей: *Burns T.* The Battle of Adrianople: a Reconsideration // Historia. 22. 1973. P. 336-345; *Hammond N.G.L.* The Campaign and Battle of Cynoscephalae (197 B.C.) // JHS. 108. 1988. P. 60-82; *Doenges N.A.* The Campaign and Battle of Marathon // Historia. 47. 1998. P. 1-17: *Wheeler E.L.* Battles and Frontiers //. *Lendon J.E.* The Roman Army Now. 2004.

[2] Граница между государствами признавалась прежняя, но с условиями переноса ставки начальника войск Византии из Дары в Константину, а также особой статьей договора определялись отношения империй на Кавказе. См.: *Shepard J.* Cambridge History of the Byzantine Empire c. 500-1492. 2008. P. 135. Кроме того, оговаривалась, что империя обязывалась выплачивать персам 11 тыс. фунтов золота. См.: *Чекалова А.А*. Сенат и сенаторская аристократия Константинополя. М.: Наука, 2010. С. 51.

[3] *Гущин Е.В.* Сражения при Даре и Каллинике в Восточной кампании Юстиниана // Научные ведомости БелГУ. Серия История. Политология. Экономика. Информатика. 2015. № 1 (198). Выпуск 33. Белгород, 2015. С. 48-52.

[4] См., например: *Brownworth L.* Lost to the West: the forgotten Byzantine Empire that rescued Western civilization. New York, 2009; *Cameron A.* The Date of Anonymus De Rebus Bellicis // De Rebus Bellicis. Pt. 1. Aspects of the De Rebus Bellicis. Papers Presented to Professor E.A. Thompson / Ed. by M.W.C. Hassall. Oxf., 1979; *Haldon J.* Byzantium at war, A.D. 600–1453. New York, 2003.

тывала около 20 000 воинов[1]. Более половины византийского войска составляли наемные варвары, в котором следует выделить конных лучников гуннов, союзную тяжеловооруженную армянскую кавалерию.

Армия римлян преодолевала путь до севера Италии более года из-за того, что готский флот контролировал проход через Адриатическое море и, следовательно, византийцы были лишены регулярного снабжения наиболее коротким, морским путем[2]. Однако, после решающего морского сражения с готским флотом осенью 551 г., в котором византийцы сумели уничтожить вражеский флот и обеспечить войскам Нарсеса быстрое подкрепление с моря, положение ромеев существенно улучшилось[3]. Кроме того, причиной медленного продвижения были военные формирования франков, союзников готов, но полководец Иоанн Кровавый, прибывший в расположение византийского войска, предложил Нарсесу идти по береговой линии, пока обоз будут подвозить идущие по морю корабли. Таким образом, ромеи использовали возникшие перед ними трудности себе на пользу, и вскоре войска благополучно добрались до Равенны, когда как Тотила ошибочно ожидал их с моря[4].

Нарсес для боя выбрал местечко под названием Буста-Галлорум вблизи поселения Тагины. Здесь ещё во времена Римской Республики римлянами была разбита армия галлов (Буста-Галлорум собственно переводится как «курган галлов»). Вскоре сюда прибыл и Тотила со своей армией численностью около 16 000 человек, к нему должны были примкнуть также 2000 готских всадников. Чтобы оттянуть время начала сражения, а, возможно, и спровоцировать ромеев на атаку своих позиций, готский король 4 дня демонстративно разъезжал на коне около передней линии пехоты своей армии. Дождавшись подкрепления, готы притворно отступили, однако, Нарсес приказал своим воинам держать позиции и не преследовать врага.

Вскоре готы ринулись в бой, рассчитывая застать врага врасплох, однако благодаря тому, что они сами предоставили достаточное время византийцам для подготовки к битве, встретили хорошо подготовленные построения. Византийский военачальник развернул свою

---

[1] *Teall, John L.* The Barbarians in Justianian's Armies // Speculum, vol. 40, No. 2. 1965. P. 304.

[2] *Fauber L.H.* Narses, Hammer of the Goths: The Life and Times of Narses the Eunuch. New York: St. Martin's Press, 1991. P. 73-74.

[3] *Lewis, Archibald R.* Naval Power and Trade in the Mediterranean. Princeton: Princeton University Press, 1951. P. 25.

[4] *Liddell Hart B.H.* Strategy. New York: Frederick A Praeger, 1957. P. 70.

армию вогнутым строем. Спешив ломбардских и герульских наемников, он фалангой расположил их в центре, а катафрактариев и отряды отборных конных и пеших лучников поместил на флангах. Затем он приказал отряду лучников захватить находящуюся слева преобладающую высоту. Армия Тотилы была построена в две линии. Тяжелые конные копьеносцы и пешие лучники в первой, и вооруженная копьями и боевыми топорами тяжелая пехота во второй[1].

Готы начали битву решительной кавалерийской атакой. Ринувшись вниз по долине, они попали сначала под обстрел посланного Нарсесом влево отряда, а затем под перекрестный огонь конных лучников, выдвинутых вперед крыльев. Нарсес успешно применил тактический прием «ножницы»[2]. После того как готы понесли потери, восточные римляне выровняли фронт и перешли в атаку всей армией, что и определило конечный результат битвы - полную их победу[3]. Остановленные огнем, атакующие были отброшены на собственную пехоту, наступавшую сзади них. Усилия готских лучников по поддержке своей кавалерию были сорваны более агрессивными и более подвижными конными стрелками[4]. Затем прикрытые огнем пеших лучников катафрактарии с двух сторон врезались в массу готов, и сражение перешло в разгром. Готы потеряли около 6 тыс. чел. убитыми, погиб и сам Тотила. Нарсес продолжил движение по направлению к Риму, который и взял после непродолжительной осады.

Анализируя поражение армии готов, мы видим, что в этом сражении она действовала наступательно, что должно было гарантировать

---

[1] Все войны мировой истории по Харперской энциклопедии военной истории *Р.Э. Дюпюи и Т.Н. Дюпюи.* Т. 1. СПб.: Полигон, 2003. С. 435.

[2] Флавий Вегеций Ренат. Краткое изложение военного дела // Военная мысль античности: Сочинения древнегреческих и византийских авторов. М.: АСТ; СПб.: Terra Fantastica, 2002. С. 338–341.

[3] *Разин Е.А.* История военного искусства: В 4 т. М., 1955. Т.1. С. 504–505.

[4] Г. Дельбрюк особую роль отводит успешным действиям византийской кавалерии: «Именно благодаря своим лучникам Нарсес выиграл сражения при Тагине (552 г.) против остготов, битву при Казилине (554 г.) против франков, и даже, имея всего 300 всадников, умудрился разбить сильный корпус франков, состоявший из пехоты и конницы, выманив их из леса притворным бегством, а, когда франки рассеялись во время преследования по полю — атаковал противника вновь, и, используя преимущество в стрелках, практически уничтожил всю пехоту врага. Византийские конники могли вести бой и спешенными, причём они были обучены всем хитростям сражения в фаланге. При этом катафрактарии составляли первую шеренгу, остальные же следовали за ними. Конные лучники в этом случае выполняли роль пеших токсотов». См.: *Дельбрюк, Ганс*. История военного искусства. СПб.: Наука - Ювента, 1994.

ей захват инициативы в бою. Но она не была удержана готами из-за плохого взаимодействия конницы и пехоты. Расположенная за конницей пехота была обречена на бездействие. Атакуя противника, конница готов не имела защищенных флангов и поэтому попала под фланговые удары лучников римлян. Конница не была использована ни для маневра, ни для обхода и охватов флангов византийцев. Нарзес правильно оценил местность и, захватив высоту, создал благоприятные условия для построения римской армии. Боевой порядок был рассчитан на нанесение фланговых ударов силами лучников. Отразив атаку готов, византийцы контратаковали их, что решило исход боя.

Одной из особенностей тактики Нарсеса стало необычное расположение войск[1]. Подобно Ганнибалу, он построил свои войска в форме полумесяца, края которого формировали лучники [2]. В центре находились пешие воины, а по краям - конница, тогда как в традиционном построении кавалерия стояла сзади, для помощи пехотинцам. Нарсес же просчитал их расположение таким образом, чтобы кавалеристы сумели организовать неожиданную атаку, и в случае опасности также пришли на помощь пехоте.

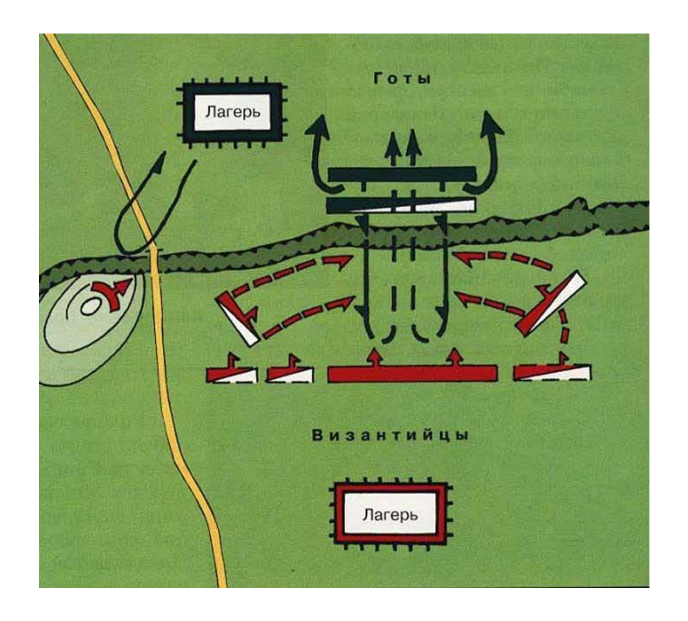
Помимо всего прочего, Нарсес продумал и психологический аспект битвы. Тотила, долгое время воевавший с Велизарием, привык к лобовым атакам ромеев. Увидев, что те не атакуют как раньше, готский король ошибочно принял Нарсеса за неуверенного в себе полководца, который не справится с его быстрой атакой. Нарсес также просчитал и то, что готы ударят по «слабому центру», что и случилось. Войска Тотилы быстро двинулись вперед, теряя боевой порядок. Византийские лучники устроили мощный обстрел, который поразил многих готских пехотинцев и вызвал ещё большее смятение у вражеских солдат. Многие из готов начали отступать, не доходя до позиций ромеев, при этом их беспорядочное бегство перекрыло путь для наступления союзной конницы. Вскоре Нарсес перешёл в стремительную атаку, которая принесла ему полную победу с минимальными потерями. В бою погиб и король готов Тотила, долгое время наводивший ужас на византийцев.

Приложение № 1. Нарсес в битве при Тагине (Буста Галлорум). http://strategwar.ru/great-fights-of-history/narzes-v-bitve-pri-tagine-busta-gallorum. Дата обращения 5.10.17.

---

[1] См. приложение №1.

[2] *Rance, Philip.* Narses and the Battle of Taginae (552 AD): Procopius and Sixth-Century Warfare // Historia. Zeitschrift für Alte Geschichte. 30.4, 2005. P. 424—472.

АРАТОР В КОНТЕКСТЕ ЛАТИНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

А.О. Кротов

В статье рассматривается латинский сегмент культуры раннего Средневековья, идёт общая характеристика периода и выделяется VI век. Главной задачей является рассмотрение христианского поэта и писателя Аратора в контексте мировой литературы этого периода.

Ключевые слова: Аратор, латинская литература, раннее Средневековье.

ARATOR IN THE CONTEXT OF LATIN LITERATURE OF THE EARLY MIDDLE AGES

A.O. Krotov

The article deals with the Latin segment of the early Middle Ages, the general characteristic of the period, and the 6th century stands out. The main task is to consider the early Christian poet and writer – Arator in the context of world literature of this period.

Keywords: Arator, Latin literature, early Middle Ages.

Латинская литература периода раннего Средневековья уникальна и имеет свои особенности. Одной из специфических ее черт является то, что известно о ней ныне не так уж и много. Период упадка римской культуры напрямую повлиял на литературную составляющую. Но при всём этом латинский язык имел весомое место в мире вплоть до начала литературы на новых европейских языках (XI-XII вв.).

Нормы и устои классической латинской литературы IV и начала V столетий были нарушены, но одновременно с этим появляются и свои особенности. Выделяется новый тип мышления человека, и именно через эту призму люди Средневековья воспринимали в течение долгих веков литературу древности. Устремления, склонности, пристрастия и предрассудки Поздней античности оказали весьма весомое влияние, которое сохранится в памяти последующих столетий.

Общество эпохи упадка Западной Римской империи хоть и сохраняло традиции культурного наследия, но уже не в полной форме. И в значительной мере сознание людей трансформировалось, подчиняясь в значительной степени в корне измененному мировоззрению. О последствиях историки спорят и сегодня. Одни считают такой подход регрессивным, способствующим нарушению традиционных классических устоев. Другие же напротив - стремятся узреть в нем новые творческие силы.

Ввиду этого, рассматривая литературу эпохи упадка Западной Римской империи, необходимо отмечать ее связь с литературой Средневековья. Этот подход поможет понять, чем европейская литература обязана IV и V векам. С этим мерилом необходимо подойти к Средневековью, где некоторые памятники могут интересовать только медиевистов, в то время как другие, передаваясь из столетия в столетие, или подверженные временному забвению, а затем воскрешенные, сделались достоянием мировой литературы[1].

В свою очередь, VI век богат политическими событиями и потрясениями в мире. В его начале в Италии мы видим довольно сильное Остготское королевство, в середине столетия оно падет под натиском Византии, к концу века север Апеннинского полуострова станет лангобардским. В начале VI в. варварский мир в своей подавляющей части был языческим. В культурном плане стоит отметить «Остготское возрождение». К этому периоду относится и Аратор.

Аратор – христианский писатель и поэт. Местом его рождения принято считать Лигурию – область в северо-западной части Италии.

---

[1] *Голенищев-Кутузов И.Н.* Средневековая латинская литература. М.: Наука, 1972. С. 10.

Точных данных о его рождении и смерти нет, но рождение Аратора обычно относят ко второй половине V века. В первой половине VI века он проявляет себя как писатель, поэт, юрист, оратор и адвокат. Однако, несмотря на столь широкий профиль специальностей, он предпочел духовную жизнь в противовес административной карьере. Это его решение, как и отстранение от политической жизни, связывают с обострившимся конфликтом между Восточной Римской империей и королевством остготов.

О семье Аратора практически ничего неизвестно, за исключением того, что его отец являлся юристом в Лигурии. После смерти отца он воспитывался на церковные средства в Милане. Являлся одним из учеников Эннодия, который ему покровительствовал. Перебравшись в Равенну, Аратор продолжил изучение литературного творчества уже под опекой и руководством племянника Эннодия - Порфирия. Аратор изучал множество литературных произведений. Прежде всего, это были классические авторы древности. Но наряду с ними также выделялись гимны Амвросия Медиоланского и стихи христианских поэтов Пруденция и Драконция. Историки выделяют в текстах аратора подражание Седулию. Аратор в своей аллегоризации идет по его стопам, как и в обращении с языком[1].

На долгое время Аратор закрепился в королевстве остготов, в столице которого прославился своим красноречием. В 526 г. он выступил перед королем Теодорихом, встав в защиту интересов далматинцев. В 527 г. он был направлен послом к императору Юстиниану. Помощь в возвышении по придворной карьере ему оказал Кассиодор.

По пришествию упадка готско-италийского королевства, Аратор отправился в Рим, где снискал расположение папы Вигилия (537—555 гг.). Именно с его благословения и была сочинена эпическая поэма о деяниях апостолов (De actibus apostolorum). Данная поэма весьма характерна показательными элементами, оказавшими влияние на развитие средневековой литературы, а именно: аллегоризм и символика чисел, которые тесно переплетались с реальным повествованием. Архитектоника поэмы далека от совершенства. Связь между отдельными сценами весьма неустойчива. Но при всем этом главное достоинство Аратора – риторическое умение. Основная идея поэмы - возвышение апостола Петра над апостолом Павлом. Стоит отметить, что это не новаторство, и на момент написания данного произведения, тенденция

---

[1] *Альбрехт М.* История римской литературы. М.: ГЛК, 2005. Т.3. С. 1484.

превозношения апостолов одного над другим была достаточно популярной[1].

В особом почете у римлян было красноречие. Этого не изменил даже период упадка. В апреле 544 г. церковь св. Петра в Узилищах на протяжении целой недели наблюдала колоссальное количество посетителей. Вызвано это было требованием повторения длинной поэмы Аратора.

Стихи Аратора пользовались популярностью в период раннего Средневековья. Некоторые из них цитировали и комментировали даже в XII веке. Существенный вклад Аратор внес в мировую литературу, благодаря своей поэме, которая на протяжении всех Средних веков служила одной из школьных книг[2].

В конце XIX - начале XX вв. творчество Аратора, а именно его поэму о деяниях апостолов, характеризуют несколько под иным углом. Если нельзя сказать, что полностью негативно, то уж точно былая средневековая популярность его покинула[3].

Таким образом, мы видим, что жизнь и творчество Аратора выпадает на довольно сложный период. Сложность заключается в трансформации латинской культуры V-VI веков и последующем её изменении.

Сам период был насыщен массой различных потрясений. Несмотря на это, Аратор внес значительный вклад в развитие латинской литературы и оказал существенное влияние на последующие поколения.

Масса политических событий напрямую влияли на развитие культурного элемента. И по этой причине Аратор сменял место жительства, а именно из-за войны Византии и королевства остготов.

Христианский элемент оказался определяющим в судьбе писателя и поэта. Аратор высоко ценился в Средневековье, и его труды читали и комментировали, по меньшей мере, еще шесть веков.

Сложность языка Аратора скорее вызвана его временем, и его вина в сложности и несогласованности его произведений минимальна.

На сегодняшний день этот автор утратил свою популярность, которая не оставляла его на протяжении всех Средних веков.

КИРИЛЛ СКИФОПОЛЬСКИЙ, ЕГО ПРОИСХОЖДЕНИЕ

---

[1] См.: Аратор // Античные писатели. СПб.: Лань, 1998.

[2] *Голенищев-Кутузов И.Н.* Указ. соч. С. 116.

[3] Аратор // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: доп. т. I: Аа — Вяхирь. М., 1905. С. 141.

И ОБРАЗОВАНИЕ

Ю.В. Шелудченко, А.М. Болгова

В работе рассматриваются биографические сведения в отношении известного ранневизантийского агиографа Кирилла Скифопольского, с акцентом на его образование, что нашло отражение в его сочинениях.

Ключевые слова: Кирилл Скифопольский, образование, Палестина, агиография.

CYRIL OF SKYTHOPOLIS, HIS ORIGIN AND EDUCATION

Yu.V. Sheludchenko, A.M. Bolgova

The biographical information about the famous early Byzantine hagiographer Cyril of Skythopolis is considered in the work, with an emphasis on his education, which is reflected in his writings.

Key words: Cyril of Skythopolis, education, Palestine, hagiography.

Будущий крупнейший агиограф VI в. Кирилл Скифопольский (524-558 гг.) вырос в сугубо церковной среде. Его упоминания родителей призваны показать, что они были набожными членами христианской общины Скифополя – города на границе Галилеи и Самарии, к югу от Тивериадского озера.

Его отец Иоанн впервые упоминается как современник св. Саввы Освященного (439-532 гг.) в монастыре Энфеменеф (Enthemenaith). Он был свидетелем экзорцизма (изгнания нечистой силы) в исполнении этого святого и помогал в этом обряде в некотором роде, который точно неясен[1]. После этого он стал неразлучным спутником Саввы, и старец был частым гостем в их доме во время своего пребывания в Скифополе[2]. К моменту второго приезда Саввы в Скифополь Иоанн имел близкие отношения с епископом и помогал ему в управлении епархией[3].

Мать Кирилла также была благочестивой, и Савва называл ее δούλη Θεοῦ («рабой Божьей»). Это наименование предполагает, что Савва знал семью, и ему было известно о ее преданности христианской

[1] 164, 11-22. Кирилл описывает его как αὐτοπτης καὶ ὑπηρέτης τοῦ θαύματος («очевидца и прислужника при чуде»).
[2] 164, 21-24.
[3] 180. 4-6.

вере. Не надо полагать, что мать Кирилла находилась под религиозным обетом[1].

Иоанн занимал какое-то положение в домашнем хозяйстве епископа, но характер этого положения неясен. Отрывок, описывающий это, имеет параллели в описании дяди Евфимия - Евдоксия. Так как Евфимий родился в 376 г., приблизительно за 150 лет до Кирилла, то можно предположить, что Кирилл использовал фон своей собственной семьи в своем описании Евфимия.

Иоанн: ὁ ἐμός πατήρ τοῦ ἐπισκοπεῖου κρατῶν τὸ τηνικαῦτα καὶ τῷ μητροπολίτῃ συνεδρεύων (мой отец, над епископским двором власть имеющий, в то же время и с митрополитом в совете заседающий) (180.4-6).

Евдоксий: λογιώτατον Εὐδόξιον μὲν καλούμενον, τοῦ δὲ αὐτόθι ἐπισκοπεῖου κρατοῦντα καὶ τῷ επισκοπειῷ συνεδρεύοντα..... (ученейшим Евдоксием называемого, тут же над епископским двором власть имеющего и с епископом в совете заседающего.....) (10.6-8).

παρὰ τοῦ σχολαστικοῦ Ευδοξίου (со стороны схоластика Евдоксия) (10.15).

Э. Шварц предлагает альтернативное чтение, в обоих пассажах предпочитая аккузатив τόν ἐπισκοπεῖον генитиву. Он указывает причину для такого выбора чтения: «Я бы не рассматривал его как женатого мирянина на епископском дворе, управляющего или почти в состоянии владения»[2]. Он понимает отрывок как значащий то, что отец Кирилла занимал резиденцию в отсутствие епископа. По мнению Джона Эллиотт-Биннса[3], это предположение не может быть принято. Большинство манускриптов дает τοῦ ἐπισκοπεῖου[4]. Даже если это исправление принять, то значение, которое оно предполагает, редкое. Кирилл использует глагол κρατειν 55 раз в своем сочинении, и только однажды делает это в значении «населять»[5].

Τοῦ ἐπισκοπεῖου κρατῶν - наиболее вероятно значит, что Иоанн имел ответственный пост внутри епископской администрации. Если

---

[1] 180. 21. Утверждение, что δούλη Θεοῦ («раба Божья») есть эпитет, а не описание, см.: *Schwartz E.* Kyrillos von Skythopolis. Leipzig, 1939. S. 409.

[2] *Schwartz E.* Kyrillos von Skythopolis. Leipzig, 1939. S. 409. n.1.

[3] *Elliott-Binns J.* Cyril of Scythopolis and the monasteries of the Palestinian Desert. London, 1989. P. 32.

[4] Аккузатив появляется только в одном из четырех манускриптов - IX или X в. Ottobonianus 373s. Обсуждение этих чтений см.: *Thomsen R.* Kyrillos von Scythopolis // OLZ. 43. 1940. P. 457-463. Co1.461.

[5] MH, p.14.

мы примем, что описание Евдоксия также относится и к Иоанну, то тогда отец нашего автора был λογιώτατος и σχολαστικός.

Исследование употребления титула σχολαστικός А. Клаусом показывает, что он широко использовался в отношении того, кто достигал высокого стандарта образования. Σχολαστικός часто происходил из высокого слоя общества, и ему было открыто много благоприятных возможностей для социального продвижения, как в гражданской, так и в церковной жизни. А. Клаус дает некоторые примеры σχολαστικός, пользовавшихся высоким положением в церкви, даже дошедших до сана Патриарха Константинополя. Поэтому, видимо, можно легко согласиться с тем, что Иоанн занимал ответственный пост в администрации епархии[1].

Отец Кирилла использовал преимущество своего положения в епархии, чтобы укрепить взаимоотношения с Саввой. В течение второго приезда Саввы в Скифополь Иоанн был с ним «неразлучно» (ἀναπόσπαστον)[2]. Перед своим отъездом Савва посетил дом Иоанна и Кирилла, чтобы дать благословение семье[3]. Семья поддерживала контакт с монастырями Саввы и после смерти их основателя. Монахи, посещавшие Скифополь, использовали дом Иоанна как гостиницу и приносили подарки и новости от семьи в монастырь[4].

Из-за сильного монашеского влияния на церковь в Скифополе и близкого вовлечения семьи Кирилла в дела церкви, существовала известная предопределенность жизненного пути Кирилла уже с ранних лет.

Кирилл родился в 524/525 г. и поэтому был шести лет от роду, когда Савва совершил свой второй визит в Скифополь (531 г.). Старый монах вполне естественно мог обнять маленького мальчика, чья связь с епископским домом, включая монастырь, была такой близкой, и провозгласить его в качестве своего ученика. «С этого момента этот ребенок - мой ученик и сын отцов пустыни»[5].

Епископ сохранял интерес к нему и далее, и часто осведомлялся у отца Кирилла, как мальчик развивается[6]. Он обеспечил получение Кириллом подходящего образования, и в должное время юноша был

---

[1] *C1aus A.* Ὁ σχολαστικός' (diss.). Cologne, 1965. P. 162-164.
[2] 180.8.
[3] 181.1.
[4] Τῷ ἡμετερῷ ὁικῳ ὡς ἰδίῳ αὐτῶν ξενοδοχείῳ «в нашем доме как их собственном ксенодохии» 217.14-15.
[5] 108.11-12; *Читти Д.* Град Пустыня. Введение в изучение египетского и палестинского монашества в христианской империи. СПб., 2007. С. 203-204.
[6] 181.14-17.

пострижен и посвящен в первый духовный чин[1]. Мы не знаем, когда это пострижение имело место. Оно могло отличаться от следующего значимого момента в карьере Кирилла, когда он совершил монашеский обет и получил облачение от священника и исихаста Георгия в монастыре Билла (Beella) около Скифополя[2]. В своем переводе Фестюжьер подчеркивает различие между этими двумя событиями: ἐν κλήρῳ ἐκκλησιαστικῷ καταλεγόμενος («тогда, как я имел уже возраст, [он] внес меня в список духовных чинов»). Это кажется чрезмерно подчеркнутым, но ученый различает эти два события.

Тогдашний Скифополь имел яркую интеллектуальную жизнь. Мы слышим о некоторых высокообразованных личностях, связанных с городом. Одним из учеников Плотина был некий Паулин, студент-медик родом из Скифополя, которого Амелий называл Миккал (Miccalus)[3]. В IV в. епископ скифопольский Патрофил был известен своей ученостью, и Евсевий Эмесский приезжал в Скифополь изучать Библию под его руководством[4]. Эти фигуры показывают, что город принимал участие в культурной жизни Средиземноморского мира, даже если у нас нет свидетельств об академических институтах (школах) в нем, подобных тем, которые были в Кесарии (с III в.), а затем в Газе.

В течение VI в. в Скифополе процветал еще один писатель широкого образования и ясного стиля. Его существование может быть указанием на культурный фон, в котором рос Кирилл, и таким образом - на степень литературного влияния, которому он был подвержен. Именуемый Иоанном, этот писатель известен только из вторичных сообщений. Ссылки на него проанализированы Ф. Луфсом, и эти выводы, в общем, были приняты[5]. Леонтий Иерусалимский пишет о нем как об «Иоанне, епископе Скифополя, который работал над сочинени-

---

1 181.16-18. καὶ οὕτως εὐλογήσας με καὶ ἀποθρίξας ἐν τῇ ἀρχῇ τῶν ἐκκλησιαστικῶν κατέστησεν βαθμῶν («и таким образом благословив меня и совершив пострижение, в начало церковных степеней поставил»). Другая параллельная запись в начале Жития Евфимия - καὶ τὸν μὲν παῖδα δεξάμενος ἐβάπτισεν καὶ ἀποθρίξας ἀναγνῶστην τῆς ὑπ᾽ αὐτὸν ἐκκλησίας ἐποίησεν («и ребенка приняв, крестил и постриг, чтецом церкви под своей властью сделал»). 10.19-21. Пассаж продолжается: καὶ ἐν τῷ ἐπισκοπείῳ λαβὼν καὶ... ἀνέτρεφεν («и на епископский двор взял и... воспитал»). Могло ли это предполагать подобный опыт жизни в доме епископа для Кирилла?

2 71.11-16.

3 Porphyry. Life of Plotinus, 7.6-16. Plotini Opera, vol. 1. Paris - Brussels, 1951. P. 12.

4 Socrates. HE. 2.9 (PG.67; 197B).

5 *Loofs F.* Leontius von Byzanz. Leipzig, 1887. P. 269-272. Существенные отрывки легко устанавливаются в MH, pp.18-19.

ями против аполлинариев»[1]. Акты Собора 680 г. в Константинополе говорят об «Иоанне, епископе Скифополя в святых», который писал против Севира Антиохийского. На эту работу также ссылается Фотий[2]. Сам Севир Антиохийский говорит, что Иоанн написал «очень длинную книгу», апологию Халкидонского Собора. Эта работа также упомянута Фотием[3]. Фотий пишет о нем как об «Иоанне Схоластике». Ф. Луфс отвергает идентификацию этого Иоанна с «Иоанном Схоластиком в Скифополе, сыном изгнанника, мудрым мужем», который встретил Савву при его первом визите, хотя другие авторы склоняются принять это[4]. Возможно, что Иоанн также написал ряд Схолий на псевдо-Дионисия (Ареопагита). Доказательства для этого из Анастасия Библиотекаря и из Фоки бар-Саргиса во введении к его переводу пс.-Дионисия на сирийский являются поздними, но Х. Урс фон Балтазар принимает авторство Иоанна[5].

Иоанн много читал. Список авторов, цитируемых в его «Схолиях», содержит 78 имен. Они включают таких классических авторов, как Платон, Аристотель и Еврипид; раннехристианских авторов, как Герма и Климент Римский; историка Евсевия Кесарийского; еретиков, подобных Несторию, Евтихию и Аполлинарию Лаодикейскому; писателей его собственных дней - Антипатра Бострийского и пс.-Дионисия; а также наиболее хорошо известных христианских писателей - Григория Назианзина, Василия Кесарийского и Оригена. Вопрос, который неизбежно возникает при этом - действительно ли этот список показывает круг знания, с которым Кирилл мог ознакомиться в течение его отрочества в Скифополе?

В современных Кириллу источниках нет информации о дате, когда Иоанн был епископом. Мы знаем, что Феодосий был епископом

---

[1] Leontius of Jerusalem. Contra Monophysitas (PG 86.2:1865B-C).

[2] Photius: Bibliotheca / ed. R. Henry. Vol. 2. Paris, 1960. P. 48.

[3] Severus. Liber contra impium Grammaticum 3.1 // CSCO 94. P. 201-202; Photius. Bibliotheca, cod. 231.

[4] 163. 3-4. Среди тех, кто принимает идентификацию: *Gray P.T.R.* The Defense of Chalcedon in the East. Leiden, 1979. P. 111.

[5] Этот вопрос получил специальное внимание из-за привлечения в качестве источника псевдо-дионисиева корпуса (Ареопагитик). См. по библиографическим ссылкам, *Urs von Balthasar H.* Das Scholienwerk des Johannes von Scythopolis // Schol. 15. 1940. 16-38. P. 62-63). Замечания по авторству Иоанна были выражены: *Moeller C.* Un représentant de la Christologie Néochalcédonienne au début du sixième siècle en orient, Nephalius d' Alexandrie // RHE. 40. 1944-1945. P. 73-140, но были сняты тем же автором в его более поздней статье: Le chalcédonisme at le néo-chalcédonisme en orient de 451 a la fin du Vie siècle // Das Konzil von Chalkedon / ed. Grillmeier, Bacht. Vol. I. Wurzburg, 1951. P. 637-720.

Скифополя в 518 г., когда Савва сделал свой первый визит в город, и что он присутствовал на Иерусалимском Соборе в 536 г.[1] Феодосий умер через некоторое время после 536 г.

Около 548 г. епископом стал Феодор. Он был оригенистом, главой Новой Лавры, который был провозглашен епископом Феодором Асцидой, решившим продвинуть в качестве своих многочисленных сторонников «изохристов» (Isochrist) - оригенистскую группу[2], чтобы усилить их позиции в церкви. Он был епископом еще после 553 г.[3]

Таким образом, Иоанн мог быть епископом или перед Феодосием (ранее 518 г.), или между Феодосием и Феодором (между 536 и 548 гг.), или после Феодора (после 553 г.).

Указания в источниках намекают, что Иоанн был епископом, скорее всего, между Феодосием и Феодором. Contra Severum Иоанна Скифипольского ссылается на ссору между Севиром и Юлианом Галикарнасским, которая имела место после 518 г., которая исключает возможность того, что он предшествовал епископу Феодосию. Фотий в «Библиотеке» ссылается на споры между Иоанном и Василием, пресвитером в Антиохии во время императора Анастасия[4]. Так как Анастасий умер в 518 г., невозможно, чтобы Иоанн был живым после 553 г. В Scholia Иоанн говорит об оригенистах, как о его современниках: καὶ νῦν δέ ὁι ἀπὸ τῶν Ὠριγένους προερχόμενοι μύθων[5]. Это делает неправдоподобным, чтобы Иоанн писал перед Феодосием, так как оригенисты не стали еще заметными в Палестине, или после Феодора, так как конец его епископата совпал с падением оригенистов. Третье доказательство обеспечивается Леонтием Иерусалимским, который в Contra Monophysitas пишет об Иоанне как епископе Скифополя. М. Ришар датирует эту работу периодом перед делом о Трех Главах, так как Леонтий ссылается на авторов, обвиненных в 553 г. без явной осведомленности об их еретическом статусе[6]. Все вместе эти ссылки

---

[1] 162. 26-27.

[2] *Читти Д.* Град Пустыня. Введение в изучение египетского и палестинского монашества в христианской империи. СПб., 2007. С. 212. Оригенисты VI в. делились на «изохристов», учивших, что при «восстановлении всего» все станут равными Христу, и протоктистов, учивших, что предсуществовавшая душа Христа была Перворожденной в мире.

[3] 197.19 - 198.1.

[4] Photius, Bibliotheca, cod. 107.

[5] Scholia PG 4: 176A.

[6] Leontius of Jerusalem. Contra Monophysitas (PG 86.2: 1865B-C). *Richard M.* Léonce de Jerusalem et Léonce de Byzance // MSR. 1. 1944. P. 35-88.

привели комментаторов к локализации епископата Иоанна после Феодосия и перед Феодором.

Эта датировка епископата Иоанна, тем не менее, подвергается сомнению из-за молчания Кирилла. В то время, когда Иоанн предположительно был епископом родного города Кирилла, сам Кирилл жил или в Скифополе, или в Иерусалимской пустыне, на 50 миль дальше. Он не делает ссылок в своих «Житиях» на Иоанна. Это удивительно, так как Иоанн был автором тех работ, которые широко циркулировали в Палестине.

Главное влияние на Кирилла в юности оказал, без сомнения, епископ Феодосий. По всей видимости, именно он постриг Кирилла. Так как этот постриг был отдельным событием от вступления Кирилла в монастырь Георгия в Билле (Beella), следовательно, бесполезно полагать, что Феодор находился в Скифополе до 543 г.[1] Однако Кирилл утверждает, что Феодосий осуществлял контроль над его образованием и часто осведомлялся о нем[2]. Мы должны, следовательно, установить значительный перерыв во времени между вторым посещением Саввой Скифополя в 532 г. и Феодосиевым рукоположением Кирилла. Возможно, что отсутствие ссылок на какого-либо другого епископа для периода, в который Кирилл жил в Скифополе, связано с тем, что Феодосий еще был епископом в 543 г., когда Кирилл поехал в Иерусалим.

Кирилл и Иоанн принадлежали к различным культурным кругам. Иоанн ссылается на огромное количество авторов, а Кириллом был использован только один, Григорий Назианзин. И авторы, которые повлияли на Кирилла, не появляются в сочинениях Иоанна. Иоанн был не вполне удобен церкви Скифополя с ее сильным монашеским влиянием, которое описывает Кирилл.

Наиболее вероятное объяснение молчания Кирилла о епископате Иоанна и резкого контраста между их сочинениями - это, что Иоанн не стал епископом до тех пор, пока не умер Феодор. Эта возможность требует серьезного обсуждения. Фотий писал в IX веке – через три столетия после времени жизни Иоанна Скифопольского, и его ссылка на Василия Антиохийского не подтверждается каким-либо более ранним автором. Ссылка на оригенистов в схолиях может быть объяснена как попытка добавить яркости его нападкам на оригенистские позиции, или как указатель на то, что оригенистское учение было еще действующим в Палестине после 553 г. Далее, способ, которым Леонтий

---

[1] MH, p.16.
[2] 181.15-18.

Иерусалимский пишет об авторах, обвиненных в 553 г. на Соборе в Константинополе, может быть объяснен решением отъединить его от Соборного решения. Эти ссылки не могут использоваться как итоговые[1].

Однако, какая бы дата не была выбрана для епископата Иоанна, длинный список авторов, с которыми Иоанн был знаком, показывает, что Кирилл находился на значительно отличающемся культурном фоне. Воспитание и образование Кирилла проходили в сильно выраженном монашеском окружении.

Свидетельства об образовании, дававшемся монастырями, являются достаточно полными уже с IV в. Иоанн Кассиан описывает молодых юношей, которых принимали и обучали отцы пустынники[2]. Антоний, который бежал в пустыню как необразованный копт, явился затем как образованный муж, способный выдержать диспуты с посетившими его философами[3]. Сильный акцент на образование делался в Пахомиевых монастырях[4]. В дополнение к монастырю епископский дом был также местом, где могло быть получено образование. А.-И. Марру пишет о «группе юных подростков, которые облекались обязанностями чтецов, посвящаясь в духовную жизнь»[5].

В этих кругах осуществлялась умышленная попытка заменить языческие примеры, используемые в светском образовании, упражнениями, извлеченными из Библии. Василий предписывает, что детям следует учиться читать постепенно через имена персоналий в Библии, стихи из Притч и святые истории, вместо имен, максим и анекдотов, вытащенных из классической мифологии[6]. Ученические книги упражнений, датируемые IV или V вв., открытые в Фаюме в Египте, содержали письменные упражнения, взятые из Псалма 32[7].

Итак, Кирилл получил образование в доме епископа в Скифополе. Одним из его учителей был его отец, который как λογιώτατος (ученейший) и σχολαστικός (схоластик, преподаватель) был хорошо подго-

---

[1] *Perrone L.* La Chiesa di Palestina e Ie Controversie Christologiche. Brescia, 1980. P. 240-249. Здесь дан аргумент для даты между епископатами Феодосия и Феодора на основе литературного доказательства.

[2] John Cassian, Institutes 5.40.1-12 (SC, pp.254-256).

[3] V Anton, 72, 73 (PG 26: 944C, 945A).

[4] V Pach G 24, 28.

[5] *Marrou H-I.* Histoire de l'education dans l' antiquite. Paris, 1948. P. 438. О дискуссии об образованности в восточных монастырях см. p. 433-438.

[6] Basil. Regulae fusius tractatae 18 (PG 31: 953B-D).

[7] Griechische literarische Papyri Christlicher Inhaltes 1; цит. по: *Marrou H-I.* Histoire de l'education dans l'antiquite. Paris, 1948. P. 434.

товлен, чтобы выполнить эту миссию. Он изучил Псалтырь и «Послания», и получил в результате своего образования детальное знание Библии, на которую он постоянно ссылается во всех своих произведениях[1]. Он читал «Жития Святых», которые были популярны в Палестине в его дни. Он приобрел некоторые знания также и по риторике, и его сочинение включает, например, описание красот места Евфимиева монастыря[2].

Но следует повторить, что сочинения Кирилла не показывают нам знания им классических, нехристианских произведений. Этим Кирилл Скифопольский значительно отличается от большинства писателей позднеантичного времени. Тем самым, мы можем предположить, что с течением времени античная основа в образовании в Палестине постепенно вымывалась, либо в Скифополе и его локусе сложилась иная образовательная ситуация, нежели в Газе, где весь VI век еще работал в школе вполне антикизирующий ритор Хорикий (ум. 590 г.). Наконец, случай Кирилла в области его образования мог быть лишь его частным случаем, объясняемый пристрастиями его учителей и/или, что более вероятно - его личными вкусами, так как Иоанн Скифопольский античных авторов не чурался. Считать, что Кирилл своими сочинениями отражает успехи христианизации образования в Скифополе с течением времени, было бы натяжкой.

Возможно, что сохранение классических элементов образования в Газе и Кесарии было как-то связано с наличием в этих городах традиционных школ, хотя и под управлением христиан, а в Скифополе наличие такой школы (пока) не зафиксировано.

В целом Кирилл – очень точный историк и знаток Палестины, в своей религиозности совершенно не оригинальный, а типичный, никогда не приукрашивающий увиденное. Он полон наивных предрассудков, но никогда не отягощает свои сочинения лишними деталями[3]. Поэтому он является очень важным источником не только по истории церкви и монашества, но и в целом по истории Ранней Византии. Понимание его происхождения и характера образованности, таким образом, весьма важно для работы с текстами его сочинений.

ОСУЖДЕНИЕ ЕРЕСИ ОРИГЕНА НА V ВСЕЛЕНСКОМ СОБОРЕ

---

[1] 181.16.

[2] 64.21.-65.8.

[3] *Читти Д.* Град Пустыня. Введение в изучение египетского и палестинского монашества в христианской империи. СПб., 2007. С. 215.

А.Д. Стржалковская

В статье рассматриваются причины, послужившие к началу V Вселенского собора, каким образом оказал влияние император Юстиниан на решения собора. Имело ли место осуждения оригенизма на соборе.

Ключевые слова: собор, оригенизм, Юстиниан, осуждение, ересь.

THE CONDEMNATION OF THE HERESY BY ORIGENUS ON THE 5 ECUMENICAL COUNCIL

A.D. Strzhalkovskaya

The article considers the reasons, served as the beginning of the 5 Ecumenical Council, how the Emperor Justinian influenced on the decisions of the Council, whether there has been a condemnation of Origenism on the Council.

Key words: Council, Origenism, Justinian, condemnation, heresy.

Как известно V Вселенский собор прошёл в Константинополе в 553 г. Это был второй собор, состоявшийся Константинополе, и из-за этого его еще называют 2-й Константинопольский собор. Собор прошёл в царствование императора Юстиниана Великого. Как утверждает С.Б. Дашков: «Юстиниан продолжил начатую при Юстине линию на доминирование православия во всех сферах общественной жизни, всячески преследуя инакомыслящих.»[1] Т.е., Юстиниан активно участвовал в религиозных делах империи, и созванный в 553 г. в Константинополе V Вселенский собор (всего при Юстиниане церковных соборов было еще два - поместные в 536 и 543 гг.) пошел на некоторые уступки монофиситам. Этот собор подтвердил сделанное в 543 г. осуждение учения известного христианского богослова Оригена как еретического[2]. Цель этого собора была в очередной раз укрепить целостность христианства как основы государственности. Именно поэтому вопросы религии и ее единства очень волновали императора.

Останавливаясь на истории V Вселенского собора, следует отметить что собор, как известно, был созван для решения вопроса о правоверии трех давно умерших епископов: Феодора Мопсуэстского, Феодорита Кирского и Ивы Эдесского, которые еще во времена III Вселенского Собора в своих писаниях выражали несторианские мнения. Итак, основной спор, причиной которого стала необходимость в созыве очередного Вселенского собора, стал спор о «Трех главах». И в дополнение, на Соборе также упоминаются заблуждения пресвитера

---

[1] *Дашков С.Б.* Императоры Византии. М.: Красная площадь, 1997. С. 56.
[2] Там же. С. 56-57.

Оригена, знаменитого церковного учителя III века. Его учение о предсуществовании человеческих душ было также осуждено. Осуждены были и еретики, не признававшие общее воскресение мертвых. Как именно это произошло, и предстоит далее рассмотреть.

Суть проблемы ереси Оригена, о которой упоминалось в постановлениях на V Вселенском соборе, сводилась к монашеству, в то время широко распространившемуся и жившему обособленными массами. Ориген был богословским героем аскезы, и его крайние суждения о духе и плоти в стиле спиритуализма еще языческой александрийской философии влекли к себе богословствующих аскетов. Они неотрывно штудировали Оригена. Наиболее авторитетными и руководящими центрами таких увлечений были палестинские монастыри Мар-Саба (т.е., св. Саввы) и Новая Лавра в Фекое (Текуа) близ Вифлеема.[1] Именно эти монастыри Иерусалимского патриархата упоминаются как центры оригенизма.

По мнению А.В. Карташева о причинах осуждения Оригена на V Вселенском соборе, говорится следующее: «От этих палестинских монахов-оригенистов на соборе Константинопольского патриарха Мины в 536 г. были представителями Домициан и Феодор Аскида. Оба они в столице проявили свою богословскую интеллигентность и были назначены на выдающиеся епископские кафедры».[2] Особым доверием у самого императора Юстиниана пользовался Феодор Аскида.[3] В то же время, епископ Иерусалимский Петр послал в Константинополь доклад об оригенистической болезни своих монахов.[4] Это послание и привлекло внимание к ереси Оригена, и о ней упоминалось на соборе. Таково очень краткое описание событий касательно оригенизма накануне V Вселенского собора.

В «Деяниях Вселенских соборов» ничего не сказано об Оригене и его заблуждениях. В исторической справке к V Вселенскому собору отмечено: «К этим ересям присоединилось и третье бедствие от двух монахов Новой лавры (это был монастырь святого Саввы в Палестине), Нонна и Леонтия византийского. Не смотря, на то, что были слишком невежественны, они, выбрав из сочинений Оригена все особенно важные его ошибки, рассеяли их по всему востоку; самая важная из них следующая: душа, говорят они, существует прежде своего тела; быть может, еще на небесах она совершила прегрешения. Притом

---

[1] *Карташев А.В.* Вселенские соборы. М.: Республика. 1994. – https://azbyka.ru/otechnik/Anton_Kartashev/vselenskie-sobory/5_6

[2] Там же.

[3] Там же.

[4] Там же.

небо, солнце, луна, звезды и воды, которые над небесами, суть некие одушевленные и разумные силы. Кроме того, (они говорят), что в воскресении тела людей восстанут в круглой и шарообразной форме, что мучения всех нечестивых людей и даже самых демонов будут иметь конец, и что нечестивые и демоны будут возвращены в прежний свой быт и в прежнее состояние; в заключение всего (они говорят), что Христос был пригвожден ко кресту и за демонов, и что Ему то же самое должно будет претерпевать в будущие веки от злых духов, сущих на небе. Чтобы их безумие и как бы заразительное зло со дня на день не распространялась более и более, император Юстиниан по усиленной просьбе об этом некоторых иерусалимских монахов, диакона Пелагия, апокрисиария папы Вигилия, и константинопольского патриарха Мины, обуздал не только евтихиан своими высочайшими законами, но и оригенистов своим строжайшим эдиктом, который потом вполне был одобрен голосом всех патриархов и папы Витилия, и в котором, между прочим, говорится то, что из сочинений Оригена выскочили Манес, Арий и все прочие еретики, как свирепые звери из логовищ».[1] Но следует отметить, что это не сами акты Вселенского собора.

Также в исторических сведениях V Вселенского собора имеется информация об осуждении ереси Оригена: «На этом соборе был поднят вопрос также и о заблуждениях Оригена, Дидима и Евагрия; и когда были прочитаны сочинения монахов Евлогия, Конона, Кириака и Панкратия, которые они представили собору, в опровержение ложного учения Оригена, и рассмотрены сочинения, изданные против Оригена Юстинианом и одобренные папою Вигилием, тогда все отцы единогласно осудили Оригеновы заблуждения и общим приговором обвинили ложное учение его».[2]

А.В. Карташев также замечает, что суждения об Оригене не было высказано ни на одном из заседаний собора. Однако, в 11-м анафематизме 8-го заседания читаем об этом.[3] И действительно, в Деяниях Вселенских соборов мы находим текст этого решения об анафеме: «Если кто не анафематствует Ария, Евномия, Македония, Аполлинария, Нестория, Евтихия и Оригена, с нечестивыми их сочинениями, и всех прочих еретиков, которые были осуждены и анафематствованы святою кафолическою и апостольскою Церковию и святыми четырьмя помянутыми соборами, и тех, которые мудрствовали или мудрствуют

---

[1] Деяния Вселенских соборов. СПб.: Аксин эстин, 2006. Т. 5. С. 8.
[2] Там же. С. 10.
[3] *Карташев А.В.* Вселенские соборы. М.: Республика. 1994. – https://azbyka.ru/otechnik/Anton_Kartashev/vselenskie-sobory/5_6

подобно вышесказанным еретикам, и пребыли в своем нечестии до смерти: тот да будет анафема».[1]

Далее В.А. Карташёв высказывает предположение: «На основании мнения части старых (Garnier, Walch) и новых (Vincenzi) ученых – издателей текстов, здесь имя Оригена вставлено позднее. Ибо: Феодор Аскида не допустил бы этого. Но, заметим мы, ведь Феодор Аскида подписал в 543 г. строгое анафематствование оригенизма Юстинианом. Этот искушенный «политик» спокойно мог подписать такой текст и в 553 г. Имя Оригена отсутствует в 10-м анафематизме «Исповедания веры Юстиниана» (551г.)»[2].

В заключении данного вопроса В.А. Карташев делает вывод: «Очевидно, высокопоставленный автор не считал здесь уместным пускать стрелу в Оригена. Теории Оригена не имеют ничего общего с этой серией христологических еретиков. И Арий, и Евномий, и Аполлинарий здесь берутся по их христологической стороне. Хотя можно оригенову христологию, исходящую совсем из других оснований, сблизить с Несторием. Но все-таки это было бы искусственно и нетождественно с христологией эпохи V Вселенского собора. Среди еретиков, осуждавшихся на первых четырех вселенских соборах, никому в голову не приходило припоминать имя Оригена и осуждать его.[3] «С другой стороны он допускает анафематствование Оригена, т.к. примечательно, что палестинские монахи-оригенисты из Новой Лавры порвали с епископами иерусалимскими как раз после подписания деяний V Вселенского собора. Анафематствование в этих деяниях так называемых «трех глав» не могло особенно задеть палестинских монахов».[4] В итоге А.В. Карташев приходит к выводу, что учение Оригена было осуждено на соборе при императоре Юстиниане.

В заключении можно согласиться с выводами А.В. Карташева и заключить, что ересь Оригена была упомянута в постановлениях, принятых на V Вселенском соборе. Хотя основным вопросом собора было осуждение Трёх глав, а ересь Оригена специально не обсуждалась, она была предана анафеме.

ЭТНИЧЕСКИЙ СОСТАВ НАСЕЛЕНИЯ РАННЕВИЗАНТИЙСКОЙ ПАЛЕСТИНЫ

[1] Деяния Вселенских соборов. СПб.: Аксин эстин, 2006. Т. 5. С. 214.
[2] *Карташев А.В.* Вселенские соборы. М.: Республика. 1994. – https://azbyka.ru/otechnik/Anton_Kartashev/vselenskie-sobory/5_6
[3] Там же.
[4] Там же.

О.А. Манохина

Данная статья посвящена основным условиям, оказавшим влияние на формирование этнического населения Византийской Палестины. В статье сообщается хронологическая последовательность заселения территорий рассматриваемого региона крупными диаспорами. Отмечается влияние пестрого этнического состава на разнообразие религиозных направлений.

Ключевые слова: Палестина, Ранняя Византия, население, диаспоры.

THE ETHNIC COMPOSITION OF THE POPULATION OF EARLY BYZANTIAN PALESTINE

O. A. Manohina

This article is devoted to the basic conditions that influenced on the formation of the ethnic population of Byzantine Palestine. The article informs the chronological sequence of the population of the territory of the region under consideration by large diasporas. There is noted the influence of a heterogeneous ethnic composition on the diversity of religious trends.

Key words: Palestine, Early Byzantium, population, diasporas.

Принято считать, что слово «Палестина» происходит от названия государства филистимлян «Филистия». В древней истории эта территория располагалась между рекой Иордан и Ливанскими горами. На всем Ближнем Востоке эта территория была и есть самой плодородной. Ее географическое положение благоприятно в данной местности. Некоторые исследователи называли эти земли раем посреди пустыни. Кроме того, израильский народ, покоривший эту территорию, считал ее землей «обетованной, где течет молоко и мед» (Исх. 3:17). С запада эта территория была защищена от морских ветров и штормов финикийскими горами, с востока от палестинской пустыни отделялась полноводной рекой Иордан.

За весь период древней истории Палестина находилась в центре ключевых событий. В период ассиро-вавилонских завоеваний данная территория переходила из рук в руки. Ассирийские войска несколько раз захватывали ее города[1]. В период войн ассирийского царя Синахериба (705-680 гг. до Р.Х.) с иудейским царем Езекией (Хизкией) (725-696 гг. до Р.Х.), присоединившимся к сирийской коалиции, израиль-

---

[1] *Ascalone, Enrico.* Mesopotamia: Assyrians, Sumerians, Babylonians (Dictionaries of Civilizations; 1). Berkeley: University of California Press, 2007. P. 27.

ское государство потеряло ряд территорий[1]. После падения столицы Ассирийского царства Ниневии при царе Син-шар-икуне (ум. в 612 г. до Р.Х.) в 612 г. до Р.Х. под натиском союзнических войск Вавилонского и Мидийского царств и поражения оставшихся ассирийских войск в 605 г. до Р.Х., при ассирийском правителе Ашшур-убаллите II (611-609 гг. до Р.Х.), южная часть Палестины была захвачена войсками египетского фараона из XXVI династии Нехао (Нехо) (610-595 гг. до Р.Х.) в 607-608 гг. до Р.Х.

После битвы при Кархемише в 605 г. до Р.Х., в которой вавилонский царь Навуходоносор II (ок. 634 г. до Р.Х.; правил 605-562 гг. до Р.Х.) нанес поражение египетским войскам фараона Нехао, Палестина и вся Сирия оказались под вавилонским владычеством[2]. После отчаянного сопротивления последнего вавилонского царя Набонида (556-532 гг. до Р.Х.) и его сына Валтасара в войне с персами в 538 г. до Р.Х. пал город Вавилон. Персидский царь Кир II Великий из династии Ахеменидов (558-530 гг. до Р.Х.) присоединил к Персии вавилонские владения, в том числе, и всю территорию Палестины[3]. При персидском царе Дарии I (522-486 гг. до Р.Х.) и при последующих царях Ахеменидской династии до периода завоеваний Александра Македонского (336-232 гг. до Р.Х.) Палестина находилась в составе Персидского государства[4]

В период с 335 по 333 гг. до Р.Х. Палестина была полностью завоевана войсками Александра Македонского. Тем самым, было положено начало эллинистического периода истории Палестины. После смерти македонского завоевателя в период диадохов данная территория являлась яблоком раздора между тремя эллинистическими династиями: Селевкидов на востоке в Персии, династии Полиоркета на севере и египетской династией Птолемеев. Одно из ключевых сражений произошло в окрестностях города Газы в 312 г. до Р.Х. между войсками египетского царя Птолемея I Сотера (323-283 гг. до Р.Х.) и Деметрия I Полиоркета (336-283 гг. до Р.Х.), сражавшимся за восстановление анатолийской империи своего отца Антигона I Одноглазого (382-301 гг. до Р.Х.), где последний был наголову разбит и бежал в Македонию. Однако юг Палестины Птолемей не смог удержать за собой и

---

[1] *Masterman E.W.G.* Dress and Personal Adornment in Modern Palestine // The Biblical World. Vol. 18. No. 3. 1901. P. 168.

[2] *George A.R.* Babylonian Topographical Texts. Louvain: Peeters, 1992. P. 344.

[3] *Белявский В.А.* Вавилон легендарный и Вавилон исторический. М.: Мысль, 1971. С. 122.

[4] *Дандамаев М.А.* Политическая история Ахеменидской державы. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1985. С. 113.

вернул ее только в битве при Ипсе[1] во Фригии (301 г. до Р.Х.) в союзе с диадохами Кассандром, Селевком и Лисимахом, разбив войска Антигона и его сына Деметрия.

Таким образом, юг Палестины входил в состав Египетского царства Птолемеев до конца III в. до Р.Х., пока в 203 г. до Р.Х. ее не завоевал Антиох III Великий (223-187 гг. до Р.Х.) из династии Селевкидов, когда вся территория Палестины была присоединена к эллинистическому государству Селевкидов. В период селевкидского владычества города Палестины стали процветать и как центры элинистической культуры. В этот же период в Иудее к власти приходит Маккавейская династия, которая поднимает восстание в Палестине против владычества Селевкидов.

Борьба за независимость Иудейского государства в период династии Маккавеев привела к установлению относительной самостоятельности Палестины. Так как селевкидские правители делили власть между собой (Антиох VIII Грип, 121-96 гг. до Р.Х. и Антиох IX Кизикский, 115-95 гг. до Р.Х.)[2] иудеи достаточно легко смогли разбить войска противника. Однако, с юга против иудеев выступает египетская династия Птолемеев, но в результате войны с иудейским правителем из династии Маккавеев Александром Яннаем (103-76 гг. до Р.Х.) иудеям все же удалось отстоять независимость. Это было связано с противостоянием между егиептской правительницей Клеопатрой и ее сыном Птолемеем IX Сатуром II (Латиром) (правившему совместно с матерью в Египте 116-107 гг. до Р.Х.). После победы над иудейскими войсками Янная в битве при Асофоне на берегу реки Иордан (103 г. до Р.Х.), Птолемей захватил приморский город Птолемаиду (Акко), а затем и Газу, однако был разбит войсками своей матери, и юг Палестины снова отошел к Иудее[3].

В 63 г. до Р.Х. римский военачальник Гней Помпей (106-48 гг. до Р.Х.) покорил Палестину и сделал ее провинцией уже Римской империи. В 37 г. до Р.Х. идумеянин Ирод I (37 г. до Р.Х. - 4 г. по Р.Х.) свергнув своего предшественника - последнего Маккавея Антигона (40-37 гг. до Р.Х.), при поддержке Рима стал правителем Иудеи. И только после смерти Ирода римский император Август (27 г. до Р.Х. – 14 г. по Р.Х.) поделил Иудею между сыновьями Ирода.

---

[1] *Шофман А.С.* Распад империи Александра Македонского. Казань: Изд-во Казанского университета, 1984. С. 113-114.

[2] *Дройзен И.Г.* История эллинизма. Том II (История Диадохов). М., 1893. С. 233.

[3] *Циркин Ю.Б.* История библейских стран. М., 2003. С. 476.

В период римского владычества иудеи поднимали неоднократные восстания в Палестине против Рима. В 70-х годах войскам Веспасиана (69-79 гг.) и Тита (79-81 гг.) удалось подавить одно из самых мощных восстаний и разрушить город Иерусалим. Казалось бы, проблема с мятежниками была решена навсегда. Однако, в период правления императора Адриана (117-138 гг.) иудеи вновь подняли восстание. На этот раз римский император, залив кровью вооруженное сопротивление иудеев, решил навсегда покончить с постоянной угрозой мятежа в Палестине и стер с лица земли даже имя города Иерусалима, переименовав его в Элия Капитолина. Иудеи были рассеяны по всей Римской империи. Таким образом, Палестина стала полноценной провинцией Рима, а ее административным центром становится прибрежный город Кесария Палестинская.

Кроме плодородных земель Палестина имела и другое стратегически важное значение для стран-завоевательниц. Палестинские города были крупными торговыми центрами. По ее территории проходили важные торговые маршруты. Ее приморские города были конечной точкой Великого шелкового пути, тянувшегося через всю Евразию. Между Красным морем и Дамаском пролегал последний отрезок Пути благовоний, соединявший Средиземноморье с Индией и Восточной Африкой. Сирийские торговцы действовали на всем пространстве Римской империи, в том числе, Ближнего Востока. Торговые отношения связывали их с европейскими провинциями - на западе, Арменией и другими областями Закавказья - на севере, с Йеменом, районами Персидского залива и Индийского океана - на юге, Средней Азией и Китаем - на востоке. Благодаря выгодному географическому положению заселенных ими районов, палестинские купцы стали играть важную посредническую роль в торговле.

Население Плестины в ранневизантийский период было смешанное и достаточно пестрое. Филистимляне, древние предки жителей этих территорий, уже давно изжили свою самобытность. Поскольку их город Газа находился на перекрестке крупных торговых путей и в центре ключевых событий истории Древнего мира, этнический состав населения Газы постоянно менялся. Как было сказано выше, город часто переходил из рук в руки, поэтому в палестинских городах оседали не только выходцы из стран-завоевателей, но и наемники из далеких государств, которые составляли значительную часть любой армии великих завоевателей древности, которые привносили во внутреннюю жизнь провинции культуру своего далекого народа.

В персидский период прослеживается сильное влияние на город культуры арабов и набатайцев. Но все же, ходовой язык в провинции -

арамейское наречие сирийского языка. После завоеваний Александра Македонского начинается процесс эллинизации. Греческая культура постепенно распространяется в городах и в их окрестностях. Греческое образование становится элитным, и его стремятся получить многие, в том числе, и представители бедных слоев населения. В этот период в Палестине лидируют три языка: греческий - официальный, арамейский и иврит - бытовые.

С приходом римлян эллинизация усиливается, но в нее вносятся элементы и римской культуры, в том числе, и язык. Но последний использовался в основном для составления юридических документов.

В ранневизантийский период города Палестины развиваются как промышленные, торговые, культурные и религиозные центры. Отпечаток событий древности оставил след и на этническом составе населения Палестины. Как уже было сказано выше, на этнический состав оказывало влияние два основных фактора - военные кампании могущественных держав древности и торговые отношения. Именно они провоцировали активную миграцию населения в данной провинции. Третьим серьезным фактором, влияющим на изменение этнического состава Палестины, стало развивающееся в христианстве со второй половины IV века такое явление, как паломничество. Когда христианство было узаконено Миланским эдиктом в 312 г., то жизнь внутри христианской Церкви стала активно развиваться во всех сферах жизнедеятельности. Поскольку Палестина для христиан является Святой Землей, то именно она становится главным местом паломничества ранневизантийских христиан. Иерусалим, несмотря на зависимое административное положение от Кесарии Палестинской, становится духовным центром христианства, так как именно в нем произошли главные события библейской истории Нового Завета. Кроме того, Иерусалим становился объектом внимания и самих византийских императоров. Мать императора Константина Великого Елена также прибыла в город в поисках христианских реликвий, а самое главное - креста, на котором был распят Христос. Крест был найден и лично перевезен царицей в Константинополь[1]. Кроме поклонения святыням христианства, паломники посещали и возникшие в этот период монастыри. Монашество, как явление, зародилось в начале IV в. в египетских пустынях и стало быстро распространятся по всей территории империи. Паломники посещали знаменитых подвижников, прося совета или мо-

---

[1] *Куре А.* Палестина под властью христианских иператоров. СПб.: Русский паломник, 1894. С. 5-13.

литв за своих родственников или за самих себя, чтобы исцелиться от различных болезней.

Паломничество и монашество привлекало в Палестину представителей различных провинций империи. Таким образом, численность населения стала расти, а этнический состав становился все более разнообразным.

Численность населения ранневизантийской Палестины установить достаточно сложно. Попытки это сделать были предприняты еще в XIX в. Ученый исследователь К.Р. Конде предполагал, что численность населения провинции достигала 600 тысяч человек, по другим оценкам - чуть менее миллиона человек[1]. Современные исследователи также пытались определить численность, используя различные методики. На основе типизации различных населенных пунктов по уровню населения в каждом, это сделать попытался М. Ави-Йона[2], однако, он вел расчеты численности населения античной Палестины середины II в. Считать корректными результаты расчетов по такой методике тоже достаточно сложно. Другой исследователь М. Броши в своих подсчетах использовал данные о производстве и потреблении пшеницы в Палестине, но он рассчитывал численность населения 600 года[3]. Но и такой метод тоже не может быть приближен к точному. Сведений о переписи населения в византийский период в Палестине не сохранилось. Первые ближайшие по времени переписи были при императоре Октавиане Августе, а последующие только уже в Османской империи. Но большинство исследователей сходятся в том, что самая высокая численность населения Палестины за всю ее историю была в период Ранней Византии, а также и в наше время, на рубеже XX и XXI вв[4].

Не менее сложен вопрос, касающийся самого этнического состава населения. Мы постараемся отметить только крупные диаспоры, проживающие на территории провинции Палестина в данный период.

Несмотря на расселение евреев императором Адрианом, еврейская диаспора была самой многочисленной в провинции. Поскольку для данного народа Палестина является исторической родиной и свя-

---

[1] *Byatt A.* Josephus and Population Numbers in First Century Palestine // Palestine Exploration Quarterly. 1973. Vol. 105, No. 1. P. 51-60.

[2] *Stemberger G.* Jews and Christians in the Holy Land: Palestine in the Fourth Century. A&C Black, 2000. P. 17.

[3] *Broshi M.* The Population of Western Palestine in the Roman-Byzantine Period // Bulletin of the American Schools of Oriental Research. 1979. P. 1-10.

[4] *Bar D.* Population, Settlement and Economy in Late Roman and Byzantine Palestine (70-641 AD) // Bulletin of the School of Oriental and African Studies. Vol. 67, № 3. 2004. P. 311.

тым местом, то многие евреи стремились вернуться и жить на данных территориях, невзирая ни на что. Об их большем количестве свидетельствует много синагог в крупных палестинских городах, а также и в небольших населенных пунктах[1].

Самаритяне, считающие себя потомками населения древнего Израильского царства, также были одним из крупных народов, населяющих Палестину. Имеются упоминания о нескольких восстаниях самаритян в ранневизантийский период. Основными причинами этого были религиозные разногласия. Самым крупным восстанием был мятеж под предводительством Юста в 484 г. В период правления императора Анастасия I (491-518 гг.) также вспыхнул мятеж (Прокопий Кесарийский. О постройках. Книга V, 7.10-14). Другое крупное восстание произошло в период правления императора Юстиниана I Великого (527-565 гг.), который своим указом приказал уничтожить все синагоги самаритян, его возглавил Юлиан Цабар[2]. Данное восстание было подавлено при помощи арабских союзников. Но волнения самаритян все же продолжались вплоть до арабского завоевания[3].

Сирийцы являлись второй по численности диаспорой в Палестине. Арамейское наречие было одним из самых распространенных в провинции. Большинство сирийцев были эллинизированными язычниками, так как являлись наследниками Селевкидского царства[4].

Часть христиан в Палестине по происхождению были египтянами. Египетское население Палестины было более многочисленным в южных районах провинции[5].

Также многочисленной была и диаспора арабов-набатеев. Кроме торговли набатеи в пустыне Негев научились обрабатывать землю и выращивать виноградники. Производимое ими вино экспортировалось через сухопутные и морские пути во все уголки империи[6].

---

[1] *Goodblatt D.* The Political and Social History of the Jewish Community in the Land of Israel. C. 235-638 // CHJ. 2008. P. 411-415.

[2] *Shahîd, Irfan*. Byzantium and the Arabs in the Sixth Century. Volume 2, Part 2. Harvard University Press, 2010. P. 8.

[3] *Isaac B.* The Limits of Empire. The Roman army in the East. Oxford: Clarendon Press, 1990. P. 87-91.

[4] *Avni G.* The Byzantine-Islamic Transition in Palestine. Oxford: University Press, 2014. P. 37.

[5] *Riley J.A.* The Pottery from the First Season of Excavations in the Caesarea Hippodrome // BASOR. 218:25-63. 1975. P. 27-31.

[6] *Mazor G.* The Wine-Presses of the Negev // Qadmoniot 53/54. 1981. P. 51-60. Для дальнейшего письменного и археологического обоснования винной торговли в Газе см. *Mayerson P.* The Wine and Vineyards of Gaza in the Byzant ine period // BASOR. 257. 1985. P. 75-80.

Мы установили, что географическое положение Палестины обусловило не только её плодородность, но и многонациональность и многоконфессиональность. Перечисленные нами крупные диаспоры вносили разнообразие в религиозную жизнь палестинского региона. Часто именно религиозные разногласия становились причинами конфликтов, требующих разрешения с помощью внешней силы. Более детальное рассмотрение причин таких разногласий и пути их разрешения представляет интерес для дальнейшего изучения.

МАГИСТРАТЫ И ТОПОГРАФИЯ ГАЛЛИИ V-VI ВВ. ПО ДАННЫМ «ИСТОРИИ ФРАНКОВ» ГРИГОРИЯ ТУРСКОГО

В.М. Кириллов

Статья посвящена исследованию состояния городов Галлии в V-VI вв. В качестве основного источника автор использует «Историю франков» Григория Турского. Следуя ей, он сосредотачивает внимание на магистратах и топографии галльских городов. Автор пытается показать систему муниципальной администрации в меровингской Галлии. Он особо раскрывает роль епископов как представителей светской власти. Статья также содержит сведения о том, какие постройки располагались в раннесредневековых городах латинского Запада в рассматриваемый период.

Ключевые слова: Галлия, города, «История франков», магистраты, епископы.

THE MAGISTRATES AND THE TOPOGRAPHY OF THE CITIES OF GAUL ACCORDING TO THE DATA OF THE «HISTORY OF THE FRANKS» BY GREGORY OF TOURS

V.M. Kirillov

The paper is devoted to research of the state of the Gaul cities in V-VI A.D. The author used the «History of the Franks» by Gregory of Tours as a basic source on this problem. Following this he considers the magistrates and topography of these places. The author tried to show the system of the municipal administration in the Merovingian Gaul. He focuses on the role of bishops as members of secular authority. The article also includes some information about the buildings of early medieval time in cities of Latin West.

Keywords: Gaul, cities, «History of the Franks», Gregory of Tours, magistrates, bishops.

Падение римских государственных институтов на государственном уровне к концу V столетия привело к административному

хаосу во всех частях бывшей империи. Одновременно с этим жившие на территории Рима варвары-федераты вступили в процесс политогенеза. Города, являвшиеся центрами цивилизованного римского мира в германских и галльских землях, встали между двумя этими направлениями. С одной стороны, они стремятся сохранить римские античные административные институты и права, с другой – постепенно попадают под власть новой королевской феодальной элиты с соответствующей системой управления. В задачу нашей статьи входит рассмотреть, систему управления и общее устройство городов Галлии в V-VI вв.

«История франков» Григория Турского[1] является, на наш взгляд, очень хорошим письменным источником для выяснения поставленной задачи. Во-первых: это самое масштабное латинское сочинение VI столетия, в котором максимально охвачены происходившие в Галлии в этот период события. Во-вторых: следует отметить высочайшую степень осведомлённости автора относительно описываемых им событий. Это получилось благодаря тому, что более никто из раннесредневековых авторов, даже Павел Диакон или Алкуин, не занимали такое высокое общественное положение. Знатность рода, талант и авторитет турской кафедры выдвинули Григория на место доверенного лица короля Австразии Хильдеберта II, чьи интересы он отстаивает перед королевской четой Нейстрии Хильпериком I и Фредегондой. Соответственно, он являлся непосредственным участником многих событий и имел доступ к документам государственного уровня, чем активно и пользовался при написании своей работы. В-третьих: издатель русского перевода «Истории» В.Д. Савукова[2] отмечает, что Григорий старается быть максимально достоверным, не утаивая ничего известного ему. Собственно, он и сам говорит об этом в предисловии к своему сочинению. Поэтому мы намеренно не привлекаем другие источники при написании данной статьи, желая прояснить основные направления исследуемой проблемы. Следует отметить, что такого же подхода придерживался в своей работе и В.В. Глебкин[3].

Григорий не ставит целью отразить состояние городов, его

---

[1] См.: Gregorii Episcopi Turonensis Historiarum libri X / Monumenta Germaniae Historica inne ab anno Christi quingentesimo usque ad annum millesimum et quingentesimum. Scriptores rerum Merovingicarum. Hannoverae: Impensis Bibliopolii Hahniani, MCMXXXVII. 641 p.

[2] *Савукова В.Д.* «История франков» как исторический памятник // Григорий Турский. История франков. М., 1987. С. 334.

[3] См.: *Глебкин В.В.* О когнитивном стиле древнегреческой культуры (к постановке проблемы) / Эпистемология & Философия науки. 2013. Т. XXXVII. № 3. М.: Кнорус, 2013. С. 164-178.

главный объект описания – состояние церковных дел. Однако, «История франков» содержит массу упоминаний о городах в контексте других рассказываемых автором сюжетов.

Наиболее частым из упоминаемых Григорием властных институтов в городах является титул епископа. Мы относим его к числу магистратов по той причине, что с V века епископы начинают играть заметную роль среди светских органов местного самоуправления. Важность епископов в системе королевской администрации показывает и тот факт, что, согласно Салической правде[1], вергельд за убийство епископа является самым крупным из возможных штрафов, при этом, втрое превышая вергельд за убийство графа (Lex Salica, Tit. LV). Это ещё далеко не князья-епископы Священной Римской империи, но они уже наделены рядом важных полномочий.

Епископы часто происходили из сенаторских родов и, первое время, выбирались собранием граждан города (II, 13). Их влияние на королевскую власть было так велико, что, часто они вынуждали её идти на уступки. Григорий описывает случай (IV, 2), когда король Хлотарь приказал церквам уплачивать треть дохода в казну в качестве налога. Тогда турский епископ Инъюриоз выступил с резким обличением его поступка, и король вынужден был отменить указ. Пытаясь ограничить влияние епископов, франкские короли приняли закон, согласно которому помазание на кафедру осуществлялось лишь после утверждения предложенной горожанами кандидатуры королём (V, 5).

Очень характерной чертой князей Церкви как членов формирующегося класса светских феодалов является их способность принимать участие в сражениях. Так во время войны с лангобардами в 571 г. епископы Салоний и Сагиттарий сражались в составе королевского войска, при этом они имели и собственные доспехи (IV, 42). Сагиттарий позже, примкнув к мятежу Гундовальда, лично сражался на стенах осаждённого герцогом Леодегизилом города Комменжа (VII, 37). Ещё одним важным правом епископов является монетная регалия (VII, 24), которая в наши дни является одним из признаков суверенного государства и говорит о высочайшей степени независимости и влияния меровингских епископов. Следует отметить и судебные права высших церковных лиц при решении дел светского характера (X, 8). Касаемо числа епископов в одном городе – как правило, один, но Григорий описывает и случай, когда в Туре одновременно находилось два епископа сразу (X,31), однако, это исключительный эпизод.

---

[1] См.: Leges Francorum Salicae et Ripuariorum, cum additionibus regum et imperatorum variis… Francof.; Lipsiae, MDCCXX. 336 p.

Подводя итог, положение епископов в Галлии и их роль как городских магистратов можно охарактеризовать словами короля Хильперика: «…правят одни епископы. Нет больше к нам уважения. Оно перешло к епископам городов» (VI, 46).

Второй по количеству упоминаний в источнике является категория городских графов (comitatus urbi). Этот магистрат назначался королём и ещё не являлся, что важно отметить, наследственным (IV, 13; 39; 42). Интересен вопрос об отношениях епископов и графов. Согласно «Истории франков», графы стояли по положению ниже епископов, должны были помогать им во всех делах и могли быть назначены именно с рекомендации епископа королю (V, 48).

Главные функции графов – военное командование на подвластной им территории и отражение внешней угрозы (VI, 41), уголовное преследование и проведение карательных мероприятий (X, 5), сбор налогов с населения в королевскую казну (VII, 23).

Ещё одним упоминаемым институтом являлись городские сенаторы. Они являлись представителями ещё римской знати, выделявшихся над прочими своим отличным образованием (VI, 9). О функциях сенаторов работа Григория сведений не содержит. Однако, можно говорить об их авторитете (III, 9) и о том, что из их среды выходили представители других должностей, например, герцогов (VI, 11).

Герцоги выполняли сходные с графами функции (VI, 41). По рангу они стояли выше последних и объединяли в своей власти несколько городов (IX, VII).

Таким образом, среди магистратов, осуществлявших власть в галльских городах, можно выделить два направления эволюции. Во-первых: римские имперские институты утрачивают свой статус и заменяются королевскими феодальными органами власти, а города, следовательно, постепенно утрачивают различные формы автономии и подпадают во всё большее подчинение центру.

Во-вторых: силу набирают лица, занимающие высшие церковные должности, которые начинают формировать особую прослойку в феодальной среде.

Понять принципы и закономерности топографии галльских городов по сочинению Григория нельзя. Он лишь приводит сведения об объектах, которые могли там располагаться. Наибольшее внимание он уделяет церквам, но, к сожалению, часто ограничивается лишь их упоминанием. Наиболее подробные сведения даны о таких постройках в Туре. На момент епископства Григория в городе было 8 церквей: кафедральная, базилика св. Мартина, базилика при баптистерии, базилика Петра и Павла, базилика св. Литория, церковь свв. Гервасия и

Протасия, базилика св. Марии и базилика св. Германа (X, 31). Базилика св. Мартина имела следующие размеры – 160 футов (≈53 м) в длину, 60 футов (≈20 м) в ширину и 45 футов (≈15 м) в высоту до потолка (II, 14). Кроме неё Григорий приводит размеры и кафедральной церкви Клермона – 150 футов (≈50 м) в длину, 60 футов (≈20 м) в ширину и 50 футов (≈17 м) в высоту до потолка (II, 16).

Но следует помнить, что это одни из самых крупных зданий подобного рода. При постройках церквей применялся, в основном, камень (V, 45).

В одной из глав автор рассказывает, что единственным уцелевшим при пожаре Меца строением была часовня св. Стефана (II, 6), это обстоятельство наталкивает на мысль, что культовые постройки могли быть вообще единственными каменными зданиями в городах. Однако, были и деревянные церкви (V, 2).

Ещё одна категория объектов, которая должна была иметься в каждом городе – оборонительные сооружения. Григорий очень часто упоминает крепостные стены. Описывая Дижон, он говорит, что его стены были сложены из каменных плит, а верх – из кирпича; приведены и их размеры: 30 футов (≈10 м) в высоту и 15 футов (≈5 м) в толщину (III, 19). Прямо к стенам примыкали городские постройки (X, 31).

Из упоминания «старых стен» (II, 20) следует, что укрепления постоянно перестраивались, скорее всего, по мере расширения или сужения площади города.

Среди прочих построек Григорий упоминает епископский дом (II, 18), построенный из дерева (V, 4), и водопровод (II, 33), вероятно, являвшийся римским наследием.

В Париже и Суассоне, столичных городах, имелись цирки, причём не сохранившиеся от предыдущей эпохи, а построенные по приказу короля Хильперика в 577 г. «для зрелищ» (V, 17).

Можно сказать, что в рассматриваемый период облик городов приобретает характерные для Средневековья черты – большое количество церквей и наличие мощных укреплений.

Вместе с тем, в них ещё продолжают сохраняться объекты, типичные для позднеримской провинциальной традиции.

ТОПОГРАФИЯ РАННЕВИЗАНТИЙСКОГО ГОРОДА СИДЕ В ПАМФИЛИИ

С.Н. Прокопенко

В статье рассмотрены вопросы топографии ранневизантийского города Сиде, столицы Восточной Памфилийской провинции. Выделены особенности развития городских элементов в IV-VII вв.

Ключевые слова: Памфилия, Сиде, город, базилика.

THE TOPOGRAPHY OF EARLY BYZANTINE CITY OF SIDE IN PAMPHYLIA

S.N. Prokopenko

The article considered the questions of the topography of Early Byzantine city of Side, capital of the Eastern Pamphylian provinces. There are highlighted features of urban elements in IV-VII c.

Key words: Pamphylia, Side, city, basilica.

Античный город Сиде на южном побережье п-ова Малая Азия неоднократно выступал объектом археологических и исторических исследований[1], но ранневизантийский период существования города по настоящее время наименее изучен и вызывает большое количество дискуссий и споров по различным аспектам его жизнедеятельности.

Первые поселения в исторической области Памфилия на южном побережье Малой Азии появились в VII в. до н.э., переселенцами были греческие колонисты, прибывшие из Западной Анатолии (Strabo. XIV. 4. 2.).

Одним из первых был образован античный город Сиде, превратившийся в крупный городской центр и важный порт.

На протяжении всего античного периода город динамично развивался. В V в. до н.э. в Сиде, во время персидской гегемонии, появляются собственные монеты. В 334 г. до н.э. город был покорен Александром Македонским.

Позднее Сиде вошёл в состав Пергамского царства, вместе с которым и отошёл к Риму.

Во II в. до н.э. Сиде стал центром торговли, культуры и развлечений. В I в. до н.э. пираты из Киликии захватили город, после чего он превратился в морскую судоверфь и центр работорговли. В 67 г. до н.э. римский полководец Помпей изгнал пиратов из Восточного Средиземноморья, что привело к новому витку развития Сиде.

[1] *Mansel A.M.* Die Ruinen von Side. Berlin, 1963. 202 S.; *Mansel A.M.* Side. 1947-1966 Yılları Kazıları ve Araştırmaları Sonuзları. Ankara, 1978. 347 s.; *Grainger J.D.* The Cities of Pamphylia. Oxford, 2009. 255 p.

В III в. Памфилия оформилась как византийская провинция на южном побережье Малой Азии, объединившая исторические области Ликия и Памфилия с центром в городе Перге[1], в диоцезе Азия префектуры Восток[2].

При Диоклетиане происходят существенные изменения в управлении империей. Многие провинции были разделены. Ликия и Памфилия, вероятно, какое-то время еще сохраняли единство, и только между 312-325 гг. провинция была разделена на Ликию и Памфилию[3]. Уже Либаний в своих письмах (350 г.) указывал Ликию и Памфилию отдельно друг от друга (Libanius. Epistulae. 366.3.3-5).

В 411 г. в правление Феодосия II Памфилия была разделена на Первую и Вторую провинции. Город Сиде стал столицей Первой (Восточной) Памфилийской провинции. В IV в. в городе оформляется крупная христианская община, а в V и VI вв. в Сиде появляется епископская кафедра Восточной Памфилии.

Хотя и не будучи засвидетельствованным на Никейском и Константинопольских соборах, почти наверняка епископ в городе имелся с конца IV в.

Город Сиде делился на 4 квартала. Из обнаруженных надписей известны их наименования.

Близ главных ворот и театра район назывался «Большие ворота», к западу от театра квартал «Четырех коней», к югу от театра «Алтари», к востоку от театра «Большие фабрики». Город занимал весь полуостров размером в 1 км с севера на юг и 650-800 м с востока на запад (см. план).

Крепостные стены. Нестабильная военно-политическая обстановка IV в. сократила размер города практически вдвое.

Были построены стены «Филипп Аттий»[4], которые разделяли город на две части. Во время строительства данной стены были уничтожены магазины и лавки с торговой улицы, примыкающей к агоре. Жители укрылись в южной части города. В V в. оборонительные стены

---

[1] В науке вопрос о политическом центре провинции Памфилии в этот период еще до конца не решен, но данных в отношении столичного статуса города Перге несравненно больше: *Haensch R.* Capita Provinciarum: Statthaltersitze und Provinzialverwaltung in der römischen Kaiserzeit. Mainz am Rhein, 1997. S. 293, 290-297.

[2] *Onur F.* The Roman Army in Pamphylia: From the Third to Sixth Centuries AD // ADALYA XII, 2009. P. 301.

[3] Ibid.

[4] *Foss C.* Attius Philippus and the Walls of Side // Zeitschrift fur Papyrologie und Epigraphik №26. 1977. S. 172-180.

периода римского расцвета города обновляются, и город в V-VII вв. вновь занял большую часть полуострова, даже расширив обжитое в предшествующую эпоху пространство.

Порт. В V в. началось строительство нового порта, к северо-западу от старого, который был сильно загрязнен песчаными наносами.

Театр. В рассматриваемое время театр претерпел некоторые изменения, в орхестре были построены две маленькие базилики (капеллы). К тому же, как установили археологи, пространство орхестры могло использоваться для отправления богослужений под открытым небом[1].

Византийский госпиталь. Построен в VI в. в восточной части города. Впрочем, археологи до сих пор не полностью уверены в его правильной интерпретации. Это двухэтажное здание по своей форме и планировке очень напоминает сельджукские госпитали более позднего времени.

Также известно, что византийским императором Юстинианом в Памфилии был основан госпиталь святого Косьмы для лечения больных проказой. И по некоторым версиям, это может быть именно он.

Базилики. Всего в Сиде обнаружено 3 базилики[2].

В византийский период на севере городища на основании античного храма была построена в V в. Большая базилика (Южная базилика).

Эта базилика, по-видимому, объединяла весь комплекс построек, включая античные храмы Аполлона и Афины. В ее нефе в VIII или IX в. была построена небольшая церковь, сохранившаяся до наших дней в хорошем состоянии.

Базилика у театра была построена в V в. на западной стороне Колонной улицы. Сохранилась только восточная стена.

Епископская базилика находится на пересечении двух улиц - Колонной и улицы, идущей из Восточных ворот города. Базилика ориентирована на север, она трехнефная.

Епископский дворец находился к югу от епископской базилики и состоял из параллельно расположенных помещений разного объема и формы. Этот большой комплекс был спланирован и частично построен в V-VI вв., но окончательно оформился только к IX-X вв.[3]

---

[1] *Bowers K.* Christians in the Amphitheater? The «Christianization» of Spectacle Buildings and Martyrial Memory // MEFRM. 126/1. 2014. P. 108-109.

[2] *Атвур О.* Сиде. Анталия, 2008. С. 40-41.

[3] *Атвур О.* Указ. соч. С. 42-43.

VII-VIII вв. датируются крестово-купольные постройки, расположенные к западу от дворца и базилики епископа. Размеры их невелики.

Анализируя все добытые на сегодняшний день данные о Сиде в ранневизантийское время, можно изложить некоторые наблюдения. Во-первых, большинство как общественных, так и частных построек периода расцвета I-III в. в Сиде продолжают свое существование до V в., иногда до VI в. Наблюдается прямая преемственность.

Во-вторых, три больших городских базилики были построены в маргинальных[1] районах, отдельно от центральной площади города, театра и богатых городских домовладений.

Таким образом, строительство базилик не требовало внесения серьезных изменений в градостроительный план.

Местом строительства становились пустыри или территории античные храмовых комплексов.

Причем стоит отметить, что античные храмы при этом не перестраивались они, дополняя друг друга, оформляли комплекс построек.

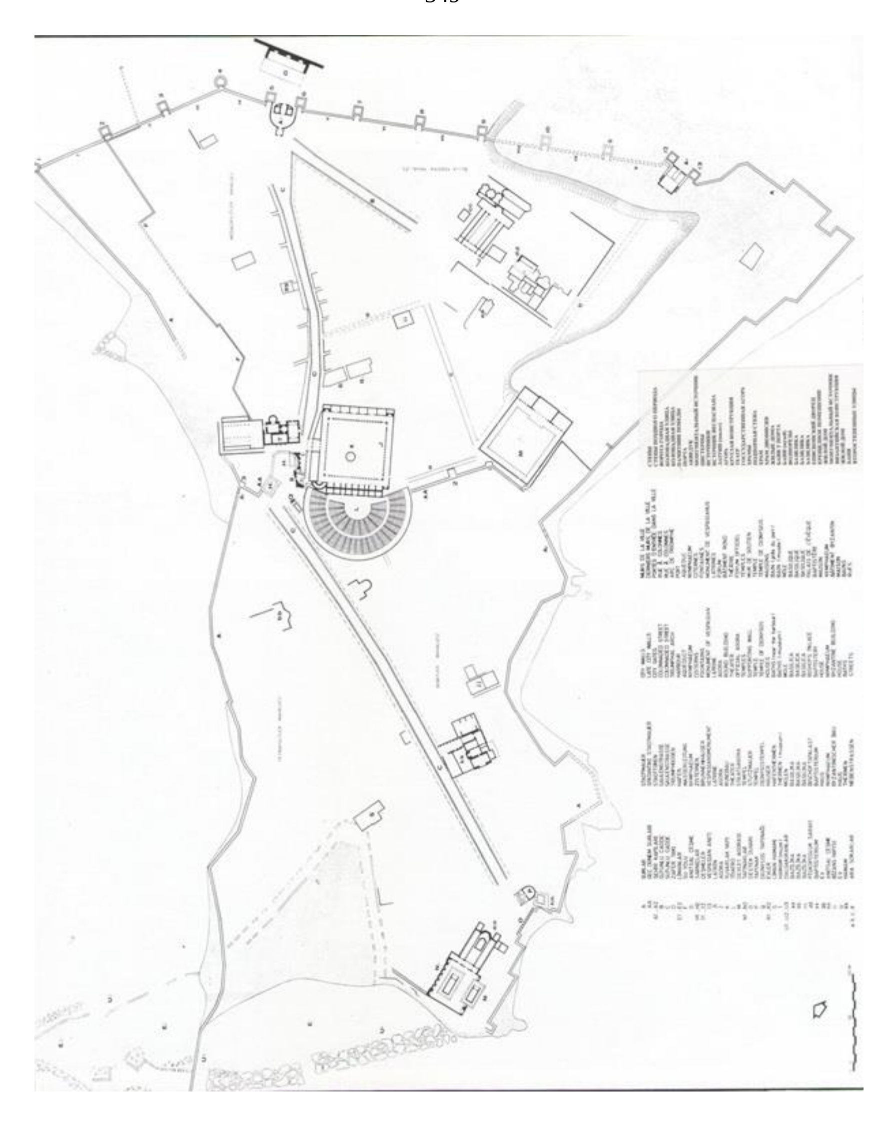
В-третьих, при анализе способов строительства базилик V-VI вв., можно констатировать, что техника их сооружения близка классическому стилю предшествующей эпохи.

Город начинает приходить в упадок, начиная со второй половины VII в. Сиде уменьшился в размерах и численности населения, но продолжил свое существование до тех пор, пока не сократился до немногим большего размера, чем деревня вокруг порта.

Прил. 1. План города Сиде. (*Атвур О.* Сиде. Анталия, 2008. С. 64).

---

[1] С минимальной застройкой в предшествующую эпоху.

ВИЗАНТИЙСКАЯ БИЗАЦЕНА

Н.Е. Третьякова

В статье анализируется значение области Бизацена в Северной Африке во время византийского господства в регионе (отсюда – Византийская Бизацена), приводится краткая географическая справка региона. Также рассматривается значение и роль главного города области – Гадрумета.

Ключевые слова: Северная Африка, Византийская Бизацена, Гадрумет, Карфаген, маврусии.

BYZANTIAN BIZACENA

N.E. Tretyakova

The paper analyzes the significance of the Bizacena area in North Africa during the Byzantine domination in the North Africa (thence - Byzantian Bizacena) and provides a brief geographic reference for the area. Also, the significance and role of the main city of the region – Gadrumet - is considered.

Key words: North Africa, Byzantine Bizacena, Gadrumet, Carthage, Maurusii.

История провинций Северной Африки в византийский период – тема актуальная и малоизученная в отечественной историографии. Актуальность определяется несколькими факторами. В первую очередь, необходимостью понимания специфики той или иной провинции (особенности исторического развития, этнические и культурные особенности) для объективного представления причин, которые обусловили появление сложной системы администрирования в форме экзархата[1] на территории Византийской Африки в 590 г. Во-вторых, географическим положением, которое способствовало развитию и поддержанию экономических отношений с другими регионами Ромейской державы. Тем самым, негласно, можно определить некую иерархию значимости провинций Византийской Африки в социально-политическом, экономическом, культурном и военном планах.

В данном очерке свое внимание мы акцентируем на провинции Бизацена (или Бизакия[2]) – историко-культурной, административной области, которая географически соответствовала южной части современного Туниса, а также северо-востоку Алжира и была представлена следующими городами-портами: Сус - (Гадрумет) – главный город области, Ламта (Малый Лептис), Рас-Димес (Тапс), Салакта (Суллектум), Юстинианополь — исчезнувший город к югу от Рас-Капудии,

[1] От греч. ἔξαρχος - внешняя власть – в Ромейской империи в конце VI-VII вв. - административно-территориальная единица, наместничество за пределами метрополии.

[2] См. у Прокопия Кесарийского.

Унга (Юнка) и, наконец, на южной границе Габес — начало дорожной сети, ведущей к Гафсе (Капса), Тебессе (Тевеста), а затем к западу и северу Африки и имела важное значение в истории Северной Африки как провинции Ромейской империи.

Следует отметить, что рельеф Бизацены представлен плоскогорьем и горных цепей с многочисленными впадинами и равнинами. Самая высокая точка над уровнем моря – 1400 м[1]. Побережье Малого Сирта представлено низинами и озерами. Южнее располагается Габес (Тунис). Здесь средиземноморский климат, благоприятный для выращивания оливковых деревьев и зерновых культур, сменяется пустынным климатом, степь здесь прерывается только оазисами, центрами, где живут люди, — перевалочными пунктами на караванных путях[2].

Оазис в районе Габеса позволяет выращивать самые разные культуры (садоводство), но их недостаточно, чтобы кормить население, которое здесь живет. Им приходится просить в регионах с более обильными дождями ячмень и пшеницу, которые им необходимы, поставляя взамен финики. Для оседлого населения необходимы посредники, и кочевники их порабощают.

Необходимо заметить, что при многочисленных попытках римской, затем вандальской, позже – ромейской власти провести унификацию во всех сферах жизни в областях Северной Африки, провинция Бизацена - из всех прочих - сохраняла достаточно сильное культурное влияние местного населения (маврусии) и экономическую независимость города-порта Гадрумета (как отмечалось выше, одним из главных городов-портов являлся Гадрумет, он же в период правления императора Юстиниана – возможно, Юстинианополь (?), он же, позже – Сус).

Считаем необходимым провести иллюстративный ряд, подтверждающий стремление Бизацены проводить самостоятельную политику. До реформ императора Диоклетиана[3] Африканский диоцез[4] был представлен следующими провинциями: Проконсульская Африка, Мавретания Цезарейская, Нумидия, Триполитания.

В результате административно-территориальной реформы были выделены следующий провинции, образующие Африканский диоцез: Зевгитана (главный город – Карфаген), Бизацена (главный город – Гадрумет), что положило начало негласной политической и культурной борьбе между указанными городами. Этот «спор» решился в Констан-

---

[1] *См.: Гийу А.* Византийская цивилизация. Екатеринбург, 2005. С. 211.

[2] Там же.

[3] 284-305 гг.

[4] Diocesis Africae.

тинополе, где Гадрумету была предоставлена автономия управления, и область Бизацена на 150 лет стала самостоятельной частью Африканского экзархата Византийской империи[1].

Интересным является описание Прокопия Кесарийского в отношении маврусиев, проживающих на территории Нумидии и Бизацены, которое в той или иной степени может охарактеризовать степень непостоянства: «Жившие в Бизакии и Нумидии маврусии безо всякой причины пошли на нападение и, нарушив договор, внезапно решили поднять оружие на римлян[2]. Так у них обычно и делается. Нет у маврусиев ни страха перед Богом, ни стыда перед людьми. Они не придают значения клятвам и не пекутся о заложниках, даже если ими окажутся дети и братья их вождей. Мир с маврусиями не поддерживается ничем иным, как страхом перед соседствующими с ними врагами» (Procop. B.V.II.VII., 9-11).

Таким образом, мы можем говорить о том, что из прочих областей Северной Африки, Бизацена играла важную роль в развитии политической, экономической и культурно-религиозной сферах жизни ромейского общества. Данный факт был обусловлен выгодным географическим положением, культурной спецификой автохтонного населения, стремлением к автономии. Более того, при многочисленных военных катаклизмах в Северной Африке города Бизацены не разрушались, но включались в военно-политический замысел «новых победителей» вплоть до арабского завоевания в 698 г.

В то время как Карфаген – главный город Северной Африки - многократно разрушался и перестраивался в соответствии с очередной культурно-религиозной традицией.

В настоящее время мы можем проследить синтез религиозных традиций региона (арианство, донатизм, ортодоксальное христианство) на примере сохранившихся археологических памятников.

Илл. 1. Нумидия и Бизацена (VI-VIII вв.).

---

[1] *См.: Апродов В.А.* По следам античных культур древней Бизацены. URL: http://www.mtu-net.ru/ariad-in/History/Bizacene.htm (Дата обращения: 16.10.2017)

[2] Речь идет о договоре между племенами маврусиев и Велизарием, который в 533 г. высадился в Бизацене с целью распространить влияние и власть ромеев на территории Северной Африки. Карфаген был захвачен спустя год.

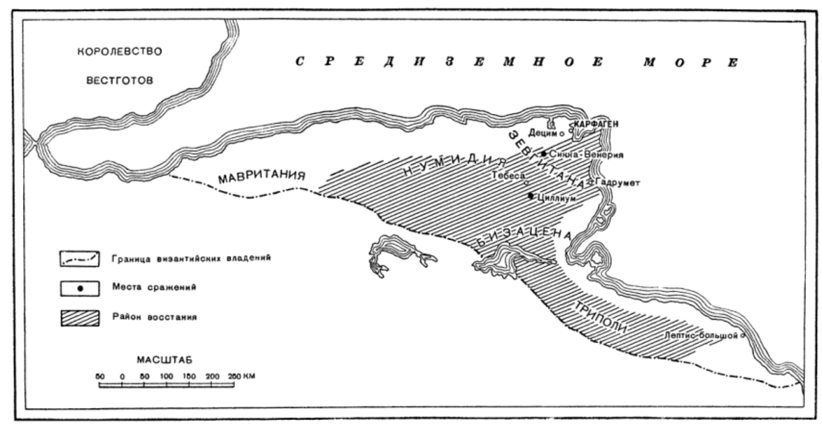

Схема 2.

АЛЕКСАНДР ТРАЛЛЬСКИЙ, ВРАЧ (525-605 гг.)

А.М. Болгова

В статье впервые в отечественной историографии предпринята попытка систематического очерка биографии и характеристики письменного наследия крупного медика и внешкольного преподавателя ранневизантийского времени Александра из Тралл.

Ключевые слова: Александр Траллький, медик, преподаватель, Ранняя Византия.

ALEXANDER OF TRALLES, PHYSICIAN (525-605)

A.M. Bolgova

In the article, for the first time in the national historiography, there was made an attempt to outline systematically the biography and characteristics of the written heritage of a major physician and extracurricular teacher of the early Byzantine era Alexander from Thrall.

Key words: Alexander of Tralles, physician, teacher, Early Byzantium.

Выдающийся врач своего времени - Александр из Тралл[1] (Agath. V 6.5). Даты его жизни уверенно помещают в VI век (ок. 525-605 гг.), поскольку он упоминает Аэция Амидского, который, вероят-

---

[1] Alexander 8 // PLRE III. P. 44-45.

но, не писал ранее VI в., и он сам цитируется Павлом Эгинским, который должен был жить в VII веке; кроме того, он упоминается как современник Агафия, который начал писать свою «Историю» в начале правления Юстина II, около 565 г.

Александр был сыном врача Стефана[1] и братом видного математика и знаменитого строителя св. Софии в Константинополе Анфимия (Alex. Trall. Ther. IV 1). Стефан пользовался уважением императора Юстиниана. Семья принадлежала к образованной элите империи. Таким образом, Александра не следует рассматривать как маргинальную провинциальную фигуру, а как хорошо интегрированного члена высшей знати VI в., для включения в которую хорошее образование было важнейшим элементом.

У Александра, помимо Анфимия, было еще три брата: Диоскор, ставший врачом в Траллах, Олимпий, специалист по римскому праву, и Метродор, выдающийся грамматист, живший в Константинополе (Agath. V 6.4-5). Александр и Диоскор были ἄμφω ἰατρικῆς δαημονεστάτω (оба весьма сведущими медиками).

Траллы (Селевкия-на-Меандре) – родной город врача, расположены в нижнем течении Меандра в Ионии (Лидии), северо-восточнее Милета, восточнее Эфеса и близ Приены и Магнесии на Меандре (совр. Айдын).

Жизненный путь Александра почти не известен. Он был, вероятно, был первоначально обучен медицине своим отцом (Alex. Trall. Ther. IV 1), но его первым настоящим учителем и долговременным кормильцем был (неназванный по имени) отец человека, которому он посвятил одну из своих работ – Косьмы.

Дж. Скарборо, ссылаясь на мнение специалистов, утверждает, что в империи при Юстиниане высших медицинских школ как институций не было[2]. Даже если точных сведений об этом у нас нет, мы полагаем, что для исчезновения ранее существовавших школ (например, в Александрии), нужны были веские причины. В любом случае, Александр должен был учиться у какого-либо частного врача-преподавателя, на основе существовавшей медицинской литературы (таковыми были и отец Александра, и Косьма, и отец Косьмы).

Важнейшими авторитетами в медицине в начале VI в. были Гален и Диоскорид[3], но, парадоксальным образом, не Гиппократ. В отли-

---

[1] Stephanus 1 // PLRE III B. P. 1183.

[2] *Scarborough J.* The Life and Times of Alexander of Tralles // Expedition. Vol. 39, № 2. 1997. P. 53.

[3] *Westerink, Leendert G.* Philosophy and Medicine in Late Antiquity // Janus. 51. 1964. P. 169–177.

чие от других поздних античных медицинских авторов, Александр считает для себя наиболее авторитетным Архигена и использует эпитет theiotatos (самый божественный), когда ссылается на него[1]. Этот эпитет становится еще более значительным, если учесть, что Александр применяет его также только к Гиппократу и Галену.

Возможно, Александр также практиковался в лучших больницах того времени. Как врач, он странствовал от города к городу вслед за своей репутацией. В это время он должен был обрасти учениками и помощниками, которых он обучал медицине.

Как и многие его коллеги и современники, он много ездил как в период своего обучения, так и во время своей медицинской практики. Александр, по свидетельству источников, совершал обширные поездки (Alex. Trall. Ther. I 15 ed. Puschmann, vol. I, p. 563, 565), включая Армению, Фракию, все Балканы, Италию, Галлию, Египет, Северную Африку и Испанию[2]. Особенно долго он практиковал в Испании, Галлии, Фракии, Италии и Коркире (Греция).

Расцвет его деятельности пришелся, видимо, на Константинополь. Ф. Брюне предполагает, что Александр «должен был быть» личным врачом Юстиниана, но доказательств этому у нас нет. Не менее смела, но голословна попытка Брюне предположить, что Александр сопровождал Велизария и его войско в Италии во время Готской войны[3]. Даже будучи лучшим врачом империи (превосходя Аэция Амидского?), Александр совершенно не обязательно при этом должен был быть связан с дворцом и быть связанным со всеми важнейшими историческими событиями своей эпохи.

Наиболее достоверно известно, что заключительный период своей жизни и деятельности он провел в Риме, где в это время, при папе Григории Великом (590-604 гг.), шло укрепление Папского государства при господстве лангобардов в Италии[4] с 568 г. По приглашению Григория Александр занял должность ахиатра города Рима во время очередного всплеска эпидемии чумы.

Александром было написано несколько работ по медицине. Он известен, прежде всего, как автор своего основного медицинского со-

---

[1] *Bouras-Vallianatos, Petros.* Modelled on Archigenes theiotatos: Alexander of Tralles and his Use of Natural Remedies (physika) // Mnemosyne. 69. 2016. P. 382-396.

[2] *Scarborough J.* The Life and Times of Alexander of Tralles // Expedition. Vol. 39, № 2. 1997. P. 51.

[3] *Brunet F.* Alexandre de Tralles et la medicine byzantine // Ouevres medicales d’Alexandre de Tralles. P., 1933. I.

[4] *Грегоровиус Ф.* История города Рима в средние века. М., 2008. С. 192-214.

чинения в XII книгах «Therapeutica» («Терапевтика»), написанной в пожилом возрасте (γέρων), когда Александр был слишком дряхлым, чтобы продолжать практику и накопил медицинский опыт в течение всей своей жизни.

Работа «О лихорадках» была посвящена его другу Косьме (Κοσμᾶ φίλτατε), сыну его старого учителя (ed. T. Puschmann. Vienna, 1878-1879; ср. Puschmann, vol. I, p. 289 (посвящение)).

Александр также написал работу «De Lumbricis» (Περί ἑλμίνθων; «О глистах (кишечных паразитах»)) в форме письма (ed. Puschmann, vol. II, p. 586-599), посвященное его другу Феодору.

Сочинение «De oculis» (Περί ὀφθαλμῶν; «О глазах») (ed. Puschmann // Berl. Stud. Class. Phil. Arch., v. 2. 1886. P. 134-178) ныне рассматривается как неподлинное[1]. То же самое относится к тексту, озаглавленному «О пульсе и моче».

Александр, по всей видимости, также написал несколько других медицинских работ, которые теперь утрачены. В одной из работ он выражает свое намерение написать книгу о переломах, а также о ранах головы, но об этих книгах нам более ничего не известно.

Два сочинения Александра Тралльского («Терапевтика» и трактат о лихорадках) в некоторых рукописях относят к Александру Афродисийскому, но это ошибка переписчиков.

Основной материал Александру дала его собственная врачебная деятельность. Именно как врач-практик он иногда не соглашается с выводами Галена и даже пытается его критиковать. Точность в постановке диагнозов и стремление выяснить причины болезней выгодно отличают Александра от современных ему медиков.

По его мнению, врач «обязан открыть для пользы человечества всё, что признает верным на основании опыта»[2]. Главной задачей врача он считал профилактику[3].

Александру приписывают открытие того, что депрессия (меланхолия) может привести к убийственным и суицидальным тенденциям.

Возможно, самым любопытным элементом его практики является его вера в заклятия и амулеты. Например, его предложение для лечения агрессии: «Соберите оливковый лист перед восходом солнца, напишите на нем чернилами κα ροι α (ka roi a) и повесьте его вокруг шеи» (Alex. Trall. Ther. XII, 7). Изгоняя подагру, он говорит: «Я заклинаю тебя великим именем Ἰαῷ Σαβαῷθ» (Iao Sabaoth) и немного даль-

---

[1] *Zipser, Barbara.* Pseudo-Alexander Trallianus, De oculis: Einleitung, Text, Ubersetzung und Kommentar (PhD thesis). Universitat Heidelberg, 2003.

[2] *Ковнер С.Г.* История средневековой медицины. Вып. 1. Киев, 1893. С. 46.

[3] Культура Византии. IV – первая половина VII вв. М., 1984. С. 427.

ше: «Я заклинаю тебя святыми именами Ἰαῶ, Σαβαὼθ, Ἀδοναὶ, Ἐλωί» (Iao, Sabaoth, Adonai, Eloi), из которых могло показаться, что он был или евреем, или христианином, но из его частых упоминаний рецептов свинины более вероятно, что он был христианином.

Еще одним примером мистических увлечений Александра может служить часто цитируемый факт того, что он рекомендовал как верное средство от колик гемму из мидийского камня с Гераклом, который душит льва. Это похоже на современный эффект от плацебо.

Эти представления Александр воспринял, как он сам указывает, от простого мирянина, не врача, Марсина из Фракии, когда он жил в Коркире.

Труды Александра из Тралл были переведены на латинский, сирийский, арабский и еврейский языки и были широко известны как на Западе, так и на Востоке, где Александра при жизни называли «Целителем», служили источником и основным руководством многим поколениям византийских врачей. Арабы весьма уважали работы Александра, как и труды Павла Эгинского.

Главное сочинение Александра включает 12 книг[1], составляющих полное описание всех болезней, кроме требующих хирургического вмешательства:

- 1-я — головные болезни;
- 2-я — ушные;
- 3-я — болезни рта;
- 4-я — сердечные;
- 5-я — лёгких;
- 6-я — плеврит;
- 7-я — желудочные;
- 8-я — кишечника;
- 9-я — печени;
- 10-я — дизентерия и водянка;
- 11-я — половой и мочеиспускательной систем;
- 12-я — подагра.

Не создав специальной книги о фармакологии, Александр, тем не менее, упоминает множество лекарств, как заимствуя их из преды-

---

[1] Обоснование порядка книг: *Zipser, Barbara*. Die Therapeutica des Alexander Trallianus: ein medizinisches Handbuch und seine Uberlieferung // *Piccione R.-M., Perkams M.* (eds). Selecta colligere, II. Beitrage zur Technik des Sammelns und Kompilierens griechischer Texte von der Antike bis zum Humanismus. Alessandria: Dell’Orso, 2005. P. 211–234. Здесь показано, что последние три книги «Терапевтики» меняются местами в некоторых текстовых традициях.

дущих сочинений, так и давая свои интерпретации (например, «армянский камень»).

В своем терапевтическом подходе Александр обращает особое внимание на фармакологию, которая для него представляет собой наиболее динамичную отрасль терапии[1]. Например, в своей «Терапии» он иногда может давать диетические рекомендации и редко упоминает о естественных средствах защиты, но он поясняет, что он не в восторге от использования хирургии: «артериотомия, трефинизация, прижигание и все другие средства защиты… становятся наказанием для многих, а не излечением».

Впервые это сочинение было издано в греческом подлиннике в 1548 г. G. Goupylus под заглавием «Θεραπευτικά»[2].

«Двенадцать книг по медицине» впервые появилась в старом, несовершенном латинском переводе с названием Alexandri Yatros Practica, который был напечатан несколько раз. Это красивое и редкое издание, в котором также находится de Pestilentia Libellus ex Syrorum Lingua по-гречески.

В дальнейшем труды Александра несколько раз издавались в латинских переводах. Один из переводов был сделан Альбрехтом Галлером и издан в Лозанне в 1772 г.

Другая работа Александра, которая сохранилась, - это короткий трактат Περὶ Ἑλμίνθων, De Lumbricis, который был впервые опубликован на греческом и латинском языках Иеронимом Меркуриалисом (Venica, 1570). Это небольшое рассуждение о глистах, написанное в форме письма. Латинский перевод был сделан также А. Галлером. В этом рассуждении упоминается также о прободении кишок.

Язык и стиль Александра, в основном, был очень хорошим, кратким, ясным и (используя собственные слова Александра), состоящим из общих выражений, которые, хотя и не всегда элегантны, зато очень выразительны и понятны.

Свое кредо Александр выражает в начале сочинения «О лихорадке»: «Мой любезный Косьма, я с готовностью повиновался твоему требованию, чтобы изложить для тебя то, что я собрал из своего бога-

---

[1] *Guardasole A.* Alexandre de Tralles et les remedes naturels // *Collard F., Samama E.* (eds.). Mires, physiciens, barbiers et charlatans: les marges de la medicine de l’Antiquite au XVIe siècle. Langres: D. Gueniot, 2004. P., 81–99.

[2] О первом издании см.: *Guardasole A.* Sur l’editio princeps d’Alexandre de Tralles // *Boudon-Millot V., Cobolet G.* (eds.). Lire les medecins grecs `a la Renaissance. Aux origines de l’edition medicale. Actes du colloque international de Paris 19–20 septembre 2003. Paris: Bibliotheques interuniversitaires de medicine, 2005. P. 323–337.

того опыта лечения различных заболеваний…, хотя я теперь старик и больше не могу себя проявлять в полную силу, я повиновался и написал эту книгу, собрав опыт из моих многочисленных контактов с заболеваниями человека. И я знаю, что это понравится многим людям, которые не склонны смотреть на хорошие рассуждения о моих медицинских теориях, и, в то же время, оценят краткость и ясность экспозиции»[1].

Автор сочинения в момент его написания находится в преклонном возрасте и создает впечатление практикующего врача, который решил поделиться плодами своей долгой, эрудированной карьеры с будущими поколениями. В своем вступительном заявлении он дает решительное указание, используя слово πεῖρας, на центральный аспект принципа составления текста. По-видимому, это понятие включает в себя все накопленные знания, полученные при контакте со своими пациентами. Он также пытается подтвердить свой авторитет, представляя себя как врача-практика, а не просто как составителя медицинских трудов, как, например, Аэций Амидский, который часто просто копирует глаголы и местоимения от первого лица из исходного источника.

Таким образом, Александр признает особый характер высказываний, связанных с его клинической деятельностью, и рассматривает их как отдельные части дискурса в своих работах. Эти пассажи могут быть короткими, например, всего в несколько слов, а иногда и довольно длинными. Например, он может просто сослаться на эффективность определенного средства с помощью короткой фразы типа «это прекрасно работает». Тем не менее, в подавляющем большинстве случаев его использование единственного числа первого лица явно связано с подчеркиванием роли личного опыта. Александр обычно передает личные наблюдения или сообщения о своих мыслях и медицинских действиях.

В случае Александра, видимо, очевидны попытки автора повысить качество своих рекомендаций, придав им свою собственную перспективу. Это прямой результат личного опыта, что показывает надежду автора, что его аудитория примет к сведению и вспомнит его вклад, когда столкнется с похожей ситуацией. Порой он предпочитает использовать множественное число первого лица («мы»), излагая свой опыт. Использование множественного числа первого лица является обычным в древнегреческих и латинских научных текстах, и сам Гален использует его, ссылаясь на свою клиническую деятельность и, в част-

[1] *Puschmann T.* (ed.). Op. cit. (note 7). Vol. 1. P. 289, 1–12.

ности, на истории болезни. Возможно, что в случае Александра «мы» объединяет автора и его читателя, подразумевая понятие «общности». Александр обращается к своим друзьям и знает о современном ему круге людей, которые проявляют большой интерес к медицинским вопросам. Следовательно, есть аудитория, которую он пытается вовлечь в свой мир медицинских знаний, основанный на его собственных трудах и наблюдениях.

Авторский голос Александра, безусловно, сильнее, чем в любой другой части его текста, звучит в главах об эпилепсии в I книге. Он - единственный врач, который в данном конкретном случае пытается эффективно спасти своего пациента. Читатель здесь переносится в область конкретной медицинской деятельности и может более подробно ознакомиться с методами Александра. Опыт в форме первого лица используется им как устройство коммуникации, чтобы подчеркнуть способность автора справляться с ситуацией, предлагая новые средства лечения.

Эклектика Александра позволяет ему использовать множество средств лечения у большого числа более ранних авторов, которые будут им проверяться и анализироваться. Его методика следует во всех случаях одной и той же схеме: проверив существующие средства, разработанные различными более ранними авторами, он пытается обеспечить более эффективное лечение, опробовав близкое или похожее средство.

В целом, Александр цитирует не менее 500 работ предшествующей медицинской традиции[1]. Его труды не создают ощущения статики медицинских знаний в Ранней Византии, обнаруживая их определенное развитие.

Более новые издания трудов Александра выходили в XIX в.[2] (с немецким переводом) и в XX в. (с французским переводом)[3], причем последний сопровождается лишь кратким комментарием. Английского и русского переводов нет.

---

[1] *van der Eijk, Ph.* Principles and practices of compilation and abbreviation in the medical ‘encyclopaedias’ of late antiquity // *Horster M., Reitz C.* (eds.). Condensing texts, condensed texts. Stuttgart, 2010. P. 519-554.

[2] Alexander von Tralles: Original-text und Übersetzung nebst einer einleitenden Abhandlung. Ein Beitrag zur Geschichte der Medicin. Том 1. Ed. Theodor Puschmann. Wien: W. Braumuller, 1878. 1237 S.; *Puschmann, Theodor* (ed., transl.). Alexander von Tralles. 2 vols. Amsterdam: Adolf M. Hakkert, 1963.

[3] *Brunet F.* Ouevres medicales d’Alexandre de Tralles. Vol. 1-4. P.: Paul Geuthner, 1933-1937.

В мировой историографии Александр Траллльский не был предметом ни одной специальной монографии[1]. Существует лишь ряд статей[2], где его наследие рассматривается в плане истории медицины, а также общий биографический очерк[3].

Среди отдельных аспектов вызвал интерес вопрос о галенизме у Александра Траллльского[4].

Также существует ряд биографических очерков, сопровождающих издания трудов Александра[5].

В отечественной науке ни одной работы об Александре Траллльском нет.

Как отмечает Дж. Скарборо, из всей плеяды ранневизантийских врачей Александр Траллльский вызывает восхищение не только историков медицины, но и современных докторов. Причина – в его огромном практическом опыте, который охватывал пациентов в диапазоне от тотальной нищеты до высших слоев знати.

Состояние исследований работ Александра остается лишь на довольно базовом уровне, а различные аспекты еще не изучены.

Как метко сказал Джон Скарборо: «Удивительно, что полноценное исследование этого великолепного врача еще не было создано современными историками медицины». То же самое можно отнести и к историкам-византологам.

---

[1] *Brunet F.* Alexandre de Tralles et la medicine byzantine // Ouevres medicales d'Alexandre de Tralles. P., 1933. I; Александр Траллский // Византийский словарь: в 2 т. / [сост. общ. ред. К.А. Филатова]. СПб.: Амфора, РХГА, Издательство Олега Абышко, 2011. Т. 1. С. 63.

[2] *Bouras-Vallianatos, Petros.* Modelled on Archigenes theiotatos: Alexander of Tralles and his Use of Natural Remedies (physika) // Mnemosyne. 69. 2016. P. 382-396; *Bouras-Vallianatos, Petros.* Clinical Experience in Late Antiquity: Alexander of Tralles and the Therapy of Epilepsy // Med. Hist. 2014, vol. 58(3). P. 337–353.

[3] *Scarborough J.* The Life and Times of Alexander of Tralles // Expedition. Vol. 39, № 2. 1997. P. 51-60.

[4] *Guardasole, Alessia.* L'heritage de Galien dans l'oeuvre d'Alexandre de Tralles // *Jouanna J., Leclant J.* (eds). Colloque La medecine grecque antique, Cahiers de la Villa 'Kerylos'. Paris: Academie des Inscriptions et Belles-Lettres, 2004. P. 219–234.

[5] *Guardasole A.* Alessandro di Tralle // *Garzya A.* (ed.). Medici Bizantini. Torino: Unione tipografico-editrice torinese, 2006. P. 557–570; *Langslow, David.* The Latin Alexander Trallianus. London: Society for the Promotion of Roman Studies, 2006. P. 1–4; *Duffy, John.* Byzantine Medicine in the Sixth and Seventh Centuries: Aspects of Teaching and Practice // Dumbarton Oaks Papers. 38. 1984. P. 21–27.

ИОАНН ФИЛОПОН И СТЕФАН АЛЕКСАНДРИЙСКИЙ: ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ И СРАВНИТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

Н.О. Кривко

В статье рассматривается деятельность Иоанна Филопона и Стефана Александрийского. Определяются особенности их философских взглядов. Статья носит обобщающий характер и направлена на поиск отличительных особенностей александрийской школы в целом.

Ключевые слова: Иоанн Филопон, Стефан Александрийский, монофизитство, тритеизм, неоплатонизм.

JOHN PHILOPONUS AND STEPHAN OF ALEXANDRIA: ACTIVITY AND COMPARATIVE CHARACTERISTICS

N.O. Krivko

The article examines the activities of John Philoponus and Stephen of Alexandria. Specific features of their philosophical views are determined. The article is of a general nature and it is aimed at the search the distinctive features of the Alexandrian school as a whole.

Key words: John Philoponus, Stefan of Alexandria, monophysitism, tritism, Neoplatonism.

Крупнейшими философами заключительного периода существования Александрийской школы были Иоанн Филопон и Стефан Александрийский.

Сведения о жизни Иоанна Филопона отрывочны, известно, что он был рожден около 490 г. и умер около 575 г. Прозвище Филопон буквально означает «трудолюбивый», также его называют Иоанном Грамматиком.

Важно отметить, что Иоанн Филопон был учеником Аммония, который преподавал в Александрийской школе, считавшейся, вместе с Афинской академией, главным центром философской мысли и образования. Аммоний не был христианином, но можно утверждать, что, как преподаватель, он имел определенное влияние на становление Иоанна Филопона. Иоанн записывал лекции Аммония, а также свои комментарии к ним, помимо этого, появлялись трактаты, которые он сам писал или редактировал. Когда Аммоний умер ок. 526 г., он продолжил его работу над комментариями к Аристотелю и Платону и стал редактором сочинений Аммония Александрийского. Филопону принадлежат комментарии на «Введение» Порфирия, на трактаты Аристотеля «Ме-

тафизика», «Категории», «О душе», «Физика» и т.д. Также трактаты «О вечности мира против Прокла» и «О сотворении мира».

Интересно то, что Иоанн Филопон был христианином, но изучал наследие Аристотеля. После смерти Аммония, за ним закрепилась ведущая роль в академии, но, тем не менее, он не смог реализовать себя там в полной мере потому, что у него возникли серьезные разногласия с языческой партией философов. Он достаточно резко выступил против фундаментальных положений Аристотеля и Платона, из-за чего подвергся резкой критике со стороны Симпликия, который называл его «новичком»[1]. Но всё же один из самых важных моментов в деятельности Иоанна Филопона, на наш взгляд – попытка обоснования монофизитства и поиск способа примирения умеренных монофизитов и халкидонитов. Но и здесь работы Иоанна не были приняты, поскольку он начал критиковать халкидонитов. Иоанн всё же был идейным монофизитом, а в конце жизни примкнул к ереси Иоанна Аскоснагиса, которую стали называть «тритеизм». Именно благодаря Иоанну Филопону это течение получило быстрое распространение и вызвало затяжную богословскую дискуссию. Незадолго до смерти он написал труд «О воскресении», который, уже после смерти Филопона, вновь вызвал небывалые споры в тритеитской среде. А.Ф. Лосев считает, что то, что в лице Иоанна Филопона александрийский неоплатонизм дошел до ересей тритеизма и монофизитства является вполне характерным для александрийцев[2]. Филопон был увлечен формальной логикой Аристотеля против диалектики Платона, и поэтому он не мог признать две разные субстанции в одной субстанции, т.к. пришлось бы использовать платонический принцип сверхсущего единства[3]. Поэтому он пришел к тому, что во Христе есть только одна субстанция – божеская, человеческой в нем нет. И из этих же убеждений он стал сторонником идеи о трех ипостасях в божестве, которых он характеризовал как трех разных богов, а не троичность единого Бога.

На наш взгляд, Филопон являлся новатором для своего времени, его идеи не могла сразу принять философская или богословская среда из-за их иногда резкости, критичности и, конечно, даже необычности. Например, в сочинении «О вечности мира против Аристотеля» он соглашается с Аристотелем в том, что космологическое движение обусловлено самой природой, и что существует 4 сферы – земля, вода,

---

[1] См.: Corollairies on place and void. With Simplicius, Against Philoponus on the Eternity of the World / transl. D. Furley, Chr. Wildberg. L., 1991.

[2] См.: *Лосев А.Ф.* История античной эстетики. Итоги тысячелетнего развития. Кн. 1. Харьков: Фолио, 2000. С. 42.

[3] Там же. С. 43.

огонь и воздух. Но, он утверждает, что всё имеет круговое движение, т.е., это естественное перемещение огня и воздуха, прямолинейного движения, о котором писал Аристотель, нет, а это значит, что не нужно постулировать существование отдельного, более божественного, пятого элемента – эфира[1]. Критика идей Аристотеля задевала интересы приверженцев платоновской школы – отсюда их жесткая критика уже самого Филопона.

Стефан Александрийский родился около 550-555 гг., а умер около 620 г. Он также преподавал в Александрийской школе, был близок к Иоанну Филопону, но, в отличие от него, сумел возглавить школу после смерти Олимпиодора. Он преподавал философию Аристотеля и Платона, а также арифметику, геометрию, астрономию, медицину и музыку. Стефан Александрийский – последний комментатор Аристотеля и Платона.

Также Стефан был призван императором преподавать в Константинополь и был назначен «вселенским учителем».

Что касается сочинений Стефана Александрийского, то до сих пор не установлен их точный список, что, несомненно, повышает интерес к этой личности. Он написал комментарии к «Об истолковании» и «Риторике» Аристотеля, к «Введению» Порфирия. Из медицинских сочинений наиболее важны комментарии к «Прогностикону» и «Афоризмам» Гиппократа, к «Терапевтике» Галена. Достоверных работ по астрологии, математике, музыке, риторике и грамматике до нас не дошло.

В своих комментариях к Аристотелю Стефан следовал христианскому преподаванию, но одновременно с этим подтвердил представление Аристотеля о вечности мира, существовании пятого элемента Аристотеля и других ключевых доктрин, которые лежат в основе учения традиционной платонической философской системы[2]. В отличие от Иоанна Филопона, Стефан Александрийский являлся в большей мере представителем классической философии, хотя тоже был христианином.

Фактически, Стефан стал последним схолархом Александрийской школы, которая была классической по содержанию и христианизированной по задачам. А.Ф. Лосев считает, что его деятельность - это уже даже не античная александрийская ученость, а деятельность вос-

---

[1] См.: Philoponus: Against Aristotle on the Eternity of the World / transl. Chr. Wildberg. L., 1987. P. 39.

[2] См.: *Болгов Н.Н., Болгова А.М.* Стефан Александрийский – последний схоларх // Проблемы истории, филологии, культуры. М.-Магнитогорск, 2016. С. 277 – 284.

ходящего Средневековья, и отождествляет Стефана Александрийского с закатом александрийского неоплатонизма[1].

ИМПЕРАТОР ИРАКЛИЙ В ПОЭЗИИ ГЕОРГИЯ ПИСИДЫ

Т.А. Нестеренко

В статье рассматриваются особенности отражения личности и деятельности византийского императора Ираклия в поэзии Георгия Писиды. Рассмотрены факторы, повлиявшие на специфику изображения Ираклия в поэзии Писиды.

Ключевые слова: Ранняя Византия, император Ираклий, Георгий Писида

EMPEROR HERACLIUS IN POETRY BY GEORGE OF PISIDIA

T.A. Nesterenko

The article deals with the features of the reflection of the personality and activity of the Byzantine emperor Heraclius in the poetry by George of Pisidia. There are considered the factors that influenced on the specificity of the image of Heraclius in the poetry by George of Pisidia.

Key words: Early Byzantium, Emperor Heraclius, George of Pisidia.

Ираклий I является одним из наиболее значительных императоров в истории Византии. За тридцатилетие правления (5 октября 610 - 11 февраля 641 гг.) ему удалось вывести империю из упадка, который последовал после смерти Маврикия и воцарения Фоки. Для империи эпоха императора Ираклия стала одним из бурных периодов, в результате которого государство утратило значительную часть своих территорий и переродилось внутренне. Именно поэтому император Ираклий и время его правления неизменно привлекают внимание исследователей истории Византии.

Важные сведения в исследовании правления Ираклия находятся в произведениях ранневизантийского поэта, гимнографа, полемиста Георгия Писиды (до 600 - между 631 и 634 гг.). Он родился, вероятно, в Антиохии Писидийской (на юго-западе Малой Азии). Георгий Писида служил диаконом и скевофилаксом (хранителем священных сосудов) в храме св. Софии в Константинополе, также был референдарием

---

[1] См.: *Лосев А.Ф.* История античной эстетики. Итоги тысячелетнего развития. Кн. 1. Харьков: Фолио, 2000. С. 58.

(хранителем печати) патриарха, позднее хартофилаксом (хранителем записей). По поводу последнего чина имеются сомнения, существует версия, что эта информация появилась в результате контаминации биографии Писиды с жизнеописанием другого Георгия, жившего позднее[1].

Георгий Писида принадлежал к окружению императора Ираклия, участвовал вместе с ним в 622-623 гг. в войне против персов, посвятил ему несколько панегирических поэм, составляющих большую часть его литературного наследия: «О возвращении Ираклия из Африки» (ок. 619-620 гг.[2]), «Персидская война» (622-623 гг.[3]), «Аварская война» (626 г.), «О воздвижении Святого Креста» (628-630-е гг.[4]), «Ираклиада» 628-630-е гг.[5]) и др. В этих произведениях, написаных на греческом языке, Георгий воспел победу византийцев над персами.

В 92 томе второго издания знаменитого сборника трудов Отцов Церкви «Греческая патрология» (Patrologia Graeca) опубликованы поэмы Георгия Писиды «Персидская война» (Georges Pisides. De Expeditione Persica (Patrologia Graeca 92, col. 1197-1260)), «Аварская война» (De Bello Avarico (Patrologia Graeca 92, 1259 -1294) и «Ираклиада» (Heraclias (Patrologia Graeca 92, col. 1297-1334)[6]. Здесь представлены не только греческие тексты, но и их перевод на латинский язык, снабжённый комментариями. Одними из наиболее известных являются публикации и комментированный перевод на итальянский язык, осуществлённый Агостино Пертуси[7], а также более поздний перевод его соотечественника Луиджи Тарталья[8]. На русский язык частично переведены лишь отдельные небольшие фрагменты указанных поэм[9].

---

[1] Свод древнейших письменных известий о славянах. Т.2. (VII-IX вв.) / Отв. ред. Л.А. Гиндин, Г.Г. Литаврин. М., 1995. С. 65.

[2] *Бибиков М.В.* Byzantinorossica: Свод византийских свидетельств о Руси. Т.II. Нарративные памятники. М., 2009. С. 81.

[3] Там же.

[4] *Сиротенко А.Д.* Менандр и Писида: к вопросу об изображении Императора Ираклия // Византийский временник. Т.73. М., 2014. С. 62-72.

[5] Там же.

[6] Patrologiæ cursus completus [Series Græca]: ... omnium ss. patrum, doctorum, scriptorumque ecclasiasticorum sive Latinorum sive Græcorum. T.92 / Ed. J.-P. Migne. P., 1860.

[7] Giorgio di Pisidia. Poemi. I. Panegirici epici / Ed. A. Pertusi // Studia patristica et byzantina, 7. Ettal, 1959. 322 p.

[8] Carmi di Giorgio di Pisidia / Ed. G. Tartaglia. Torino, 1998. 525 p.

[9] *Георгий Писида.* Аварская война. Ираклиада. На воздвижение Честного Креста / Свод древнейших письменных известий о славянах. Т.2. (VII-IX вв.) / Пер. С.А. Иванова. М., 1995. С. 65-75; *Георгий Писида*. Ираклиада. О воздви-

Георгия Писиду считают новатором в области поэтической формы, так как в своих произведениях эпического жанра он отказался от гекзаметра и перешел на ямбический триметр (двенадцатисложник), ставший впоследствии господствующим размером византийских поэтических произведений. Подобная реформа была связана с изменениями, произошедшими в греческом произношении ко времени жизни автора[1]. Также творчество Писиды отражает победу медиевальных принципов в поэзии, пришедших на смену классическим.

По мнению исследователей, поэмы Георгия Писиды написаны в соответствии с топологическим подходом, являвшимся неотъемлемой частью греческой риторической культуры, которая была основой византийской риторической традиции вплоть до X-XI вв.[2]

Подход основан на вычленении некоторых подобных категорий («мудрость», «сдержанность», «справедливость» и др.) и они, «являясь бесконечно воспроизводимыми положениями[3]» определяют всё многообразие явлений. Такие «общие места» служили восхождению от конкретных проявлений действительности в неким общим универсалиям.

Особое место при этом имело сравнение (синкрисис), направленное на осуществление этой сверхзадачи. Именно поэтому у Писиды мы находим множественные сравнения императора Ираклия с персонами классической традиции - Гераклом, Ахиллом, Александром Македонским и проч., а также традиции христианской – императором Константином, Иисусом и т.д. В связи с этим, автора поэм интересовал скорее мир идей, чем мир конкретной исторической действительности.

Вместе с тем, по мнению А.Д. Сиротенко, в произведениях этого автора содержится много непосредственно исторических сведений, которые «рассыпаны по поэмам Писиды и часто непосредственно соседствуют с обширными риторическими излияниями поэта[4]».

Например, во фрагменте поэмы «Ираклиада», автор упоминает о взятии Ираклием столицы Армении Двина в 623 г. в ходе первого персидского похода:

жении Святого Креста // *Сиротенко А.Д.* Менандр и Писида: к вопросу об изображении Императора Ираклия // Византийский временник. Т.73. М., 2014. С. 62-72.

[1] Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. 2 (VII-IX вв.). С. 65.

[2] *Angelov D.* Imperial Ideology and Political Thought in Byzantium, 1204 – 1330. Cambridge, 2007. P. 86-91.

[3] *Аверинцев С.С.* Риторика и истоки европейской литературной традиции. М., 1996. С. 159.

[4] *Сиротенко А.Д.* Указ. соч. С. 67.

Твои увлекающие за собой слова вели их [войска]
Также, как если бы кто одной ртутью
Притягивал и собирал золотые куски
Но я умолчу о переправе через Евфрат,
Устремившись на которую, ты перешел полноводный Евфрат,
А также решительно и после тягостных трудов
Взятый как бы между делом Двин

(Heraclias (Patrologia Graeca 92, col. 1327[1]).

Данный факт подтверждается и в «Истории императора Иракла» епископа Себеоса (VII в.)[2]. В данном случае, риторические отступления не мешают восприятию конкретной исторической информации[3].

В то же время, по мнению исследователей, и сами эти риторические описания могут нести в себе ценную для исторического исследования информацию, как, например, сравнивая Ираклия с Александром Македонским, автор передаёт нам информацию об эсхатологических ожиданиях после блестящих побед, распространившихся у людей в связи с ощущением того, что в мире осталась одна держава[4].

Таким образом, произведения Георгия Писиды, посвященные эпохе императора Ираклия, являются ценным источником в исследовании личности и деятельности правителя.

Особенно важно в данном аспекте то, что Георгий лично знал императора и участвовал в персидских походах, являясь очевидцем описываемых событий.

В то же время, поэтическая форма изложения, включающая в себя классический, позднеантичный и библейский пласты, и присущие ей многочисленные риторические отступления, требуют отдельного внимания при анализе данных произведений в историческом исследовании. Это значительно затруднено, ввиду отсутствия полнотекстового перевода произведений Писиды на русский язык.

При обращении к поэмам Георгия в качестве исторического источника следует обращать внимание на особенности авторского стиля, а также проводить сравнения с текстами других источников, таких как, «История императора Иракла» епископа Себеоса (VII в.), «Пасхальной Хроники» анонимного автора и т.д.

---

[1] Там же. С. 68.

[2] *Себеос.* История императора Иракла / Пер. с армянского Патканова. СПб., 1862. С. 102.

[3] *Сиротенко А.Д.* Указ. соч. С. 68.

[4] Там же.

ПАСХАЛЬНАЯ ХРОНИКА VII В.

А.Н. Гринёва

В статье рассматривается анонимное сочинение «Пасхальная хроника», которое охватывает всемирную историю от сотворения мира до правления императора Ираклия. Общепринятое название хроники дано Дюканжем по пасхальным таблицам, изображённым на оборотной стороне двух листов рукописи. Изложение «Пасхальной хроники» представлено в строго ортодоксальном, библейском духе. Значение этой хроники для средневекового летописания состояло, прежде всего, в том, что в ней давалось руководство по установлению даты пасхалий: отсюда — и самое название хроники.

Ключевые слова: Пасхальная Хроника, Византия, византийская хронография.

THE PASCHAL CHRONICLE BY VII C. AD.

A.N. Grineva

The article deals with the anonymous treatise - «The Paschal Chronicle», - which covers the world history from creation of the world to the reign of the emperor Heraclius. The standard name of the chronicle is given by Du Cange according to the paschal tables, which were represented on the back two sheets of the manuscript. The Statement of «The Paschal Chronicle» is presented in strictly orthodox, bible spirit. The value of this chronicle for medieval annals is that there was the manual for establishment of date of Easter: so, the name of the chronicle is connected directly.

Key words: The Paschal Chronicle, The Byzantine Empire, Byzantine chronography.

«Пасхальная хроника» – это анонимная хроника, которой также приписывают такие названия как Александрийская хроника, Константинопольская хроника и Сицилийские фасты. Пасхальная хроника имеет прямую связь с французским филологом Дюканжем (1610-1668), давшим ей название, ориентируясь на пасхальные таблицы, которые были начертаны на обратной стороне двух листов содержащей ее рукописи.

Основной текст хроники дошел до наших дней в виде греческой рукописи XI века, которая также известна как «Ватиканский кодекс № 1941», и несколькими ее списками XVI в. Рукопись представлена четырьмя листами спереди и тремя сзади, но, несмотря на такой объем, у нее отсутствует начало и конец. Хроника заканчивается описанием

событий 628 г. В середине Ватиканский кодекс имеет несколько пропущенных эпизодов в объеме от одного листа до нескольких[1.]

«Пасхальная хроника» была составлена к 630 году. Как известно, это был переломный момент не только византийской истории, но и всего христианского мира. Именно в это время, при императоре Ираклии, Византийская империя в трудной борьбе с зороастрийским Ираном оказалась на грани гибели, но в итоге выстояла и одержала блестящую победу. Честной Крест Господень был торжественно возвращен из персидского плена в Иерусалим. Данное событие и является завершающим моментом «Пасхальной хроники».

Вопрос авторства «Хроники» является довольно-таки дискуссионным. Существует мнение, что ее создатель являлся не просто историком, но и богословом, главной целью которого было составление новой хронологии, по его собственным словам, во всем согласованной со Священным Писанием и церковным преданием.

Пролог «Пасхальной хроники» - это первая часть произведения, посвященная вопросу новой системы летосчисления, в которой творение мира отнесено к марту 5509 г. до н.э. Пролог представлен самостоятельным произведением, которое содержит подборку цитат из Библии и творений Святых Отцов (многие из них уникальны). Изучению Пролога посвящена обстоятельная работа французских византинистов, что нашло отражение в обстоятельном комментарии к переводу.

Автор своеобразно разработал новую мировую эру и счел необходимым привести в соответствие с ней всю нить мировой истории, чему послужила вторая часть «Пасхальной хроники», которая получила название «Эпитома времен». В современной публикации повествование Эпитомы доходит от Адама до Фарры, отца Авраама. Значительные трудности, возникающие в процессе перевода сочинений такого рода перед современным переводчиком, естественно, замедляют процесс изучения «Пасхальной хроники». Ввиду этого, предполагается активное применение материалов различных иных источников, а также знание предшествующей хронологической традиции. Все это необходимо для того, чтобы не распутывать противоречия и непоследовательности, неизбежные в компилятивных сочинениях. Помимо этого грандиозная панорама всемирной истории требует множества фактической информации, ориентирующей читателя в исторических реалиях самых разных стран и эпох.

---

[1] *Чичуров И.С.* Византийские исторические сочинения; «Хронография» Феофана, «Бревиарий» Никифора. Тексты, перевод, комментарий. М., 1980. С. 216.

Материал «Пасхальной хроники» можно разделить на три части: «время», «событие», «комментарий». Время является главной частью в этой триаде. Вторая часть - событие, другими словами, история, является указателем времени, и третья часть - комментарий, который часто оказывается чужим текстом, касается и определителей времени, и событий (весьма редко), и деятелей ветхозаветной и новозаветной истории (пророков, апостолов, святых)[1].

Поток времени в «Пасхальной хронике» описан различными способами. Например, до Авраама время описано по поколениям, а начиная с Авраама автор разделяет время по правлениям, каждое из которых, в свою очередь, делится далее по годам, как принято в хронике. Таким образом, начиная с Авраама, можно весь текст разделить на правления (патриархов, царей, императоров), а период правлений разделен по годам.

ПАВЕЛ ЭГИНСКИЙ – АЛЕКСАНДРИЙСКИЙ ВРАЧ И СХОЛАРХ

А.М. Болгова

Работа представляет собой первый в отечественной историографии биографический очерк и краткий анализ трудов последнего крупного представителя медицинской традиции и главы школы Павла Эгинского.

Ключевые слова: Павел Эгинский, врач, Александрия, Византия.

PAUL OF AEGINA - ALEXANDRIAN PHYSICIAN AND SCHOLARCH

A.M. Bolgova

The work is the first biographical sketch and a brief analysis in Russian historiography of the works of the last major representative of the medical tradition and the head of the school, Paul of Aegina.

Key words: Paul of Aegina, physician, Alexandria, Byzantium.

Павел Эгинский - ранневизантийский врач, преподаватель и писатель VII в.[2] Относительно точных дат его жизни у специалистов нет единства. Среди наиболее часто встречающихся вариантов - 607-690 и

---

[1] *Романова А.А.* Древнерусские календарно-хронологические источники XV-XVIII вв.. СПб., 2002. С. 87.

[2] Paulus 65 // PLRE III. P. 986.

625-695 гг. Обе датировки принципиально не противоречат друг другу[1].

Павел родился на острове Эгина близ Афин, который был знаменит в классическую эпоху истории Древней Греции.

Об основных событиях в жизни Павла почти ничего не известно, за исключением того, что он много путешествовал, как и другие позднеантичные врачи, неоднократно посещая, среди прочих мест, Александрию[2].

В Александрии же Павел получил медицинское образование. Здесь он, закончив обучение в знаменитой медицинской школе, стал ее преподавателем; вполне возможно, что он был и ее руководителем - схолархом[3]. Здесь же развернулась его научная и практическая деятельность.

Александрийская медицинская школа, учрежденная еще Птолемеями, в Ранней Византии пользовалась огромной популярностью. Учиться в ней стремились все желающие стать врачами в империи. Сергий Решайнский, Орибасий, Кесарий, Иаков, Аэций Амидский, Гесихий, Дамаский, Асклепиодот, Палладий, а также менее известные врачи получили свое образование в Александрии. Арабы, захватившие город, не закрыли медицинского училища, и оно продолжало функционировать, по меньшей мере, до конца VII - начала VIII в.[4]

Павел был очень искусным хирургом и признан одним из самых известных византийских врачей, внесшим наибольший вклад в хирургию. Врач с острова Эгина брался за самые трудные случаи, опираясь на опыт своих александрийских наставников. Интересно, что в этом отношении он как бы дополняет Александра Тралльского, который всячески старался избегать случаев, связанных с хирургией.

Работа ранневизантийских врачей в целом является важной демонстрацией медицинской практики и, в частности, видимого прогресса в хирургии, несмотря на снижение уровня научного мышления и

---

[1] Точное время, когда он жил, неизвестно; но, так как он цитирует Александра Тралльского, и сам цитируется Яхьей ибн Сарафюном (Серапион Старший), вероятно, что Абу-аль-Фарадж прав, помещая его в середину - вторую половину VII в.

[2] Византийский словарь: в 2 т. / [сост., общ. ред. К.А. Филатова]. СПб.: Амфора, РХГА, Издательство Олега Абышко, 2011, т. 2. С. 160-161.

[3] *Nuland S.B.* The Unknown Teacher - Paulus Aegineta // The Seven Books of Paulus Aegineta. Birmingham, Alabama: Gryphon Editions, Ltd., 1985.

[4] Культура Византии. IV – первая половина VII вв. М., 1984. С. 425-426.

уменьшение научных экспериментов и наблюдений на протяжении ряда веков после Галена[1].

Павел продолжал преподавать медицину и после захвата города арабами в 642 г. Его называют «ятрософистом» и «периодевтом», что, вероятно, означает врача, который путешествовал с места на место во время своей профессиональной деятельности. Следует признать, что эти поездки продолжались и при власти арабов, которые испытывали к нему глубокое уважение.

Павел в огромной степени повлиял на восточную (арабскую и сирийскую) медицинскую традицию[2].

Он был автором медицинской работы в семи книгах (Ἐπιτομῆς ἰατρικῆς βιβλία ζ'; Compendii medici libri septem)[3], опубликованной в *GMG* IX, 1921-1924[4]. Другая небольшая сохранившаяся работа (Περί οὔρων – О моче), до сих пор остается в манускрипте (см. Christ-Schmid-Stählin VII ii 2, p. 1099, и Hunger, Prof. Lit. II, p. 302)[5]. Сочинение по акушерству и гинекологии не сохранилось.

Арабская научная традиция приписывает Павлу 3 сочинения: по общей медицине, гинекологии, токсикологии.

Из трудов Павла наиболее известно «Краткое изложение медицины» в 7 книгах, своеобразная медицинская энциклопедия своего времени. Эта работа является, главным образом, компиляцией из более ранних авторов; в ней много заимствований из сочинений Галена и Орибасия. Павел Эгинский здесь, в частности, следовал Гиппократу, его идеи основывались на трудах Галена и влияли не только на его собственные, но и на последующие поколения. Вместе с тем, в ней приводятся важные сведения по гигиене и диетологии, данные о различных болезнях, ранах и укусах ядовитых существ и противоядиях, о хирургии того времени, а также о простых и многокомпонентных лекарственных средствах, в интерпретации самого Павла[6].

---

[1] *Berrin Okka*. Aeginali Paul: Bizans döneminde ünlü bir cerrah ve tıp doktoru // Genel Tıp Dergisi 2015. 25(1). P. 33-39.

[2] *Pormann, Peter E*. The Oriental Tradition of Paul of Aegina's Pragmateia. Leiden: Brill, 2004.

[3] Суда говорит, что Павел написал несколько медицинских работ, основная из которых сохранилась без точного названия, но обычно называется «Медицинский сборник в семи книгах» (имеется цифровое немецкое издание Университета и Государственной библиотеки Дюссельдорфа).

[4] *Heiberg, Johan Ludvig (éd.*). Paulus Ægineta. Libri I-IV, 1921; Libri V-VII, 1924 (Corpus medicorum Græcorum). Leipzig: Teubner.

[5] PLRE III. P. 986.

[6] Наряду с высокими оценками наследия Павла в восточной традиции, весьма распространен взгляд о том, что на смену множеству великих имен врачей II

Книга включала и сведения, полученные Павлом в результате практической деятельности. Сочинение отличалось краткостью, ясностью и доступностью изложения. Предназначенное для учебных целей, оно, в то же время, содержало необходимую информацию и для врачей-практиков[1].

В первой книге можно найти всё, что относится к гигиене, а также к соблюдению и исправлению диеты, характерной для разных возрастов, времен года, темпераментов и т.д.; а также характеристики и возможности использования различных продуктов питания.

Во второй книге объясняется учение о лихорадке, включая рассказы о некоторых частных вопросах, связанных с ней - критические дни и другие проявления, заключая некоторыми симптомами, которые являются сопутствующими лихорадке.

Третья книга касается актуальных аффектов, начиная с затылка головы и, как бы спускаясь вниз, - до ногтей ног.

В четвертой книге рассматриваются те жалобы, которые являются внешними и подвергаются воздействию, и не ограничиваются одной частью тела, но затрагивают различные части.

Пятая книга относится к ранам и укусам ядовитых животных; также о гидрофобии, и людях, укушенных собаками, заболевших бешенством, и тех, кто не заболел им; а также о людях, укушенных людьми.

В шестой книге содержится всё, что касается хирургических операций, как то, что касается мясистых частей и случаев, таких как извлечение обломков оружия, так и костей - переломы и вывихи.

Фармацевтике и фармакологии посвящена 7-я книга «Изложения». Здесь содержится свод сведений о свойствах всех лекарств, сначала простых, а затем и сложных, особенно тех, которые упомянуты в предыдущих шести книгах, и особенно знаменитых препаратов. К концу книги относятся определенные вещи, связанные с составом лекарственных средств, и тех, которые могут быть заменены, и в целом - с учетом весов и мер. Павел достаточно точно описал 90 минералов и металлов, около 600 лекарственных средств из растительного сырья и около 170 продуктов животного происхождения, применяемых в лекарственных препаратах.

века (Гален, Руф, Соран) и их интересам и идеям, IV-VII столетия дают лишь узкий круг авторов - компиляторов, энциклопедистов - которые ценны не сами по себе, а ради более ранних источников, которые они используют (Орибасий, Аэций, Александр, Павел). Крайняя точка зрения, как правило, неправа.

[1] Культура Византии. IV – первая половина VII вв. М., 1984. С. 427.

Самая важная часть работы Павла в истории медицины, имеющая наибольшую ценность, содержится в его шестой книге по хирургии[1]. Она позволяла составить представление о возможностях этой медицинской специальности. Павел рассмотрел, пожалуй, все разделы современной ему хирургии - малую хирургию, проблемы лечения повреждений, прежде всего таких, как переломы и вывихи, вопрос о производстве ампутаций, а также военную, пластическую и даже полостную хирургию. Основываясь на сочинениях своих предшественников, а также на собственном опыте, он проанализировал состояние и возможности хирургии, особо выделив хирургию мягких и плотных (кости, суставы) частей, т.е., собственно хирургию и тот ее раздел, который впоследствии назвали травматологией и ортопедией.

В сочинении Павла были описаны многие хирургические операции[2]. Это были прокол живота при водянках различного происхождения, вскрытие абсцесса печени, трахеотомия[3] и тонзиллотомия, вылущивание опухолей на передней поверхности шеи, грыжесечение, трепанация черепа, операции на заднем проходе, ампутация грудной железы, лигатура сосудов при аневризмах и др.

В его книге представлены оригинальные описания процедур, включая литотомию, герниотомию, парацентезис. Павел объяснил некоторые другие хирургические процедуры, такие как хирургия глаза, удаление зубов, удаление миндалин, удаление полипов из носа. Все эти достаточно сложные оперативные вмешательства Павел, судя по всему, часто применял в своей хирургической практике, хотя сам он был автором лишь нескольких из них. При болезнях мочевого пузыря он первым ввел в практику метод впрыскивания растворов лекарств через катетер, а для удаления камней из мочевого пузыря применял операцию бокового сечения, делал он и уретротомию.

Большое внимание Павел уделял ранам, полученным в боевых действиях. Так, при лечении ран, возникших из-за попадания стрел и копий, их наконечники рекомендовалось удалять - извлекать через рану или проводить насквозь с рассечением тканей при помощи специального инструмента. Если же ранящее оружие (стрела или копье)

---

[1] *Gurunluoglu R., Gurunluoglu A.* Paulus Aegineta, a seventh century encyclopedist and surgeon: his role in the history of plastic surgery // Plast Reconstr. Surg. 2002. 110 (6). P. 1600-1601.

[2] *Das A.* A Textual Note on Paul of Aegina, Pragmateia 6.88 // CQ. 64. 2014. P. 868–870.

[3] *Serletis D.* Paul of Aegina and Tracheostomy // The Proceedings of the 10th Annual History of medicine days. Kalgary, 2001. P. 26-30.

застревало в крупных сосудах, хирург должен был предварительно произвести перевязку этих сосудов.

Для остановки кровотечения, кроме перевязки сосудов, Павел использовал и другие известные тогда кровоостанавливающие средства - прижигание, скручивание, закладывание в раны сухой корпии, давящие повязки, перетягивание конечности бинтом наподобие жгута.

Немало полезного содержалось и в других его сочинениях, посвященных гигиене и диететике, общей патологии, симптоматологии, кожным болезням, действию лекарств и ядов, женским болезням. Описание операции по удалению грыжи аналогично современной технике: «После того, как сделать разрез шириной в три пальца поперек опухоли в паху и удалить мембраны и жир, надо обнажить брюшину в середине, где она поднимается, и приложите ручку зонда, чтобы кишки были прижаты глубоко вниз. Затем брюшина, прижатая с каждой стороны ручками зонда, должна быть соединена вместе швами, а затем мы извлекаем зонд, не разрезаем брюшину и не удаляем ничего, и зашиваем с помощью средств, используемых для свежих ран».

В последующем в развитии хирургии (и медицины в целом) в Византии не появилось ничего принципиально нового по сравнению с тем, о чем писали в своих сочинениях Павел Эгинский и его предшественники, и что они использовали в своей хирургической практике[1]. Это была самая полная и, в то же время, компактная, энциклопедия всех медицинских знаний того времени[2].

Репутация Павла в исламском мире была очень велика. Считалось, что его особенно интересовало акушерство, откуда он получил имя Аль-Кавабели («Акушер»)[3]. Арабские писатели полагали, что он написал произведения «De Mulierum Morbis» («О болезнях женщин») и «De Puerulorum Vivendi Ratione atque Curatione» («О маленьких детях, их образе жизни и лечении»). Его основная работа была переведена на арабский язык Хунайном ибн Исхаком в IX в. «Изложение» очень высоко оценивалось в мусульманской медицине. Особенным авторитетом у арабских врачей пользовалась 6-я книга этого труда, посвященная хирургии.

Около 800 г. в Северной Италии на латинский язык была переведена 3-я книга «Краткого изложения медицины». В разных странах Европы солидный труд по хирургии Павла Эгинского многие столе-

---

[1] *Briau R.* Chirurgie de Paul d’Egine. Paris: V. Masson, 1855.

[2] *Daremberg, Charles Victor.* La medicine. Historie et doctrines; Paul d'Egine et les compilateurs. Parigi: Bailliere et fils, 1865.

[3] *Remo S.* Obstetrics and gynecology in the work of the Byzantine Paul of Aegina and the Arab Albucasis // Minerva Med. 1967. 58. P. 4118-4131.

тия, вплоть до XVII в., использовался и как учебное руководство для студентов-медиков в университетах, и как практическое руководство для врачей-хирургов. На Западе сочинения Павла Эгинского нашли вторую жизнь в эпоху Ренессанса. Его радикальные методики, описанные в разделе «Хирургия», преподавались в качестве классических во многих европейских университетах.

Вся работа в оригинальном греческом виде была опубликована в Венеции в 1528 г., а другое издание появилось в Базеле в 1538 г. Было издано несколько латинских переводов. Его первый полный перевод на английский язык был издан Фрэнсисом Адамсом в 1844-1847 гг.[1] , что сегодня делает сочинения Павла наиболее доступными среди наследия всех ранневизантийских врачей.

В историографии новейшего времени Павел совершенно не привлекал историков. Единственная монография посвящена его влиянию на Востоке[2]. В последние годы появились лишь некоторые работы о нем историков медицины, причем, что любопытно, в Турции[3].

На этом фоне отрадно отметить, что наследие Павла Эгинского не прошло совсем незамеченным в России[4]. Однако, с момента выхода (двух) единственных специальных работ об этом авторе прошло, увы, более ста лет.

Между тем, среди ранневизантийских врачей Павел был фактически последним[5] и самым заметным. Арабы изучали, переводили и находились под сильным влиянием его сочинений и произведений[6]. Его четких указаний в книге достаточно, чтобы оценить, какой он был великий врач. Объяснения, которые он дал по каждой теме, настолько

---

[1] *Adams, Francis*. The seven books of Paulus Aegineta. Vol. 1-3. 1844, 1846, 1847. Printed for the Sydenham society, London.

[2] *Pormann, Peter E*. The Oriental Tradition of Paul of Aegina's Pragmateia. Leiden: Brill, 2004.

[3] *Gurunluoglu R., Gurunluoglu A*. Paulus Aegineta, a seventh century encyclopedist and surgeon: his role in the history of plastic surgery // Plast Reconstr. Surg. 2002. 110 (6). P. 1600-1601; *Berrin Okka.* Aeginali Paul: Bizans döneminde ünlü bir cerrah ve tıp doktoru // Genel Tıp Dergisi 2015. 25(1). P. 33-39.

[4] *Бекштрем А.Г.* Погибшая рукопись Павла Эгинского // Журнал Министерства народного просвещения. СПб., 1898, авг., отд. V. С. 66-112; сент., с. 113-114; *Бекштрем А.Г.* К оценке руководства Павла Эгинского // ЖМНП. СПб., 1913, май, отд. V. С. 209-221.

[5] Его современник Александр Тралльский работал преимущественно в Риме, а время жизни Феофила Протоспафария точно не установлено и колеблется в оценках специалистов от времени Ираклия до X в.

[6] *Moseley G*. Paul Of Aegina, Pragmateia 6.88 and the Evidence of Avicenna’s QĀNŪN // RhM 159. 2016. P. 439-442.

же полны и точны, как и в любой современной книге по хирургии и медицине. Хирургические методы, которые он описал, не сильно отличаются от существующих ныне методов и также очень продвинуты по сравнению с общими методами того времени.

Таким образом, изучение наследия Павла Эгинского в контексте истории ранневизантийской культуры ныне весьма актуально, причем не только с точки зрения истории медицины, но и истории образования, учитывая, что «Эпитома» Павла – учебный труд, а сам он руководил Александрийской высшей медицинской школой и преподавал частнным образом, как и все прочие позднеантичные врачи.

ПРИЛОЖЕНИЕ.

Вступление к «Эпитоме медицины» Павла Эгинского (перевод).

«Дело не в том, что более древние писатели опустили что-то по отношению к врачебному искусству так, что я сочинил эту работу, но я сделал это для того, чтобы дать точный курс обучения. Ибо, наоборот, каждое дело обрабатывается ими надлежащим образом и без каких-либо упущений, в то время как современники не только, в первую очередь, пренебрегают изучением их, но также обвиняют их в многозначности. Поэтому я взял на себя сочинить следующий трактат, который, как он есть, послужит комментарием для тех, кто может посоветоваться с ним, пока он окажется для меня упражнением.

Ибо замечательно, что юристы должны обладать компромиссными и, как они их называют, популярными юридическими синопсисами, в которых содержатся главы всех Законов, чтобы служить для немедленного использования, в то время как мы пренебрегаем этими вещами, хотя у них есть это, обычно в их силах отложить исследование какого-либо пункта в течение значительного времени, тогда как мы редко это делаем; потому что во многих случаях необходимость требует, чтобы мы действовали быстро, и поэтому Гиппократ правильно сказал: «Коротко лето».

Поскольку их [юристов] дела обычно ведутся посреди городов, где имеется множество книг, врачи же должны действовать не только в городах, но и в полях, и в пустынных местах, и в море на борту кораблей, где такие болезни иногда внезапно вспыхивают, так как в случае промедления может произойти смерть или, по крайней мере, подвергнуть больного самой непосредственной опасности. Но запомнить все правила исцеляющего искусства и все связанные с ним вещества, чрезвычайно сложно, если не совсем невозможно.

В связи с этим я собрал эту Эпитому из произведений древних, а также немного поместил сюда свой собственный опыт, за исключе-

нием нескольких вещей, которые я видел и пытался использовать в практике врачебного искусства. Ведь я знаком с самыми выдающимися писателями во врачебной профессии и, в частности, с Орибасием, который в одной работе дал избранный взгляд на все, что касалось здоровья (он жил после Галена и нескольких более новых авторов). Я собрал то, что было лучшим у них, и попытался, если возможно, не пройти мимо даже какой-то одной болезни.

В труде Орибасия, осмысливающего медицину в 70 книгах, действительно содержится изложение всего врачебного искусства, но его нелегко изучить за счет его объема, в то время как его же эпитома, адресованная его сыну, Евстафию, излагает болезни, и дает лишь несовершенное описание прочего, иногда причины и диагноз у него опущены, а иногда и забыт надлежащий план лечения, а также другие подобные вещи, насколько я помню.

Поэтому настоящая работа будет содержать описание, причины и лечение всех заболеваний, независимо от того, расположены ли они в частях однородного свойства, в частности, органах, или даны непрерывно, и, что не просто, в обобщенном виде, а длинны насколько возможно. Но, прежде всего, мы дадим изложение всех вещей, относящихся к здоровью и режиму дня. В последней книге содержится свод простых и сложных лекарственных средств».

«КОНКУРСЫ НЕВЕСТ» В ВИЗАНТИИ

М.Г. Сапожникова

В статье рассматривается историчность смотров невест в Византийской империи. Анализируются мнения исследователей, полагающих, что «конкурс невест» - всего лишь вымысел или топос. Уделяется внимание источникам, повествующим о данном обычае.

Ключевые слова: Византия, император, «конкурс невест».

"COMPETITIONS OF THE BRIDES" IN BYZANTIUM

M.G. Sapozhnikova

The article examines the historicity of the brides’ reviews in the Byzantine Empire. There are analyzed the opinions of researchers who believe that the «competition of the brides» are just a fiction or topos. There is an attention is paid to the sources that tell about this custom in this article.

Key words: Byzantium, emperor, «competition of the brides».

«Конкурс невест» в Византии как обычай является, безусловно, историческим, хотя многие исследователи ставят это под сомнение. Шведский филолог Леннарт Райден, например, утверждал, что смотры невест как исторические события были вымышлены[1]. Такая критика этого явления требует детального рассмотрения этого вопроса.

Семь независимых источников византийского происхождения сообщают, что пять раз в VII–IX вв. победительницы соревнования среди прекрасных женщин становились невестами императоров или будущих императоров. Эти источники, четыре из которых написаны современниками, включают две хроники, Речь императора Льва VI (882-912), и четыре жития святых.

Однако есть основания полагать, что «конкурс невест» был известен ещё в V в. Первым источником, содержащим упоминание о смотре невест, является «Хронография» Иоанна Малалы. Он пишет о женитьбе императора Феодосия II. Август пожелал вступить в брак и повелел своей сестре Пульхерии найти ему супругу. Молодой царь поставил два условия: во-первых, будущая жена должна была обладать красотой; во-вторых, должна быть девственницей. После этого Пульхерия разослала во все концы страны гонцов. В поисках ей также содействовал Павлин - друг детства Феодосия. Случай помог решить данную проблему. Дочь афинского философа Леонтия добилась аудиенции августы, чтобы добиться справедливости в дележе наследства[2].

Пульхерия обратила внимание на красноречие и красоту девушки и позволила ей войти к императору. Брату она сказала: «Я нашла очень красивую юную женщину, изысканную, с хорошей фигурой, красноречивую, из Эллады, девственницу и дочь философа» (Malal. XIV. 352). Феодосий влюбился в Афинаиду с первого взгляда и остановил свой выбор на ней. Девушку крестили, дав ей имя Евдокия[3]. После этого император незамедлительно женился на ней.

Джулия Берман считает повествование Малалы в основном вымыслом, хотя полностью достоверности не отрицает[4], особенно тот факт, что без ведома сестры императора брак совершиться не мог.

---

[1] См.: *Rydén L.* The Bride-Shows at the Byzantine Court – History or Fiction? // Eranos. 83. 1985. P. 175–191.

[2] *Дашков С.Б.* Императоры Византии. М.: Красная площадь, 2015. С. 302.

[3] *Александрова Т.Л.* Императрица Афинаида-Евдокия: путь к трону // ПИФК. 2017. № 1. С. 76.

[4] *Burman, Julia.* The Athenian Empress Eudocia // Post-Herulian Athens. Aspects of Life and Culture in Athens A.D. 267—529. Helsinki, 1994. P. 63-87.

Считает вполне достоверным рассказ хронографа и Алан Кэмерон[1]. Он полагал, что Евдокия действительно была изгнана братьями и попала на приём к Пульхерии. Но прибыла она из Александрии.

О втором«конкурсе невест» (свадьба состоялась в ноябре 788 г.) сообщается в «Житии святого Филарета Милостивого», написанном внуком Филарета, Никитой Амнийским. Автор датирует свою работу 821/22 гг., когда он был в изгнании, о котором по неизвестной причине не упоминает. Его дед св. Филарет был провинциальным землевладельцем в Пафлагонии, он полностью разорился, когда раздал остатки богатства нуждающимся. Согласно «Житию», его внучка Мария была выбрана в качестве претендентки в невесты императора Константина VI посланниками, посетившими её поселение в Амнии во время отбора кандидаток. Смотрины состоялись в Константинополе. Мария была выбрана в жёны императору его матерью, императрицей Ириной (Vita Philareti, 231).

Л. Райден критикует историческую ценность работы Никиты Амнийского. Он считает, что у автора было три цели: скрыть неудачу своей двоюродной сестры в браке с Константином VI (союз закончился разводом в 795 г.); угодить Михаилу II, женой которого стала дочь бывшей императрицы Евфросиния; рассказать красивую историю[2]. Первые два мотива, однако, не требовали каких-либо искажений или упущений в «Житии святого Филарета», потому что оно заканчивается смертью святого в 792 г., т.е., до развода. Михаил женился на Евфросинье в 824 г., по крайней мере, через два года после написания труда Никиты, хотя многие исследователи настаивают на том, что «Житие» являлось своеобразным «свадебным подарком», и автор надеялся на возвращение из ссылки.

Источником для третьего «конкурса невест», где сообщается о предшествующей свадьбе 20 декабря 807 г., была хроника Феофана Исповедника. Этот источник был составлен Феофаном из материалов, которые собрал Георгий Синкелл. Хроника составлена только пять или шесть лет спустя после смотрин, между сентябрём 813 г. и декабрём 814 г. Согласно хронике, император Никифор I созвал девушек со всей империи, чтобы выбрать жену для своего сына Ставракия. Из всех претенденток Никифор остановил свой выбор на Феофании Афинской, родственнице императрицы Ирины. Автор очерняет императора, пишет, что Феофания уже была замужем, и Никифор «развел их, и выдал

[1] См.: *Cameron A.* The empress and the poet: Paganism and Politics at the Court of Theodosius II // Yale Classical Studies. 1982. Vol. 27. P. 217-289.
[2] *Rydén L.* Op. cit. P. 180-181.

ее за несчастного Ставракия, бесстыдно нарушая закон, как всегда, так и теперь» (Theophanes 483).

Есть версия, что хронограф специально включил эпизод с «конкурсом невест», чтобы дискредитировать Никифора. Если император решил связать свою династию родственными узами с императрицей Ириной, то для чего устраивать «конкурс невест», если Феофания была уже обручена и красотой не отличалась? Даже признавая, что хронограф «пишет об этом методе выбора невест как о традиционном, Л. Райден утверждает, что нет предшествующих записей, подтверждающих это событие, а «Житие Филарета» написано позже и ненадёжно. Согласно исследователю, сюжет о смотре невест был позаимствован из литературы, правда, он не указал, из какой конкретно. Однако даже если Феофания была выбрана заранее и не являлась девственницей, и не была хороша собой, то «конкурс невест» позволил Никифору продемонстрировать её добродетель и красоту, устроив её победу над самыми добродетельными и красивыми девушками в империи. Кроме того, по всей вероятности, Феофан Исповедник сочинил историю любовной связи Никифора с Феофанией. Император вряд ли выставил бы своего сына на посмешище или захотел бы иметь внука сомнительной легитимности.

Тем не менее, тот факт, что хроника упоминает смотр невест как признанный обычай, подтверждает историчность рассматриваемого события. Автор, должно быть, вспоминал фактическое событие, а не его упоминание как в «Житии Филарета».

О четвёртом смотре невест, который привел к свадьбе 5 июня 830 г., говорится в двух источниках - в Хронике Симеона Логофета и в Житии святой Феодоры. Хотя Логофет составил свою хронику позже 948 г., он, вероятно, взял часть с описанием «конкурса невест» из одного надёжного источника, написанного между 855 и 865, т.е., на 25-35 лет после свадьбы[1]. Житие Феодоры составлено позднее 867 г. Оба источника говорят, что девушки были отобраны из разных мест империи для того, чтобы принять участие в смотре невест для молодого императора Феофила.

Симеон добавляет, что девушек отобрала Евфросинья, вдова Михаила II и мачеха Феофила. Она дала пасынку золотое яблоко, чтобы он подарил избраннице. Увидев одну прекрасную участницу, поэтессу Кассию, Феофил заметил, что зло приходит к мужчине через женщину. Кассия ответила, что и лучшие вещи перешли от женщины.

---

[1] См.: *Treadgold W.* The Chronological Accuracy of the Chronicle of Symeon the Logothete for the Years 813–845 // DOP. 33.1979. P. 171–194.

Феофил выбрал Феодору. Житие показывает Феодору настоящей героиней. Когда император раздал всем участницам яблоки (настоящие), она была единственной из всех девушек, которая держала два яблока; второе - подарок монаха из Никодимии (он предсказал ей всё это).

Не стоит упускать из виду тот факт, что в подобных случаях красота невесты так же важна, как и благочестие, и православие. Стоит обратить внимание на то, что эти два источника, с их коренным различием описания события, не могут происходить из одного литературного источника, поэтому являются независимыми сообщениями о смотре невест.

«Конкурс невест» 855 г., как и 830 г., описан двумя источниками. Ранний из них - плачевная речь по Василию I, произнесённая его сыном Львом VI в 886 г. Лев упомянул, что его мать Евдокия Ингерина участвовала в смотре невест, устраивавшемся для Михаила III, который выбрал другую девушку. Есть мнение, что Евдокия уже была наложницей Михаила до 855 г., когда его мать Феодора, считавшая девушку бесстыдной, велела сыну жениться на другой женщине. 10 лет спустя император, отправив мать в монастырь, выдал свою наложницу замуж за будущего императора Василия I. Этим браком Михаил попытался легитимизировать своего ребенка, которого ожидала Евдокия.

Некоторые исследователи считают, что сюжет о «конкурсе невест» даёт возможность Льву VI представить скандальный брак его родителей и вопрос о том, кто же был его отцом, как историю, которая была бы угодна матери, и подразумевала бы превосходство Василия над Михаилом. Другие считают, что, во-первых, смотр невест не имеет ничего общего с легитимизацией власти Льва. Во-вторых, Евдокии было бы совсем не лестно вспоминать о том, что она не была выбрана во время «конкурса». Вероятно, Феодора использовала этот обычай и требование девственности участниц, с целью устранить Евдокию.

Другим источником этого события было «Житие святой Ирины Хрисовалантской». Подсказкой к дате его создания является замечание автора о том, что правление Македонской династии продолжалось «до четвёртого или пятого поколения». Неопределённость автора насчёт пятого поколения заключалась в императоре Василии II, предположительно дата «Жития» определяется между 963 и 976 гг., когда был он соправителем Никифора Фоки и Иоанна I, и никто не был уверен, что Василий когда-либо будет править сам.

«Житие» гласит, что св. Ирина принадлежала знатному роду. Вместе со своей сестрой Каллиникой они прибыли в Константинополь, поскольку обладали нравственной и физической красотой.

Это «Житие» сообщает о смотре невест 855 г., но хронологически оно несовместимо с двумя событиями, о которых говорится в тексте. Есть сведения, что во время путешествия в Константинополь Ирина встретила Иоанникия Великого, который умер в 846 г.[1] «Житие» сообщает, что святой назвал при приветствии Ирину по имени, сказав, что она станет настоятельницей Хрисовалантского монастыря.

Таким образом,можно сделать вывод, что такое явление как «конкурс невест» в Византийской империи существовало в действительности, возникнув уже в V в. Сохранилось множество источников, подтверждающих это, несмотря на то, что информация в большинстве из них по разным причинам искажена.

ОТОБРАЖЕНИЕ ГАЛИЛЕЙСКОГО ЕВРЕЙСТВА В АРАМЕЙСКОМ ТАРГУМЕ

Д.В. Рамбаусик

В этой статье рассматривается возможность поиска отражения повседневной жизни галилейского еврейства в арамейском Таргуме. Рассматриваются два основных культурных и литературных центра Галилеи, и на примере их литературных работ раскрывается наличие фрагментов с эпизодами повседневной жизни галилейской еврейской общины.

Ключевые слова: Галилея, еврейская община, Таргум, Бет-Мидраш, синагога.

THE DISPLAY OF GALILEAN JEWS IN THE ARAMAIC TARGUM

D.V. Rambausik

This article explores the possibility of the search for reflection of the daily life of Galilean Jewry in the Aramaic Targum. Two main cultural and literary centers of Galilee are considered and on example of the literary works from them there is revealed a presence of fragments with episodes of the daily life of the Galilean Jewish community.

Key words: Galilee, Jewish community, Targum, Bet-Midrash, synagogue.

Наиболее полное описание любого общества, имеющего важное значение для глубокого понимания социально-исторических и куль-

---

[1] *Соколов И.И.* Состояние монашества в Византийской Церкви с середины IX до начала XIII века (842—1204). Опыт церковно-исторического исследования. СПб., 2003. С. 70.

турных событий в жизни народа в конкретно взятой области, может быть почерпнуто при изучении исторических и законодательных документов, археологических данных и, правда в меньшей степени, литературных произведений изучаемого периода. Использование для этих целей литературы (например, стихотворений, рассказов, проповедей, притч и т.д.) требует тщательного подхода к изучению текста. Во внимание следует принимать такие факторы, как его форма, назначение, стиль речи, аудитория, к которой текст обращён и т.д. Изучение еврейской литературы позднеантичного времени в этом плане не является исключением из правил.

Литература галилейского еврейства в Поздней античности и позднее (с IV-V по VII-VIII века) состоит из различных групп текстов, происходящих, по крайней мере, из двух различных центров культурной и литературной деятельности. Это дом учения (Бет-Мидраш) и Синагога (Бет-Кнессет). Различие между двумя учреждениями заключается скорее не в архитектурном плане - во многих местах, особенно в небольших деревнях, здания строили одинаково (или это было одно и то же здание), а в назначении: каждое из них служило отличным друг от друга целям и аудитории[1].

Бет-Мидраш был обителью для учёных, раввинов и их учеников, тех, кто посвятил большую часть своей жизни изучению, развитию галахи и обсуждению богословских и моральных проблем[2]. Ворота Бет-Мидраша никогда не были закрыты для широкой публики, но присутствие людей там было случайным и мало влияло на внутреннее течение жизни и развитие Дома учения. Бет-Мидраш в Галилее произвёл большую часть материала, найденного в Палестинском Талмуде и в многочисленных Мидрашах, таких как Левит Рабба[3], Псикта де-Рав Кахана[4] и другие.

С другой стороны - синагога. Это название на всех языках – еврейское (Бет-Кнессет - дом собраний), арамейское (Кеништы) и греческое (синагога) - подразумевало место сбора, где все слои общества принимали активное и значительное участие в его деятельности[5].

[1] *Levine L.* The Galilee in Late Antiquity. The Jewish Theological Seminary of America, 1992. P. 241.
[2] См.: Электронная Еврейская Энциклопедия [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.eleven.co.il/article/10608, (дата обращения 1.10.2017 г.)
[3] *Margulies M.* Leviticu Rabbah. 5 vols. Jerusalem, 1960.
[4] *Braude W.G., Kapstein I.J.* Pesikta de-Rab Kahana. Philadelphia, 1975.
[5] См.: Электронная Еврейская Энциклопедия [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.eleven.co.il/article/13810, (дата обращения 1.10.2017 г.)

Синагога в поздний раввинский период произвела четыре вида текстов: 1) обширная литургическая литература, которая впоследствии стала ядром еврейской молитвенной книги[1],

2) тысячи пиютимов, которые были составлены, главным образом, как поэтические заменители для части регулярной молитвы [2],

3) переводы Священных Писаний на арамейский (Таргумы), прежде всего, те библейские тексты, которые читались публично, например, Пятикнижие, некоторые главы из Пророков и пять свитков[3],

4) различные типы публичных проповедей, наиболее известными из которых являются Вступления (petihta), которые впоследствии были включены в талмудически-мидрашский корпус вместе с материалом, возникшем в Бет-Мидраше[4].

Короче говоря, палестинский Талмуд, Мидраши, Таргумы, молитвы и пиютимы были основными составляющими галилейской литературы в Поздней античности. Разумеется, за создание этих текстов отвечали учёные круги раввинов, учителей и книжников, у которых были как знания, так и средства.

Возникает вопрос: где же тогда мы можем найти литературное наследие простых людей – работающих на рынках и на полях, фермеров, а также мелких ремесленников, необразованных мужчин и женщин? Откуда можем узнать об их историях и песнях, пословицах и баснях, словах мудрости и шутках?

У масс, несомненно, была их собственная литературная традиция: бабушки в Тверии пели своим внукам, а пастухи, сидящие вокруг огня в холодные ночи, делились остроумными историями. Истории, которые передавались устно, за пределами стен мидраша и синагоги, были записаны случайно и очень фрагментарно в талмудической - мидрашской литературе. Иногда можно встретить арамейскую пословицу, которой предшествует фраза: «это то, что люди обычно говорили»;[5] изредка мы сталкиваемся с историей, демонстрирующей некоторые литературные и лингвистические особенности, часто встречающиеся в народном фольклоре.[6] То тут, то там отмечаются некоторые об-

---

[1] *Fleischer E.* Eretz-Israel Prayer and Prayer Rituals. Jerusalem: Magnes, 1988.
[2] *Rabinovitz Z.M.* The Liturgical Poems of Rabbi Yannai. Jerusalem: Bialik, 1985-1987. P. 221-250.
[3] *Levine L.* The Galilee in Late Antiquity. The Jewish Theological Seminary of America, 1992. P. 242.
[4] Ibid.
[5] Ibid. С. 243.
[6] *Lieberman S.* Jewish life in Eretz-Israel as reflected in the Palestinian Talmud. New York: Texts and studies, 1974. P. 180-190.

щепринятые убеждения, и время от времени появляются свидетельства распространённого обычая. [1] Однако, в целом, большая часть народного фольклора никогда не записывалась и исчезла. Хотя литературная деятельность Бет-Мидраша и синагоги значительно представлена в источниках, литературе и культуре всего населения, к сожалению, повседневная жизнь галилейского еврейства в эпоху Поздней античности практически в ней не отображена.

Чтобы преодолеть этот недостаток сведений, нужно рассмотреть так называемые палестинские арамейские переводы Библии (Таргумы)[2], особенно те из Пятикнижия, которые, были сознательно направлены на массы. Существует точка зрения, согласно которой считается, что таргумическая литература изначально создавалась для народа. Учёные никогда серьёзно не ставили под сомнение эту гипотезу,[3] которая является краеугольным камнем исследований по изучению Таргумов, хотя бытует мнение, что она несколько романтизирована и упрощена. Эта точка зрения выражена не в самой раввинистической литературе, а в теологической литературе, например, в определении Рав Хай Ганона Таргума Эстер как «Таргум простых людей», а затем и в знаменитом заявлении Раша о том, что Таргум должен быть услышан женщинами и простыми людьми[4]. Эта гипотеза была принята исследователями таргумической литературы, которые используют её для объяснения различных явлений в Таргумах, таких как их склонность не переводить некоторые стихи, чтобы сохранить честь патриархов[5], или рассмотрение ими различных богословских вопросов, например, таких как различные эпитеты, посвящённые Богу [6].

Конкретное высказывание мидраша могло быть направлено на чётко определённый круг учеников в Бет-Мидраше, но разговор о Таргуме должен был быть понят и принят массами. Правда, Таргумы нельзя назвать преимущественно «народной» литературой: в конце

---

[1] *Heinemann J.* The Proem In The Aggadic Midrashim – A From-Critical Study // Scripta Heirosolymitana: 22, 1971. P.100-122.

[2] *Klein M.L.* The fragment Targums of the Pentateuch. Rome: Analecta biblica, 1980. P. 76.

[3] *Shinan A.* The aggadah in Aramaic Targums to the Pentateuch. Jerusalem: Makor, 1979. P. 26-29.

[4] *Levine L.* The Galilee in Late Antiquity. The Jewish Theological Seminary of America, 1992. P. 244.

[5] *Alexander P.S.* The rabbinic lists of forbidden Targumim // JJS. 27. 1976. P. 177-191.

[6] *Chester A.* Divine Revelation and Divine Titles In The Pentateuchal Targumim. Tubingen: J. C. B. Mohr, 1986. P. 45.

концов, эти тексты были составлены учёными в религиозной атмосфере синагоги. Их статус массовой литературы предоставляется в силу их аудитории.

Географический регион и историческая обстановка, в которой эти тексты были составлены и процветали, являются ещё одним объектом внимания. Явление арамейского Таргума очень раннее и может быть прослежено до периода Второго Храма, [1] в то время как сохранившиеся манускрипты Таргума относительно поздние: некоторые были скопированы лишь в IX веке, но большинство из них, особенно наиболее обширные, скопированы или отредактированы в XIV-XVI веках.[2]

Таким образом, мы сталкиваемся с одной из самых сложных проблем в исследованиях таргумического характера: датирование каждой таргумической традиции индивидуально.[3] Факт того, что в таргумические тексты были внесены всевозможные изменения и исправления в процессе передачи, составляет препятствие перед исследователем, желающим установить какую-либо таргумическую традицию в определённое время или в определённом месте. Однако учёные согласны с тем, что эти тексты использовались всё же перед тем, как арабский заменил арамейский язык, как народный процесс, проходивший в Палестине в течение VII и VIII веков. Более того, нет оснований для датирования каких-либо таргумических текстов раньше IV века, главным образом, из-за датировки источников, используемых Таргумами. Поэтому основное ядро текстов Таргума может быть датировано между IV и VIII столетиями.[4] Поскольку палестинское происхождение этих текстов неоспоримо, так как оно доказано их языком и другими внутренними особенностями, нет никаких сомнений в том, что они были составлены в Галилее - единственном регионе в Палестине в то время, когда процветающая еврейская община могла создавать такие тексты.

Если все вышеупомянутые предположения верны, т.е., что эти тексты являются отголосками деятельности в галилейских синагогах Поздней античности, предназначенных, главным образом, для еврей-

---

[1] *Komlosh Y.* The Bible in The Light of Aramaic Translation. Tel-Aviv: Dvir, 1973. P. 17-18.

[2] *Levine L.* The Galilee in Late Antiquity. USA: The Jewish Theological Seminary of America, 1992. P. 244.

[3] Ibid.

[4] *Levine E.* British Museum Additional Aramaic. Montreal: Manuscripta, 1972. P. 3-13.

ской общины в целом, тогда тексты Таргума могут способствовать получению знаний о жизни еврейской общины Галилеи[1].

КОПТСКАЯ ЦЕРКОВЬ ПОД ВЛАСТЬЮ АРАБОВ

С.А. Ткаченко

В данной статье рассматриваются гонения на коптов арабскими властями. Также в центре внимания находится деятельность коптских патриархов в период арабского владычества.

Ключевые слова: Коптская церковь, Египет в составе Арабского Халифата, копты.

THE COPTIC CHURCH UNDER RULE OF ARABS

S.A. Tkachenko

This is the article about persecution of the Copts by the Arab's power. Actions of the Coptic patriarchs during this period is the focus of attention.

Keywords: Coptic Church, Egypt in the Arab Caliphate, Copts.

Спустя три года после возникновения арабского государства (630) арабы уже вторглись в Иран (633), затем в течение пяти лет (634–640) завоевывали Палестину, Сирию и Верхнюю Месопотамию, а в декабре 639 г. они во главе с Амром ибн аль-Аттасом вторглись в Египет. Разбив в трех сражениях подряд византийское войско, они овладели в 641 г. Александрией. Во избежание кровопролития 24-й коптский патриарх Вениамин призывал коптов добровольно сдаться.[2]

Первый период арабского господства в Египте охватывает 639–969 гг., когда, начиная с эмира Египта Амра (того самого, который взял Египет), правили халифы-сунниты. Прибыв в Александрию, патриарх Вениамин наладил дружеские отношения с Амром, посвятив свою жизнь устроению Коптской Церкви при новой власти, поэтому копты вначале не чувствовали себя ущемлёнными. Но после смерти Вениамина в 661 г. его преемникам не удалось найти контакт с новой властью.[3]

---

[1] *Levine L.* The Galilee in Late Antiquity. The Jewish Theological Seminary of America, 1992. P. 245.

[2] *Haas C.* Alexandria in Late Antiquity. Baltimore: The Johns Hopkins University Press, 1997. P. 338.

[3] Ibid. P. 339.

Коптские патриархи терпели пытки и унижения со стороны алчных правителей. При патриархе Исааке (686–689) были запрещены кресты и прочие христианские изображения вне храмов. Между прочим, при нем состоялся первый контакт с малабарскими христианами, когда их делегация просила у этого коптского патриарха рукоположить епископов для Церкви Индии.[1]

При патриархе Александре II (705–730), который дважды терпел пытки раскаленным железом, христиане страшно преследовались и умерщвлялись на месте, если пытались спастись бегством. В 706 г. было запрещено употреблять в храмах греческий язык, и началось введение арабского, в 723 г. были сняты колокола, монастыри и храмы разрушались, и восстанавливать их запрещалось. Клириков убивали или замучивали до смерти. В этот период был издан унизительный закон, по которому монахи должны были носить на поясе железные оковы, на которых было выбито их собственное имя и обитель, к которой они принадлежали. Нарушение этого закона каралось смертью. Шесть восстаний с 725 по 773 гг. еще более увеличили несчастья христиан.[2]

Стоит отметить, что в период между гонениями антицерковные постановления мусульман соблюдались не строго, так что копты могли даже строить храмы.

Потом в X в. Египет стал самостоятельным государством, не зависевшим от халифата, со столицей в Каире. Династия Фатимидов, придя к власти, правила Египтом в 969–1171 гг., проявив веротерпимость к христианам, особенно в годы правления аль-Азиза (975–996), чему в немалой степени способствовала его супруга-христианка.[3]

Коптский патриарх Ефрем (977–986), пользуясь благоволением двора, сумел построить храм св. Меркурия недалеко от Фустата, а многие из Фатимидов имели обыкновение удаляться на отдых в коптские обители, где им оказывали большое внимание. Патриарх Ефрем был ревностным иерархом, сумевшим уничтожить симонию и другие порочные обычаи, разлагавшие духовенство.[4]

Сын аль-Азиза аль-Хаким (996–1021) воздвиг гонение не только на христиан, но и на иудеев, и даже некоторых мусульман. Более 1030

---

[1] *Aziz S.* Atiya. The Coptic Encyclopedia. V.4. New York: Macmillan Publishing Company, 1991. P. 1303.

[2] The Coptic Encyclopedia. V.1. New York: Macmillan Publishing Company, 1991. P. 85.

[3] *Рыжов К.В.* Фатимиды // Все монархи мира. Мусульманский Восток. VII - XV вв. М.: Вече, 2004. С. 448.

[4] Там же.

храмов были разрушены или превращены в мечети, монастыри разграблены или опустошены, христиане преследовались и ссылались, а те, кто занимал при халифе Азизе служебные посты, увольнялись. Период его правления был пиком гонений на христиан. Многие копты, страшась мучений, отпали от веры. Мужчины должны были носить на шее тяжелый деревянный крест. А с патриаршего собора в Каире доносился мусульманский адан. Коптскому патриарху Захарию (1004–1032) едва удалось спастись бегством. В конце концов, Хаким был убитсамими же мусульманами за обоготворение самого себя, а его место занял его сын ад-Дахир (1021–1036), справедливый и снисходительный правитель.[1]

Патриарх Христодул (1047–1078) издал кодекс в 31 правило, который до сих пор служит для Коптской церкви ценнейшим источником канонического права, боролся с симонией, начавшей принимать официальный характер при его предшественнике, ввел причащение младенцев сразу же после крещения. При нем кафедра коптского патриарха была окончательно перенесена из Александрии в Каир. Храм св. Меркурия около Фустата и храм Богоматери на Греческой улице в Каире он сделал патриаршими соборами, в которых попеременно совершалась интронизация патриарха, добавившего в XII веке к своему титулу слова «Архиепископ Каирский и Фустатский».[2]

Патриарх Кирилл II (1078–1092) еще более обогатил коптское каноническое право. Особенностью его патриаршества было то, что благодаря назначению на должность визиря армянина Бадра аль-Камали наладились дружеские отношения с армянами, которые до сих пор держали себя обособленно от других монофизитов.[3]

Но вот наступает период крестовых походов, которые оказали свое влияние на жизнь восточных христиан, испытывавших теперь преследования не только со стороны мусульман, но и единоверных христиан Запада.

При патриархе Михаиле IV (1092–1102) Иерусалим был взят (1099) крестоносцами, и мусульмане в отмщение за смерть семидесяти тысяч единоверцев воздвигли на христиан Востока гонение. Однако постоянные грабежи, насилия и убийства христиан вызвали моральное разложение среди самих мусульман. Это разложение приостановил египетский эмир Саладин, который низложил Фатимидов и воцарился в Египте и аббасидской Сирии. Тогда крестоносцы повернули оружие

---

[1] *Sami Nasib Makarem*. The Druze faith. New York: Caravan Books, 1974. P. 25.

[2] *Haas C.* Op. cit. P. 349.

[3] *Смагина Е.Б.* Практическая грамматика коптского языка. М.: Институт св. Фомы, 2016. С. 479.

и против него, и против восточных христиан, которых заставляли подчиниться Риму даже путем насилия. Однако христиане Востока не могли спокойно переносить гонения со стороны христиан Запада. В результате переворота Египет по существу стал независимым государством со своим султаном во главе, если не принимать в расчет формальной религиозной зависимости Египта от багдадского халифата, который в этот период уже переживал кризис. Хозяевами положения стали турки-сельджуки, которые раньше были наемной гвардией багдадского халифа, а потом, вплоть до уничтожения Багдадского халифата монголами во главе с Хулагу-ханом (1258), по своему желанию ставили и низлагали халифов.[1]

В истории Египта сельджуки и берберы тоже сыграли значительную роль. Саладин (Салах ад-Дин), основатель династии Айюбидов (1171–1250), сначала запретил христианам занимать общественные должности и оставил в силе законы, запрещавшие всякие виды христианского богослужения вне храма. Для христиан Египта снова наступила пора гонений. Их положение улучшилось после взятия Саладином Иерусалима (1187), когда он убедился, что между крестоносцами и местными христианами нет никакой связи, и что копты были его верными подданными.[2]

Подводя итог, можно сказать, что завоевание Арабским халифатом Египта оказало сильнейшее влияние на последующее развитие Коптской церкви. И как было показано, деятельность коптских патриархов нельзя рассматривать в отрыве от деятельности арабских халифов.

ОСОБЕННОСТИ ЭКСКУРСИОННОГО МЕТОДА И.М. ГРЕВСА В ИЗУЧЕНИИ КУЛЬТУРНОЙ СРЕДЫ СРЕДНЕВЕКОВОГО ГОРОДА (НА ПРИМЕРЕ ФЛОРЕНЦИИ)

Ю.Г. Горшкова

В статье рассматриваются этапы становления экскурсионного метода И.М. Гревса в высшем академическом образовании. Отмечаются особенности данного педагогического приёма на примере студенческих путешествий 1907 и 1912 гг., которые возглавлял медиевист. Также, указывается развитие соответствующего текстового жанра в российской науке кон. XIX - нач. XX вв.

---

[1] Там же. С. 480.
[2] Там же. С. 481.

Ключевые слова: И.М. Гревс, медиевистика, экскурсионный метод, путешествия, Италия.

THE FEATURES OF THE EXCURSION METHOD BY I.M. GREVS IN THE STUDY OF THE CULTURAL ENVIRONMENT OF THE MEDIEVAL CITY (ON THE EXAMPLE OF FLORENCE)

J.G. Gorshkova

The article considers the stages of the development of the excursion method by I.M. Grevs in the higher academic education. The features of this pedagogical method are exemplified on the example of student's travels of 1907 and 1912, which were headed by this medievalist. Also, there is indicated the development of the apropriate textual genre in Russian science in the end of XIX – begin of XX centuries.

Key words: I.M. Grevs, medieval studies, excursion method, travels, Italy.

В отечественной историографии деятельность И.М. Гревса, профессора Императорского Санкт-Петербургского университета, уроженца Белогорья, рассматривается в двух направлениях[1]. Первое, традиционное, связано с работами по антиковедению и медиевистике[2]. Второе же представляет учёного в качестве основателя отечественного урбанизма и теоретика экскурсионного движения[3]. Рассмотрение последнего из указанных направлений и будет приоритетным в данной статье.

Сразу стоит отметить, что в начале XX столетия вопрос об организации экскурсионных программ как метода обучения в высшей школе был достаточно актуальным, но малореализуемым на практике. Сам Иван Михайлович, вспоминая о своём первом путешествии за рубеж, свершённом в 1889 г., отмечал, что в то время даже практика туристического знакомства русской молодежи с культурными центрами Европы была редкой. Но уже буквально через два десятилетия И.М. Гревс констатировал рост интенсивности культурного туризма, называя это «перерождением русской косности»[4].

---

[1] *Вахромеева О.Б.* Иван Михайлович Гревс (1860–1941): портрет университетского профессора // Петербургские исследования. СПб.: СПбГУ, 2006. С. 18.
[2] *Свешников А.В.* Петербургская школа медиевистов начала XX века в контексте российской модернизации // Вестник Омского университета. №1. Омск: ОмГУ, 2011. С. 40.
[3] *Степанов Б.Е.* Навстречу прошлому: Экскурсионная практика и философия памяти в творчестве И.М. Гревса и Н.П. Анциферова. М.: Эксмо, 2005. С. 423.
[4] *Анциферов Н.П.* Из дум о былом. М.: Феникс, 1992. С. 167.

Что касается организованных академических экскурсий в современном их понимании, то они стали возможными лишь с рубежа XIX-XX вв., когда в 1900 г. вышел циркуляр министра народного просвещения об отмене летних работ учеников во время каникул. Вместо этого начальникам учебных заведений было рекомендовано организовывать оздоровительные прогулки и путешествия. Это и явилось одной из важных предпосылок расширения экскурсионной деятельности[1]. Известны поездки студентов Московского императорского университета 1903 г. в Грецию, слушательниц Женского педагогического института во главе с директором института С.Ф. Платоновым в 1909 г. в Турцию, поездки Ф.Ф. Зелинского со слушательницами Высших женских курсов в Грецию и прочие. Но, именно И.М. Гревс и его ученики (участники итальянских поездок 1907 и 1912 гг.), стали одной из основных составляющих ядра будущего Петербургского экскурсионного института[2]. По сути, сам Иван Михайлович и его ученики (Н.П. Анциферов, Л.П. Карсавин и др.) являлись основоположниками организованного образовательного туризма. Доказательством последнего факта может служить то, что путешествиям, совершенным под предводительством И.М. Гревса, предшествовала тщательная теоретическая подготовка. По мнению профессора, экскурсия может осуществляться лишь параллельно с практикой лабораторно-кабинетных и семинарских приёмов изучения и закрепления материала. В результате Иваном Михайловичем был выдвинут новый метод образования и исследования в теории путешественности – так называемый «экскурсионный метод»[3].

В статье Ивана Михайловича 1925 года «Природа гуманитарных экскурсий в культуру» историк уточняет, что «экскурсия – это значит выезд, выступление учащихся из места обычного пребывания (школы и дома), *путешествие* к определенной цели; это *образовательная* поездка, совершаемая подготовленною и *объединенною группою* ищущих знания *под руководством* одного (или нескольких) из тех, кто призван им организованно помогать; это – погружение их в широкий мир для *непосредственного* изучения *самостоятельным* трудом, *личными и коллективными* силами подлинных объектов, которые намечены из-

---

[1] *Степанов Б.Е.* Указ. соч. С. 430.

[2] *Сизинцева Л.И.* У истоков экскурсионного изучения города // Анциферовские чтения. Л.: ЛГУ, 1989. С. 37.

[3] Там же.

бранною *темою,* в их *естественной* обстановке, среди *природы, человеческой культуры* или обеих вместе»[1].

Такой обычный для настоящего времени образовательный приём был совершенно не характерен для высшей школы в Российской империи. Истоки осознания Иваном Михайловичем значимости и полезности экскурсионного метода можно отнести к его личным заграничным командировкам. Исследователи не сомневаются в том, что путешественность в высших учебных заведениях развивалась из школьной и преподавательской среды. В начальных и средних классах уже в XIX в. активно использовалась наглядность экскурсий местного уровня. А в университетской практике командировки учёных с целью их приобщения к достижениям европейской науки было распространённым явлением[2].

Так, ещё в 1889 г. И.М. Гревс, успешно сдав магистерские экзамены, совершил первую заграничную поездку, целью которой был Париж. Эта поездка во многом повлияла на взгляды историка. Войдя в кружок парижских медиевистов, Иван Михайлович испытал влияние недавно умершего Н.Д. Фюстель де Кулажа (строгий анализ источников и культурная целостность места)[3]. Конечно же, не все студенты работали в архивах и музеях Европы. Но уже к концу 80-х гг. И.М. Гревс имел в перспективе приват-доцентуру, поэтому зарубежная «практика», особенно для медиевиста, считалась необходимым условием для возможностей карьерного роста.

Уже через год, в 1890 г., Иван Михайлович был откомандирован вместе с семьёй в Европу университетом. Историк посетил Францию и Италию, где он сосредоточился на работе с источниками: библиотечными, музейными, архивными и монументальными. Последний вид источника представлял собой изучение вещественных, архитектурных и даже ландшафтных особенностей местности. По словам самого учёного, на это повлияло путешествие по итальянским городам – древнейшим культурным и историческим центрам. Одним из таких являлась Флоренция. Необычная разнообразная история этого города привлекла внимание учёного, а визуальная ретроспективность поддерживала этот интерес на протяжении долгого времени. Командировка 1890-1891 гг. позволила реализоваться интересу И.М. Гревса к изуче-

---

[1] *Шулепова Э.А.* Музееведческая мысль в России XVIII-XX веков. М.: Этерна, 2010. С. 31.

[2] *Степанов Б.Е.* Указ. соч. С. 428.

[3] *Вахромеева О.Б.* Человек с открытым сердцем: Автобиографическое и эпистолярное наследие Ивана Михайловича Гревса (1860—1941). СПб.: Букинист, 2004. С. 270-271.

нию города как единого живого организма, а также политического, социально-экономического и культурного центра. Флоренция со своей сельской округой оказалась весьма показательной. Именно этот город стал основной точкой на карте первой экспедиции 1907 г. в Италию Гревса со студенчеством. Данному событию предшествовала длительна кропотливая подготовка[1].

В течение целого учебного года учащиеся Санкт-Петербургского университета и слушательницы Бестужевских курсов слушали лекции по истории городов, их культуре в эпоху раннего Средневековья. Параллельно велась работа в семинариях, где будущие участники поездки под руководством И.М. Гревса изучали документы, средневековые хроники, литературные произведения, карты и планы эпохи Возрождения[2]. Сами участники, в частности, Н.П. Анциферов, в своих воспоминаниях выделял следующие особенности «научных прогулок» по городам Италии[3]:

1. В отличие от туристического осмотра целью становится обживание городской среды, позволяющее ощутить ее цельность. Это дает возможность лучше рассмотреть наследие далёких эпох и заметить их в современном мире: как прошлое переплетается с настоящим, предавая ему особый колорит.

2. Необходимым элементом восприятия города как целого является его обзор с какой-нибудь высокой точки. Вместе с тем, идея непосредственного контакта с городом побуждает сводить к минимуму использование транспортных средств.

3. Еще одной особенностью экскурсионного опыта является специфическая коллективность и благотворный климат группы, способствующие глубине и силе восприятия. За сим следовали рефлексия и закрепление полученных знаний[4].

Итальянская поездка 1907 г. фактически отразила концепцию экскурсионного метода И.М. Гревса, которую кратко можно определить словами самого автора: «От книг к памятникам, из кабинета на реальную сцену истории и с вольного исторического воздуха опять в библиотеку и архив!»[5].

---

[1] Там же.
[2] *Гревс И.М.* Город как предмет краеведения // Краеведение. №3. М.: Этко, 1924. С. 249.
[3] *Анциферов Н.П.* Указ. соч. С. 163-164.
[4] Там же.
[5] *Лычко А.* Концепция экскурсий И.М. Гревса. - [Электронный ресурс] URL: http://kogni.narod.ru/lychko.htm. Дата обращения - 20.11.2017.

Важно отметить не только сам факт внедрения академических экскурсий в процесс обучения, но и развитие соответствующего жанра текста. В первую очередь, И.М. Гревс опирался на уже достаточно развитую литературную традицию историко-культурных путешествий, представленную именами Джона Рёскина (англ. писатель, теоретик искусства), Гастона Буасье (фр. историк Рима) и др. Иван Михайлович начал работу в этом жанре с 1903 г., когда опубликовал «Научные прогулки по историческим центрам Италии (Очерки флорентийской культуры)». Свою задачу автор видел в том, чтобы восполнить недостаток работ, которые бы могли послужить основой самообразования в путешествии[1].

Таким образом, И.М. Гревс является одним из «отцов-основателей» экскурсионного метода, как одного из педагогических приёмов высшего академического образования. Особенность его «монументальных прогулок» заключалась в том, что они являлись результатом специальной предварительной подготовки, проходили в «познавательном режиме», а также закреплялись в последующих обсуждениях на семинарских занятиях. Метод «экскурсионности» И.М. Гревса стал результатом собственных путешествий педагога по европейским странам, где он осознал пользу «погружения историка в эпоху изучаемого им времени», чему способствовало знакомство с монументальной жизнью местности.

[1] *Вахромеева О.Б.* Приглашение к путешествию: методика исторических поездок И.М. Гревса. СПб.: Знаменитые универсанты, 2007. С. 26.

ПЕРЕВОДЫ

КОДЕКС ФЕОДОСИЯ О ПРОФЕССОРАХ

М.М. Синица, А.М. Болгова

CTh.6.21.0. De professoribus, qui in urbe Constantinopolitana docentes ex lege meruerint comitivam

О преподавателях, которые в городе Константинополе уча, по закону будут удостоены высокого государственного поста

CTh.6.21.1

Imp. Theodosius a. et Valentinianus caes. Theofilo praefecto Urbi. Grammaticos Graecos Helladium et Syrianum, Latinum Theofilum, sofistas Martinum et Maximum et iuris peritum Leontium placuit honorari codicillis comitivae ordinis primi iam nunc a nostra maiestate perceptis, ita ut eorum qui sunt ex vicariis dignitate potiantur. Qua in re quicumque alii ad id doctrinae genus, quod unusquisque profitetur, ordinati prodentur, si laudabilem in se probis moribus vitam esse monstraverint, si docendi peritiam facundiamque dicendi, interpretandi subtilitatem, copiam disserendi se habere patefecerint et coetu amplissimo iudicante digni fuerint aestimati, qui in memorato auditorio professorum fungantur officio, hi quoque, cum ad viginti annos observatione iugi ac sedulo docendi labore pervenerint, isdem, quibus praedicti viri, dignitatibus perfruantur.

Dat. id. mart. Constantinopoli Theodosio aug. xi et Valentiniano caesare conss. (425 mart. 15).

Имп. Феодосия авг. и Валентиниана кес. Феофилу префекту Города. Греческих грамматиков Элладия и Сириана, латинского Феофила, софистов Мартина и Максима и сведущего в праве Леонтия следует удостоить кодикилл[1], высокие посты primi ordinis уже ныне от нашего величества получивших для себя, так же, как и тех, кто овладевают достоинством ex vicariis. Поэтому при сообщении, что какие-либо другие в этом роде учения, которое каждый преподает, правильные, если в испытаниях своих нравов продемонстрируют, что ведут похвальную жизнь, если покажут, что опыт учения и мастерство речи, изощренность толкования, изобилие изложения у себя имеют, и по суду самого значительнейшего собрания будут достойно оценены, пусть в достопамятном аудиториуме исполняют должность профессоров, они также, когда к двадцати годам ярма наставничества и при-

[1] Codicillus – указ на деревянных навощеных дощечках.

лежного труда учения придут, теми же самыми, которыми вышеупомянутые мужи, достоинствами пусть насладятся.

Дат.: ид. март., в Константинополе, Феодосия авг. XI и Валентиниана кес. конс. (425, 15 марта).

CTh.13.3.0. De medicis et professoribus

О врачах и преподавателях

CTh.13.3.1pr.

Imp. Constantinus a. ad Volusianum. Medicos, grammaticos et professores alios litterarum inmunes esse cum rebus, quas in civitatibus suis possident, praecipimus et honoribus fungi; in ius etiam vocari eos vel pati iniuriam prohibemus, ita ut, si quis eos vexaverit, centum milia nummorum aerario inferat a magistratibus vel quinquennalibus exactus, ne ipsi hanc poenam sustineant, (321/4 aug. 1).

Имп. Константин авг. к Волузиану. Предписываем, чтобы врачи, грамматики и профессора других наук были свободными от повинностей вместе с вещами, которыми в своих городах владеют, и почестями обладали; в суд также вызываться им или испытывать правонарушение мы запрещаем, так чтобы, если кто их оскорбил, сто тысяч монет казначейству пусть вносит, затребованные магистратами или квинквенналиями, не сами это наказание претерпевая (321/4, 1 авг.).

CTh.13.3.1.1

Servus eis si iniuriam fecerit, flagellis debeat a suo domino verberari coram eo, cui fecerit iniuriam, vel, si dominus consensit, viginti milia nummorum fisco inferat, servo pro pignore, donec summa haec exsolvitur, retinendo. (321/4 aug. 1).

Раб их, если преступление совершит, плетьми должен своим господином быть высеченным в присутствии того, кому сделал преступление, или если господин согласится, двадцать тысяч монет фиска[1] (налог в пользу императора) пусть внесет в качестве залога за раба, задерживаемого до тех пор, пока суммой этой не будет освобожден (321/4, 1 авг.).

CTh.13.3.1.2

Mercedes etiam eorum et salaria reddi praecipimus. (321/4 aug. 1).

Гонорар также их и зарплаты вернуть им предписываем (321/4, 1 авг.).

---

[1] Fiscus - налог в пользу императора.

CTh.13.3.1.3

Quoniam gravissimis dignitatibus vel parentes vel domini vel tutores esse non debent, fungi eos honoribus volentes permittimus, invitos non cogimus.

Proposita kal. aug. Sirmio Crispo et Constantino cc. conss. (321/4 aug. 1).

Так как в наиболее значительных званиях ни родители, ни господа, ни опекуны быть не должны, поручаем осуществить им желающим почести, нежелающих не заставляем.

Изложено: кал. авг., в Сирмии, Криспа и Константина кес. конс. (321/4, 1 авг.).

CTh.13.3.2

Idem a. ad Rufinum praefectum praetorio. Archiatri omnes et ex archiatris ab universis muneribus curialium, senatorum et comitum perfectissimorumque muneribus et obsequiis, quae administratione perfunctis saepe mandantur, a praestationibus quoque publicis liberi inmunesque permaneant nec ad ullam auri et argenti et equorum praestationem vocentur, quae forte praedictis ordinibus aut dignitatibus adscribuntur. Huius autem indulgentiam sanctionis ad filios quoque eorum statuimus pervenire.

Dat. XII kal. iun. Constantino a. VII et Constantio caes. conss. (326 [354] mai. 21).

Того же авг. к Руфину префекту претория. Всякие архиатры и экс-архиатры от всеобщих обязанностей куриалов, сенаторов, так же, как комитов и перфектиссимов обязанностей и подчинения, которым исполнительное управление часто доверяется, и также от общественных плат свободными и неприкосновенными пусть останутся, и ни к какой уплате золотом и серебром и лошадьми пусть не привлекаются, которые, возможно, предписаниями корпорациям или званиям определяются. Устанавливаем также, чтобы их же налоговая льгота согласно законам к их детям переходила.

Дат.: XII до кал. июн., Константина авг. 7 и Констанция кес. конс. (326 [354], 21 мая).

CTh.13.3.3

Idem a. ad populum. Beneficia divorum retro principum confirmantes medicos et professores litterarum, uxores etiam et filios eorum ab omni functione et ab omnibus muneribus publicis vacare praecipimus nec ad militiam comprehendi neque hospites recipere nec ullo fungi

munere, quo facilius liberalibus studiis et memoratis artibus multos instituant.

Proposita V kal. octob. Constantinopoli Dalmatio et Zenofilo conss. (333 sept. 27).

Этого же авг. к народу. Укрепляя льготы божественных прежде принцепсов, предписываем врачей и преподавателей наук, а также жен и сыновей их освободить от всяких служебных обязанностей и от всяких общественных приношений, а также ни по содержанию военных, ни по приему чужестранцев, и никакую обязанность не исполнять, чтобы они более легко свободным наукам и достопамятным искусствам могли бы многих наставлять.

Поставлено: V до кал. окт., в Константинополе, Далмация и Зенофила конс. (333, 27 сент.).

CTh.13.3.4

Imp. Iulianus a. ad Archiatros. Ratio aequitatis exposcit, ut veterum privilegia principum circa vos censeamus esse firmanda. Proinde nostrae mansuetudinis sanctione subnixi securi a molestiis munerum omnium publicorum reliquum tempus aetatis iugiter agitabitis.

Dat. IIII id. mai. Constantinopoli Mamertino et Nevitta conss. (362 mai. 12).

Имп. Юлиана авг. к архиатрам. Довод справедливости требует, чтобы древних принцепсов привилегии вокруг вас мы бы определили быть укрепленными. Поэтому по нашей кротости, опирающейся на законы, вы будете беззаботно от обременительных повинностей всех общественных недоимок время жизни проводить.

Дат.: IIII до ид. мая, в Константинополе, Мамертина и Невитты конс. (362, 12 мая).

CTh.13.3.5

Idem a. magistros studiorum doctoresque excellere oportet moribus primum, deinde facundia. Sed quia singulis civitatibus adesse ipse non possum, iubeo, quisque docere vult, non repente nec temere prosiliat ad hoc munus, sed iudicio ordinis probatus decretum curialium mereatur optimorum conspirante consensu. Hoc enim decretum ad me tractandum referetur, ut altiore quodam honore nostro iudicio studiis civitatum accedant.

Dat. XV kal. iul., acc. IIII kal. augustas Spoletio Mamertino et Nevitta conss. (362 iun. 17).

Этого же авг. Учителям наук и преподавателям выделяться нужно сначала нравами, затем красноречием. Но так как среди про-

стых граждан не могу находиться сам, приказываю, каждый, кто хочет учить, не внезапно и не наудачу пробивается к этой обязанности, но судом корпорации испытанный, куриальным постановлением признается достойным по единодушному согласию лучших. Это ведь постановление, ко мне должное поступить, отправляется назад, чтобы как чем-то более высоким, нашей честью решение по наукам граждан принималось бы.

Дат.: XV до кал. июл., прин. IIII до кал. августа, в Сполетии, Мамертина и Невитты конс. (362, 17 июн.).

CTh.13.3.6

Impp. Valentinianus et Valens aa. ad Mamertinum praefectum praetorio. Si qui erudiendis adulescentibus vita pariter et facundia idoneus erit, vel novum instituat auditorium vel repetat intermissum.

Dat. III id. ian. divo Ioviano et Varroniano conss. (364 ian. 11).

Имп. Валентиниана и Валента авг. к Мамертину префекту претория. Если чья к просвещению молодых людей жизнь равно и красноречие подходящее будет, или пусть он новую установит школу, или возобновит прежнюю.

Дат. III ид. янв., божественных Иовиана и Варрониана конс. (364, 11 янв.).

CTh.13.3.7

Idem aaa. ad Probum praefectum praetorio. Reddatur unusquisque patriae suae, qui habitum philosophiae indebite et insolenter usurpare cognoscitur, exceptis his, qui a probatissimis adprobati ab hac debent colluvione secerni. Turpe enim est, ut patriae functiones ferre non possit, qui etiam fortunae vim se ferre profitetur.

Dat. XIIII kal. feb. Sirmio Valentiniano n. p. et Victore conss. (369 ian. 19).

Этих же авг. к Пробу, префекту претория. Пусть будет возвращен всякий обратно к своему отечеству, о ком известно, что обликом философии неправильно и нагло завладевает, за исключением тех, кто отличнейшими одобрены и из скопления этой профессии должны быть выделены. Позор ведь есть, чтобы отеческие обязанности нести не мог, который обнаруживает, что даже удар фортуны на себе переносит.

Дат. XIIII до кал. фев., в Сирмии, Валентиниана н. п. и Виктора конс. (369, 19 янв.).

CTh.13.3.8pr.

Idem aaa. ad Praetextatum praefectum Urbi. Exceptis portus xysti virginumque vestalium quot regiones urbis sunt, totidem constituantur archiatri. Qui scientes annonaria sibi commoda a populi commodis ministrari honeste obsequi tenuioribus malint quam turpiter servire divitibus. (370 [368] ian. 30).

Этих же авг. к Претекстату, префекту Города. Исключая пристанище ксиста и дев весталок, сколько регионов города есть, столько пусть будет учреждено главных врачей. Кто сведущие, - продовольственные льготы от народных льгот пусть для себя доставляют, достойно оказывать почести более утонченным, чем позорно служить богатым. (370 [368], 30 янв.).

CTh.13.3.8.1

Quos etiam ea patimur accipere, quae sani offerunt pro obsequiis, non ea, quae periclitantes pro salute promittunt. (370 [368] ian. 30).

Разрешаем даже им, чтобы те принимали, которые здоровые предлагают услуги, не те, которые опасно больные здоровье обещают. (370 [368], 30 янв.).

CTh.13.3.8.2

Quod si huic archiatrorum numero aliquem aut condicio fatalis aut aliqua fortuna decerpserit, in eius locum non patrocinio praepotentium, non gratia iudicantis alius subrogetur, sed horum omnium fideli circumspectoque delectu, qui et ipsorum consortio et archiatriae ipsius dignitate et nostro iudicio dignus habeatur. De cuius nomine referri ad nos protinus oportebit.

Dat. III kal. feb. Treviris Valentiniano et Valente III aa. conss. (370 [368] ian. 30).

Как если этого количества архиатров каким-либо образом или предопределенное состояние или некоторая фортуна нарушится, на их место не могущественным покровительством, не благосклонностью решающих другие переизбираются, но из этих всех надежным и отборным рассмотрением, которые и товариществом их самих, и должностью самой архиатрии, и нашим решением заслуженными посчитаются. Об их имени направлять к нам немедленно нужно.

Дат.: III до кал. фев., в Тревирах, Валентиниана и Валента III авг. конс. (370 [368], 30 янв.).

CTh.13.3.9pr.

Idem aaa. ad Olybrium praefectum Urbi. Si qui in archiatri defuncti est locum promotionis meritis adgregandus, non ante eorum particeps fiat,

quam primis qui in ordine repperientur septem vel eo amplius iudicantibus idoneus adprobetur, ita ut, quicumque fuerit admissus, non ad priorum numerum statim veniat, sed eum ordinem consequatur, qui ceteris ad priora subvectis ultimus poterit inveniri. (370 mart. 10).

Этих же авг. к Олибрию, префекту Города. Если кто при смерти архиатра его место заслуженным повышением должен занять, не раньше того участником сделается, чем когда будет признан достойным первыми семью, которые в корпорации состоят, или большим числом этих судящих, так чтобы, кто бы то ни было будучи допущен, не к самому первому номеру тотчас приходил бы, но своим порядком следуя, чтобы определенными доставками к первому последний смог быть приведен. (379, 10 март.).

CTh.13.3.9.1

Hisque annonarum compendia, quae eorum sunt meritis dignitatique praestanda, tua sinceritas iuxta dispositionem prius habitam faciat ministrari.

Dat. VI id. mart. Valentiniano et Valente III aa. conss. (370 mart. 10).

А из-за сокращения годового продовольствия, которое их заслугам и званию должно быть предоставлено, твоя чистота перед распределением пусть сделает доставку раньше удержанного.

Дат.: VI до ид. март., Валентиниана и Валента III авг. конс. (370, 10 март.).

CTh.13.3.10

Idem aaa. ad Principium praefectum Urbi. Medicis et magistris urbis Romae sciant omnes inmunitatem esse concessam, ita ut etiam uxores eorum ab omni inquietudine tribuantur inmunes et a ceteris oneribus publicis vacent, eosdemque ad militiam minime comprehendi placeat, sed nec hospites militares recipiant.

Dat. III kal. mai. Valentiniano et Valente III aa. conss. (370 [?] apr. 29).

Этих же авг. к Главе префектуры Города. Пусть все знают, что медикам и учителям города Рима освобожденными от налогов быть я позволяю, так что даже жены их от всякого беспокойства пусть признаются освобожденными и от прочих общественных тягостей пусть освободятся, и их же к военной службе нисколько не опоясывать пусть будет угодно, однако и военных чужестранцев пусть не принимают.

Дат.: III до кал. мая, Валентиниана и Валента III авг. конс. (370 [?], 29 апр.).

CTh.13.3.11

Imppp. Valens, Gratianus et Valentinianus aaa. Antonio praefecto praetorio Galliarum. Per omnem dioecesim commissam magnificentiae tuae frequentissimis in civitatibus, quae pollent et eminent claritudine, praeceptorum optimi quique erudiendae praesideant iuventuti: rhetores loquimur et grammaticos Atticae Romanaeque doctrinae. Quorum oratoribus viginti quattuor annonarum e fisco emolumenta donentur, grammaticis Latino vel Graeco duodecim annonarum deductior paulo numerus ex more praestetur, ut singulis urbibus, quae metropoles nuncupantur, nobilium professorum electio celebretur nec vero iudicemus, liberum ut sit cuique civitati suos doctores et magistros placito sibi iuvare compendio. Trevirorum vel clarissimae civitati uberius aliquid putavimus deferendum, rhetori ut triginta, item viginti grammatico Latino, Graeco etiam, si qui dignus repperiri potuerit, duodecim praebeantur annonae.

Dat. X kal. iun. Valente V et Valentiniano aa. conss. (376 mai. 23).

Имп. Валента, Грациана и Валентиниана авг. Антонию, префекту претория Галлий. По всем областям твоего величия я буду соединять прилежнейших среди граждан, которые имеют могущество и отличаются славой, чтобы из наставников лучшие и должным образом образованные председательствовали молодежью: о риторах говорим и грамматиков аттических и римских наук. Из них ораторам двадцать четыре анноны из фиска выгоды пусть даруется, грамматикам латинского или греческого двенадцать аннон за вычетом небольшого количества из обычая пусть гарантируется, чтобы в отдельных городах, которые метрополией провозглашаются, избрание знаменитых преподавателей более широко распространялось, а действительно не мы решали бы, чтобы свободно каждый город мог помочь за короткое время своим преподавателям и учителям, которые нравятся ему. В светлейшем городе Тревир, как мы посчитали, нечто более обильное должно предоставляться риторам, чтобы тридцать, равно двадцать грамматикам латинского, греческого также, если кто достойный отыскаться сможет, двенадцать пусть даются аннон.

Дат.: X до кал. июн., Валента 5 и Валентиниана конс. (376, 23 мая).

CTh.13.3.12

Idem aaa. Vindiciano. Archiatrorum, qui intra penetralia regalis aulae totius vitae probitate floruerunt, nulla dignitatem sequatur expensa neque eorum fatiget heredes. Ab his etiam, qui comitivae honore donati sunt, ut consuetudo poscebat, sordidi muneris interpellatio conquiescat.

Nam dilecti a patribus adque suscepti honoris ac muneris incrementa servamus.

Dat. XVIII kal. octob. Treviris Auxonio et Olybrio conss. (379 sept. 14).

Этих же авг. Виндициану. Достоинству архиатров, которые среди внутренних покоев царского дворца всю жизнь порядочностью отличались, никакие не следуют расходы и да не тревожит их наследники. Из этого также те, которые честью придворного поста награждены, как обычай требовал, пусть прекратят помехи грязных повинностей. Ибо мы любимы отцами и для возрастания принятую честь и обязанность охраняем.

Дат.: XVIII до кал. окт., в Тревирах, Авксония и Олибрия конс. (379, 14 сент.).

CTh.13.3.13

Imppp. Valentinianus Theodosius et Arcadius aaa. ad Pinianum praefectum Urbi. Si quid impetratis subrepticiis in iudicio suo magnificentia tua ita viderit actitatum, ut his legibus, quae ad relationes promulgatae sunt, videatur aliquid inminutum, rescissis omnibus, quae per gratiam gesta videbuntur, eorum tenorem super archiatris, quae a divae memoriae patre nostro constituta sunt, a nobis quoque confirmata ex huius auctoritate rescripti faciet omnifariam custodiri.

Dat. XI kal. feb. Mediolano Valentiniano a. III et Eutropio conss. (387 ian. 22).

Имп. Валентиниан, Феодосий и Аркадий авг. к Пиниану префекту Города. Если нечто, исполненное тайными достижениями в своем рассудке твое великолепие увидит так, как в этих законах, которые в докладах извещены, - пусть будет рассмотрено никак не поврежденное всяческими разрушениями, которые будут видимы через прелесть деяний, смысл которых касательно архиатров, они же божественной памяти отцом нашим учреждены, нами также укрепленные по власти этого рескрипта пусть сделаются всесторонне защищенными.

Дат.: XI до кал. февр., в Медиолане, Валентиниана авг. 3 и Евтропия конс. (387, 22 янв.).

CTh.13.3.14

Idem aaa. Cynegio praefecto praetorio. Ea, quae principes veteres archiatris sacri palatii, salutaris ac necessariae artis professoribus, sacro et mansuro in aeternum iudicio detulerunt, et antiquorum contemplatione iussorum et laborum praesentium intuitu roborata in perpetuum manere praecipimus nec ulla cuiuspiam improbitate convelli.

Dat. VI id. mart. Constantinopoli Valentiniano a. III et Eutropio conss. (387 mart. 10).

Этих же авг. Кинегию, префекту претория. То, что древние принцепсы архиатрам sacri palatii, полезного для здоровья и необходимого искусства преподавателям, священным и остающимся в вечности решением предоставляли, мы, и учитывая древние повеления, и рассматривая настоящие работы, предписываем укрепленными в вечности оставить, и ничто по какой-либо негодности не низвергать.

Дат.: VI до ид. март., в Константинополе, Валентиниана авг. III и Евтропия конс. (387, 10 март.).

CTh.13.3.15

Idem aaa. Rufino praefecto praetorio. Post alia: archiatrorum privilegia, quae iis vetustis sanctionibus attributa sunt, illibata volumus permanere ac tenere perpetem firmitatem. Hoc quoque addendum esse censuimus, ut qui egerunt administrationes aut earum honore fungentur vel dimissi e palatio testimonialium suffragio munientur, ad descriptiones senatorias non vocentur, sed ab omnibus muniis absoluti liberi adque securi dignitatis praemiis perfruantur.

Dat. VII kal. august. Constantinopoli Theodosio a. III et Abundantio conss. (393 iul. 26).

Этих же авг. Руфину префекту претория. После других: архиатров привилегии, которые этими древними законами даны есть, нетронутыми хотим оставлять и держать в вечной крепости. Мы определили также, что должно быть добавлено то, что кто занимается службами, или их должность исполняют, либо уволены из дворца - пусть удостоверяющим свидетельством обеспечиваются, к спискам сенаторов не призываются, но от всех повинностей совершенно свободные и наградами звания вечно пусть наслаждаются.

Дат.: VII до кал. авг., в Константинополе, Феодосия авг. 3 и Абунданция конс. (393, 26 июл.).

CTh.13.3.16

Impp. Honorius et Theodosius aa. Monaxio praefecto praetorio. Grammaticos oratores adque philosophiae praeceptores nec non etiam medicos praeter haec quae retro latarum sanctionum auctoritate consecuti sunt privilegia inmunitatesque frui hac praerogativa praecipimus, ut universi, qui in sacro palatio inter archiatros militarunt cum comitiva primi ordinis vel secundi, nulla municipali, nulla curialium collatione, nulla senatoria vel glebali descriptione vexentur, seu indepta administratione seu accepta testimoniali meruerint missionem, sint ab omni functione omnibusque muneri-

bus publicis inmunes nec eorum domus ubicumque positae militem seu iudicem suscipiant hospitandum. Quae omnia filiis etiam eorum et coniugibus illibata praecipimus custodiri, ita ut nec ad militiam liberi memoratorum trahantur inviti. Haec autem et professoribus memoratis eorumque liberis deferenda mandamus.

Dat. prid. kal. dec. Constantinopoli Constantio et Constante conss. (414 nov. 30).

Имп. Гонория и Феодосия авг. Монахию префекту претория. Грамматиков, ораторов и наставников в философии, а также не исключая врачей, касательно тех, которые прежде были достигнуты широким постановлениями власти привилегии и льготы, предписываем наслаждаться этими преимуществами, чтобы всем, которые в sacro palatio среди архиатров находились на военной службе с придворным постом primi ordinis или secundi, никакими муниципальными, никакими куриальными взносами, никаким сенаторским или поземельным предписанием не были угнетены, или если достигнутым служением или принятым удостоверением заслужили отставку, пусть будут от всяких обязанностей и от всех общественных повинностей свободны, а их дом, где бы то ни было расположенный, пусть не принимает должных остановиться военных или судей. Этому всему также для их сыновей и супругов мы предписываем безупречно охраняться, так чтобы к военной службе не привлекались нежелающие из вышеупомянутых. Это же и достопамятным преподавателям и их детям предоставить поручаем.

Дат.: перед кал. дек., в Константинополе, Констанция и Константа конс. (414, 30 нояб.).

CTh.13.3.17

Idem aa. Helioni magistro officiorum. Artium liberalium professoribus ac praecipue medicis, qui cum comitivae primi ordinis ac secundi militant dignitate, privilegia et beneficia a retro principibus praestita nec non etiam nova ipsis eorumque filiis clementia nostra detulit, ut cohaerens sanctio protestatur: quae tenaciter observari oportet.

Dat. prid. kal. dec. Constantinopoli Constantio et Constante conss. (414 nov. 30).

Этих же авг. Гелиону, магистру оффиций. Преподавателям свободных искусств и особенно врачам, которые с придворным званием primi ordinis и secundi находятся на военной службе, привилегии и милости, даваемые прежними принцепсами, а также и не без новых, им самим и их сыновьям наша умеренность предоставляет, что суще-

ствующий закон торжественно объявляет: его крепко соблюдать следует.

Дат.: перед кал. дек., в Константинополе, Констанция и Константа конс. (414, 30 нояб.).

CTh.13.3.18

Impp. Theodosius et Valentinianus aa. Helioni magistro officiorum. Habente propriam firmitatem secundo nostrae maiestatis oraculo, quod de excusandis sive praebendis his quae militantibus debentur hospitiis promulgatum est, illa, quae dudum circa archiatros et magistros sanximus litterarum, observentur. Hos enim pro necessariis artibus et liberalibus disciplinis hospitali molestia, quoad viverent, liberari praecipimus. Illibata ergo permaneant illa, quae quondam circa archiatros, quos in palatio nostro primi vel secundi ordinis comites militasse constiterit, et circa liberalium litterarum magistros videntur a nobis iustissime constituta.

Dat. XIIII kal. septemb. Hierio et Ardabure conss. (427 aug. 19).

Имп. Феодосия и Валентиниана авг. Гелиону, магистру оффиций. Объявлено имеющим особую силу второе положение нашего величия, в котором о возмещениях или выдачах тем, кто обязан предоставлять прибежище военным; то, которое прежде относительно архиатров и учителей наук мы постановили, пусть соблюдается. Им ведь за необходимостью наук и свободных дисциплин постой - обременение, пусть живут насколько возможно свободные, предписываем. Нетронутым поэтому пусть остается то, которое некогда относительно главных врачей постановлено, которые в нашем palatio комитами primi или secundi ordinis послужили, и относительно учителей свободных наук видится нами наиболее справедливо установленным.

Дат.: XIIII до кал. сент. Гиерия и Ардабура конс. (427, 19 авг.).

CTh.13.3.19

Idem aa. Proculo praefecto Urbi. Archiatrorum sacri palatii obsequia cogitantes id praesenti sanctione decernimus, ut, si qui ex his aut primi ordinis adepti fuerint comitivam aut maioris gradum dignitatis ascenderint, secundum id, quod eis dudum per sacras constitutiones indultum est, a glebali collatione specialiter inmunes sint, non praeiudicante eis novella lege, per quam iussimus, exceptis quibusdam dignitatibus quae illic nominatae sunt, senatoria munera omnes agnoscere.

Dat. III id. iul. Constantinopoli Felice et Tauro conss. (428 iul. 13).

Этих же авг. Проклу префекту Города. О службе архиатров sacri palatii думая, мы постановляем настоящим законом то, чтобы, если кто из них или придворного поста primi ordinis достигнувшим будет или к

большей степени достоинства поднимется, сообразно этому, что им давно через священные установления разрешено, в частности, пусть будут освобождены от поземельных взносов, не предписывая им новым законом, через который мы приказываем, чтобы за исключением некоторых званий, которые при этом будут названы, сенаторские повинности все признавали.

Дат.: III до ид. июл., в Константинополе, Феликия и Тавра конс. (428, 13 июл.).

CTh.14.9.0. De studiis liberalibus urbis Romae et Constantinopolitanae

О свободных науках городов Рима и Константинополя

CTh.14.9.1

Imppp. Valentinianus, Valens et Gratianus aaa. ad Olybrium praefectum Urbi. Quicumque ad urbem discendi cupiditate veniunt, primitus ad magistrum census provincialium iudicum, a quibus copia est danda veniendi, eiusmodi litteras perferant, ut oppida hominum et natales et merita expressa teneantur; deinde ut in primo statim profiteantur introitu, quibus potissimum studiis operam navare proponant; tertio ut hospitia eorum sollicite censualium norit officium, quo ei rei impertiant curam, quam se adseruerint expetisse. Idem inmineant censuales, ut singuli eorum tales se in conventibus praebeant, quales esse debent, qui turpem inhonestamque famam et consociationes, quas proximas putamus esse criminibus, aestiment fugiendas neve spectacula frequentius adeant aut adpetant vulgo intempestiva convivia. Quin etiam tribuimus potestatem, ut, si quis de his non ita in urbe se gesserit, quemadmodum liberalium rerum dignitas poscat, publice verberibus adfectus statimque navigio superpositus abiciatur urbe domumque redeat. His sane, qui sedulo operam professionibus navant, usque ad vicesimum aetatis suae annum romae liceat commorari. Post id vero tempus qui neglexerit sponte remeare, sollicitudine praefecturae etiam impurius ad patriam revertatur. Verum ne haec perfunctorie fortasse curentur, praecelsa sinceritas tua officium censuale commoneat, ut per singulos menses, qui vel unde veniant quive sint pro ratione temporis ad Africam vel ad ceteras provincias remittendi, brevibus comprehendat, his dumtaxat exceptis, qui corporatorum sunt oneribus adiuncti. Similes autem breves etiam ad scrinia mansuetudinis nostrae annis singulis dirigantur, quo meritis singulorum institutionibusque compertis utrum quandoque nobis sint necessarii, iudicemus.

Dat. IIII id. mart. Treviris Valentiniano et Valente III aa. conss. (370 mart. 12).

Имп. Валентиниана, Валента и Грациана авг. к Олибрию, префекту Города. Кто бы в город, сильно желая учиться, ни приходил, в начале к магистру ценза из провинциальных судий, от которого содержание должно быть дано приходящему, такого рода приказы пусть приносят, чтобы города людей, и происхождение, и сущность отчетливо узнавались; затем чтобы тотчас объявили при первом вступлении, какими преимущественно науками усердно заниматься предполагают; третье, чтобы их пристанища были тщательно изучены цензуальными оффициями, которые будут уделять внимание этому делу, после того как добьются своего признания. Эти же цензуалы пусть добиваются, чтобы поодиночке из них таковые к ним в собрания вызывались, какие должны быть, которые оценивали бы, насколько избегают безнравственной и бесчестной славы и общественo-политических союзов, которые полагаем очевидными преступлениями, и чтобы не приходили на многочисленнейшие зрелища или не устремлялись повсюду на несвоевременные пиры. Поэтому даже мы даровали власть, если кто из них не так в городе себя представит, каким образом достоинство свободных занятий требует, пусть будет публично плетьми избит и тотчас на судно помещенный, пусть покинет город и домой вернется. Разумно тем, кто ревностно на занятиях преподавателей старается, до возраста своего двадцатилетия постоянно пусть позволено будет в Риме оставаться. После этого, действительно времени тот, кто не позаботиться вернуть разрешение, обязанностью префектуры также позорно на родину пусть будет возвращен. Однако пусть твоя высокая честность предостережет, чтобы об этом не поверхностно, по возможности, заботились, чтобы если за отдельные месяцы кто-то откуда-то прибыл, пусть каждый будет в течение разумных времен отосланный, в Африку или другие провинции, связан кратковременно, по крайней мере на основе предусмотрений, которые являются свойствами телесного бремени. Подобные же кратковременно даже к скриниуму нашей мягкости пусть направляются на отдельные времена года, о которых по отдельным провинностям или известным указаниям, либо когда нам будет необходимо, мы решим.

Дат.: IIII до ид. март., в Тревирах, Валентиниана и Валента III конс. авг. (380, 12 март.).

CTh.14.9.2

Idem aaa. Clearcho praefecto Urbi. Antiquarios ad bibliothecae codices componendos vel pro vetustate reparandos quattuor Graecos et tres Latinos scribendi peritos legi iubemus. quibus de caducis popularibus, et ipsi enim videntur e populo, competentes impertiantur annonae: ad eiusdem

bibliothecae custodiam condicionalibus et requirendis et protinus adponendis.

Dat. VIII id. mai. Modesto et Arinthaeo conss. (372 mai. 8).

Этих же авг. Клеарху, префекту Города. Приказываем четырех в греческом и трех в латинском написании закона опытных антикваров как к библиотечным кодексам быть приставленными, так и о древности добывающими сведения. Тем о гражданским выморочным имуществом и сами происходят из народа, опытные пусть наделяются анноной: к охране этих же библиотек: под условием сохранения этих же библиотек и поиска и немедленного пополнения.

Дат.: VIII до ид. мая. Модеста и Аринфея конс. (372, 8 мая).

CTh.14.9.3pr.

Imp. Theodosius a. et Valentinianus caes. Universos, qui usurpantes sibi nomina magistrorum in publicis magistrationibus cellulisque collectos undecumque discipulos circumferre consuerunt, ab ostentatione vulgari praecipimus amoveri, ita ut, si qui eorum post emissos divinae sanctionis adfatus quae prohibemus adque damnamus iterum forte temptaverit, non solum eius quam meretur infamiae notam subeat, verum etiam pellendum se ex ipsa ubi versatur illicite urbe cognoscat. Illos vero, qui intra plurimorum domus eadem exercere privatim studia consuerunt, si ipsis tantummodo discipulis vacare maluerint, quos intra parietes domesticos docent, nulla huiusmodi interminatione prohibemus. Sin autem ex eorum numero fuerint, qui videntur intra Capitolii auditorium constituti, ii omnibus modis privatarum aedium studia sibi interdicta esse cognoscant scituri, quod, si adversum caelestia statuta facientes fuerint deprehensi, nihil penitus ex illis privilegiis consequentur, quae his, qui in Capitolio tantum docere praecepti sunt, merito deferuntur. (425 febr. 27).

Имп. Феодосия авг. и Валентиниана цез. Всех, кто, присваивая себе имя учителей в общественных школах и помещениях, имел привычку объявлять собранных откуда бы то ни было учениками, предписываем от публичной похвальбы удалять, так, чтобы, если кто из них после издания божественного закона речью, которую мы запрещаем и осуждаем, снова сильно будет соблазнять, пусть им не только позор заслуженного бесславия последует, но также, пусть узнают, что из собственного города, где обращаются, они должны изгоняться. Тем, действительно, кто равным образом внутри многочисленных домов частно заниматься наукой имели обыкновение, если только своих собственных учеников лишиться предпочтут, кого внутри домашних стен обучают, никакой угрозой другого рода не запрещаем. Если же из их числа будут те, которые среди капитолийского Аудиториума помеще-

ны, пусть они знают, что науки всяким образом в частных комнатах им запрещены, понимая в будущем, что, если будут пойманы делающими определение поворота небесных тел, никакие совершенно из их привилегий не последуют, которые тем, кто только на Капитолии преподавать назначены, по заслугам предоставляются. (425, 27 февр.).

CTh.14.9.3.1

Habeat igitur auditorium specialiter nostrum in his primum, quos Romanae eloquentiae doctrina commendat, oratores quidem tres numero, decem vero grammaticos; in his etiam, qui facundia graecitatis pollere noscuntur, quinque numero sint sofistae et grammatici aeque decem. Et quoniam non his artibus tantum adulescentiam gloriosam optamus institui, profundioris quoque scientiae adque doctrinae memoratis magistris sociamus auctores. Unum igitur adiungi ceteris volumus, qui philosofiae arcana rimetur, duo quoque, qui iuris ac legum formulas pandant, ita ut unicuique loca specialiter deputata adsignari faciat tua sublimitas, ne discipuli sibi invicem possint obstrepere vel magistri neve linguarum confusio permixta vel vocum aures quorundam aut mentes a studio litterarum avertat.

Dat. III kal. mart. Constantinopoli Theodosio a. XI et Valentiniano conss. (425 febr. 27).

Итак, пусть имеет Аудиториум, особенно наш, во-первых тех, кто учение римского красноречия делает приятным: ораторов же числом три, десять, действительно грамматиков; также тех, кто известны, как сильные в умении греческого, пусть софистов будет числом пять и равно грамматиков десять. И так как не этими искусствами только славную молодость выбираем устраивать, также авторов более глубокого знания и учения принимаем достопамятными учителями. Итак, желаем к остальным присоединить одного, кем таинственная философия исследуется, двух также, кто правовые и законодательные формулы распространяет, так чтобы твоя возвышенность сделала бы каждому особо предназначенные места отводить, - чтобы ни ученики себе взаимно не могли бы докучать, ни учителя, а перемешанное смятение как языков, так и голосов какие-либо уши и умы от научных штудий не отвернуло бы.

Дат.: III кал. март., в Константинополе, Феодосия авг. XI и Валентиниана конс. (425, 27 февр.).

ВЫДАЮЩИЕСЯ ПИСАТЕЛИ, ИСТОРИКИ, ФИЛОСОФЫ, ГРАММАТИКИ И ВРАЧИ КОНЦА V - VI ВВ. ИЗ «ОНОМАТОЛОГОВ» ГЕСИХИЯ МИЛЕТСКОГО[1]

М.М. Синица, А.М. Болгова

4а. Агафий[2] (Suid. A 112)

Агафий Схоластик Миринейский, написавший «Историю» после Прокопия [Кесарийца, о Велизарии, а также в Италии и в Ливии делах; эта же о Нарзесе в Италии и в Лазике, а также в Византии]. Он составил и другие книги, и в стихах, и в прозе: и называемые «Дафники», и цикл новых эпиграмм, которые он собрал из современных поэтов. Процветал же вместе с Павлом Силенциарием и Македонием консулом, и Трибонианом во времена Юстиниана.

5. Агапий[3] (Suid. A 157)

Агапий, афинский философ, после того, как Прокл умер, под властью Марина он удивлял в любознательности и защите нерешаемых апорий.

162. Гессий[4] (Suid. Г 207)[5]

Гессий, врач-софист. Петриец родом, при Зеноне. Низверг Домна собственного учителя, иудеем бывшего, и товарищей к самому себе перетянул почти всех, всячески известен и великую славу имел. Он выпрямил все врачебное искусство по своему методу.

169. Дамаский[6] (Suid. Δ 39)

Стоический философ, сириец, находившийся вместе с Симпликием и Эвлалием фригийцами, процветал в юстиниановы времена. Написаны им «Комментарии» к Платону и «О началах», а также «Философская история».

265. Гермий[7] (Suid. E 3035)

---

[1] По: Hesychii Milesii Onomatologi, quae supersunt cum prolegomenis edidit Ioannes Flach. Lipsiae in Aedibus B.G. Teubneri, MDCCCLXXXI (1881). Некоторые статьи здесь короче, чем в византийском словаре «Суда», на основе которого было составлено это издание.

[2] Agathias // PLRE IIIA. P. 23-25.

[3] Agapius 3 // PLRE II. P. 32-33.

[4] Gessius 3 // PLRE II. P. 511.

[5] В «Суде» более длинная биография.

[6] Damascius 2 // PRLE II. P. 342-343.

[7] Hermeias 3 // PLRE II. P. 547-548. Жил в середине V века.

Гермий, философ, отец Аммония и Гелиодора, учителей Дамаския. [Был же Гермий другом в наибольшей степени Эгипту, брату Феодоты, матери философа Исидора; Эгипт же был любознательный].

270. Гермолай[1] (Suid. E 3048)

Гермолай, константинопольский грамматик, написавший эпитому «Этник» Стефана Грамматика, посвятив василевсу Юстиниану.

273. Евагрий[2] (Suid. E 3365)

Евагрий, он написал разное и «Комментарии к притчам Соломона».

276. Евгений[3] (Suid. E 3394)

Евгений, сын Трофима, из Августополя в Фригии, грамматик. Он преподавал в городе Константина и наиболее знаменитым был, уже будучи старцем при василевсе Анастасии. Написал «Измерение частей» мелических стихов Эсхила, Софокла [и] Еврипида из 15 драм, «О том, что (такое) пеонический палимвакхий», «Об относящемся к священным храмовым участкам, как произносится», как храм Диониса, Асклепия, «Систематическое изложение относительно букв» (содержит же излагаемые в нем странности или относительно ударения, или придыхания, или написания, или произношения, или поговорок), «Об оканчивающихся на -ια именах» (как ἔνδεια «нужда» или ἐνδία), и когда меняются, и другое нечто в ямбических триметрах.

291. Евстафий Епифанийский[4] (Suid. E 3746)

Евстафий, епифаниец. «Эпитому хроники от Энея до василевса Анастасия» в 9 томах и нечто другое.

315. Зосим[5] (Suid. Z 169)

Зосим, газиец или аскалонец, софист, во времена Анастасия василевса. Написал риторический словарь по буквам и «Комментарии» к Демосфену и к Лисию.

331. Гесихий Милетский[6] (Suid. H 611)[1]

---

[1] Hermolaus // PLRE IIIA. P. 593.

[2] Evagrius // PLRE IIIA. P. 452-453.

[3] Eugenius 2 // PLRE II. P. 416.

[4] Eustathius of Epiphaneia 10 // PLRE II. P. 435-436.

[5] В PLRE II указывается, что Зосим Газский, живший при императоре Зеноне (Zosimus 2 // PRLE II. P. 1205) спутан с Зосимом из Аскалона, жившем при императоре Анастасии (Zosimus 4 // PLRE II. P. 1206); всего в PLRE II приводится 6 Зосимов, среди которых отдельно историк и автор «Новой истории» (Zosimus 6 // PLRE II. P. 1206), однако, многие современные исследователи склоняются, что он может быть отождествлен с Зосимом Аскалонским по времени жизни, см.: *Болгов Н.Н.* Зосим – последний античный историк // Зосим. Новая история. Белгород, 2010. С. 4-46.

[6] Hesychius ‘Illustrius’ 14 // PLRE II. P. 555.

Гесихий, милетец, сын Гесихия, адвоката, и Философии, рожденный при василевсе Анастасии, написал «Ономатолог» или «Список имен для обучения», эпитомой которого является эта книга, а также историческую хронику, которую он разделил на шесть промежутков (таким образом ведь называется каждая книжка), в них вносятся соответственно временам деяния римских василевсов и соответственно народу династии правивших тиранов, и в продолжении времени от основания Византия до царствования Анастасия, кого прозвали Дикор [«двузрачковый»]. В «Списке имен для обучения» же блистательных церковных учителей ни одного не упоминает, каковое из этого возможно предположение, что он сам не был христианином, но эллинским безумием одержим.

352. Феодор Чтец[2] *(Suid. Θ 153)*

Феодор, из чтецов Великой церкви Константинополя. Написал «Церковную историю» от времен Константина до царствования Юстиниана.

362. Феофилакт Симокатта[3] *(Suid. Θ 201)*

[Феофилакт... софист, чье прозвище Симокатта...]

385. Гиерокл[4] *(Suid. I 178)*

Гиерокл, философ Александрийский. [Он вместе с непоколебимостью и великолепием ширины разума также превосходством красноречия отличался и изобилием красивейших выражений и речей всячески поражал слушателей. Был же его учеником и Феосевий, муж, в самом деле, некий другой, из которых мы видели бы, который удивляет нравом человеческой души. Говорил же этот Феосевий, излагая, что сказал некогда Гиерокл, что слова Сократа подобны игральным костям: твердо ведь стоят всякий раз, куда бы ни падали. А Гиерокла же храбрость и мужественный нрав проявила исполнившаяся судьба о нем. Ведь к Византию пришедши, поссорился с имеющими власть, и в суд приведенный, был избиваем ударами от людей: когда же текущей кровью глубоко окрасились руки, обрызгал судью, вместе с тем говоря: «Циклоп, давай, пей вино, затем ешь человеческое мясо». К изгнанию же был приговорен, и пришедши спустя время в Александрию, вместе с учениками занимался философией по обыкновению. Выво-

---

[1] В «Суде» более длинная биография.

[2] Theodorus 2 (= Theodorus Lector) // PLRE IIIB. P. 1241.

[3] Theophylactus Simocatta 10 // PLRE IIIB. P. 1311. Этот историк жил в VII в. во времена императора Ираклия.

[4] Hierocles 1 // PLRE II. P. 559-560. Гиерокл жил в первой половине V в., однако, его ученик, Феосевий (Theosebius 1 // PLRE II. P. 1110) в статье представлен в качестве современника автора.

дится же учение великознающего разума Гиерокла из сочинений, которые он записал на «Золотые слова» пифагорейцев, и других многочисленных книг о провидении, в которых является муж высокомудрой жизни, а знания не точного].

417. Иоанн Лид[1] *(Suid. I 465)*

Иоанн филадельфиец Лид. Он написал «О месяцах» первую книгу и «О знамениях» другую, [и о неких других математических принципах]. Посвятил же это префекту Гавриилу.

419. Иоанн Филопон (Suid. I 464)

Иоанн, александрийский грамматик, прозванный «Филопон». Его сочинения многочисленны: грамматические, философские, арифметические, риторические, о Священном Писании и «Против 18 умозаключений Прокла», а также «Против Севера». Кроме, так как со стороны учителей Церкви в качестве троебожника выводился, из списков православных изгнан.

434. Капитон[2] *(Suid. K 342)*

Капитон, ликиец, историк. Он написал 8 книг «Исаврики», пересказ «Эпитомы» Евтропия, сокращение Ливия Римлянина поримски, а также о Ликии и Памфилии.

456. Коллуф[3] *(Suid. K 1951)*

Коллуф Ликополит, фиванец, эпический поэт, был во времена василевса Анастасия. Написал «Калидонику» в 6 книгах, и энкомий в стихах, а также «Персику».

499. Малх[4] *(Suid. M 120)*

Малх, византийский софист. Написал «Историю» от царствования Константина и до Анастасия, в которой о Зеноне и Василиске, и сожжении государственной библиотеки и статуй Августейона а также кое-чем другом изложено, очень торжественно и в стиле трагедии оплакивая это.

506. Мариан[5] *(Suid. M 194)*

Мариан, сын адвоката Марса, из префектов Рима (в древности ведь римлянин, так как отец же переселился в Элевтерополь, один из городов Первой Палестины), экс-консулом и экс-префектом и патрикием был более известным при василевсе Анастасии. Написал такие книги: пересказ Феокрита в 3150 ямбов, пересказ «Аргонавтик» Аполлония в 5608 ямбах, пересказ «Экалии» Каллимаха, гимнов и «При-

---

[1] Ioannes Lydus 75 // PLRE II. P. 612-615.

[2] Capito // PLRE II. P. 259-260. Жил при императорах Зеноне и Анастасии.

[3] Colluthus // PLRE II. P. 304-305.

[4] Malchus // PLRE II. P. 703-704.

[5] Marianus 3 // PLRE II. P. 722.

чин» и эпиграмм в 6810 ямбах, пересказ Арата в 1140 ямбах, пересказ «Охот» Никандра в 1370 ямбах и многие другие пересказы.

507. Марин[1] *(Suid. M 198)*

Марин, неаполитанец[2], философ и ритор, ученик Прокла философа и диадоха. Написал «Жизнь Прокла», своего учителя, и «Философские задачи», а также нечто другое в прозе и стихах.

522. Менандр Протектор[3] *(Suid. M 591)*[4]

Менандр Протектор, историк.

624. Павел Эгинский[5] *(Suid. P 808)*

Павел, эгинец, врач. Написал различные врачебные книги.

638. Петр Магистр[6] *(Suid. P 1406)*

Петр, ритор, и Магистр, историк. [Послан к Хосрою послом, и очень серьезный был и непокоримый в риторическом искусстве и в уступках варварским планам, суровым и напыщенным]. Написал «Историю» и «О гражданском устройстве».

674. Прокопий Кесарийский[7] *(Suid. P 2479)*

Прокопий иллюстрий, кесариец из Палестины, ритор и софист. Был во времена василевса Юстиниана секретарем, занимавшимся делами Велизария, и сопровождающим, про все случавшиеся, и войны, и гражданские дела под его руководством записавший. Написал «Римскую историю», вернее войны патрикия Велизария, против Рима и Ливии совершенные. Написал <же> и другую книжицу, называемую «Неизданная» о других делах, так что было всего 9 книг. [Так как книжица Прокопия называется «Неизданная», то в себе содержит хулу и высмеивание василевса Юстиниана и его жены Феодоры, но, действительно, также самого Велизария и его супруги].

715. Сергий[8] *(Suid. Σ 246)*

Сергий, зевгмиец, Афтония сын, из адвокатов префектов, и сам префектом претория бывший и экс-консул и патрикий. Эпитафию на софиста и своего брата Сабина. Написал и другую книгу – «За адвокатов» к Аристиду.

803. Трибониан[1] *(Suid. T 956)*[2]

---

[1] Marinus 3 // PLRE II. P. 725-726.

[2] Из Неаполя Самаританского в Палестине (совр. Наблус).

[3] Menander 1 (Menander Protector) // PLRE IIIB. P. 873.

[4] В «Суде» более длинная биография.

[5] Paulus 56 (of Aegina) // PLRE IIIB. P. 986. Жил и работал в Александрии в первой половине VII в.

[6] Petrus 6 // PLRE IIIB. P. 994-998.

[7] Procopius 2 // PLRE IIIB. P. 1060-1066.

[8] Sergius 7 // PLRE II. P. 994-995. Жил во времена императора Анастасия.

Трибониан, сын Македониана. Из адвокатов префектов. [Этот Трибониан эллином был и безбожником, и чуждым относительно всяческой христианской веры, льстец же и обманывающий и убеждающий Юстиниана василевса, что потому не умрет, что на небеса с телом вернется. Был же квестор Юстиниана].

804. Трибониан Сидский[3] *(Suid. T 957)*

Трибониан Сидский. Из адвокатов префектов и он. Муж многоученый. Написал в стихах «Комментарии» к канону Птолемея, «Созвучие космического и гармонического рассуждения», «К вращающемуся и приведенному в порядок», «К домам блуждающих планет, и почему у каждой дом такой», «К 21 метрической стопе и 28 ритмических», пересказ гомеровского каталога кораблей, «Македонский диалог или о счастье», [и] «Жизнь Феодота философа» в 3 книгах, консульскую речь прозаически к автократору Юстиниану, царскую к нему же, «О смене месяцев» в стихах.

876. Христодор[4] *(Suid. X 525)*

Христодор сын Паниска, из Копта, города Египта, эпический поэт, процветал при временах василевса Анастасия. Написал «Исаврику» в 6 книгах (содержит же пленение Исаврии, произошедшее под властью василевса Анастасия), «Происхождение Константинополя» 12 книг в стихах, «Происхождение Фессалоники» 25 книг в стихах, «Происхождение Наклеса» (есть же город около Гелиополя, в котором так называемые афаки), «Происхождение Милета Ионийского», «Про-

---

[1] Tribonianus 1 // PLRE IIIB. P. 1335-1339.

[2] В «Суде» более длинная биография.

[3] Tribonianus 2 // PLRE IIIB. P. 1339-1340. В PLRE IIIB указывается, что отождествление Трибониана из Сид (Tribonianus 2 // PLRE IIIB. P. 1339-1340) с Трибонианом квестором Юстиниана (Tribonianus 1 // PLRE IIIB. P. 1335-1339) ошибочно, так как Трибониан из Сид жил на поколение позже, но он мог быть родственником Трибониана-квестора, в частности, его сыном, так как они происходили из одной области Памфилии и занимали похожие должности. Всего в PLRE IIIB упоминается 3 Трибониана, последний Трибониан являлся префектом города в конце царствования императора Юстиниана (Tribonianus 3 // PLRE IIIB. P. 1340-1341); по PLRE IIIB он может быть отождествлен с Трибонианом из Сид (Tribonianus 2 // PLRE IIIB. P. 1339-1340), но не с квестором Трибонианом (Tribonianus 1 // PLRE IIIB. P. 1335-1339) из-за различий в титулатуре.

[4] Christodorus // PLRE II. P. 293. В PLRE II Христодор Коптский объединяется с Христодором Фивским на основе заголовка «Экфрасиса статуй в зевксипповых термах», сохранившегося в виде II книги Палатинской антологии (Anthologia Palatina II); выделение двух авторов считается ошибкой, так как это было одно и то же лицо, поэт, живший при императоре Анастасии.

исхождение Тралл», «Происхождения Афродисиады», «Экфрасис статуй в Зевксиппе» и многое другое.

877. Христодор[1] *(Suid. X 526)*

Христодор Фивский, иллюстрий. Написал «Птицеловство» и «Чудеса святых бессребренников Косьмы и Дамиана».

ПРОКОПИЙ ГАЗСКИЙ. ПИСЬМА (EP. 2, 3)

М.М. Синица, М.Ю. Лопатина

2. Иерониму

Я подумал, что тебя Нил в дервности заключил, и часто в памяти беря такую, действительно, привычку себе, «как счастливы», я говорил, «у египтян дети, в древности Нил имеющие хорегом, которых столько приносить знает вышеупомянутый, а ныне и твою музу присоединяющие ничуть не бесчестнее Нила, по моему же суждению скорее и больше. Ведь он их земле течением богатство предоставляет, ты же души молодежи направляя язык на богатство знания, выпрямляешь, ничуть не менее, чем в древности Пифагор тем из туземцев, и после него Платон». Итак, я так полагал, а ты, небольшое удерживая, скрылся. Как же пришел податель письма, сперва удивляясь обманом, я решил дело и не был убежден глазами. А как к написанному я обратился, был убежден, что не содействовали радости другому, я обрадовался, каким образом думаешь? Ведь самые близкие надежды мне тебя снова увидеть я получил, и естественно обрадовался по случаю, если к родине ревность, действительно, на малое время покажешь. А мне ты кажешься забавляющимся ее порицать. Так как ведь как ты сказал, что означает, когда над головой туман находится, и что вода в памяти пьющих вызвает море, и хлеб нам из ячменя необдуманно подражает, я не смог отказаться: но и менее трагической тебе представляется тебе эта пощада родины. Но однако, о наилучший, нужно, чтоб благодарность познала ум этим упражнением к философии, каким образом ты знал когда-то роскошью египтян пренебрегать. Мудрого же Одиссея, маленький остров заселившего, и скалистый, и некий другой ведь чем Итака, и ни Калипсо не убедил, ни природу, чтобы к лучшему изменению вместо них Итаку не схватывать. Но спартиат, полагаю, дома даже решением в мыслях Спарту не порицал. Но я вижу, откуда некогда

[1] Согласно PLRE II - то же лицо, что и Христодор Коптский (Christodorus // PLRE II. P. 293).

ты обвинять был побужден.Ты корыстолюбие имеешь, о добрейший. Затем незначительный некий доход отклонив, «ио, ио», крича, и «Нил» часто и там богатство призываешь. Это тебя где-то сухим, как сам говоришь, сделало, и тело Херефонта ничуть не тоньше было. Полагаю же, что ты и дев любовно обнимаешь и испытываешь совершенно столько сильное желание. Но пусть станет через это таким образом в качестве друга Афродите и Эротам. Будь здоровым, и пусть я быстрее тебя поприветствую и отца детей.

3. Пифию

Если ко мне кто-то подойдет, прежде того не сделав достойным изучить, имею ли я лиру, и о гармонии слова скажет, всячески бы я почувствовал дело, и что музыкант это, тотчас я бы узнал. Если же об оружии были бы слова, и битвы рассказывал, и о судьбах войны все время излагал, не должно быть сомнений, Пифод, и что воина это я услышал. Но что мне пожелает такое? всячески ты уже учишься, ничто не меньше однако будет говорить. Мне доказываешь, что, следовательно, в твоей душе поистине живут Музы; затем одержимым будучи богиням этим жизнь имеешь посвящающим, и ничего для тебя нет удивительного, это ни книги, ни речи, и которые душу к большему возводят. Отсюда ты находился в дружеских связях с нами, начало дружбы приличествующей сделавший, я полагаю, самому себе. Но ведь если бы ты не ошибся, но эту именно требуешь книгу, такое же было у нас. Таким образом, ведь ты имел бы недостающее всегда, мне же наиболее угодно было сделать нам приятное. Ныне же клянусь не платаном Сократа, но его словами, что еще даже не произошло приобретения, однако величайшего времени говорящего. Немного после же - но с Гермесом и Музами поговори - из города Александра будет приведено. Это ведь оттуда нам они приказали послать. Это именно если бы вышло, зрению у меня всячески самостоятельно нашему проходящего о передаче, как если и сам взять я пожелал бы...

ХОРИКИЙ. НАДГРОБНАЯ РЕЧЬ ПРОКОПИЮ

А.М. Болгова, Н.Н. Болгов

Прокопий родился в Газе и, видимо, был одним из лучших ораторов своего времени. Став старым, он уступил первенство Хорикию, который жил и счастливо работал в его школе далее. § XXVII этой речи может содержать тонкий намек на эту тему.

Прокопий оставил много речей, имея дело с темами самой различной природы. Они были популярны, востребованы и достойно использовались, по-видимому, в качестве риторических образцов. Среди других его произведений, есть случай дословного воспроизведения Гомера. Это был своего рода глянец, в котором каждая идея поэта была воспроизведена в самых различных формах, и одной этой книги хватило бы, чтобы доказать, насколько он обладал ораторским искусством, и как он должен был работать, чтобы приобрести его.

Он также ссылается на первые восемь книг Ветхого Завета и книги Царей и Хроники. В этой работе он приводит многословия различных мнений, которые порождает каждая буква текста. Фотий обвиняет его в этом ненужном изобилии и великолепии его стиля, который слишком богат для простого комментария. Он также писал о книге пророка Исайи с теми же качествами и теми же дефектами.

«Надгробная речь Прокопию» Хорикия является важнейшим источником о жизни и деятельности христианского интеллектуала начала VI в., который учил в риторической школе красиво говорить будущих священнослужителей на классических примерах.

Он же являет тип схоларха, окруженного учениками, и ведущего аскетический образ жизни, так как всецело посвятил себя преподаванию и науке.

Надгробная речь Прокопию[1]

55 глав

Краткий план:

I. Введение: потребность в составлении этой речи, 1-2.

II. Ранний возраст и образование Прокопия, 3-6

III. Его профессиональная карьера и успех в качестве учителя, 7-17

IV. Его характер и социальная привлекательность, 18-20

V. Его особое внимание к религиозным исследованиям и христианским идеалам, 21-22

VI. Его социальные и профессиональные отношения, 23-24

VII. Его общественная деятельность и благотворительность, 25-26

VIII. После смерти: эсхатологические мысли и убеждения, 27-30

[1] Видимо, речь была представлена сразу же после смерти Прокопия и, следовательно, ее можно датировать тем же периодом 526/527 г. Есть ряд пассажей, которые указывают, что речь была написана вскоре после смерти Прокопия. Cf. Chor. p. 109, 10-15; 124, 25; 127, 1-2.

IX. Скорбь: воспоминание об умершем создает болезненные чувства для всех, 31-33

X. Утешение ученикам и друзьям: роль горя и медитации, 34-49

XI. Хвала епископу Маркиану, преемнику Прокопия в школе Газы, и его делам, 50-54

XII. Посвящение речи и заключительные замечания, 55.

Речь сетует на то, что у нас есть необходимость в речи такого рода; ей (Речи) приходится чтить похоронными обрядами моего умершего учителя, предлагая ему это воздаяние, насколько оно возможно.

1. Может быть, я, кажется, делаю какие-то иррациональные вещи, если я - тот, кто нуждается в утешении от каждого из вас, сам пытаюсь утешить других. Это как если бы я, кто был бы хром на обе ноги, хотел бы направлять тех, кто страдает от меньшей боли. Но чем более сурово я угнетен унынием, тем больше я не могу разумно хранить молчание, ибо таков род людей, которые скорбят и имеют обыкновение опыта,[1] так что даже если кому-то случается остаться в одиночку, он может перечислить свои боли самому себе. Но в любом случае, для того, чтобы избежать обвинения в неблагодарности, я борюсь с потоком слёз, которые пытались разорвать торжественную речь, и я подумал, что было бы действительно неуместно пройти молча мимо погребения человека, на чьем поле я собирал [цвет] аттических лугов.[2]

2. Уже давно стало традицией для тех, кто был похоронен, и кто прошел свой жизненный путь непорочно, получить панегирик в качестве приза и вознаграждения; но даже если бы этой традиции еще не существовало, надо установить, что такой обычай должен преобладать в этом случае; не для славы умершего – ибо какую славу может обеспечить речь, которая плетется позади [истинной] цены? - а на благо живых. Честь добрых людей является наибольшим стимулом к лучшим [и примерным] вещам.

3. Мне кажется, что Природа подарила этого человека человечеству, чтобы создать живой образ человеческой добродетели, а также четко показать, как каждый человек должен жить. Но Надежда, которая убеждает [людей] во всем, уступает перед его превосходными ка-

---

[1] Эта фраза (Chor., p. 110, 2), по-видимому, иллюстрирует психологическую ситуацию Хорикия, его чувствительность и его потребность публично выражать свои чувства.

[2] В качестве основной мотивации при написании этой речи Хорикий представляет благодарность, которая представляется одним из достоинств образованного человека и лидера. Фраза «аттических лугов» дает аллюзии на аттическую риторику и литературу.

чествами и не в состоянии убедить [нас], что время никогда не рождало подобного человека.

4. Ибо, хотя его отец оставил его [и умер], пока он был еще ребенком, он превзошел в порядочности и манерах тех, кто поднимаются усердно их родителями. Хотя два непреодолимых советчика, молодость и отсутствие отца, призывали его вести беззаботную жизнь, его достижения показали, что счастливая природа, даже если его подталкивали к подлости возраст или сиротство, знала, как ему самому наметить правильный путь.

5. По этой причине он пришел к «Поэтическим вратам»[1], находясь в том возрасте, в котором дети учат свои первые буквы; а затем он вошел в Палестру Гермеса[2] в возрасте тех, кто до сих пор изучают [учебный план] Муз[3]. Основы риторики, а также и уровень юношей он изучил, когда был того же возраста, как и начинающие в риторике; и учитель того же возраста, что и ученики, был неожиданным и восхитительным зрелищем. Его молодость не представляла чего-то, что можно было легко высмеять его учениками, но уважая его знания, они почитали молодого человека, как [если бы он был] старшим.

6. Существовало великое и легендарное качество Перикла, что, когда он отсутствовал, замешательство, суета и беспорядок охватывали аттическое собрание, и не было никакого порядка в вещах, которые делались; но сохраняя на первый взгляд свой внешний вид, собрание было преобразовано. Но вы бы увидели стадо (учеников) Прокопия, которое сохраняло ту же чинность, присутствовал ли Прокопий, или нет, потому что хорошее поведение было прочно укоренено в них.

7. Есть два способа, через которые превосходство софиста может быть подвергнуто испытанию: один - поражать зрителей своим мастерством и красотой своих речей, другой - инициируя молодое в таинственных обрядах древних[4]; софисты, однако, не сделали свои

---

[1] Cf. Laud. Marc. I, Comm. n. 11.

[2] Cf. Laud. Marc. I, Comm. n. 2.

[3] Chor. p. 111, 7. По-видимому, Хорикий использует слово «Муз» в попытке избежать повторений, таких как фраза «поэтические врата» (Chor. p. 111, 5). Cf. *Koukoules.* BBP. 1: 47-48, 42, esp. ns. 4, 5, 6, которые относятся к значению таких фраз. Cf. Laud. Marc. I, Comm. ns. 12, 13.

[4] Chor. p. 111, 22-23. Эней из Газы также использует аналогичное выражение – «древние мистагоги Платона». О метафорическом значении этого слова см. *Liddel-Scott*, s.v. ὀργια, sec. 2.

навыки доступными для всех[1], подтверждая (обоими способами) старую поговорку - ибо сказано: «добрые дела трудны» - или потому, что софисты хотели, чтобы люди не знали об их писаниях, или, возможно, потому, что они знали, [что] человеческая природа не ценит то, что легко получается, но чтит все, что совершается с трудом. В любом случае, [софисты], принимая во внимание одну или все из этих причин, упомянутых выше, не сделали свои труды доступными для всех, [веря], так сказать, что «это не выход для каждого человека». Но Прокопий рассмотрел с силой своего характера и усердием своих усилий всё, что написал каждый [софист], как если бы он участвовал в их собственной мысли, и точно осветил [эти писания] всех [софистов].

8. Вот что касается того, что было сказано, каким он был человеком, но каким человеком он был по отношению к воспитанию молодежи? Ни одно аттическое слово не ускользало от его внимания, ни мысли, блуждающие далеко от своей цели, ни слог, искажающий ритм [метр], ни составление [слов или предложений], имеющих расположение, неугодное для его ушей. Кто-то, нестройно перебирающий струны, мог бы легче избежать упоминания об Арионе из Мефимны или Терпандре с Лесбоса, чем кто-то, сказавший что-то неритмичное, избежал бы упоминания Прокопия.

9. И в самом деле, он очень часто ходил в театр, захватив с собой свои собственные [академические] творения, для того, чтобы пробудить у молодых людей любовь к речам, и использовал (их) для изумления всей избранной аудитории и очарования толпы, стоявшей вокруг ассамблеи. Таким образом, эта могила должна обладать (свойствами) памятника Сирены на могиле Исократа, указывая (на то), как оратор всех очаровывал.

10. Таким образом, если, как я уже упоминал, испытание, с помощью которого кто-то по-настоящему называется софистом, имеет два аспекта, вы не знаете, в каком отношении восхищаться человеком больше, и вы бы правдоподобно сказали, что человек того же склада, что Демосфен, вернулся к людям.

11. Более того, как мне кажется, по крайней мере, если бы мне позволили пойти так далеко, как автору драмы, и правила риторики дали мне право создавать персонажей, я бы изобразил Риторику в виде женщины, одетой в скорбный хитон; она не будет ни поднимать брови, ни ходить с величественной походкой, хотя риторика имеет эти качества в своей природе. Но я бы изобразил ее огорчение и отчаяние не

[1] Cf. Plat. Rep., IV, 435C; Hip. Maj. 304E. По-видимому, во времена Хорикия это высказывание было известно как пословица, но Хорикий не сохранил свою версию.

без оснований, потому что она была лишена самого известного человека из ее сообщества. И потерю этого человека она будет соответствующим образом оплакивать: «Что я могу сделать? Какое утешение я могу получить? Как может новый Орфей помочь мне очаровать музыкой богов подземного мира и убедить их отдать мне душу Прокопия в качестве приза - очень характерная история, что пересказывают поэты?»

12. Риторика правдоподобно утверждает, что, будучи лишенными такого великого учителя, самые большие города возбуждали страстное соревнование между собой, которое отражало их стремление к литературной деятельности. Город, который находится на реке Оронт, мать Либания, Антиохия, жаждала его; метрополия Финикии (Тир) чувствовала то же самое. А город Кесария превзошел их обоих по методам [привлечения его] - иногда силой, иногда лестью, зачастую пытаясь соблазнить его большим количеством золота; к этим методам любитель обучения всегда привык на практике. Она [Кесария] заманчиво удерживала свою жертву [Прокопия] до недавнего времени, но она не смогла (окончательно) привлечь его, так как он был скован сильными узами своей любви к родине (Газе).

13. И он по праву воздал своей родине за образование, которое он получил, поместив такие великие и многочисленные города вместе во второй эшелон. Несмотря на это, помимо чинов больших рангов и значительных структур, которыми эти города гордятся, каждый из этих городов имеет особое преимущество, которое может привлечь кого-то с сильными искушениями. Таким образом, город Антиохия имеет рощу, которая носит такое же имя, как любовница Аполлона, [Дафне]; есть там любезные, чистые и питьевые воды, многие платаны, высокие и широкие разросшиеся кипарисы, а также трели птиц и бризы, освежающие тела. В то время как Антиохия привлекательна рощей, город Тир имел изящество, ибо оно подходит, чтобы дать такое название родникам. И город Кесария украшен и термами, которые приятны для вас, чтобы (их) созерцать, и в которых приятнее купаться[1].

14. Хотя Прокопия увлекали такие сирены, он, наконец, поселился в городе, который питал его, и обоснованно считал странным, что ритор ахейцев [должен] любить Итаку, «хотя и каменистую», но не брезговать достоинствами ее жителей, лучшим украшением для города[2].

---

[1] Описание этих городов может свидетельствовать о том, что Хорикий посетил их сам, и поэтому он был знаком с расположением и возможностями их школ. См. также: Chor. p. 71, 2-5; cf. выше, гл. I, p. 13.

[2] Cf. Hom. Il., 3, 200; cf. Od., 9, 27.

15. Так как я уже упоминал Оронт, я вызову в своем уме другой город, единственный египетский, вместе с городом, который является соседом этой реки (Александрия). Будучи подростком, Прокопий обучался там у мастера риторики [и] занимал первое место среди «атлетов Гермеса», и после того, как он закончил свое обучение в данной области, в котором он был очень талантливым, уехал, увенчанный успехом.

16. Алкивиад, сын Клиния, когда он был еще юн, победил своего собрата-однокашника; но он одержал напрасную победу и опух от щедрот почестей; и в короткое время его способности уменьшились, и он стал великим оратором, по сравнению с другими, но значительно уступал по сравнению с его собственными способностями. И хотя все софисты полноправно даровали Прокопию все великие почести, каждый из них думал, что его награда будет называться второй [после Прокопия], (ибо) он до сих пор превосходил всех в усердии. Ибо если кто-то входил в его дом, он мог увидеть множество различных книг; теперь отложив одну (из них) в сторону при обращении с другой, он никогда не позволял себе быть без книги [в руках].

17. И, видя, как он согнулся от возраста, я пожелал себе желание Агамемнона, которое он выразил от имени старого Пелида; он хотел, чтобы молодежь могла получить возраст Нестора, в то время как Пелид мог бы вкусить прелести юноши в 25 лет. Агамемнон сделал это пожелание Нестору, увидев его юношеские движения. Кроме того, сын Тидея так восхищался неутомимостью Нестора, что этот юноша однажды презрел старика за превышение (меры) его (возрастной) готовности: «Старик, - сказал он, - ты глуп, потому что ты никогда не прекращаешь работать».[1] Я пытался много раз повторять это же высказывание Прокопию; тем не менее, я (теперь) хотел бы использовать лишь часть этого высказывания, потому что я мог бы потерпеть и не называть моего учителя глупцом, и не обращаться к нему как к «старому» - человеку, которого я хотел видеть молодым.

18. Но опять же, Перикл приходит на ум, заставляя меня сделать еще одно отступление. Когда он однажды предстал перед всем собранием, требовательным и грубым, и, оставив себе все добродетели, он сказал: «Я - ритор, оцениваю самые полезные вещи, я выражаю идеал в красоте, я люблю страну, и я ненавижу взяточничество». Но, дорогой друг, ты уменьшаешь все эти добродетели избытком своих амбиций. Перикл, конечно, никогда не делал такого заявления; напротив, если он замечал, что кто-то хвалит его, он часто краснел, склонялся до земли, потел и страдал от безмолвия. Только в такой ситуации он был со-

[1] Cf. Hom. Il., 10, 164.

вершенно неспособен, потому что смущение нарушало его язык. Он был таким неприхотливым и скромным.

19. По крайней мере, никто не появлялся перед Прокопием таким дерзким образом, кто не краснел бы, глядя на него, и не пытаясь стать более достойным, как это сделал Полемон, согласно рассказу: посмотрев на Ксенофонта, Полемон отклонил свою прежнюю беспорядочную жизнь, прожорливость, флейты и пьянство, а также его бесстыдную мимику. Тогда Прокопий стал настолько порядочным, учитывая правильные вещи и следуя, [согласно сказанному], прямому и узкому пути. Всякий раз, когда он появлялся на рыночной площади, все сразу поднимались, и, пока они воздавали ему величайшие почести, все же казалось, что они оказали ему меньше (почета), чем должны были.

20. Все грации также присутствовали на его лице; так, все с удовольствием смотрели на него, улыбаясь; и в собраниях каждый человек едва мог оторваться, и делал это лишь поздно, считая, что, общаясь с ним [Прокопием] каждый мог улучшить себя, что на самом деле многие и делали. Ибо, если его качества могли бы получить графическое выражение, можно было бы сказать, что душа Прокопия подобна роднику, из которого текли все виды вод, смешанных с пользой и развлечениями.

21. Возможно, хотя, слушая о человеке с таким количеством достоинств, можно было бы создать такое впечатление: «Этот человек, я имею в виду покойного, каким он мне представляется, никогда не касался священных книг. В какой именно функции он работал, что он разделяет так много добродетели?» Конечно, если кто-то не знал Прокопия, он мог бы так рассуждать; поскольку тот так глубоко пребывал в этой области обучения [писания], что, кроме одежд, он был во всех отношениях похож на священника. И действительно, он хорошо обучился в отношении доктрины благочестия [христианства], а также тех аргументов, которые пытались ей противоречить; [и он узнал их обе] и внимательно изучил первое, как и успешно критиковал последнее.

22. Тем не менее, знание божественных предметов было для него не только схоластическим вопросом. Ибо он не продвигал это обучение, обучая и призывая других, но он доказал свои знания своими собственными делами. И, с его помощью различным бедам многих людей, сиротство стало неважным для многих сирот, и вдовство оказалось терпимым для многих вдов. Он не терял из виду и борьбу против какого-либо непристойного желания. Напротив, он убедил многих людей с недостойными устремлениями стать целомудренными.

23. Более того, его диета не была роскошной и не превосходила спартанский стол; если он пообедал где-нибудь по случаю пира, у него был более удобный ужин, чем обычно, но он не ел ничего больше, чем обычное питание, притворяясь, что это нужно, чтобы поощрять присутствующих. И он не проводил обед только в радости и удовлетворении желудка, но делал его более приятным для своих товарищей мудрыми и приятными историями. Я много раз был среди его сотрапезников за столом, и я говорю не по рассказам, а по опыту.

24. Я почти забыл (еще) одно из его достижений. Тот, кто пытается посвятить все свои занятия риторике, когда он обязан практиковать, то привыкает выступать очень архаично и заставляет тех, кто разбирается в этих вопросах, смеяться. Но Прокопий никогда не был вторым [в этом навыке], даже среди тех, кто был обучен только этому конкретному навыку.

25. Помимо вышеупомянутых достижений, он был очень полезен для всех людей, которые были угнетены или нуждами, или болезнями, или трауром. Он часто посещал тех, кто болел телом; и, подражая Горгию из Леонтин, он убеждал некоторых из них, которые часто не обращались к определенному лечебному средству – а некоторые больные люди становились раздражительными - терпеливо принимать предписанную терапию. Что касается бедных, то он тратил на их нужды свои собственные [запасы]; и считал это очень действенным, а свое собственное богатство уподоблял золоту Мидаса. Тем не менее, если кто-то уходил по пути, предназначенному для всех [смерти], либо из ведущего класса города, либо из среднего класса, или даже принадлежавшего к простонародью, он следовал за похоронами и почитал умерших слезами; он также помогал оставшимся в живых, распространяя на них свою привязанность добрыми словами и предлагая им привязанность, соответствующую тому, что ранее предоставлялось умершим; любя как сына того, кто потерял родителей в честь отца, который был лишен детей, любя как братьев тех, кто потерял братьев.

26. Если, следовательно, в случае обычных бедствий было принято поднимать знамена высоко в воздух, как и в случае публичных торжеств, возникших в одном доме, переносить в другой, это было бы подходящее время для разворачивания таких знамен; когда же случилось несчастье, было здорово, что весь город это переживал. Этот человек ушел, не будучи очень старым; тем не менее, он был наполнен мудростью, рожденной даром высказывания, был очень способным понимать правильные вещи и превосходно интерпретировать их.

27. Отвлечемся; после того, как мы упомянули некоторые из его достоинств, давайте рассмотрим, из чего действительно был создан

характер этого человека. Или, может быть, очевидно, что (этот) человек подчинялся Паркам, от которых невозможно [для него] было получить какую-либо свободу, даже если бы он был абсолютно безупречен - если бы это было так, они могли бы освободить моего учителя для меня, но Судьбы обследуют только, когда родился человек, и как долго ему предназначено жить; и они прекращают жизнь, не принимая во внимание ничего, даже если они могут свидетельствовать о том, что дети плачут вокруг своего отца, пожилая мать оплакивает, старый отец рвет свои седые волосы; они не привыкли жалеть ни одной из этих вещей. Они не чувствуют стыда, даже если кто-то перечисляет им бесчисленные достижения, выполненные наилучшим образом.

28. Исходя из этого, конечно, Ахилл не просил у Фетиды более продолжительной жизни, и Фетида не просила об этом Зевса; она только напоминала богу, чтобы он всегда поддерживал его «в словах или делах»[1]. Из-за этих милостей она [теперь] попросила одну награду: хотя она понимала, что приближается его смерть, называя его «недолговечным из всех прочих»[2], и понимала, что после его смерти она больше не станет матерью, но, тем не менее, не просила долгой жизни для своего сына, но [она только просила] для него не жить в стыде во время его жизни.

29. Задержавшись на фессалийском герое, давайте возьмем от него второй пример для нашей речи. Когда Гектор убил Патрокла, он держал свой щит; так как он спешил отомстить за своего друга и нуждался в оружии, Ахилл попросил его у своей матери, и она, [в свою очередь], попросила Гефеста сделать его. Что же тогда сделал Гефест для Фетиды? Он попытался сделать, действительно, лучший щит, но он по-прежнему уступал судьбе. Эти вещи Гефест сделал для Фетиды, дочери Нерея. Точно так же Аполлон сказал Крезу, что невозможно, даже для богов, одержать победу над судьбой.

30. Более того, тот же бог, Аполлон, ответил тому же человеку, когда он спросил, как счастливо пройти свою жизнь: «Крез, в поисках познания себя, ты будешь жить счастливо». Поэтому, если, с одной стороны, человек, который знает себя, счастлив, согласно увещеванию Аполлона, и если, с другой стороны, человек познает себя, принимая все, что может сделать Бог, тогда вы будете счастливы. Если вы не будете придираться к тому, что у вас под рукой.

31. Таким образом, это не незначительное достижение, чтобы контролировать и успокаивать горе, когда оно находится на пике. Ибо

[1] Cf. Hom. Il., 1, 503-504.
[2] Cf. Hom. Il., 1, 505.

я верю, что вы вспоминаете в своем уме [умершего] брата: теперь [в этот момент] пася стадо молодежи; теперь [в другой момент] собирая всех граждан на лекциях; теперь приходя на рынок и читая свои речи; теперь [в другом] оставаясь дома и играя с внуками своей сестры - поскольку этот выдающийся человек не пренебрегал даже игрой в соответствующее время - вы помните надежды, которые вы питали для этих детей. [Ожидается], что [он] будет обучать двух мальчиков и привлекать женщин к мужам, и повторить брачную речь, чтобы украсить свадьбу. Вы можете представить себе бани, церкви, друзей, учеников; можно было срываться в слезы, видя их всех как стадо без пастыря. Вы могли вспомнить, насколько он был ярким ребенком среди других детей, насколько разумным он был среди подростков, насколько разумным среди мужчин и мирным в [его] старшем возрасте. Я бы сказал, что в каждом возрасте он обладал всем: если бы кто-то предполагал, что существует определенный обычай, чтобы каждый, кто изучил все добродетели, получал отдельный венок для каждого возраста от юности до старости, так что в качестве подростка он бы носил венец из роз, в молодости фиалки, также и для других возрастов другие цветы, он получил бы все венки.

32. Из-за всего этого, определенная боль, конечно, беспокоит всех вас; более того, даже увидев его изображения, вы впадаете в слезы и, вспоминая живой прототип его искусных портретов, вы поражаетесь еще большей страстью; и вы, возможно, испытываете недовольство искусством художников, потому что они не могут отразить его голос в своих творениях.

33. И поэтому вы делаете такое положение вещей причиной для его запоминания. Для тех, кто подвергся этой ситуации, следует придумать для себя причины слез и заставить себя вспомнить покойного в любом случае, и набросать (образ) покойного для себя (то есть, в своем собственном сознании). Все это беспокоит ум, все это мешает спать, все это становится для нас кошмаром, как только мы засыпаем.

34. Что тогда? Должны ли мы позволить скорби принять таких людей, как [своих] пленников? Или зря сын Феодора [Исократ] предлагает нам: «не будьте очень веселы, пока пребываете в счастье, и в противном случае не скорбите». Или вы считаете, что [только] часть этого увещевания относится к вам, потому что вы сдержанны, когда вы процветаете; но будете ли вы пренебрегать остальными наставлениями? Тем не менее, Ксенофонт считает, что получать приятные события с ограничениями сложнее, чем терпеть болезнь.

35. Поэтому не пренебрегайте более низким уровнем терпения, в то время как вы практикуете высший. Ибо, согласно трагедии, «ха-

рактерно для похвального человека получить все в хорошем духе»[1]. Пришло время исследовать наши собственные души. Насколько мне известно, я привык проверять хорошего охотника на диких зверях, а хорошего кормчего на корабле, столкнувшемся с дующим штормом. Я называю храбрым солдатом того, кто, находясь в опасности, не покидает своего места. Я анализирую действия тех, кто практикует жизнь философов, в пылу трудностей. Пусть время будет лекарством от горя для простеца; кто-то, однако, кто культивирует Муз и попробовал божественные слова, не должен ждать такого же исцеления. Ибо [в этом случае] лечение размышлениями должно иметь преимущество перед исцелением временем.

36. Или [если не это], то что еще нужно для образования для нас? Ради чего мы изо всех сил пытаемся узнать историю древних? Разумеется, не для того, чтобы тратить время без какой-либо прибыли, но я думаю, потому, что наша цель - отбросить все возможное использование полноты от этих событий и, если что-то подобное произойдет с нами, передать наш разум людям, которые страдали от равных или худших бедствий, чтобы легче управлять собой.

37. Таким образом, когда Гарпаг из Мидии, единственный сын которого был убит Астиагом, разрублен (на части) и послужил ужином, стал свидетелем этого события, он вообще не изменил своих чувств, но согласился с тем, что независимо от того, что одобрял царь, ему было приятно. Если, следовательно, что-то, что благосклонно царю, терпит необразованный человек, мы, образованные, должны терпеть более охотно, какой бы бог ни навязывал нам это.

38. Конечно, для всех мертвый сын - более болезненная катастрофа, даже [более болезненная], чем смерть брата, потому что по своей природе дети относятся ко всем людям, самым нежным из всех вещей. Но так как многие люди часто считают, что их собственные беды превышают бедствие своего соседа, и поскольку у вас, у кого нет детей, более возможно подумать, что смерть брата - самый гнетущий траур, я также утешу вас подобными примерами.

39. Менелай перенес смерть Агамемнона, на которую осмелилась женщина, на самом деле, его жена; Евфорб также претерпел убийство брата, который только что женился - на самом деле он праздновал свадьбу и оплакивал вместе с вдовой невестой - и смог увидеть убийцу Менелая, [который был] врагом и меньшим воином.

40. Почему же я должен пытаться напоминать вам только о человеке? Вы, конечно, помните жрицу, чьи дети, из-за недоступности

[1] Cf. Eur. Hec., 844; Soph. Ion., fr. 296.

быков, которые обычно привозили ее в храм Юноны, - потому что она служила богине, - сами поддерживали ярмо и тащили колесницу, на которой ехала их мать, в то время как шел праздник. Вы также можете вспомнить, что она умоляла Юнону за них: она попросила богиню предоставить своим детям дар, который был бы лучшим для человека. Богиня услышала ее благосклонно и исполнила ее желание, подарив юношам смерть. И эта женщина перенесла это событие, эта мать, которая сразу потеряла двух маленьких детей и которая, казалось, стала причиной их смерти. И по показаниям Юноны стало очевидно, что лучший подарок для человека - [почтенная и своевременная] смерть.

41. Я понимаю, что я тщетно раздражаю вас, поскольку вы, возможно, осознали правильное отношение к своему собственному опыту. Ибо я видел, как [люди] побеждали страсть [от горя] через терпение. Я уже предлагал многим из вас размышлять в течение долгого периода слёз. И это самое правильное отношение для нас. Ибо без терпения, которое, судя по всему, имплантируется в вас по своей природе, а также в образование - кто не может быть настолько слабым, чтобы считать жизнь чем-то искаженным и наполненным фактами, которые всегда делают смерть желательной для всех?

42. Благоразумный человек однажды выражал подобные мысли персидскому царю. Увидев, что он обеспокоен всеми земными делами, но [учитывая], что длина человеческой жизни коротка, варвар произнес греческое высказывание: «Царь, страшная вещь в жизни - это не ее краткость, а тот факт, что, хотя она и не соответствует природе, что она создает различные заботы, с одной стороны, плохие вещи своим присутствием раздражают тех, кто с ними связан, а с другой стороны, хорошие вещи никогда не прекращают возбуждать их».

43. Таким образом, мне кажется, что если кто-то из богов собрал бы всех людей где-то в одном месте и попросил бы их рассказать историю своей жизни, и, в конце концов, кто-то из них рассказал бы свою собственную историю, он снова спросил бы, какую из всех судьбу они предпочли бы для себя, все они замолчали бы в изумлении, никакую из них не считая завидной.

44. Итак, с этого момента, племя, которое, как я думаю, называло себя травзианами, плакало, когда кто-то рождался, потому что они учитывали все плохие вещи, которые его ожидали; однако, когда кто-то умирал, они проводили праздник, символизировавший тот факт, что человек освободился от столь многих проблем. Но поэты и те, кто занимался философией, а также риторы и писатели, говорили об этом раньше; все они вместе, и каждый по сравнению друг с другом, ссылаясь на человеческое зло, они пришли к такому же выводу.

45. В дополнение к этому, Прокопий получил благоприятную судьбу, насколько возможно для кого-то преуспеть здесь на земле; настолько, насколько он был мудрее, чем другие, тем больше ему повезло, если, конечно же, по определению Платона, мудрость является основой процветания.

46. Тем не менее, он наслаждался жизнью, в которой он не был неопытен от старости, и его не постигли те трудности, которые, как ожидалось, (были свойственны) очень старым. Избегнув этих зол, он также стал отцом всем, кого бы он ни учил, любил своих учеников одинаково, как и своих собственных детей. Кроме того, если есть что-нибудь стоящее во мне, и [если] я попытаюсь учить [как Прокопий], он умер после того, как стал не только отцом, но, конечно же, также и дедом.

47. И, конечно же, он получил смерть, достойную его жизни; без всякой затяжной болезни, иссушавшей бы его тело. И, в то время как он принимал это последнее (испытание), все считали (его) бедствием, словно своим собственным, и испускали родники слез; кроме того, его похороны были почтены такой деятельностью, как и то, что обычно заслуживает смерть священника.

48. Говорят, что Кир, сын Камбиза, однажды заметил, что кто-то приближается к нему во время сна, и сказал: «Кир, приготовься, ибо ты уже уходишь в верхний мир»[1]. Поэтому он сказал, что тогда Кир предсказал свою смерть от своей собственной интуиции, интерпретируя из собственного знания, что означало «путешествие в верхний мир». Я убежден, что Прокопий попал в то же место, что и Кир, потому что это приятное место, которое мифы называют Островом Блаженных, или (ему уготована) какая-то другая награда, предназначенная для праведников.

49. С такой мыслью я утешил себя и получил величайшее облегчение. Демосфен также ушел в том же возрасте, что и нынешний покойный; и он был тем, кто охранял Афины и всю Грецию своей риторикой, которая воевала непрекращающейся войной с золотом Филиппа, которая никогда не становилась предательницей, хотя он сталкивался с множеством предателей, которых один из софистов назвал образом Логиос Гермес. Тем не менее, он умер еще более жестокой смертью, и оставил афинян в положении смятения, как лодка, брошенная силой ветров и бурей волн.

50. Но настоящему умерший оставил свою собственную [лодку (школу)] на берегу в безопасной и большой гавани, епископу [Марки-

---

[1] Cf. Xen. Cyr., VIII, 7, 2.

ану]. Таким образом, верна старая поговорка о том, что ничто не является чистым несчастьем, но всегда что-то хорошее приходит вместе с ним. Наш епископ, отличный во всех отношениях, был дан жителям как утешение от того, что произошло.

51. Его [Маркиана] благодеяния еще ранее оценил великий софист [Прокопий], который, хотя и привык превосходить предмет своей речи, тогда впервые увидел, что встретил себе ровню в достижениях [Маркиана]. Конечно, ваши недавние благодеяния городу должны предшествовать его смерти, для того, чтобы отдать предпочтение его достойному восхваления великому красноречию.

52. Но, как не уступить перед твоими многочисленными достижениями? Из всего этого, что я могу пропустить, и какое из них я могу вспомнить? Город получил в дополнение так много портиков (stoas), что можно назвать его поэтично «городом широких улиц[1]». С того времени, что [ты] построил их, никто не мог пройти через портики, промокнув, так как все, что мешало движению, было снесено: и также твоими стараниями термы вновь были открыты всем тем, кто не мог часто посещать [их] изо всех частей города. И я могу догадаться, конечно, что дальше (за этими) будет следовать все больше и больше (прочих) достижений.

53. Каждое из этих [достижений] однако, потребует отдельной похвальной речи; но я буду пересказывать здесь лишь один из твоих поступков, который подходит к данному вопросу. Время установило болезненную традицию для женщин. Что это за традиция? Когда происходит преждевременная смерть, женщины в своем безудержном плаче сами никогда не сотрясаются от рыданий, вопреки женской природе, которая имеет легкую тенденцию к слезам, но они нанимают кого-то, кто возглашает стенания за них: это возбуждает их более, словно они уже распалены бедствием, как если бы масло положили на огонь. И, хорошо зная свое искусство, (наемные плакальщицы) вызывают громкие крики и обилие слез у таких жалких женщин.

54. (В ущерб людям), таким образом извлекающим выгоду, ты отменил этот обычай, считая, что прискорбно изобретать (новое) горе в дополнение к естественной печали. Будучи отмеченным, опекун сможет успокоить собственное бедствие и молиться, чтобы наша родина наслаждалась им по прошествии долгого времени, и создать граждан, похожих на покойного.

55. Эти возлияния, дорогой учитель, твой студент предлагает тебе. Мне было необходимо пролить слезы вместе с другими, и пред-

[1] Chor. p. 127, 24; cf. Hom. Il., 2, 12; 29.

ставить тебе нечто большее, чем другие, так как я испытывал твою любовь более всех остальных.

КОРИПП. ПАНЕГИРИК ЮСТИНУ МЛАДШЕМУ, III

Н.Н. Болгов, К.Н. Болгов

Песнь III[1].

Похороны Юстиниана. Пир на коронации Юстина Младшего. Аварское посольство, семь дней спустя

406 строк. Прозаический перевод с латинского.

Когда император достиг порога имперского дома, хотя праздничный день поглотил шестой час, он не приготовил для сладкой пищи или приветственного напитка, прежде чем сначала отправил на могилу святое и почтенное тело своего отца, удостоенного великолепных похорон. (5) Процессия была уже перед дверями, и повсюду во дворце сенаторы стояли с людьми в длинных портиках, а дальше внутри были плачущие слуги, тысячи золотых сосудов, тысячи видов колонн и тысяча серебряных держателей, которые заполняли залы, свечи, расположенные в них, (10) были поставлены в их порядке, приготовленные таким образом традиционным способом.

Грустные слуги были заняты в просторных залах. Толстые ковры (?) сверкали инкрустированными драгоценными камнями, которые римская власть принимала в прежние времена, из которых вырисовывался зеленый Нерей и земля Индии (15), и которые Цезарь привез из двора Мемфиса, что Клеопатра дала в мольбе, когда она приходила, бледная, подкупив свою стражу, чтобы сломать узы, наложенные ее братом.

Они увидели, что из них раздались вспышки света, когда их видели под углом. Но это был свет, а не огонь: свет сиял вокруг, (20) освещая позолоченные потолки яркой крыши. Они зажгли сабейские ладаны, налили ароматный мед на готовые блюда, и бальзам с его приятными запахами. Приносят сто других видов и прекрасных мазей, сохраняя святое тело на все времена. (25) Такова была последняя

---

[1] Поэма включает Вступление и 4 песни. Полный прозаический перевод готовится к опубликованию в серии «Мир Поздней античности. Документы и материалы». Песнь III наиболее важна как исторический источник, повествуя о похоронах Юстиниана и коронации Юстина Младшего, а также об аварском посольстве.

честь, которую император Юстин, лучший человек, чем Август Цезарь, заплатил отцу.

Когда благочестивый правитель вошел и увидел почтенное тело, он согнулся в слезах и вырвал холодные поцелуи из уст своего священного отца и сказал словами горя. (30) «Мы плачем от печали и скорбим всей силой нашего разума. Ты, отец, счастлив, святыня среди святых толп ангелов и, оставив свое тело позади себя, теперь видишь Бога и наслаждаешься лучшим днем под лучами солнца, с которым нет тьмы. Приветствую, уважаемый отец, кличу; (35) дорогой отец, последнее прощание».

Без дальнейших промедлений он приказал, чтобы пир был поднят по его императорскому кивку, и народ покинул весь дворец, и печальная процессия зажгла погребальные свечи. Каждый пол и возраст встречались для похорон. (40)

Кто может перечислить чудеса столь великой процессии? С одной стороны пели по почтенной линии пения дьяконов, с другой - хор девственниц: их голоса доходили до неба. Слезы текли как снег: одежда всех была мокрой от дождя, и их текущие глаза плавали в собственной влаге (45) и поливали их лица и грудь. Матери шли с распущенными волосами; некоторые были перед дверями, другие в более высоких частях здания заполняли высокие окна своим переполненным количеством: словно сбившиеся птицы, объединенные на берегах Гиперборейского Истра, (50), вынужденные суровой зимой покинуть ледяные земли. Бесчисленные птицы собираются вместе, принужденные льдом и снегом, собраться в одной группе, и ныряют туда, и не покидают реки. Многие жгли благочестивые благовония для этой процессии. (55) Со всех сторон печальные люди прибегали в страхе посмотреть. У всех была одна любовь, в одном на всех законном горе усилились их слезы, и когда они увидели похороны, они заплакали, пока они не пришли в залы церкви Святых Апостолов и не положили его почтенные члены в святую гробницу (60), которую сам император ранее устроил из чистого золота.

Когда все было спокойно, счастливые люди украшали святые стены по всему городу гирляндами зданий. Луга были опустошены их красотой, каждое дерево, которое было полно фруктов, и серые оливковые ветви были взяты. (65) Они украшали дверные косяки и украшали пороги тростником, и растягивали праздничные покровы на всех улицах. Затем юноши стали веселиться и воздавать хвалу; они аплодировали своими ногами и выступали в приятных шагах, и играли новые песни с прекрасными мелодиями. (70) Они называли благочестивого Юстина и Софию двумя огнями. Органы, лютни и лиры звенели по

всему городу, тысячи видов удовольствия, тысяча пиров, танцы, смех, беседы, радость и аплодисменты. В счастливых криках они молились о жизни императорской четы. (75) «После своей старости», - они говорили, - «мир радуется, чтобы снова стать молодым, и возвращается к своей прежней форме и внешности. Железный век теперь ушел, и золотой век восходит в твое время, Юстин, надежда на город и мир, свет Римской империи, добавляя славу ко всем (80) императорам, которые правили раньше, чья побеждающая мудрость достигла самых высоких вершин трона твоего отца». Они повторяли имя Софии и называли ее вторым светочем, и добавили новую песню к их аплодисментам.

Между тем счастливый император со своей святой женой (85) начал принимать участие в благословенных радостях императорского стола, царских пирах, и сладкие дары Вакха, которые создали дикая Сарепта и Газа, и какие прекрасный Аскалон дал своим счастливым колонистам; или какие древний Тир и плодородная Африка посылают, (90) и что Мероэ, Мемфис и яркий Кипр имеют, и что древние виноградные лозы несут с их зрелой силой, которую итакиец Улисс посадил своими руками […], и он жил в доме Лаэрта, еще не пытаясь избежать опасностей Троянской войны; (95) и осадки, которые земледелец выжал из винограда Метимны, ароматные, наполнили кубки фалернским. Древние дары палестинского Лиэя были смешаны там, белые с цветом снега и света с мягким вкусом. Они вливали темные медово-аттические вина в желтый металл (100), произведенный природой без нужды в жидком меде, и смешивались в дар гаризинскому Вакху. Кто сможет рассказать обо всем, что мир порождает для своих правителей, всех провинций, подчиненных Римской империи?

Хотя эти вещи были в изобилии, в великой роскоши (105), только небольшая пища была воспринята его скромным ртом, в привычной скромности, и столько же напитков, сколько трезвый ум, трезвое суждение придерживается рамок. Сама ответственность за свое правление и ум разумного человека справедливо заставляют его принимать пищу лишь экономно, а мудрость ищет лишь небольшое питьё. (110) Они поставили золотые блюда на пурпурные столы, ставшие еще более тяжелыми под весом драгоценностей. Юстиниан был изображен повсюду. Его изображения понравились царской чете, и счастливые потомки радовались, увидев образ своего отца. Вы могли бы подумать, что святые подобия были реальными (115) и стояли там живыми. Умение и среда могут добавить душ, если ты, природа, не отрицаешь права на добавление жизни. Мужским умам разрешено жить после смерти своей славой: их собственная слава хранит их имя в чести. (120) Сам Юстиниан отдал приказ о том, чтобы рассказ о его триумфах был за-

писан на отдельных золотых сосудах, в то время, когда он торжественно бросал цепи на захваченных тиранов, когда в своем четвертом консульстве император совершил восхождение на Капитолий в своей триумфальной процессии. (125) Разговор за прекрасным столом среди царской четы вёлся о божественном отце: затем они превозносили его прославленное имя среди роскоши и высоко поднимали свои сладкие чаши, и его имя как будто все еще жило на их устах. Ни один правитель так не любил своего предшественника (130), даже когда сын преуспел в скипетре своего отца. Отец всегда будет приятен на все времена в глазах сына и будет жить в его сердце всегда.

Когда они подняли последние чаши священного пира и радости высокого стола (135), которые принес первый день, умолкли, каждый поднялся с высокого ложа и отправился в свои личные апартаменты. Но они не расслабляли свои сердца в вялом сне: их умы не спали, чья благочестивая ответственность заключается в том, чтобы управлять столькими обширными народами, чтобы приручить жестких тиранов, (140) внимать советам и решать проблемы мира. Человеческому разуму пришло в голову признать, что многие решения, которые они приняли для безопасности мира, больше являются чудесными, чем могут быть пересказаны. Кто мог бы показать в достойной поэзии чудеса стольких божественных поступков? (145) С какими словами, с какой похвалой он мог бы воздать им должное? Божественная и благочестивая императрица, святое и почтенное имя, бессмертное добро, мудрость нашего языка, я посвящаю это твоему покровительству; помотри на меня, когда я пою пожелания тебе и предлагаю милостивую помощь моей молитве. (150)

Седьмой золотой свет увидел мир радости, отгоняющий зимние морозы со спокойной весной. Восходящее солнце, дышащее на все счастливейшими лучами, согревало ледяные морозы своим мирным огнем. Все элементы (природы) радовались друг другу и согревались в нежном тепле, (155) и Новый Рим процветал в теплоте и в собственном ожидании.

Императорский дворец был украшен, и по приказу правителя были вызваны все вожди, каждому отряду дворцовой стражи было приказано занять свое место. И теперь в твердом порядке строй деканов, курсоров, агентов дел (in rebus) (160), а вместе с ними белый отряд трибунов палатинских и отряд протекторов, находящихся под командой своих магистров, и вся сила святых должностных лиц была там, в разных формах, одежде, платье и внешности. Великие экскувиторы, охраняющие священный дворец (165), были собраны близко друг к другу в длинных портиках от самых ворот, и защищали и пра-

вую сторону, и левую, словно стена, соединяя золотые щиты с поднятыми копьями. Их бока были опоясаны мечами, их ноги были схвачены сапогами, они стояли, все одинакового роста, и сверкали одинаково, (170) их широкие плечи и крепкие руки, возвышались, словно лиственные дубы среди священных рек, через которые спокойная вода течет с резким шепотом, (они) создали плотную тень с лиственной силой, и закрыли дневной свет своими ветвями, и с радостью вознесли свои необрезанные главы (175), и ударились о вышние звезды своими вершинами. Слева и справа вы могли бы увидеть линии солдат, что стояли и сверкали, отражаясь в свете лезвий своих секир, ужасных и равных по возрасту. Императорский дворец со своими чиновниками был подобием Олимпа. Все так же ярко, (180) все, что упорядочено по своим размерам, сияет светом: точно так же, как золотые сияющие звезды в искривленном небе исполняют свои курсы, рассчитанные на их собственную меру, численность и вес, и остаются твердыми в фиксированном отступлении, и один свет сияет над всеми; (185) все звезды уступают этим превосходящим пламенам, и они питаются огнем своего монарха, которым затмевается ложь. Таким образом, власть Рима над всем великим держится над всеми царствами среди народов и сияет, подчиняясь чистому небу. (190)

Высокий зал стоит в огромном здании, сверкающем солнцем металла, чудесным по своей внешности и более чудесным в аспекте этого места и гордым своим великолепием. Императорский престол облагораживает самое святое святилище, опоясанное четырьмя изумительными колоннами (195), над которыми в середине нависает блестящее жидкое золото, как свод изогнутого неба, оттеняя бессмертную голову и трон императора, когда он сидит там - трон, украшенный драгоценностями и гордый своим пурпуром и золотом. Он принял в себя четыре согнутые изгибающиеся арки. (200) Подобная Победа держала правую сторону и левую сторону, высоко подвешенная в воздухе на распростертых крыльях, протягивая в своей блестящей правой руке венец из лавра. Широкий пол был чудесным, с мозаиками и коврами, разбросанными по нему (205), а скамьи, расположенные длинными рядами, украшали великолепный зал своими завесами. Портьеры закрывали двери. Стражи стояли у высокого входа и задерживали недостойных, которые хотели войти, собравшись вместе, поскольку они были в большом количестве и пугали своим презрением и жестами. Когда чиновники заполнили украшенный дворец (210) упорядоченными группами, из внутренней комнаты воссиял великолепный свет и заполнил всё место собрания. Император вышел в окружении великого сената. Там служила толпа евнухов. (Они обладали максимальной вер-

ностью и полными правами (215), чтобы служить в святых местах и готовить золотые ложа, обставлять царский стол для торжественных пиров, хранить домашнее хозяйство и входить в священные покои, чтобы охранять двери изнутри и готовить одежды.) Тем временем вошел Нарсес, носитель императорского меча; Нарсес, следуя по следам своего господина, (220), возвышал голову над всеми линиями и заставлял императорский зал сиять своей красотой, его волосы были хорошо уложены, он был красив и формой, и лицом. Он был во всем золоте, но скромный в одежде и внешности и приятный своим выпрямленным видом, почтенный своей добродетелью, (225) блестящий, внимательный, бдительный день и ночь для правителей мира, сияющий славным светом: утренняя звезда, сверкающая в ясном небе, опережает серебристые созвездия своими золотыми лучами и объявляет о наступлении дня своим ясным пламенем. (230)

Когда счастливый император поднялся на высокий престол и опустил свои члены в пурпурных одеяниях, начальник служб приказал аварам войти и объявил, что они - у первых дверей императорского зала, просят узреть святые ноги (235) милосердного императора, и он приказал с мягким голосом и чувством, чтобы они были допущены. Варварские воины дивились, когда они пересекали («оглядываясь», см. I. 254) первый порог и большой зал. Они увидели высоких мужей, стоявших там, золотые щиты, и посмотрели на их золотые копья, когда они сверкали длинными железными кончиками (240), а также на золоченые шлемы и красные гребни. Они вздрогнули при виде копий и жестоких секир, и увидели другие чудеса знатной процессии. И они посчитали, что римский дворец был еще одним небом. Они радовались, когда на них смотрели, и казались беззаботными, когда они входили: (245), как гирканские тигры, когда Новый Рим дает зрелища своему народу, под руководством своего наставника не ревут с их обычной дикостью, но входят, идут по краю, и смотрят на цирк, полный тысяч людей, и своим великим страхом учатся мягкости: (250) они ломают свою ярость и счастливы носить жестокие цепи, чтобы войти прямо в середину, и они любят в своей гордости тот факт, что на них смотрят. Их глаза пробегают по скамьям и восторженным толпам, и они ложатся в обожании перед престолом императора. Но когда занавес был отодвинут в сторону, и внутренняя часть была раскрыта, (255), и когда зал позолоченного здания сверкнул, и Тергазис авар посмотрел на главу императора, сияющего святой диадемой, он трижды пал на колени в обожании и остался (словно) привязанным к земле. Другие авары последовали за ним в подобном страхе (260) и пали ниц, очистив ковры своими лбами, и наполнили просторные залы длинными

волосами и императорский дворец своими огромными членами. Когда милостивый император приказал посланникам подняться, чиновники подняли их, когда они лежали там, по его приказу и предписанию, как он приказал. (265) «Что ты просишь?», - любезно сказал правитель спокойно, - «расскажи мне, научи нас и принеси послание от своего царя». Когда император сказал это своим спокойным голосом, суровый и жестокий авар начал резкими словами. (270)

«Каган, царь аваров, сражаясь войнами в самых отдаленных частях земли, заложил славу своей великой силой известных тиранов и покорил бесчисленные народы и сильные царства. Его войско способно высушить фракийский Гебр, израсходовав свои воды, обнажить русло реки, выпив ее (275), и уйти еще неудовлетворенным. Дикие персы боялись его; они поставили руки на колени, когда он угрожал им, и заработал мир своими молитвами. Если бы это было не так, напрасно, чтобы Вавилон был окружен высокими стенами, а Парфия теперь носила бы аваров как своих хозяев. (280) Мы разрушили Евфрат и покорили ледяные реки и зимние снеги, где холодные струи в потоке вод, и волна становится более жесткой, чем любой металл. Мы видели мосты, сделанные из стеклянного покрытия, лежащего над водоемами, озерами, реками и фонтанами. (285) Подобно кремню или подобно земле, вымощенной мрамором, затвердевшие воды покрыли родственные им воды. Мы везли скрипучие повозки по сплошным водам. От колес не оставалось никаких следов, и наглый ободок, пока он катился, не оставлял обычных борозд. (290) Также нельзя было повредить хрупкую форму льда, уплотненную, как и сильный мороз (?); лошади громко фыркали, и их полые копыта испугали жидкие равнины, подняв безумный шум. Мы провалились в дождь, мы шли по воде с сухими ногами. Широкие снеги предлагали (нам) (295) широкие пути. Мы принесли жестокую войну суровым народам. Другая сторона разбила свои палатки. Мы присоединились к битве, мы захватили укрепленные города и низвергли сильные города, срывая их стены. И теперь наш царь пришел как завоеватель к берегам Скифского Истра (300) и поставил свои многочисленные палатки по широким равнинам, с которых он послал нас, о император, в этот великолепный ваш город. Настало время нам принять ежегодное утешение твоего великодушного отца. То, что давал нам этот святой человек, подходит и тебе. Если ты предпочтешь (305), что наш мирный договор останется без сомнений, и что наши соглашения будут сохранены, ты отправишь нашему царю дары, которые ему причитаются».

Спокойный император не был охвачен гневом и посмотрел на молодого человека, когда он делал эти хвастовства, мирными глазами,

с благочестием, и сказал спокойной речью следующее. (310) «Так как легаты получают разрешение говорить, поэтому они должны быть смиренными и трезвыми в честности своей жизни; они должны быть людьми, которые могут знать в надлежащем порядке, когда они должны говорить смиренно, и когда в гордости, и кто будет искать то, что смягчит наш гнев, (315), и кто будет заботиться о своей собственной жизни, требуя договора. Гордость вашей гордости, раздутая пустыми словами, обнажила уродство ваших трусливых сердец. Почему вы хвалите беглецов и превозносите изгнанных людей с пустой славой? Смелая аварская раса, о которой вы говорите, подчинила сильные царства (320), но не могла защитить свои земли и покинула свой дом в качестве беглеца. Вы смеете лгать ложными историями, как мужи, которые не знают правды и придумывают новые измышления с позорным обманом? То, что вы сейчас считаете нужным приписывать своему собственному труду (325), - это ежедневный спорт для наших солдат: это энтузиазм правителей, и это удовольствие от их подданных. Этими средствами эта святая империя процветает во всем мире, ведя войну и сохраняя мир. Мы любим мир, как наши предки, но мы никогда не боимся жестокой войны. (330) Существует мир для завоеванных, но гордый погибает на войне. Мы щадим невинных, но мы не жалеем никого, кто виноват. Римское государство принадлежит Богу, ему не нужны земные руки. Оно живет благочестивым правосудием: оно не берет на себя инициативу в ведении войны, но она преследует его вначале. Или, если неблагодарные народы отказываются служить, (335), тем не менее, оно сначала предупреждает своих врагов в (своей) манере правления. Тот, кто принимает эти предупреждения, живет и может ожидать от нас заслуженной чести. Тот, кто любит мир, будет жить в покое, но те, кто хотят войны, погибнут в катастрофе войны. (340) Независимо от того, какая раса осмелилась напасть на штандарты Рима, она содрогнется, увидев, что ее толпы погасят внезапным ударом молнии, что бесчисленные граждане погибнут, и увидев, как гордые цари смирились и сломались под нашими триумфами. Итак, Каган готовится повести свои знамена против моих, (345), а авары угрожают мне трубами и армейскими лагерями, если мы не дадим им договор? Как вы думаете, мой отец сделал это через страх, потому что он дарил дары нуждающимся и был изгнан из жалости? Мы делаем это в благочестии нашего правления, и мы приказываем, чтобы назначенные дары давались тем, кто благодарен. (350) Наша рука щедрая, но не экстравагантная: она не знает отходов. Она отпускает богатство правосудия, которым она управляет миром. Мы даем сами по себе достойным и сами по себе отказываемся от недостойных. Вы смеете сопоставлять

количества с количествами и силы с силами против меня? Мы не доверяем нашему оружию, хотя полководцы, войска и смелые трибуны, завоеванные цари и народы изобилуют для нашей империи, так же, как потоки, спускаемые с небес, и пески на берегу. Что больше всего этого, и моего собственного утешения – Бог; это сила и слава нашей империи, которой дана определенная безопасность, скипетр и сила; Который в Своем милосердии поместил латинский народ во все царства и благодарит Его мир за то, что его любят; Чьей надеждой мы связаны, Чьей силой мы низвергаем гордых, Чьим благочестием мы охраняем наших людей; Кто увеличивает наши триумфы своей чудесной добродетелью. Мы восхваляем Его труд и Его единственного, кого мы боимся; только Ему мы поклоняемся и исповедуем быть нашим царем и господином. Пусть авары признают, что Он - Бог всех. Мы не допускаем высокомерие: народы, которые готовы служить, мы защищаем, и мы воспитываем смиренных дарами и честью. Пусть каждый измеряет свое богатство и силу своих людей, против которых он ведет войну и в каких надеждах он взял оружие. Пусть он спрашивает себя еще больше, где нужно искать божественную помощь. Если ложные духи смогут противостоять могущественному Богу, если резные камни смогут пойти сами по себе, и глухие и беззвучные формы и монстры, состоящие из разных металлов, если земля совершит войну в небе, вы поднимете свои руки против меня. Если ты, варвар, не знаешь, что может сделать римская сила, оглянись на историю, на то, что сделали наши латинские предки, деды и отцы. Узнай, глупец, что мог сделать наш престарелый отец, при котором вандалы-тираны пали на бойне, и геты были приручены, а юноши аламанны, франки и многие другие народы и знаменитые королевства во всем мире подняли ярмо, сгибая свои высокие шеи до наших триумфов, и отдали свои сердца и умы к рабству, и остались верными нам, хотя они были когда-то нашими врагами. Смотрите, Скальдор готов служить в нашем дворце и отправляет нам легатов и бесчисленные подарки. Против тех, кого мы считаем неблагодарными, мы идем на войну. Должны ли мы стоять на пути царей, но открыть наши двери для изгнанных рабов? Это не соответствует нашим законам. Я говорю вам правду. (?) Мы предлагаем помощь недостойным. Каган думает, что его боятся и осмеливается напасть на мои знамена на войне? Очень хорошо, иди. Подготовь свои битвы, распоряжения и лагеря, и с уверенностью жди полководцев моей армии».

Авар задрожал от ужаса и сильно страдал. Его жидкий голос застрял в сухом горле и смутился этими угрозами, он покинул имперский трон.

Что касается остальных, кого дальновидный император рукополагал своими глубокими советами, никто, признаюсь, не мог охватить его словами, и моя книга (уже) полна, и ее путь подходит к концу. Эти вещи, которые я оставляю, немного задержали (нас), чтобы их не упустить (405), чтобы они были установлены в нужное место; и я буду описывать радостный исход с преданным умом, насколько я способен.

ХРОНИКА ПСЕВДО-ЗАХАРИИ, IX-X, XII

В.М. Кириллов

Глава IX
ДЕВЯТАЯ ГЛАВА РАССКАЗЫВАЕТ, КАК ФЕОДОСИЙ[1], РАЗЫСКИВАЕМЫЙ РИМСКИМ ВОЙСКОМ, БЫЛ СХВАЧЕН И ПОСАЖЕН В ПОМЕЩЕНИИ, В КОТОРОМ НАХОДИЛАСЬ ИЗВЕСТЬ; И ГДЕ, В ДАЛЬНЕЙШЕМ, ОН УМЕР

А Феодосий, когда его разыскивали, следуя императорским указаниям, по всей провинции, принял одеяние римлянина, имеющего на голове волосы и [носящего] шлем; и он ушёл, повсюду укрепляя и ободряя верных. В дальнейшем, однако, когда он прибыл в окрестности Сидона, он был схвачен и доставлен к римлянам одним из своих друзей.

И несториане были так разъярены на него, потому что он прошёл через весь мир, и обличил, и предал анафеме ложное учение Нестория, что они отправились к императору и убедили его дозволить, чтобы [этот] муж был отдан в их заботу и содержание. И они схватили его и заключили в небольшой постройке, принадлежащей монахам, в которой находилась негашёная известь.

И эти последователи Нестория ходили к нему толпой и спорили с ним, в надежде, что, под давлением великих бедствий, он изменит свой образ мыслей и согласится с их желанием. И он одержал победу над всеми ними и отбил их нападки; и, так как они отошли от него постыженные и посрамленные, он сказал: «Хоть даже я заключён и, в связи с этим, не могу ходить по разным местам, в соответствии с моим бывшим правом; всё же, пока есть дыхание в моих ноздрях, слово Бо-

---

[1] Антипатриарх Иерусалима, который занял престол после того, как иерусалимцы, несогласные с решением Халкедона, не пустили в город поддержавшего Собор патриарха Ювеналия.

жие не должно быть заключено во мне; но должно проповедоваться, то, что истинно и верно, ушам слушателей».

Но евтихиане также вообразили, что он согласится с ними; и они вместе пришли к нему и вступили с ним в дискуссию. И в подобной манере, вопреки их ожиданию, он показал их согласными с Валентином[1], и Манесом[2], и Маркионом; и что их ересь была нечиста, даже хуже, чем у Павла Самосатского, и Аполлинария, и Нестория. И так они, в свою очередь, отошли от него, будучи осуждены им.

И, потому что они повергли на него одно бедствие за другим, его душа оставалась тверда в благом споре.

Там он познакомился с несколькими трудами Иоанна Риторика из Александрии, которые были наполнены лживым учением и сильно испорчены, и это было ересью; и он обличил этого мужа и предал анафеме. И, в дальнейшем, он умер, окончив своё дело, и утвердившись в борьбе, и сохранив свою веру. И, уходя из тюрьмы, он отошёл пребывать со Христом, нашим Господом. И он оставил для верных пример мужества.

Глава X.
ДЕСЯТАЯ ГЛАВА РАССКАЗЫВАЕТ О ЕРЕСИ ИОАННА РИТОРИКА ИЗ АЛЕКСАНДРИИ; И КАК ОНА БЫЛА ОТВЕРГНУТА И ПРЕДАНА АНАФЕМЕ

Иоанн был приверженцем Палладия, александрийского софиста, и был для него «вторым сортом». И, именно по этой причине, он был назван риториком, что рядом с софистикой приходит риторика, и, поэтому, философ прозван этим именем.

Этот муж, во дни Протерия, который сменил Диоскора, увидел, что весь город Александрия ненавидел Протерия, некоторые из-за их рвения в вере, остальные – ибо они были разграблены и преследуемы им с целью принудить их согласиться с Собором и принять Томос. Тогда он сам попытался снискать расположения людей, и представить прекрасный образ, и собрать для себя деньги, и быть чествуемым от этой пустой славы. И, не читавши Святые Писания, и не понимая смысла их тайн, и не упражнявшись в сочинениях древних отцов свя-

---

[1] Имеется в виду египетский гностик Валентин, живший во II веке. К самым значимым результатам его деятельности относится оформленное им учение о Плероме.

[2] Вероятнее всего, имеется в виду Мани - основатель манихейства, религиозного течения, состоявшего из смешения элементов христианства и зороастризма.

той Церкви, и не понимая, что он говорил или о чём спорил, он был полон амбиций написать своего рода доказательство, что, после образа действия семени, Бог Слово был завёрнут в тело, и что Он страдал внутри Своей собственной Природы, если, конечно, Он страдал вообще. Но он отрицал, что Слово было соединено с человеческим телом; и [говорил, что] он не будет исповедовать природы, от которой появился Единый Христос. Но он подготовился и собрал слова, сказав: «Это ни в коем случае нельзя назвать природой, поскольку воплощение произошло без семени мужчины в Деве». И он сказал: «Поэтому Христос не был ни от неё, ни из неё». И он не согласился с отцами Церкви, которые провозгласили, что человеческая природа была соединена с Богом Словом, и что Он стал человеком.

И такими пустыми словами, как эти, он пользовался для болтовни; и, также, он написал книги. И в них он был противоречив себе; иногда соглашаясь с Аполинарием, иногда – с Евтихием; и снова утверждая что-то новое. И, так как он сомневался по поводу предмета его сочинений, чтобы они не были поносимы[1], он не подписывал свои книги его собственным именем. Но, некогда, он написал имя Феодосия, епископа Иерусалимского, на одном; и снова, имя Петра Ибера на другом; что даже верующие могли быть обмануты и принять их.

Но они говорят, что, по одному обстоятельству, Пётр Ибер встретился с одним из тех, которые были подписаны его именем, в некотором монастыре; и, когда он взял это и прочитал, он исполнился негодованием, и он предал анафеме мужа, который написал это. И не только там, но и в Александрии, и в Палестине, и в Сирии он и Феодосий предали анафеме сочинения этого мужа.

Глава XII

ДВЕНАДЦАТАЯ ГЛАВА ПОВЕСТВУЕТ ОБ АНТЕМИИ, И СЕВЕРЕ, И ОЛИБРИИ, И ЛЬВЕ, ПРАВИВШИХ ОДНОВРЕМЕННО И ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНО В ТЕЧЕНИЕ СЕМИ ЛЕТ[2].

Когда Антемий процарствовал пять лет, он был убит Рицимером. И Север, процарствовав один год, умер. И Олибрий, кто царство-

[1] Или, «чтобы оставаться неизвестным» (Hamilton - Brooks).

[2] В реальности хронология царствований выглядит по-другому. После Майориана императором стал Либий Север, умерший примерно через четыре года. В 467 г. Лев Макелла посадил на римский трон Прокопия Антемия, убитого весной 472 г. по приказу своего зятя Рицимера. После него трон на короткое время занял Аниций Олибрий. Получается, что Лев I правил в одно время с ними всеми, и пережил их ещё примерно на два года.

вал после Севера вместе с Антемием один год, умер. И Лев Первый, также, умер, процарствовав с Антемием в течение трёх лет, и два года после [него].

В первый год Льва Антиохия, действительно, была уничтожена землетрясением, которое произошло [там]; и там был, также, великий пожар. И на второй год его правления был убит Сулеф(а), тиран готов. И на третий год его царствования были убиты стратилат Аспар и его сыновья.

А в этой третьей книге и её главах, которые написаны выше, охвачен период в тринадцать с половиной лет. И это составлено следующим образом: Маркиан и Мориан – шесть с половиной лет; и Антемий, и Север, и Олибрий, и Лев Первый, которые царствовали последовательно и одновременно,– семь лет.

И этот период начинается с третьего года триста пятой Олимпиады и заканчивается триста восьмой Олимпиадой.

РЕЦЕНЗИИ

ГАЗСКАЯ ШКОЛА И ЕЕ АВТОРЫ - 2017

А.М. Болгова, Н.Н. Болгов

23-25 мая 2013 г. в Париже (Коллеж-де-Франс) состоялась международная научная конференция, посвященная Газской школе. В ней довелось участвовать и авторам данной заметки[1]. Тогда же были опубликованы тезисы докладов всех участников.

Осенью 2017 г., наконец, вышел сборник основных материалов конференции, представленный 25-ю авторами: L'École de Gaza: espace littéraire et identité culturelle dans l'antiquité tardive / Actes du colloque international de Paris, Collège de France, 23-25 mai 2013 / édités par Eugenio Amato, Aldo Corcella et Delphine Lauritzen. Leuven – Paris – Bristol, Ct: Peeters, 2017. XIV+600 p. (Bibliothèque de *Byzantion,* 13; Orientalia lovaniensia analecta, 249).

Представляется важным дать ниже полное оглавление сборника.

---

[1] *Bolgova A.M.; Bolgov N.N.* The Crossroads of Epochs and Cultures: Choricius of Gaza as a mirror of continuity // L'Ecole de Gaza: espace litteraire et identite culturelle dans l'Antiquite Tardive. Paris: College de France, 2013. P. 2-3.

Hadjittofi, Fotini. Homer is a Dancer (Ὅμηρος ὀρχεῖται): The Poet in Choricius. P. 151-162.

Penella, Robert J. Rhetoric, Episcopacy, and Cultural Encyclopedia in Late Antique Gaza: Choricius's Panegyrics in Honor of Marcianus. P. 163-184.

Saliou, Catherine. Dire l'architecture au VIe s.: Chorikios de Gaza. P. 185-198.

Lampadaridi, Anna. L'eglise eudoxienne dans la Vie de Porphyre de Gaza (BHG 1570) et l'eglise de Saint-Serge chez Chorikios. P. 199-208.

Ventrella, Gianluca. Un eloge pour les Vicennalia d'Anastase Ier? Nouvelles hypotheses sur le contexte et la datation du Panégyrique de Procope de Gaza. P. 209-224.

Thévenet, Lucie. L'Ekphrasis eikonos de Procope de Gaza: visite guidee d'une tragedie. P. 225-268.

Lupi, Simona. Ὁ φιλόμυθος ἀνήρ: Erodoto nel corpus coriciano. P. 267-286.

Pernet, Christian. Libanios dans l'Apologie des mimes de Chorikios de Gaza. P. 287-312.

Narro, Ángel. La Vie et Miracles de Sainte Thècle et l'Ecole de Gaza. P. 313-324.

Milazzo, Antonino M. La retorica dei mirabilia nel Teofrasto di Enea di Gaza. P. 325-338.

Tomassi, Gianluigi. La pratica declamatoria nella Scuola di Gaza: il caso del Tirannicida di Coricio. P. 339-366.

Zucker, Arnaud. Approche structurelle et phraseologique de l'ouvrage de Timothee de Gaza sur les animaux. P. 367-412.

Corcella, Aldo. Timoteo di Gaza: un grammatico fra tradizione e innovazione. P. 413-454.

Ciccolella, Federica. Eros, Sophia and the Ninth-Century Anacreontic Revival. P. 455-472.

D'Alessio, Paola. Aspetti della tradizione manoscritta di Coricio di Gaza (I). P. 473-520.

Amato, Eugenio. Tradition manuscrite et tradition erudite de Procope et Enee de Gaza: deux nouvelles decouvertes. P. 521-556.

Данная книга является уже третьей коллективной монографией, посвященной Газе. Она вышла более чем через десятилетие после предыдущих. Таким образом, в ней нашли отражение результаты новых исследований и изысканий[1].

---

[1] См. также: *Болгова А.М.; Болгов Н.Н.; Липич В.В.; Шилов В.Н.* Изучение Газской школы риторики в последние годы // Научные ведомости БелГУ. Серия

Очевидно, что главное место в книге (как и в докладах конференции) было уделено письменной традиции, связанной с Газской школой.

В восьми материалах издания затрагивались сюжеты, связанные с Хорикием, наиболее популярным автором Газской школы. Философская традиция представлена Захарией Схоластиком (4) и Энеем Газским (3). Прокопий Газский привлек внимание трех авторов. Тимофей Газский стал предметом двух работ. Поэт Иоанн Газский был рассмотрен в одной статье. Остальные работы были посвящены более общим вопросам, связанным с теми или иными аспектами деятельности Газской школы.

Координация, объединение и мобилизация усилий по изучению Газской школы представляют собой важный пример современного международного научного проекта, во главе которого стоят ученые из Франции и Италии. Помимо конференции и новой монографии данный проект имеет представительный и обновляемый интернет-сайт с важными ресурсами и библиографией.

Проблемы культурных трансформаций позднеантичного времени и формирование ранневизантийского культурного синтеза – одна из наиболее актуальных проблем в мировой исторической науке, благодаря знакомству с данной книгой, будут стимулировать дальнейшие исследования в этой области в отечественной историографии и, в частности, в НИУ «БелГУ», где они начались несколько лет назад и ныне активно развиваются.

НОВЫЕ КНИГИ Е.А. и Н.В. МОЛЕВЫХ

Н.Н. Болгов, М.Ю. Лопатина

В 2017 году основатели белгородского антиковедения Евгений Александрович и Наталья Владимировна Молевы отпраздновали свой славный юбилей. Отметили они его наилучшим образом для ученых – выходом новых книг.

В самом конце 2016 г. вышел из печати долгожданный 2-й том монографии «Боспорский город Китей»[1]. В совокупности с 1 томом,

---

История. Политология. Экономика. Информатика. № 21 (192). Вып. 32. Белгород, 2014. С. 43-46.

[1] *Молев Е.А., Молева Н.В.* Боспорский город Китей. Часть 2 / Боспорские исследования. Supplementum 5. Симферополь: Соло-Рич – Керчь: ЦАИ БФ «Деметра», 2016. 452 с.

вышедшим ранее[1], эти публикации достойно представляют промежуточные итоги более чем 40-летних раскопок данного города, осуществляемых под руководством Е.А. Молева. Помимо полиграфии высшего качества, издание увеличенного формата на мелованной бумаге содержит исчерпывающий перечень всего археологического материала, найденного на городище. Это более 45 тыс. предметов и фрагментов, в том числе издалия из металлов (включая монеты) – 975, керамическая столовая и парадная посуда – 24585, строительные материалы – 4241, изделия из стекла – 643, изделия из камня – 214, терракотовые статуэтки – 127, кости и изделия из кости – 11454.

Непосредственно к 70-летию профессора Е.А. Молева коллектив кафедр Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, где последнюю четверть века, с 1992 г. трудится юбиляр, издал сборник избранных его трудов под названием «Боспорские древности»[2]. Четыре раздела книги охватывают темы «Боспор от архаики к эллинизму», «Боспор и варвары», «Митридатика» и «Китей». Редактор издания проф. А.В. Махлаюк назвал свое вступительное слово «Не подводя итогов». И действительно, Евгению Александровичу еще совершенно рано думать о каких-либо итогах, свидетельством чему стали, помимо его продолжающейся потрясающей научной активности, два новых полевых сезона возглавляемой им Китейской экспедиции (2016-2017)[3], возобновившей работу после небольшого перерыва, блестящие и уникальные находки юстиниановского времени, а также тематическая выставка о Китее в Керченском музее (2017).

Наконец, сам юбиляр подготовил свою автобиографию[4], написанную в живом стиле, со многими иллюстрациями. Книга в полной мере создает ощущение общения с ее автором, голос которого словно звучит со страниц.

В том же 2017 году вышла в свет и коллективная монография «Артефакты и сакральное в истории Боспора»[5], которая, конечно же,

---

[1] *Молев Е.А.* Боспорский город Китей / Боспорские исследования. Supplementum 6. Киев: АДЕФ-Украина – Симферополь – Керчь: ЦАИ БФ «Деметра», 2010. 316 с.

[2] *Молев Е.А.* Боспорские древности. Проблемы политической, социальной и культурной истории античного Боспора / Под ред. проф. А.В. Махлаюка, проф. С.К. Сизова. Нижний Новгород: ННГУ, 2017. 340 с.

[3] Основную часть экспедиции составили студенты и аспиранты НИУ «БелГУ».

[4] Профессор Евгений Александрович Молев. К 70-летию со дня рождения. Автобиография. Нижний Новгород, 2017. 100 с.

[5] Артефакты и сакральное в истории Боспора / под ред. проф. А.В. Махлаюка. Нижний Новгород: ННГУ, 2017. 216 с.

посвящена юбилею Натальи Владимировны Молевой, чьи публикации составляют более половины книги, а остальные материалы представлены работами ее коллег и друзей по боспорской археологии. Биографическо-посвятительный раздел включает материалы о самой Наталье Владимировне, ее научных исследованиях, а также содержит список ее трудов за все годы.

В канун 2017 г. вышел и обобщающий том, принадлежащий перу Натальи Владимировны – «Антропоморфные изваяния. Из собрания КГИКЗ»[1]. Группа антропоморфных памятников из лапидарной коллекции Керченского историко-культурного заповедника является наиболее представительным музейным собранием антропоморфных изваяний в мире. В книге представлены 209 памятников античной эпохи, четыре эпохи бронзы и 1 - раннесредневекового периода. Каталог содержит полную информацию об антропоморфных изваяниях, найденных на территории, принадлежавшей Боспорскому государству.

Таким образом, за неполный год – с декабря 2016 по июль 2017 гг. вышло пять обобщающих изданий, которые задают новый уровень в научной работе Е.А. и Н.В. Молевых, а также в полевых исследованиях Китея, а также отмечают сделанное ими в науке на данный момент.

Поздравляя наших учителей с прекрасным юбилеем, пожелаем им дальнейших успехов, радости научного поиска, верных друзей и достойных учеников!

---

[1] *Молева Н.В.* Антропоморфные изваяния. Из собрания Керченского государственного историко-культурного заповедника / Лапидарная коллекция. Том V. Симферополь: ООО Соло-Рич - Керчь: ЦАИ БФ «Деметра», 2016. 252 с.

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА

ДЖОРЖЕТТ ХЕЙЕР И ЕЁ РОМАН «ВИЛЬГЕЛЬМ ЗАВОЕВАТЕЛЬ»

В.М. Кириллов

История жизни Вильгельма Нормандского является одной из наиболее популярных тем творчества западных, особенно английских, медиевистов. Кроме учёных-историков этот сюжет нашёл множество почитателей среди деятелей культуры. Наибольшее распространение он получил в кинематографе. В качестве примеров мы можем вспомнить фильмы «Завоеватель Англии» (1984) и «Вильгельм Завоеватель» (2014), посвящённых непосредственно этому человеку, или же «1066» (2009) и «Меч мести» (2015), в которых показаны связанные с его деятельностью события.

Самого знаменитого нормандского герцога не обошли вниманием и писатели. В числе первых это сделала Джорджетт Хейер. Её можно назвать первопроходцем в жанре английского исторического романа. Пройдя становление в качестве писателя в 1920-е годы и выпустив ряд любовных романов, действия которых происходят в различные периоды эпохи английской истории – от средневековья до эпохи Регентства, она решает попробовать себя в роли исторического писателя.

В 1931 г. свет увидело её произведение, посвящённое жизни и деятельности Вильгельма, герцога Нормандии и короля Англии. На русском языке оно было опубликовано только в 2002 г. под названием «Вильгельм Завоеватель» в выпущенной издательством «Астрель» серии «Великие властители». Три года назад вышло ещё одно русское издание этого романа, озаглавленное «Завоеватель сердец».

Из-за вольности переводчиков оба заголовка отечественных изданий не отражают всё содержание сюжетной линии и смысла произведения. Говоря «Вильгельм Завоеватель», мы представляем его главного героя как покорителя Англии. Под фразой «Завоеватель сердец» наоборот, мы можем подразумевать что угодно, кроме, его военных походов. Джорджетт Хейер озаглавила свой роман «The Conqueror».

Он описывает жизнь Вильгельма Нормандского с момента его рождения в 1028 г. до завоевания им Англии в 1066 г. Ставший незаконнорожденным сыном Роберта, герцога Нормандии, и став его наследником, Вильгельм вынужден бороться, чтобы сохранить за собой трон, который достался ему в семь лет. Он опирается на поддерж-

ку своего влиятельного дяди, архиепископа Роберта. Со смертью через год архиепископа Роберта герцогство опускается в хаос и анархию. Несколько партий дворян борются за контроль над молодым герцогом. Сначала Алан из Бретани берет Вильгельма под стражу. Когда Алан умирает, его заменяет Гилберт из Брионна. Гилберт был убит в течение нескольких месяцев. Еще один опекун, Осберн, убит в комнате герцога. Уолтер, дядя Вильгельма, вынужден прятать молодого герцога в домах крестьян… Вильгельм постоянно должен проявлять хитрость, чтобы остаться в живых. Его уже сейчас можно назвать завоевателем – он борется за то, чтобы удержаться на нормандском престоле.

Пройдя через множество опасностей, он достигает совершеннолетия и начинает лично управлять герцогством с 1046 г. Теперь ему необходимо завоёвывать влияние на его баронов и соседей. Решение Вильгельма взять власть в свои руки вызвало в том же году восстание баронов, которыми руководил один из знатнейших дворян Ги Бургундский. Молодой герцог был вынужден бежать из Нормандии и просить помощи у французского короля Генриха. Собрав верных ему людей, но находясь в меньшинстве, он пошёл в бой. Мятежники были разбиты в битве при Валь-эс-Дюн, неповиновение баронов закончилось. В 1052 г. началась война Вильгельма против гораздо более серьёзных противников – анжуйского графа Жоффруа и бывшего союзника, короля Генриха. Первое время конфликт шёл с переменным успехом. Герцог Нормандии был занят в эти годы формированием сильной армии, результатом чего и стали его победы у Мортивера и Варавиля. С этого момента Вильгельм предстаёт как сильный правитель, готовый принять любой вызов.

И он его получает, однако, не на военном фронте. Посватавшись к дочери графа Фландрии Бодуэна, которую звали Матильдой, он получает отказ, который звучал в наиболее обидной для него форме: «Я слишком знатна, чтобы выходить замуж за бастарда». Глубоко оскорблённый Вильгельм решил отомстить довольно оригинальным способом. Он лично прискакал в дом её отца, поднялся в комнату Матильды, схватил её за длинные косы, бросил на пол и высек. Эта история не является плодом фантазии писателя, её же мы можем прочитать и в работах профессиональных исследователей[1], опирающихся на источники. Матильда, как и её окружение, была настолько шокирована этим событием, что предъявила отцу ультиматум: она будет согласна выйти только за Вильгельма, что, вскоре, и произошло.

---

[1] *Hilton L.* Queens Consort: England's Medieval Queens. New York: Pegasus Books, 2010. 482 p.

Затем встал вопрос о наследовании английской короны. Герцог Нормандии смог завоевать и её. Мы не будем пересказывать всю историю 1066 года и предшествующие ему события. Только скажем, что автор передаёт историю подготовки к походу и его осуществления с удивительной точностью. Можно сказать, что перед нами в этих главах предстаёт переписанный художественным языком текст Вудстерской хроники, описывающий события тех лет с удивительной подробностью.

Кроме этого, в сюжете романа есть и другие завоеватели. Так дворянин Рауль де Харкорт, второй главный герой произведения, также предстаёт в этой роли. Он был с Вильгельмом во время одного из покушений и помогал ему бежать. Рауль следует за своим сеньором во всех его начинаниях, исполняя, порой, трудные и рискованные предприятия. Своей службой он не только добивается расположения, но и завоёвывает дружбу Вильгельма, столь исключительную и желанную для каждого из его окружения. Он же завоёвывает и сердце англосаксонки Элфриды. Её брат Эдгар прибыл в Нормандию в свите сына Годвина Уэссекского Вульфнота, который был передан Вильгельму в качестве гаранта его права на английский престол. За долгие годы пребывания в герцогстве он подружился с Раулем. В 1065 г. Эдгар возвращается в Англию вместе с Гарольдом Годвинсоном. Через год оба друга принимают участие в битве при Гастингсе, в которой Эдгар погибает. Элфрида, полная из-за скорби ненависти ко всем нормандцам, всё же покоряется Раулю и соглашается выйти за него замуж.

В заключение можно сказать, что вообще весь сюжет романа – это борьба, почти все герои, в итоге, достигают своих целей. Особо хочется отметить тот факт, что историческая составляющая всего романа, а не только вторжения в Англию, отработана очень хорошо. Исключение составляют лишь мелкие бытовые подробности, так, например, рыцари в произведении иногда курят трубки. Но это не портит общего впечатления от романа, исполненного на удивление качественно.

РОБЕРТ ГРЕЙВЗ: ПОЭЗИЯ, МИФОЛОГИЯ И ИСТОРИЯ

Н.Н. Болгов

Грейвз, Роберт. Золотое руно (М.: Терра, 1998 / Соч., т. 5. 448 с. Пер. с англ.).

Автор романа – известный британский поэт и мифограф Роберт Грейвз (1895-1985). Роман «Золотое руно» (1944) – не просто полная и

добротная реконструкция мифа, но и изложение мифопоэтических идей Грейвза – о Белой Богине (Левкотее)[1] и др. Грейвз вообще известен своим субъективизмом и личным мнением в изложении исторических событий и мифологии.

Книга насыщена ученостью и точным изложением историко-мифологических подробностей и деталей, кающихся тех или иных мест по маршруту плавания аргонавтов.

Пролог с Анкеем и разговор с Нимфой связывают роман с испанским островом Майорка (Балеарские острова), где много лет жил и работал сам писатель.

В книге есть также ряд авторских трактовок, расходящихся с общепринятыми, так, первую волну греков II тыс. до н.э., заселившими Грецию, он именует ионийцами. Хотя древность ионийцев засвидетельствована античной традицией, все же более общепринято, что в Грецию на смену пеласгам первым пришел более крупный массив ахейцев, а собственно ионийцы выделились из ахейского массива уже после гибели Микенской цивилизации в «Темные века» (XI-IX вв. до н.э.).

Кроме того, от идеи борьбы матриархального культа Луны (Великой Богини) и мужских солярных культов, популярной в I пол. XX в., наука уже давно отказалась. Тем не менее, весьма интересно читать первые главы, которые рисуют масштабную картину «религиозной революции», борьбы поверженных (но еще сильных в подполье) приверженцев культа Великой Богини и новых адептов патриархальных культов. Эта борьба охватывает буквально каждое святилище, и с ней, так или иначе, связаны все герои романа, и, конечно, сама интрига, связанная с Золотым Руном.

Несмотря на отказ от подобной реконструкции в истории религии, нельзя не признать, что история Древней Европы в общих чертах всё же могла испытать подобные исторические циклы. Например, Мария Гимбутас (1921-1994)[2] изображает мир земледельцев неолита как мир мирных людей с матриархальными чертами в верованиях, а им на смену пришел мир воинственных индоевропейцев - воинов на колесницах, исповедовавших патриархальные культы.

Ярко обрисованы запоминающиеся образы каждого из аргонавтов. Указаны даже различные версии их списка – автор не удержался от соблазна поделиться своими обширными познаниями в мифологии.

---

[1] См.: *Грейвз Р.* Белая Богиня. М., 1999 (культурологический и религиоведческий трактат, издан в 1948 г.).

[2] *Гимбутас М.* Цивилизация Великой Богини: мир Древней Европы. М., 2006 (оригинал: 1991).

Кстати, его изложение мифов[1] – до сих пор единственное из существующих поныне на русском языке, в котором бы не просто излагались реконструированные мифы, но были бы сделаны исчерпывающие ссылки на античные источники и предложены различные версии мифов с объяснениями.

К книге приложен ценный очерк автора о принципах работы над книгой и мифологический словарь.

Сюжеты из античной истории привлекли писателя еще не раз: это дилогия «Я Клавдий» - «Божественный Клавдий», «Царь Иисус» и «Князь Велизарий». Еще 5 романов, помимо стихотворений, посвящены более поздним временам. Также Грейвз много переводил классических античных поэтов.

Знакомство с «Золотым Руном» (вкупе с «Белой Богиней») создаёт у читателя ощущение реальности волшебного мира мифа, достоверности его деталей и мотивации поступков героев. Это поэтический мир, нарисованный поэтом, а не историком. Поэтому его и нужно воспринимать по его законам, но не пытаться судить с позиций степени исторической достоверности.

Книга пробуждает эмоции и интерес к теме, и потому достойна внимания.

Остаётся заметить, что перевод в некоторых местах грубоват и осовременем. Но специалист легко подобрал бы лучшие эквиваленты неудачным терминам.

ТАТЬЯНА АЛЕКСАНДРОВА – НОВЫЙ ПРЕДСТАВИТЕЛЬ «ПРОФЕССОРСКОГО РОМАНА»

Н.Н. Болгов, Д.В. Пасишник

Татьяна Львовна Александрова - кандидат филологических наук, преподаватель кафедры древних языков и древнехристианской письменности Православного Свято-Тихоновского государственного университета (ПСТГУ) (Москва). Переводчик позднеантичной поэзии и сочинений Амвросия Медиоланского и Григория Нисского, жития Мелании Младшей и др. В последние годы активно публикует научные статьи по истории, связанные с жизнью и наследием императрицы Евдокии-Афинаиды (401-460 гг.), жены императора Феодосия II.

---

[1] *Грейвз Р.* Мифы Древней Греции. М.: Прогресс, 1992. 624 с. (оригинал: 1955). Непереведенным остаётся пока трактат «Дочь Гомера» (1955).

С 2013 г. она публикует историческую беллетристику, что дает нам основание утверждать о появлении нового писателя, автора произведений на сюжеты из истории древнего мира, чье творчество подпадает под определение «професорского романа», т.е., такого, автором которого является профессиональный историк (или занимающийся близкими темами филолог или философ).

Таких авторов в исторической беллетристике весьма немного. Из наиболее известных можно назвать египтолога Георга Эберса, специалиста по доколумбовой Америке Ростислава Кинжалова, а из более близких нам по времени – петербуржца Романа Светлова.

Представители «профессорского романа» появляются нечасто. По всей видимости, научных работников вполне удовлетворяет их научная работа, поэтому до беллетристики дело доходит крайне редко. Чтобы заняться fiction, необходимо, помимо таланта, разумеется, еще и большое эмоциональное желание писать о любимых героях, о которых мало что можно сказать в рамках «чистой науки».

В случае с Татьяной Львовной мы, очевидно, имеем как раз такой случай. Ее чувства по отношению к своим героям очень четко выражены. Это и Полла Аргентария, героиня ее первого романа, и, конечно, Евдокия, бесконечная любовь к которой пронизывает всю последнюю ее книгу.

И, безусловно, важнейшим мотивом книг Т.Л. Александровой является христианство, чистая и незамутненная вера, к обретению которой и был направлен ход всемирной истории в конце античности. Дочь афинского философа, ставшая византийской императрицей – это путь и всей европейской цивилизации, преломившийся в жизни одного человека.

День рождения Лукана. М.: ПСТГУ, 2013. 384 с.

«День рождения Лукана» – исторический роман, написанный филологом, переводчиком, специалистом по позднеантичной и раннехристианской литературе. Роман переносит читателя в Рим I в. В основе его подлинная история жизни, любви и гибели великого римского поэта Марка Аннея Лукана. Личная драма героев разворачивается на фоне исторических событий и бережно реконструируемой панорамы Вечного Города. Среди действующих лиц – реальные персонажи, известные из учебников истории: император Нерон и философ Сенека, поэты Стаций и Марциал, писатель-сатирик Петроний и др. По сюжету, поэт Стаций пишет о любви поэта Лукана, погибшего от рук Нерона, и его жены – прекрасной Поллы Аргентарии, которая много лет хранила память о своем муже – и любовь к нему.

Вечный град (сб.). М.: ПСТГУ, 2014. 768 с.

В книгу вошли два исторических романа об эпохе поздней античности и раннего христианства.

Первый роман – «**Перед жертвенником лугдунским»** - переносит читателя во II в. по Р. Х., во времена императора Марка Аврелия, повествуя о веке утонченных языческих интеллектуалов и пламенных христианских мучеников. В центре сюжета – мученичество лугдунских (галльских) исповедников

Действие второго романа – «**Сад заповедный»** - развивается на протяжении второй половины IV - начала V в., в период угасания язычества в христианской империи; в основу его положена история весталки Клавдии, обратившейся в христианство. Фон романа – взятие Рима готами Алариха в 410 г.

Несомненные достоинства романов - увлекательность сюжета, яркие, живые образы (прежде всего, женские), бережное обращение автора с историческим материалом.

Евдокия Августа. Хроника V в. по Р.Х. М.: Изд-во Олега Пахмутова, 2016. 504 с.

Главный, на данный момент, роман Т.Л. Александровой, в котором нашли выражение ввсе основные приемы и навыки художественного повествования, выработанные автором, а также квинтессенция мыслей и чувств об излюбленном персонаже писателя – Афинаиде-Евдокии. Автор словно проживает заново свою жизнь вместе со своей героиней – идеально, так как если бы можно было прожить свою жизнь заново. Издание 2016 г. носит глубоко личный характер и сопровождается рисунками автора.

Вышедшие романы уже позволяют говорить о Татьяне Александровой как о заметном писателе на исторические (античные и византийские) сюжеты. Ее профессиональные интересы служат здесь очень хорошим подспорьем, а талант и сильные эмоции делают это чтение волнительным и запоминающимся.

Глубокие мысли, сильные чувства и грусть по поводу несовершенства стареющего античного мира оказываются мостиком к глубокой и чистой христианской вере. В этом отношении Т.Л. Александрова в пполной мере наследует взглядам отечественной интеллигенции начала XX века (например, Ф.Ф. Зелинского, считавшего античность преддверием «нашего христианского мира») и ляется едва ли не единственным, и уж, во всяком случае, пожалуй, лучшим представителем жанра «профессорского романа» в современной исторической беллетристике.

«ТРАГЕДИЯ О КОРИОЛАНЕ» УИЛЬЯМА ШЕКСПИРА

Д.Е. Богданов

Одной из поздних пьес Шекспира является «Кориолан», опубликованная уже после смерти автора. Как и в своих предыдущих работах на античные темы, Бард берёт за основу популярный сюжет, описанный у римских авторов: Шекспир использует в качестве источников фрагменты «Сравнительных жизнеописаний» Плутарха (Plut. Marc.) и «Истории от основания города» Тита Ливия (Liv., II, 40).

Главный герой трагедии – Кай Марций Кориолан – полулегендарный персонаж, участвовавший в конфликте между плебеями и патрициями в начале V в. до н.э., отличившийся при взятии города Кориол и получивший за это своё прозвище.

Сведения о жизни и смерти Кориолана отличаются у разных авторов; Шекспир следовал версии Плутарха, однако меняет характер персонажа, делая его более общительным.

Кориолан – успешный полководец и отважный воин, настоящий патриот и любящий сын. Но, несмотря на то, что он является воплощением лучших качеств римского гражданина, Вечный город жертвует им ради своего будущего и свободы (Liv., II, 40, 10-11).

Одной из самых сильных сцен не только в этом произведении, но и в творчестве великого английского драматурга в целом считается встреча Кориолана с матерью, Волумнией, убеждающей сына отказаться от той непримиримости и решительности, которые она же в нём и воспитывала, и уступить состраданию (акт III, сцена II). Именно это завершает череду противоречий, определявших жизнь Кориолана, изгнанного из Рима, где он не сумел стать настоящим лидером и вызывал только зависть и ненависть общества, поскольку не желал с ним считаться. Кай Марций гибнет от рук вольсков, которых он же и привёл под стены Вечного города.

Историческая основа этой легенды оспаривается[1], но Шекспир не включает в повествование элементов сверхъестественного, излагая события как реальный исторический сюжет, меняя лишь несущественные детали. В то же время, в тексте пьесы встречаются анахронизмы: упоминаются Катон [Старший] и Александр [Македонский], жившие на несколько веков позже, эпизодические персонажи носят английские имена (Хоб и Дик).

[1] *Моммзен Т.* История Рима. М., 2009. С. 229.

Таким образом, «Кориолан» - венец трагедий Уильяма Шекспира, чтение которого определённо доставит эстетическое удовольствие и перенесёт в эпоху, когда Рим ещё не стал городом, куда ведут все дороги.

ХРОНИКА

НАУЧНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ «КЛАССИЧЕСКАЯ И ВИЗАНТИЙСКАЯ ТРАДИЦИЯ В 2016 Г.

Н.Н. Болгов, М.Ю. Лопатина,
Я.Ю. Иваницкая, Ю.Н. Агаркова, А.Ю. Рышковская

Рейтинг НИРС 2016 г. студентов научного направления КВТ

1	**ТРЕТЬЯКОВА Н.Н.**	М2	Болгов Н.Н.	**233**
2	**РУДНЕВА М.А.**	М2	Болгов Н.Н.	**185**
3	**ЛОПАТИНА М.Ю.**	М1	Болгов Н.Н.	**170**
4	**Кириллов В.М.**	3	Болгов Н.Н.	**112**
5	**Бузанаков Ю.В.**	М1	Болгов Н.Н.	**103**
6	**Бабаян С.В.**	5	Болгов Н.Н.	**89**
7	**Рамбаусик Д.В.**	3	Болгов Н.Н.	**75**
8	**Бузанакова О.В.**	5	Болгов Н.Н.	**72**
9	**Кушниров В.П.**	3	Болгов Н.Н.	**66**
10	**Родина Е.О.**	3	Болгов Н.Н.	**54**

Научные публикации аспирантов и студентов 2016 г.

А.В. Кобзева

1. К вопросу о религиозных взглядах Иоанна Малалы // Научные ведомости БелГУ. Серия История. Политология. № 1(222). 2016. – С. 26-29.

2. Образ императора Константина в «Хронографии» Иоанна Малалы // Империя ромеев во времени и пространстве: центр и периферия. – М.-Белгород, 2016. – С. 107-109.

Ю.Ю. Чуева

1. Св. Олимпиада диаконисса: жизнь без тщеславия // Империя ромеев во времени и пространстве: центр и периферия. – М.-Белгород, 2016. – С. 217-219.

2. Образ Антонины в «Тайной истории» Прокопия Кесарийского // Научные ведомости БелГУ. Серия История. Политология. № 8(229), вып. 38. 2016. – С. 52-54.

Д.Е. Богданов

1. Участие Флавия Стилихона в политической борьбе при дворе императора Аркадия в 395-400 гг. // Империя ромеев во времени и пространстве: центр и периферия. - М.-Белгород, 2016. – С. 24-25.

2. Варвары на службе Западной Римской империи в начале V века // Иресиона. Вып. V. К 30-летию кафедры всеобщей истории НИУ «БелГУ». – Белгород. 2016. – С. 94-97.

3. Варвары на службе Рима в конце IV – начале V вв. // Классическая и византийская традиция. 2016. – Белгород, 2016. – С. 68-70.

4. «Тит Андроник» Шекспира как продолжение античной трагедии // Классическая и византийская традиция. 2016. – Белгород, 2016. – С. 135.

А.В. Курбанов

1. Устройство палестинского монастыря и законодательство Юстиниана о монашестве (на примере монастыря авы Серида) // Научные ведомости БелГУ. Серия История. Политология. № 1(222), вып. 37. 2016. – С. 30-36.

2. Законодательство Юстиниана о монашестве и традиции палестинских монастырей // Империя ромеев во времени и пространстве: центр и периферия. – М.-Белгород, 2016. – С. 119-120.

М.М. Синица

1. Иоанн Лид и его трактат «О месяцах» // Научные ведомости БелГУ. Серия История. Политология. № 1(222). Вып. 37. 2016. – С. 37-42.

2. Трактат Иоанна Лида «О знамениях» и предзнаменования в Константинополе VI в. // Империя ромеев во времени и пространстве: центр и периферия. – М.-Белгород, 2016. – С. 183-186.

3. Проблема эллинизации римских древностей в работах ранневизантийского писателя Иоанна Лида // Каразінські читання (історичні науки). – Харків, 2016. – С. 57-58.

4. Иоанн Лид: проблемы конкорданса изданий // Иресиона. Вып. V. К 30-летию кафедры всеобщей истории НИУ «БелГУ». – Белгород, 2016. – С. 147-175.

5. Образ римской истории в ранней Византии (Зосим и Иоанн Лид) // Проблеми історії країн Центральної та Східної Європи . Збірник наукових праць. Випуск 5. - Кам'янець-Подільський, 2016. - С.187-201 (в соавт. с Н.Н. Болговым).

6. Иоанн Лид, Зосим и Малала о древнеримском язычестве в Ранней Византии // Проблемы истории и археологии Украины. – Харьков, 2016. – С. 63.

7. Сравнение образов древней истории у Иоанна Лида и Иоанна Малалы // Кондаковские чтения – V. – Белгород, 2016. – С. 119-137.

8. Иоанн Лид. О должностях Римского государства. Книга II // Классическая и византийская традиция. 2016. – Белгород. 2016. – С. 166-195.

9. Ранневизантийские историки в современной отечественной историографии // 1917-2017: уроки столетия. Материалы ежегодных Митрофановских церковно-исторических чтений. – Воронеж: ВГУ, 2016. – С. 174-184.

Я.В. Манохин

1. Монашеская школа в ранневизантийской Газе как уникальный институт христианского богословского образования // Империя ромеев во времени и пространстве: центр и периферия. – М.-Белгород, 2016. – С. 143-145.

2. Монашеский интеллектуальный центр в ранневизантийской Газе и его изучение в современной отечественной византологии // 1917-2017: уроки столетия. Материалы ежегодных Митрофановских церковно-исторических чтений. – Воронеж: ВГУ, 2016. – С. 156-161.

3. Антихалкидонская оппозиция в Газе (451-536 гг.) // Молодежь – науке. 2016. Том 8. – Псков, 2016. – С. 26-32.

В.Н. Гордиенко

1. К проблеме сотрудничества язычников и самаритян в позднеантичной Палестине // Иресиона. Вып. V. К 30-летию кафедры всеобщей истории НИУ «БелГУ». – Белгород, 2016. – С. 176-178.

2. Община самаритян Кесарии Палестинской в III-VI вв. // Научные ведомости БелГУ. Серия История. Политология. № 15(236). Вып. 39. 2016. – С. 47-51.

3. К проблеме взаимоотношений и сотрудничества язычников и самаритян в ранневизантийской Палестине // Белгородский диалог – 2016. – Белгород, 2016. – С. 70-74.

М.И. Дорохов

1. Социально–политические выступления исавров во второй половине V в. // Иресиона. Вып. V. К 30-летию кафедры всеобщей истории НИУ «БелГУ». – Белгород, 2016. – С. 134-139.

2. К вопросу об источниках и историографии истории Ранней Византии на примере исавров // Вестник СНО. Вып. XX, ч. 1. – Белгород, 2016. – С. 10-14.

3. Особенности лингвистического подхода при изучении культуры малых народов Малой Азии на примере исавров в V в. // Вестник СНО. Вып. XX, ч. 2. – Белгород, 2016. – С. 9-10.

4. Раскол исаврийской военной знати в конце V в. // Классическая и византийская традиция. 2016. – Белгород, 2016. – С. 114-119.

5. Социально–политические выступления исавров в конце V века // Белгородский диалог – 2016. – Белгород, 2016. – С. 79-83.

Е.Е. Богомаз

1. Письма Прокопия Газского в контексте позднеантичной эпистолографии // Империя ромеев во времени и пространстве: центр и периферия. – М.-Белгород, 2016. – С. 26-28.

2. «Рой мудрых пчел»: адресаты писем Прокопия Газского (просопографический анализ) // Кондаковские чтения – V. – Белгород, 2016. – С. 105-108.

Ю.В. Шелудченко

1. К вопросу о жизни и трудах Кирилла Скифопольского // Империя ромеев во времени и пространстве: центр и периферия. – М.-Белгород, 2016. – С. 224-225.

А.А. Гречухина

1. Философская школа в Александрии и становление философских взглядов Синесия // Империя ромеев во времени и пространстве: центр и периферия. – М.-Белгород, 2016. – С. 68-70.

2. Развитие взглядов Синезия Киренского от неоплатонизма к христианству // Белгородский диалог – 2016. – Белгород, 2016. – С. 74-76.

Н.Е. Третьякова

1. К вопросу о типах военных гарнизонов в Византийской Африке: comitatenses, limitanei, gentiles // Традиционные культуры народов мира: история, интерпретация, восприятие. – Белгород, 2016. – С. 116-118.

2. О причинах упадка византийского господства в Северной Африке // Вестник СНО. Вып. XX, ч. 1. – Белгород, 2016. – С. 24-27.

3. К проблемам истории и источниковедения ранневизантийской Африки // Вестник СНО. Вып. XX, ч. 2. – Белгород, 2016. – С. 16-17.

4. Comitatenses, limitanei, gentiles или типы военных гарнизонов в Византийской Африке (VI в.) // Кондаковские чтения – V. – Белгород. 2016. – С. 145-150.

5. К вопросу о фортификационных сооружениях византийской Африки: башни // Классическая и византийская традиция. 2016. – Белгород, 2016. – С. 88-92.

6. К вопросу о месте и роли Римской Церкви в Африканском экзархате: новые темы отечественной византологии // 1917-2017: уроки столетия. Материалы ежегодных Митрофановских церковно-исторических чтений. – Воронеж: ВГУ, 2016. – С. 193-196.

7. К вопросу о должностных и функциональных обязанностях дукса в Византийской Африке // Белгородский диалог – 2016. – Белгород, 2016. – С. 107-109.

М.А. Руднева

1. Особенности описания Александрии Египетской в трудах позднеантичных авторов // Ломоносов-2016. – М., 2016.

2. Особенности хозяйства Александрии Египетской в ранневизантийский период // Каразінські читання (історичні науки). – Харків, 2016. – С. 56-57.

3. К вопросу о структуре христианской общины ранневизантийской Александрии Египетской // Иресиона. Вып. V. К 30-летию кафедры всеобщей истории НИУ «БелГУ». – Белгород, 2016. – С. 126-130.

4. Междисциплинарный подход в изучении ранневизантийской Александрии Египетской в зарубежной историографии второй половины XX-XXI вв. // Вестник СНО. Вып. XX, ч. 2. – Белгород, 2016. – С. 14-15.

5. Языческая община Александрии Египетской в V веке // Вестник СНО. Вып. XX, ч. 2. – Белгород, 2016. – С. 21-24.

6. Этническая и социальная структура населения ранневизантийской Александрии // Кондаковские чтения – V. – Белгород, 2016. – С. 94-100.

7. Лион Фейхтвангер. «Лже-Нерон» // Классическая и византийская традиция. 2016. – Белгород, 2016. – С. 129-133.

8. Жизнь и деятельность Кирилла Александрийского в современной отечественной историографии // 1917-2017: уроки столетия. Материалы ежегодных Митрофановских церковно-исторических чтений. – Воронеж: ВГУ, 2016. – С. 171-174.

9. Кирилл Александрийский и его оппоненты в 412-415 гг. // Белгородский диалог – 2016. – С. 98-101.

10. Кирилл Александрийский и монашество // Молодежь – науке. 2016. Том 8. – Псков, 2016. – С. 211-213.

Д.С. Гудов

1. Политические речи Фемистия // Белгородский диалог – 2016. – Белгород, 2016. – С. 76-79.

2. Приватные речи Фемистия: Orat. XX // Молодежь – науке. 2016. Том 8. – Псков, 2016. – С. 209-211.

О.В. Бузанакова

1. Кесария Палестинская в системе провинциального управления Византийской империей // Кондаковские чтения – V. – Белгород, 2016. – С. 141-145.

2. Христианская община в Кесарии Палестинской в ранневизантийское время и ее изучение современными учеными // 1917-2017: уроки столетия. Материалы ежегодных Митрофановских церковно-исторических чтений. – Воронеж: ВГУ, 2016. – С. 166-170.

М.Ю. Лопатина

1. Языческие праздники в Газе IV-VI вв. в процессе культурного континуитета // Каразінські читання (історичні науки). – Харків, 2016. – С. 44-45.

2. Театр в позднеантичной Газе: местоположение и устройство // Иресиона. Вып. V. К 30-летию кафедры всеобщей истории НИУ «БелГУ». – Белгород, 2016. – С. 142-147.

3. Исследование Поздней античности в Германии // Вестник СНО. Вып. XX, ч. 1. – Белгород, 2016. – С. 18-21.

4. *Bolgov N., Bolgova A., Shilov V., Lipich V., Penskoy V., Lopatina M.* Studying the Transition Problems from Antiquity to Middle Ages in the Russian Historiography // The Social Sciences 11 (10). 2016. P. 2371-2375. **Scopus**

5. Город-порт Маюма как одна из топографических доминант Газы Палестинской // Кондаковские чтения – V. – Белгород, 2016. – С. 100-105.

6. Научное направление КВТ в 2015 г. // Классическая и византийская традиция. 2016. – Белгород, 2016. – С. 239-260.

7. Положение ранневизантийской Газы на мозаичной карте из Георгиевской церкви в Мадабе: проблемы интерпретации археологической находки // 1917-2017: уроки столетия. Материалы ежегодных Митрофановских церковно-исторических чтений. – Воронеж: ВГУ, 2016. – С. 162-166.

8. Театральные представления в позднеантичной Газе // Белгородский диалог – 2016. – Белгород, 2016. – С. 95-98.

9. Спортивные соревнования и гонки на колесницах в позднеантичной Газе // Молодежь – науке. 2016. Том 8. – Псков, 2016. – С. 22-25.

Ю.В. Бузанаков

1. Антропологическая характеристика сельских некрополей Боспора VI-V в. до н.э. (половозрастной аспект) // Белгородский диалог – 2016. – Белгород, 2016. – С. 54-57.

2. Антропологическая характеристика сельских некрополей Боспора IV – первой трети III в. до н.э. // Молодежь – науке. 2016. Том 8. – Псков, 2016. – С. 25-27.

3. Проблемы изучения антропологических особенностей сельского населения Боспора на современном этапе // Традиционные культуры народов мира: история, интерпретация, восприятие. – Белгород, 2016. – С. 16-17.

4. Антиохия: к истории ранневизантийского города // Классическая и византийская традиция. 2016. – Белгород, 2016. – С. 92-101.

Н.А. Богомаз

1. Военный эдикт Анастасия I в контексте Исаврийской войны // Империя ромеев во времени и пространстве: центр и периферия. – М.-Белгород, 2016. – С. 28-30.

2. Об обряде коронации Анастасия I // Кондаковские чтения – V. – Белгород, 2016. – С. 108-114.

С.В. Бабаян

1. Мозаичное искусство Гордиона // Кондаковские чтения – V. – Белгород. 2016. – С. 6-9.

2. Мозаики Зевгмы // Классическая и византийская традиция. 2016. – Белгород, 2016. – С. 20-26.

3. Храм в Гарни: мозаичное искусство // Белгородский диалог – 2016. – Белгород. 2016. – С. 68-70.

С.В. Плужник

1. Социально-экономическое развитие Галилеи в ранневизантийский период // Кондаковские чтения – V. – Белгород, 2016. – С. 138-141.

Н.О. Кривко

1. Генезис связи души и тела: к византийскому пониманию // Классическая и византийская традиция. 2016. – Белгород, 2016. – С. 119-124.
2. Душа в ее тождестве и различии с телом: от античного к византийскому пониманию (проблемы современной христианской интерпретации) // 1917-2017: уроки столетия. Материалы ежегодных Митрофановских церковно-исторических чтений. – Воронеж: ВГУ, 2016. – С. 189-193.
3. Описание облика людей в поэме «Экфрасис» Христодора Коптского // Белгородский диалог – 2016. – Белгород, 2016. – С. 87-92.

А.Н. Гринева (Алейникова)

1. Научное направление КВТ в 2015 г. // Классическая и византийская традиция. 2016. – Белгород, 2016. – С. 239-260.

А.С. Кушнир

1. Научное направление КВТ в 2015 г. // Классическая и византийская традиция. 2016. – Белгород, 2016. – С. 239-260.

В.О. Бавтрукович

1. Монашеские общества позднеантичной Газы // Классическая и византийская традиция. 2016. – Белгород, 2016. – С. 83-85.

В.М. Кириллов

1. III книга «Хроники» Захарии Ритора как исторический источник // Иресиона. Вып. V. К 30-летию кафедры всеобщей истории НИУ «БелГУ». – Белгород, 2016. – С. 139-142.
2. Развитие микроистории как ответ на вызовы глобализации // Вестник СНО НИУ «БелГУ». Вып. XX, ч. 2. – Белгород, 2016. – С. 10-11.
3. Захария Митиленский о событиях 457 г. в Александрии // Классическая и византийская традиция. 2016. – Белгород, 2016. – С. 101-106.
4. Сюжеты античной литературы в «Декамероне» Джованни Боккаччо // Классическая и византийская традиция. 2016. – Белгород, 2016. – С. 133-135.
5. Хроника Псевдо-Захарии. IV, 1-2 // Классическая и византийская традиция. 2016. – Белгород, 2016. – С. 195-199.
6. Сведения нецерковного характера в I-III книгах «Хроники» Псевдо-Захарии и оценки современных ученых // 1917-2017: уроки

столетия. Материалы ежегодных Митрофановских церковно-исторических чтений. – Воронеж: ВГУ, 2016. – С. 184-188.

7. Халкидонский собор и его последствия в «Церковной истории» Захарии Митиленского // Белгородский диалог – 2016. – Белгород, 2016. – С. 83-87.

Е.О. Родина

1. Рост турецкой диаспоры в Германии и проблемы ее интеграции // Каразінські читання (історичні науки). – Харків, 2016. – С. 89-90.

2. Эволюция паломничества в I-VII веках // Классическая и византийская традиция. 2016. – Белгород, 2016. – С. 70-75.

Д.В. Рамбаусик

1. Раввинские академии в III-V вв. и оформление Талмуда // Традиционные культуры народов мира: история, интерпретация, восприятие. – Белгород, 2016. – С. 110-112.

2. Иудейская философия в средние века // Белгородский диалог – 2016. – Белгород, 2016. – С. 117-121.

В.П. Кушниров

1. Иоаннова запятая // Иресиона. Вып. V. К 30-летию кафедры всеобщей истории НИУ «БелГУ». – Белгород, 2016. – С. 120-126.

2. Проблемы разночтений и фрагментарности источников и особенности их анализа на примере исследования феномена «Иоанновой вставки» // Вестник СНО НИУ «БелГУ». Вып. XX, ч. 2. – Белгород, 2016. – С. 11-12.

3. Эфесский и Халкидонский соборы: корысть или поиск истины // Классическая и византийская традиция. 2016. – Белгород, 2016. – С. 75-79.

4. Роль и участие палестинских монахов в монофизитских и оригенистских спорах // Белгородский диалог – 2016. – Белгород, 2016. – С. 92-95.

В.А. Сподина

1. Юстинианова чума в городах Сирии и Палестины // Белгородский диалог – 2016. – Белгород, 2016. – С. 104-107.

2. Землетрясения и эпидемии в Ранней Византии // Молодежь – науке. 2016. Том 8. – Псков, 2016. – С. 32-36.

Ю.А. Терлецкая

1. Медицина в средневековой Европе // Белгородский диалог – 2016. – Белгород, 2016. – С. 121-125.

А.Г. Ахтырцева

1. Языческий монотеизм в поздней античности: эллинистическая диаспора иудеев // Классическая и византийская традиция. 2016. – Белгород, 2016. – С. 26-30.
2. Античные археологические отряды БелГУ в 2016 г. // Классическая и византийская традиция. 2016. – Белгород, 2016. – С. 261-265 (в соавт.).
3. Языческий монотеизм в поздней античности // Белгородский диалог – 2016. - Белгород, 2016. – С. 64-68.

Н.В. Жукова

1. Экономическое развитие восточных областей ранневизантийской Палестины // Классическая и византийская традиция. 2016. – Белгород, 2016. – С. 85-88.
2. Античные археологические отряды БелГУ в 2016 г. // Классическая и византийская традиция. 2016. – Белгород, 2016. – С. 261-265 (в соавт.).
3. Декаполис – пример города эллинистической Палестины // Белгородский диалог – 2016. – С. 16-19.

М.В. Мишенина

1. Сравнительная характеристика муниципальной и военной знати Ранней Византии // Классическая и византийская традиция. 2016. – Белгород, 2016. – С. 79-83.
2. Античные археологические отряды БелГУ в 2016 г. // Классическая и византийская традиция. 2016. – Белгород, 2016. – С. 261-265 (в соавт.).
3. Муниципальная знать городов Ранней Византии и ее место среди прочих элит // Белгородский диалог – 2016. – Белгород. 2016. – С. 39-43.

К.А. Радченко

1. Научное направление КВТ в 2015 г. // Классическая и византийская традиция. 2016. – Белгород, 2016. – С. 239-260.
2. Античные археологические отряды БелГУ в 2016 г. // Классическая и византийская традиция. 2016. – Белгород, 2016. – С. 261-265 (в соавт.).

Д.Е. Юрченко

1. Античные археологические отряды БелГУ в 2016 г. // Классическая и византийская традиция. 2016. – Белгород, 2016. – С. 261-265 (в соавт.).

Доклады на научных конференциях 2016 г.
Художественная литература по истории

Лопатина М.Ю.
Ахтырцева А.Г.
Балацюк Е.С.
Жукова Н.В.
Мишенина М.В.
Юрченко Д.Е.
Богданов Д.Е.
Бузанаков Ю.В.
Кириллов В.М.
Кушниров В.П.
Руднева М.А.
Третьякова Н.Е.

Белгородский диалог

Алейникова А.Н.
Бузанаков Ю.В.
Бабаян С.В.
Гордиенко В.Н.
Гречухина А.А.
Гудов Д.С.
Лопатина М.Ю.
Кривко Н.О.
Кушнир А.С.
Богданов Д.Е.
Костюкович А.А.
Дорохов М.И.
Кириллов В.М.
Кушниров В.П.
Руднева М.А.
Минаев Е.С.
Третьякова Н.Е.
Сподина В.А.
Сапенко В.Ю.

Рамбаусик Д.В.
Терлецкая Ю.А.
Лукашевич Е.А.

Археологический сезон

Кириллов В.М.
Жукова Н.В.
Юрченко Д.Г.

Каразинские чтения (Харьков, Украина)

Лопатина М.Ю.
Руднева М.А.
Синица М.М.
Родина Е.О.

Научная сессия к 30-летию кафедры всеобщей истории БелГУ

Бузанаков Ю.В.
Кушниров В.П.
Руднева М.А.
Богданов Д.Е.
Дорохов М.И.
Лопатина М.Ю.
Синица М.М.
Костюкович А.А.
Алымова С.В.

XXI Всероссийская сессия по византологии

Богомаз Е.Е.
Чуева Ю.Ю.
Гречухина А.А.
Манохин Я.В.
Богданов Д.Е.
Головина О.В.
Кобзева А.В.
Синица М.М.
Шелудченко Ю.В.
Богомаз Н.А.

Традиционные культуры народов мира

Бузанаков Ю.В.
Руднева М.А.

Третьякова Н.Е.
Рамбаусик Д.В.
Алымова С.В.

Ломоносов-2016 (Москва)

Головина О.В.

Мой мир – моя история

Третьякова Н.Е.
Мишенина М.В.
Юрченко Д.Е.
Кириллов В.М.
Дорохов М.И.
Руднева М.А.

Кондаковские чтения–V – Классическая и византийская традиция

Бабаян С.В.
Балацюк Е.С.
Родина Е.О.
Алымова С.В.
Сапенко В.Ю.
Кривко Н.О.
Кушниров В.П.
Дорохов М.И.
Богомаз Н.А.
Синица М.М.
Гущин Е.В.
Бузанаков Ю.В.
Руднева М.А.
Кириллов В.М.
Алимова О.В.
Плужник С.В.
Жукова Н.В.
Богомаз Е.Е.
Третьякова Н.Е.

Митрофановские чтения (Борисоглебск)

Алимова О.В.
Бабаян С.В.
Синица М.М.
Кириллов В.М.

Кривко Н.О.
Руднева М.А.
Лопатина М.Ю.
Манохин Я.В.

Путешествие в античность

Третьякова Н.Е.

Славные даты - 2016

Ахтырцева А.Г.
Бавтрукович В.О.
Бузанакова О.В.
Дорохов М.И.
Кириллов В.М.
Третьякова Н.Е.
Бабаян С.В.
Кушниров В.П.
Лопатина М.Ю.
Мишенина М.В.
Руднева М.А.
Ткаченко С.А.

Молодежь – науке (Псков)

Лопатина М.Ю.
Бузанаков Ю.В.
Сподина В.А.
Манохин Я.В.

КИТЕЙСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ 2017

Н.А. Богомаз

Боспорский город Китей, с которым уже 40 лет неразрывно связана судьба белгородских студентов-историков, вновь собрал этим летом неравнодушных к античной археологии людей.

Группа студентов, магистрантов и аспирантов кафедры всеобщей истории, членов проблемной группы «Классическая и византийская традиция» и РОО «Византийский клуб», вновь выехала на наше родное и любимое место у Черного моря, в археологическую экспедицию ННГУ - БелГУ.

12 июля мы высадились у домика рыбаков, который ровно год назад точно так же дал нам кров и спрятал от крымского зноя. Очень быстро наши палатки облепили бывшую рыболовецкую базу и к вечеру, прямо у спуска к старому пляжу, вырос настоящий «китейский» квартал, по соседству с которым в степи (в пределах видимости) обосновались еще две питерские экспедиции. Следующие три недели нам предстояло провести в достаточно экстремальных условиях: никакой электротехники, питьевая вода в пятилитровых бутылках, а мороженое и прочие сладости - в селе за 8 километров от лагеря.

Однако влиться в рабочий ритм удалось мгновенно, ведь большинство участников – это ветераны экспедиции и матёрые «китейцы». Для всех же новичков первый день традиционно начался с экскурсии по территории городища, которую провёл начальник экспедиции – доктор исторических наук Евгений Александрович Молев (основатель нашей кафедры всеобщей истории, ныне профессор ННГУ).

После этого день завершился расчисткой и подготовкой прошлогодних раскопов к работе. В этом сезоне нам предстояла работа на двух участках. Один – это раскоп I - юго-западная часть городской стены с башней, в которой, предположительно угадывалась часть древнего акрополя. Второй – это раскоп IV, возобновленный в 2016 г., открывший фундаменты зданий и принёсших ярчайшую находку – блюдо епископа VI в. с крестом в технике сграффито. И к раскопу I, и к раскопу IV было принято решение дополнительно прирезать несколько новых квадратов, на которых и предполагались основные работы.

На раскопе IV, в первые же дни, в прирезке с юга была расчищена стена с каменным проходом. Но дальше, в прирезке с запада, началась тяжелая работа: предстояло пробиться сквозь завал камней мощностью в 8-9 штыков и добраться да уровня предполагаемого материка. Дух участников экспедиции заметно падал. Но поднять его помогали прекрасная полевая кухня в исполнении Оксаны Николаевны Рамбаусик и ее помощниц, солнечная крымская погода и выходные дни, в которые были организованы поездки в Керчь. Среди прочих достопримечательностей в Керченском музее древностей можно было посмотреть на прошлогодние трофеи - находки Китейской экспедиции 2016 года.

А тем временем ряды палаток в нашем «квартале» редели, и к концу сезона в лагере остались лишь самые стойкие 15 человек. Только к середине третьей недели на 12-м штыке IV раскопа открылся второй, симметричный первому, проход в стене, стали более-менее ясны очертания нового помещения, раскоп порадовал нас богатым археоло-

гическим материалом. Среди этих находок: два изящных светильника, большое количество фрагментов стеклянной посуды, несколько бронзовых монет, бронзовое зеркальце, большая стеклянная бусина, а также большое количество разнообразных стенок сосудов со следами ремонта и свинцовыми скобами и железные гвозди. Особенно порадовал нас византийский император Юстиниан (но об этом мы специально напишем после публикации редчайших находок). Весьма выразительная природная трещина пересекла всё вновь открытое помещение, в углу которого был найден крупный пифос (глиняная «бочка»).

На раскопе I ситуация выглядела таким же образом. Во время раскопок этого квадрата были обнаружены: звенья бронзовой кольчуги позднеантичного воина (возможно, гота), два маленьких бальзамария – глиняный и стеклянный, небольшая курильница, множество отполированных астрагалов и т.д. Также в стене был обнаружен камень с закладной жертвой, среди костей которой, возможно, находятся кости младенца. В центре квадрата также был открыт выразительный и почти целый пифос. Идея о том, что этот участок прилегал к городскому акрополю, пока не подтвердилась. Тем временем, близилось 31 июля, завершение работ, и наш «квартал» постепенно замирал и готовился впасть в долгую зимнюю спячку - до следующего лета. В целом, как отметили все участники, сезон был не только богат на уникальные находки (которые будут представлены на конференции по итогам археологического сезона в конце октября), но и на новые знакомства, и хорошо проведенное время. У нас появились новые друзья из Нижнего Новгорода. Три недели в степи, а также единственная ночная гроза и дождь позволили нам в очередной раз ощутить себя настоящим полисом - общиной людей, которые вместе живут без всякой цивилизации, обеспечивая свой быт, работу и отдых.

До свидания, Китей! Нашими стараниями ещё один удачный год был вписан в долгую летопись Китейской экспедиции, с которой в 1970-е годы началась (и продолжается поныне) классическая археология в нашем университете.

<u>Состав отряда:</u>
Молев Е.А. (Нижний Новгород)
Болгов Н.Н.
Молева Н.В. (Нижний Новгород)
Парфенов В.Н. (Саратов)
Синица Марина
Руднева Мария
Третьякова Наталья
Богомаз Никита

Гринёва Ангелина
Родина Екатерина
Кириллов Владимир
Рамбаусик Диана
Жукова Нина
Красикова Ирина
Васильев Александр
Грозов Степан (Нижний Новгород)
Горбачёва Вера (Нижний Новгород)
Малютина Светлана (Нижний Новгород)
Рамбаусик Оксана Николаевна
Горбоконь Егор
Набеулина Ольга
Рамбаусик Анастасия
Рамбаусик Ярослава.

СТРАНА ГРАНАТА, ГОР И АРАРАТА

Н.Е. Третьякова, Н.О. Кривко,
С.В. Бабаян, М.А. Руднева

С 31 марта по 07 апреля 2017 г. преподаватели и студенты историко-филологического факультета Педагогического института НИУ

«БелГУ»[1] приняли участие во II летней историко-археологической школе в Республике Армения с целью посещения и изучения историко-культурного наследия региона в рамках реализации проекта международного сотрудничества между Белгородским государственным научно-исследовательским университетом (РФ) и Ереванским государственным университетом (РА).

К наиболее раннему периоду относится памятник-городище Мецамор, культурные слои которого датируются тремя периодами бронзового века, периодом раннего и развитого железа и эпохой средневековья. Среди находок особое место занимают агатовая лягушка-гирька (XVI в. до н.э.) и сердоликовая печать с египетскими иероглифами (XV в. до н.э.). Эллинистическая архитектура в Армении представлена языческим храмом Солнца в Гарни (I в. до н.э.).

Храм в Гарни (I в.)

Следующим объектом посещения стал комплекс Звартноц, смысловым центром которого является «Храм Бдящих ангелов». Кроме собора на территории комплекса сохранились фрагменты римской бани, остатки базилики V в., винохранилище.

За время проведения Школы удалось посетить ряд армянских монастырей, которые в своей совокупности являются образцами средневековой архитектуры. К числу наиболее известных относятся: комплекс Эчмиадзин – религиозный центр страны, центром которого является главный храм Армянской апостольской церкви и резиденция Каталикоса; монастырь Хор Вирап, расположенный у Арарата – место принятия Арменией Христианства, как государственной религии в 301

[1] Руководитель проекта и куратор школы – зав. кафедрой всеобщей истории Н.Н. Болгов. Первая школа состоялась в августе 2015 г.

г.; Гегардаванк – монастырский комплекс, название которого происходит от копья Лонгина, которым пронзили тело Иисуса Христа на Кресте, и, как утверждается, привезённого в Армению апостолом Фаддеем в числе многих других реликвий. На территории монастырского комплекса имеются многочисленные вырезанные на каменных стенах и отдельно стоящие хачкары — традиционные армянские каменные стелы с крестами; Нораванк – монастырский комплекс XIII в., располагающийся на уступе ущелья, которое славится отвесными красными скалами.

Отдельно стоит отметить посещенный участниками школы Гладзорский университет — армянской Сорбонны — основание которого относят к 1282 году. Гладзор являлся высшим учебным заведением средневековой Армении.

Также программой школы было предусмотрено посещение музея Эребуни и Урартской крепости (основание: 782 г. до н.э.). В связи с тем, что Эребуни располагался внутри Еревана, а также благодаря возможной этимологической связи слов «Эребуни» и «Ереван», Эребуни отождествляют с Ереваном, считая 782 г. до н.э. годом основания последнего. Особое впечатление на участников школы произвело посещение мемориала Цицернакаберд и музея геноцида Армян.

Помимо историко-археологических памятников, удалось увидеть и природные: озеро Севан, горнолыжный курорт Цахкадзор, Сис и Масис (Малый Арарат и Большой Арарат, соответственно), Большой Кавказ, проехать по Дарьяльскому ущелью. Узнать, что символом Армении, наряду с Араратом, является гранат, приобрести новые знакомства и получить массу положительных эмоций!

Состав участников:
Болгов Н.Н.
Руднева Мария
Третьякова Наталья
Бабаян Светлана
Кривко Наталья.

I ВСЕРОССИЙСКАЯ ЛЕТНЯЯ ШКОЛА ПО ВИЗАНТОЛОГИИ В БЕЛГУ

М.М. Синица, М.Ю. Лопатина

В оздоровительном комплексе НИУ «БелГУ» «Нежеголь» прошла I всероссийская летняя византологическая школа под эгидой

Национального комитета византинистов РФЭ, при участии Белгородского отделения РОО «Византийский клуб».

Модераторами школы выступили: в.н.с. МГУ им. М.В. Ломоносова, ответственный секретарь Национального комитета византинистов РФ и журнала «Византийский временник» МВ. Грацианский, доц. МГУ им. М.В. Ломоносова П.В. Кузенков.

Организаторы школы – заведующий кафедрой всеобщей истории НИУ «БелГУ» Н.Н. Болгов и преподаватели кафедры И.В. Денисова, М.Л. Рябцева, А.М. Болгова.

Участниками школы стали аспиранты и студенты, специализирующиеся на византологической тематике, из различных городов России: Москвы, Санкт-Петербурга, Екатеринбурга, Нижнего Новгорода, Тулы и Белгорода.

Выбор Белгорода в качестве места проведения школы был обусловлен уровнем развития византинистики в НИУ «БелГУ», где сформирован собственный научный центр по изучению позднеантичной и ранневизантийской тематики. Кроме того, Белгородчина является родиной выдающихся историков, внесших важный вклад в развитие отечественной византинистики и медиевистики – академика Н.П. Кондакова, митрополита Макария (Булгакова), И.М. Гревса.

В первый день школы прошёл заезд и знакомство участников в форме эссе о своём пути в науку, о выборе данной проблематики, были проведены вводные семинары и презентации. В последующие дни проходила защита исследовательских проектов участников школы, по которым проводилась краткая дискуссия. В рамках школы прошли семинары Михаила Грацианского и Павла Кузенкова, на которых обсуждались основные проблемы византийской истории и отечественной византинистики.

Участники защитили проекты по различным темам: наследию ранневизантийских писателей Синезия Киренского (IV-V вв.), Захарии Митиленского (V в.), Гесихия Милетского и Иоанна Лида (VI в.), Анастасия Синаита (VII в.), проблемам позднеантичного воинского этоса, паломничества и столпничества в ранней Византии, формированию культа Девы Марии, символике образа пророка Ионы в ранневизантийском искусстве, специфике погребальных религиозных обрядов на Боспоре, языческо-христианской борьбе в Александрии Египетской в конце IV в., деятельности придворного V в. Урбикия.

На византологической школе также были представлены презентации, характеризующие специфику деятельности белгородской научной школы: зарубежные научные поездки преподавателей и студентов для ознакомления с материальным наследием поздней античности и

Византии; методика изучения древнегреческого языка на историко-филологическом факультете и в проблемной группе; работа археологической экспедиции на античных и византийских памятниках, работа читательского клуба «LIBERE - VIVERE» на историко-филологическом факультете.

Итоговая дискуссия носила конструктивный характер. В целом было отмечено, что данный проект не только актуализирует многие важные проблемы византиноведения, но и развивает научные связи между различными византологическими центрами, между молодыми учеными. Было единодушно решено продолжить проведение школы, расширив тематику мастер-классов и лекций, а также обратить внимание на расширение общественного звучания современной византинистики как основы отечественной цивилизационной традиции.

Вторая школа должна состояться летом 2018 года.

Состав участников:

Норкин Константин (Москва)
Мирошниченко Евгений (Санкт-Петербург)
Ермак Елена (Санкт-Петербург)
Назаров Андрей (Екатеринбург)
Данилов Андрей (Нижний Новгород)
Шушунова Елена (Тула)
Синьковский Дмитрий (Тула)
Синица Марина
Третьякова Наталья
Руднева Марина
Богомаз Никита
Кириллов Владимир
Родина Екатерина
Лопатина Марина (Белгород).

ВИЗАНТИЙСКИЙ КЛУБ В БЕЛГОРОДЕ

Н.Н. Болгов, М.Л. Рябцева, И.В. Денисова,
М.Г. Сапожникова, Т.Н. Журавлева

В конце 2015 г. в Москве была учреждена Российская общественная организация «Византийский клуб». Приблизительно в то же время по инициативе митрополита Белгородского и Старооскольского Иоанна началась работа по созданию Византийского клуба в Белгороде. Идея нашла понимание на историческом факультете МГУ и в

Национальном комитете византинистов РФ. В результате, на основе Научного направления НИУ «БелГУ» «Классическая и византийская традиция» и кафедры всеобщей истории было создано Белгородское отделение РОО «ВК».

В течение 2016 г. было проведено Осеннее заседание, в котором принял участие заместитель директора ИВИ РАН д.и.н. М.В. Бибиков, а также ведущие научные сотрудники МГУ М.В. Грацианский, П.В. Кузенков, Н.И. Быстрицкий.

В 2017 г. работа ВК продолжилась. Было проведено два заседания – Весеннее и Осеннее.

15 марта в НИУ «БелГУ» прошло Весеннее заседание Белгородского отделения «Византийского клуба». В его работе приняли участие ректор НИУ «БелГУ» Олег Николаевич Полухин, митрополит Белгородский и Старооскольский Иоанн, ведущие научные сотрудники исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова М.В. Грацианский, П.В. Кузенков, Н.И. Быстрицкий, представители белгородской общественности, преподаватели и студенты.

Российская общественная организация «Византийский клуб» - это культурно-просветительская и общественно-политическая площадка, миссия которой состоит в формировании повестки по возрождению цивилизационной идентичности как в России, так и за её пределами. Деятельность Византийского клуба тесно связана с Общественной палатой РФ, Международным Византийским клубом, парламентскими комиссиями, структурами Министерства иностранных дел. В этой связи в ВК идет работа по налаживанию отношений с общественными организациями, политическими силами, деятелями культуры и образования как православных стран (Греция, Кипр, Сербия, Болгария и др.), так и государств, где византийская традиция существовала исторически (Турция, Сирия, Египет, Ирак). Задача «Византийского клуба» — актуализация исторического и культурного наследия великой восточно-христианской цивилизации, научных исследований, а также развития дружественных связей народов, проживающих на исторической территории византийского мира и их культурных коммуникаций. Заседания клуба направлены на обсуждение проблемных вопросов истории, культуры, духовных начал византийского мира, восстановления общего цивилизационного единства и развития интеграционных процессов в восточно-христианском мире. Важное место в работе ВК также занимает крымская тема.

Созданное весной 2016 г. Белгородское отделение РОО «ВК» под эгидой Белгородской митрополии и НИУ «БелГУ» сосредоточило

свою деятельность преимущественно в образовательной и научной сфере. В учебные планы НИУ «БелГУ», в отличие от большинства университетов страны, включены курсы византологии, классических языков, спецкурс «Византийские основы отечественной цивилизационной традиции», ведутся археологические работы на византийских памятниках Крыма.

На заседании 15 марта учеными из МГУ были сделаны доклады об истоках византийской традиции, ее отличиях от западноевропейской, о понимании времени в восточно-христианской традиции, о Византии как единстве в многообразии. В дискуссии и выступлениях также была затронута тема 100-летия исторических событий 1917 г. и подчеркнута необходимость актуализации знаний об истоках восточно-христианской традиции.

Участники и гости заседания отметили высокий уровень работы Белгородского отделения ВК, которое занимает ведущие позиции среди региональных отделений.

Также была отмечена роль Белгородской области как духовно-нравственного ориентира среди регионов РФ, где осуществляются системные целенаправленные усилия по гармонизации человеческих отношений, воспитанию нравственной и всесторонне развитой личности, формированию солидарного общества на основе отечественных цивилизационных традиций.

В Осеннем заседании клуба 6 декабря приняли участие известные учёные, преподаватели, представители духовенства, ректората и, конечно же, студенты историко-филологического факультета Педагогического института НИУ «БелГУ».

Координатор работы «Византийского клуба» Н.Н. Болгов, отвечая на вопросы журналистов, отметил, что в заседании участвуют ведущие специалисты в области крымской и византийской тематики.

– Речь пойдёт о Крыме как регионе Византии, поскольку Византия, православный мир – это единство в многообразии, - подчеркнул Николай Николаевич. *– Параллели с сегодняшним днём напрашиваются сами собой, потому что в аспекте геополитического положения, исторической роли Крым в составе Византии похож на Крым в составе России*.

Участников конференции приветствовал ректор НИУ «БелГУ», доктор политических наук, профессор О.Н. Полухин, который подчеркнул высокую историческую роль Крыма в формировании восточно-христианского мира.

– Благодаря созданию «Византийского клуба» мы имеем возможность представлять византийское движение в России и участво-

вать в его работе. Я думаю: нет сомнений в том, что именно Крым связал Византию с нашим государством, положив начало слиянию культур. Уверен, что сегодняшний разговор о Крыме как о регионе Византии поможет нам глубже понять значение восстановления единства Российской Федерации, – сказал Олег Николаевич.

Митрополит Белгородский и Старооскольский Иоанн отметил, что заседание Византийского клуба проходит в день памяти святого благоверного великого князя Александра Невского.

– *Сегодня мы освятили храм в честь Александра Невского, молились, чтобы на нашей земле был мир. Хочу сказать, что результаты работы Византийского клуба наполняют нас надеждой на то, что мы сможем ответить на те вызовы и вопросы, которые встают перед нами сегодня*, – сказал владыка Иоанн.

Ведущий научный сотрудник МГУ им. М.В. Ломоносова М.В. Грацианский, говоря о значении итогов работы Византийского клуба, отметил, что клуб должен выходить на всероссийский уровень.

С докладом «Византийский мир: единство и многообразие» выступил заведующий кафедрой социального и гуманитарного образования Крымского республиканского института постдипломного педагогического образования, историк, археолог, доктор исторических наук Ю.М. Могаричев. Участники заседания обсудили своеобразие исторического пути крымского региона в эпоху империи ромеев. Обращалось внимание на особенности политической организации, культурной и религиозной жизни.

Заведующая музеем истории НИУ «БелГУ», кандидат исторических наук И.В. Денисова представила доклад «Славяне в Византии: проблемы взаимоотношений».

В докладе о. Александра (Ярового) были затронуты проблемы межгосударственныз отношений Византии с ее соседями. Он поведал присутствующим о тонкой и гибкой системе византийской дипломатии, с помощью которой многонациональная и многоконфессиональная Империя могла сопротивляться многим внешним угрозам.

В конце заседания состоялась оживлённая дискуссия на темы докладов. После этого были подведены итоги работы Белгородского отделения за прошедший год. О. Н. Полухин предложил опубликовать материалы Византийского клуба в специальном альманахе и пригласил лучших студентов и аспирантов факультета принять участие в поездке в Екатеринбург по местам памяти семьи последнего российского императора.

Был принят план работы на 2018 год, в котором важное место займет выпуск периодического альманаха Клуба.

Содержание

ПЕРЕВОДЫ

Научное издание

КЛАССИЧЕСКАЯ И ВИЗАНТИЙСКАЯ ТРАДИЦИЯ. 2017

Сборник материалов XI научной конференции

Электронное издание

Публикуется в авторской редакции

Оригинал-макет подписан 19.12.2017. Формат 60×90/16
Гарнитура Times New Roman. Усл. п. л. 30,9. Заказ 324
Оригинал-макет подготовлен в ИД «Белгород» НИУ «БелГУ»
308015 г. Белгород, ул. Победы, 85